

Ярослава Раскольниковова

Вавилон

Пламя

Наемница Лилит привыкла к грязной и неблагодарной работе: выслеживанию неугодных, добыче компромата и заказным убийствам — всему тому, чем брезгают ее знатные клиенты. Все на свете для нее — разменная монета, которую не жалко заплатить за еще одну строчку в своем послужном списке. Но очередной заказ меняет расстановку на игровом столе, и тот, кто привык выступать в роли охотника, внезапно становится добычей. Роковая охота, возглавляемая домом Валор, ставит на кон все — репутацию, рассудок, жизнь. Под гнетом ужасающих обстоятельств Лилит должна сделать то, что делала всегда — выжить, и выполнить заказ.

Обстоятельства гонят Лилит вперед, заставляя балансировать над пропастью, но главный враг все ещё ждёт своего часа, грозясь уничтожить ее изнутри.

— Иди, — глубокий, властный голос резко выделялся из ропота толпы. Он прозвучал в ушах звоном большого колокола, отозвавшись эхом в груди и теле. Высокая девочка утерла покрасневший от слез нос. Она стояла, вперившись в землю перед собой, не в силах поднять глаза.

В руке она сжимала маленький узелок, вцепившись в него до белых костяшек. Волнистые волосы цвета воронова крыла были лохматыми и неухоженными, и ниспадали на лицо девочке, прикрывая ее тщетные попытки не разрыдаться.

Девочка оторвала от земли затравленный взгляд. Волосы открыли ее бледное, худое лицо с дрожащими на нем губами.

Вся их небольшая деревня собралась вокруг. Кто-то смотрел на девочку с презрением, кто-то с осуждением, кто-то не смотрел вовсе. Чуть поодаль женщина буднично отчитывала трехлетнего сынишку в льняной сорочке за какой-то пустяк.

Мужчина с большими залысинами, стоявший перед девочкой, скрестил руки на груди. В бороде его настойчиво пробивалась седина, постепенно беря свое.

Девочка почувствовала, как резко подкатившие слезы сдавливают ей горло. Она сдерживалась изо всех сил, но губы ее прыгали, а слезы все равно катились из глаз упрямыми ручьями.

— Иди, — повторил мужчина, громче и настойчивей. — Иди, и да простит тебя Бог за то, что ты натворила.

Пожилая женщина из толпы презрительно сплюнула на землю. Утирая глаза, девочка развернулась. После нескольких шагов она не выдержала: рыдания с хрипом вырвались из ее горла. Ее тело сотрясалось от плача, но она продолжала идти, мелко ступая по дорожной пыли босыми ступнями. Кто-то из бывших односельчан бросил в нее камнем. Он больно ударил девочку по лодыжке.

Она шла вперед, не оборачиваясь, пока деревня не скрылась за холмом. Ей казалось, что если она посмотрит назад, то не сможет идти дальше. Сядет прямо здесь и будет ждать голодной смерти, смотря на свой дом, на то, как каждый вечер затапливают печи, как косят поле, как во дворах играют дети. Как жизнь продолжает идти своим чередом. Без нее.

Что-то подсказывало ей, что оборачиваться нельзя, и она слушалась этого чего-то. Потому что больше у нее ничего не осталось.

Со временем слезы перестали. Девочка чувствовала себя опустошенной. Она смотрела на дорогу перед собой, понятия не имея, куда направляется. Ноги извалились в грязи и пыли, камни ранили стопы, грубая ткань сарафана скребла свежий ожог. Ее это не заботило; боль пробивалась к девочке вяло и приглушенно, словно чей-то разговор сквозь сон.

Девочка остановилась только когда стало настолько темно, что она больше не видела ни дороги, ни собственных ног. Она сошла на травяную обочину. Под ее пальцами юркнул мышинный хвост, хозяйка которого быстро исчезла в норке.

Девочка легла на траву и долго смотрела на беззвездное небо. Спустя бесчисленное количество мин (единица измерения времени в Северном Королевстве, время, за которое прогорает свечка длиной в одну палайсту (около 8 минут(прим.))) она наконец позволила себе закрыть опухшие, уставшие глаза. Сон моментально проглотил ее.

Девочку разбудил шум повозки, прогремевшей мимо на разболтанных колесах. Она

резко закашлялась от пыли. Новый день не дал ей даже нескольких мгновений блаженного неведения, которые наступают после пробуждения.

Девочка поднялась на ноги и сощурилась на яркое солнце. В ней проснулось немного воли к жизни. Достаточно, чтобы встать и продолжить свой путь в неизвестное.

Девочка понятия не имела, что ожидало ее впереди — она никогда не покидала окрестностей родной деревни. Отец всегда говорил, что дальше соленого озера пути нет. Особенно для детей.

От воспоминаний о доме сердце защемило, и в горле снова встал ком. Девочка заплакала, тихо и без слез.

На второй день скитаний ей повезло. Она обнаружила на дороге все еще вполне съедобный кочан капусты, видимо, свалившийся с той самой повозки. Жухлые листья только раззадорили аппетит, и девочка решила съесть немного хлеба — единственную еду, которую ей дали с собой. Она хотела съесть совсем немного, но все продолжала механически отрывать от краюхи, жевать и глотать. Она очнулась, только когда хлеба в ее руках уже не было.

Следующий день прошел как в тумане. Девочка шла, повинуюсь неведомому инстинкту, ведущему ее вперед чуть ли не помимо ее воли. Сердце болело, ноги едва повиновались ей, голова кружилась. Перспектива голодной смерти стала казаться почти привлекательной.

С темнотой она снова уснула на обочине, в этот раз без созерцаний неба, мыслей и сновидений. Она была слишком уставшей.

На четвертый день девочка проснулась на рассвете от невыносимой жажды. Она сухо сглотнула и огляделась. Ее блуждающий взгляд упал на редкие капельки росы на траве. Девочка набросилась на них, роса налипала на лицо и волосы, едва смачивая потрескавшиеся губы. Она принялась водить по траве трясущейся ладонью и облизывала теплую кожу.

Голод и жажда вернули ее в мир живых, полностью затмив собой горе. Они погнали ее вперед едва ли не вдвое быстрее, чем вчера.

После полудня жара стала невыносимой. Девочке нестерпимо хотелось пить. В горло будто насыпали песок, дерущий глотку и превращающий каждый вдох в пытку. В подлеске она обнаружила куст с ягодами, и хищно накинулась на них. Ягоды были неспелые, вяжущие и кислые, но девочка знала, что в них есть хоть какая-то влага. Она немного отдохнула в тени куста, когда он был полностью ошипан.

Она держалась дороги пошире, никуда не сворачивая, но больше мимо нее никто не проезжал. Девочка уже готова была свернуть в сторону дремучей Яри и искать следы животных, которые могли вывести ее к воде, как ее взгляд зацепился за что-то вдалеке. Пройдя еще немного и близоруко сощурившись, она издала радостный вздох; это был деревянный знак возле тропинки, уводящей с главной дороги.

Сил сразу прибавилось, девочка запагала бодрее. Свернув с тракта, она припустила почти бегом, уже видя за кустами очертания стойл.

Девочка ринулась вперед и жадно припала к конской поилке. Вода была илистой и песочной, но девочка ощутила это только после по меньшей мере дюжины глотков.

Отдышавшись, она немного пришла в себя и огляделась. Перед ней стоял небольшой дом, старый и покосившийся. Девочка нерешительно ступила на крыльцо. С усилием дернув заевшую дверь, она зашла внутрь.

Было тихо. Только в конце небольшого зала кто-то негромко переговаривался за столом; похоже, она оказалась в таверне постоянного двора. Немного помявшись на пороге, девочка направилась к стойке.

Хозяин — лысеющий мужчина средних лет с небольшим круглым пузом — оторвался от протирки кружек, повернулся к девочке и окинул ее взглядом.

— Как звать? Откуда?

Девочка ненадолго замешкалась.

— Тая. из Коши.

Трактирщик кивнул.

— Рукава закатай.

— Пожалуйста, кирье, — тихо взмолилась девочка. — Я не ела четыре дня.

Трактирщик схватил ее за запястье и насильно задрал рукав. Посмотрев на свежее клеймо, он презгливо отпустил ее руку.

— У меня приличный двор. Выметайся отсюда, убийца.

— Умоляю, кирье! — девочка вцепилась в стойку. — Дайте хоть краюху хлеба, я тут же уйду!

— Выметайся, кому сказано! — он звонко стукнул рукой по стойке. — И не кажи носа сюда, дьяволово семя!

Девочка посмотрела на него глазами, полными слез, и, всхлипнув, вышла. Какое-то время она стояла на крыльце, пытаясь успокоиться. Она сделала несколько глубоких вдохов, сжала и разжала кулаки несколько раз.

— Не умру, — упрямо сказала она и сделала шаг по направлению к стойлам.

В Коши никогда не водилось лошадей; слишком дорого их было содержать. Но пару раз девочка каталась на деревенском муле, и видела, как редкие заезжие путники седлали своих коней.

Она с трудом сняла со стойки тяжелое седло, и, встав на цыпочки, водрузила его на спину лошади, скорее уронив, чем положив. Чубарый конь зафыркал и беспокойно забил копытом. Девочка вздрогнула и осторожно коснулась его шеи.

— Прости, прости... — забормотала она.

На подругу ушло много времени, девочка не была уверена, достаточно ли затянула ее, но нужно было торопиться. Она схватила узду и завертела ее в руках, пытаясь понять, что куда крепится. Конь упрямылся и отворачивал голову, отказываясь брать стальной трензель.

— Ну пожалуйста, родной! — взмолилась девочка и настойчиво натянула узду на его голову. Конь куснул удило, но поддался, и девочка облегченно выдохнула, сунув босую ногу в стремя. Ей было страшно садиться в седло, но трактирщик, который мог появиться в любой момент, пугал куда больше. Схватившись за основание гривы и заднюю луку, девочка привстала на стремях и перекинула ногу. Конь засеменил на месте, недовольно трясая головой.

— Тихо, тихо, — девочка обмотала узду вокруг рук и сжала бока коня ногами, опасаясь свалиться. — Как же ты...

Повернув к ней голову, конь тихонько заржал и пошел. Девочка подняла глаза к небу, шепча благодарности.

Она направила коня вверх по дороге, к выходу из долины. Пахло летом: рожью, цветами

и горячей землей. Девочка взглянула на солнце, которое жарило всюду, и одернула задравшийся сарафан.

— Что будем делать? — спросила она у коня. Тот не ответил. — Вот и я не знаю, — она шмыгнула носом. — Куда податься-то, с клеймом...

Девочка со страхом подумала, что будет, если она не найдет еду, и снова покосилась в сторону Яри, скрип старых сосен которой разносился по всей округе. В Яри никогда не охотились и не ходили туда за дровами, а детей нещадно секли за одно упоминание ее в разговорах. В Коши говаривали, что Ярь полна демонов и разной твари, что там снуют плотоядные крени, и сам лес обвивает заблудившихся путников корнями и утягивает под землю. Ярь всегда громко скрипела даже при полном безветрии; говаривали, что это сгинувшие души, обернувшиеся деревьями, стонут в страданиях. Одна мысль о темных дебрях густой чащи навевала на девочку ужас.

— Пройдем еще с десяток стадиев вдоль кромки, — сказала она коню. — Ежели не повезет, свернем...

Она припустила коня чуть быстрее вверх по холму. Из под копыт его вздымалась пыль. Достигнув вершины, девочка натянула узду, и, прижав ладонь ко лбу, огляделась.

Вид был красив. Оставшаяся позади долина была окружена горной грядой, над которой, крича и переругиваясь, вили гнезда гарпии. Старая Марта всегда страдала, что гарпии охочи до детей, подхватывают их когтями, поднимают высоко и сбрасывают на скалы. Однажды заезжий путник — девочке тогда показалось, что он колдун — посмеялся над этим и сказал что-то о том, что крестьянское невежество и раскаленным мечом не выжечь.

Впереди лежала широкая дорога, уходящая вниз. Девочка заглядывалась на то, как по холмам гуляет ветер, волнами приминая траву. Потом взгляд ее упал на Синие Вершины — длинную горную гряду, покрытую снегом. Даже отсюда она видела пологий склон, ущелья и трещины — интересно, живет ли там кто-то, так высоко в горах?

Показались очертания небольшой деревни — домиков в пятьдесят, не больше — чуть влево от дороги. Неподалеку на лугу пасся скот. Девочка неуверенно приобняла себя за плечо, и, тихонько молясь, повернула.

— Авось не помрем, да, сивка? — сказала она, ободрявая себя.

Чуть поодаль от основной гряды хат на пастбище сидели двое мальчишек, на вид чуть старше девочки. Они увлеченно болтали и смеялись, но повернули головы и разом замолчали при ее приближении. Мальчишка справа — щуплый, белокурый, лет пятнадцати — жевал длинную травинку. Слева, помладше, был рыж и бледен, лицо и руки его были покрыты веснушками.

— Тебе чегой? — неровным, ломающимся еще голосом, спросил мальчишка справа.

— Ничегой, — ответила девочка.

— А чегой пришла тогда? Ты чейная будешь?

— Ничейная.

— Так вали отсюда, раз ничейная, — вмешался в разговор рыжий. — Где сивку взяла?

Девочка утерла нос.

— Мне идти некуда, — опасаясь смотреть им в глаза, сказала она.

— Сирота чтоль? — чуть сощурившись, спросил белокурый.

Девочка кивнула после небольшой паузы.

— Ну.

— Как звать тебя?

— Витка, — ответила девочка.

— Иди туда, — мальчишка показал рукой в сторону деревни. — Там возле колодца Бука стоит. Ее спрашивай, поможет. И это... скотинку-то оставь. Мы присмотрим, — голос его зазвучал заметно мягче, чем до этого.

Бука оказалась крупной женщиной с громким, басовитым голосом, разносящимся по всей улице. Возле нее стояли два пустых ведра и худощавая рыжеватая женщина, одетая в лен. Девочка замерла в нерешительности в нескольких шагах от них, одергивая рукава сарафана.

— ...за косу оттаскал. Злобный, зараза, весь в папашу, чтоб ему в аду гореть... — донеслось до нее. Рыжая женщина кивала в ответ, потом перевела глаза на девочку, заметив ее присутствие. В ее грустном, тяжелом взгляде появилось удивление, и почти сразу — жалость.

— Боже святы! — воскликнула она, бросаясь к девочке. Та отшатнулась, и женщина опустила руки, протянутые было к ней. — Ты чье, золотце?

Бука развернулась всем телом и вразвалку подошла к девочке, окидывая ее взглядом. На ее подбородке была большая бородавка.

— Не трожь ее, Тайка, — пробасила она. — Рукава-ка закатай, девчуль.

Девочка обреченно отвела глаза и подняла рукав, демонстрируя клеймо.

— Боже святы... — повторила рыжая женщина. Девочка уставилась в землю перед собой.

— Чего пришла, дьявола принесла в наше село? Иди куда шла, отродье, — сплюнула Бука.

Девочка подняла на нее глаза, упрямо оставшись стоять на месте.

— Не уйду, — твердо сказала она, сжимая кулачки. — Камнями закидайте. Все равно на дороге сгину.

— Я те щас дам, камнями! — Бука подняла было руку, но Тайка встала между ней и сжавшейся от страха девочкой.

— Спятила? На ребра ее посмотри, она ж не ела с тамису! — сказала она, загораживая девочку собой.

— Это ты спятила, отродье выгораживать! Беду накличешь!

— Беду накличем, если ребенка на смерть отправим! Я к себе ее возьму.

— Ой, дура, — Бука махнула рукой и вернулась к ведрам. — Попомни мои слова, придет к нам лихо из-за нее!

Тайка повернулась к девочке и присела возле нее, заглядывая в лицо светло-карими глазами, полными теплой доброты.

— Пойдем накормлю тебя, — мягко сказала она. — Как ты на ногах еще стоишь-то, бедняга...

Девочка часто кивала, смотря на нее с благодарностью.

— Спасибо, кирья, спасибо... — забормотала она. — Я готовить могу, убираться, скотину кормить...

Тайка улыбнулась и встала.

— Поешь сначала, потом решим. Пошли-ка. У меня уха вчерашняя осталась еще.

Хата была маленькой, меньше, чем родная хата девочки в Коши. Потолочные балки

были подточены древесными жуками, угрожая целостности покато́й крыши, выложенной грязью и камышом.

Девочка замерла на пороге, глядя на выцветший пол. Тайка направилась к холодной печи, кивнув девочке на трехногий табурет, стоявший возле стола.

В дом, хохоча и чуть не снеся девочку, ворвались две белокурые девчушки лет шести, и принялись носиться вокруг стола, улюлюкая и смеясь.

— Ну-ка не носиться в доме! — прикрикнула Тайка. — Матери все расскажу! Пошли вон, мерзавки!

Одна из них подскочила к девочке, смотря на нее снизу вверх.

— Ты кто такая долговязая? — без пауз спросила она.

— Вон, кому сказано! — рассердилась Тайка. — В поле идите носиться!

Девчонка показала Тайке язык, и они обе, смеясь, выскочили на улицу, оставив дверь без замка нараспашку.

— Безмозглые девки, — проворчала Тайка, снимая с печи горшок. — Ты садись, девчуль. Как звать тебя?

— Витка, — ответила девочка, закрывая дверь и проходя к столу.

— Ешь вот, — Тайка протянула ей ложку. — Греть уж не буду, вижу ты слюной вон капашь. Булочку сейчас дам ржаную.

Девочка набросилась на уху, черпая небольшой деревянной ложкой и наклоня горшок, чтобы зачерпнуть побольше мяса. Водянистая недосоленная уха казалась ей самым вкусным лакомством, которое девочка ела в жизни. На ее глазах почти выступили слезы радости.

— Боже ж ты мой, — Тайка протянула ей булочку. — Бедняга. Не налегай так, с голодухи живот скрутит.

Девочка замедлилась невероятным усилием воли. Ссохшийся желудок и правда заныл, с трудом принимая едва пережеванную пищу.

— Ты с какой деревни будешь, Витка?

— Из долины. Из Коши, — утирая рот, ответила девочка.

— Слыхала. Пастор у вас там хороший, говорят, — Тайка отщипнула кусочек хлеба.

Девочка замерла, не донеся ложку до рта.

— У меня оставайся пока. Ежели работать и правда можешь. У меня дочурка в Яри сгинула с полгода назад, чуть помладше тебя была. Одежка какая осталась, может подойдет.

— Спасибо вам, кирья, — ответила девочка, держась за живот.

Тайка тепло улыбнулась.

— Давай доедай, отмоем тебя да спать уложим. Ты ж поди в пыли спала, вся вон изгвазданная.

Девочка закивала, отправляя в рот последний кусок булочки.

У Тайки был муж — добродушный мужичок с легким нравом. Он часто шутил, подмигивая девочке весело, и то и дело подсовывал ей яблоки в сахаре, пока Тайка не видела.

В свой обычный вечер Тайка без умолку болтала обо всем подряд: о жителях деревни, об урожае, о грядущей зиме. Девочка слушала вполуха и отвечала односложно. В последнее время она стала еще задумчивей и молчаливее, чем раньше.

Другие дети обходили девочку стороной, и почти никто в селе с ней не разговаривал. Она не настаивала; ей было достаточно, что ее кормят и дают крышу над головой. О

большем она не просила.

Однажды ее поколотили мальчишки. Девочка не защищалась, просто лежала на земле, поджав под себя ноги, пока им не наскучило ее избивать. В хату она вернулась в соплях и синяках, утирая разбитый нос. Тайка пожалела ее, но разбираться не пошла.

— Ничего я им не сделаю, Витка. И ты не делай; чуть оступишься тебя сразу выгонят, если не чего похуже. Бить будут — лежи и не двигайся, обзывать будут — молчи. Поняла? — сказала она, утирая ей нос платком. Девочка ничего не ответила.

Девочка с детства не любила стряпать, но давно свыклась с неизбежным злом. Она подготовила горшок, начисто его вымыв дождевой водой, и набрала воду для будущего супа. Хозяйская кошка зашипела на нее с печи; девочка ей почему-то не нравилась.

— Ты вообще когда-нибудь улыбаешься? — спросила Тайка, сидящая за столом.

Девочка ничего не ответила, но не удержалась от того, чтобы раздраженно мотнуть хвостом на затылке.

— Волосы у тебя красивые, — не считав характер ее жеста, сказала Тайка. — У меня тоже так волнились в юности...

Девочка принялась нарезать овощи для супа.

— Буковский мальчишка каркушу подбил вчера, представляешь? Такой лоб уже, а все хулиганит. Дурь в башке одна, хоть бы выбил кто. Ты мельче режь, чай не свиней кормить будешь.

Перед ужином они всегда молились, так же, как и в Коши. Глядя на то, как на лицах Тайки и ее мужа, усталых и загорелых, разглаживаются морщины, а взор зажигается благоговением, девочка впервые задумалась, достаточно ли она верит. И верит ли вообще. Она послушно закрывала глаза и проговаривала про себя заученные слова, но не чувствовала при этом ничего особенного. Может, бог просто не любит ее.

Спала девочка на чердаке, на соломенной подстилке. Тайка дала ей лоскуты, чтобы девочка сшила себе одеяло, но они так и остались лежать в куче в углу; девочка никогда не мерзла.

Девочку мучила бессонница. Глядя в потолок ночами, она пыталась подобрать слова для нового странного чувства, которое поселилось у нее внутри с тех пор, как Тайка приютила ее. На сердце почему-то было беспокойно, будто не по себе. Хотелось вспрыгнуть в седло и умчаться подальше, но здравый смысл останавливал девочку. То, что ей дали дом с таким тяжелым клеймом было невероятной удачей, и девочка не собиралась выбрасывать ее на ветер.

Часто в темноте к ней приходил муж Тайки. Обычно болтал, задавал вопросы. Девочка отвечала уклончиво или вовсе отмалчивалась.

Чаще всего он вспоминал дочку.

— Она меньше тебя была, и пухленькая, розовенькая. Ты-то вон какая дылда худощавая, — говорил он со смехом, беззлобно. — Поесть любила вкусно.

Иногда от него сильно пахло самогоном, и тогда он, бывало, плакал. Так было и сегодня, однако сегодня он не разговаривал. Вместо этого он подвинулся к девочке и прижал свои губы к ее во влажном поцелуе. К горлу подступила тошнота, в сердце забились паника. Девочку будто парализовало: она плохо понимала, что происходит, и не могла пошевелиться. Мягкая в его руках, как тряпичная кукла, девочка сильно зажмурилась и

отвернула голову, боясь дышать. Даже когда его рука скользнула ей под юбку, оцепенение не отпустило, не отпустило оно и тогда, когда он взобрался на нее, придавив ее тело к подстилке своим немалым весом.

Девочка не шевелилась. “Только бы это поскорее кончилось, только бы это поскорее кончилось, только бы это поскорее кончилось”, — стучало у нее в голове.

Когда он молча натянул штаны и, не сказав ни слова, вышел, девочка еще долго лежала так: зажмурившись, прижав локти к груди, с раздвинутыми ногами. Когда она, наконец, нашла в себе силы пошевелиться, из ее горла помимо ее воли вырвался громкий всхлип. Она чувствовала себя мерзко, грязно и виновато. До самого утра она молилась лишь о том, чтобы забыть об этом. Но не забыла. И даже сон, который мог спасти от этих чувств хоть на несколько мин, не приходил.

Девочка не спустилась к завтраку. Она не могла заставить себя встать, не могла заставить себя спуститься вниз и смотреть хозяевам в глаза. Полежать еще немного. Хотя бы еще колокол(интервал между ударами большого колокола в городе. равен 5 минам(прим.)), прежде чем ее хватятся.

Ее не хватились и к обеду. Потом постепенно стемнело, девочка поняла это по пению кузнечиков. Может, про нее забыли? И хорошо. Значит, можно отсюда не выходить.

С этой мыслью она закрыла глаза и легко задремала. Ей снился невиданный, волшебный лес, в котором деревья вились спиралями и разговаривали с ней. Это было так красиво, так инородно, причудливо и прекрасно, что она заплакала сквозь сон.

Ее разбудил звук резко распахнувшейся двери. Девочка подскочила и отползла к стене, вжавшись в нее спиной. Бука размашистым движением схватила ее за хвост и поволокла к выходу. Девочка молчала и не сопротивлялась. Она вспоминала о своем чудесном сне. Ей хотелось, чтобы ее последние мысли были приятными.

Бука тащила ее через всю улицу, под гневные выкрики крестьян, доносившиеся до девочки. “Сатаново семя”, “шавка дьявола” и “шлюшье отродье”, слышала она.

Бука резко дернула ее за хвост на входе в подвал хаты, и девочка споткнулась, проехав по ступенькам вниз. У девочки внутри все сжалось от ужаса, когда она увидела знакомого вида стул с ремнями, стоявший возле чугунной печи.

— Нет-нет-нет-нет! — взмолилась она, разом очнувшись ото сна.

Она уперлась, но Бука была сильнее. Силой она усадила девочку на стул, застегнула ремни на руках, и принялась поддувать раскаленную печь мехами. Девочка учащенно дышала и сжимала и разжимала взмокшие ладони. Она дернулась, увидев в руках Буки раскаленный гвоздь, и завизжала, когда он коснулся ее левого предплечья. Где-то после третьей буквы Бука дала ей звонкую оплеуху.

— Молчи, семя дьявола!

Девочка ощутила гнев, разбуженный болью и обидой.

— Чтоб тебе сдохнуть! — сжимая трясущиеся кулаки, прорычала она в сторону огромной спины женщины. Та не отреагировала.

Обездвиженная, девочка металась в кресле, силясь освободиться. Она приподнялась на ногах, но руки ее были крепко привязаны к подлокотникам, а стул — прибит к полу.

Бука повернулась, и девочка снова издала вопль боли. Из глаз ее брызнули слезы. Когда Бука вывела последнюю букву, первая уже вздулась волдырем на обожженной коже. Женщина отложила гвоздь и присела напротив девочки.

— Твое сердце отравлено грехом. В Книге Боже ясно говорит...

Девочка приблизилась к лицу Буки, чувствуя, как внутри нее клокочет жадное, всепожирающее пламя.

— Нахуй твоего бога, — она гибко извернулась и что есть сил пнула женщину в грудь. Та, не удержав равновесия, рухнула назад всем своим немалым весом, ударившись головой о чугунную печь.

Девочка шумно дышала. Она ухитрилась дотянуться ртом до правого ремня, и с трудом отстегнула его зубами.

Гнев постепенно утихал, и девочка схватилась за голову, до боли сжав корни черных, волнистых волос. Она смотрела на Буку, которая распласталась возле печи, и, кажется, не дышала.

Не помня себя от ужаса, девочка рванула наверх, на лету вышибая двери. Выбежав на улицу и прыгнув с крыльца, она налетела на белокурого мальчишку, который цепко схватил ее за локоть.

— Ты это, шлюха, рвешь?! — завопил он.

Девочка с яростью укусила его, вцепившись свободной рукой в его кудри. Мальчишка, сыпля ругательствами, отпустил ее, и она побежала дальше, к пастбищу. Сердце ее бешено стучало, ночной воздух обжигал легкие.

Слыша сзади вопли погони, девочка налету вскочила на спину первого попавшегося неседланного коня и что есть сил двинула по бокам пятками.

Город гудел и толкался, город дышал и жил. В главные ворота ломился народ — сегодня было полнолуние, и торгошаи со всей округи стягивались, чтобы занять на рынке местечко получше. Торговля будет кипеть всю полную луну, а прибыль напрямую зависит от того, где удастся встать. Большинство торговцев шли пешком, ведя груженных вьючных животных.

Глядя в окно на обычную суету Синепалка, Дарири беспокойно вертела в руках деревянную кружку со сливовым соком. Она ждала кое-кого, и сильно волновалась. Они не виделись уже несколько сезонов, пока в ее дверь не постучал гонец, вручивший ей письмо. Оно было коротким, без подписи, всего в две строчки:

“Буду в Синепалке по работе. Приходи повидаться”.

Тогда сердце Дарири волнительно сжалось, и не отпустило даже когда она прочла письмо в десятый раз.

Она прокашлялась, пытаясь унять першение в горле, и сделала мелкий глоток.

В таверну вошла высокая, бледная девушка, на вид лет двадцати пяти, едва ли старше. Волосы у нее были длинные, черные, волнистые, на затылке стянутые в высокий хвост. Глаза то ли фиалковые, то ли лиловые, брови густые и ровные.

От нее буквально веяло свободным духом Аньянга: взгляд ее был решительным и живым, плечи расправлены, одежда тоже была не местной. Девушка носила жилетку без рукавов, черную, с высоким воротом и белой кромкой, на красных пуговицах. Штаны были в цвет, свободные и прямые, из легкой, воздушной ткани. На широком красном поясе — кажется, он назывался оби — держались два меча. Один — длинный одноручный далл, стальной клинок с тонким, слегка изогнутым лезвием и рукоятью без навершия, плотно обмотанной кожей. С другой стороны — хэй, почти идентичный клинок, разве что меньше примерно раза в полтора. Дарири смутно помнила, что такой комплект из двух южных мечей назывался сиг, и чаще всего оба орудия ковались одним мастером и продавались вместе.

Девушка обводила таверну несколько растерянным взглядом, пока ее глаза не встретили глаза Дарири. Сердце той ушло в пятки, и она сдержанно помахала ей рукой.

— Дарири, — кивнула ей девушка, подходя и усаживаясь за стол. — Всегда приятно тебя видеть.

— Лилит, — учтиво ответила рыжая женщина. — Как поживаешь?

— О, дорогая, великолепно, — вскинув бровь, с усмешкой ответила девушка. — Давеча мой супруг спутал портки со шляпой, так и пошел на работу в совет, с засранной головой.

— Все остришь?

— Все придираешься? — ответила девушка, оборачиваясь к трактирщику и маша рукой. — Расслабься, Дарь.

Дарири неслышно выдохнула, стараясь последовать ее совету.

— Рада тебя видеть, — сказала она с улыбкой. — Как там юг? Как работа?

— Юг? Спокойно. Даже слишком; работы там кот наплакал. В основном мелочь всякая, подай-принеси, ничего интересного.

— Ты поэтому приехала?

— Не-а. Заказ закрою и поплыву обратно.

На стол поставили кружку со слабой настойкой. Лилит кивнула и щелкнула серебряной чеканкой, отправляя ее в руки трактирщика.

— Даже погостить не останешься? — звуча куда более грустно, чем ей бы того хотелось, спросила Дарири.

— Меня в храме ждут. Да и из виду нельзя надолго пропадать, а то и этой мелочевки лишусь.

— Ты же тут жила так долго, и работа у тебя была всегда... Мы по тебе скучаем, Лилит. Девушка слегка поморщилась.

— Опять ты с этим. Ты знаешь, что я всей душой люблю Синепалк, но сколько раз повторять, что в храме у меня мастер? Найдешь мне того, кто в совершенстве владеет айдзу кагэ-рю, вернись сюда с радостью, — сказала она насмешливо, делая глоток из кружки.

— Ты же говорила, что тебе не нравится с монахами, — не унималась Дарири.

— Важно не то, что мне нравится, а то, что мне полезно.

Дарири сдалась и поникла. Повисла долгая пауза.

— Может, хотя бы возьмешь меня с собой? В отпуск. Я бы посмотрела, как ты живешь. И от Идри бы отдохнула.

Лилит надолго замолчала, обдумывая ее слова. Дарири ждала, затаив дыхание. Потом она пожала плечами, и отхлебнула.

— Можно. В самом храме делать особенно нечего, но рядом есть Чинджу. Мелкий городишко, но живой, с шармом. Тебе понравится.

Дарири испытала облегчение. Она перевела взгляд на открытые руки Лилит, на которых виднелось четыре глубоких клейма, выцарапанных на коже раскаленным гвоздем.

— Ты почему без рукавов?

— А ты почему с рукавами? Стыдишься?

— С головой дружу, а не стыжусь, — недовольно буркнула Дарири.

— Все вы говорите, что дружите, — рассмеялась Лилит. — Врете. Я проверяла.

Дарири улыбнулась. Настроение у нее заметно улучшилось.

— Ты все там же, в этой дурацкой башне живешь?

Дарири кивнула.

— Старый дурак все нормальный дом не купит? Говорили ему, что комнаты квадратными делают не из прихоти, а из практичности.

Они двигались по узким улочкам, плавно продвигаясь от нижнего города к порту. Многочисленные кабаки жили своей пятничной жизнью — так, будто завтра не настанет. Отовсюду доносились полупьяные вопли и громкий смех. Синепалк был городом нерелигиозным, почти что светским. Местный мэтро, глава города, на дух не переносил религию. Не официально и не публично, конечно же; с безбожником, обладающим хоть малейшей властью, никто бы мириться не стал. И все же, с годами мэтро планомерно выбивал Синепалку и окрестностям всяческие послабления; среди прочего ему удалось добиться неограниченной продажи спиртного и отсутствия комендантского часа. В своих прошениях он ссылался на то, что город портовый, и подобные поблажки привлекут больше торговцев и дипломатов, помогая поддерживать экономику страны и хорошие отношения с соседями.

Город был огромен, город был живым. Это было единственное место на Севере, где ты, имея клеймо — или несколько — мог почувствовать себя почти нормальным.

— Мне надо заказ закрыть, — Лилит переложила холщовый мешок в другую руку. — Ты иди пока в башню, собирайся.

— Я с тобой. Прогуляться охота, — поспешно ответила Дарири.

— Ах, прогуляться? Ну давай прогуляемся.

Наверстывая упущенное и делясь историями, они сменили направление и направились к верхнему городу — лучшей части Синепалка, как утверждали многие. Лилит улыбнулась своим воспоминаниям, проходя мимо обшарпанного дома без вывески. Она так и не привыкла к роскоши верхнего города, чувствуя себя здесь самозванкой даже спустя столько лет. В простых тавернах с дощатым полом, среди надравшихся бродяг ей дышалось куда свободнее. Однако работа часто заводила ее сюда, и нога ее мерила ровную брусчатку верхнего города почти так же часто, как грязь и нечистоты нижнего.

Других городов и населенных пунктов Лилит уже давно не посещала. С четырьмя клеймами проникнуть туда можно было либо с помощью тяжелого кошелька, либо с помощью тяжелой руки. И Лилит не собиралась прибегать ни к первому, ни ко второму, только если там не появится заказ.

Они остановились у небольшой полуразрушенной часоуенки с заколоченными окнами и сорванным колоколом. Камень был старым, крошащимся, покрытым мхом.

— Надо же, — смотря наверх и посмеиваясь, сказала она. — Колокол слямзили.

— Завидуешь?

— Не то слово. Мелочь ведь, а приятно, — улыбнулась она, отворачиваясь и прислоняясь к стене. — Как еще умудрились-то.

— Наверное, телекинез, — задрал голову, предположила Дарири. — Или телепортация.

— Такую дуру? Весит же кучу мин.

— В теории возможно, — кивнула Дарири.

— Везучий ублюдок, — беззлобно сказала Лилит, подбрасывая в руке монетку.

— Всегда поражался, сколько в тебе ненависти к церкви, — весело заметил кто-то третий, подошедший к ним со спины. — Это ж просто грудa металла!

— Что поделать. Меня всегда тянет на то, за что могут отрубить руку, — улыбнулась Лилит, поворачиваясь к собеседнику. — Привет, дружище. Сколько лет!

Молодой человек в поварской шапке распахнул рот в беззвучном крике радости, и развел руки для приветственных объятий. Лилит не тронулась с места, лишь извинительно улыбнулась. Молодой человек ничуть не смутился, только хлопнул себя по лбу:

— Извини, все время забываю.

Лилит махнула рукой.

— Нормально. Вог, познакомься с Дарири. Моя старая подруга и спасительница, стихийная чародейка. Нравная, не серди ее.

Вог поднял обе руки в воздух.

— Никогда не злю стихийщиков. Голова дороже!

— Дарири, это Вог. Он любит дурачие шляпы.

— Почтена, — сухо ответила Дарири. — Это единственное, что мне стоит о вас знать?

— Вы теперь знаете очень многое. Например, что мне лучше дарить, где я люблю бывать, что я эксцентричен и способен к самоиронии, — заметил Вог.

— И верно. Опять сболтнула лишнего, — усмехнулась Лилит. — Ладно, хватит прелюдий.

Она протянула ему холщовый мешок. Вог принял его и застыл в нерешительности.

Лилит ободряюще кивнула ему. Решившись, молодой человек заглянул внутрь мешка и закрыл рот дрожащей рукой, прерывисто выдохнув. Он сунул руку внутрь, и извлек трофей, сжимая его в руках бережно, как ребенка. От неожиданности Дарири едва не вскрикнула — в руках Вога была чья-то голова, на которой виднелись следы разложения. Поднялся неприятный запах. Дарири зажала рот рукой и отвернулась, сдерживая рвотный позыв.

— Чисто и гладко, дружище. Как и просил, — Лилит щелкнула монеткой.

Вог уронил отрезанную голову на траву, и та прокатилась по земле, уставившись в небо стеклянными глазами. Он закрыл лицо руками, и плечи его задрожали.

— Столько лет... Планов, ненависти, жгучей ненависти, — он утер рукавом глаза, смеясь через слезы. — Поверить не могу... Я свободен...

— Всегда пожалуйста.

Вог взглянул на нее с благодарностью, плача с ликованием.

— Спасибо тебе, спасибо, вовек не забуду! На вот, возьми, — Вог протянул ей увесистый кошель. — Там сверху еще немного. И за шляпой приходи, сошью что хочешь!

— Не за что, дружище. На тебе шляпы лучше смотрятся, — Лилит приняла кошель, и убрала монетку в карман.

Вог утер глаза, поднял упавшую голову и, повертев ее в руках с улыбкой глубокого удовлетворения, бережно вернул в мешок.

— Отдам таксидермисту, а потом повешу на стену. Так, чтоб был вид на кровать.

— Развлекайся, — подмигнула ему Лилит. Они тепло попрощались.

— Ну, веди. Вещей-то полно у тебя небось, знаю я тебя...

— Лилит, какого черта ты носишь в мешках отрубленные головы? — громким шепотом спросила Дарири.

— А, рассказать историю? — игнорируя ее взволнованный тон, ответила Лилит. — Вог славный парень, но в жизни ему не повезло. Мы пару лет назад познакомились, он тогда уже в бегах был, клеймо “мужеложец”. Отец его застукал и клеймил сам, представляешь мразь? Год продержал в подвале, пичкал всякой дрянью, обливал ледяной водой. Вог умудрился сбежать, а отец его преследовал по пятам. Когда мы встретились, он был загнанный, дерганый, себя не помнил от страха и ужаса. Я довезла его сюда, познакомила с кем надо. Сейчас вон расцвел, живет. Шляпы полюбил шить. Вечно жалуется, что заказы все скучные и однообразные.

— Это, конечно, ужасно, но...

— А-а, — Лилит щелкнула пальцами. — Дай угадаю. Это та часть, где ты говоришь мне, что делать а чего не делать? — она насмешливо вскинула бровь. — Еще не наигралась в дочки-матери? Я-то думала, мы из этого выросли. Ну, знаешь, с тех пор как я от вас уехала. Семь лет назад.

Дарири собиралась что-то сказать, но только сглотнула и выдавила:

— Да, конечно. Извини, старая привычка.

— Бывает, — махнула рукой Лилит. — В ратушу пошли.

— Зачем в ратушу?

— Мэтро письмо черканул, просил заглянуть. Надеюсь по делу, а не шалфей гонять.

— Нагулялась я что-то, — Дарири прочистила горло. — Пойду соберусь. В башне встретимся.

Лилит пожала плечами и кивнула ей на прощание, направившись в сторону плазы

верхнего города.

Лилит ждала в холле вычурной ратуши, сидя в обитом сульянским бархатом кресле. Слуга мэтро услужливо предложила ей шалфей, но Лилит отказалась. Она покачивала ногой и задумчиво обводила взглядом белые своды холла, искусно выточенные из мрамора. Это было одно из немногих мест, где сохранилась частица так называемого старого мира, стоявшего здесь задолго до того, как Север стал называться Севером, а витражи с изображениями солнцеликой Иштар сменились витражами с изображениями Агнца.

Мэтро вышагивал неровно, но торжественно. Он был одет в парадный дублет нежно-коричневого цвета и темно-зеленую накидку. В руке он сжимал серебряный кубок с вином; Лилит вообще ни разу не видела его без этого самого кубка. Взгляд его был ясным и прямым, и он одарил Лилит искренней, приветливой улыбкой.

— Кирья Лилит, как радостно вас видеть! — воскликнул он, протягивая ей руку. Лилит сомкнула пальцы у него на предплечье, слегка повернув запястье вниз, как это было принято на Севере.

— Взаимно, Варгул, — она склонила голову. — Как вы поживаете? Как дела в городе?

Мэтро опустил в кресло напротив и махнул рукой.

— Здравствуем! Хочу еще раз поблагодарить вас за работу со Скоропыхами. С тех пор в Синепалке тишь да гладь, — он покачал кубком в воздухе.

— Не за что. Нынешние банды не достают?

— Шелковые! Аж рассыпаются в любезностях, — рассмеялся он, отпивая из кубка. — Вы-то как, милая? Все на юге?

— Все на юге, — кивнула Лилит. — Ни на что не могу жаловаться.

— Это прекрасно! У меня для вас заказ как раз в том регионе. В Чинджу, знаете городишко?

— Знаю, — кивнула Лилит. — Только туда корабли и входят, мэтро.

— Ах, ну да, вы же верхом не ездите... Давайте обрисую ситуацию: к нам в порт постоянно заходят работорговые суда. Хитроумные, никак их за руку не поймает. Маскируются хорошо. Так вот, даже если они идут из Сульяна...

— То они заходят в порт Чинджу, — кивнула Лилит. — Что выяснить?

— Все, что сможете! Кто ввозит, откуда, что за невольники, кто их тут заказывает в таком количестве... В идеале имена и документы, или хотя бы их копии. У меня тут, сами понимаете, руки связаны...

— Понимаю, мэтро. Хорошо, все разузнаю. Цена вопроса — двадцать тысяч чеканок. Как обычно, четверть вперед.

— Кусачий ценник у вас стал, — с улыбкой прищурился Варгул, щелкая слуге. Та исчезла в одной из высоких дверей коридора.

— Это с учетом скидки по старой дружбе, мэтро, — Лилит фамильярно подмигнула ему. — Мне нужно десять лун вместе с дорогой.

— По рукам! — хлопнул в ладоши Варгул. — А как вернетесь, закутим! Архоны города уже все слезы излили, так ждут ежегодного приема в ратуше.

— Договорились, — улыбнулась Лилит, принимая из рук слуги кошель. — Если это все, мэтро, то позвольте откланяться.

— Безусловно, дорогая кирья! С нетерпением буду ждать вашего возвращения! — мэтро помахал ей пальцами с некоторым кокетством. Лилит поклонилась в пояс и направилась к

выходу по мягкому ковру, проглатывающему звук ее шагов.

— Лилит, солнышко мое! Совсем расцвела, — с порога запричитал низенький, древний чародей. Он переступал с ноги на ногу бодрым колобком, радуясь своей старой воспитаннице.

— И вам не хворать, Идри! Все топчете брентную землю? — Лилит закрыла за собой обитую металлом дверь. — Интерьер обновили, я смотрю?

— А то! Дарь настояла, говорит моих фолиантов полки не выдерживают! Врет, конечно, — зашептал он заговорщицки. — Просто новизны захотелось. Переменчивые создания, женщины! Ты-то как, солнышко, практикуешь?

— Не особенно.

Идри разочарованно ударил рукой по воздуху.

— Такой талант зарываешь в землю! Глаза б мои не видели!

— У меня и другие таланты есть. Пирог с вишней отличные пеку.

Идри засмеялся, резко закашлявшись.

— Ладно, не сердчай. Давно не навещала старика, а на кого ж мне еще ворчать-то?

— Не сердчаю. Без Дарири не помрете тут?

Идри махнул морщинистой рукой.

— Пускай мир посмотрит, она ж кроме Севера не бывала нигде. Да и я Аньянга уже не помню, давно дело было... Но мне-то уже поздно, я в дороге песком обернусь да по ветру пущусь, — хохотнул он.

— Не заливайте, Идри. Нас обеих еще переживете.

— Дай бог! Чаю-то выпьешь со стариком?

— Не успеем, — покачала головой Лилит. — Корабль через колокол уже отчаливает. Дарири! — громко крикнула она.

Рыжеволосая чародейка сбегала вниз по лестнице, одетая в длинное бордовое платье без рукавов.

— Давайте, дорогие мои, не прощаемся! Письма хоть пиши, Лилит!

— Ничего не могу обещать! — она помахала рукой ему на прощание.

— Пройдемся до кабака, возьмем съестного? На корабле две луны только вяленую свинину да уху жевать будем, — Лилит пружинистым шагом припустила вниз по травянистому холму.

Поправив большую дорожную сумку, Дарири поспешила за ней.

— А на посадку успеем?

— Успеем, не бойсь. Два колокола еще есть.

— Ты же говорила колокол?

— Не хочу я гонять чай с Идри и в сотый раз слушать про то, какой из меня распрекрасный чародей мог бы получиться.

— Не язви! Он же древний, как вавилонская башня. Старики вообще исключительно квохчат, бурчат и недовольствуются.

— Не выдумывай. Я от Чи ни одного дурного слова не услышала за три года. Ни в свой адрес, ни вообще. А он еще старый мир застал, к твоему сведению.

— Это ж сколько ему лет?

— Точно не знаю. Несколько тысяч? С ними никогда наверняка не скажешь.

Дарири присвистнула.

— Даже Виталонга, насколько мне известно, не продлевает жизнь настолько. Что за чары? Или дикая магия? — заинтересованно спросила она.

— Ни то, ни другое. Он кхин.

— Кхин? Живой кхин?!

— Живее всех живых. Последний, вероятно.

Повисла недолгая пауза.

— Незавидная участь, — вздохнула Дарири.

— Пожалуй, — согласилась Лилит. — Сменим тему. Где тут приличный медовый пирог можно купить?

Они достигли большого порта, и теперь вышагивали по досочному настилу вдоль причалов, неся в руках несколько кульков и пару бутылок хорошего вина.

— Ты же помнишь, что мне пить нельзя? — спросила Дарири, перекладывая кулек с пирогом в другую руку.

— Немножко-то можно. Это же оранжеевое сульянское, его днем с огнем не сыщешь.

— С каких пор ты разбираешься в винах?

— Да я и не разбираюсь. Могу сказать, вкусно или нет. Вот это, — она потрясла бутылкой в воздухе. — Охренеть как вкусно. Полкружки выпьешь, не развалишься.

Она переменилась в лице, резко повернув голову на стук лат, донесшийся из-за угла. Дарири с тревогой посмотрела на нее. К сожалению, она знала этот взгляд.

— Лилит...

— Подержи-ка, — не смотря на нее, Лилит сунула ей кульки, которые Дарири едва успела подхватить.

— Лилит, твою мать, не надо! — крикнула Дарири ей в спину, решительно удаляющуюся в направлении звука гремящих лат.

Налетев на двух стражников, Лилит широко улыбнулась.

— Доброго вечера, кирья! — она бегло оглядела их и перевела взгляд на наголо выбритого мальчишку лет тринадцати, связанного веревками. — На казнь ведете?

— На нее. Пропустите, кирья, опоздаем, — сделав попытку обогнуть ее, сказал один из стражников, закованный в полный латный доспех.

— А вы не торопитесь, — Лилит шагнула влево, загораживая проход. — Давайте поболтаем. Что натворил малец?

— Кирья, последнее предупреждение, или я вас арестую за препятствие служителю короны, — стражник угрожающе перехватил секиру.

Лилит медленно отвязала от пояса кошелек, держа руки на виду. Она пересыпала в руку горстку чеканок, внимательно наблюдая за лицами стражников. Левый все еще смотрел на нее строго, а вот правый перевел взгляд на монетки.

— Служба-то тяжкая у вас, я знаю, — пристально глядя на правого стражника, размеренно и мягко сказала она. — Жалование маленькое.

Глядя на горстку монет в ее руке, правый стражник ответил:

— Очень маленькое.

Лилит отсыпала побольше.

— Чрезвычайно маленькое, кирья.

Левый посмотрел на него с укором, но спорить не стал. Он был ниже по званию, об этом говорили две золоченые насечки на его секире против трех его напарника.

— А давайте так, — Лилит убрала горсть чеканок и протянула ему весь кошель. — Раз уж чрезвычайно. А мне мальчонку, а?

Мальчик поднял на нее глаза. В них читалось любопытство.

— Не положено. Отцеубийцу на казнь.

— Да бросьте, кирьи, что вам какой-то засранец-оборванец, на него небось даже бумаг нет.

Правый вздохнул тяжело и подтолкнул мальчишку между лопаток, заглядывая в кошель.

— На кой он вам нужен? Ну, забирайте. Но учтите, снова поймаем — не отпустим.

— Не волнуйтесь, кирьи, — подмигнула им Лилит. — Не поймаете.

— Чего?

Она поклонилась на прощание и резвым шагом отвела мальчика в сторону, на ходу указав Дарири в сторону доков. Та, семена, нагнала Лилит, прижимая к груди пироги.

Отойдя за ящики, Лилит развязала мальчику руки.

— Ну иди, малой.

— Как иди? — не понял мальчик, явно ошарашенный своим внезапным спасением. — Я ниче не понял...

— Так пойми. Три тысячи чеканок за тебя, сопляка, отдала, ну-ка дуй отсюда и живи так, чтоб окупилось.

Мальчик провел рукой по выбритой голове, и растерянно посмотрел на Лилит.

— А куда я пойду-то?.. С клеймом?

— Куда-куда... К Крысам иди.

Мальчик шмыгнул носом.

— Да бегал под ними уже... Погнали. Долю не досдавал.

— Так ты еще и бездарный, получается? — Лилит скрестила руки на груди. — Ну и от меня ты чего хочешь? С собой тебя взять на корабль или что?

Мальчик пожал плечами и утер нос рукавом. Лилит вздохнула.

— Ладно, пошли уж... Там разберемся. Как звать?

— Окри.

— Я Лилит. Это Дарири.

Чародейка посмотрела на мальчишку хмуро.

— Забери у меня, пожалуйста, эти гребаные пироги, — отчеканила она холодно, переводя полный негодования взгляд обратно на Лилит.

На входе проверяли бумаги. Выстроилась небольшая очередь. Лилит с тоской посмотрела в небо, подумав, что без чар не обойтись. Подкупить уже не получится: оставшиеся две тысячи были ей нужны позарез, на расходы.

Она приглядывалась к проверяющему бумаги. Красный нос, крупные поры, отечное лицо. Скорее всего алкоголик. Это хорошо. У них сознание вялое, пластичное, с ним гораздо легче работать.

Когда перед ними оставалась примерно пара человек, Лилит подготовилась. Чаровать нужно было быстро и решительно, чтобы он не успел очухаться. Закрыв глаза, Лилит мягко преодолела первый порог, оказавшись в его сознании. Послышались отголоски мыслей и чувств. Он был уставшим и слегка замерзшим, ему хотелось в каюту, выпить меда. Он вяло

перебирал в уме фамилии, которые были написаны на бумагах, и в нем было много усталости и тоски. Лилит уцепилась за тепло, которое он чувствовал, когда делал первый глоток меда. Нега разливалась по горлу и груди, согревая внутренности. Такое родное чувство, такое приятное. Крепко ухватившись за этот образ, Лилит немалыми усилиями держала его, пока не подошла их очередь.

— Бумаги? — подняв на них безрадостный взгляд, спросил мужчина.

Лилит рванулась вперед сквозь его волю, привычно обходя невысокие барьеры и заставляя его сознание врасплох. Он опешил, и не успел даже понять, что произошло, когда она уже была внутри. Лилит расширила образ, усилила его, заставила поглотить все сознание мужчины. Сделала его еще больше, еще ярче, еще желаннее.

Его взгляд приобрел теплоту, на лице появилась мечтательная улыбка.

— Смотри-ка, — сказала Лилит немного искаженным от напряжения голосом. — Мы последние в очереди. Пропустишь нас, и пойдешь в каюту пить мед.

Последним усилием она взорвала в его голове живой образ вспышкой экстаза, доводя желание до апогея.

— Проходите, проходите, — торопливо замахал рукой он. Выдохнув, Лилит отпустила его, оставшись наедине с мерзким послевкусием чужих мыслей и желаний. После чар ей всегда было трудно вернуться к себе и разграничить, что принадлежало ей, а что — другому человеку.

Она пошатнулась, и Дарири поддержала ее.

— Это че было? — спросил мальчик, шагая по помосту.

— Мед это был. Сладкий и вкусный. Твою мать, теперь и мне меду хочется...

— Вина попьешь, не развалишься, — съязвила Дарири. — Ты ж мед не перевариваешь.

— Теперь уже не знаю, — отмахнулась Лилит. — Я и в седле спокойно сидела раньше, а теперь коней видеть не могу.

— Что, боялся кто-то?

— До смерти просто. В панику впадал. Сильная эмоция, прям на поверхности была, я и ухватилась сдуру... Теперь вот расплачиваюсь, — Лилит ступила на палубу.

— Это потому что недоучка. Нормальные ментальщики годами учатся контролю, чтобы себя и чаруемого разграничивать грамотно. А ты с места в карьер, как обычно...

— Ой, не души! — устало поморщилась Лилит. — Пошли уже в каюты. Пока в море не выйдем, качка будет жуткая.

В двухместной каюте лежали вещи Лилит. В Синепалк она вошла на этом же корабле, который теперь держал обратный маршрут.

— А на второй кровати кто?

— Ты. Я всю каюту выкупила. Еще с приюта не терплю с кем-то спальню делить, — Лилит присела на кровать и устало провела руками по лицу. — А ты на гамаках, малец. Извиняй, места тут сам видишь.

— Да нормально... Посижу ток с вами, можно? Чет мне... — он не закончил фразу, не найдя нужного слова.

— Не по себе? Ну, посиди. Расскажи, что ли, как тебя нелегкая занесла на виселицу.

Он задрал рукав, показав свежее клеймо.

— Отцеубийца. Ну-ну. Правда или ложь?

— Правда, — кивнул мальчик.

— Заслужил хоть?

— Почем мне знать. Бог ему судья.

— Какой мудрый малец, — усмехнулась Лилит. — Ну и как ты попался?

— Да тупо как-то... Прилавок обносить пошел, и хвост не скинул. Сам виноват.

Лилит протянула ему один из кульков.

— В казематах кормят помоями. Поешь по-человечески.

Она сняла легкие монашеские туфли и улеглась на койку, закинув руки за голову.

— Дарь, откупоривай.

— Сама откупоривай. Я вино тысячу лет в руках не держала, — Дарири передала ей бутылку, все еще дуюсь.

— Чего с мордой? Летней вишни объелась? — Лилит присела, поджав под себя ногу и взяла в зубы выступающую пробку дутой бутылки.

— Черешни, — Дарири подвязала буйные кудри рыжих волос в пучок.

Лилит выдернула пробку с характерным звуком и понюхала вино.

— Оно, — сказала она с удивлением. — До последнего думала, что паленка.

— Зачем взяла тогда?

Лилит пожала плечами и отхлебнула из горла, чуть причмокивая.

— Потому что паленое сульянское оранжевое лучше, чем оригинальное северное. Любое. Зачем вообще пытаются, не понимаю. В нашем-то климате.

— Денег хотят, — Дарири скрестила ноги, держа спину ровной. — Стихийщиков нанимают, чтоб состав почвы меняли. Бардак!

Окри переводил взгляд с Лилит на Дарири, жуя медовый пирог.

— Вы обе колдуньи чтоль?

— Мать твоя колдунья! — рассердилась Дарири. — А мы чародеи.

Лилит расхохоталась.

— Злая тетя, тебя нижегородский назвал неправильно! Ой, мама...

Дарири чуть смутилась.

— Два правила, малец: не называй чародеев колдунами, магами, ворожеями, ведьмами, ведунами и так далее по списку. Второе правило: не зли стихийщиков. Они темпераментные и злопамятные все, как один.

Дарири покашляла возмущенно.

— Чего? Скажи еще, что не так, — Лилит протянула ей бутылку с вином. Дарири недоверчиво понюхала.

— Не так! — сказала она упрямо. — Это стереотип. Мы с Идри сколько из тебя твое крестьянское невежество выбивали?

— Мое крестьянское невежество, — передразнила ее Лилит, переводя глаза на мальчика и закатывая их. — Аристократы!

Мальчик хихикнул с набитым ртом. Дарири махнула на нее рукой.

— Детский сад. Ты на койке-то уместись на этой?

— Умещусь, только колени будут болеть потом. Я как-то раз на лодке ходила, там вообще выла волком. Спать можно было только калачиком. Везла девку мелкую, так она разлеглась на дне и кайфовала, пока я свои ходули пыталась хоть куда-нибудь пристроить. Несправедливость страшная! — пожаловалась она.

— А куда ты девку везла? — заинтересовался мальчик.

— Туда же, куда тебя. В Аньянг.

Мальчик поперхнулся.

— Мы на юг идем?!

— А куда ж еще. Не в Оренхай же.

— Епте, — только и выговорил он. — Они ж на всеобщем не бе не ме! Как я там буду-то?

— Не душись, малец. Я когда туда приехала тоже ни слова не знала. Жестами объяснялась сначала, потом слова начала подхватывать. Когда все говорят кругом, быстро учишься.

— А сколько тебе было?

— Девятнадцать, что ли? Дарь, сколько мне было?

— Девятнадцать, — кивнула Дарири.

— Ага, — Лилит отпила вино.

— А чего уехала?

— Надо было очень. Не твоего ума дело, малой. Пирог дай сюда, вон половину съел уже.

С голодухи живот разболится.

— А расскажи про Аньянг, Лилит. Нам обоим полезно будет, — Дарири отщипнула себе кусочек пирога и чуть расслабила плечи, приняв более удобную для долгого сидения позу.

— Ну, пейзажи вы сами увидите, я недостаточно красноречива, чтобы описать местные красоты. Могу про этикет рассказать, пригодится. При первом знакомстве принято кланяться в пояс, не склоняя головы, с прямой спиной. Если человек уже знакомый, можно поклониться одной головой. Медленно и почтительно. Аньянгцы терпеть не могут торопливых. Что еще... Садиться в гостях только по приглашению, и только на пол. У них там традиционно все столы напольные, стульев вообще не водится. В городах разве что, где приезжих много. По-хорошему к старшим нельзя обращаться первому, но это правило себя почти изжило. Вот только прям если в гостях у высокородного, или очень уважаемого человека, можно об этом вспомнить. В повседневности необязательно. Запоминайте, как здороваться: один говорит headoǰi, это значит “рассвет”. Второй отвечает illemol, это значит “закат”, — Лилит кивнула им. — Попрактикуйтесь.

Степенно кивнув и задержав голову вниз, Дарири с достоинством посмотрела на Окри и вымолвила:

— Headoǰi.

Тот замешкался и с сильным акцентом ответил:

— Иллемоль.

— Кивнуть забыл!

— А, точно.

Он неловко кивнул болванчиком, и Лилит улыбнулась.

— Ничего, придет. Дальше. Когда знакомитесь и называете свое имя, потом добавляете uoengwan. Это... — она зашевелила пальцами в воздухе, подбирая нужное выражение. — Что-то вроде “это честь для меня”. Как бы “честь вас узнать”, но это грубо. Чего косишься, я тебе переводчик чтоль?

Дарири негромко рассмеялась.

— Ржет еще... К женщинам обращаться как ajumma, к мужчинам — ajossi. Это аналог нашего кирья и кирье.

— А кто у них правит?

— Император Бул, десятый в династии Коч. Император он только формально, кстати. Аньянг давно уже не империя; на севере уперлись в горный хребет, на юге — в море, расширяться им некуда, да они и не стремятся уже. Северян не любят, сульянцев не любят еще больше, всеобщий не признают. Туда очень тяжело чужая культура просачивается.

— А архоны у них есть? Мэтры?

— А то. У них все более категорично, чем у нас: на чьей земле ты родился, тому и принадлежишь. Формально. По факту ты свободный человек, конечно, езжай куда хочешь. Только там, где твоя фамилия и династия никому не известна, ни на что рассчитывать не приходится. Опять же...

— Формально?

— Ага. Города теперь уже не села, принадлежащие наместникам, и они стали достаточно большими, чтобы всем было плевать, кто ты и как тебя звать. Традиционалисты они, в общем... Что касается наместников, то все они входят в одно большое собрание совета. И государственные решения принимают коллективно, голосованием. В какой-то мере они могут сами распоряжаться законами в своих владениях, пошлину там поднять, например, или запретить всем ездить на лошадях, как в том же Чинджу... Но общегосударственные законы... как же это слово... — Лилит замаялась. — Превалируют, во. Превалируют над местными.

Дарири широко зевнула. Послышался громкий звон колокола.

— Отчаливаем. Прощай, поганый Север! — Лилит закинула руки за голову. — Всего через пару лун будем в Чинджу.

— Сколько?! — переспросил мальчик пораженно.

— А ты думал? Нам, так-то, океан надо переплыть. Ты чего, малой, карты никогда не видел?

— А где мне, бляха, было на карты смотреть? В карточном магазине? — он чуть не плакал.

— Ты перенервничал сегодня, малой, — уже мягче сказала Лилит. — Иди-ка спать. Все теперь хорошо будет. Обещаю.

Он утер нос и кивнул, вставая.

— Если че вдруг... можно прийти постучать?

— Можно, — подмигнула ему Лилит. — Мы тут будем до утра. Как проснешься, дуй сюда. По кораблю тебя проведу, на ванты залезешь...

Окри кивнул, чуть успокоившись. Он попрощался и вышел из каюты, тихонько закрыв за собой деревянную дверь. Лилит потянулась.

— Бедняга. Много впечатлений для одного дня.

— Да уж да, многовато. Ты вообще в курсе, что на три тысячи ты могла бы две хаты в деревне купить? Или очень породистую лошадь.

— Или четыре тысячи буханок хлеба. Или золотую подвеску с камнями. Мы перечисляем вещи, которые мне нахер не упали, или чем мы занимаемся?

Дарири тяжело вздохнула.

— С тобой невозможно разговаривать, ты в курсе? Я всего лишь заметила, что три тысячи — большая сумма.

— Деньги это херня, Дарь. Сегодня есть, завтра нет. Я вон сколько за жизнь заработала, а все равно ни гроша за душой.

— Нет, это очень благородный акт, я не спорю...

— В жопу иди со своим благородством! — Лилит швырнула в нее подушкой. — Скажи еще “богоугодное дело”. Ты-то уж должна знать, что я не из благородства действую.

— Да уж знаю. Называй это как хочешь, но три тысячи, Лилит, твою мать!

— Да что ты пристала ко мне с этими тремя тысячами? Я тебе оставшиеся две дам, если ты заткнешься!

— Подкупить меня хочешь, зараза? Я тебе щас устрою две тысячи! — Дарири вернула ей подушку ответным броском. — Мое молчание стоит дороже!

— Торгуешься, а? Штаны могу отдать в довесок, хочешь?

— Штаны давай! А две тысячи себе оставь. Как раз гардероб обновить.

Они тихонько рассмеялись.

— Что будем делать две луны на этой посудине?

— Разговаривать. Играть в кости. Читать книги. С матросней болтать. Есть уху и пить дерьмовый грог. Я буду тренироваться. А если в шторм попадем, — Лилит повернулась на бок. — Шуруй к капитану и скажи, что ты стихийщица и можешь корабль быстренько вывести из всего этого дела. Сначала заломить цену, а потом сторгуйся.

— Наемница у нас ты, а не я. И не буду я никого из шторма выводить, тоже мне, нашли девочку на побегушках.

— Вот поэтому ты и трясешься над деньгами. Потому что зарабатывать их не умеешь, — широко зевнула Лилит, закрывая глаза.

Плавание прошло спокойно, без штормов, нападения сирен и других морских тварей. Все было так, как и сказала Лилит: чтение, игры в кости, разговоры и уха. Дарири радовалась возможности каждый день болтать с подругой, и чувствовала, как истосковалась по ней. Лилит же ощущала утомление от обилия общения, и часто искала одиночества. По ночам, когда Дарири засыпала, она выскальзывала из каюты и ходила на палубу. Просто стояла под морским ветром и слушала, как киль корабля разрезает волны. Окри довольно быстро адаптировался, оценил ситуацию, и к концу плавания был полон жизни и живого интереса к своему будущему дому. Он был неглупый парнишка, только рассеянный и в целом не очень разговорчивый. Лилит не приставала к нему с расспросами и беседами; она по себе знала, как это раздражает.

— Последняя ночь перед прибытием. Выспитесь оба. С утра быстренько закупимся в дорогу и пойдем. Ходом три дня, плюс-минус, — сказала она, потрепав мальчика по голове. Тот сдержанно улыбнулся.

— А что нужно купить?

— Меду три горшка, — раздраженно вздохнула Лилит. — Храм в горах, значит одежда нужная какая? Теплая. Идти будем три дня, значит еда какая нужна? Вяленая. Что за тупые вопросы, Дарь?

— Я просто спросила, не обязательно как сука себя вести, — чародейка обиженно скрестила руки на груди.

Лилит устало провела рукой по лицу и примирительно улыбнулась.

— Я знаю. Извини. Мы все устали друг от друга, засиделись к тому же, на этом корабле гребаном...

— Ага, — отвела глаза Дарири. — Засиделись.

— Давайте спать, а? Дорога быстро всю дурь выбьет. Тошнит уже от морского воздуха, если честно. Короткой ночи, малой.

— Да кончится она быстро, — кивнул он в ответ.

Дарири улеглась на бок, отвернувшись к стене. Она еще долго не спала, слушая, как сопит Лилит, и смотрела в пространство перед собой. Ее обуяла меланхолия и мрачные мысли. О своих чувствах, о миссии, о тех, кого она оставила на Севере. Ей долго пришлось повторять про себя мантры, чтобы ком в горле прошел, а рука, сжимавшая уголок подушки, расслабилась.

Лилит проснулась рано, и в нетерпении выскочила на палубу. Это был ее самый любимый момент: последние несколько мин перед входом в порт. Высматривать очертания города в утреннем тумане, растворяться в сладком предвкушении скорого прибытия, еще издали слышать звон портовых колоколов и голоса матросов, далеко разносящихся по воде. Она с нетерпением смотрела вперед, высовываясь за борт корабля. Когда в утренней дымке показались первые двускатные крыши и большой приземистый храм в центре города, Лилит не удержалась от восторженного, торжествующего вопля, заставившего проходящего мимо юнгу подпрыгнуть от неожиданности.

— Че голосишь, дурная?

— А ты че не голосишь? — весело ответила Лилит. — Приплыли, кирь! Наконец-то приплыли, твою мать!

Юнга что-то пробормотал про духовный дом и проследовал дальше по своим делам.

В порт зашли быстро, без долгого ожидания на якоре. Подобные задержки часто случались из-за расхождений в расписании, вызванных погодными условиями, ленью портовых распорядителей и другими непреодолимыми обстоятельствами. Лилит первой шагнула на корабельный мостик и сбежала вниз, спрыгнув на каменный причал. Она с наслаждением вдохнула полной грудью, поправляя висящий на спине рюкзак. Окри встал рядом с ней, пораженно озираясь. Он обводил взглядом причудливые изогнутые крыши, бумажные фонарики, натянутые между столбами длинными гирляндами, и причал, вымощенный крупным, плоским камнем.

— Весь город, что ли, на воде?

— Ну не весь, — Лилит была не в силах стереть с лица идиотскую улыбку счастья. — Половина где-то. Храм видишь? Он на сваях стоит, но под ним уже побережье. Потому что сейчас отлив.

— Ты же говорила, что храм в горах?

— Наш — в горах. Там живут монахи. А сюда приходят горожане.

— Типа как у нас церковь?

— Не совсем. Но принцип тот же. Пошли уже ноги разомнем, наконец-то твердая земля...

Лилит повела их в торговый квартал. Это было совершенно особенное место: куча узких улочек, соединяясь, образовывали неоднородный городской ландшафт из переулков и тупичков, и в каждом непременно болталась по меньшей мере одна вывеска. Дома почти все были в один-два этажа, построенные вплотную друг к другу. Какие-то из них слегка покосились, но все равно смотрелись нарядно, напоминая о синепальском верхнем городе. Здесь было не продохнуть: аньянгцы наводнили улочки, толпясь и толкаясь. Они были одеты в необычную одежду ярких цветов, похожую на халаты. Кто-то был в металлическом нагруднике. Почти все носили минимум один меч, как правило короткий, похожий на хэй Лилит.

— Одежда это силку и гойгуб, — Лилит проталкивалась сквозь толпу, весело что-то покрикивая. — А оружие разное. Ханеуль, йоту, йонгдалл, сама все не припомню. У кого на что хватает юнов, в общем.

— А куда мы идем? — с трудом лавируя в толпе, громко спросила Дарири.

— За барахлом! Скоро сворачивать, толкайся вправо!

Женщина, уронившая на землю какой-то овощ, похожий на деформированную белую морковь, громко закричала на Лилит, которая задела ее в толкучке локтем. Уносимая неумным течением движущейся толпы, Лилит что-то долго кричала ей в ответ, судя по интонации и выражению лица, совсем недружелюбное.

— Чего это она? — заинтересовалась Дарири, когда они вынырнули из толкучки и оказались в небольшом пустующем тупичке.

— А, — Лилит отряхнула рубашку. — Хотела, чтоб я ей за имбирь заплатила. Типа это я его на землю уронила. Поругала мою матушку, я поругала ее. Ерунда.

— Так значит, и тут шерстят, — с облегчением вздохнул Окри, найдя в этом совершенно чужеродном мире что-то для себя понятное. — Слава богу!

— Еще как шерстят, малой! За кошель в такой толпе всегда держись крепко. Пройдешь через толпу детей — без штанов останешься.

— Что ты все со своими штанами, — проворчала Дарири, поправляя растрепанные волосы.

— Потому что штаны — самая важная вещь в гардеробе, Дарири. Человек хорош ровно настолько, насколько хороши его штаны, — жизнерадостно ответила Лилит и шагнула на ступеньку, дернув на себя красную дверь с громким колокольчиком. — Пошли тратить денежки. Обожаю Чинджу!

Город не был обнесен каменной стеной, и не был отделен от остального мира воротами, как Синепалк. Прежде, чем Дарири успела опомниться, постепенно редящие домики и хижины остались позади. Взгляду ее открылась холмистая местность с большим количеством выступающих скал и разномастных камней. Высокая, тонкая бирюзовая трава шелестела под мягким ветром, слева простирались каменистые бухточки и утесы, а по правую руку тянулась длинная гряда огромных покатых гор.

— Одну ночь проведем вон в том подлеске, — Лилит указала рукой на виднеющиеся вдали темно-синие кроны. — И завтра к вечеру достигнем подножия горы. Там постоянный двор для паломников с просто кошмарными ценами. Но отдохнуть по-человечески перед восхождением надо.

Она шла вперед пружинистым шагом бывалого путника, и насильно замедлялась когда замечала, что Дарири и Окри отстают.

— Мы так луну идти будем! — недовольно крикнула она.

— Лилит, отвянь! Ноги отваливаются!

— Так начаруй ветерок!

— Не могу чаровать, я устала!

Лилит вздохнула, задрав голову к небу.

— Вселенная, дай мне терпения...

— Я могу быстрее! — Окри ускорился, чуть спотыкаясь.

— Давай ходить научу. Толкайся не стопой, а всей ногой, так, чтоб ягодица напрягалась. Не ржи, я серьезно. Выталкивай себя наверх и вперед, спина прямая,

подбородок вверх, плечи расправь. Наступай на пятку, переноси вес в шаг и толкайся носком. Не напрягайся так. Просто следи, чтоб вся нога участвовала.

— Сложно! — пожаловался Окри, смешно выхаживая вприпрыжку.

— Привыкнешь. Еще спасибо потом скажешь.

— А тебя этому кто научил?

— Опыт. Ну и следопыт один встретился во время работы. Несколько лун с ней в лесах окапывались. Много интересного показала, хорошая женщина. Следы научила читать. Хотя из меня все равно охотник дерьмовый. Из лука сколько ни пытаюсь, не могу научиться стрелять.

— А меня научат из лука стрелять?

— Из лука вряд ли. Монахи не убивают живых существ. Противоречит убеждениям.

— Как эльфы?

— Как эльфы, — согласно кивнула Лилит. — Но по другим причинам. Хватит трепаться, дыхание собьешь. Осваивай навык, шагай резвее. И ты, Дарь, тоже. Да оторви ты этот подол дурацкий! Говорила я тебе, переоденься в штаны!

Подлесок был сухой и ломкий: наломать хвороста на костер им ничего не стоило. Они разбили стоянку в тридцати-сорока шагах от тропинки, разложив вокруг спальники. Лилит полулежала, подложив под голову рюкзак, и задумчиво смотрела на огонь. В небольшом глиняном горшочке, прикопанном в золе, запекалась картошка.

Было безветренно, и тишину нарушал лишь треск костра и шорох палки, которой Окри вырисовывал символы на мягкой земле.

Дарири сильно клонило в сон после целого дня ходьбы, но она упрямо бодрилась, надеясь пересидеть Окри и поговорить с Лилит, когда тот уснет.

Мальчик ткнул палкой в костер.

— У тебя четыре марки, — заметил он.

Лилит кивнула, не смотря на него.

— Правда или ложь?

— Теперь уже все правда. Но так было не всегда.

— Где ты выросла?

— В мире, малец. Везде по чуть-чуть.

— А сколько тебе было, когда первую марку получила?

— Двенадцать вроде. Чтоб я помнила.

— В двенадцать — первую и вторую. В пятнадцать третью и четвертую, — ответила за нее Дарири.

— Урожайный был год, — хмыкнула Лилит, подбрасывая в костер горсть сухих веток. Те затрещали, занявшись огнем. — Первая была “убийца”. Потом “шлюха”, потом “воровка” и последней “безбожница”.

Дарири посмотрела на нее с укоризной, но промолчала.

— Безбожник редкая, — со знанием дела сказал мальчик.

— А то. Венец моей скромной коллекции.

— Как получила?

Лилит устроилась поудобнее, приготовившись рассказывать.

— Попалась я однажды страже, как и ты. Обносили ночью лавку, и кто-то нас сдал. Все успели удрать, а я перед старшим хотела выслужиться и хоть с чем-то уйти с очевидно

горелого дела. Повязали меня под белы ручки, клеймили воровкой. Долго в казематах держали, думала казнят. Но сжалились и определили в приют при монастыре. Синепальский был переполнен, и меня вместе с парочкой таких же отщепенцев перевезли в Исхерос. А дальше...

Девочке было пятнадцать, и она была полна решимости. Ей нужно было вернуться в Синепалк, к своим. Она не собиралась здесь оставаться; не собиралась получать еще одну порцию розг, не собиралась выслушивать мессы, читать заученные молитвы и учиться штопать. Она повернула голову, взглянув на свою подельницу.

Ее звали Тати. Прыткая и худощавая девчонка, чуть старше Лилит. Неклейменная сиротка с заячьей губой, жутко озорная. Они были не то что бы друзьями, скорее приятелями, которых объединяла общая ненависть.

Они лежали на животах под кроватью. В руке Тати крепко сжимала свечку, и лицо ее было до смешного серьезным.

— Пойдем ночью, после филина. Дурехи будут к тому моменту седьмой сон видеть.

Девочка кивнула, выражая согласие.

— Пройдем наверх через третью залу, там вторая дверь справа. Свяжем Дудлю, отроем ключ, и свалим.

Дудлей они прозвали настоятельницу монастыря — проворную и крепкую старуху, которая никогда не улыбалась и истово верила, что чем больше ты страдаешь в земной жизни, тем больше тебе воздастся в загробной. Эту веру она исправно доказывала делом, всячески издеваясь над своими подопечными.

Девочка не боялась старухи, но побаивалась того, что старуха могла сделать. Однако, страх был слабее ненависти. Ненависть заставляла ее просыпаться каждое утро. Ненависть вытаскивала ее из кровати. Ненависть заставляла ее запоминать каждую дверь, каждый замок, каждую нишу в стенах монастыря, в которую можно будет спрятаться, когда придет время. Ненависть заставляла ее читать молитвы задом наперед, и ненависть же заставляла ее думать, что это что-то значит.

— Трусишь? — осклабилась Тати. — Оська трусит!

Девочка взглянула на нее безбоязненно. Здесь, в приюте, была не жизнь. Чем бы ни кончилась эта затея, смертью или очередным голодным странствием, все было лучше, чем существовать здесь полуживой ветошью.

— Ты со мной до конца?

— До конца, — Тати протянула ей мизинец, как клятвенный знак. Девочка протянула ей свой.

Девочка лежала в кровати, не смыкая глаз. В ней бушевало волнение, предвкушение и решимость рискнуть всем. Под одеялом соседней кровати поблескивали две хитрые искорки, смотревшие на девочку заговорщицки.

Она слышала летучих мышей, переругивающихся под козырьком крыши. Где-то рядом заухал филин. Девочка взглянула на Тати. Та едва заметно кивнула.

Они вскочили, стараясь не разбудить других детей, спавших на бесчисленных низких койках, поставленных в четыре ряда. Они стянули с кроватей наволочки и простыни и на цыпочках двинулись между рядами посапывающих сироток.

Приоткрытая дверь шумно заскрипела старыми, полуржавыми дверными петлями.

Девочки замерли. Кто-то из детей зашевелился, перевернулся во сне. Все стихло. Они двинулись дальше.

Во всем монастыре стоял густой запах ладана. Девочка к нему так и не привыкла; даже спустя целый сезон он вызывал у нее тошноту.

В коридоре послышались шаги и голоса. Девочка увидела две тени, отбрасываемые на стену тусклой свечой. Тати настойчиво потянула ее за руку; они нырнули под лестницу и затаились.

Послышался скрип открываемой двери. Шаги и голоса стихли. Выждав еще немного, девочки зашевелились и быстро, бесшумно взбежали по каменной лестнице.

Они остановились перед нужной им дверью. Переглянулись, набираясь решимости. Наконец Тати кивнула и осторожно, стараясь не издать ни звука, отворила дверь.

Дудля, как они и ожидали, мирно спала, похрапывая. В руках она сжимала четки с крестом.

Координируясь жестами, девочки заняли позиции у изголовья кровати — каждая со своей стороны. Тати по очереди разогнула пальцы: раз, два, три.

Ловким движением затолкав в глотку Дудли скомканную наволочку, девочка схватила правую руку настоятельницы и резво привязала ее к кровати под протестующее, глухое мычание. Связав монахиню еще и по ногам, девочки удовлетворенно оценили результат.

Тати подбоченилась.

— Может, глаза ей выколем? Смеху ради, — спросила она, поигрывая в руках заточкой из деревянной ложки.

— Мы тут не затем, — девочка потрошила комод, сваливая всю найденную одежду в кучу. Ее было немного — несколько одинаковых монашских роб, кальсонов с оборкой, одно довольно закрытое, но все же светское зеленое платье из бархата.

— Грешно, сестра, — потряхивая платьем в воздухе, усмехнулась девочка. — В бордель, небось, хаживаете?

Дудля не отреагировала.

Вытащив ящики из комода, девочка обшарила внутри и выудила запертую шкатулку.

— Говори где ключ, старая, не то порежу, — Тати приставила к ее морщинистому горлу заточку. — Заорешь — сдохнешь.

Она вытащила кляп.

— Ничего не скажу, сатановы дети. Бог меня защитит, — спокойно сказала Дудля.

Тати вспыхнула. Нехорошо усмехнувшись, она процедила «посмотрим», и занесла вверх руку, сжимавшую заточку. Она снова и снова наносила удары под вопли и визги монахини. На белые простыни пролилась кровь.

— Ты че творишь?! — девочка шумно грохнула шкатулку о пол. Та оставалась закрытой. Под стоны Дудли, чертыхаясь, она не без труда подняла вынутый ящик комода и с силой ударила его ручкой о шкатулку. Крышка с треском отвалилась, дерево вмялось. Посадив пару заноз, девочка выудила оттуда медный ключ.

— Деру, твою мать!

Двери в коридоре открывались одна за другой, заспанные монахини в ночных сорочках выглядывали из них, встревоженные жуткими криками настоятельницы. Девочки рванули вниз. Они должны были сбежать вдвоем через заднюю дверь храма и кладбище, затем по сточным каналам до большого озера, таков был план. Но девочка внезапно остановилась, повинувшись неведомому импульсу тревоги, нарастающей с каждым шагом, который удалял их

от общих спален.

— Держи, — девочка передала ключ Тати. — Разбужу остальных.

— Ну уж нет уж! — Тати развернулась. — Вместе до конца.

Девочка коротко кивнула и они кинулись с шумом и гамом будить сироток, большинство которых было младше них.

— Шевелимся! — подгоняла Тати заспанных детей. — Кто не успел тот опоздал!

С лестницы доносился возмущенный ропот монахинь. Они спускались вниз, и спускались быстро. Кто-то пронзительно завизжал — видимо, обнаружив замученную настоятельницу, привязанную к собственной кровати.

Тати, ведя за собой хвост из полуспящих сирот, рванула в сторону задней двери храма. Девочка замыкала шествие.

Тяжелая дверь не поддавалась, и Тати едва не разбила себе плечо, пытаясь ее вытолкнуть. Когда та наконец распахнулась, ребягня толпой повалила в узкий проход. Тати придерживала дверь с другой стороны, давая детям выбежать.

Девочка оглянулась. словно на застывшей масляной картине она увидела разъяренные лица трех стремительно приближающихся монахинь, схватившихся за подола сорочек. Девочка закрыла глаза.

Резким пинком она вытолкнула последнего мальчика на улицу, после чего что есть силы рванула тяжелую дверь на себя, захлопывая ее. Тати стучала с той стороны, выкрикивая вымышленное имя девочки.

Пока добудились звонарку, пока объявили тревогу и организовали облаву, было уже поздно. Дети ушли через сточные каналы и были таковы.

Дудля выжила — заточка Тати была мелкой и все раны оказались поверхностными.

Клеймив девочку безбожницей, монахини передали ее в руки городской стражи, заявив, что ее пропадающая душа должна доживать свои дни в трудовом лагере.

— Да простит тебя Бог за твои деяния, Ося. Молись. В молитве и боли искупаются грехи, — напутствовала ее Дудля.

Закованный в латы патрульный крепко связал девочке руки грубой веревкой.

— Лилит, — смотря настоятельнице в глаза, сказала девочка. — Меня зовут Лилит.

— Не люблю эту историю, — кляня носом, недовольно сказала Дарири.

— Хорошая история, — не согласился с ней Окри, слушавший Лилит внимательно и замороженно. — Ты хорошо поступила.

— Да иди ты. Я каждый божий день в лагере жалела, что не смылась по-тихому.

— Важны не слова, а дела, — упрямо сказал Окри. — Тятя так всегда говорил.

— И посмотри, как кончил, — усмехнулась Лилит. — Так себе пример для подражания, а?

Окри не ответил, уперев глаза в землю. Лилит махнула рукой и улеглась на бок, закрыв глаза. Дарири разочарованно вздохнула и залезла в спальник с головой.

— А что мы будем делать в храме? — снова подал голос Окри.

Лилит приоткрыла один глаз.

— Отдохнем несколько дней. Потом я поеду в Чинджу. Работа у меня там.

— В смысле несколько дней? — встрепелась Дарири.

— Дольше не получится.

— Ну хоть тамису давай там побудем? Сама же говорила, что хочешь в горы,

тренировки там...

— Ну так и побудь тамису. Или две. Сколько хочешь можешь побыть. А мне работать надо.

— В смысле? — Дарири приподнялась на локте. — Ты без меня в город собралась?

— Работать я езжу одна, Дарь.

— Ну так и работай одна, я что, не найду чем заняться? — с досадой в голосе спросила чародейка.

Лилит сдержанно вздохнула.

— Посмотрим, — ответила она коротко. — Все, дайте поспать. Завтра до подножия еще весь день топать.

День выдался знойным, но несмотря на жару они достигли постоянного двора даже немного быстрее, чем планировали. Их встретило пять небольших минок, стоящих по бокам широкой дороги. На одной из них висела деревянная вывеска. Других паломников вокруг не было, но Окри и не смотрел вокруг себя. Он замороженно уставился на гору, которая круто уходила вверх, почти целиком прячась в рано наступивших сумерках.

Лилит поднялась на крыльцо минки с деревянной вывеской и небольшим фонарем на крыльце. Она тихонько свистнула мальчику, который замер, задрал голову к небу.

— Идешь? — спросила Лилит, дергая на себя дверь. Окри встряхнул головой, сбрасывая с себя наваждение, и последовал за Лилит внутрь.

— Рассвет, аджумма, — сказала Лилит по-аньянгски, едва ступив на ровный деревянный пол. — Одну минку на ночь.

Она подошла к стойке, и бросила на прилавок десять серебряных юнов.

— За минку пятнадцать.

— Уже пятнадцать? — Лилит вскинула бровь, и доложила оставшуюся монету. — С ужином и завтраком, хоть?

— С ужином и завтраком, — кивнула ей аньянгка. — До рассвета.

— Пойдет. Рассвет.

— Закат, — кивнула ей аньянгка, сдерживая зевок.

Они вышли и направились в одну из нескольких одноэтажных минок, крыши которых были выложены глиной и бамбуком. Лилит поднялась открыла раздвижную дверь.

— Прошу.

В центре минки стоял крупный деревянный столб темного дерева, подле него — напольный стол с несколькими подушками. Дарири увидела еще три раздвижные двери, прорезанные в ширмах.

Лилит направилась в одну из комнат и бросила рюкзак возле низкой спальной кровати, которая почти касалась пола.

— У меня вечерняя тренировка и баня, — сказала она, доставая из рюкзака комплект сменной одежды. — Ужин сюда принесут.

Окри с любопытством осмотрел все комнаты.

— Тут стен нет?

— Нет. Только ширмы. Так что горе тому, кто решит похрапеть ночью.

Покинув минку, Лилит выдохнула и спустилась с крыльца.

Последние несколько лет она работала над самоконтролем. Главным образом, она училась контролировать собственную вспыльчивость. Это было важно для овладения боевым

искусством айдзу кагэ-рю, которой ее учил Чи. Он всегда говорил, что не нужно избегать неприятных эмоций, но принять их, прожить, и отпустить. И если подходить к этому правильно, то момент проживания будет становиться все короче и легче, со временем все уменьшая твой внутренний мир, и приближая тебя к полному слиянию с внешним.

Это было непросто. Очень непросто. Лилит всю жизнь действовала, руководствуясь импульсом, чувством момента. И никогда не останавливалась, чтобы прислушаться к себе и что-то там прожить. Она неслась вперед сломя голову, и неважно, что было перед ней: превосходящий ее в силе соперник, обрыв скалы или драконья пасть. Даже работая, Лилит редко планировала надолго вперед. Опыт подсказывал ей, что все равно ничто никогда не идет, как задумано. Ее всегда выручала способность импровизировать и выдавать спонтанные решения, часто рискованные и опасные, но как правило эффективные. Умение думать на ходу спасало ей шкуру и, самое главное, позволяло выполнить заказ.

Жить в моменте это хорошо, говорил Чи. Но при принятии любого решения нужно уметь заглядывать в себя. Ментальное воспитание — вот, что было самым трудным. Не акробатика, не техника, не выпады, блоки и увороты. Дыхание, спокойное дыхание, размеренность, точность, простота. Не атаковать, как только представится первая возможность. Изучить себя, противника, окружение. Слиться с миром, слиться с воздухом. Проявить терпение.

Лилит стоило невероятных усилий не злиться на себя за неудачи. Когда она только пришла в храм, медитация была первым этапом на долгом пути освоения боевого искусства. Когда дело дошло до медитации на пустоту, у нее ушли луны, прежде чем она научилась не думать ни о чем хотя бы несколько мин кряду. Не думать, не видеть и не слышать. Не существовать.

Лилит медленно выдохнула, меняя стойку.

— Сколько займет восхождение? — спросила Дарири, глядя на уходящую вверх узкую тропку, вдоль которой было воткнуто множество палок, увешанных флажками, лентами и колокольчиками.

— Чуть больше половины дня, — Лилит вытащила одну из палок и ловко повертела в руках. — Если плестись не будем.

— А их можно брать? — спросила Дарири с сомнением.

— Их нужно брать, они здесь как раз для этого. Облегчают восхождение. Мы их оставим наверху, и заберем, когда пойдем вниз.

Окри выбрал себе палку, обмотанную синей лентой с небольшим глиняным колокольчиком. Дарири взяла первую попавшуюся, с двумя тканевыми фигурками, изображающими человечков.

— Ну, двинули.

Кое-где тропка была выложена камнями. На скалах виднелись частично смытые дождем рисунки и надписи, нанесенные углем или меловым камнем. В основном они изображали семиглавое существо с драконьими головами, но там были и люди, и островные маски, орнаменты, и много чего еще. Некоторые рисунки были подсмывы дождем, какие-то были совсем свежими.

— Здесь часто паломничают. Храм сравнительно большой, к тому же недалеко от города. Паломников любят, туристов — нет, — сказала Лилит, заметив интерес Окри к наскальной живописи.

— А это че? Дракон? — он указал на семиглавое чудовище, схематично нарисованное белым на бледно-серой горной породе.

— Это гидра. Священное животное в их вере.

— По легенде, мир появился из пламенного дыхания небесного дракона Тапантсе. Пламя создало свет, тепло создало жизнь, — пояснила Дарири. — А гидры — егс возлюбленные дети.

Лилит кивнула.

— В Аньянге нелегальна охота на гидр, гидрины бои и вообще причинение им любого вреда. Надо сказать, мерзавки этим с удовольствием пользуются. Жрут скот у деревенских, иногда разоряют урожаи. Чисто из вредности. Противные они, если меня спросите.

— Я думала, ты прониклась местными верованиями, — дыхание Дарири начало понемногу сбиваться.

— Мне не нужно верить в небесных драконов и почитать ящериц, чтобы учиться боевым искусствам. Храм вообще не про это. Он про путь к себе. Ты правильно сказала: “по легенде”. Для них это скорее красивая сказочка, чем истинная вера. Они вообще не особенно признают идолов. И не поклоняются никому.

— Сильно, — заметила Дарири. — Мне нравится.

— Ну. Знаешь, как у меня от сердца отлегло, когда я поняла, что не надо будет читать молитвы перед едой и притворяться, что тебе не все равно, что там после смерти?

Окри ненадолго ушел в себя.

— Я чет ваще никогда не думал, что верить можно в че-то еще. Ну, кроме Бога, — сказал он, оторвав глаза от земли.

— И как, — покосилась на него Лилит. — Веришь?

— Ну... — замялся мальчик. — Да. А как еще?

Лилит тихо фыркнула, и издала усталый вздох.

— Ты в приходе-то бывал хоть раз?

— Ну, пару раз был с мамкой...

— И что там услышал?

Окри смутился сильнее. Лилит невесело хмыкнула.

— Ламбианскую Книгу ты тоже не читал, и мамка тебе не читала. Так?

— Ты ж сама нижегородская, — буркнул Окри недовольно. — Знаешь что мы не читаем.

— Знаю. И тем это удивительнее: церковь собиралась тебя казнить, изуродовала на всю жизнь, а ты все равно хранишь им верность. Даже не зная ничего о боге, в которого веришь.

— Церковь и вера — не одно и то же, — заметила Дарири. — Ты-то, в отличие от него, умеешь читать. Должна понимать разницу.

— Бог — это идея. А церковь — воплощение этой идеи в нашем брэнном мире. В том, что воплощение такое уродское, виноваты исключительно люди. Но это не значит, что ненавидеть нужно только их.

— А ты Книгу читала, типа? — спросил Окри с сомнением.

— У меня отец был пастором, — Лилит покосилась на него насмешкой. — С пеленок слушала, заучивала, и на службу ходила каждое полнолуние. И знаю о ламбианцах достаточно, чтобы их презирать.

Окри немного помолчал, задумчиво пиная мелкие камни под своими ногами.

— Например? — спросил он.

— Например, — охотно подхватила она. — Что твое клеймо чудное обозначает, ты в курсе?

— Ну, грех, типа, — слегка неохотно ответил мальчик. — Что на мне теперь печать сатаны.

— Ага. И все?

— Бляха, не знаю. Наверное.

Услышав раздражение в его голосе, Лилит немного смягчилась.

— Не твоя вина, что не знаешь. Это в церковных школах изучают, которые нижегородским не светят. Хочешь, расскажу пока идем.

Окри кивнул.

— Тогда давай сначала. Книга описывает Катаклизм, который привел к кончине старого мира и зарождению нового. Конкретнее — падение Вавилона, крупнейшего торгового центра на тогдашнем Континенте. “Пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином блуда своего напоил все народы.”, цитируя Книгу. Ламбианцы верят, что язычники и племена прогневали Бога, и Катаклизм был проявлением его гнева. И что он непременно повторится, если мы не будем жить по его заветам. Конкретнее — по Книге.

— А откуда взялась сама книга?

— Была написана безымянным пророком, якобы. Ламбианство возникло вскоре после Катаклизма, но по-настоящему пошло в гору только когда люди обжились в новом мире. Начали формировать государства, осваивать новые земли.

— Еще чары и печати, — добавила Дарири. — В старом мире их не было. Когда люди их открыли, началась новая эпоха.

— Ага, — кивнула Лилит. — Ламбианство очень долго было просто еще одним верованием, которых раньше было по десятку на количество стран. Это сейчас их, считай, пять, а раньше было валом, и везде верили во что-то свое. На Севере, например, жили язычники. Это еще когда говорили на древнесеверном, и поклонялись Иштар.

— А потом что?

— Ламбианство не случайно укоренилось именно на Севере. Греховный Вавилон, который они так любят поносить, это современный Пиргос.

— Эт где колдунская академия?

— Чародейская, — поправила Дарири. — Говорят, раньше он был больше. Хотя не знаю, как это вообще возможно.

— Ламбианство основано на страхе перед судным днем, и проще всего этот страх вбить в тех, кто воочию видел разрушения от Катаклизма, — пояснила Лилит. — С годами ламбианские приходы становились обширнее, идеи — все более популярными. Пятьсот лет назад, когда Север был почти таким же, как сейчас, они стали достаточно влиятельны, чтобы занять место подле Короны. Они объявили северян избранным народом, а Север — священной ламбианской землей. Якобы именно там Агнец снизойдет на землю.

Окри слушал. Лилит продолжала:

— Дальше ты должен знать. Поначалу они вели себя тихо, но с каждым десятилетием все борзели. Сначала они перестали проповедовать на древнесеверном — дескать, люди носили этот язык в языческие времена, и слова в нем отравлены дланью Зверя. С задачей выдумать свой язык они не справились, поэтому перешли на всеобщий, на котором люди худо-бедно разговаривали. Прошло около ста пятидесяти лет, прежде чем ламбианцы выбили древнесеверный даже из самых глухих деревень. Теперь почти невозможно найти

того, кто все еще на нем говорит.

— “Выбили” как?

— Если в деревне живет больше двадцати человек, там будет свой пастор, которого назначает церковь. Обученный грамоте дьякон из церковной школы, который по этому праву является главой поселения. Пасторов обучали на всеобщем, а они уже распространяли его на местах. Через какое-то время особенно отпетых упрямец, которые не желали принимать ламбианство и продолжали говорить на дренесеверном, стали публично осуждать и называть еретиками. А за еретичество, как ты знаешь, у них полагается клеймо и изгнание.

Она посмотрела на Окри, опустившего глаза в землю.

— Кроме еретичества клеймят за блуд, воровство и убийство. В городах за блуд и убийство казнят, в деревнях — как решит село.

— А это почему плохо? — не понял Окри. — Я свою марку заслужил. И виселицу тоже, наверное.

— О, чувство вины они вдалбливают отменно, — фыркнула Лилит. — “Четвертый Ангел вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем” — вот этими строчками они оправдывают клейма. Раз согрешил, так обречен искупать всю жизнь — с клеймом тебя будут презирать, у тебя ничего не купят, и продадут что-то далеко не всегда. Ты знаешь, что в любой город кроме Синепалка хер попадешь с клеймом? По крайней мере, по закону.

— Не, не знал, — ответил мальчик. — Знал всегда, что у нас дышится легче. Так заезжие говорили.

— Все благодаря Варгулу. Хоть мэтро и не обладает властью менять законы или даже иметь свою стражу, Варгул умудрился наладить в Синепалке что-то похожее на нормальную жизнь. Там слабые приходы, куча клейменных нижегородских. И в город можно войти, не берясь за меч. Что касается клейм — они и для стыда тоже. По мнению ламбианцев, только в стыде можно отыскать покаяние. Они хотят, чтобы ты стыдился и страдал. Потому что им так удобно.

Окри поднял на Лилит вопросительный взгляд. Она выдержала небольшую паузу.

— Удобство и власть — все чего они хотят, малой. И доказать это очень легко. В Книге помимо этих четырех грехов упоминается еще один, но за него не полагается ни клеймо, ни наказание. “И не раскаялись они в убийствах своих, ни в чародействах своих, ни в блудодеянии своем, ни в воровстве своем”. Глава 9, стих 21.

Окри оглянулся на Дарири. Чародейка сохраняла молчание. Мальчик озадаченно повел головой.

— В смысле... Чародеи ж не выбирают такими родиться?

— Не выбирают, — подтвердила Лилит.

— Так и че... Ты с рождения прокаженный, типа?

— Именно. По мнению ламбианцев все чародеи рождены с грехом, тронуты Сатаной. И поэтому всю жизнь они должны положить на служение Богу, и искупление этого греха. А единственный способ служить — это вставать под плети церкви в Пиргосе, а потом сражаться в священном войске за Корону и Агнца, — Лилит усмехнулась. — Не врубаешься, нет? Вера в Книгу для них кончается там, где начинается выгода. А тех, кто по каким-то причинам в Пиргосе не учился, — Лилит кивнула на Дарири, шедшую чуть сзади. — Обходят стороной и презирают. Можешь у нее спросить, как это бывает.

— Лучше не болтать о том, что ты ренегат, — подтвердила Дарири. — Слава богу, на

нас нигде не написано. Большинство это скрывают, чтобы не портить отношения с соседями. Но это бывает тяжело.

Окри надолго погрузился в раздумья.

— Но это все же не Бог делает, — наконец сказал он. — Эт церковь. Кто сказал, что он их не покарает?

— Ага, — насмешливо ответила Лилит. — Покарает только так. Архиепископ воротит всем в стране, забирает земли и раздает их по щелчку пальцев. Церковные подати с деревень и архонов набивают казну, у него в подчинении все войско Севера и стража каждого из крупных городов. Такая кара божья, просто куда деваться.

— Ну, может, не щас. Потом, когда придет Агнец.

— Ну сиди жди, пока придет, — фыркнула Лилит. — Твою мать, как же крепко ламбианцы срут в голову...

— Оставь ребенка в покое, — подала голос Дарири. — Хочет верить — пускай.

— И ты туда же. Ламбианство это яд, Дарь. И его надо выбивать из башки чем раньше, тем лучше.

— Эт я сам решу, без всяких выбиваний, — подал голос Окри.

Лилит слегка закатила глаза, и издала тяжелый вздох.

— Как скажешь, малой.

Они довольно долго шли молча, переваривая этот разговор. Окри нарушил тишину первым:

— А где ты читать выучилась? Раз ты из земельников.

— Отец был грамотный, он подучивал на Книге. Но я никогда не горела — больше у нас читать было нечего.

— Мы ее учили, — сказала Дарири. — Читать и писать. Изумляюсь как преуспели, если честно.

— Это да. Меня невозможно было за стол усадить. Я в подвале пряталась, лишь бы в сотый раз не выводить алфавит.

— Ой да прям, в подвале! Не так уж все было плохо.

— Я тебе серьезно говорю. За винными полками ныкалась. Терпеть ненавидела эти уроки. Зато потом, — она дернула бровью в сторону Окри. — Начала читать то, что мне самой было интересно.

— Истории какие-нибудь, про героев?

— Держи карман. Руководства для дипломатов и переговорщиков, в основном. Истории родовых домов, если удавалось достать. Книги по следопытству тоже были интересные, но их днем с огнем было не сыскать.

— Тоска зеленая, — Окри слегка вспотел.

— А то, — кивнула Лилит. — Я вообще жутко скучная. Поэтому не будь как я, малой.

— Ты смотри не лопни от мудрости-то, — улыбнулась Дарири. — Крепко же тебя монахи воспитали. Поучать других вон начала.

— Да меня б кто поучил, когда я соплячкой была. В Аньянге не просто так детей отдают в подмастерья с пяти-шести лет. Чтоб мозгов набрались.

Дарири фыркнула.

— Идри об стену чуть не расшибся, пытаюсь тебя хоть чему-то научить. Не особо помогло.

— Это потому что мне всегда плевать было, что он обо мне думает. Слишком активно в

отцы набивался.

— Дура ты, Лилит, — с досадой сказала Дарири. — Он хороший старик, добрый. Пригрел тебя, выучил задарма. А ты все зубы скалишь.

— Жуткая дура, — согласно кивнула Лилит. — И злобная притом. Да еще и лицемерить не люблю.

— Это вежливость называется, — Дарири остановилась, переводя дыхание. — И уважение.

— Уважение надо заслужить, — Лилит притормозила, ожидая, пока та отдышится. — Оно не дается по умолчанию просто потому что.

— И что, ты хочешь сказать, что Идри за три года не сделал ничего, заслуживающего уважения? — Дарири возобновила медленный шаг, опираясь на палку.

— Что-то сделал. Но недостаточно. Хребта у него нет. По крайней мере, я его никогда не видела.

— Чего нет? — заинтересовался Окри.

— Хребта. Так говорят, когда человек трус и козел.

— Идри не трус и не козел, хватит уже помоями лить! О себе думай, чем других судить! — вспыхнула Дарири.

— Как скажешь, чародейка, — пожала плечами Лилит.

Вскоре они достигли снежной части гор. Дарири и Окри достали из рюкзаков купленные в городе накидки. Было зябко, дышать стало труднее, и даже видом было не насладиться; они углубились в горную гряду, и их окружали только скалы, камни, земля и редкая растительность. Но и она постепенно исчезала, вытесняемая из пейзажа снегом и камнями. Увидев, что Лилит так и осталась в легких воздушных штанах и жилетке, Окри недоверчиво спросил:

— А ты че? Закаленная?

— Я не мерзну, малой, — ответила Лилит.

— Че, совсем? — озадачился мальчик. — Заливать брось.

— Если ее в сугроб положить спать, к утру только снег вокруг растает, — подтвердила Дарири через отдышку. — Мы проверяли.

— Что не значит, что мне было приятно спать на земле, — вяло огрызнулась Лилит.

— Мне б так... — проворчал Окри вполголоса.

Они прошли ущелье, не без труда преодолев длинный веревочный мост, растянутый над пропастью. Опасаясь ступать на шаткую конструкцию, Дарири создала под собой порыв ветра, способный поддерживать ее тело, и перенесла себя на другую сторону с помощью чар. Это простое действие отняло у нее много сил: лицо осунулось, под глазами пролегли мешки, движения стали вялыми, а настроение сильно испортилось.

На выходе из ущелья Лилит указала рукой вниз. Взглянув вниз с каменного обрыва, Дарири увидела глубокую, идеально круглую пропасть, будто нарочно выбитую в скале. Внизу росли деревья, а больше с такой высоты ничего нельзя было разглядеть.

— Считается, что такие вот углубления в горах — следы ног Тапантсе.

— Больше похоже на след от червоточины — опасно отходя от края, заметила Дарири.

— Вместо того, чтобы отпускать комментарии на тему твоего невероятного занудства, я объясню Окри, что такое червоточины, — фыркнула Лилит, двигаясь дальше по узкой

тропке. — Это такая аномалия. Иногда возникают в воздухе и выжигают все вокруг. Дерево, камень, даже воздух.

— Малоизученное явление, — кивнула Дарири, держась рукой за скалу слева. — Теорий больше, чем фактов. И что их вызывает, неизвестно.

— И че... там так и остается пустота? — спросил мальчик с плохо скрываемым страхом.

— Нет конечно. Заполняется воздухом, землей, водой, в зависимости от того, где возникла. Но не сразу. Какое-то время там ничего нет.

— И че будет, если туда... ну, сунуться?

— Я почему знаю? — рассмеялась Лилит. — Как-то пока не тянуло проверять.

— Дышать будет нечем. Тепло будет уходить из тела. Пол-мины, может, протянешь, потом все, — Дарири повернула голову, стараясь не смотреть вниз.

— Иди боком, если боишься.

— Пожалуй что и пойду, — чародейка прижалась спиной к скале.

— Иди-иди. Авось даже до судного дня до храма доберемся, — усмехнулась Лилит, подмигивая Окри.

Храма они достигли вскоре после заката. Он лежал в снегах огромным спящим драконом, и шипы на спине в виде многочисленных шпилей крыш, казалось, подпирали собой небосвод.

— Здоровый какой! — восхищенно прошептал Окри.

Храм был сложной, но цельной ассиметричной конструкции; пристройки уходили вверх, повинаясь неровному гористому ландшафту, и плавно перетекали одна в другую по убыванию размера. Каждый архитектурный элемент занимал свое место. На легком ветру мягко пели бубенчики и колокольчики, на широком крыльце главного здания висело два магических фонарика.

Пока Дарири впитывала величие и самобытность внешнего вида храма, Лилит буднично поднялась на крыльцо, стаптывая снег с сапогов. Главная дверь была резной и массивной, с большими кольцами. Лилит взялась за одно из них обеими руками, и с силой потянула, упираясь ногами в землю. Створка медленно, со скрипом приоткрылась.

— Я обычно хожу через боковую, сразу в жилые, — Лилит шагнула внутрь первой. — Но для вас уж устрою полный парад, так и быть.

Главный зал был огромным и пустым; на полу лежали небольшие коврики, а на многочисленных колоннах красовались разнообразные геометрические орнаменты. Зал казался скорее функциональным, чем нарядным, и, проходя вслед за Лилит по широким коридорам, Дарири убедилась, что эта оценка применима ко всему сооружению храма.

Они дошли до длинного ряда одинаковых дверей, и Лилит принялась отсчитывать их, выискивая нужную.

— Ваши покои, кырри, — она жестом пригласила их внутрь. — Я тоже спать. Утром тренировка.

— Погоди! А нам что делать?

— Что хотите, — пожала плечами Лилит. — Осмотритесь, познакомьтесь с кем-нибудь. Утром отведу вас на завтрак. Короткой ночи.

— Да кончится она быстро, — буркнула Дарири недовольно, закрывая дверь. Она присела на жесткую односпальную кровать в углу комнаты, положив свой рюкзак у ее

изголовья. Окри так и остался стоять посреди комнаты, растерянно оглядываясь. Смятение, написанное на его лице, вызвало в Дарири сочувствие.

— Я не из нижегородских, — сказала она негромко, укладываясь на кровать. — Но я тоже рано лишилась дома. Я помню это ощущение: новое место, незнакомые лица. Все чужеродное, будто кто-то вырвал тебя из родного гнезда, и заставил лететь на неокрепших крыльях.

Окри аккуратно присел на кровать напротив.

— А легче станет? — спросил он негромко.

— Да, — кивнула чародейка. — Со временем.

Окри покивал. Дарири улыбнулась в темноте.

— Давай спать. Утром все будет лучше.

Лилит встала за час до рассвета, и долго сидела в темной комнате, настраиваясь на грядущий день. Ей потребовалось слегка размяться и умыться талой водой, чтобы стряхнуть сон. Перетянув на затылке высокий хвост и одевшись в тренировочную одежду, она покинула комнату с чувством предвкушения на сердце.

В такой час холлы еще пустовали; вопреки стереотипам, монахи ценили здоровый сон и использовали каждую выделенную на него мину. Все, кроме Чи: перед рассветом его всегда можно было застать на широком балконе второго этажа.

Увидев знакомую прямую спину пепельного цвета и спиральнозакрученные рога, Лилит ненадолго застыла на месте. Она медленно подошла и села рядом с Чи, приняв медитативную позу.

Нужное состояние пришло не сразу: в голову лезли назойливые мысли, а тело требовало движения. Но Лилит упрямо возвращала себя к пустоте, и вскоре перестала ощущать течение времени. Она продолжала медитацию, пока Чи не открыл глаза и не сказал:

— До отъезда твое дыхание было ровнее.

Лилит повернула к нему голову, и взгляды их глаз цвета аметиста встретились.

— Вы разочарованы, мастер?

— Ничуть, — легко улыбнулся Чи, и повернул голову к заснеженным горным вершинам. — Давай выпьем чаю и поговорим.

Лилит с готовностью встала и подошла к небольшому столику со вделанной в него жаровней, на которой стоял заранее подготовленный глиняный чайник. Она развела огонь искрящимся камнем, и приготовилась ждать.

— Как поживает Амелия? — спросила она.

Чи поменял позу, скрестив длинные ноги.

— Мастер Пайндо тренирует ее. Она полна живой энергии.

— Она выбрала магдэ?

— В большей степени магдэ выбрало ее, — улыбнулся Чи.

Лилит поднесла стол и поставила его рядом с монахом, взяв горячий чайник за ручку и налив воды в круглую, широкую плошку.

— Я привезла еще одного мальчика, мастер.

— Пусть присоединяется ко всем, — он медленно кивнул и взял плошку в обе руки, вдохнув пар. — У меня к тебе вопрос, каин.

— Да, мастер? — Лилит налила себе чай.

— Я хочу, чтобы ты была честна с собой. Почему ты выбрала айдзу кагэ-рю?

— Это древнее искусство, — не задумываясь, ответила Лилит, беря в руки плоску.

Чи с улыбкой качнул головой.

— Это не ответ, каин.

Лилит задумалась.

— Потому что против него не существует эффективных техник защиты.

Чи кивнул.

— Каждый сам волен распоряжаться своим мастерством. Ты выбираешь нести смерть, — он сделал длинную паузу, неспешно отпивая чай. — Для чего тебе кэндзюцу, каин?

Лилит сощурилась на блестящий на солнце снег. Она чувствовала, к чему он клонит. Но лгать и притворяться не собиралась.

— Для моего пути, мастер.

Чи снова медленно кивнул.

— Ты юна, каин. Ты еще можешь выбрать, куда пролегает твой путь. Ты используешь мастерство для земных дел. И много времени проводишь в них.

Лилит отпила чай.

— Нельзя жить в облаках, пока ты живешь на земле, — посмотрел на нее Чи. — Ранс или поздно придется выбрать.

Лилит долго молчала, опустив голову и смотря на то, как в ее плоске медленно раскрываются чайные лепестки.

— Я понимаю, мастер, — наконец сказала она тихо. — Мне нужно выполнить один заказ. И я вернусь, насовсем. Или...

— Или останешься на земле, — согласно кивнул Чи и улыбнулся ей ободряюще. — Это не прощание, каин. Куда бы не завел тебя твой путь, ты всегда будешь нести в себе частицу мудрости айдзу кагэ-рю.

Лилит сдержанно вздохнула, смутно ощущая внутри странную горечь, ей не присущую. Она посмотрела на мастера.

— Всегда ведь есть ниндзюцу, верно? — усмехнулась она с грустью.

Чи кивнул.

— Всегда есть ниндзюцу, каин.

Все утро она проходила смурной, и даже спарринг с Амелией не поднял ей настроения. Лилит не смогла уйти от простейшей подсечки, и даже не сделала попытки перекатиться и вернуться в стойку, так и оставшись лежать в снегу.

— Да что с тобой такое? — весело спросила Амелия, проворачивая в руках магдэ — длинный деревянный шест. — Что там внизу стряслось?

— Внизу? — спросила Лилит, задумчиво глядя в небо. — Ничего. Чи больше не хочет учить меня.

Амелия удивленно вскинула брови.

— Сказал, что мне нужно выбрать, — Лилит неохотно поднялась и отряхнулась от снега. — Работа или храм.

— Так, погоди! В смысле не хочет? Просто выбери храм и учись на здоровье! — Амелия подняла с земли ее магдэ и протянула его Лилит.

Та тяжело вздохнула, задрал голову к небу.

— Да как, Ам-ам? — спросила она с горечью в голосе. — Как я откажусь от работы?..
Помнишь мое первое правило?

Амелия тоже окинула взглядом бледно-лиловый небосвод, словно ища, на что смотрит Лилит.

— Он прав, Ли-ли. Ты же сама знаешь. Нельзя принадлежать двум мирам сразу, — сказала она уже серьезнее.

Лилит взяла в руки сыпучий снег, ничего не ответив.

— Брось свою меланхолию. Давай тренироваться. Доживи сегодняшний день, а завтра...

— Завтра солнце взойдет на востоке, — закончила за нее Лилит, не без усилий стряхивая с себя груз тяжелых мыслей и вставая в стойку. — Давай тогда. Покажи, чему успела научиться, пока меня не было.

Дарири и Окри сидели на подушках в главной зале, ожидая Лилит. Дарири поглядывала на проходящих мимо монахов с робким интересом; кто-то был одет в черные тоги, кто-то в тренировочную одежду, такую же, в какой ходила Лилит. Некоторые держали в руках тренировочные мечи, и все, как один, не обращали на чародейку и мальчика никакого внимания.

Утреннее солнце клало на пол длинные желтые следы, просвечивая через арочные окна без стекол.

Наконец, Лилит показалась в одном из дверных проемов. Рядом с ней шла северянка лет восемнадцати, которая едва доставала Лилит до плеча. Каждая несла в руке по длинному деревянному шесту, держа его перпендикулярно земле. Они о чем-то увлеченно болтали.

Заметив Дарири, Лилит кивнула своей спутнице в ее сторону. Они неспешно подошли.

— Ам-ам, это Дарири и Окри, — сказала Лилит на всеобщем. — Это Амелия.

— Почтена, — Амелия протянула мальчонке руку. Тот смущенно пожал ее.

— Не знала, что тут есть другие северяне, — Дарири окинула Амелию оценивающим взглядом.

— Несколько, — кивнула Амелия, игнорируя ее холодный тон. — Почти всех привезла Лилит. Меня в том числе.

— Тебя тоже? — спросил Окри.

— Ага! — девушка присела возле него, потирая курносый нос. — Ты храм уже осмотрел? Нет? Пошли покажу тут все. С мастером своим познакомлю.

Окри посмотрел на Лилит вопросительно. Та утвердительно покивала.

— Ли-ли, в полдень в обеденной?

— В полдень в обеденной.

Амелия увела Окри, на ходу что-то рассказывая о храме. Дарири посмотрела на Лилит недоверчиво.

— “Ли-ли”?

— М? — Лилит подняла на нее глаза. — Я на балкон, чай пить. Если хочешь, пошли со мной.

Дарири зашагала бок о бок с ней, сомневаясь, стоит ли высказывать свои мысли вслух.

— Ты мрачная. Что-то случилось?

— Не бери в голову, — махнула рукой Лилит. — Обычная драма.

— Это как-то связано с Амелией?

— Это абсолютно точно никак не связано с Амелией, Дарири. Это вообще ни с кем не связано. Слушай, если ты с расспросами хочешь приставать, может лучше пойдешь займешься чем-то еще? Я не в настроении.

— Да ладно, ладно... Успокойся. Просто проявляю заботу, — пробормотала чародейка. Они вышли на террасу второго этажа.

— Планы поменялись, — сказала Лилит, зажигая жаровню. — Я уйду завтра.

— Как завтра? — растерялась Дарири.

— Вот так. Хочу побыстрее разобраться с работой.

Чародейка нервно провела рукой по буйным рыжим волосам.

— Ну... тогда поедем завтра. Ты же не передумала брать меня с собой?

— Вообще я не собиралась, — ответила Лилит со вздохом. — Но, как я уже сказала, планы поменялись. Наливай чай и наслаждайся видом. А мне надо подумать.

Тоска не отпускала ее до самого ужина. Тренировка с Чи прошла буднично, разве что Лилит была отвлечена и расфокусирована. Он не адресовывал ее рассеянность и не комментировал ошибки. И от этого на душе было еще поганее.

— Спасибо, мастер, — Лилит поклонилась, убирая мечи в ножны.

— Спасибо, каин, — он поклонился в ответ.

Она замерла, желая сказать что-то еще, но нужные слова никак не приходили. Ей хотелось обещать, что она вернется, или попрощаться, или хотя бы задать какой-то дурацкий вопрос; что угодно, лишь бы немного растянуть этот момент, в котором высокий кхин находился рядом с ней.

— Я знаю, что твоя душа мечется, каин, — заговорил он первым, глядя на ее несчастное лицо. — Помни, что жизненный путь имеет свойство совершать полный круг. Ничто никогда не кончается по-настоящему.

Лилит кивнула, сглатывая слезы. Она не привыкла к тоске расставания; уходить для нее всегда было легче, чем оставаться. И это внезапное нежелание делать выбор, перед которым она оказалась, душило ее изнутри обреченным пониманием, что что бы она ни выбрала, она лишится чего-то важного для себя.

— Даже если сейчас так не кажется, — добавил Чи ободряюще.

— Я постараюсь об этом не забывать, — через силу улыбнулась Лилит, смотря на него снизу вверх.

Чи кивнул в ответ с легкой улыбкой.

После тренировки Амелия присоединилась к ней за поздним ужином. Обеденная с несколькими напольными столами почти опустела.

— Как тебе Окри? — спросила Лилит, кладя в рот шарик липкого риса.

— Сообразительный, — кивнула Амелия с набитым ртом. — Смешной. Хорошо будет, если останется.

— Не уверена, что он тут приживется. Он же нижегородский, у него с детства пятки к земле прибиты.

Амелия пожала плечами.

— Я же прижилась. Поглядим, какой смысл загадывать?

Лилит согласно кивнула.

— А чародейка твоя что тут делает? Вредная она какая-то.

— Да увязалась хвостом с самого Севера. Соскучилась, говорит. Я как бы не против, лишь бы не мешала, — опустошив пиалу, Лилит потянулась к чайнику.

— Взрослая женщина вроде, своих дел чтоль нет? — хохотнула Амелия, жестом прося подлить ей чай.

— Видимо, нет. Не знаю, Ам-ам. У меня так точно есть дела поважнее, чем выяснять, что за придурь ей в голову стукнула. Прощальный тост?

— За твои великие дела, — сказала Амелия торжественно, поднимая в воздух чашу. — Свершенные, и те, которым только предстоит свершиться. И, — добавила она с хитрым прищуром. — Чистой и гладкой, Ли-ли.

Лилит улыбнулась и они легонько чокнулись.

— Ты с утра уходишь? — спросила Амелия, отпивая чай.

— До рассвета, — кивнула Лилит.

— Тогда провожу тебя сейчас. До спальни. Мы с Пайндо отлично ладим еще и потому, что оба ненавидим рано вставать.

— Выспись. Тебе еще весь день шестами по голове получать.

— Для того и живем! — улыбнулась Амелия. Лилит подумала, что, наверное, будет по ней скучать. Редко и совсем немного, но будет.

Лилит потрепала Окри по голове, и поправила лямку своего рюкзака.

— Веди себя прилично, малой. Амелия за тобой присмотрит. И язык учи.

Окри кивнул.

— Я тебя увижу?

— А я почему знаю? — подмигнула ему Лилит. — Время покажет. Ложись обратно, рано еще. Так, а обниматься не лезь! Я не люблю это все. Кулачок можешь отбить. Долгой жизни, малой.

— Долгой жизни, Лилит, — зевая, ответил он.

Дарири ждала ее у двери, потирая заспанные глаза.

— Идем?

— Идем.

Лилит оглядывалась, пока они шли к выходу. Знакомые стены стали казаться чужими, будто она оказалась здесь в первый раз. Она остро почувствовала, что храм никогда не был ее домом, как бы ей того ни хотелось. Все, чем он смог стать для нее, так это очередным перевалочным пунктом на долгом пути без точки назначения. Но этого было достаточно, чтобы улыбнуться ему на прощание и поблагодарить за все.

Окинув спящего дракона последним взглядом и вдохнув прохладный воздух, Лилит развернулась, и больше не оглядывалась. Как только храм пропал из поля ее зрения, он исчез и из мыслей; теперь все они были о работе и только о ней.

Дарири казалась куда более расслабленной, чем накануне. Она не приставала к Лилит с разговорами, вместо этого развлекая себя простенькими чарами во время привалов. Она перебрасывала из руки в руку магический огонек или забавлялась с водой, придавая ей разные формы: бегущей лошади, ревущего дракона, заледеневших гор. Лилит радовалась такая перемена; она позволяла ей пораскинуть мозгами, пока на это было время, и четко сформулировать первостепенные задачи.

О торговле людьми она знала немного. Например, что обычно рабов продают поодиночке, из рук в руки; гораздо реже — на подпольных невольничьих рынках. Но регулярные продажи крупными партиями, да еще и с двойным пересечением границы — это было что-то новенькое, и пахло крайне интересно.

Она всегда находила разведывательную работу самой интересной частью заказа. Способов получить информацию было множество; полевая разведка, прикрытые, обмен услугами и взятки, если знаешь, к кому пойти. Лилит не так много работала в Чинджу, чтобы обрести там должными связями, но все же ей была известна пара имен. И она уже представляла, откуда начнет свои поиски.

Через два с половиной дня пути они с Дарири достигли города. Сегодня он был тих и неспешен; прохожие передвигались мерно, было не так изнурительно жарко, как когда они только прибыли. Получив возможность не торопясь рассмотреть город, Дарири смогла по достоинству оценить его шарм, и странную, присущую ему дихотомию. Бедность встречалась с богатством, как покосившаяся минка чуть не падала на свежескрашеный коттедж. Старость встречалась с юностью, как танцующие и поющие на узких улочках старушки обмахивали платками проходящие мимо молодые пары. И каким-то волшебным образом все это не создавало разительный контраст, но сливалось в одну гармоничную картину, цельную и самобытную.

— Я понимаю, почему ты любишь это место, — Дарири засмотрелась на довольно крупное здание с тремя козырьками крыш и длинной дверью.

— За полные тупиков узкие улочки и трущобы, в которых можно потерять сколько угодно хвостов, — с усмешкой кивнула Лилит, и слегка закатила глаза, встретив осуждающий взгляд чародейки. — Шучу. Пошли в комнаты.

— Куда?

Лилит кивнула на здание, перед которым они остановились.

— Тут стоят комнаты под сдачу. Аренда дома — это бешеные деньги, так что потеснимся. Ты, кстати, поменяла свои чеканки на юны?

— Когда бы я успела? — взмахнула руками Дарири.

— Ну так иди к ростовщику тогда, я пока нас заселю, — Лилит взяла у Дарири ее рюкзак. — И давай шустрее. Мне работать еще.

Чародейка направилась вверх по узкой улице, и прошла мимо деревянного знака, изображавшего звонкие монеты. Она часто останавливалась на углах и перекрестках в задумчивом нетерпении, и шептала губами, будто о чем-то вспоминая. Наконец, она достигла дома грязно-бежевого цвета, покрытого крупными трещинами, и, найдя нужную неприметную дверь, скользнула внутрь.

Как только на город опустилась темнота, Лилит покинула комнаты, предоставив Дарири самой себе. Чародейка заверила ее, что найдет себе занятие. Пойдет пробовать местную кухню, например. Посоветовав ей пару местечек, Лилит оставила посторонние мысли за порогом и направилась в плавучую часть города. Путь ее лежал в припортовые кварталы и таверны; туда, где отирались матросы, пираты, капитаны, контрабандисты, и прочие неприятные личности.

Приметив в переулке оборванную нищенку, судя по взгляду, совершенно безумную, Лилит медленно подошла к ней, стараясь не совершать резких движений.

— Рассвет, аджумма, — сказала она, мягко улыбаясь.

Женщина подняла на нее глаза. Вокруг них мелкой сеткой протягивались почерневшие капилляры и сосуды; такие бывали либо у глубоких фекковых наркоманов, либо у перенесших грибную чахотку. Вторые выживали чаще первых, но, судя по безумию в глазах женщины, это была не чахотка.

— А?

Лилит перестала улыбаться и посмотрела на женщину властно и строго.

— Пошли за мной. Сейчас же.

— Кто ж так разговаривает со старой женщиной, — пробормотала она, послушно вставая на ноги. — Совсем совести нет...

— Шагай давай, — Лилит отвела ее в переулок неподалеку. — Раздевайся.

— А? — женщина пугливо огляделась, словно не понимала, откуда доносится голос.

— Раздевайся, кому говорят, немедленно! — Лилит расстегнула рубашку.

— Среди бела дня грабят... — пожаловалась женщина, снимая обноски и передавая их Лилит. — Совсем совести нет.

— Заткнись и надевай, — она отдала ей свою рубашку и штаны, и понюхала лохмотья наркоманки. — То, что надо. Держи вот, — она протянула ей монетку. — На дозу.

Женщина зачарованно смотрела, как серебряный юн бликует в ее руках. Лилит оделась, и оторвала безнадежно короткие рукава заношенной рубашки. Она присела на корточки, и зачерпнула в ладонь немного грязи вперемешку с землей. Тщательно вымазав ей руки, шею и лицо, Лилит облепила ею волосы, и поднялась на ноги.

— Долгой жизни, — бросила она застывшей на месте женщине, покидая переулок. — Хотя в твоем случае лучше бы пожелать короткой.

Дойдя до порта, Лилит начала с того, что отыскала точку с хорошим видом на пять из десяти кораблей, стоявших в порту. Чуть поодаль, в нескольких шагах спал мужчина, судя по неповторимой смеси запахов дешевого сакэ и немытого тела, пьяница и бездомный.

— Ты прям как на заказ, дружище, — сказала ему Лилит, устраиваясь рядом и прислонив голову к стене сбоку.

Позиция была занята. Теперь оставалось лишь ждать и наблюдать.

Что можно выяснить, просидев в обнимку с бездомным алкашом полночи?

Во-первых, три брига, стоявшие в порту, были грузовыми и курсировали по маршруту Аньян-Сульян-Оренхай. Еще два, барк и тендер, были пассажирскими и шли с Островов в Аньян, затем на Север и назад на Острова. Во-вторых, капитан оренхайского судна, названного Железной Девой в честь ее высочества, был отпетым скотом и шлюховодом, гонявшим свою команду по поводу и без. В-третьих, в порту стояло до отвала нагруженное пиратское судно, которого по закону там не могло стоять в принципе. Пираты фривольно гуляли по порту, но вели себя относительно прилично. Лилит это заинтересовало по двум причинам: во-первых, с оренхайскими пиратами работалось довольно легко, если знать к ним подход. Во-вторых, пиратское судно в порту при наличии вокруг стражи означало, что с их местным командиром можно было договориться.

Когда стемнело окончательно, и портовая суета постепенно сошла на нет, оставив на улицах лишь одиноких, вдрызг пьяных матросов, Лилит засобиралась. Пьяница, составлявший ей компанию этим вечером, в какой-то момент перестал посапывать, и, похоже, не дышал. Лилит положила ему на грудь два юна, подкинутые ей корабельным грузчиком, и отправилась в комнаты.

Чинджу стремительно пустел. Кабаки закрывались, гасли фонари. Пошел мелкий дождь.

Неслышно вышагивая босыми ногами вверх по каменной улочке, Лилит размышляла, тихо напевая себе под нос.

Одно время она профессионально занималась тем, что искала проблем. Ходила в неположенное время в неположенных для прогулок местах. Это была тщательно подготовленная охота, продолжавшаяся изо дня в день, из тамисы в тамису, пока ей не удалось выманить свою добычу. Сейчас же, наоборот, она не искала проблем, а просто хотела добраться до теплой ванной и отмокать в ней чуть дольше целой вечности. Но, как это обычно бывает, ничто никогда не шло по плану.

Есть несколько признаков, по которым можно понять, что за тобой следят. Как правило, следящий старается всегда держать тебя в поле своего зрения, особенно в таком запутанном городе, полным узких переулков и лазов, как Чинджу. Как правило, он держится на расстоянии и старается не привлекать к себе лишнего внимания. Однако же, ночью эта задача почти недостижима из-за невозможности смешаться с толпой. Вот и сейчас, пару раз оглянувшись назад, периферийным зрением Лилит заметила нечеткую фигуру, следующую за ней по улице. Через пару поворотов она окончательно убедилась, что это не зевака и не полуночный кавалер. Это слежка, пусть и не очень умелая.

Лилит свернула влево и замедлила шаг, чтобы преследовавший сократил расстояние. Она направлялась в сульянское гетто; настоящее пятно на архитектурном ансамбле Чинджу. Здания в гетто кучковались самым хаотичным и бестолковым образом, и имели лишь две функции: стоять как можно дешевле и вмещать как можно больше людей. Многие дома имели по три-четыре входа на разных этажах, обеспечивая жителям прямой доступ в свою часть дома. Это была знакомая Лилит местность, и она надеялась на то, что она окажется не столь же знакомой для своего преследователя.

Вскоре брусчатка сменилась густой грязью, облепившей ноги Лилит подобно ботинкам. Уличные бумажные фонарики сменились бельевыми веревками с болтающимися на них кальсонами. Запах моря и еды, издаваемый полуоткрытыми лавочками, сменился запахом нечистот и мокрой глины.

Зная, как легко потерять человека в этих темных, узких переулках, Лилит шла нарочито неторопливо. Она сильно шлепала по грязи с громкими звуками, только что песни не горланила во весь голос.

— Ну давай, зараза, что ж ты такой тугой-то, — пробормотала она, поглядывая назад. Наконец она услышала за спиной торопливые шаги и возрадовалась, направившись по прямой ко входу в один из домов. Она специально огляделась перед тем, как войти; будто желая убедиться, что никто ее не видит. Дернула на себя хлипкую дверь и замерла, активно слушая. Сейчас могло произойти две вещи: если ее преследователь хотел напасть, скорее всего, он последует за ней внутрь. Или же он хотел выяснить, куда она направляется, и тогда, подождав еще какое-то время вдали, он уйдет.

Выждав достаточно, чтобы исключить первый вариант, Лилит прошмыгнула на второй этаж ничейного холла и открыла выход с другой стороны дома, ведущий на прямую наружную лестницу. Быстрым шагом она сбежала по ней вниз и нырнула в первый попавшийся тупичок, перемахнув через невысокий пристенок. Попетляв еще немного и окончательно убедившись, что хвоста нет, она выдохнула и направилась в комнаты, надеясь, все-таки, попасть туда до рассвета.

Едва ли слежка была связана с ее нынешним заказом. Скорее уж с одним из предыдущих. Лилит не собиралась недооценивать своего противника, основываясь только на

дилетантстве слезки; она уже совершала такую ошибку в прошлом. Кто-то затеял с ней игру в кошки-мышки, и теперь будет ждать ее ответного хода; среди опытных бандитов и наемников было немало игроков, и Лилит была одним из них. Подобные свалки и дразги среди своих были нередкостью: устранить конкуренцию, заработать авторитет, загнать страже голову за кругленькую сумму, если ты охотник. Причин могло быть множество, и Лилит задумчиво прикидывала, какая из них больше всего подходила к ее случаю. Ясно было одно: пока она не разберется с охотником, спокойно работать ей не дадут. Он был препятствием, а второе правило Лилит четко гласило: безжалостно устраняй любые препятствия между тобой и твоей целью.

Хозяйка комнат брезгливо поморщилась при одном взгляде на Лилит, с вонючих лохмотьев которой стекала вода, а забрызганные до колен ноги оставляли на деревянном полу грязные следы. Лилит замерла в дверях, извинительно улыбнувшись.

— Длинный день, аджумма. Прошу прощения за грязь.

— Ничего, ничего! — прикрывая платком нос, ответила женщина, указывая рукой на банную комнату. — Ради солнца, аджумма, я наберу вам ванную!

— Интересные дела творятся, — сказала Лилит Дарири, вытирая длинные волосы. — Сегодня за мной была слезка.

— Слезка? — Дарири вскинула бровь. — Уверена?

— Вообще не уверена, — усмехнулась Лилит. — Три раза город обошла по кругу, и все еще сомневаюсь.

— И что, ты ушла?

— Ушла, — коротко ответила Лилит.

— И? — Дарири повела в воздухе рукой, не дождавшись продолжения. — Что дальше? Ты не волнуешься?

— Места себе не нахожу, — рассмеялась Лилит, отбрасывая полотенце и залезая под одеяло.

— Я серьезно. Что будешь делать?

— Играть свою партию, — Лилит широко зевнула. — Вечернюю тренировку из-за этого уroda пропустила, представляешь наглость? Спать давай, тут до рассвета осталось-то...

После утренней тренировки Лилит переделалась в рабочую одежду, самый удобный и представительный ее комплект, и помимо красного оби с закрепленным на нем сигом украсила себя еще и парочкой метательных ножей. Ножи она бросала посредственно, но они хорошо служили ей в тесных коридорах и замкнутых помещениях, к тому же удобно крепились на груди.

Оставив Дарири досматривать утренние сны, Лилит тихонько выскользнула из комнаты и коротко поздоровалась с хозяйкой по пути к выходу. Место в которое она направлялась никогда не пустовало и всегда жило своей странной, самобытной жизнью. Она направлялась в нору — универсальное и интернациональное название для мест, в которых собирались преступники всех мастей. Это было особое пространство, полностью отделенное от города, в котором оно находилось, связанное незримой сетью общей атмосферы лишь с подобными кабачками, полуподвалами и тавернами без вывесок в абсолютно любом городе мира. И, где бы ты не находился, заходя в подобное место шанс того, что ты встретишь много знакомых лиц, был крайне велик.

Лилит постучала.

— Пароль? — спросили с той стороны.

— Иди в жопу со своими шутками, Дори. Открывай давай.

До Лилит донесся залиvistый хохот.

— Неверный пароль!

Лилит приблизилась к дверной щели.

— Твоя мать — свинская шавка, а ты — ее ублюдочный сынишка, — сказала она. —

Сойдет за пароль?

Замок щелкнул, и дверь распахнулась. Дори, довольно молодой аньянгейц с неправдоподобно длинными волосами и уродливым ожогом в пол-лица, встретил Лилит широкой улыбкой.

— Фиалочка, сколько лет!

— Какой нахер пароль, Дори? — Лилит прошла внутрь, слегка толкая его плечом. — Что за идиотизм?

— А это для зеленых, — хохотнул Дори, закрывая за ней дверь. — Чтоб головы ломали. Че налить?

— А ты стал подавать что-то, кроме соджу?

— У нас теперь два вида соджу! — гордо сказал Дори, ловко перемахивая через стойку. — Сливовый и цветочный! Оба — жуткое дерьмо!

— Сливовый давай. Что в городе слышно?

— Бесплатно — ничего! — он налил бледно-лиловую жидкость в костяную кружку, улыбаясь широко и несколько жутко.

— Да понятно, — хмыкнула Лилит. — Засранец алчный.

— Расскажи как других найдешь, — фыркнул Дори.

— Работа есть работа, — вздохнула Лилит. — Честно скажи, стоят твои слухи хоть чего-то?

— Зависит от нужды, Фиалочка. Че за заказ?

— Все тебе расскажи, — усмехнулась Лилит в кружку.

— А, ну да, ты же у нас типа профессионал, не разглашаешь всякое. Ну и сиди со своими тайнами в обнимку, Фиалочка, а слухов тебе хрен собачий!

— Хоть ты-то не души, собака, — Лилит стукнула пальцами по кружке. — Подумаю. Сам ты как?

— А че мне будет? Кручусь потихоньку. А ты чего так рано пить приперлась? Я думал ты на Север укатила.

— Уже вернулась. Заказ у меня тут.

— Как только работу успеваешь находить, а, Фиалочка? Мои тут лунами без заказов гниют, всю плешь проели, скоты, а ты вечно там да сям... Мордашка твоя все, может? Дашь поносить ее, мордашку?

Лилит медленно поставила кружку на стойку, встречая его нахальный взгляд.

— Забирай. Через неделю от таких вот комментариев волком завоешь.

Дори усмехнулся, отстраняясь и возвращаясь к протирке кружек.

— Себе оставь. Мне моя по душе, — он поскреб рукой обширный шрам. — Внушает уважение.

— Уважаю тебя страшно, — согласилась Лилит, вставая из-за стойки. — Аж к полу тянет, дай отойду, отдышусь.

Дори показал ей обценный жест, и Лилит отзеркалила его, отходя назад. Она подошла к темному столу в самом углу, который на первый взгляд казался пустым. И, лишь хорошо взглядевшись и зная, что ищешь, можно было различить силуэт худой, жилистой мужской фигуры.

— Гиммик, — она присела рядом.

— Лилит, — кивнул тот. — Заказ?

— Ага. Ты?

— Отдыхаю.

Каждый из них отпил, не смотря друг на друга.

— Что за морда, знаешь? — Лилит кивнула в сторону одинокого лысого наемника, плечистого и крупного, сидевшего спиной к ним. Гиммик заинтересованно оглядел его.

— А что?

— Незнакомая морда, — пояснила Лилит. — А у меня охотник.

Она неслышно повертела в руках монетку с дыркой в середине. Гиммик посмотрел на нее едва различимыми в полумраке синими глазами.

— Задвигай заказ. Схоронись в Хангеме.

Лилит удивленно повела бровью.

— Знаешь его?

Он коротко кивнул. Лилит неслышно хмыкнула сама себе. Если даже Гиммик советует бежать, дела ее совсем худы.

— За защиту сколько возьмешь?

— Нисколько, — Гиммик бросил на стол несколько юнов и встал. — Уезжай, говорю.

Он тихо покинул нору, оставив в ней лишь Дори, Лилит, и ее загадочного нового друга.

Лилит осталась за столом допивать соджу, и размышлять.

Третье правило, которому она неукоснительно следовала, звучало так: не оставляй в живых потенциальных врагов. Она торопливо перебирала в голове имена и лица, пытаясь понять, где просчиталась. Кого упустила из виду. Кто обладал достаточным влиянием, весом и деньгами, чтобы вселить опасения даже в Гиммика. Она всегда скрупулезно подчищала следы и хвосты, иной раз тратя на это больше времени, чем на сам заказ. Конечно, в ее послужном списке были чернильные пятна. Одно из таких навсегда закрыло ей дорогу в Исхерос, самый зажиточный и престижный город Севера. Даже спустя семь лет ее отсутствия там все еще встречались плакаты с ее лицом, обещавшие награду в пятнадцать тысяч серебряных чеканок. В ходе этого заказа Лилит выстрадала свое четвертое правило: никогда ни на что не рассчитывай.

Понять мотив твоего соперника — одна из важнейших составляющих игры. Но самое глупое, что можно сделать — это угадывать вслепую и спекулировать. Лилит решительно поднялась из-за стола, и вернулась за стойку. Она шумно ударила по ней доньшком деревянной кружки.

— Налей еще, — потребовала она у Дори. — Слышь че скажу?

— Ну? — Дори взял ее кружку и подставил ее под кран деревянной бочки.

— Непокойно мне чет, — вздохнула Лилит. — Задвину заказ, и поеду в Хангему.

Дори поставил перед ней полную кружку.

— Перегрелась, Фиалочка? Мне дело есть, или че?

Лилит молча протянула ему двадцать юнов, и настойчиво вскинула брови.

— Ну дай поделиться-то, не будь скотиной.

Дори был чуть медленным, но не дураком. Теперь оставалось надеяться, что он еще и не совсем законченный мудака.

— Да? — переспросил он, стрельнув глазами в сторону лысого мужчины. Лилит коротко кивнула. — Серьезное чет? Хангема, говоришь?

— Ну. Схоронюсь, от своих отдохну.

— Самое оно! — охотно подхватил он. — Под защиту семьи, а?

Лилит удовлетворенно кивнула. Дори сказал именно то, что должно было быть произнесено вслух. Увидев ее реакцию, Дори требовательно потер большим пальцем об указательный. Лилит закатила глаза и протянула ему еще три монеты, каждая достоинством в десять юнов.

— Утром поеду. А щас собираться пойду.

— Вали-вали, жопа тощая. Видеть ты не могу уже.

— Нескоро увидишь. Может, вообще выйду, — Лилит улыбнулась уголком рта. — Сад заведу. Всегда любила в земле копаться.

Лилит кивнула, показывая, что спектакль окончен, и поднялась из-за стойки.

— Спасибо за соджу. Бывай, Дори.

— Чистых грядок и гладкой полки!

Лилит сдержала смешок, и направилась к выходу. Ход был сделан. Теперь пора было выяснить, что за комбинация ей выпала.

Войдя в дом с главного входа, Лилит поднялась по лестнице, и перебралась на небольшой козырек плоской крыши, выложенной высохшей глиной вперемешку с бамбуком. Пригнувшись, она медленно прошла к другому краю и сныкалась за козырьком. Облокотившись спиной о стену, она приготовилась к длительному ожиданию.

Если ее ставка была верна, вечером-ночью стоило ожидать гостей. Поигрывая монеткой с дыркой в середине, Лилит смотрела на вход так, чтобы периферийным зрением видеть еще и два переулка: слева и по прямой. Спина ее была надежно защищена хрустящей крышей, по которой подкрасться к ней незаметно было невозможно.

Существует несколько способов убить время, если ты сидишь в долгой засаде. Руки Лилит занимала монетка, а голову — размышления. Слишком усердно думая об игре и охоте можно легко загнать себя в паранойю, а вот отвлечься на что-то постороннее — почти всегда хорошая идея. И Лилит вспоминала, как до нее впервые дошел слух, что в храме неподалеку от Чинджу учат боевым искусствам. Ей всегда недоставало мастерства в обращении с железом, а с работой тогда было совсем плохо. Она решила испытать удачу, и удача улыбнулась ей: ее приняли, и позволили обучаться, пусть и не сразу. Где-то сезон она просто жила там, медитировала и наблюдала за общими тренировками. Ей довелось увидеть всех шестерых мастеров за уроками, но вопрос о том, к какому из них пойти, не стоял для нее ни мгновения. Она влюбилась в айдзу кагэ-рю тогда же, когда увидела легкую и подвижную технику рогатого кхин, два меча которого казались продолжением его рук. Конечно, сначала ей пришлось довольствоваться магдэ; она никогда не была в восторге от лучезарного и улыбчивого мастера Пайндо, но учил он хорошо и всегда хвалил ее усердие. Где-то через год и Чи согласился взять ее под крыло. Они провели вместе несколько тренировок, во время которых Лилит ощутила себя просто ребенком с палкой в руках. Она выступила плохо, и была уверена, что Чи не согласится учить ее дальше. Но он завершил третью тренировку словами “спасибо, каинн”, и Лилит до сих пор помнила, как не верила

своим ушам и своему счастью.

У каждого человека есть свои сожаления. Тоска о несбывшемся и непрожитом, мысли о том, что могло бы быть. Сидя на грязной крыше под проливным дождем и вертя в руках монетку, Лилит уже знала, что храм всегда будет для нее таким сожалением. Потому что, сама того не осознавая, она уже давно выбрала между небом и землей.

Наступили сумерки. За целый день наблюдения Лилит видела пятерых человек, входящих и выходящих в дом через главный вход: немолодую тучную аньянку с дочкой, двух пьяненьких сульянцев и девушку, лицо которой было скрыто амигасой.

На балкон, который был вровень с укрытием Лилит на расстоянии одного шага, вышел молодой человек. Он был одет в расшитое золотыми нитями синее свободное платье и накидку в цвет, с широкими рукавами. Руки его были увешаны многочисленными браслетами; толстыми, тонкими, металлическими и кожаными. Молодой человек был смуглым, с орлиным носом. Его волосы были спутаны в длинные, плотные колтуны, собранные назад. Из них выбивались пряди незаплетенных, темно-каштановых волос. Он неторопливо подкурил от кротиды (маленькое устройство с быстро накаливающейся медной пластиной. работает от прикосновения к выгравированной демонической печати(прим.)), и до Лилит донесся запах гвоздики и меда.

Он смотрел вперед, на облувленную стену другого дома, стоявшего почти вплотную к его балкону.

— Дорогуша, — сказал он в пространство, стряхивая пепел. — Если уж ты собираешься сидеть на моей крыше, может, хоть из вежливости представишься?

Лилит была абсолютно уверена, что он не мог ее видеть.

— Что меня выдало?

— У меня хорошее обоняние. А у сливового соджу очень характерный запах, — он повернулся к ней лицом, облокотился на перила, и стряхнул пепел. По лицу его гуляла немного грустная усмешка.

— Что ж, — Лилит привстала, показавшись из своего укрытия. — Какая теперь разница, верно? Я Лилит.

— О, еще и землячка. Любопытно! Разницы действительно никакой. Что бы ты тут не делала, меня это не волнует, — он протянул ей руку. — Варац.

— Почтена, — усмехнулась Лилит, отвечая ему северным рукопожатием. — Трудный день?

— Ничуть. Так, творческие муки.

— Художник?

— Скульптор, — он затыкнулся. — Ну а ты? Дай угадаю, — он окинул ее оценивающим взглядом. — Бандитка?

— Наемница.

— Так и думал, — он выдохнул. — Ну и почему я до сих пор с тобой болтаю, а не лежу на полу с ножом в глотке? Или ты из тех, кто любит сначала потрепаться?

— Потому что ты — не моя цель, — пожала плечами Лилит. — Я тут по другим причинам.

— Да ну? Наемная северянка, здесь, в занюханном Чинджу, и я должен поверить, что ты сидишь на моей крыше просто так? — он коротко фыркнул. — Больше глупости в жизни не слышал. Погоди, погоди! Я знаю, что ты скажешь: “если бы ты был моей целью, ты был бы

уже мертв”!

— Я смотрю, тебе собеседник для диалога не очень-то и нужен, — хмыкнула Лилит, не сводя глаз с переулков. — Можешь мне верить, можешь не верить. Если боишься — беги. Я тебя останавливать не буду.

Он махнул рукой.

— Только дураки бегают от смерти. А от смерти с такими глазами — тем более. Это что, — он взгляделся в ее лицо. — Фиал? Нет, аметист. Любопытно! Ты, случаем, не полуэльфийка?

— Полукхин.

— А вот хамить необязательно! Любопытство — не порок, дорогуша.

Решив не уточнять, в чем, собственно, хамство, Лилит посмотрела на Вараца задумчиво. — По хорошему, мне бы тебя убить, раз уж ты меня увидел, — сказала она, будто размышляя вслух. — Но что-то настроения нет. Да и времени тоже. Не угостишь крученкой?

Изящным движением он извлек из кармана накидки портсигар цвета серебра, и протянул ей. На нем была выгравирована смеющаяся островная маска в причудливом орнаменте.

— Узнаю знаменитый северный оптимизм. Так и что ты делаешь на моей крыше, если ты действительно не по мою душу на нее залезла?

— Ты же сказал, тебя это не волнует?

— Я соврал, — улыбнулся он.

— Да так, — лукаво улыбнулась Лилит. — Достопримечательности смотрю. Вот у того пристенка, — она кивнула в сторону облупленного парапета. — Наверняка очень богатая история.

— Безусловно! — охотно подхватил Варац. — Я даже отсюда вижу как минимум восемь пятен от разного вида рвоты, два следа фекалий и, кажется, полугнилую репу? Наверняка этот архитектурный элемент повидал немало на своем нелегком пути. А еще говорят, что чтобы набраться жизненного опыта, необходимо увидеть мир.

— Вот-вот, — согласно кивнула Лилит. — Чем не достопримечательность?

Варац рассмеялся едва слышно.

— Грандиозно, — покачал головой он. — Тебе в твоей засаде, или чем ты там занимаешься, можно пить? У меня есть отличное красное сульянское.

Лилит покачала головой.

— Но ты ни в чем себе не отказывай. Только голос убавь немного.

Варац вытянул шею, выглядывая с балкона.

— Еще северянка. Твоя, надо полагать? — он кивнул вниз, указывая на копну рыжих волос, беспокойно и растерянно озирающуюся.

— Твою ж мать, сука, — шепотом выругалась Лилит, прячась.

Варац негромко рассмеялся.

— Вам помочь, дорогуша? — спросил он у Дарири. Та подняла голову.

— Вы девушку тут не видели? Высокая, волосы длинные, черные, кожа бледная, ребра торчат?

— Ага. Проходила такая, — кивнул он. — Ругалась вслух страшно, крайне неприятная барышня! Куда-то туда пошла, — он махнул рукой в сторону порта.

— Спасибо! — Дарири махнула ему рукой и направилась в сторону одного из переулков. Лилит дожидалась, пока стихнут ее шаги. Но вместо этого услышала свист цепи и

короткий вскрик.

Не высовываясь, Лилит припала к щели. В темном переулке было видно немного: она различила две фигуры, подходившие к лежащей чародейке. Еще двое появились почти сразу за ними, и торопливо направились к дому.

— Заблокировать задние выходы! Этих двоих в цепи! — услышала она.

— Приплыли, — Лилит распрямилась, и протянула Варацу руку. — Ну? Драпать надо!

Услышав ее голос, внизу подняли головы. Лилит узнала крупного лысого мужчину со шрамом через глаз — это он сидел к ней спиной в кабачке Дори.

— Не-а, — Варац облокотился на перила.

— Жить надоело?

— Порядком, — кивнул он. — Или я не говорил, что только дураки бегают от смерти?

Лилит посмотрела вниз. Двое выволокли брыкающуюся Дарири с кляпом во рту, руки которой были плотно примотаны к телу цепью. Еще двое ломанулись в главный вход.

— Ты не дурак, — сказала Лилит, перелезая через парапет крыши. — Ты идиот.

Она спрыгнула вниз, и подняла голову.

Перед ней два противника: невысокая женщина с коротко стриженными волосами, крепкая и матерая. Рядом с ней — худой мужчина с широкой спиной. Оба одеты легко, в дорожную кожу и удобные сапоги. У мужчины в ножнах короткий обоюдоострый меч, у женщины — цеп.

Оба повернули головы на Лилит. Она мягко и расслабленно подняла руки в воздух. Мужчина медленно потянулся к ножнам, лицо его было сосредоточенным и спокойным. Женщина ослабилась.

В айдзу кагэ-рю внимание было всем. Лилит ощутила, как воздух между ними пропитывается нетерпением.

Расстояние было слишком большим для быстрой атаки коротким мечом, а переулок был слишком узок для раскручивания цепа. Лилит сделала полшага назад и влево, и резким движением извлекла из ножен хэй, оставляя далл за оби.

Женщина выбросила цеп вперед. Лилит сбила грузило резким ударом меча вниз, перепрыгнула через цепь и перевела глаза на мужчину. За мгновение до выпада он нахмурился, слегка согнув колено. Лилит увернулась шагом вправо и сильно ударила его по запястью. Недостаточно сильно, чтобы выбить меч, но достаточно, чтобы ослабить хватку.

Лилит сделала попытку нанести рубящий удар по мужчине сбоку. Тот с легкостью отбил его. Лилит бросила хэй, и разорвала расстояние кувырком назад через стойку на руках.

Мужчина занес руку вверх. Лилит прижалась к стене, пропуская мимо себя размашистый рубящий удар сверху вниз. Теперь она оказалась между ними, и женщина уже готовилась атаковать ее коротким и точным колющим ударом кинжала.

Никогда не носи с собой слишком много оружия, однажды сказал ей Гиммик. Это может выйти тебе боком.

Прочитав направление удара, Лилит выгнулась и поймала женщину за руку. Она прижалась к ней всем телом, и нащупала у нее на поясе второй кинжал. Лилит вырвала его из ножен и воткнула женщине в шею, повернув лезвие ровно на четверть — так, чтобы разъединить позвонки.

Мужчина к этому времени успел снова обрести баланс. Он сделал недлинный выпад. Лилит ушла от него с трудом — ее сильно замедлило тело охотницы, которое перегородило собой переулок. Ее дыхание сбилось из-за неровного уворота.

Знай, когда отступить и перегруппироваться. Не рвись вперед, даже если кажется, что победа у тебя в кармане.

Лилит сделала два больших пружинистых шага назад.

Мужчина начал выдыхаться, и Лилит видела его нетерпение.

Далл плохо подходил для переулка. Искусство ниндзюцу обучало обращению со множеством видов оружия, техникам боев в узких и замкнутых пространствах, и, самое главное, умению использовать свое окружение. Айдзу кагэ-рю не давало такой роскоши, зато давало кое-что другое.

Не по началу движения, а по намерению его начать Лилит предугадывала его действия. Выпад, полурубящий, подсечка, атака снизу. Незанятые руки давали ей возможность двигаться свободнее, и она видела, как у него кончается дыхание. Терпение. Еще немного.

За спиной мужчины показались двое, тащившие под руки Вараца, руки которого были туго стянуты за спиной цепью из темного металла. Они бросили его на колени, и он с любопытством наблюдал за схваткой.

Обманным движением влево Лилит вынудила противника на рубящий удар с выпадом, от которого ушла быстрым нырком вниз. Достаточно быстрым, чтобы крепко ухватиться за руку мужчины и резким движением перебросить через себя. Это было уже не айдзу кагэ-рю, это был грязный прием из уличных драк, в которые она много раз ввязывалась.

Мужчина распластался на земле. Лилит наступила ему на запястье и вырвала меч из рук, попутно смотря, как в его глазах появляется пораженное смирение. Она с силой вонзила лезвие в шею, пригвоздив его к земле, и быстро обернулась, отходя назад и держа руку на рукояти далла.

Под хрип умирающего и чавканья грязи, она была на прицеле двух арбалетчиков. Она быстро прикидывала. Перезаряжать будут долго. Но от болта, пущенного с такого расстояния, она не увернется.

— Спокойно, кирья, — на всеобщем сказал лысый мужчина, внимательно следящий за ее движениями. Его стойка была уверенной, а его руки не дрожали под немалым весом арбалета. Он знал, что она у него на крючке. И знал, что не промажет.

— Хорошо, кирье. Хотите поговорить? Давайте поговорим.

— Давайте без драмы, что скажете? — сказал лысый мужчина с почти чистым аристократическим выговором. — Вы убили двоих наших людей, мы же не хотим, чтобы мы начали убивать ваших?

Женщина, стоявшая с ним рядом, отвела арбалет от Лилит и направила его на Дарири. Лилит пыталась прочесть, блефуют ли они. У них была прекрасная возможность убить и ее, и Дарири, и Вараца. Но они медлили.

— Я не собираюсь покидать город, кирья, — Лилит приняла расслабленную позу. — У меня здесь заказ. Давайте, стреляйте. За голову вам дадут всего на пару тысяч меньше.

— Какая изумительная наглость! — воодушевленно воскликнул Варац, смотрящий на нее с интересом.

— Не пойдет, кирья, — проигнорировав комментарий чародея, ответил мужчина. — Вы отправитесь с нами.

— Не отправлюсь, — пожала плечами Лилит. — Можете попытаться заставить.

Повисла недолгая пауза. Лысый все еще смотрел на нее твердо, а вот женщина чуть замешкалась, поправляя арбалет в уставшей руке. Лилит отчаянно ринулась в ее сознание, резко и грубо сминая ее волю. Женщина закричала и выронила арбалет.

Лилит не успела выскочить, разделить ее и себя, вернуться в реальность достаточно быстро. Она почти не видела, как мужчина разжал руки, роняя арбалет на землю и преодолел разделяющее их расстояние в один длинный шаг. Лишь ощутив прикосновение его руки на своей шее, Лилит опомнилась, но было уже поздно. Что-то холодное коснулось ее лба, а потом рука, уже легшая на рукоять ножа, бессильно свесилась вниз. Тело не повиновалось, сознание стремительно меркло. Ее проглотила тьма.

Лилит втащили в повозку последней. Варац и Дарири, чьи руки были связаны сзади до самых локтей и примотаны к клетке, уже сидели внутри. В подобных клетках раньше вывозили эльфов, еще во времена погромов на Севере.

— Прелюбопытнейше! — весело сказал Варац, пока омертвевшей Лилит связывали сзади руки. — Из какой только канавы вы вытащили это старье, кирьи?

— Мне больше интересно, как они лошадей в Чинджу смогли отыскать. И как их за это до сих пор не скрутили.

— А мне больше интересно, когда нам велят заткнуться? — Варац скрестил вытянутые ноги. — Любые добропорядочные похитители непременно должны утихомиривать своих пленников. Иначе мы весь город перебудим, а?

Юноша, защелкнувший замок на запястьях Лилит, не ответил. Голова ее была задрана, рот приоткрыт. Варац приблизился к ней, насколько позволяли цепи, что-то разглядывая.

— Грязно играете, кирьи! — сказал он с притворным осуждением. — Напали на девушку вчетвером, еще и отпечатали! О времена, о нравы...

— Отпечатали? — беспокойно заерзала Дарири и подалась вперед. — Не вижу, что за печать?

— Я почему знаю? Я не демонолог, дорогуша, — он повернул голову к охотникам. — Мерзость, подлость и низость, кирьи! Лучше уж убить, чем вот это.

На клетку натягивали тент. Дарири бросила полный ненависти взгляд на одного из своих тюремщиков, прежде чем они исчезли из виду.

Что-то стукнуло. Послышался звук натягиваемых вожжей. Телега медленно тронулась.

— Она дышит? — с беспокойством спросила Дарири, ерзая на полу.

— А что проку с дыхания, дорогуша? — пожал плечами Варац. — Овощ тоже дышит. Технически.

— Да что ты за урод? — вспыхнула Дарири. — Она в драку из-за тебя полезла!

— И? — Варац вскинул бровь. — Не очень-то успешно, верно?

Дарири пнула воздух, не дотянувшись до него ногой.

— Мразь напыщенная!

Он склонил голову набок с высокомерной насмешкой в глазах.

— Стихийщица, а? Вашего брата легко узнать. Все, как один, вспыльчивые и неадекватные.

— Да пошел ты! — Дарири бессильно дернулась в цепях.

— Да пошел я, — согласился Варац и запрокинул голову. — Эй, там! Многоуважаемые похитители! Можно меня на месте вздернуть? Запирать человека со стихийным чародеем это преступление против гуманности!

Он бросил на Дарири полный ехидства взгляд. Та лишь фыркнула в ответ.

— Кретин, — сказала она недовольно, и снова посмотрела на Лилит. Та дышала поверхностно и часто.

Какое-то время они молчали. Телега сильно тряслась на неровной дороге: они ехали довольно быстро. Варац постукивал сапогом по полу.

— Сыграть не хочешь? — спросил он Дарири.

Она посмотрела на него исподлобья.

— Сыграть?

— Дорогуша, — поморщился он. — Оплачешь свою кирью позже. Мы тут оба свихнемся со скуки, если не сообразим себе развлечение.

— Я не буду никого оплакивать, — сказала Дарири раздраженно. — Она выкарабкается.

— Ага-ага, — усмехнулся Варац. — Конечно выкарабкается. Подобные чудеса случаются на каждом шагу. Я, например, однажды видел, как кирье на собственных похоронах вылез из гроба, можешь представить? Прямо вот так встал и пошел на работу, харчи стругать. Жуткий скандал был!

— Как ты с таким языком жив до сих пор?

— А это ненадолго, — убежденно сказал Варац. — Но заезд и правда был длинноват. И ему причитается соответствующий финал. Так что я не намерен проводить свои последние часы на земле в тоске и унынии.

— Клоун.

— Ты, возможно, самая большая зануда, которую я встречал. А моим ректором был Тит Иро Ветуранге, носящий неофициальный титул самого скрипучего и сварливого мухомора всех Островов и прилегающих морей. Дорогого стоит его переплюнуть, мои поздравления.

При упоминании этого имени Дарири слегка вздрогнула.

— Учился на Островах, а? — спросила она, насильно расслабляя позу.

— На Севере, в Сульяне, на Островах, — он посмотрел на нее с прищуром. — Пиргос?

Дарири покачала головой.

— Преемница.

— А-а, ренегатка! Мое почтение, кирья, — в его тоне прорезалось едва заметное признание. — Всегда уважал вашего брата. Преступники? Надевать на чародеев ошейник, лишать их свободы и заставлять подчиняться церкви — вот настоящее преступление. Сам чуть не попал в эту ловушку в юности.

— В юности? Да тебе двадцать восемь от силы, — скептически изгибая бровь, заметила чародейка.

— Оставлю за тобой право так считать, — усмехнулся Варац. — А она кем была? Телепортатор, телекинетик?

— Не была, а есть, — упрямо сказала Дарири и добавила совсем тихо, чтобы ее не услышал возница: — Ментальщик.

— Неплохое подспорье в работе было, держу пари, — он вскинул брови со сдержанным удивлением. — Что ж, да укроет ее пепел. Всегда печально провожать в последний путь собрата-чародея.

— Если ты, скот, не прекратишь хоронить ее заживо, пепел укроет тебя, — холодно сказала Дарири, ерзая в цепях.

— И да найдут страждущие покой в отрицании, — кивнул Варац с иронией. — Погоди-погоди, дай угадаю: да пошел я?

Дарири сжала зубы.

— Веселая будет поездочка! — чародей прикрыл глаза, запрокидывая голову с довольной полуулыбкой.

Стремительно смеркалось. Под белым тентом царила почти полная темнота, нарушаемая лишь светом факелов, пробивающимся снаружи оранжевыми силуэтами.

Охотники вели себя странно. Они полностью игнорировали конвоируемых чародеев, словно их не существовало. Между собой же они переговаривались редко, и исключительно полупшепотом, тихим и неразборчивым.

Холодало. Руки невыносимо болели из-за тугой вязки. Голод и жажда начинали давать о себе знать; из-за неудобного положения уснуть надолго было невозможно. Уставшие и порядком раздраженные чародеи вяло перепалывались, но Лилит этого не слышала. Она была не здесь.

Когда-то давно, она помнила, ей снились вьющиеся спиралями деревья с белофиолетовыми стволами, воздух был напитан экстатическим счастьем, а ветер шептал ей милости с теплотой и нежностью.

Здесь, в черноте, разбавленной цветными акварельными пятнами, она чувствовала нечто похожее. Живая темнота пахла застарелой болью и изнурением. Боль проникала под кожу тонкими иглами, пронизывая насквозь.

Как она ни старалась, она не могла вспомнить, как попала сюда и что здесь делает. Воспоминания были размытыми и стремительно ускользали, едва она пыталась за них ухватиться. Лишь одно она помнила наверняка: ее зовут Лилит. Даже боль в каждой клетке тела, от которой невозможно было скрыться и убежать, не могла заставить ее забыть об этом.

Лилит охватила глубокая, вселенская тоска. Она лежала, глядя на расплывающиеся цветные пятна, и привязанный к сердцу якорь тянул ее все дальше вниз, к безразличной безысходности, к молчаливому смирению, к покорности перед своей участью.

— Какая потрясающая галантность! — умилился Варац, глядя на то, как один из охотников подхватывает обмякшее тело Лилит на руки. — Ты ее до самой виселицы так потащишь?

Юноша ничего не ответил. Лицо его сохраняло безразличие и безучастность.

Тент сняли, клеть открыли. Чародеев отстегнули от кованых прутьев. Они покинули повозку, едва ступая ватными, затекшими ногами.

Их окружала небольшая поляна, к которой от тракта вела искусственно вытоптанная дорожка. Пространство вокруг поляны освещал костер и несколько воткнутых в землю факелов, расставленных по периметру стоянки.

Охотников было восемь; двое вели чародеев, двое готовили еду, один растирал и кормил лошадей, и еще трое сидели у костра, точа оружие и подтягивая тетиву на луках. Каждый был занят своим делом. Не слышалось разговоров, баек и обсуждений, жалоб или смеха; они были молчаливы, сосредоточены и даже будто утомлены.

Чародеям по очереди развязали руки, но лишь для того, чтобы связать их спереди. Дарири разминала затекшие плечи, постанывая и охая.

— А ноги скуете? — спросил Варац насмешливо, когда на нем защелкнули замок. — Нельзя недооценивать скорость, с которой желающий того чародей может драпать по темному лесу.

Не получив ответа, он вздохнул.

— Какая омерзительная скучища. Стыдитесь, кирьи! Пытать людей цепями и клетями это одно, но пытать унынием это совершенно бесчеловечно.

— Ты когда-нибудь затыкаешься? — спросила Дарири устало.

— По праздникам, — кивнул Варац. — И когда мне доступны другие развлечения,

кроме звука собственного голоса.

— Вздернуться бы от такого развлечения, — буркнула чародейка в ответ.

Их отвели к костру и усадили чуть поодаль от основной группы охотников. Лилит лежала рядом со связанными за спиной руками. Кто-то заботливо положил ей под голову мешок, набитый чем-то мягким, и Варац умилился вслух с долей ехидства в голосе.

Дарири присела рядом на колени и коснулась щеки Лилит. Почувствовав тепло живого тела, она облегченно выдохнула. Варац посмотрел на нее с насмешливым скепсисом, но ничего не сказал.

Лысый мужчина со шрамом подошел к ним, неся в руке бурдюк с водой.

— Налегать не советую. Останавливаться для справления нужды не будем, — сказал он, присаживаясь возле Дарири. Та жадно припала губами к воде.

— О, да он говорящий! — воскликнул Варац восторженно. — Кирье, а как быть в такой ситуации: облегчиться нужно совершенно нестерпимо, но эта джеллаба мне дорога, как память?

Мужчина поманил его рукой.

— Так сразу? — Варац с готовностью поднялся на ноги. — Не стоит ли нам сначала узнать друг друга поближе, а, кирье? Или хотя бы обменяться именами?

— Разумеется, — неожиданно ответил мужчина. — Лыгашмын, по роду Валорийский. Почтен, кирье.

Слегка опешив от такого развития событий, Варац впустую хлопнул ртом.

— Удивительные дела! — сказал он весело после небольшой паузы. — Варац, почтен даже больше вашего. Полагаю, этого достаточно, чтобы вы могли наблюдать за интимным процессом моего испражнения? Впрочем, буду откровенен: даже это было совершенно необязательно. По крайней мере, по моему опыту.

— Ты омерзителен, — поморщилась Дарири, сидевшая на коленях возле Лилит.

Варац легко поклонился.

— Естественно, дорогуша. Прошу извинить! Нужда зовет!

Лыгашмын и Варац удалились в темноту подлеска. Лилит дернула плечом, что заставило Дарири встрепенуться. Она взволнованно взгляделась в ее лицо, но оно оставалось таким же безжизненным; это был всего лишь короткий мышечный спазм.

Разочарованная, чародейка поменяла позу и устало вздохнула.

— Вы меня собираетесь кормить, нет? — раздраженно крикнула она собравшимся вокруг костра охотникам.

Бесконечность невозможно осознать. Но ее можно почувствовать.

Что, если что-то тянется целую вечность? Без начала, без конца? Что-то, что не подчиняется законам линейного времени, что-то, что не может умереть, потому что оно никогда не рождалось?

Лилит ощущала холодное касание воздуха. Он обволакивал ее и приподнимал над землей, помогая встать. Не для того ли, чтобы снова уронить на землю, побольнее?

Существование. Одинокая искорка без прошлого, без будущего, без памяти и мыслей. Которая помнила лишь свое имя, и не смогла бы его забыть, даже если бы того хотела; тьма нашептывала его ласково и томно, с плохо скрываемой болью в несуществующем голосе:

— Lilith. Lilith. Lilith.

Прошла ровно тамиса(др. северный. половина луны(прим.)) пути. Тело изнывало от усталости: тугие цепи, прерывистый сон на твердой земле и постоянная обездвиженность брали измором верно и постепенно. Кормили чародеев исправно, утром перед выездом и вечером перед сном. Насколько это было возможно в полевых условиях, еда была сносной, и на голод жаловаться не приходилось. Конвоировали их все так же, в тишине, нарушаемой лишь редким перешептыванием охотников, стуком телеги и звоном подков.

Варацу порядком наскучило издеваться над Дарири, но и разговаривать с ней по душам он не торопился. Порой он задавал вопрос, или расщедрился на колкий комментарий. Дарири игнорировала его, отвечая лишь изредка. Ее не заботила болтовня и манипуляции незнакомого ей чародея. Ее заботила судьба Лилит, и с каждым проходящим днем все сильнее.

— Дорогуша, — сказал Варац заметно мягче, чем когда-либо до этого. Дарири посмотрела на него внимательно, пытаясь понять, чем заслужила такую щедрость. — Тебе нужно ее отпустить. Поверь мне на слово, так будет лучше всего.

— Ты всю тамису измывался надо мной, моими чувствами и моей верой, будто унижать меня — твое последнее в жизни развлечение. И теперь у тебя хватает наглости говорить мне, что делать, скотина?

— Хочешь горевать — ради бога, — пожал плечами Варац. — Но верить в то, чего никогда не будет? Это жалко и печально, дорогуша. Ты же взрослая чародейка, должна понимать, что из некоторых мест не возвращаются.

Дарири едва заметно прослезилась и посмотрела на него злобно.

— Это ты — жалок и печален. Одинокий ты, суицидальный кусок дерьма.

Чародей склонил голову набок, ничего не ответив.

— Видеть тебя, уroda, не могу, — она шмыгнула носом, унимая подступившие к горлу слезы. — Сиди, считай в уме созвездия, и не смей даже смотреть на меня.

Варац лишь хмыкнул в ответ.

Лилит почувствовала на себе мягкое, теплое прикосновение.

— Ori, Lilith, — услышала она.

Чернота немного изменилась, будто пульсируя вокруг нее.

— Ei nesso de toi, — голосов было несколько, трудно сказать, сколько именно. Они были разными: высокими, низкими, тихими, злобными, рычащими и шепчущими. И очень, очень усталыми.

Она открыла глаза. Тьма становилась все плотнее, дышать стало практически невозможно. Лилит увидела пламя: маленькое и совсем неяркое, но живое, такое живое и нежное. Лишь взглянув на него, она перестала быть просто искоркой по имени Лилит: она могла чувствовать, она являла собой нечто и несла в себе груз памяти, обид, радостей, гнева, смеха и боли...

Пламя страдало, и его страдание отзывалось в груди Лилит тихим, резонирующим звоном. Она приняла огонек, дотронувшись до него рукой, а огонек принял ее, с готовностью и страждой, будто только этого и ждал. Будто его ожидание длилось целую вечность.

Loi fo de ei.

Лилит распахнула глаза и громко закашлялась. Воздух был грубым и резал грудь, под ногами трясся пол. Ничто вокруг не менялось, не переливалось и не пахло, и от этой

внезапной перемены ей стало дурно. К горлу подступила тошнота.

Голова кружилась, тело ощущалось тяжелым и чужеродным, и она долго смотрела на одну из множества трещин в полу, стараясь вернуть себе контроль над дыханием.

Дарири нарочито громко покашляла. Варац не издал ни звука, но в глазах его даже не горело, а буквально пылало любопытство. Он не отрывал взгляда от Лилит, которая, согнувшись пополам, хрипло дышала, уставившись в пол.

Память возвращалась к ней медленно, но неотвратно. Работа была первым, за что ей удалось зацепиться. Заказы, клиенты, деньги, засады, драки, покушения, банды, игры, слежка... Все мешалось в кучу, создавая водоворот из лиц и событий без начала и конца.

Усилием воли Лилит сосредоточилась на одном воспоминании.

Храм, конец второго года. Чи протягивает ей ее первый сиг, и она едва скрывает радость и гордость. На его пепельном лице — легкая улыбка.

Синепалк... Раньше или позже? Раньше, она еще моложе, меньше. Полна безрассудного азарта и амбиций, много рискует, неоправданно много. За дерзость ей ломают обе ноги, и она приваливается к стене, надеясь, что свои найдут ее раньше чужих.

Крисполит, она старше; волосы длиннее, в ней больше терпения и больше опыта. Она ждет, очень долго и внимательно ждет. Ведет наблюдение, изучает свою жертву, присматривается к ней, не жалея уставших глаз и больных от продолжительного сидения ног. Она усмиряет свое нетерпение. Нужно уметь выбрать правильный момент, если хочешь, чтобы атака достигла цели.

Чинджу, совсем недавно. У нее есть опыт, достаточно, чтобы почуять неладное, едва оно появляется на горизонте. Странное чувство тревоги не отпускает ее, преследуя по пятам, но оно велит ей не бежать, а встретиться с опасностью. И она делает это, легко и непринужденно, готовая на все, чтобы защитить себя.

Себя. Свою репутацию. Все, что ей удалось выстроить с таким трудом.

Когда воспоминания, ураганом пронесшиеся по ее мыслям, немного улеглись и разложились по полочкам, Лилит подняла голову, все еще борясь с тошнотой. На нее смотрела Дарири: растрепанная, усталая и счастливая. В глазах ее горела любовь, трепет и обеспокоенность. Она подалась вперед, насколько позволяли цепи.

Дарири. Она поехала с ней. Она пришла в трущобы. Она...

Лилит злобно рванулась в цепях.

— Вот поэтому, твою мать, я и работаю одна!!! — она пнула воздух перед собой и устало зарычала на выдохе.

— Ты как? Ты помнишь, кто я? — не обращая внимания на приступ гнева, спросила Дарири взволнованно.

— Идиотка! — не утихала Лилит. — Сраная идиотка! Кто тебе говорил не путаться под ногами?! Чародейка, твою мать!

Варац наблюдал за ними с живым интересом.

— Грандиозно! — сказал он, посмеиваясь. — Это ее нормальное поведение, или мы только что совершили открытие о влиянии демонических печатей на рассудок?

— Лилит, тихо! — опомнилась Дарири, чувствуя, как повозка начинает замедляться.

— Я тебе дам тихо! — Лилит несколько раз звонко ударила подошвой по полу. — Эй там, суки!

— Ты тамису была в отключке, не соображаешь ничего? — зашептала Дарири.

— Я отлично соображаю, — Лилит перевела на нее горящий взгляд. — Куда лучше, чем

ты, твою мать!

Повозка плавно остановилась и качнулась. Послышалось фыркание коней и шаги.

Лилит сощурилась от ударившего в глаза дневного света. На нее смотрел мужчина, крупный и лысый, с плохо зарубцевавшимся шрамом на лице.

— Ты кто такой?

— Это кирье Лыгашмын, — ответил за него Варац. — Валорийский.

— Интересно, — сказал Лыгашмын, пристально разглядывая чернильный развод на лбу Лилит, который еще совсем недавно был четкой, яркой печатью.

— Правда же? — подхватил Варац. — Чрезвычайно интересно, кирье! Удивлен не меньше вашего!

Лыгашмын натянул кожаную перчатку, извлек из кармана что-то металлическое и приложил к плечу Лилит. Та возмущенно дернулась.

— Руки!

Он недоверчиво посмотрел на ее бледную кожу, на которой вместо символа отпечаталось лишь черное водянистое пятно.

— Ха! — восторженно воскликнул Варац.

Тент опустился, и через некоторое время телега вновь тронулась. Никто из охотников не подал голоса.

— Сука, — выдохнула Лилит, постепенно успокаиваясь. Продышавшись, она спросила: — Они не из разговорчивых, как я понимаю?

— Не то слово! — кивнул Варац. — Скучища страшная!

Лилит спустилась вниз, изгибая плечевые суставы, и принялась разминать ноги.

— Что выяснили?

Дарири непонимающе моргнула.

— А что мы должны были выяснить?

— Кто везет, куда, сколько их? — вздохнула Лилит в ответ.

— Вроде восемь... Кто и куда, не знаем.

Лилит подняла на нее голову.

— Вроде?

— Восемь, восемь, — утвердительно кивнул Варац.

— Ну хоть считать умеете, чародеи, вашу мать... — Лилит вытянула ноги и напрягла мышцы. — Сейчас молчим. Пялиться можно. Издавать звуки — нет.

Она полулежала, то закрывая, то открывая глаза. Тело было ослабшим, будто набитым ватой. Ноги едва повиновались ей, но Лилит упрямо продолжала напрягать и расслаблять мышцы, постепенно возвращая их в тонус и разгоняя кровь. Она тянула загрубевшие связки, насколько ей позволяло положение тела, и прислушивалась.

Начало стремительно смеркаться. Лилит прекратила двигаться, распахнула глаза и перевела взгляд с чародейки на Вараца.

— Ну, чего молчим? Умер кто? — спросила она весело, садясь и скрепя перед собой ноги.

— Так ты же сказала...

— А, то есть теперь ты решила меня послушать?

— Да хватит тебе! — с досадой ответила чародейка и понизила голос: — Сказала, что за тобой слежка, а на следующий день пропала! Что я должна была думать?!

— Согласна. Некрасиво вышло, — кивнула Лилит. — Какая жуткая дурь мне в голову

стукнула: работать вместо того, чтобы тебя нянчить!

Дарири гневно поджала губы и отвернулась от нее.

Лилит посмотрела на Вараца оценивающе.

— Ты чародей? Какая школа? — спросила она.

— Скромный материализатор, к вашим услугам, — склонил голову Варац.

Лилит поморщилась чуть разочарованно.

— Дерево?

Варац пренебрежительно фыркнул.

— Ни в жизни. Металлы и сплавы.

Лилит кивнула и откинула голову назад.

— Тихо, — сказала она. — Помолчите.

Телега затряслась чуть сильнее. Вокруг заплясали расплывчатые силуэты факелов. Они приближались к стоянке.

Их по очереди отстегнули. Лилит грубо стряхнула руку охотника, взявшего ее под локоть.

— Не приставайте к даме, кирье! — насмешливо сказал ему Варац, спрыгивая на землю. — Поверьте моему опыту: это никогда хорошо не кончается.

Кони ели зерно из мешков, фыркая и обмахиваясь хвостами. Лилит принялась к воздуху, невзначай вертя головой. Ее тело просыпалось от длительного сна, и к ней постепенно возвращалась острота чувств: слух, зрение, обоняние... И поистине волчий голод.

— Ты почти не похудела, — сказала она Дарири, когда им перевязали руки и усадили возле большого пня, по обыкновению чуть поодаль ото всех.

— Изумительное хамство! — рассмеялся Варац.

— Я к тому, — Лилит легла на землю, припав к ней ухом. — Что кормят сносно. Тихо. Не шуршите.

Через какое-то время она вернулась в сидячее положение и снова принялась морщиться носом.

— Дорогуша, я заинтригован и несколько смущен твоими собачьими повадками, — заметил чародей.

— Смущайся на здоровье, — ответила Лилит. — Только не мешай.

— Можешь хотя бы объяснить, что ты делаешь? — спросила Дарири, поглядывая на собравшихся у костра охотников, занятых свеживанием зайцев.

— Чем мне заниматься: вытаскивать нас или отвечать на ваши идиотские вопросы? Если я говорю заткнуться — вы затыкаетесь. Говорю думать о бабочках — думаете о бабочках. Говорю свистеть и прыгать на одной ноге — приступаете мгновенно, как в священном войске. Или у кого-то из вас есть грандиозный план побега, спрятанный в том, что вы называете башкой, уважаемые чародеи?

— Ну ты и сука, Лилит! — сказала Дарири с возмущенной укоризной. — Выбралась с того света, и нет бы слово сказать, давай сразу носом землю рыть! У тебя, зараза, совесть есть?

Вместо ответа Лилит молча поднялась на ноги и неторопливо отошла шагов на десять. Она уселась к чародеям спиной, а Дарири перевела на Вараца взгляд, полный праведного негодования.

— Видишь как, дорогуша, — Варац оперся локтем об пень. — А ты себе всю тамису

места не находила. Небось, ожидала слез и объятий?

— Зараза долговязая... — пробормотала Дарири. Она сдула со лба прядь и тряхнула головой, после чего повернулась к Варацу. — Не ожидала. Она не любит обниматься.

— А, одинокий и колючий типаж, — кивнул Варац удовлетворенно. — Это хорошо. Такие, как правило, знают что делают. Хоть и не размениваются на любезности.

— Это я тебе и так могла сказать, — фыркнула чародейка, отбрасывая назад рыжие космы. — Если ей дадут заказ найти единственного в лесу опарыша, она год на пузе будет ползать, в грунт зароется с головой, если потребуется. Ей бы в практику это усердие, да она слышать ничего о чарах не хочет.

— Вот как? — заинтересовался Варац. — Любопытно. А кто ее учил, ты в курсе?

— Да мой старик и учил. Только странно все вышло. Руны, круговые письмена — ничего ей не давалось, хотя амулеты от нее звенели, только что не лопались. Практиковалась на нашей даймоне, иной раз часами, все без толку. Думали, может школой ошиблись, может и не ментальщица она... А потом как-то сообразила, причем сама. Она без рун чарует, головой. Как — не представляю.

Варац посмотрел на Лилит, которая сковыривала с дерева кору, что-то пристально разглядывая.

— Дикая магия? Чрезвычайно любопытно, — сказал он. — Сама к себе нашла подход, значит?

— И какой притом. На нее, дуру, такой дар с неба свалился, и даже следы на заднице не надо отсиживать, пытаюсь перекрыть йеру четвертого круга ансузом пятого... А она уперлась рогом, знай себе машет мечом и по сточным канавам ползает. Говорит, что для работы ей знаний хватает, а большего-де и не надо.

— Нет плохих учеников, есть плохие учителя, — чародей принял деревянную миску из рук подошедшего охотника. — Благодарю, кирье. Северное образование кого угодно заставит возненавидеть любую учебу.

— Меня не заставило, — Дарири поставила миску на пень перед собой. — Если думаешь, что справишься лучше — можешь попытаться.

— Я другой школы, дорогуша. Чему, вообще, стихийщик может научить ментальщика? Глупость невероятная!

— Ну так и найди ментальщика, раз самый умный, — раздраженно ответила чародейка. — Что было, с тем и работали. Идри ночами не спал, пылью в архивах дышал, изучая ментальные чары. Чтобы всякие встречные-поперечные его грязью поливали, видимо!

Варац усмехнулся, пригубив похлебку.

Лилит напрягала слух. Она неспешно, глоток за глотком, проглотила свою порцию еды, и вернула одному из охотников пустую миску.

За отведенное время ей удалось выяснить, что они направляются на Север, но не по главному тракту, а, судя по частым поворотам и отсутствию встречных телег, по западной гористой дороге. Охотники выбрали плохопроходимый и опасный маршрут, на котором случайные встречи исключались почти полностью.

Пленникам не связывали ноги, позволяя относительно свободно передвигаться по стоянке. Их нормально кормили, обращались вежливо и аккуратно. Лилит доводилось бывать и в лапах банд, и в казематах, и под конвоем церковной стражи, и, наконец, самой держать людей в плену. И никогда, нигде она не встречала настолько обходительных

похитителей.

Лилит наблюдала. Охотники были крепкими, жилистыми, закаленными. Каждый из них пребывал в молчаливом сосредоточении, без переговоров и препираний выполнял отведенные ему обязанности и не задавал лишних вопросов. У них за плечами было много лет совместной работы, а на руках — четкий, проработанный план. Внести раздрай в их плотные ряды будет нелегко.

Охотники были заняты потрошением зайцев, скидывая потроха в наспех вырытую яму поодаль от стоянки. Лилит отползла назад, за дерево, и принялась сковыривать и жевать горький грязно-рыжий мох, растирая его задними зубами. У нее ушло немало времени прежде чем она съела достаточно. Теперь оставалось только ждать.

На нее то и дело поглядывал Лыгашмын, и она с любопытством поглядывала на него в ответ.

Она поднялась на ноги и неспешно подошла к костру, выбрав момент, когда Лыгашмын не окружен другими охотниками.

— Я присяду, кирье? Погреться хочется.

Лыгашмын кивнул.

— Разумеется. Как вам похлебка?

— Более, чем сносно, — кивнула Лилит. — Больше скажу: в плену меня так хорошо еще никогда не кормили.

Он усмехнулся, промолчав в ответ.

— Я не надеюсь, что вы расскажете мне, кто вы такие и куда мы направляемся. Сама была на вашем месте, и не раз, — вздохнула Лилит. — Но скажу, как наемник наемнику: работаете вы хорошо. Снимаю шляпу.

Они немного помолчали. К костру подсел кудрявый юноша с рваным шрамом на лбу. В руках у него был чайник, который он поставил на огонь.

— Был у меня один заказ, — начала Лилит. Юноша поднял на нее взгляд. — Привезти к архону блудного сынишку. Сказал, что у пацана ветер в голове, вот он и смылся, с девками гулять да родовые деньги разбазаривать.

Лыгашмын заинтересованно подался вперед.

— Сынишке оказалось за сорок, — сказала Лилит со смешком. — И он умотал в самую глубь Аньянга от папаши своего полоумного. Начал здесь свое дело, жизнь уже успел устроить, жену завести. Я сначала думала, ошиблась где-то, не того взяла. Ан нет. Безумие: мы с ним едем, два взрослых адекватных человека. Он мне говорит: ты же понимаешь, что у меня здесь семья, жена на сносях, своя контора ростовщицкая. Я тут последние десять лет живу. Я говорю понимаю, дружище. Идиотизм страшный, но что поделать. Мне заплатили, я выполняю.

— А он что? — юноша, кажется, чуть забылся. Лыгашмын посмотрел на него строго.

— Ничего. Так и ехали как два дурака. Оказалось, у архона немного не лады с головой. Не настолько, чтоб было заметно сразу, но настолько, что он ударился в паранойю, будто сын хочет его отравить и земли себе забрать. Велел его убить где-нибудь в подвале, чтоб ковры не пачкать. Еще и платить не хотел, чертила, — Лилит сделала паузу, слушая треск огня и посвистывание чайника. — Такие заказы самые идиотские. В список даже написать нечего. Просто убитое время.

— Ты на котлах сегодня, Грок, — сказал Лыгашмын юноше.

Юноша кивнул, и отошел от костра. Лилит слегка качнулась корпусом, и посмотрела на

Льгашмына.

— Досадно вышло, — сказала она. — Даже интересно, чем бы закончилась наша небольшая игра, не вмешайся в нее Дарири.

Льгашмын кивнул с усмешкой.

— Мне тоже.

— Я была настроена решительно, — Лилит ощутила легкое головокружение. Мышцу в ноге свело спазмом. — Пятьдесят юнов на один несчастный блеф потратила!

— Какой блеф?

Лилит вскинула бровь, массируя икру.

— Разговор с Дори, в норе. Ты же рядом сидел, все слышал.

Льгашмын пожал плечами.

— Я не знаю, о чем вы говорили, кирья. Я не говорю по аньянгски.

Лилит ошарашенно уставилась на него. Глаза ее забегали, пока мозг лихорадочно обрабатывал новую информацию. А потом она громко, истерично расхохоталась.

— Да что с тобой такое? — спросила Дарири раздраженно и обеспокоенно.

Последнюю мину Лилит не говорила, а только маниакально хихикала. Варац смотрел на нее с насмешливым одобрением.

— Обожаю безумцев.

— Я дура, — выговорила Лилит, постанывая. — Вот и смеюсь. Не повезло вам со мной уважаемые чародеи!

Она повалилась на землю, не в силах более сохранять сидячее положение. Мышцы в ее теле сокращались резко и хаотично; дергалась то рука, то нога, то голова. Лилит огляделась, преодолевая тик в плече и глазу. В глазах у нее начало двоиться.

— Ты чего? — с беспокойством спросила Дарири.

— Ничего. Все по плану. Начнет рвать — голосите и зовите на помощь, — она тяжело перевернулась на бок.

Дарири и Варац переглянулись.

— Я в восторге, — с предвкушением сказал чародей.

— Не переигрывай, — Лилит срыгнула. — Артист.

Земля начала менять цвет, тело стало будто чужеродным. Лилит не была уверена, что произойдет, если она попытается поднять руку. И сколько у нее этих рук, тоже не была уверена.

Она застонала от резкого спазма в животе и с трудом перекатилась на спину, подумав, что переборщила с мхом. Из-за туманной пелены к ней пробился голос Вараца, активно голосившего:

— Беда, кирья! Помощь сюда, срочно!

Лилит слегка расслабила мышцы живота, и ее обильно стошнило на землю. Приоткрыв глаза, она рассматривала кусочки мяса, которые казались ей похожими на угловатые горные камни.

Кто-то поднял ее, закинув ее руку на свое плечо. Лилит насильно открыла глаза и сделала несколько заплетающихся шагов в направлении ямы с потрохами. Охотник потащил было ее к костру, но Варац вмешался:

— Ей нужно опустошить желудок. Будьте любезны, принесите нам воды.

Охотник замер в неуверенности.

— Кирье, каждая мина на счету! — Варац требовательно взмахнул руками. — Послушайте меня, я знахарь! Мне нужны лепестки рюменов — такие маленькие фиолетовые цветы.

Лилит встала на ноги насколько смогла твердо. Охотник помахал своим:

— Воды подайте!

На заплетающихся ногах она пошла вперед, держась скованными руками за предплечья Вараца.

— Должен сказать, я восхищен твоей преданностью делу, — шепнул чародей, когда они отошли достаточно далеко. — Надеюсь ты знаешь, что делаешь, потому что я безбожно наврал: я ничерта не знаю о знахарстве, а рюмены здесь даже не растут.

— Нормально, — ватным языком ответила Лилит. — До ямы доведи. Дальше я сама.

Она упала на колени и расслабила живот, позволив его содержимому вылиться наружу. Легче не стало. Поднять голову было тяжело.

— Они смотрят? — спросила она вязко.

— Суется. Сумки перебирают.

— Хорошо. Чуть погоди.

— Погодить что?

Вместо ответа Лилит рухнула в яму с объедками, потрохами и собственной рвотой, и зашевелилась там, как червь в земле. Чародей наблюдал за ней с интересом.

— Изумительное зрелище! Очень привлекательно, — прокомментировал он, поднимая голову на охотников. — Кирьи! Человек за бортом!

Лилит прекратила телодвижения и уставилась в кружащееся небо. Отходы облепили ее одежду, кожу и забились за шиворот. Она сплюнула попавший в рот кусок чего-то, подумав, что лучше бы ей не знать, чего именно.

— Какого?.. — подскочил к яме Лыгашмын.

— У меня в буквальном смысле связаны руки, кирье! — оправдывался Варац. — Как я должен был ее подхватить?

Яма была неглубокой, и Лилит вытащили быстро. Охотники морщились от резкого запаха, но прикасаться к ней не брезговали. Кто-то подал воды, и Лилит отпила, полоща рот.

— Что с ней? — спросил Лыгашмын у других охотников.

— Отравилась?

— Все ели одно и то же.

— Надо ее отмыть. Запах может привлечь хищников.

— Рядом нет водоемов. На десятой стоянке будет речка.

— Найдите ей одежду и ополосните из бурдюков, — скомандовал Лыгашмын. — Дайте ей пучок листьев страхама, пусть разжует. Положите спать у костра и следите за ней, кто сегодня дежурит.

Лилит закрыла глаза и отпустила внутренние тиски, которыми удерживала себя в сознании. Звуки вокруг утихали, и на нее медленно опускалась тьма.

Немногочисленной холодной воды не хватило, чтобы смыть запах; он пропитал волосы и одежду. Ее переодели в большие холщовые штаны и огромную куртку, судя по размерам, принадлежавшую Лыгашмыну. Ее переодевали двое охотников; Варацу удалось убедить остальных отвернуться пламенной речью о дамской невинности и чувстве достоинства и уважения, которое должно быть в каждом человеке. Этот небольшой трюк позволил Лилит

незаметно сунуть себе за пазуху тонкую веточку, пока на нее натягивали куртку.

Как только тент опустился, Лилит открыла глаза и подняла голову. Взгляд ее был ясным и осмысленным. Она дождалась, пока телега тронется.

— Молодец, чародей. Как по нотам.

Она сжала зубы и зажмурилась. Что-то негромко хрустнуло, и Лилит резко выдохнула, сдержанно постукивая пяткой по полу. На ее лбу вздулась вена, отобразилась гримаса боли, и проступил мелкий пот. Шумно дыша, Лилит заерзала, и освободила руки из цепей под изумленные взгляды Дарири и Вараца. Нетравмированной рукой Лилит выудила из-за пазухи палочку, и принялась сосредоточенно стачивать ее о прутья.

— Искусно, — качнул головой Варац.

— Помните, я сказала, что если скажу свистеть — надо свистеть? Я не шутила.

— В смысле?

— В смысле свистите, уважаемые чародеи! Желательно в унисон. Громко.

— Ты издеваешься?

— Дарь, — Лилит направила на нее палку. — Я отравилась, извалялась в отходах и сломала себе руку не для того, чтоб над тобой подшутить. Веришь?

Чародейка чуть смутилась.

— Старайтесь не фальшивить. Это важно, — Лилит осторожно встала и принялась тыкать подточенной палочкой в тент, проковыривая дырки.

После непродолжительных переговоров, чародеи нашли песню, которую знали оба, и засвистели, то и дело сбиваясь и беря не те ноты. Это было неважно, пока они брали их чисто.

Проделав с дюжину дырок и расковыряв их пальцами, Лилит уселась на свое место и взяла цепь в руку, чтобы та не лязгала по прутьям.

— Тихо! — послышался голос Лыгашмына.

— Никак не можем, кирь! Изнываем от скуки! — ответил Варац и затянул по новой. Дарири присоединилась к нему.

— Давайте погромче и закругляйтесь. А то придут еще, — шепнула им Лилит, всовывая руки назад в цепи.

Спустя какое-то время возница резко затормозил с настороженным возгласом. Лилит встрепенулась.

— Бинго, — она вскочила и припала глазом к маленькой дырочке, сделанной на уровне глаз.

— По позициям! — крикнул кто-то.

Замелькали темные куртки, послышался орлиный клекот и звук доставаемых из ножен мечей.

Лилит бегала взглядом по охотникам и множеству голов, поблескивающих на солнце редкими чешуйками. Это были две самки, разъяренные и крупные.

Тела гидр представляли собой машину для убийств. Ловкие, гибкие и невероятно сильные, точно координирующие атаки своими головами и хлестким хвостом, они представляли огромную угрозу даже для очень опытных воинов. Лилит бегала глазами между охотниками, наблюдая за схваткой.

— Ты что сделала?! — крикнула Дарири.

— Что смогла, — ответила Лилит. Одна из гидр, гневно клекоча, одним ударом хвоста

расколола голову охотника.

Дарири вжала голову в плечи от громкого, разъяренного рева. Запаниковавшие лошади рванули вперед. Лилит уцепилась одной рукой за верхние прутья клетки. Она оттолкнулась от пола, с силой качнулась вперед, и ударила по дверце обеими ногами. Затем еще раз, и еще.

Телега проехала недолго: без управления возницы ее занесло на повороте, и она столкнулась с деревом. Крепление вылетело, и лошади умчались, влача за собой отстегнутую упряжь.

— Лилит, твою мать!!! — в ходе столкновения Дарири разбила голову о прутья.

Лилит поднялась на ноги. Лицо ее было залито кровью, сочащейся из носа, рта и из раны на лбу. Задняя дверь слегка погнулась, и Лилит удалось-таки высадить ее, напрочь отбив себе обе ступни.

Варац маниакально, восторженно расхохотался.

— Грандиозно!

Держась за ушибленное плечо, Лилит огляделась. Под ней был овраг с пологим склоном: именно из-за него лошади резко затормозили в повороте, что и привело к встрече телеги с деревом. Лилит увидела врытый в землю увесистый камень, покрытый мхом, и, подковырнув его носком, вытащила из земли.

Нескольких размашистых ударов по замку оказалось достаточно, и Варац коснулся ногами земли ровно в тот момент, когда громкий вопль раздираемого пополам охотника спугнул стаю птиц над их головами.

— У нас есть немного времени, — прислушавшись, сказала Лилит. — Но совсем немного. Ноги ни у кого не сломаны?

— У меня голова разбита! — замок с громким лязгом слетел, и Дарири спешно стянула цепи и потеряла запястья.

— Бери свою разбитую голову и пошли.

— Куда? — Дарири спешно покинула телегу и пугливо повернула голову в сторону гидриногo клетота.

— Вниз, к воде. Нужно смыть с себя запах.

— Идеальное время для купания! — чародей хлопнул в ладоши, звеня браслетами. Дарири посмотрела на Лилит с непониманием, но спрашивать ничего не стала.

— Не шумите, — Лилит умылась холодной водой, и ручеек подхватил капли крови и унес их вниз по течению. — У гидр экстраординарный слух. Намочите одежду, вода сдерживает запахи.

— Они от нас отстанут? Зачем мы им вообще? — Дарири зачерпнула в ладони воды и промыла рану на голове.

Лилит вздохнула и выпрямилась.

— Потому что от нас разит мхом, которого я наелась. Ёри — одно из их любимых лакомств. Гидры всегда живут там, где он растет. Сам по себе он пахнет слабо, но полупереваренный, в желудочном соке, да еще и с примесью зайчатины... Они от него звереют. Побесятся на трупах тех бедолаг, но потом снова возьмут запах, который их сюда и привлек.

— Ёри?

— Ёри.

— Лилит, я восхищен, — чародей скинул накидку, оставшись в одной джеллабе. —

Поразительный перформанс! От начала и до конца, аплодирую стоя!

— Брось. Грязно вышло.

— Но вышло же!

— Ну. Оружия нет, еды нет, воды нет, лошадей нет, а нам на хвост вот-вот упадут две голодные гидры, — хмыкнула Лилит, тщательно промывая волосы. — Не говоря уже о травмах. Побег что надо, даже добавить нечего.

— Восхитительный перфекционизм! — умилился чародей. — А я тебе так скажу: я в кое-то веки рад быть живым! И чертовски рад быть свободным! Так что, несмотря на твою, безусловно, отвратительную работу, позволь тебя сердечно поблагодарить.

— Позволяю. Только благодари на ходу. Слышишь, затихли?

Рев и вопли прекратились, уступив место шороху листьев, хрусту веток и отдаленному пению птиц. Лилит поманила чародеев здоровой рукой, и они направились к дороге, осторожно ступая по рыхлой земле, покрытой синеватым мхом.

Местность была гористой, и лес полнился обрывами, оврагами и разноразмерными камнями. Пробираясь по нему быстро было тяжело, держать же темп и вовсе невозможно. От недоедания в глазах Лилит плясали мушки, но она стойко шла вперед, ведя за собой чародеев.

— Мы пройдем по реке, чтобы сбить их со следа, — Лилит подобрала увесистую палку и продолжила идти, опираясь на нее. — Сделаем крюк и вернемся к повозке.

— Грандиозно, — Варац бодро вышагивал рядом пружинистым шагом. — Убегать от гидр мне еще не доводилось.

Лилит слабо усмехнулась.

— Тогда тебе будет весело. Они сильные, невероятно ловкие и жутко вредные. Жрут все подряд. Людей в частности.

— А их? — Дарири старалась не отставать. Перспектива быть порванной на части подгоняла ее лучше любой палки.

— Падальщики. И бакэнэко. Но если с гидрами у нас еще есть шанс, то при виде бакэнэко можете все бросать и сразу рыть себе могилу.

— Я не уверен, что они вообще существуют, — Варац поднял бровь с сомнением. — Этому нет однозначных свидетельств.

— Чародеи, — покачала головой Лилит. — Ну жди своих свидетельств, что я могу тебе сказать. Может, даже успеешь их зафиксировать перед смертью.

Варац хохотнул, спрыгивая с уступчивого камня и подавая ей руку.

— Тебе бы шину наложить, дорогуша, — сказал он, поглядывая на ее опухшее и посиневшее запястье.

— Мне бы не сломать еще что-нибудь, — Лилит аккуратно приземлилась, через силу опираясь на руку чародея. — Чудо, что после столкновения кости целы.

— Не хочу звучать неблагодарной, — Дарири остановилась, чтобы оторвать от платья полосу ткани. — Но это было безрассудно. В высшей степени.

Она протянула бархатный лоскут Лилит, и та кивнула в знак благодарности.

— Мне интересно, — чародей помог ей намотать повязку на руку. — Неужели ты все это запланировала?

— Разумеется нет. Я вообще редко планирую наперед. Моей целью было создать переполох любым способом, — Лилит жестом попросила его затянуть туже, морщась от

боли. — Гидры просто попались под руку.

— Неужели безопаснее ничего в голову не пришло? — Дарири ощупала рану на голове, убеждаясь, что она больше не кровит.

— Безопасно значит долго. А у меня нет времени. У меня заказ, — Лилит ненадолго замерла, прислушиваясь, после чего кивнула в сторону просветов между деревьями, указывая направление.

— Ты в своем уме? Какой, к черту, заказ?!

— Даже не начинай, — отмахнулась от нее Лилит. — Выживем, тогда будешь кудахтать.

Дарири фыркнула.

— По тебе духовный дом плачет. Хромая, косая, в лесу у черта на рогах, с гидрами на хвосте, а в голове заказы. Тебя только могила исправит, ты в курсе?

— В курсе, — кивнула Лилит. — А тебя не исправит даже она. Ты из нее встанешь, лишь бы продолжить нудеть мне в ухо.

Мох под ногами постепенно сменялся твердой почвой, деревья редели, и впереди показалась узкая, заросшая горная дорога. Неровная и каменистая, она граничила с обрывом, ведущим в долину. Лилит замерла на краю и вздохнула.

— Час от часу не легче.

Она огляделась, ища место с более отлогим склоном. Кругом росли дикие деревья, воевавшие со скальными выступами, и на местах их баталий почва была разрыхлена выступающими из земли корнями. Лилит кивком указала на кручу с выходами глины.

— Спускаемся медленно, держимся руками за корни. Камней много, так что срываться не советую.

— Как ты с одной рукой-то спустишься?

Вместо ответа Лилит натянула повязку на шею, плотно зафиксировав больную руку, и заскользила вниз, вздымая из под ног песок и каменную крошку. Помогая себе здоровой рукой, она достигла первого крупного выступа и уцепилась за корень.

— Прошу, уважаемые чародеи! — крикнула она и принялась искать взглядом следующий островок.

— Люблю отчаянных. У них всегда есть интересные истории!

Варац последовал за ней осторожно, притормаживая обеими руками. Дарири выглянула вниз и почувствовала, как у нее сжался желудок.

— Если тебе страшно, подумай о голодных гидрах!

Выдохнув, Дарири начала медленный спуск. Она впивалась пальцами в глину и песок, царапая ногти. Где-то к середине спуска она оступилась, но быстро поймала равновесие. Лилит и Варац встретили ее внизу негромкими аплодисментами.

— Молодец, чародейка! — Лилит хлопнула ее по плечу. — До реки ходом рукой подать. Там отдохнем.

Они разбили небольшую стоянку. Лилит нарвала еловых веток и отправилась мыться. Стоя в воде по пояс, она тщательно терла себя иголками, выскребывая въевшийся трупный запах. Речка была мелкой, и, похоже, рыбной: на порогах ближе к ее центру Лилит то и дело видела поблескивание чешуи.

— Варац! — позвала она.

— Слушаю? — чародей вынырнул, и отжал спутанные волосы.

— Ты сможешь материализовать что-то, на что можно наколоть рыбу?

Варац ненадолго задумался.

— Пожалуй что. Если это будет означать, что мы поужинаем.

— Сделаю все возможное, — Лилит окунула голову в воду.

— Если ты умудришься поймать рыбу, я тебе еще и штаны начарую, — он умыл лицо и подплыл чуть ближе.

— Ты же говорил металлы и сплавы?

— Иметь один профиль это пуританство, дорогуша. Ткани — моя вторая истинная любовь.

— Вот как? — Лилит вскинула бровь. — А еще какая-нибудь любовь у тебя есть?

Органика там, горные породы?

— К счастью, нет! — он развел руками, разбрызгивая илистую воду. — Распыляться тоже, знаешь ли, не к лицу.

— Жаль, жаль, — Лилит прекратила отираться еловой ветвью и задумчиво понюхала собственное плечо. — Скажи-ка мне, обладатель хорошего обоняния, несет от меня еще заячьими кишками?

Варац принялся.

— Я не чувствую. Но я, впрочем, и не гидра. Ты, кстати, уверена, что нам нужно убегать? Как насчет засады, м?

Они неспешно поплыли в сторону берега, на котором пламя костра выхватывало из темноты усталое лицо Дарири и ее пышные рыжие кудри. Лилит вздохнула, кивая на нее.

— Посмотри. Она всего лишь зажгла огонь, а уже выглядит так, будто не спала несколько дней. Как она будет сражаться? Вся эта бравада про чародейское могущество яйца выеденного не стоит.

— Что-то мне подсказывает, — усмехнулся Варац. — Что ее не каждый день похищают, а ее любимая кирья не каждый день чудесным образом возвращается с того света. Стресс вреден не только для тела, знаешь ли.

— Вот-вот, — кивнула Лилит. — Чары чего-то стоят только если чародей хорошо выспался, плотно позавтракал, в хорошем настроении и бодром расположении духа. Многовато оговорок, не находишь?

— Нахожу, — Варац поднял голову к небу, слушая пение птиц. — Но практичность это скучно. Выжить в лесу можно и без чар, а вот создать скульптуру размером с фрегат — едва ли. Совершенно бесполезно, но чрезвычайно увлекательно.

— Действительно, — хмыкнула Лилит. — Совершенно бесполезно.

Варац слегка закатил глаза.

— Вы с ней прям два сапога пара, честное слово. Она тоже слышит только то, что хочет.

Лилит повернула к нему голову и заговорила чуть тише:

— Как прошла ваша тамиса, кстати?

— Отвратительно уныло. Твоя стихийщица совершенно не умеет развлекаться.

— Я не об этом. Дарири, она показалась тебе напуганной, растерянной?

— Естественно. Она с тебя глаз не сводила и подпрыгивала каждый раз, когда ты ногой дергала. Я ей говорил, чтобы она угомонилась, но она упрямо продолжала повторять, что ты очнешься. Что любопытно, — Варац задержал взгляд на Лилит. — Потому что именно это и произошло.

— Хм, — Лилит посмотрела на берег с легким прищуром. — Пошли-ка. Раз ткани твой

профиль, то как насчет рыболовной сети?

Лилит удалось найти немного диких слив. Сезон урожая для них давно прошел, и еще оставшиеся на деревьях плоды сильно переспели. Но до утра этого должно было хватить, а к тому времени Лилит рассчитывала, что в натянутую сеть что-то да попадет.

Она протянула чародеям по веточке с листьями липы.

— А это зачем? — не поняла Дарири, недоверчиво принимая ветку.

— Унимает голод, — ответила Лилит, отщипывая листочек и отправляя его в рот. — Обволакивает желудок. Я помню как-то раз с тамису только ими и питалась.

— Это когда мы познакомились? — Дарири аккуратно сорвала несколько листков. Лилит кивнула.

— Последние по-настоящему голодные времена. Скучаю по вкусу выпечки из грязи и сворованных из-под несущек сырых яиц, — хмыкнула она, подбирая под себя ноги.

Полено в костре громко треснуло, и к ночному небу взмыл сноп искр. Кроме пламени и речки, бегущей заих спинами, ничто не нарушало ночную тишину. После небольшой паузы Варац повел в воздухе рукой.

— Ну? — спросил он, будто ожидая чего-то.

— Что “ну”?

— Где история? Или ты просто так сделала подводку про голодные времена?

Лилит пожала плечами.

— Могу и рассказать, почему нет. В общем, было мне пятнадцать, я бежала из трудового лагеря и с грехом напополам добралась до Синепалка. Попала в самую мясорубку: тогда была очередная стычка Севера с Оренхаем, и северян теснили от границы на юг. А вместе с ними и кучу беженцев...

Лилит, борясь со сном, подпирала спиной крепостную стену. Ворота в город были закрыты. Беженцы толпились у моста, разбив импровизированный лагерь.

Лилит караулила и выжидала, насколько могла терпеливо. Синепалк был надежно защищен и окружен глубоко врытой в землю крепостной стеной со сторожевыми вышками. О подкопе нечего было и думать, ровно как и о том, чтобы взобраться наверх. Ворот в город было двое, и Лилит успела провести по дню у каждого из них. Единственная ее надежда была на то, что она встретит кого-то из своих, или в город просочится слухок про лиловоглазую девку с черными волосами. Но с каждым днем она верила в это все меньше. Однако, она все равно держала на виду монетку с дыркой в середине — а вдруг?

Лилит сидела недалеко от ворот, пристально смотря на вереницу людей, подходивших к стражникам с грамотами, мольбами и чеканками. Было холодно, но она не замерзала, несмотря на то что целый день просидела неподвижно. Последним, что она съела, был заплесневелый кусок сыра пять дней назад. Листья липы немного спасали положение, помогая от голодных спазмов, но не придавали сил.

В город пускали либо со свидетельством о владении собственностью, либо с письменным разрешением от мэтра; такое было в основном у хорошо одетых людей с холеными лошадьми, жителей верхнего города.

С каждым проходящим часом беженцы нагтели, а стражники оскотинивались. Если утром они хотя бы старались вести себя профессионально, то ближе к вечеру принялись

отрываться на самых отчаянных, бранясь, толкаясь и тыкая несчастных в ребра тыльными сторонами секир. За день в стражников дважды бросили дерьмом и трижды напали с кулаками и палками. Словесные оскорбления Лилит даже не считала; каждый второй проходящий мимо крестьянин сплевывал себе под ноги и цедил что-то презрительное. Они лишились домов, скота, пожитков — всего, что у них было. Прошли много верст по грязи и снегу лишь для того, чтобы померзнуть под стенами из-за того, что в город не пускают беженцев. Лилит не любила свиней и земель в равной степени, но первые вызывали у нее куда большее презрение. Слишком уж богатая у нее с церковниками была история.

Лилит знала, что рано или поздно ворота откроют. Скорее всего, готовят приюты и ждут поставок провизии, которая пойдет на кормление вчерашних крестьян, а ныне — простых бездомных. Потом, когда конфликт с Оренхаем подухнет, им дадут новые дома в тех же владениях. Дома тех, кто не вернется с войны.

У нее не было ни времени, ни желания ждать вместе с остальными оборванцами. Ей нужно было в город, и она знала, что может в него попасть. Сыграть карту голодной девочки и примазаться к какому-нибудь горожанину не выйдет: четыре клейма есть четыре клейма. У нее была парочка идей, и она присматривалась к толпе, выискивая взглядом подходящего человека.

Когда красный свет закатного светила сменился оранжевым светом факелов, она услышала негромкий свист откуда-то слева. Чуть поодаль она увидела рыжую девушку, хорошо одетую, в зеленой накидке с меховым воротником. Девушка поманила ее рукой, и Лилит посмотрела на нее недоверчиво. Что от нее может быть нужно верхнегородской?

Она поднялась на ноги медленно, чтобы не закружилась голова. Зачем-то оглянувшись на стражников, как раз занятых вялым избиением очередного особо активного крестьянина, она медленно подошла к девушке. Руку она держала чуть сзади, так, чтобы в любой момент скользнуть ею в сапог, за ножом.

— Те че, девка? — спросила Лилит, останавливаясь шагах в пяти от нее.

— Спокойно, — девушка показала обе руки в кожаных перчатках и улыбнулась примирительно. — Я помочь хочу.

— Чем? — фыркнула Лилит, не меняя позы. — Под юбкой через стражу проведешь иль че?

Девушка слегка поморщилась.

— Ну и выговор у тебя... Да погоди! — она тронула развернувшуюся было Лилит за локоть, и та резко выдернула его, бешено сверля девушку глазами.

— Руки, блять, при себе держи!

Девушка извинительно вздернула брови. Глаза ее забегали.

— Смотри, — она провела пальцем по воздуху, оставляя на нем светящийся след. Она быстро начертила сложный символ и в ее ладони вспыхнул небольшой огонек. Сначала Лилит отшатнулась, но потом подалась вперед, заинтересованная. Девушка перебирала пальцами, и огонек бегал по ее запястью шустрой змейкой. Лилит следила за ним, не отрываясь. — Послушай. Я живу в городе, но у меня нет документов. Поможешь попасть внутрь — накормлю. Обещаю.

Она сжала кулак и огонек исчез. Лилит подняла глаза на девушку, сомневаясь.

— Я те зачем?

— По тебе видно, что смышленная. И давно под стенами сидишь. Кого еще мне тут просить о помощи? — она кивнула в сторону толпы беженцев, сливающихся в одно большое

грязно-бежевое льняное пятно.

Лилит кивнула.

— Пойдет. Слуш. Не седня-завтра поедут телеги со жратвой. Надо на дорогу идти и ловить. Порешаем возниц, заберем шмотки и бумажки и въедем на телеге. Пропустят как милые.

Девушка посмотрела на нее с некоторым страхом.

— Как “порешим”? Убьем что ли?

— Ты в город попасть хош-нет? Я-то и без тебя управлюсь как-нить.

— Ладно, ладно, — поспешно сказала девушка. — Я придумаю, как их... обезвредить.

Без вреда для здоровья.

— Да че хош делай, колдунья, — махнула рукой Лилит. — Ее еще поймать надо, телегу.

Пошли на тракт.

Девушка согласно кивнула и последовала за Лилит, едва поспевая за ее широким шагом.

Окончив историю, Лилит широко зевнула и замолчала, прислушиваясь.

— Любопытно, — Варац посмотрел на Дарири пристально. — Чародейка попросила помощи у голодной оборванки? С трудом верю.

— Не все такие высокомерные ослы, как ты, — фыркнула Дарири. — Что я должна была сделать? Прорыть тоннель? Начаровать цунами? Обрушить городские стены?

— Это, — кивнул Варац, не сводя с нее глаз. — Или создать пузырь воздуха под водой и безопасно попасть в порт. Как вариант.

— Задним умом все крепки, — буркнула чародейка, устало потирая лицо. — Чего ты привязался вообще? И как тебя после чарования целой сети до сих пор с ног не свалило?

— Я мало сплю, — Варац подкинул хвороста в костер. — Все равно буду сидеть. Подежурю заодно.

Дарири посмотрела на Лилит с сомнением, как бы спрашивая, стоит ли доверять чародею их безопасность. Лилит коротко, утвердительно кивнула.

— Если хоть треск ветки услышишь, буди, — она улеглась на землю. — Помимо гидр тут еще полно всякой дряни, которая может захотеть наведаться в гости.

— Идет. Отдыхайте, кирьи, — он вытянул босые ноги к костру и оперся на локти, тихо мыча себе под нос. Лилит быстро уснула под шелест языков огня и звук крон, шумящих на ветру.

Лилит проснулась от запаха жаренной рыбы и поняла, что едва не захлебнулась слюной во сне. Вытерев рот, она присела, озираясь.

Солнце еще не взошло, едва-едва начало светать. Дарири спала чуть поодаль, привалившись спиной к дереву и поджав под себя ноги. Лилит извлекла из волос небольшого жука, щекотавшего ей кожу головы.

На костре медленно коптилась грубо очищенная мелкая рыба. Вараца видно не было.

Лилит встала и принялась разминаться. Нужно было как можно скорее вернуть в мышцы тонус и упругость, иначе их путешествие закончится первой же стычкой.

Лилит вспомнила об Амелии, и это ее взбодрило. Низенькая северянка всегда заставляла ее забыть о проблемах и наслаждаться каждым ударом сердца, что отведен ей на этой земле. Она жила забвенно и выпивала каждый день до капли, и эта простая благодарность за возможность просто дышать в какой-то мере передавалась и Лилит.

Сегодня, определенно, был один из тех редких дней, когда она немного скучала по Ам-ам.

— Ты шагаешь громче, чем думаешь, — Лилит посмотрела на чародея, изогнувшись назад.

— Пойман с поличным, — улыбнулся он, на ходу сворачивая илистую сеть. — Я думал ты на рыбу набросишься как только глаза откроешь.

— Во-первых, после голодания много есть нельзя. Во-вторых самоконтроль это полезно, — Лилит потянулась вверх, напрягая все тело разом, потом шумно выдохнула и уселась, скрестив ноги. — В третьих, не подождать вас было бы дурным тоном, кирья.

Чародей вскинул брови с усмешкой.

— Ценю вашу преданность этикету, кирья, — поклонился он. — И жертвенность. Слюны, которой ты напустила во сне, хватит чтобы река вышла из берегов раньше весны.

— Забочусь об окружающей среде, — кивнула Лилит, жестом приглашая его присесть напротив себя. — Поливаю посадки. Ты думаешь почему у нас в деревне всегда был лучший урожай?

— Охотно верю, — Варац протянул ей палку с куском костистой речной рыбы.

— Не хочу звучать неблагодарной, — закривлялась Лилит. — Но не готовить уху было в высшей степени безрассудно!

— Прошу простить, кирья. На чугунный котелок меня уже не хватило. Зато я сделал тебе штаны!

— Потрясающе, — усмехнулась Лилит. — С удовольствием надену сделанные тобой штаны.

Варац поклонился одной головой:

— Я бы поднял кубок, но увы.

— Ну, это нескоро. Но можешь пожевать ёри. В небольших дозах от него вполне можно заторчать.

— Как действует? — заинтересовался Варац.

— М-м, — задумалась Лилит, жуя. — Чем-то похоже на ораму. Только плохую. Которую разбавили сеном. Вообще нет, забудь, не надо жевать ёри. Плохая идея.

— Теперь мне в высшей степени любопытно, — он ритмично постукивал пальцами по колену. — Но я воздержусь, пока славная героиня не доставит нас в безопасное место.

— Я знаю, что мы едва знакомы, — Лилит вытацила изо рта кость. — Но имей в виду, что за такое можно и в нос схлопотать.

— Какое жуткое варварство, — восхитился Варац.

— Прошу простить мои манеры, — она сплюнула кусочек чешуи. — Но моя тонкая душевная организация не терпит препирианий. Вот прям совершенно.

— Без препирианий жизнь тосклива, — возразил чародей. — Любая ссора это соревнование в остроумии. А чем еще, позвольте спросить, заняться в этой глухомани?

Дарири приподняла голову и вяло заморгала.

— Вдыхать свежий воздух и наслаждаться девственной природой, — Лилит отправила в рот последний кусочек рыбы и вытерла руки о куртку. — И не мешать мне работать.

— Ты совершенно невыносима.

— Я в курсе, — кивнула Лилит. — Поэтому обычно я работаю одна. За рыбу спасибо, кстати. Удивлена, что вообще что-то попало. Сейчас не сезон.

— Вверх по реке будет получше. Там пороги и течение быстрое.

— Ты это как понял?

Варац отмахнулся.

— Были такие кошмарные времена, когда я странствовал. Некоторые вещи, к сожалению, трудно забываются.

— Память странная штука, — кивнула Лилит. — Особенно чужая. Кто-то помнит мелкие детали, а главное ускользает, а иногда наоборот. Иной раз целые куски отсутствуют, просто чернота и все. И гадай потом, было ли там что-то важное.

— Подавленные воспоминания? — заинтересовался Варац.

Дарири отряхнула платье и подошла к костру. Лилит сняла с палки кусок рыбы и протянула ей.

— Подавленные, искаженные, ложные, иногда просто старые, наполовину забытые. Особенно смешно, когда два человека помнят одно и то же совершенно по-разному.

— Ложные? Любопытно. А если я намеренно попытаюсь выдать вымысел за воспоминание? Вообразу, скажем, в деталях, что бился на мечах с Железной Девой? Сможешь отличить?

— От человека зависит, — пожала плечами Лилит. — Обычно ментальные чары застают врасплох. Представь вот двух щенков, которые возьтятся друг с другом, выясняя, кто кого уложит на лопатки. Это ментальный чародей и чаруемый. Если ты победил, чаруемый покорно открывает пузо и беспомощно лежит, пока ты в его голове воротишь, что хочешь. В теории, наверное, чародея можно провести и подсунуть ему какой-то мусор вместо реального воспоминания. Но я с таким пока не сталкивалась.

— А откуда ты знаешь, что не сталкивалась? Если тебя вдруг провели.

— Потому что я проверяю полученную чарами информацию, — пожала плечами Лилит. — А всякая дребедень и личная драма меня не интересует.

— Ты сумасшедшая, — покачал головой чародей. — Я бы весь высший свет на уши поставил, владей я ментальными чарами. Таких интриг бы наворотил, что сильные мира сего побросали бы свои королевские регалии, полностью поглощенные какой-нибудь кляузой о ночных горшках. Ты только вообрази возможности!

— Вот поэтому, — сказала Дарири слегка хриплым ото сна голосом. — Церковь нас и дрессирует, утверждая, что чары развращают. Из-за таких, как ты, которые не могут свои хотелки в узде держать.

— Я начинаю всерьез рассматривать возможность быть съеденным гидрами, — закатил глаза Варац. — Я не верю в загробную жизнь, но даже вечная чернота по сравнению с тобой — просто праздник жизни, дорогуша.

— Тебя никто не останавливает, — фыркнула чародейка.

— Я сам себя останавливаю, — невозмутимо ответил Варац. — Пока что.

— Что я говорила про препирания? Берите что осталось от рыбы и двинули, уважаемые чародеи, — она повернула голову в сторону внезапно раздавшегося громкого урчания откуда-то издалека. — Это самец. Хм. Давайте-ка шустрее, кирьи. Не нравится мне это все.

Дарири и Варац с готовностью поднялись, и, наспех закидав костер, направились за Лилит к воде.

Они перешли реку вброд, держась друг за друга, чтобы не быть снесенными сильным течением. Нога Дарири соскользнула о камень, и она вцепилась в Лилит обеими руками, отпустив Вараца. Вовремя подхваченный Лилит чародей избежал падения, но полностью окупился в мутную воду. Выразив свое недовольство нелестным комментарием в сторону

чародейки, он быстро оправился от конфуза и больше не вспоминал об этом инциденте.

Другой берег реки был крутым и густо заросшим камышом. Лилит вылезла первой, уцепившись за высокую траву, и последовательно вытащила двух запыхавшихся чародеев.

— Отжимаем подолы и шагаем, — скомандовала Лилит, стряхивая с себя ряску. — Отличные штаны, кстати. Спасибо.

— Рад быть полезным, — поклонился чародей, скручивая насквозь вымокшую джеллабу. — Куртку бы тоже обновить. Ты в этой смешно выглядишь.

— А чувствую себя еще смешнее, — Лилит подняла руки перпендикулярно телу, демонстрируя висевшую на ней мешком одежду.

— Непозволительно! Особенно кирье твоей незаурядной внешности. Ты должна владеть комнатой, когдаходишь в нее, а не чувствовать себя шутком.

— Не вижу тут комнат, но спорить не буду, — Лилит сломала толстую ветку, наступив на нее ногой. — В этом мешке жутко неудобно. Но ты пока побереги силы. Котелок нам нужнее.

— Не разделяю твоей практичности, — в тон ей ответил Варац. — Но спорить не буду. Потому что я обходителен и уступчив. Бываю периодически.

— Как мы заговорили, — недовольно буркнула Дарири, подвязывая мешавшие волосы куском платья.

— Ну-ка не начинать! — Лилит еще раз хрустнула длинной веткой и подбросила ее в руке, оценивая вес. — Обоим рты завяжу, если придется.

С этой стороны лес был реже и древнее; крупные найсоны — маловетвистые деревья с лихо перекрученными стволами — были разбавлены немногочисленными колючими кустарниками. Здесь было много заросших мхом камней, неровностей почвы и околоболотистых участков земли. Было прохладно, по земле стелилась едва заметная белая дымка: споры грибов-маховиков. Возле ноги Лилит юркнула мышь.

— Скажите, если вдруг увидите зайца. Хотя я бы не надеялась, конечно. Гидры их нещадно истребляют, мерзавки.

— Сколько тут вообще гидр? Куда ни плюнь, попадешь в гидру.

— Явно больше чем должно быть, — ответила Лилит, пробуя палкой кочку впереди себя. — Они территориальные, как правило одиночки. Территория одной гидры — примерно десять ику.

— Сколько?!

— Говорю же, одиночки. Не выносят конкуренции. Они почти весь день заняты тем, что сидят на камнях и вынюхивают, не зашел ли, случаем, к ним кто-то из многоголовых собратьев. Если зашел — будет мясо. Гидры дерутся жестоко и насмерть. Особенно за территорию.

— Так и откуда их тут столько?

— Видимо, мы везучие очень, — хмыкнула Лилит. — И нарвались на семейство. Могли с тем же успехом в их гнездо на телеге въехать. Если б я знала, что их тут больше одной, не стала бы ёри жрать. Но что ж теперь поделать.

— Так это были детеныши?.. — Дарири провалилась в небольшую трясину. — Твою мать...

— Ну. Детеныши еще куда ни шло. А вот их родители... — Лилит красноречиво прищелкнула языком.

— “Куда ни шло”? Ты видела, как они за мину разорвали снаряженный,

подготовленный отряд? — взволнованно спросила Дарири.

Лилит вскинула бровь.

— Видела. А родители будут еще хуже. Гораздо. Особенно если учуют ёри. Знаешь, его им раньше скармливали перед гидриными боями. Спровоцировать ярость. Даже профессия такая была — сборщик ёри. Очень редкая и опасная. Почему — можешь наблюдать воочию.

— Ты много знаешь о гидрах, — заметил Варац. — Откуда?

— Книжки читаю, — ответила Лилит. — С умными людьми общаюсь. В моей работе бесполезной информации не бывает.

— Хорошая же у тебя, должно быть, память, — хмыкнул чародей со скепсисом.

— До дурного хорошая, — кивнула Лилит. — Злопамятности не существует. Существуют люди, которые помнят, как все было на самом деле.

— Ох, — чародей потер руки с предвкушением. — Обожаю категоричные утверждения! Их растаптывать приятнее всего. То есть, ты не выбираешь, что помнить, а что забыть?

— Я не выбираю, потому что я ничего не забываю.

— Да ну? Ну-ка давай, в чем была Дарири когда вы впервые встретились?

— Бархатное платье, зеленая накидка с лисьим воротником, перчатки в цвет с крупными швами, волосы собраны в пучок, перевязаны темно-синей широкой лентой, серьги с опалом, темные туфли и взгляд, полный растерянной неуверенности, — после недолгой паузы ответила Лилит без запинок.

Варац посмотрел на Дарири вопросительно.

— Я, думаешь, помню? — ответила та. — Ну вроде примерно так. Накидка у меня такая была, перчатки тоже. Серьги до сих пор есть.

— Любопытно, — чародей посмотрел на Лилит с интересом. — Ты вообще ничего не забываешь?

— Редко. Это не идеальная память, просто натренированная подмечать детали.

— Ага! И каков же принцип, по которому ты забываешь или запоминаешь? — не унимался чародей.

— Забываю, если информация ненужная. Я хорошо помню имена, лица, слова и поступки. И детали, с ними связанные. Специфика работы.

— Хорошо, зайдем с другого бока. Если говорить о личных делах?

— У меня нет личных дел.

— Дело же не только в памяти. Дело в том, на чем ты фокусируешься, дорогуша. Положим, я спас тебя от смерти, а потом начал врать, вилять, и вообще вести себя как скот. Что ты запомнишь лучше?

— Я фокусируюсь на том, что важно. Человек не лжет без причин, значит я запомню ложь. Не потому что мне не все равно, а чтобы не доверять ему свою спину.

Варац вздохнул.

— Иначе! На тебя покусился бандит. Ты отбилась, но он ушел. Как ты поступишь?

— Зависит, — пожала плечами Лилит. — На меня просто так не покушаются.

— Ну представь, что покусились, боже ты мой! Абсолютно случайный бугай на дороге, каких полно на Севере. Допустим мы точно знаем, что он ни на кого не работает, не копает под тебя, не состоит в гильдии влажных штанов или как там их идиотское название. Просто дурачок, который решил, что ты — легкая добыча.

— Убью. А если удерет, догоню.

— С какой целью?

— С той, что ты верно подметил. У меня неординарная внешность. И мне нахер не нужно, чтобы кто-то трепался о том, куда я направляюсь. Особенно среди бандитов и наемников.

Варац развел руками.

— Я не знаю, как с тобой говорить! Ты все сводишь к работе. Ты сумасшедшая!

— Я в курсе. Поэтому я брошу тебе косточку победы. Я помню точное количество данных мне плетей и розг, хотя, скажем честно, мне от этой информации никакого проку. Я действительно злопамятная. И кошмарно мстительная.

— "Бросишь мне косточку"? — фыркнул Варац. — Какое самомнение.

— Глотай или выплевывай, мне без разницы, — пожала плечами Лилит. — Ну как, еще есть настроение состязаться в остроумии, или можем прекратить трепаться, наконец?

— Совершенно невыносимая личность! — Варац повернулся к Дарири. — Как ты ее терпишь?

— С благодарностью, — ехидно ответила Дарири.

— Я окружен химерами, — сокрушенно покачал головой чародей. — Может, вы в гидр просто ядом плюнете? Держу пари, этого они не будут ожидать.

— Яд я берегу для близких, — Лилит вспрыгнула на большой камень. — Гидры перебьются.

Варац подтянулся на выступающем корне.

— Ладно, я понял. Ты только на одном языке разговариваешь. Тогда задам соответствующий вопрос: каким был твой первый заказ?

— А у меня не было первого заказа. Я приторговывала имеющейся информацией, потом стала добывать конкретную, по запросу. С этого все началось.

— Ты на этом специализируешься?

— Я на всем специализируюсь. Но разведывание, пожалуй, самое интересное.

— Любопытно. А убийства?

— Бывало.

Она остановилась, приняв хавшись, и они немного изменили направление, взяв чуть дальше от реки.

— И какой заказ был самым первым?

— Какой же ты болтливый, — Дарири щелчком пальцев сбила с плеча небольшого паука.

— Самый первый — пустяковые личные счеты. Был заказ выследить и убить женщину, с которой братик не поделил наследство. Она была матерым следопытом, и найти ее мне удалось только благодаря тому, что она не ждала охотника. И все равно четыре луны убила, роя землю. И еще три отиралась в тех местах и пускала слухи, что мы с ней собратья по цеху. Набилась к ней в подельники, пообещала что выведу нас на заказы. Вывела, и мы пошли на охоту в глухомань. Долго охотились, целью был сируш — жуткая дрянь, редкая и юркая. Побратались, пока выслеживали и ловушку ему готовили. Я из нее вытянула, где она прячет наследство. Поймали сируша, отметили. Пока она отсыпалась после попойки, я ей перерезала глотку. Сируша сдала, получила денежки, откопала ее наследство и отвезла заказчику вместе с головой.

— Погоди... Это та, "хорошая женщина", про которую ты раньше говорила? — спросила Дарири напряженно.

— Она, — кивнула Лилит. — И правда была хорошая. Добрая, и дело свое знала. Но

работа есть работа.

— Лилит... — она не нашлась, что ответить.

— Мне вот что любопытно: заказчик согласился столько ждать? Столько лун на простое убийство? И заплатил, хочешь сказать? — Варац вскинул бровь недоверчиво.

— Он попросил ее убить просто чтоб с ней поквитаться. А я ему еще и наследство на горбу приперла. Да он в восторге был, пальчики целовал, — хмыкнула Лилит. — Еще и за сируша выручила прилично. Закутила потом так, что весь нижний город всю тамису ходуном ходил.

— Любопытно. И сколько?

— Пять за женщину, две семьсот за сируша.

— Недурно, недурно! — хмыкнул Варац уважительно. — И как, стоило оно того?

— Разумеется. Меня этот заказ ненадолго сделал знаменитой. Работа появилась, дела пошли в гору.

— Что ж, искусно!

— У вас двоих все в порядке? — спросила Дарири растерянно. — Вы вообще понимаете, что обсуждаете человеческую жизнь?

Лилит фыркнула и посмотрела на нее насмешливо.

— Ты тут правда, что ли, собралась взывать к моей совести, уважаемая чародейка? Проповеди наемнику читать? Это у тебя, по-моему, что-то не в порядке, раз тебе такие мысли в голову приходят.

— Я не понимаю, — покачала головой Дарири. — И никогда не пойму, как можно так относиться к другим. Безжалостно, как к скоту, как к мусору...

— Как профессионал, я готова пожать плечами и сказать, что это издержки работы. Как твоя подруга, я отвечу тебе следующее: нехер выкидывать детей на дорогу, как мусор, и бить их плетьюми, как скот. Потому что дети это вспомнят, когда вырастут.

Варац издал болезненный звук, и с любопытством посмотрел на Дарири, ожидая ее ответа.

— И если мир обошелся с тобой плохо, надо обойтись с ним еще хуже? Уподобиться тем, кто над тобой издевался?

— Не надо, — Лилит подняла голову, поглядывая на кроны деревьев. — Но это жутко выгодно. Всегда найдутся те, кто готов заплатить за то, что ты не обременен моралью и принципами. А мир — он просто мир, Дарь. Ему все равно, кто ты. Что делать, решаешь только ты сам. Но, что бы ты не делал, солнце каждое утро всходит на востоке.

Дарири ничего не ответила. До самого вечера они почти не разговаривали; Лилит и Варац периодически обменивались наблюдениями и саркастическими замечаниями, Дарири же не обронила ни слова, лишь поглядывала на подругу красноречиво.

Они разбили стоянку на берегу, неподалеку от каменного пляжа. После недолгих уговоров Варац согласился пойти рыбачить, а Лилит и Дарири углубились в лес, ища растопку. Лилит заговорила первой:

— Дарь, тебе что-то известно об этой печати? Которую на меня наложили.

Дарири нагнулась, поднимая несколько сухих веток, и положила их в подобранный подол платья.

— Нет. Откуда? Я же не демонолог.

Лилит длинно, задумчиво хмыкнула.

— Верно. Идри тоже демонологию не очень уважал, вроде. По крайней мере уроков по

ней у меня почти не было.

— Ренегатское образование — это не академия, — кивнула Дарири.

Лилит нагнулась, снуя взглядом по земле.

— Отдать старику должное, базу он все равно старался дать. Про эксперименты Двольфиуса, например, мы с тобой обе читали.

Дарири кашлянула, и слегка нервно убрала прядь за ухо. Лилит медленно повернула на нее голову.

— Что такое?

— Ничего. Ну, читали. Ты к чему вообще?

Лилит подобрала пару толстых веток, и неторопливо распрямилась.

— Да ни к чему. Я вот ясно помню, например, что все люди в его экспериментах, на кожу которых была наложена печать, пробыли без сознания несколько лун, а потом начинали сгнивать заживо. И умирали, так и не очнувшись.

— Вроде так, — Дарири снова прокашлялась. — Вода есть?

Лилит сняла с пояса флягу, и подала ей. Чародейка отпила. Лилит выдержала паузу.

— Раз так, и ты об этом знаешь, — Лилит смотрела на Дарири, пристально наблюдая за выражением ее лица. — То почему ты всю тамису повторяла Варацу, что я выкарабкаюсь и очнусь?

Дарири фыркнула, и вернула ей флягу.

— А ты бы просто сдалась, утратила веру? Конечно, мне было тяжело с этим смириться. Я, — она сдержанно вздохнула, трогая себя рукой за плечо. — Я думала, что потеряю тебя.

— Ага-а, — протянула Лилит, поднимая голову и шурясь на кроны. — Ушла в отрицание. Это я понимаю. А тот факт, что я действительно очнулась, чародейка? Просто совпадение? Или меня спасла сила твоей любви?

Дарири посмотрела на нее с обидой и легким гневом.

— Обязательно как сука себя вести? Откуда я знаю, почему ты очнулась? В Экспериментах таких случаев не описано, но это не значит, что они никогда не происходили.

— Разумно, — согласилась Лилит.

Она присоединила еще несколько веток к охапке в своей руке.

— Еще один вопрос, чародейка. Как ты узнала, где я устроила засаду, и как пришла туда именно в момент атаки? Еще одно чудесное совпадение?

— Ты меня в чем-то обвиняешь?

— Просто спрашиваю, — Лилит аккуратно положила охапку на землю. — Потому что пока все указывает на то, что ты работала вместе с похитителями.

Она сделала шаг по направлению к Дарири. Чародейка отступила назад, разжигаясь праведным гневом во взгляде.

— Ты в своем уме? Лилит, ты сама упоминала трущобы. Что теряешь в них хвосты. Потом упомянула слежку. Конечно я пошла туда, а куда еще?

— Я не уточняла, какие именно трущобы, — Лилит приблизилась к Дарири, смотря на нее сверху вниз. — В Чинджу их валом. А ты взяла и пришла в нужные.

— А ты не думала, что я могла не с первого раза угадать? — Дарири несильно толкнула ее в грудь. — У тебя паранойя. Твой Варац, между прочим, тоже совершенно случайно там оказался!

Лилит еще долго смотрела на чародейку. Потом неспешно подняла с земли охапку

веток.

— Пошли. Хвороста достаточно, — сказала Лилит, делая шаг в направлении стоянки.

— Ну и что это за ковырялка? — спросила Лилит недоверчиво, вертя в руках метательный нож, сделанный Варацем. — Я и так хреново бросаю, ты решил помножить на ноль наши шансы на выживание?

Чародей только хмыкнул в ответ.

— А это и не для тебя, дорогуша, — ответил он, отправляя второй нож в дерево. Проследив за ним взглядом, Лилит уважительно подняла брови.

— Не ожидала. Виновна, кирье, — она оперлась на вытянутые руки. — Думала, ты презираешь железо.

— Металлы — моя специализация, — рассмеялся чародей. — Было бы странно не владеть хоть чем-то, пригодным для самозащиты, не находишь?

— С твоим-то характером — пожалуй.

— Вот именно, — согласился он охотно. — Но на этом сюрпризы, к сожалению, заканчиваются. Все остальное оружие не любит меня так же, как я его.

— Хорошо что предупредил заранее, — кивнула Лилит. — Ты, кстати, не заметил, куда они дели мой сиг?

— Как-то не до того было, — ответил Варац чуть ехидно. — К тому же я был уверен, что ты не жилец. Я до сих пор не спросил, кстати, какая непозволительная забывчивость! — он подбоченился, садясь поудобнее. — Что ты там видела?

Лилит вскинула бровь, вспоминая.

— Я редко это говорю, но я ничего не помню. Вообще.

— Вот как? — Варац склонил голову набок. — Именно не помнишь, или, по-твоему, ничего не было?

— Я видела достаточно забытых воспоминаний, чтобы отличить. Я помню свои сны, и всегда точно знаю, сколько проспала. И... — она замялась, и эта заминка подстегнула нетерпение чародея. Впервые с момента их знакомства он прочел в ее глазах неуверенность. — Меня не отпускает странное чувство, что что-то происходило. Я что-то видела, или чувствовала... Но хоть убей не помню, что.

Она встряхнула головой, и смятение исчезло из ее глаз.

— Да и какая разница? Выбралась и ладно. Ты и сегодня на дозоре будешь сидеть?

— Я мало сплю, — кивнул чародей.

— Я могу подежурить, — подала голос Дарири. Она начертила руну, и несколько сухих веток занялись огнем. — Сон что-то не идет.

— Перебешься, — категорично ответила Лилит, укладываясь на землю. Она повернула голову на Вараца. — Спасибо за котелок, кстати. И за уху. Я прям не устаю приятно удивляться, не думала, что чародеи могут быть настолько полезными.

— Простого “спасибо” было бы достаточно, — хмыкнул Варац, двигаясь поближе к костру.

Они долго молчали, смотря на огонь. Через какое-то время Дарири бросила беглый взгляд на лицо Лилит. Она слегка хмурила брови во сне. Чародейка посмотрела на Вараца.

— Я правда могу посидеть.

Варац оторвал глаза от костра, и поднял их на Дарири.

— Как я уже говорил, я мало сплю. Я тебе чем-то мешаю, дорогуша?

Дарири ткнула палкой в огонь.

— Нет.

— Из тебя кошмарная лгунья, — улыбнулся Варац, и вытянул ноги. — Можешь смотреть на нее, сколько хочешь, — он кивнул в сторону Лилит. — Считай, что меня тут нет.

— Это слишком желанная для меня фантазия, — буркнула Дарири в ответ. — Возвращаться в реальность потом будет неприятно.

Варац тихо посмеялся.

— Вот теперь ты говоришь на моем языке, — он вздохнул, и задрал голову, уставившись в темное небо. — Я знал немало ренегатов, но очень мало преемников. Большинство уходили уже после обучения в Пиргосе. Или во время.

— И?

— Не знаю, — пожал плечами Варац. — Хотелось бы знать, каково это — никогда не ступать в стены академии. Но вопрос глупый, потому что тебе не с чем сравнить, верно?

— Каково? У меня был учитель, дом, цель, — Дарири подбросила в огонь несколько сухих веток. — Человеческое воспитание. Меня не секли, не заставляли сжигать запретные книги, не запирали в карцере, не наказывали позором. Это ты хотел услышать?

— Перестань, — Варац посмотрел на нее с насмешкой. — Мне слишком тяжело сдержать слезы ностальгии.

— Извини, — тихо вздохнула чародейка. — Вряд ли это приятные воспоминания, — она подтянула колени к груди, и положила на них подбородок. — Ты упоминал, что учился в Сульяне. Там было лучше?

— В Сульяне есть свои способы издеваться над студентами. Они сталкивают лбами разные специализации и школы, поощряют травлю. Считают, что конкуренция воспитывает характер. Но это относится не только к чародеям, там в целом такой подход к воспитанию. Но да, там было лучше.

Дарири чуть качнулась из стороны в сторону.

— А на Островах?

— Острова вне конкуренции, — Варац едва заметно улыбнулся. — Открытые курсы, свободные лекции. Почти никакого контроля. Как итог, там царил кошмарный бардак и несумятица. Но зачастую такова цена свободы.

— Свобода не обязательно должна означать отсутствие дисциплины.

— Смотря о чем речь. Если в твоём воспитании была дисциплина, то в чем выражалась его свобода?

— В подходе. В идее. В том, что ты сам выбираешь дисциплину. Потому что тебе смогли объяснить, почему это важно.

Варац покивал, хмыкая.

— Сколько тебе было лет, когда ты начала обучение?

— Десять.

— Довольно рано. Учитывая твоё клеймо, — Варац кивнул на руку Дарири. Чародейка рефлексивно отдернула рукав. — Подозреваю, что тебя к ренегату на воспитание отдали не любящие родители. Как бы ты ни попала на обучение, вряд ли у тебя был выбор его бросить. Потому что альтернатива — это церковный приют, где тебя держат до шестнадцати, а потом вышвыривают на улицу.

Дарири тихо фыркнула.

— Ты ничерта не знаешь обо мне и о том, как я росла.

— Интересно то, что на Севере почти не употребляют слово “сирота”, не замечала? Их такое количество, что их делят на категории поменьше, и используют в речи уже их. Приютские, нижегородские, изгнанники, — Варац помотал рукой в воздухе. — За содомию полагается казнь колыбелью Агнца (сооружение в человеческий рост, представляющее собой кол с деревянной пирамидой наверху. приговоренного сажали на наверхие пирамиды, и подвешивали к ногам грузила. через несколько колоколов невыносимых страданий он умирал от боли и потери крови(прим.)), однако же ты здесь. У тебя в речи нет следов крестьянского или нижегородского акцента, в отличие от нее, — Варац кивнул на Лилит. — Значит, тут история поинтереснее. Вопрос в том, какая. Высокородный дом? Церковная семья, купеческая?

— Какое тебе дело?

— Совершенно никакого, — пожал плечами Варац. — Но вопросы вполне безобидные, разве нет? И вроде как ни к чему не обязывают.

Дарири убрала прядь волос за ухо.

— Да, не обязывают. Но я не хочу на них отвечать.

Лилит перевернулась на спину.

— Рты закройте, — пробормотала она в полусне.

Дарири неслышно вздохнула, и покачала головой. Она подбросила в костер еще несколько веток, которые с треском скукожились в пламени у нее на глазах.

— Значит, вы жили вместе, — сказал Варац на полтона тише. — Раз ее учил твой мастер.

— Несколько лет, — ответила Дарири полусшепотом.

— Ага. И в какой момент ты поняла, что влюблена?

Дарири прожгла чародея взглядом. Тот ответил хитрым прищуром и наглой ухмылкой.

— Не пойми неправильно, дорогуша...

— Закрой рот, — перебила Дарири. — Ты ничерта не знаешь.

— Так просвети меня, — Варац прилег, опершись на локоть.

— С чего вдруг? Пока все, что я от тебя слышала — это оскорбления, издевки, или то, что ведет к оскорблениям или издевкам. С какой радости мне давать тебе еще поводы?

— Очень здоровый ответ, — улыбнулся Варац. — Совершенно нормальный и понятный. Только она обращается с тобой не сильно лучше. И тем не менее, ты привязана к ней, и любишь ее, — чародей склонил голову набок. — Вот мне и стало интересно, как так получилось.

Дарири устало выдохнула.

— Я искренне надеюсь, что у нее хватит ума держаться от тебя подальше, — чародейка провела рукой по лицу. Она поднялась на ноги, отряхивая изорванный подол платья. — Я отойду. По нужде.

— Передо мной можно не отчитываться, — усмехнулся Варац.

— Скотина, — пробормотала Дарири вполголоса, делая несколько шагов прочь от костра.

Чародейка отошла на почтительное расстояние, пробираясь вперед практически на ощупь, и часто оглядываясь. Где-то через пол-мины она остановилась, и потянула за веревочку на своей шее, вытягивая из-под платья круглый амулет. Она взяла его в обе руки, и

уже готовилась разломать пополам, когда услышала приближающийся шелест, затем — громкое змеиное шипение, и, наконец, почувствовала прикосновение холодной, движущейся кожи на своей лодыжке. Дарири отпустила амулет, издав громкий, продолжительный визг и отскакивая назад от змеи. Она отбежала на несколько шагов, когда лес сотряс уже знакомый ей гидриный клекот. Дарири замерла от ужаса, вцепившись рукой в дерево.

Лилит подскочила от громкого визга, и последовавшего за ним рева, который раздался совсем рядом. Послышался густой треск веток. Гидра бежала к ним, и бежала быстро.

— Сука, — Лилит подхватила палку и одним движением ноги разбила костер, раскатившийся по земле недогоревшими углями. Она быстро пошла в направлении звука визга, и Варац последовал за ней. Судя по звуку, гидра быстро бежала им наперерез. Лилит неожиданно замедлилась, и остановилась.

— Она стихийная чародейка. Среди нас троих у нее самые большие шансы, — сказала Лилит шепотом. Потом прислушалась, и сделала несколько шагов в обратном направлении. — Пошли.

Варац слегка опешил, но быстро опомнился и зашагал следом. Шорох за их спинами не утихал, наоборот становился все громче. Гидра взяла след, и теперь стремительно сокращала расстояние.

— Вот тебе и ответ, пахнет ли от меня еще заячьими кишками, — вздохнула Лилит уже в полный голос, и ломанулась вперед так быстро, насколько позволял полумрак ночного леса, неровная земля и ее собственные ноги. Услышав их, гидра вновь заревела и ускорила.

— Ты-то куда, идиот? — рассмеялась Лилит. В ее голосе слышался азарт и задор.

— Понятия не имею! — ответил Варац через тяжелое дыхание.

За их спинами раздался оглушительный треск дерева. Послышался громкий рык хищника, обнаружившего свою добычу, и Лилит едва успела развернуться, и оттолкнуть чародея. Хвост возникшей из ниоткуда огромной гидры щелкнул по земле, вздымая пыль. Те, что напали на них на дороге, размерами были чуть больше лошади. Эта же была почти в два раза крупнее. Гидра издала протяжный клокочущий рык.

Упавший Варац быстро отполз назад, неотрывно смотря на гигантское существо, которое пока медлило атаковать. Гидра волнообразно двигала массивными шеями, и шумно, разъяренно дышала.

— Сука, — Лилит встряхнула здоровой рукой. — Клялась же себе, что не сдохну в лесу...

Она отодвинула ногу назад и высвободила сломанную руку из повязки. Лилит сфокусировала взгляд на центральной голове гидры, так, чтобы три справа и три слева были в поле ее зрения. Она с азартом перехватила палку, прижимая ее к своей руке.

Гидра завопила, и атаковала широким прыжком вперед. Лилит ушла вбок, слегка проехав по земле, и без замаха ударила по самой левой голове. Удар казался совсем слабым, но голова гидры мотнулась в сторону, и животное издало яростный вопль боли. На землю мелкими каплями брызнула кровь.

Лилит разорвала расстояние. Она уходила от одной атаки за другой, почти не контратакуя. Каждый последующий уворот давался ей все труднее: она замедлялась, и Варац видел, что она едва поспевает за разъяренной гидрой, которая только-только разогрелась. Чародей потянулся было за метательным ножом, но рука его бессильно опустилась на полпути: ему ни за что не попасть в голову гидры, вовлеченной в невероятной скорости

смертоносный танец. А нож в теле, вероятно, лишь разозлит ее еще сильнее.

Лилит пыталась отступить, чтобы снова войти в ритм боя, из которого выпадала все сильнее с каждым ударом сердца. Гидра неустанно теснила ее; она нападала снова и снова, почти без пауз, не давая Лилит перевести дух. Удар головой, тычок, атака передней лапой, хлесткий кнут хвоста, щелкнувший в полупальце от уха. Лилит перестала понимать, каким чудом ей удается уворачиваться; тело работало рефлекторно, почти без участия мозга.

Она выжидала. Ее ожидание длилось долго, очень долго, но она, наконец, надоела гидре достаточно, чтобы та встала в полный рост, рассчитывая одним мощным ударом обеих лап растоптать человеческую букашку. Лилит ринулась вбок, и, используя палку как шест, запрыгнула на ее хребет. Прежде, чем гидра успела опомниться, Лилит подползла к ее холке — туда, где семь шей сходились с телом — и намертво вцепилась в гидру руками и ногами. Она сжала палку вокруг центральной шеи, взяв ее в замок.

Гидра взъярилась, кидаясь на деревья валяясь по земле в попытках сбросить с себя нежеланного наездника. Лилит держалась, прижавшись к ее шее и полностью игнорируя боль в сломанном запястье. В ушах шумела кровь, сердце колотилось как сумасшедшее. Вся ее концентрация шла на то, чтобы не ослаблять хватку.

Гидра яростно ревела и клекотала, беснуясь и разрушая все на своем пути. Варацу пришлось спешно ретироваться за деревья и наблюдать за схваткой издали, в противном случае он рисковал быть раздавленным. Он не отрывал глаз от темного силуэта животного.

Гидра врезалась спиной в дерево, ударив Лилит бедром о ствол. Животное встало на задние лапы с явным намерением рухнуть на спину и придавить ее всем своим весом. Лилит разжала руки, пролезла вперед между шеями, оттолкнулась ногой и соскочила. Она не удержала равновесия и прокатилась по земле.

Это не могло продолжаться вечно. Лилит была всего лишь человеком с палкой в руке против огромной горы разъяренного мяса, жаждущего убивать.

Айдзу кагэ-рю учило просчитывать и предсказывать. Еще до того, как гидра замахнулась, Лилит знала, что она совершит прямой удар хвостом. Что бы Лилит ни сделала, ей не уйти от этого удара. Он будет нанесен слишком стремительно, слишком точно. Покорно закрыв глаза, вместе с шумом крови в голове она услышала голос Чи:

— Завтра солнце взойдет на востоке, каин.

Дарири опомнилась через несколько ударов сердца. Гидра приближалась, и чародейка задрала голову. Она быстро начертила несколько рун, свет от которых озарил пространство вокруг. Ей в спину подул легкий ветер, и ноги Дарири оторвались от земли. Она продолжала сосредоточенно выводить начертания, пока не оказалась на уровне толстой ветви дерева. Дарири схватилась за нее, и руны стремительно погасли. Чародейка вцепилась в ветвь и прижалась к ней всем телом, тяжело дыша и стараясь не смотреть вниз.

Она ожидала, что гидра будет рыскать под деревом, но массивное животное быстро протопало мимо, явно привлеченное чем-то еще. Она детерминировано шла вперед, лавируя между деревьями и вытянув шею. Когда она исчезла из виду, Дарири издала облегченный вздох, а потом, осознав свою ошибку, до боли вцепилась в ветку.

Ветер от ее чар донес до гидры запах. Запах ёри и зайчатины. Запах Лилит.

Забыв о своем страхе высоты, Дарири вцепилась в ствол, и начала быстрый, опасный спуск вниз. Одна из веток треснула под ее весом, и чародейка упала на землю с коротким криком. Она слегка ушибла копчик, но тут же вскочила на ноги, и побежала в сторону

сотрясающего землю животного вопля.

Спотыкаясь и сжимая в руке подол, она неслась по темному лесу. Звуки сражения становились все ближе: трещали деревья, слышался рев, топот и свист воздуха, рассекаемого хвостом.

Наконец, Дарири увидела силуэт гидры, с яростью мечущийся между деревьями. Чародейка подобралась ближе, и замерла. Ее руки мелко тряслись. Она нашла взглядом Лилит, которая перекатывалась и бросалась в разные стороны, чудом избегая ударов.

Лилит оседлала гидру, разозлив зверя еще пуще. Чародейка прижала руку ко рту. Она вцепилась рукой в кору, и мелкая щепка забила ей под ногти. С каждым проходящим ударом сердца Дарири все отчетливее осознавала, что если она что-то не предпримет, Лилит не выжить. Дарири тихо разрыдалась в ладонь, осознавая, на что ей придется пойти. Но у нее не было ни выбора, ни времени.

Дарири поднялась на ноги, дыша резко и громко, чтобы унять рыдания. Она сглотнула ком в горле, и закрыла глаза. А потом запела:

— А ведьма горела, горела горела...

Гидра врезалась в дерево, и послышался громкий треск. Лилит почти потеряла равновесие, но пока держалась.

— Ярче, чем солнце в закат...

Животное взревело, поднимаясь на дыбы.

— А люди глядели, глядели, глядели...

Лилит вновь оказалась на земле, прокатившись по ней кубарем.

— Как та орет...

Гидра занесла хвост для добивающего удара. Закрыв глаза, из которых градом катились слезы, Дарири молвила последнее слово:

— Горя́.

Этот удар хвоста ее прикончит, Варац понял это сразу. Лилит полулежала на земле, и никак не успевала ни встать, ни перекатиться. Время будто замедлилось. Хвост засвистел в воздухе.

Варац зажмурился от внезапной, яркой вспышки. А в следующий миг ему пришлось спешно зажимать уши: лес прорезал шум, в котором с трудом можно было узнать крики. Кричали сотни разнообразных голосов, они кричали громко и надрывно, мучительно, и от невыносимой какофонии их воплей в жилах стыла кровь. Варац спешно проморгался слезящимися от яркого света глазами. Он сильно сощурился, ища взглядом его источник. Впереди себя он увидел пламя — ярчайшее, живое, не имевшее никакого отношения к любому из огней, что ему доводилось видеть прежде. Оно дышало, и воздух вокруг него полыхал потусторонним, чужеродным жаром, от которого Варацу даже на таком расстоянии стало дурно. Гидра с воплем ломанулась назад, мотая головами и на ходу ломая деревья.

Вопли давили на Вараца даже через зажатые уши, а пространство вокруг будто сжималось в кольцо. Чародей инстинктивно пошел назад, и остановился лишь тогда, когда давление сгустившегося воздуха ослабло, снова позволив ему вдохнуть..

Оно потухло так же внезапно, как и разгорелось. Вопли тут же стихли. Воздух будто схлопнулся, издав характерный, ни на что не похожий звук. Когда Варац снова обрел способность видеть, ему открылась пустота выжженной земли, граница которой проходила прямо перед ним. Исчезли деревья и трава, а голый грунт был почерневшим и взрытым.

Наэлектризованный воздух внутри пустоты громко трещал.

— Червоточина... — пробормотал чародей через звон в собственных ушах.

Взгляд его упал на силуэт Лилит, белевший на темной земле. Варац не был храбрецом, но он не задумываясь задержал дыхание и перешагнул через невидимую границу, вступая в червоточину. Он почувствовал невообразимый холод и давление, нарастающее внутри его тела. Чародей бросился к Лилит, продираясь через тяжелое, густое пространство, и, подхватив ее за руки, потащил по земле.

Воздух в легких был на исходе, а череп, казалось, вот-вот взорвется, когда посиневший чародей вышел из червоточины. Он резко вдохнул, вытянул Лилит последним рывком, не удержав равновесия, и рухнул на траву.

Через несколько тяжелых, хриплых вдохов Варац подполз к Лилит и коснулся ее кожи. Она была теплой, почти горячей. Лилит дышала ровно.

— Твою ж мать... — облегченно выдохнул Варац, падая на на спину. — Прелюбопытнейше, чтоб меня!

Варац негромко насвистывал, мешая ложкой в котелке. Ему удалось найти дикорастущий черный перец, чем он был чрезвычайно доволен. Пресная уха вставала поперек горла, и мысль о хоть каком-то разнообразии во вкусовой палитре воодушевляла и поднимала настроение.

Последние два дня кругом была тишь да гладь: никаких гидр и других хищников. Даже птиц вокруг будто стало меньше, по крайней мере пели они заметно менее активно. Чародей тихо постучал ложкой о краешек котелка, и отложил ее. Он бросил взгляд на Лилит, и с удивлением обнаружил, что глаза ее открыты. Она неосознанно следила за его движениями ничего не выражающим взглядом.

— Ты как? — спросил Варац.

Лилит ответила не сразу.

— Пить хочется, — бледно сказала она.

Варац протянул ей бурдюк с водой. Сделав несколько глотков, Лилит вернула голову на землю.

— Почему я голая?

— Я не стал брать на себя смелость тебя одевать. Одежда вон там лежит.

Лилит равнодушно посмотрела на стопку новеньких вещей, и вернула голову на место.

— Где Дарири?

— Понятия не имею.

Лилит медленно присела и вынула лист из растрепанных волос.

— Я так и пролежала на земле два дня?

Чародей кивнул в ответ.

— Я бы тебя накрыл, но ты явно не мерзла. Решил, что лучше тебя не трогать.

— Спасибо, — Лилит поджала под себя ноги.

— Да на здоровье, дорогуша, — Варац заглянул в котелок, и вновь принялся помешивать уху. — Разреши теперь я поспрашиваю?

— Можешь попробовать.

— Начнем с простого: ты что-нибудь помнишь?

Лилит слегка поморщилась.

— Боль. Агонию. Невыносимую агонию, — ответила она после небольшой паузы.

— Ага... — Варац склонил голову набок. — А что это было, черт побери, ты знаешь?

— Я плохо помню. О чем ты?

Варац вкратце пересказал ей произошедшее, как он его запомнил. Лилит посмотрела направо, туда, где кончались деревья и начинался идеальный круг ровной, выжженной земли.

— Червоточина, а? Понятно, — кивнула она и уставилась в костер.

Взгляд ее был отсутствующим и расфокусированным, лицо ничего не выражало. Ее не заботила ни собственная нагота, ни сломанная рука, ни разбитые в кровь локти и колени, раны на которых успели покрыться легкой коркой. Варац прокашлялся и спросил тихо и вкрадчиво:

— Лилит, ты... Как ты себя чувствуешь?

Она оторвала взгляд от огня и провела рукой по лицу.

— Как дерьмо, — ответила она, чуть отворачиваясь.

Варац едва заметно кивнул, и спросил еще осторожнее:

— Ты чувствуешь правую руку?

Лилит посмотрела на свою ладонь. Кончики пальцев до нижней фаланги были ссохшимися и почерневшими. Она коснулась их другой рукой, меланхолично ощупывая омертвевшую кожу. Потом сжала и разжала ладонь. Пальцы пока повиновались.

— Знаешь, что за дрянь?

— Я ничерта не знаю о знахарстве, как ты можешь помнить, — пожал плечами Варац.

Лилит усмехнулась отрешенно.

— Понятно.

Варац чувствовал себя неудобно. Он понятия не имел, как вести себя в подобных ситуациях, и невозможность убежать делала все гораздо хуже. Одевшись в дорожный костюм, который чародей приготовил для нее, Лилит ушла к берегу реки, чтобы умыться. Когда она вернулась, волосы ее были стянуты на затылке, а взгляд был чуточку живее.

— Смотри, какую красоту я нашла, — она продемонстрировала Варацу маленький кусочек зеленой ткани. — Платье Дарири. На ветке висело.

— Удирала от гидры, наверное.

Лилит молча уставилась в огонь, и долго молчала. Она смотрела уже иначе: цепко, сфокусировано, осмысленно. Варац уже собирался спросить, в чем дело, когда она резко пришла в движение, гневно пнув землю под собой. Из-под ее сапога вылетели куски грунта вперемешку с мхом и травой.

— Чародейка, твою мать! — громко выругалась она, сжав кулаки, и тут же зашипела от боли в сломанной руке.

Варац слегка расслабился, чувствуя, как оцепенение отпускает его. Лилит явно приходила в себя.

— Какая драма, — сказал он насмешливо. — Что за страсти, дорогуша?

— А вот скоро и узнаем, — ответила Лилит, потирая запястье. — Надо взять ее след.

— Спорим, ее сожрала гидра? — Варац понюхал кипящую уху.

— На что? — охотно согласилась Лилит.

— На чувство превосходства от выигранного спора, — со смехом ответил чародей. — Больше мне предложить нечего.

— Идет, — Лилит окинула его взглядом, в котором постепенно разжигался азарт и веселость. — Скоро там уха? Жрать охота, ты бы знал.

После тщательного осмотра леса вокруг червоточины Лилит вернулась к дереву со следами от ногтей и нашла слегка взрытый след. Они медленно пошли по нему; след был двухдневным и был едва заметен. Лилит часто теряла его и то и дело возвращалась обратно в попытках его отыскать. Варац следовал за ней прогулочным шагом, празднично озираясь, когда она останавливалась, чтобы осмотреть землю.

— Ты планируешь упомянуть в своем послужном списке победу над гидрой с помощью одной только палки? — спросил он.

— Будто мне кто-то поверит, — фыркнула Лилит. Она припала к земле, внимательно разглядывая слегка примятую траву. — Да я ее и не победила, судя по твоему рассказу. Она смылась от... этого, — она кивнула в сторону червоточины. — Чем бы оно ни было.

— От твоей дикой магии. Очевидно же, — Варац задумчиво оглядел небо. — Крайне любопытно, я должен сказать.

— А мне вот не очень, — отрезала Лилит. — Хватит об этом.

Она залезла в колючий куст, ища куски одежды или следы крови. Варац взглянул на солнце, слегка прищурившись.

— Погодка-то шепчет, а?

Лилит укололась, выругалась, и покинула куст.

— Уважаемый чародей, — она вытащила из рукава пару иголок. — Раз уж вы выполняете крайне полезную функцию развлечения меня беседой, может хоть расскажете историю?

— Историй у меня вагон, — с готовностью кивнул Варац. — Тебе какую? Самую скандальную, самую безумную, самую непристойную?

— М-м, — Лилит вернулась к оборвавшемуся следу и пошла в другую сторону, ища его продолжение. — Расскажи про то время, когда ты странствовал.

Варац поморщился.

— Я же сказал, кошмарные были времена. Ты от скуки хочешь помереть, дорогуша?

— Еще как, — энергично кивнула Лилит и указала рукой на едва заметный след грязи на камне. — Вот он, видишь, лист перевернут... Мы с тобой на какое-то время повязаны, уважаемый чародей, и выбираться из глухомани нам придется совместными усилиями. А раз так, я хочу знать, с кем имею честь, — она присела на землю, что-то пристально разглядывая. — Знать лучше, если быть точнее.

Чародей фыркнул.

— Это скучно. И я не люблю копаться в прошлом, знаешь ли.

— Я на твои расспросы ответила, — пожала плечами Лилит. — Ты мне должен.

Варац опешил, а потом рассмеялся:

— Изумительная наглость! Ты в юности, часом, не мошенничала? Повадки у тебя, как у уличных разводил.

Лилит кивнула.

— Ходячила. Собирала доли с лавок, выбивала долги... У меня это всегда лучше получалось, чем форточничать или барыжить. Ты давай с темы-то не съезжай, уважаемый чародей. История в обмен на историю, что скажешь?

— Скажу, что терпеть не могу, когда люди не принимают отказов. Это пошло. Поэтому все, что ты получишь — краткую сводку без сочных подробностей, сухую и тошнотворную, как ты сама.

— Давай, — согласилась Лилит.

— Ладно уж... — Варац прокашлялся. — Детства я почти не помню, и очень этому рад, если честно. Я был настоящей занозой в заднице, и, едва похолодало и еды стало не хватать, меня сплавил в приют. Нас там много таких было, уродцев из больших семей. Карликов, калек, отсталых. Было весело, компания что надо. Здоровых отправили обучаться для службы в священном войске, тех, кто имел хотя бы две извилины, учили писать. В основном для того, чтоб чем-то занять, чем ради перспектив. Мне повезло чуть больше остальных: у меня нашли способности и отправили в школу при академии, как и еще нескольких будущих чародеев. Тоска там была зеленая, но все лучше, чем дрогнуть на стогах сена в учебке войска. Учился я скверно, таланта во мне было немного, а вот дури — хоть отбавляй, — Варац усмехнулся. — Трудолюбие мне не прививалось: об меня ломались розги и нервы монахинь

и наставников. Интерес во мне проснулся, когда я нашел древние тома в одной из закрытых секций библиотеки. Еще доламбианских времен. Я был поражен: ни слова о Сатане и его искушениях, о демоническом происхождении чародейского дара, о врожденной черноте нашей души, ничего из этого там не было. Только теория рунных писем, формулы, исследования, эксперименты. Тут-то я и пропал: пробирался туда ночами, зачитывался, сидя на холодном полу, старательно выписывал все, что мог, прятал и зазубривал. Я превратился в одержимого, еще немного и пошел бы по дорожке безумных академиков, но вовремя опомнился. К семнадцати годам я окончательно понял, что с церковью мы не уживемся, — Варац вздохнул, театрально всплакнув. — Наша любовь умерла, так никогда и не начавшись.

— Какая драма, — Лилит рассматривала натоптанный кусочек земли. — И что, были у тебя единомышленники?

Чародей вздохнул.

— Парочка. Но они разделяли мои взгляды не настолько, чтобы отправиться вместе со мной в добровольное изгнание. Хороший урок о верности, вернее, ее отсутствии. Каждый преследует свои цели, и в лучшем случае вам по пути на жизненной дороге. Но, по большому счету, только до первого перекрестка.

Лилит хмыкнула.

— Сейчас расплачусь.

— Ну хоть бы подыграла ради приличия! — воскликнул Варац, взмахивая руками. — Боже мой, какая скучища!

Лилит вздохнула и посмотрела на него проникновенно.

— Воистину, все мы — лишь одинокие души в вечных поисках смысла, — сказала она с придыханием. — Так нормально?

— Пойдет, — кивнул чародей. — В общем, смылся я оттуда. Убежал в Сульян, где предавался разного рода гедонистическим удовольствиям много лет подряд, — он провертел в руках палку. — Мало что помню! Так что на этом сводка подходит к концу. И не только потому, что мне больше нечего рассказать, но и потому, что на лице твоём написано хмурое беспокойство, дорогуша. Что ты нашла?

Лилит не ответила. Она отошла на несколько шагов, припадая к земле. Потом направилась в другую сторону. Скрылась за деревьями, и вернулась где-то через пол-мины.

— Ну, — она провела рукой по лицу. — Есть хорошие новости, есть плохие. Или только плохие, это как посмотреть. С какой начать?

— С любой! Не томи!

— Видишь вот этот след? — она указала рукой на два отпечатка ног с примятой вокруг травой. — До этого места он тянется. Здесь — обрывается. Почему?

— Гидра настигла ее, и проглотила целиком, — весело ответил Варац.

— Следов боя или потасовки нет, земля не вытоптана. А вот эти два следа — последние — две стопы вровень друг с другом. Она остановилась здесь, более того, простояла какое-то время. Почему?

— Задумалась о том, какая она невыносимо скучная?

— Если бы, — Лилит извлекла из кармана монетку и принялась вертеть ее в руках. — Тут одна теория хуже другой.

— И какая лучшая?

— Вопрос не в том, какая лучшая, а в том, какая худшая. И звучит она так: телепортационный амулет.

Варац тихонько рассмеялся.

— Я даже не знаю, с какого из своих вопросов начать, такой это бессмысленный бред!

— Бред, — согласно кивнула Лилит. — Но не бессмысленный. Мне надо подумать, уважаемый чародей. А пока я думаю, пошли-ка к реке. Нужно вернуться к конвою.

— Грандиозно! — хлопнул в ладоши Варац. — Я жутко заинтригован. Ты размышляй, а я пока предамся скучным пространственным рассуждениям вслух. Идет?

— Развлекайся, — кивнула Лилит и бодро зашагала вперед.

Сегодня улова не было, зато им попалась сносная грибница. Лилит крупно нарезала червивые грибы, и кинула их тушиться в котелке вместе с речной водой. Полевая кухня, да и вообще любая кухня, никогда не была ее сильной стороной.

Ночь была жаркой и по-южному душной. Из-за тепла и близости воды насекомые активизировались и кусались, на чем свет стоит. Лилит и Варац быстро покрылись красноватыми укусами и сильно чесались. Лилит размышляла, машинально прихлопывая надоедливых мошек.

Она подтачивала конец палки метательным ножом, желая усилить эффективность этого простого оружия. Варац постукивал пяткой по земле, сильно тряся коленом. Он выглядел взвинченным, если приглядеться, можно было заметить мелкую дрожь в его руках.

— Ты чего трясешься, уважаемый чародей? — спросила Лилит вкрадчиво.

Он посмотрел на нее с натужной улыбкой.

— У меня бывает. Не обращай внимания.

Лилит недоверчиво вскинула бровь.

— Нервы, или что? Поспишь, может?

— Займешься своими делами, может? — он крутил в длинных пальцах один из своих колтунов. Лилит заметила на его запястье старую, едва заметную наколку, на тыльной стороне ладони между большим и указательным пальцем. Она не успела рассмотреть, что именно изображала наколка, но мысленно отложила это наблюдение в памяти.

— В диких лесах, — Лилит придирчиво оглядела конец заточенной палки. — Живет много странной твари. Здесь все заросшее, нет следов людей, мало животных. Мне тоже не по себе, я вот к чему. И в таких местах, как это, любое необычное ощущение нужно воспринимать со всей серьезностью.

Варац раздраженно фыркнул.

— Мое состояние не имеет никакого отношения ни к лесу, ни к живущей в нем твари.

— А мое вот, кажется, имеет, — ответила Лилит, смотря в темноту чащи. — Поэтому спать я ложиться не буду. По крайней мере пока не буду уверена, что не проснусь в чьей-нибудь пасти.

— Ну, — Варац вытянул ноги и задышал чуть ровнее. — Самая главная тварь нас уже покинула. Впрочем, вдруг она все еще снует где-то неподалеку? Выжидает момента, чтобы незаметно ударить в спину?

— У Дарири много талантов, но засады и путание следов — не в их числе. Впрочем, — Лилит с интересом смотрела, как из трещины в полене пробивается огонь. — Ложь и притворство я тоже никогда не считала ее сильными сторонами. И, похоже, очень сильно ошибалась.

— Да ну? А мне вот наоборот показалось, что она та еще интриганка. Не знаю даже,

почему. Движения, взгляды... Было в них что-то вороватое.

— Значит, ты разбираешься в людях лучше меня, — вздохнула Лилит. — У меня глаз на нее замылился. Я привыкла к тому, что она в моем присутствии ведет себя странно.

— Влюбленность вещь такая, — пожал плечами чародей.

— Не думала, что ты заметишь. Твой типаж обычно не видит дальше своего носа.

— Мой типаж? — взвился Варац. — Мой типаж?! Записывая меня в какие-то там типажи ты переходишь все грани, дорогуша, мыслимые и немыслимые!

— Ага. Тебе можно, а мне нельзя? — усмехнулась Лилит. — Или одинокий и колючий это лучше, чем эгоцентричный и экспрессивный?

— Еще как лучше! — взмахнул руками чародей. — Я к твоему типажу добавлю еще и “дотошный”, для полноты картины. Так бы и сказала, что тебя уязвило мое суждение. Я могу проявить вежливость и извиниться.

— Чрезвычайно уязвило, — серьезно ответила Лилит. — Ты даже не представляешь, насколько мне не все равно. Видишь, прямо спать не могу, как волнуюсь.

— Прикрываешь уязвимости сарказмом, — кивнул Варац. — Как по нотам. Я тебя насквозь вижу, дорогуша.

— И что же ты видишь, уважаемый чародей?

— Что ты носишь столько масок, что под ними не видно лица. И бесчувственный профессионал — твоя любимая, — Варац сделал паузу. — Ты рано поняла, что люди все равно видят то, что хотят видеть. Так почему бы им это не дать, верно? Дай угадаю: так проще работается.

Он замолчал, смотря на нее пристально, будто ожидая реакции. Потом добавил вкрадчиво:

— И, в целом, в этом нет ничего предосудительного. Только сможешь ли ты ответить на вопрос, кто ты? Без своих выдуманных идентичностей, а на самом деле. Вот это действительно любопытно.

— Как проникновенно, — ответила Лилит с насмешкой. — Единственное, что я рано поняла: нет смысла спорить с теми, кто говорит ради того, чтобы заполнить тишину. Так что давай помолчим, а, дорогуша? Справишься? — она игриво сощурила глаза. — Или голоса в голове сведут тебя с ума?

Варац негромко фыркнул, и вернул взгляд в огонь. Лилит молча продолжила затачивать палку.

День выдался спокойным; сгустившиеся свинцовые тучи скрыли солнце, спасая от зноя. В небе сверкали молнии, обещаая внезапный и обильный ливень. Было душно и чрезвычайно влажно. А еще неправдоподобно тихо.

Лилит и Варац достигли подножия отлого склона и остановились на короткий привал перед восхождением.

— Птиц нет, — заметила Лилит. — Вот что не так. Послушай. Тишина мертвая.

Найсоны слегка шелестели на несильном ветру.

— Может, из-за грозы? — Варац кивнул на небо.

— Вот скоро и узнаем, — Лилит поднялась на ноги. — Двинули?

Лилит пошла вверх боком, помогая себе здоровой рукой.

— Будь настороже на всякий случай, — сказала она, цепляясь за камень.

— Зачем? Ты с этим лучше справишься, — ответил Варац, следующий за ней. — Тебе

надо было в стражу идти. Можно было бы блюсти дозор, не взбираясь на башню.

— Шутки про рост, — кивнула Лилит. — Уморительно, кирье.

— Разумеется, шутки про рост, — фыркнул Варац. — Это моя специализация, считай.

— По причине? — нога Лилит слегка съехала на сыпучем щебне, который покатился вниз по склону.

— Адельфос даже повыше тебя будет, — Варац цепко схватился за корень. — По ощущениям.

— Адельфос, — Лилит взобралась на небольшой уступ, и села перевести дух. — Сто лет этого слова не слышала. Просто “лучший друг” для тебя слишком приземленно?

Варац поджал губы, подтягиваясь обеими руками. Шумно выдохнув, он уселся рядом с Лилит.

— Кирья, архон, адельфос — это все жалкие осколки настоящей Северной культуры, нашего языка, который ламбианцы вытравили много лет назад. Я считаю важным сохранять хотя бы то, что осталось.

— М-м, — кивнула Лилит. — Так переходи полностью на древнесеверный, чего мелочиться-то. Тебя ни одна живая душа не поймет, конечно, зато культуру сохранишь.

— И не ожидал, что ты поймешь, — фыркнул Варац.

— Куда мне, действительно, — Лилит похлопала его по колену. — Ты сколько лет среди знати провел? От тебя прямо несет аристократическим высокомерием.

Чародей ощутило напрягся. Лилит заметила это, и посмотрела на него с любопытством.

— Что?

— Ничего, помимо того, что ты меня кошмарно раздражаешь, — ответил Варац, беря себя в руки.

— А вот это уже моя специализация, — подмигнула ему Лилит, и бодро подскочила на ноги. — Пошли. Надо успеть до ливня.

Нужное место нашлось не сразу. Им пришлось сделать большой круг, и где-то через колокол поисков их глазам открылась интересная картина.

Большинство тел угадывались лишь по кровавым ошметкам. То, что не разодрали гидры, за ними доели падальщики и лесное зверье. Хлынул ливень, омывая не до конца обглоданные кости. Останки еще не начали активно разлагаться, поэтому запах был терпимым, как от тухлого мяса.

Земля была взрыта, кустарники раскиданы, а на деревьях красовались следы мечей и когтей. Кое-где валялось оружие и обрывки одежды, и именно они заинтересовали Лилит в первую очередь.

— Поищи то, что осталось от Лыгашмына, — сказала она, беря в руки кожаный пояс и пристально его разглядывая.

— В этой-то красоте? — Варац оглядел поле брани и кивнул на обезглавленное тело. — А вон он лежит, судя по размерам. Невкусный, что ли, оказался?

Обильный южный ливень громко стучал по кожаной куртке трупа, разбиваясь об него крупными каплями. Лилит присела рядом. Она расстегнула петлички на куртке, и с усилием перевернула мясистое тело, высвобождая руки из рукавов. Потом тщательно прощупала куртку. Тем временем Варац нащупал что-то в кармане штанов.

— Печать, — сказал Варац уверенно. — Ее нельзя касаться кожей, дай что-нибудь.

Лилит залезла во внутренний карман куртки трупа, и подала Варацу бордовый носовой

платок. Чародей расправил его, положил на ладонь, и аккуратно извлек из штанов Лыгашмына металлическую печать со сложной круговой руной на доньшке.

Лилит внимательно изучила раны на обезглавленном теле.

— Он умер позже остальных, — сказала она убежденно. — Максимум пару дней назад. Остальных сожрали падальщики, а он целехонький.

— Кроме головы. Что же он тут, несколько дней так и просидел?

— Похоже на то. Но меня другое интересует, — Лилит медленно поднялась на ноги. — Если не гидры, то что отгрызло ему голову?

Джеллаба чародея прилипла к телу, а с вымокших колтунов ручьями стекала вода. Лилит отжала хвост на затылке, и ладонью смахнула с лица воду.

Они нашли убежище от дождя в крохотной выемке в скале. Для ночлега она не подходила, но переждать ливень, поджав под себя ноги, годилась. Варац с любопытством разглядывал печать, используя платок, как прихватку. Лилит сидела рядом, смотря на стену ливня.

— Гребаный дождь, — вздохнула она. — Смыл все следы.

— Что ты надеялась там найти? — спросил Варац, вертя в руке печать.

— Сумки. Документы. Письма. Оружие с гравировкой. Хотя что-то, — Лилит устало провела руками по лицу. — А там одни арбалеты валяются. Почему, интересно. Не гидры же все железо слопали.

— Мародеры? — предположил Варац.

— В такой глуши? Тут ни одной деревни на пятьдесят ику, — Лилит покосилась на печать в руках Вараца. — А это тебе о чем-то говорит?

— К сожалению, — качнул головой Варац. — Это демоническая печать, но это и все, что я могу сказать.

— Очень полезная информация, действительно, — с усмешкой ответила Лилит. Она задумчиво побарабанила пальцами по колену. — Не везет нам что-то, уважаемый чародей.

— Не то слово, — хмыкнул Варац в ответ. Он аккуратно поставил печать возле своей ноги. — Что нам известно?

— Немногое. Ты про дом Валор хоть раз слышал?

— Нет.

— Вот и я нет. А я слежу за современной геральдикой.

— Думаешь, липовое?

— Очень может быть, — Лилит сощурилась, смотря на бордовый платок в руках Вараца. — Ну-ка дай-ка.

Она расправила платок, и оглядела качественную вышивку, сделанную золотыми нитями. Она изображала церковные Агнчьи рога с пламенем между ними. Лилит долго смотрела на вышивку, не моргая и ничего не говоря.

— Узнаешь? — спросил Варац с интересом.

— Нет. Но это герб, — Лилит кивнула на характерное обрамление. — Подозреваю, что дома Валор.

— И что это значит, по-твоему?

— Есть теория, — ответила Лилит невесело.

— Ну? Не томи.

— Это исключительно моя проблема, уважаемый чародей. Тебя в эту мясорубку

случайно затянуло. Извини за это, кстати. В качестве компенсации я сопровожу тебя до Чинджу, и позабочусь, чтобы по дороге ты не умер от голода и не расшибся на скалах. А дальше можешь вернуться к своей прежней жизни, что бы ты там в ней ни делал.

— Ничего полезного, или даже приятного, — хмыкнул Варац. — Что ж, как пожелаешь. Совру, если скажу, что я в восторге от такого эскорта, но выбирать не приходится. Сколько обычно стоят твои услуги?

— Будь это обычная глухомань, взяла бы пару сотен. А за конкретно эту глухомань — в три раза больше.

— Почему?

— Потому что у шеи Лыгашмына срез ровный, как от лезвия. При этом вокруг ни одной железки. Я знаю только одну тварь, которая грызет сталь и питает слабость к головам. И я очень, очень надеюсь, что мы с ней не пересечемся.

Ливень подутих, потом и вовсе перестал. Потихоньку выглянуло солнце, но птицы так и не запели. Лилит убрала печать в небольшую тканевую торбу, сделанную Варацем, и легко улыбнулась чародею.

— Пошли. Чем скорее достигнем города, тем меньше тебе придется меня терпеть.

Жизнь на Севере ни для кого не была легкой. Урожаи были непостоянные, и в крестьянских общинах часто случались голодные года. Многие дети кончали в приютах и на улицах, как тот же Варац, по самым разным причинам. Кто-то сбегал, кого-то изгоняли, кто-то был просто лишним ртом, от которого необходимо было избавиться. Еще, разумеется, были сироты, чьи слезы орошали пепелища, некогда бывшие их родным домом.

Многие осиротели во время войны с Оренхаем. В те годы приюты были переполнены, и мест не хватало ни для кого. Многие беженцы, включая детей, так и остались брошены за воротами городов, без роду, племени, и крыши над головой.

Те, кто смог выжить, кто смог приспособиться и делать то, что необходимо, уже не могли вернуться к прежней жизни. Дети, закалывавшие в подворотнях за крошки хлеба, подростки, совершавшие налеты на деревни ради денег, скота и зерна, молодые люди, которым пришлось убивать и есть своих вчерашних соседей; все они прошли точку невозврата, оказались выброшены на обочину общества, клейменные, презираемые, извращенные ужасами голода и войны.

Банды, существовавшие в крупных городах и раньше, многократно пополнились их ножами, мечами и кинжалами. Преступность не просто взлетела, а рванула и вышла из берегов, притом так стремительно, что никто и опомниться не успел, а стража уже плясала под дудку кучки мародеров, носящих одно имя и один опознавательный знак.

Банды часто враждовали друг с другом за территорию, лавки, магазины и людей. За авторитет и прибыль, которые все это приносило.

Процветала жестокость и беззаконие. Вводились комендантские часы, на вооружение стражи и пополнение их рядов выделялись огромные суммы чеканок. Кое-где удалось восстановить некое подобие порядка — в том же Исхеросе, например. Законы там были безжалостны к любого рода преступникам. За воровство отрубали обе руки, за убийство казнили, за содомию лишали гениталий, за чтение запретных книг отрубали пальцы. За взяточничество тоже грозила виселица, а доносчикам, наоборот, полагались огромные вознаграждения и всяческие поощрения и поблажки. Преступления там совершали лишь совсем отчаявшиеся, те, кому нечего было терять. Либо же профессионалы, готовые

рисковать всем за щедрую монету и строчку в послужном списке. Тогда Лилит в большей степени относилась к первым, но изо всех сил старалась перейти в категорию вторых.

Получалось у нее, впрочем, с переменным успехом. На это указывал розыскной плакат, обещавший за нее тысячу чеканок. Или пятьсот за голову. Он висел рядом с множеством таких же плакатов, свежих и пожелтевших, на которых красовались самые разнообразные лица и суммы вознаграждений.

Плакат был нарисован схематично, и в нем едва угадывались черты лица Лилит. Однако, ее безошибочно выдавали лиловые глаза, на которые художники не пожалели покрасочного порошка.

— Лиловые глаза, черные волосы, высокий рост, — прочла она вслух и громко фыркнула, сорвав плакат. — Аметистовые, а не лиловые. Идиоты.

Она носила плащ с большим капюшоном, под которым узнаваемый цвет ее радужки не так бросался в глаза. Лилит избегала больших улиц, по которым шастали обширные вереницы патрулей, и старалась держаться трущоб, куда стража заходила менее охотно.

Это был не Синепалк. В Синепалке банды окапывались в своих логовах, здесь же никто не мог позволить себе роскоши долго сидеть на одном месте. Лилит почти с луну выискивала своих, разнюхивая на площадях, в тавернах, кабаках и подворотнях. Попрошайки не кололись, щипачи ей и вовсе не попадались, лавочники грозились стражей при малейшем намеке на беззаконие, даже в разговорах.

Все были запуганы и ходили по струнке. Рано или поздно этот пузырь лопнет, думала Лилит, но когда — неизвестно. Явно не в ближайшее время, а с каждой новой луной без заказа ее имя сходит с уст, уступая место более свежим слухам и новостям.

Почему ей взбрело голову искать заказы в Исхеросе, где вероятность быть пойманной за руку и четвертованной возрастала многократно? Из-за простого правила: чем больше риск, тем больше выгода. И тем громче будет молва, если ей удастся выполнить работу хорошо.

Местные шустрилы шифровались так усердно, что Лилит уже готова была сдать и вернуться в Синепалк. Она облазила весь город, засунула нос в каждую щель, и в фигуральном, и в буквальном смысле, но добилась только награды за свою голову и пыли, осевшей в легких.

Лилит прислонилась к стене в переулке, под аркой. Она размышляла, сколько ей будет стоить дорога назад. Пешим ходом до Синепалка ей не добраться, на это уйдет слишком много лун. Уезжая оттуда на практически последние свои чеканки, она рассчитывала найти здесь работу. Но, похоже, ее расчеты не оправдались.

Она посмотрела на монетку с дыркой в середине, которую вертела в руках.

— Любопытная побрякушка, — услышала она мягкий голос откуда-то сзади.

Лилит медленно развернулась, готова вежливую улыбку, и кинжал, висевший в ножнах на поясе. Перед ней стоял молодой человек, чуть ниже ее ростом, с темно-рыжими волосами, забранными назад. Глаза его были синими, удивительной глубины и яркости. Лилит бросила взгляд на подрезанные кончики ушей. Молодой человек смотрел на нее спокойно, немного насмешливо, но без высокомерия. Она знала этот взгляд. Он был своим.

— Что эльф делает в Исхеросе? — спросила она.

— А что полукхин делает в Исхеросе?

— Кто? — не поняла Лилит. — Я? Работу ищу, не видишь?

— Не вижу.

— Слушай, — ответила Лилит раздраженно. — Либо помоги, либо проваливай.

Настроения у меня нет шашни водить и языком чесать.

— Могу помочь, — ответил он и щелкнул монеткой с дыркой в середине. Лилит растерянно посмотрела на свои опустевшие руки. — А могу и провалить. Ты только попроси.

— Как ты?.. — глаза ее загорелись жадным любопытством. — Интересно. Помочь можешь, говоришь?

Он ударил по монетке большим пальцем, возвращая ее Лилит. Та поймала ее и осмотрела удивленно, будто видела впервые.

— Четыре клейма. Плакаты о розыске. Оознавательная монетка. Тихо работать не умеешь, я понимаю?

— Умею, — праведно вспыхнула Лилит. — Если захочу.

— Ну-ну, — ответил он насмешливо. — Докажи. На Платисе есть ювелирная лавка. Найди там кольцо. Белое золото с рубином и гравировкой. Встретимся здесь же ровно через тамису. Провернешь чисто — дам настоящий заказ.

Лилит лишь моргнула, а он уже исчез, будто не стоял перед ней один удар сердца назад.

Она раздраженно взрычала, чувствуя себя дурочкой, которую водят за нос. Ей стоило немалых усилий успокоить свое задетое эго и обдумать предложение эльфа. Она не хотела признаваться себе в этом, но ей было любопытно. Кажущаяся мальчишеская внешность не могла обмануть Лилит — с эльфами никогда не скажешь, сколько им на самом деле лет: двадцать, двести или и того больше. Никто, кроме них самих, не знал сколько же они живут на самом деле. И где живут, тоже. Скрываться остроухие умели, как никто, особенно после погромов сорок лет назад. Тем удивительнее было встретить одного из них посреди крупного города, да еще и в таком интересном контексте.

Самолюбие Лилит было задето, но интрига оказалась сильнее. Ей и прежде доводилось обносить лавки, но никогда — в одиночку. С другой стороны, это всего лишь одно несчастное кольцо. Насколько вообще сложным это может быть?

Лилит была юна и нетерпелива, но она не была наивна. Какой бы мотив ни был у странного эльфа, свалившегося ей на голову невесть откуда, ей стоило быть настороже. И не ожидать, что она войдет и выйдет с побрякушкой в руках. Нужно использовать каждый колокол отведенной ей тамисы, с умом и расчетом. И начать, как и всегда, с наблюдения.

На первый взгляд лавка не показалась ей особенной или сложнодоступной. Два входа, передний и задний, со стандартными на вид замками. Плюс широкая витрина с двойным мутным стеклом.

Отношения с закрытыми замками у Лилит были, мягко говоря, сложными. В Синепалке под рукой всегда были медвежатники, которых можно было попросить о помощи, и нужды учиться вскрывать у нее никогда не возникало.

Задняя дверь лавки вела в сеть переулков, через которые можно было попасть в сточные каналы. Но решетка была намертво закреплена дорожной брусчаткой, что отрезало этот простой, привычный и желанный путь отхода. Сами по себе переулки были недостаточно ветвистыми, чтобы быстро потерять в них патруль. Обдумав все эти факторы, Лилит окончательно отказалась от идеи грабить лавку обычным способом. Тогда она обратила свое внимание на ее хозяина.

Им был дядюшка, пожилой и неприметный. Скорее всего мастер, судя по близорукости и сгорбленной спине.

Лилит проследила за лавочником до его дома, как могла аккуратно. Он жил в узком

двухэтажном доме из шлифованного камня; видимо, ювелирное дело было весьма прибыльным занятием.

Еще через два дня она знала, что лавочник одинок, по вечерам любит сидеть у камина с кружкой горячительного, спать ложится поздно и часто встает ночами — видимо, страдает бессонницей.

Последние свои деньги Лилит потратила на одежду: плотные бархатные штаны, рубашку и жилет с воротом. В своей крохотной комнатке на постоялом дворе, где она жила в долг, Лилит тщательно вымылась в бадье, педантично причесалась и оделась, внимательно следя, чтобы ни одна складка не выбивалась из образа.

Строгая, точная походка без лишних движений. Неспешная, размеренная жестикация. Вытянутая шея и гордо вскинутый подбородок. Взгляд, полный надменного безразличия. Сухой голос, немногословность, безотлагательный тон. Ровная осанка и внимательный прищур, чтобы немного скрыть цвет глаз.

Ее звали Валенсия Хемонесийская, и она прибыла в Исхерос по личному указу его величества. Дело было срочное, безотлагательное и чрезвычайно важное.

Она мерила шагами город, сживаясь со своей новой шкурой. Остановившись у уличных лавок и обмениваясь с торговцами несколькими словами. На пятом прилавке она ощутила, что попала в цель — продававшая накидки и плащи женщина поклонилась ей и залебезила, поглядывая цепко и предлагая лучший товар. Осмотрев ее арсенал, Валенсия покачала головой и молча двинулась дальше по улице. Путь ее лежал к ювелирной лавке.

Она скабрёзно оглядела вывеску и не спеша проследовала внутрь, звеня дверным колокольчиком.

Помимо хозяина в лавке была девушка. Он показывал ей серебряные подвески. Валенсия вежливо кашлянула, привлекая к себе внимание.

— Подождите немного, кирья!

— Очистите помещение немедленно, — Валенсия звучала спокойно, холодно и требовательно.

Лавочник, наконец, поднял на нее глаза. Она смерила его строгим, оценивающим взглядом и повернула голову к девушке.

— Прошу простить, кирья.

Девушка недоверчиво посмотрела на лавочника и пожала плечами, направившись к выходу. Когда дверь за ней закрылась, лицо ювелира приняло возмущенное выражение, и он открыл было рот, чтобы выразить его вербально, но Валенсия заговорила первой:

— Я здесь по личному приказу его величества, — она смахнула с рукава невидимую пылинку. — Уделите мне мину?

Полуседой дядечка недоверчиво хлопнул ртом, собираясь ответить. В глазах его было растерянное сомнение.

— Мне было поручено отыскать мастера, который справится с заказом для короля, — продолжала Валенсия. — В кратчайшие сроки. Вы — один из кандидатов.

Лавочник опешил, лишившись дара речи. Она сощурилась, будто решая, стоит ли он ее времени.

— А... — вымолвил он, сглатывая.

Она воспользовалась паузой, чтобы осторожно даже не ступить, а заглянуть в его сознание. Послышался легкий звон, и она отпрянула прежде чем успела увидеть хоть что-то. Украшения, инкрустированные камнем источника. Могла бы и догадаться.

— Возьмите себя в руки, кирье, — сказала она чуть мягче, сохраняя, тем не менее, жесткость во взгляде.

Лавочник тряхнул головой. Смятение и недоверчивость постепенно пропадали из его глаз.

— Что за заказ? — наконец вымолвил он пересохшим ртом.

— Инкрустирование короны и королевского наперстка. Вы сами шлифуете камень? Мастер закивал.

— Чудно. Покажите мне лучшие ваши образцы с инкрустацией. И сами камни, будьте любезны.

Ювелир исчез из виду, скрывшись в подсобном помещении. Валенсия окинула взглядом прилавки и открытые витрины, придирчиво разглядывая изделия. Она слегка фыркнула, заметив на золотом браслете темное пятнышко.

Как только лавочник вернулся, держа в руках несколько коробок, она указала на изделие аккуратным, длинным ногтем:

— Подобная небрежность — обычное дело для вас, кирье?

Ювелир взял в руки браслет, близоруко разглядывая его.

— Надо же... — пробормотал он, поправляя пенсне.

Проведя пальцем по прилавку, Валенсия брезгливо стряхнула с него пыль.

— Возможно, я ошиблась в выборе, — сказала она разочарованно. — Дела у вас явно идут не очень. Не без причин, я подозреваю.

Она еще не развернулась, но уже посмотрела в сторону выхода. Ювелир вздрогнул.

— Я один управляю лавкой, кирья... Я не молод, за всем не поспеваю, — развел руками он, и в его тоне чувствовалась некая стыдливость.

Валенсия задержалась, будто сомневаясь.

— Что ж, понимаю, — сказала она. — Давайте посмотрим на ваши работы.

Он продемонстрировал ей несколько подвесок с мелкими камнями, два перстня с яшмой, браслет, серьги, большой ограненный рубин и мелкий шлифованный изумруд. Валенсия рассматривала каждое изделие скрупулезно и неторопливо, периодически задумчиво хмыкая. Заметив, что ювелир начал потирать руки в нервном жесте, она отложила украшения.

— Искусные работы, — кивнула она одобрительно, и даже не услышала, но ощутила интенсивный вздох облегчения. Валенсия дежурно улыбнулась и сказала чуть мягче. — Давайте обсудим заказ подробнее, что скажете?

— Смотри, какая красота! — Варац указал на небольшую полянку в низине, которая так и просила разбить на ней стоянку.

— Красота, — согласно кивнула Лилит. — Только если дождь пойдет, проснемся в луже. Пошли дальше.

— Жуткое занудство! Темнеет уже, дорогуша, — недовольным, но вполне бодрым голосом заметил чародей.

Они были в пути уже восемь дней. Лилит ощущала себя странно, будто не на своем месте. Она поняла, что что-то не так, когда поймала себя на мысли, что не вспоминала о заказе два дня кряду. Вместо этого она была поглощена странными мыслями о своем прошлом, копалась в нем, будто ища что-то утраченное. Ее не отпускало чувство, что она забыла что-то, что-то очень важное. И это чувство, впервые возникшее в ней после открытия

червоточины, становилось все больше, все тревожнее с каждым проходящим днем. Незримая тень этого утраченного воспоминания нависла над ней угрожающим сомнением в себе. В своей памяти, в своих способностях, в своих решениях и действиях. Неуверенность, зародившаяся на месте неуловимого провала в хронологически четкой последовательности событий, брала верх медленно и верно. Она проникала в каждую мысль, в каждый аспект сознания, и отравляла почву под ногами Лилит, превращая ее в болото. Как Лилит ни цеплялась за привычное и понятное, как ни старалась возратить свое мышление на протоптанные годами и опытом дорожки, все было безрезультатно. Во взгляде ее появилась рассеянность, движения стали мягче и скромнее, и к ней вернулись давно забытые повадки голодных времен. Она стала чаще отводить взгляд, будто стеснялась смотреть на чародея во время разговоров, то и дело потряхивала хвостом и незаметно для себя заламывала пальцы.

Варац тоже ощутил эту перемену, но вопросов не задавал. В его изучающем взгляде не было сострадания и сочувствия, лишь холодное, отстраненное любопытство.

— Ну-с? Еще пол-мины, и нам придется искать растопку на ощупь, — сказал он, косясь на Лилит.

Та замерла, осознавая его правоту.

— Я об этом не подумала.

— Да я уж вижу, — ответил чародей насмешливо. — Садись, эскорт. Сегодня костер, так уж и быть, на мне.

Лилит послушно села на землю, поджав под себя ноги, и попыталась сосредоточиться на дыхании, слушая, как чародей поблизости хрустит ветками. Внутри у нее поселился комочек волнения, который она силилась вытеснить из себя глубоким выдохом, но не могла вдохнуть достаточно глубоко, чтобы зацепить его. Ее чувства обострились, возвращая старую боль и забытые страхи, то ли пенетрирующие иглами снаружи, то ли раздирающие изнутри. Она будто постепенно лишалась кожи: каждое дуновение ветерка, каждый поток воздуха, каждая мысль, каждое слово ощущались острее лезвия далла. Она подумала о Дарири и почувствовала боль, интенсивную и щемящую, какой не чувствовала уже много лет, а может быть вообще никогда. Ей хотелось плакать от собственной беспомощности, непонимания и... одиночества. Бесконечного, всепожирающего одиночества.

Лилит легла на землю, и поджала под себя ноги. Все казалось пустым и бессмысленным. Работа... ради чего? Денег? Славы? Достижений? Через, самое большее сорок лет от нее не останется ни тела, ни имени. Какая разница, где утром взойдет солнце, если она его не увидит? И как она узнает, что оно вошло?

— Та-а-ак, — глухо, будто сквозь подушку, донесся до нее голос Вараца. Она услышала стук палок, бросаемых на землю. — Любопытно.

Она повернула голову и вдохнула запах земли, на которой лежала ее голова. Она пахла влагой, свежестью, грибами и червями.

— Дорогуша, меня не было от силы пару мин, — чародей присел возле нее. — Признавайся, где ты опять достала ёри?

Лилит с трудом перевернулась на спину. Ей казалось, что если посмотреть в небо, ей полегчает. Ощущение было ложным. Она не нашла в себе сил говорить.

— Понятно, — кивнул чародей. — Ну, раз ты удумала втыкать в пространство, кто я такой, чтобы тебе мешать? Или не я пришел на прием к султану, упоротый кеной по самые уши? М?

Лилит моргнула. Варац принялся складывать костер.

— Вообще, должен признать, я тоже чувствую себя необычно. Как бы описать... — он задумался. — Будто на меня кто-то смотрит. Бывало у тебя такое?

Эти слова дотронулись до жижи в мозгу Лилит острой иглой, пуская по одинокой нейронной связи слабый импульс.

— Смотрит? — она приподняла голову.

Что-то внутри нее зашевелилось. Страдания чуть отступили. Лилит смогла перевернуться набок.

— Все, — сказала она чуть осознаннее. — Приплыли.

— Куда приплыли-то?

— Готовься к худшей ночи в своей жизни, — сказала Лилит, медленно моргая.

— Дорогуша, я польщен, но у меня перед глазами так и стоит картина, как ты ворошишься в обедках. Если до этого что-то и могло быть, то теперь...

— Я серьезно, идиот. Помнишь... — она глубоко вдохнула и медленно, с трудом села. — Помнишь я говорила думать о бабочках?

— Смутно.

— Вот. Думай. Хорошие, мирные мысли, как бы тяжело ни было. Понял?

Чародей чуть посерьезнел, глядя на мелкий пот, бисеринками выступивший на лбу Лилит.

— Дорогуша... Только не говори мне, что это та тварь, встречи с которой ты надеялась избежать.

— Нам нужна вода и горящий костер, — Лилит стоило огромных усилий не рухнуть обратно на землю и не погрузиться во тьму, в ее болезненно мягкие объятия. Пока что она могла держать себя в руках. — Как можно скорее.

Варац кивнул, чуть вскинув бровь. Он не ощущал себя настолько скверно, как выглядела Лилит. Впрочем, ему тоже было не по себе. Он узнавал внутри паранойю и возбудимость, которая обычно наступала во время ломки. Чуть другие, чуть более глубокие, но очень, очень похожие.

Стараясь следовать завету Лилит и думать о спокойном, он набрал родниковой воды в котелок и вернулся к стоянке. Она полусидела, оперевшись на дерево. Он поставил на землю котелок, слегка расплескав воду.

— Сука... — Лилит зачерпнула руками и отхлебнула, после чего откинула голову назад.

— Ну-с? Я слушаю, — Варац принялся разводить костер.

Лилит посмотрела на него мрачно, но осмысленно.

— Сатори. Знаешь таких?

— Вроде слышал, — пожал плечами чародей, поддувая задымившиеся ветки. — Полумифическое что-то.

— Мать у тебя полумифическая, — Лилит устало провела руками по лицу. — Демонические существа ментальной природы. Подавляют волю, причиняют кошмарные страдания, — она округлила глаза, часто моргая — Ножи. Выбрось свои ножи.

Варац извлек два ножа, и послушно запустил их в чашу.

— Их привлекает сталь, или что?

— Их привлекаем мы с тобой. А это, — Лилит кивнула вслед метательным ножам. — Чтобы мы себе вены не вскрыли.

— Все настолько серьезно? — с сомнением спросил Варац. — Ну, допустим. И как мирные мысли нам помогут?

— Помогут. Слушай внимательно, — Лилит посмотрела на него тяжелым взглядом. — У каждого человека внутри есть тьма. Самый темный, страшный и потаенный угол, который ты от самого себя запираешь за семью замками. Это — твоя уязвимость, и он будет ломиться туда. Не пускай. Будет тяжело, очень тяжело, но не пускай. Понял?

Варац долго молчал, ничего не отвечая. Потом кивнул, и подул на занявшиеся от искры ветки.

Костер постепенно разгорелся. Лилит подвинулась ближе и легла на землю, смотря на огонь. Она думала о Мегалимере — летнем празднике плодородия, который ежегодно отмечали в ее родной деревне. Он имел языческие корни, и ламбианцы строжайше запрещали его, но вытравить вековые традиции не так-то просто. Лилит вспоминала огромные костры, и искры, улетающие в темное летнее небо. И неземное чувство, что в эту ночь волшебную ночь возможно абсолютно все.

— Ты веришь в высшую силу? — спросила Лилит.

Варац потрянул головой. На какое-то время он явно ушел в себя.

— А? — переспросил он, промаргиваясь. — Религия? Давно бросил искать в ней утешения.

— Из старых богов... Когда были апороны, и Пути... Какой бы выбрал ты?

— Удивлен, что ты знаешь про Пути, — хмыкнул Варац почти уважительно. — С учетом того, что ты ни дня не провела в учебном заведении. Из древних... упомянуть бы всех, — он поднял глаза к небу. — Я бы хотел быть тем, кто совершенно искренне ответит “Путь Энке”. Но это будет лукавство. А какой Путь подходит тому мне, который сидит перед тобой, я не знаю. И не очень хочу об этом думать.

Лилит нахмурилась, припоминая.

— Энке... Вода, жизнь, знания, — сказала она. — Это те, которые еще пили все время? Ходили по миру, делились мудростью и благами?

— Они. Откуда знаешь?

— Информацию можно получать не только в академии, уважаемый чародей, — Лилит сделала паузу. — Мирный Путь. Но скучный.

— Разделяю сантимент, — вздохнул Варац. — Как я уже сказал, это ответ лучшей, ненастоящей версии меня. Ну а ты?

— Эрешкигаль.

— Разумеется, — тихо хмыкнул Варац. — Путь мщения и самобичевания. Очень тебе подходит.

— Иди ты, — беззлобно фыркнула Лилит. — Смерть и боль — обратная сторона жизни и счастья. Одно невозможно без другого. В смерти и боли ты ничего не теряешь. Ты обретаешь. И чувствуешь по-настоящему, — она сглотнула и приподнялась, чтобы попить. — А Путь... Мне трудно представить себя апороном, не спорю. Но Путь Эрешкигаль мне ближе всего.

Разговор ненадолго развеял мрак, опутывающий их мысли. Но стоило им замолчать, как он с готовностью вернулся, проникая внутрь и разъедая душу. Лилит охватила такая невыносимая тоска, что хотелось выть и выцарапывать ее из груди. Варац держался чуть лучше, но и его обуревали темные мысли и желания, это было видно по невеселому лицу и взгляду исподлобья.

— Расскажи, как ты держишься, — Лилит повернула на него голову. — Это какие-то чародейские штучки?

Варац хмыкнул угрюмо.

— Отчасти. Когда тебе с детства внушают, что ты ходишь по струнке, а внизу пропасть демонических соблазнов и обреченность твоей души, как-то невольно задумываешься о контроле, — он расправил плечи, чуть расслабляясь. — Но в большей степени это моя личная заслуга, и пусть церковь выкусит мой средний палец.

— Я бы выразилась пожестче на тему того, что им стоит выкусить, — ответила Лилит.

Воздух был вязким и тяжелым, будто налитым свинцом. Лишь небольшой костерок светил им, как маяк, слабо рассеивая непроглядную тьму. Неосознанно они подползали к нему все ближе, ища спасения в его тепле. Между делом, пламя постепенно угасало. Растопка кончалась.

— Надо пойти набрать, — сказал Варац, опасливо оглядываясь на черноту позади себя, в которой не было видно даже силуэтов деревьев.

— Не ходи. Нельзя терять друг друга, — Лилит почти ничего не видела. — Смотри. Видишь, ветви двигаются?

Варац задрал голову. Ветки найсонов действительно шевелились и были неровными, будто покрытыми чем-то. Слышалось тихое шуршание, но помимо этого стояла пугающая, всеобъемлющая тишина.

— Приглядишься.

Чародей, прищурившись, различил едва заметные маленькие головы и хвосты. Сотни маленьких,двигающихся голов и дергающихся хвостов.

— Это... птицы? — спросил он пораженно.

— Птицы. И они смотрят.

От костра остались лишь угли, от которых шло слабое тепло. Лилит не видела и не слышала чародея. Она лежала, прикованная к земле, не в силах пошевелить конечностями. Все ее силы уходили на то, чтобы не закрывать глаза. Не засыпать. Любой ценой, не засыпать.

Ее обьяло и поглотило гнетущее чувство обреченности. Стало все равно. Жизнь не казалась чем-то, за что стоит цепляться. Смерть не казалась чем-то завораживающим и таинственным. Ты есть, потом тебя нет. На этом все. Этого не избежать, этому не воспрепятствовать. С естественным порядком нет смысла бороться. Сильные поедают слабых. Ты выживаешь, пока можешь. А потом умираешь.

Она стиснула в кулаке комочек прохладной земли, борясь с собой.

— Двенадцать лет, — шепнула она, сама не зная, что хочет сказать. — Изгнание и голод. Потом нож к горлу. Тринадцать. Мне сломали обе ноги и четыре ребра. Четырнадцать. Я выпала из окна. Четырнадцать. Три удара ножом в живот. Пятнадцать. Голод в лагере. Драка со стражей. Несколько ночей в лесу, зимой, без еды. Восемнадцать. Девятнадцать. Двадцать один, двадцать один с половиной. Двадцать два и двадцать четыре. Двадцать пять. Прошлая тамиса. Сейчас.

Варац не отвечал. Может, не вслушивался в ее бормотание. Она дышала часто и поверхностно, в деталях вспоминая каждый перечисленный случай. Ее разум метался меж воспоминаний и цеплялся за них, лихорадочно сопротивляясь неведомой силе, неумолимо тянущей в небытие. Лилит повторяла и повторяла цифры, боясь остаться в тишине, повторяла горячо и почти с мольбой, не обращенной ни к кому конкретному. Пока она вспоминала, пока могла говорить, она существовала.

Однажды ей довелось своими глазами видеть, как пытается Гиммик. Правильно пытаться —

настоящее искусство, которым Лилит так и не овладела. Она могла причинить боль, очень сильную и мучительную, но истязать часами, чувствовать тонкую грань между надеждой и обреченностью жертвы, не умела. А Гиммик умел. Сидящий перед ним на стуле мужчина, замученный, желающий лишь избавления смертью, не говорил. Лишь тихо молился. Гиммик бесстрастно посмотрел на него, а потом бросил, обращаясь к Лилит:

— Вера — очень сильная вещь. Но вера — ничто против боли. Боль — госпожа всего.

Лилит запомнила эти слова, запомнила очень хорошо. Но никогда не понимала глубинного смысла этой фразы, не чувствовала на себе, что это значит — сломаться, отказаться от всего, во что ты веришь. У тебя может быть сколько угодно господ. Но ты предашь их всех, когда столкнешься с настоящей болью.

Она не знала, сколько времени прошло. Руки ее были изодраны собственными ногтями, сил кричать уже не было. Волосы и одежда промокли от пота, она уже не могла определить, где земля, где небо, и где ее собственное тело. Боли не было начала и конца, она съедала ее, поглощала полностью, пока Лилит не перестала существовать. Боль была ее госпожой, ее богом, всем ее миром. Единственным, что позволяло ей не умереть, что держало ее здесь, что напоминало ей о том, что существует не только вечная агония, не только нескончаемые муки истерзанного сознания, была холодная, дрожащая рука Вараца, которая до спазмов сжимала ее собственную.

Они не могли говорить, не могли кричать или стонать. Они едва-едва могли дышать.

Все сливалось воедино. Все мешалось в объявшей их бесконечной тьме. Больше не было ничего. Только они. На краю нескончаемого, черного нечта.

События. Люди. Слова.

Все было тоскливым. Предсказуемым. Либо скука либо...

Интерес был предтечей одержимости. Любопытство было сладким ядом, поначалу будоражившим, но в итоге приносящим лишь боль.

Метания, бессонница, ненависть. Бесконечная, неумная истерика. Годами, тянущимися годами. Меняется все — события, люди, слова. Не меняется лишь внутренний тремор, голодный, жадный и изматывающий.

Бессонные ночи над книгами, все вещества мира, лишь бы не слышать ту часть себя, которая хочет лишь боли, лишь страданий, лишь крови на собственных руках.

Контроль. Повседневность. Обыденность. Предсказуемость и тоска. Потому что либо скука, либо...

Боль. Одиночество. Грубость, безразличие, холод. Иначе не выжить. Иначе не прорваться к пламени, в котором горит жизнь. Вереница отвержений, осуждений, и лишь одно спасение — действие. Держаться, во что бы то ни стало, держаться. Просчитывать, думать, искать. Не останавливаться, не чувствовать.

Нельзя жить в облаках, пока живешь на земле.

Лилит не знала, сколько прошло мин, дней или лун. Открыв глаза, она нашла себя скукоженной в объятиях Вараца. Прижимаясь друг к другу, как дети в холодную ночь, они дрожали. Их зубы стучали, из глаз неостановимым ручьем лились слезы.

Агония чуть ослабла; настолько, что один из них нашел в себе силы заговорить:

— Убей меня.

— Вставай.

Дрожащие ноги не повиновались, тело ходило ходуном. Они шатко поднялись, вцепившись друг в друга.

— Я не могу.

— Пей.

Они не могли касаться, они могли лишь стискивать и сжимать, судорожно и бесконтрольно. Лилит вцепилась в волосы чародея, чувствуя его похолодевшую кожу.

Прикосновения несли боль. Но больше у них ничего не осталось.

Ты же и сам знаешь, что все бессмысленно. Ты ведь этого хотел? Забытия. Тьме все равно, что ты сделал в прошлом. И тебе тоже будет все равно.

Впусти меня.

Чего ради ты противишься? Или не тебя так влекла тьма все эти годы? Или не ты танцевал со смертью, делая вид, что можешь ее переиграть?

Чего стоит жизнь, особенно твоя? Тьма бесконечна. И ты можешь стать ее частью. Наконец-то стать частью чего-то большего. Быть собой. Ты ведь этого желал?

Больше не будет истерики и дрожи. Одержимости и ненависти. Будет только тишина и покой. Всегда.

Просто впусти меня.

На что ты готова, чтобы это прекратилось? Ты все равно сломаешься. Откажешься. Впустишь. Зачем мучиться и держаться? Просто впусти меня.

Ничто значит, что больше не будет боли. Крови, смерти. Холода и злобы.

Впусти меня.

Или ноги не повинуются тебе? Или не они истоптали все земли мира, но не нашли своего дома? Или не они не привели никуда, лишь нося тебя по кругу?

Больше не будет бессмысленности, поисков.

Просто впусти меня.

Они видели друг друга, касались друг друга. Дрожащее и ищущее, решительное и помнящее. Они касались друг друга, чувствовали друг друга, потому что только так могли спастись, и выдержать его взгляд.

Они видели его. Оно смотрело на них лицом без глаз, и рот его был наполнен лезвиями. Оно дышало тьмой, и тьма была его домом.

В одной тьме горело робкое пламя. Пламя было велико, оно было больше, древнее и темнее того, что не имело глаз. Безглазое поглощало тьму, но эта тьма обещалась проглотить его. Она шептала к нему, и он слышал ее шепот:

Впусти меня.

В пламени нет боли, есть лишь облегчение. Свобода.

Больше не будет неутолимого голода. Больше не будет страдания и вечного одиночества.

Потому что пламя всегда было с тобой.

Просто впусти меня.

Loi te de ei.

Лилит выругалась, пнув доски под собой.

Весь ее расчет не стоил выеденного яйца. Весь этот спектакль нужен был для того, чтобы спровадить ювелира работать в дом, освободив лавку. И у нее это получилось, невероятным трудом, но получилось, притом даже без чар.

Она перерыла все. Залезла в каждый угол, в каждую коробку, каждую шкатулку, по многу раз. С каким трудом ей достался этот чертов ключ, сколько мин она просидела в ожидании, сколько времени потратила впустую.

Кольца нигде не было. Лилит стала сомневаться, что оно вообще существует.

В запасе у нее оставался один день. Как она его потратит? Сведя на нет все труды шести дней кряду, почти без еды, без денег?

Ну уж нет. Она не сдастся. Она залезет в каждую щель, но найдет кольцо.

Или убьет наглого эльфа, который решил над ней подшутить.

Последнее место, которое она не обыскала — дом ювелира. Она с таким трудом загнала его туда, и теперь ей предстояло выманить его обратно.

Не думая дважды, Лилит взяла в руки масляный светильник. Чем-то всегда приходится жертвовать. И не всегда жертву приходится приносить ей.

Она разбила светильник о пол и тихо вышла через заднюю дверь, закрыв ее за собой.

Пожар разошелся быстро. Звон колокола донесся до Лилит, притаившейся за поломанной повозкой в переулке. Кто-то забарабанил в дверь. Выскочил мастер, и Лилит услышала его испуганный вопль. Ботинки часто застучали по брусчатке. Как и ожидала Лилит, впопыхах он оставил дверь открытой.

Времени на осторожность не было. Лилит рыла носом скоро и четко, как гончая, как ищейка. Она била шкатулки, разбрасывала вещи, срывала со стен картины и гобелены.

В спальне был туалетный столик, который обычно стоит в домах обеспеченных женщин. На нем царил порядок: склянки духов, чуть запыхавшиеся, стояли в ряд разноцветной вереницей. Кисточки, белый порошок, растертые травы. Маленькая шкатулка с четырьмя выдвижными ящичками.

Лилит видела достаточно шкатулок с секретами. Этот был простым, и она выдвинула четыре ящичка до конца. Не сразу, но раздался щелчок. Дно раскрылось, и из потемневшего от времени красного бархата сверкнул большой рубин. Лилит схватила кольцо и увидела полустершуюся, старую гравировку, изображающую незнакомый ей символ в виде рогов и пламени.

— Сгоревшее дотла здание, погром в доме, розыскной плакат... Сколько теперь, четыре тысячи чеканок? — спросил эльф насмешливо, вертя в перчатке кольцо. — И это твое “тихо”?

— А не все всегда идет по плану, — ответила Лилит весело. Она была до крайности довольна собой. — И тихо не всегда значит хорошо, знаешь ли.

— Почти всегда значит. Особенно, если это было единственным условием.

— Не было. Чисто и гладко — таково было условие. Кольцо у тебя, а награда за мою, а не за твою голову. Заказ выполнен и заказчик в безопасности, — парировала она спокойным голосом. — И если тебя не устраивает такой исход, можешь катиться нахер. Или же... — она взглянула на него дерзко. — Дай мне настоящий заказ.

Эльф неожиданно рассмеялся.

— А ты недолго проживешь.

— Зато ярко, — кивнула она. — Я Лилит.

— Гиммик. Пошли. Слушок про тебя пойдет и без моей помощи, но пара знакомств не повредит. В долгу будешь.

— Буду. Если знакомства окажутся полезными.

Эльф одобрительно хмыкнул, и мотнул головой, указывая направление. Они двинулись вниз по улице.

Пришедший в себя Варац с удивлением обнаружил, что может видеть, слышать и чувствовать. Видеть, слышать и чувствовать что-то, кроме бесконечной боли.

Он поднял голову, и во взгляде его была ошарашенность. Лилит сидела рядом, в обнимку с котелком. Она улыбнулась чародею почти жизнерадостно:

— Добро пожаловать назад, дорогуша. Водички?

Он лишь кивнул, подползая ближе. В его движениях была опаска, словно он боялся ненароком спровоцировать агонию, которая все еще отзывалась в теле свежим воспоминанием.

— Мы долго спали. Как себя чувствуешь?

Глотая живительную влагу, Варац прислушался к ощущениям.

— Приемлемо, — ответил он, умывая лицо от засохшей крови и других жидкостей. — С учетом обстоятельств.

Он огляделся. Поляна вокруг них была усеяна мертвыми птицами, черными, серыми и пятнистыми. Их было невозможно сосчитать, и ветер трепал перышки на их маленьких, бездыханных телах. Десятки безжизненных глаз-бусин уставились в небо, приоткрытые клювики обнажали красные рты, а задранные когтистые лапки напоминали растопыренные ветви.

— Как мы...

— Выжили? Понятия не имею.

— Твою ж... — вымолвил Варац, постепенно приходя в себя. — А ты не врала. Про худшую ночь. Я даже шутить не в силах, представь себе...

— Представляю с трудом. Выше нос, дорогуша. Или ты не рад снова дышать?

— Я сейчас ничему не рад. Но скоро буду, — он рухнул на спину. — Когда очухаюсь.

— Очухивайся, очухивайся. И пей побольше. Мы всю ночь только потели да плакали.

— Не напоминай, — простонал чародей.

— Не буду. Может, потом. Птицы, кстати, не так давно умерли. Есть хочешь?

— Должен признать, — Варац вытащил изо рта кость. — Это вкуснее, чем ожидалось.

— Скажи же, да? — кивнула Лилит, обгладывая крыло. — А ты нос воротил. Можем инфекцию подхватить, конечно... Но хоть от голода не помрем.

— Знаменитый северный оптимизм, — одобрительно усмехнулся Варац.

В их взглядах и голосах была жизнь. Они были теплыми и радостными. Наевшись до отвала, они улеглись на землю, с глупыми и блаженными улыбками на лицах.

— Я должен тебе извинение, — заговорил Варац негромко. — Я был резок в своих словах. И поспешен в суждениях.

— Загадками говорите, дорогуша? — спросила Лилит, повернув к нему голову. Ему явно было непросто извиняться вслух, и она почти наслаждалась его страданиями.

— Полностью осознавая, что ты сейчас делаешь, — ответил Варац ехидно. — Я, тем не

мене, продолжу. Я не увидел твоего лица лишь из-за собственной близорукости. А про маски — это все чушь, притом оскорбительная.

— Я тоже извиняюсь, — вздохнула Лилит. — За то, что пыталась запихнуть тебя в типаж. Ты удивительно хорошо держишься, надо сказать. После того, что я там видела.

Чародей неожиданно расхохотался.

— Знаешь, обычно я бы возмутился. Но сейчас просто скажу спасибо. Ты тоже неплохо справляешься. После того, что там видел я.

— Какой у нас прекрасный вышел обмен любезностями, — умилилась Лилит. — Напьемся, как доберемся до города?

— Как свиньи, — с готовностью кивнул Варац. — Я угощаю. У меня, если помнишь, есть отличное красное сульянское.

— Я все помню, — подмигнула ему Лилит. — Особенно если речь про красное сульянское.

Они позволили себе отдохнуть, прежде чем продолжить путь. Не нужно было произносить вслух, что после пережитого им было необходимо немного покоя и праздного безделья. Когда первая эйфория от окончания кошмара схлынула, Лилит с удивлением обнаружила в себе некую новизну. Она ощущала будоражающую живость, ноги ее были словно пружины, рвавшие в путь. В груди поселился странный восторг, и она понятия не имела, кому он принадлежит, ей или чародею, с которым они какое-то время пробыли, казалось, одним целым. Варац вел себя чуть спокойнее и приветливее обычного. Во взгляде его появилось тепло, а в движениях — невиданная прежде мягкость.

Их одежда была безнадежно испорчена. Ополоснувшись в роднике, Варац расщедрился на две простенькие джеллабы. Пожав плечами, Лилит порвала подол своей, укоротив его и сообразив два разреза, чтобы дать ногам свободу движения.

— У меня широкий шаг, — пояснила она.

Чародей махнул рукой. Подхватив котелок, они двинулись в путь.

— Птицы поют, — заметила Лилит, пружинисто вышагивая босыми ногами.

— Что удивительно. Я был уверен, что они все на полянке померли, — ответил Варац и тут же замер, будто вкопанный, моментально переменившись в лице.

Проследив направление его взгляда, Лилит охнула. Они осторожно двинулись вперед, приближаясь к чему-то белесому и бесформенному, лежащему в высокой траве.

Подойдя тихо и опасливо, часто переглядываясь, они вытянули шеи. Им открылась бледная, тонкая, натянутая на костях кожа.

— Это оно? — спросил Варац тихо. — Оно дышит?

Лилит медленно присела возле сатори и нерешительно коснулась его.

— Не дышит...

Уже смелее она перевернула тело, и обнажился живот с шестью беспальными лапами, по форме напоминавшими сабли. Шея была длинной, тонкой и наверняка очень гибкой при жизни. Голова по форме напоминала человеческую, но была деформирована сзади, имея сильно выступающий затылок. Та часть, где должно было располагаться лицо, имела сморщенную кожу, стянутую к центру головы многочисленными складками. Там, где они сходились, угадывался плотно сжатый рот. Лилит не было нужды открывать его, чтобы знать, что он наполнен острыми зубами-лезвиями.

Она внимательно осмотрела тело, по очереди задирая лапы. Варац с любопытством

крутился вокруг, то и дело приближаясь и что-то разглядывая, но прикасаться к существу не решался.

— Ран нет, — пожалала плечами Лилит. — Что его убило, интересно?

— Мой ответ остается прежним, — ответил Варац. — Твоя дикая магия. Очевидно. Как думаешь, дотащим его до города?

— Спятил? Он весит как мы с тобой плюс минимум десять пар штанов.

— Но это же тело! — с энтузиазмом взмахнул руками чародей. — Ты можешь представить, чего стоит тело настоящего сатори? Да школяры друг другу глотки грызть будут за возможность в нем покопаться!

— Пока я одобряю твое желание наблюдать за тем, как академики дерутся за труп, я также взываю к твоему разуму, — Лилит посмотрела на него снизу вверх. — Он тяжелый, и скоро начнет разлагаться. Нам и так черт знает сколько дней пути, а с ним и того дольше. Во что он превратится через это время?

Варац шумно выдохнул, осознавая ее правоту.

— Пожалуй, — сказал он с неохотой. — Ну что за досада! Кому расскажешь — не поверят... Ну давай хоть голову возьмем! Череп им отдадим!

— Флаг в руки, — хмыкнула Лилит, с готовностью протягивая ему нож. — Работайте, мастер.

— Э-э...

— Что? Или ты хотел меня запрячь? Знаешь, как я не люблю позвоночник резать? Тем более этой ковырялкой.

— Тот факт, — возмущенно начал Варац. — Что у тебя есть нелюбимая часть процесса отрезания головы, говорит о том, что ты справишься гораздо лучше меня!

— Возможно, — лукаво улыбнулась Лилит. — Но идея-то твоя. Ты и корячся. А я больше смотреть люблю.

— Изумительная наглость! — взмахнул руками чародей, и, сверкая глазами, взял у нее нож. — Учти, за это готовить будешь до конца дороги!

— Тогда будем на пайке из коры и листьев, — Лилит поднялась и скрестила руки на груди, с насмешкой наблюдая, как Варац приценивается, откуда лучше начать разрез.

Вздохнув, он вонзил нож в основание шеи, жестом куда тверже и решительней, чем ожидала Лилит. Тело дернулось, и голова сатори откинулась набок. С каждым движением чародея труп подрагивал, будто по нему ударяли палкой. Черная кровь, уже успевшая свернуться, перемазала руки Вараца чернильными сгустками.

— Ничерта не вижу, — пожаловался он, вытирая ладонь о траву.

— Может, помочь? — услышали они мелодичный голос, донесшийся слева.

Лилит вскочила на ноги, хватаясь за нож. Кто-то захихикал.

— Смотри, Сакусэ, какие дурацкие. Напуганные и чумадые, — услышала Лилит.

Приглядевшись, она смогла различить в траве белый хвост.

— Тихо! — зашипел детский голос. — Дурная лисица!

Лилит и Варац переглянулись. Из травы показалась пара желтых глаз и ехидное выражение на пушистой морде.

— Срезаем трофеи? — промурлыкал лис. — Ухайдокали бедняжку, еще и останки оскверняем?

— Минг, пошли отсюда! — снова раздался детский голос. Трава зашелестела, и Лилит смогла разглядеть макушку черных волос.

— Говорящий лис, — очухался Варац. — Почто нам так везет, а? Сначала сатори, теперь кицунэ...

Лисица захихикала.

— Минг!

Не обращая внимания на девочку, лис покинул траву, мягко помахивая хвостом. В ее движениях читалась определенная кокетливость. Игривость хищника, который знает, что жертве не уйти, и хочет растянуть удовольствие. За ней из травы показалась черноглазая девочка лет десяти, нагая, с растрепанными и спутанными волосами. На плече у нее висел маленький самодельный лук из вяза.

— Та-ак, — не сводя глаз с лисицы, протянула Лилит, приняв нарочито расслабленную позу. — Чего желаем?

— Поиграть, поболтать, — качнула головой кицунэ. — Посмотреть, кто прикончил нашу подружку.

— Это, что ли, ваша подружка? — Варац поднял отрезанную голову сатори, держа ее обеими руками и капая на землю черной кровью.

— Подружку? Насколько мне известно, демонические существа друг друга на дух не переносят, — Лилит скрестила руки на груди.

— Умная, а? — кицунэ склонила голову набок.

— Минг! — девочка дернула ее за мех и что-то прошептала ей на ухо. Лилит не расслышала, что именно. Опасаясь смотреть на них, девочка пряталась за телом лисицы.

— Тогда должна знать, что людей мы не переносим еще больше, — договорила кицунэ.

Она сделала мягкий шаг в сторону Лилит с опущенной головой и прямым, полным решимости взглядом. Лилит спокойно встретила его.

— А кто сказал, что я человек, лисица? — негромко спросила она.

Кицунэ замерла на месте. Она сощурилась на Лилит бегающими глазами, будто пыталась понять, на что она смотрит. Потом едва заметно прижала уши.

— Вот и прекрасно. А теперь поговорим, — Лилит присела на корточки, поравнявшись со своей собеседницей. — Иди куда шла, тварь мохнатая.

Кицунэ недружелюбно сощурилась. Потом медленно моргнула и встряхнула головой, возвращая в глаза прежнее нейтрально-любопытное выражение.

— Тогда я пришла, — она села за землю, поочередно посмотрела на Лилит и Вараца, и дернула ухом. — Железки ваши вам нужны? Могу отвести.

Варац посмотрел на Лилит недоверчиво.

— Да ну? С какой это радости?

— С такой. Пойдем потом с вами.

— Минг! — снова крикнула девочка, опасливо косясь на Лилит.

Варац расхохотался.

— Я понял! Мы умерли. Или в горячке. Иначе это безумие я никак не могу объяснить!

Лилит смотрела на лисицу пристально, не присоединяясь к его веселью. Варац смахнул с глаза слезу и забвенно обнял мертвую голову сатори.

— Поясни.

Кицунэ слегка поморщилась и ответила неохотно:

— Нам нельзя оставаться возле щели, — она замолчала, приняв хиваясь.

Чародей снова зашелся маниакальным смехом.

— Я не могу! — простонал он, падая на траву.

— Ну а мне что с лисы и ребенка в качестве прицепа, а? — сдержанно вздохнула Лилит. Кицунэ кивком указала на ее правую руку с омертвевшими пальцами.

— То, что я могу помочь.

Лилит сощурилась. Смех впавшего в непрошенную истерику Вараца немного мешал сосредоточиться.

— Малая, подойди сюда, — она перевела глаза на кицунэ. — Я должна знать, что меня не прирежут во сне. Скажи своей малявке, чтоб стояла смирно.

Кицунэ засомневалась. Девочка испуганно застыла на месте.

— Не бойсь. Больно не будет, — заверила ее Лилит. — Самую малость, может.

Не дожидаясь разрешения, она мягко, но безропотно ступила в сознание девочки. Ощутила страх, сильный, почти суеверный. Перед собой. Перед частью себя. Перед пламенем, которым была объята ее фигура. Пламя пахло древностью и яростью, и в его присутствии девочка дрожала от благоговения и ужаса.

Страх был сильным, но он не занимал все ее мысли. Там было любопытство, непонимание... Детская невежественность, с которой она смотрела на мир. Она видела оленя, и не осознавала его иначе, кроме как добычу. Больше для нее ничего не существовало. Только его торчащие рога, только настороженный поворот головы. Только тихий звон тетивы и свист стрелы.

Лилит отпустила ее. Девочка осела на землю, ошарашенно тряся головой. Минг посмотрела на Лилит несколько злобно, но ничего не сказала.

— Дикая и недалекая, но не опасная, — Лилит поднялась на ноги. — Тебя читать не буду, лисица. По глазам вижу, что сама все понимаешь. Верно?

Та кивнула через силу, проглатывая огромный комок собственной гордости.

— Славно. Варац, ты жив?

— Живее всех живых! — воскликнул чародей, поднимаясь с травы. Голову сатори он любовно держал подмышкой.

— Ну, веди к гнезду, Минг. Я Лилит, кстати. Почтена, — сказала она, шутовски кланяясь.

Кицунэ была неразговорчивой, но Лилит и не стремилась вести с ней диалогов о высоком. Она расслабленно шла вперед, позволив лисице вести их по неровному ландшафту леса, который постепенно редел. Сакусэ — черноволосая девочка — поначалу жалась к Минг и с опаской поглядывала на Лилит, но потом ей стало любопытно. Она осторожно шагала сзади и рассматривала Лилит и Вараца, как рассматривают неведомых зверей. Лилит насмешливо наблюдала, как девочка старательно отворачивает голову, стоит их взглядам пересечься. Варац полностью игнорировал и кицунэ, и девочку, не проявляя к ним никакого интереса.

— Я думала ты с ума сойдешь от возможности поговорить с живой кицунэ. Что такое, дорогуша?

— Я тебе что говорил про архетипы? Фанатичный академик — не мой. Я шут и баламут, раз уж на то пошло. И имею крайне дурную привычку делать только то, что хочется.

— А, так ты котел поэтому отказываешься мыть? Потому что ты шут и баламут? А я-то, дура, думала, что ты просто ленивый осел.

Краем глаза Лилит заметила, что Сакусэ подошла чуть ближе.

— Спорим, она ни слова не знает на всеобщем?

— Я удивлена, что она по аньянгски-то говорит.

— Говорит ли? Я от нее три слова слышал.

— А можем проверить, — Лилит перешла на аньянгский. — Бывал на охоте когда-нибудь?

— Разумеется, — подключился Варац. — Когда еще верил, что каждому юноше положено сделать в жизни определенные вещи. Никого не подстрелил, правда. Только сапоги испачкал и заболел из-за дождя.

Сакусэ тихо хихикнула. Лилит красноречиво посмотрела на чародея.

— Я из лука стреляю, как слепая курица, — продолжила она. — В стоящую мишень не попаду, куда там в зверя.

Сакусэ чуть ускорила шаг, ведомая любопытством.

— Охота дело сложное, — кивнул Варац, сдерживая смех. — Не всем дано. Большое искусство, так-то!

Лилит коротко кивнула и перешла на всеобщий:

— У нее в памяти почти нет людей. Что-то очень смутное из детства, не разобрать. Ее вырастила вот эта, — она кивнула в сторону Минг, трусящей впереди на приличном расстоянии. — И как она скажет, так мелочь и сделает. Своей соображалки у нее кот наплакал.

— Какая грубость! Чего ты ожидаешь от ребенка, выросшего в лесу? — притворно ужаснулся Варац.

— Ничего не ожидаю. Просто говорю как есть. С лисицей явно все не так просто, не угрозы от нее я не чувствую. Пусть пока с нами околачиваются, если хотят.

Варац сощурился.

— Тебя пробрало! — воскликнул он. — Тебе любопытно!

Лилит усмехнулась, демонстрируя ему руку с омертвевшими пальцами.

— Я жить хочу. Но да, это... интересно, — она склонила голову набок. — Это твой след. Или как это назвать?

— Никак. Слова это чушь, — махнул рукой чародей. — На Островах есть маленькое племя, которое изъясняется шелканьем языка. Куда более развитая форма коммуникации, между прочим.

— А я могу тебе прощелкать, чтобы ты пошел нахер? — заинтересовалась Лилит.

— А я тебе прям щас прощелкаю, — он заговорил на всеобщем, цокая языком после каждого слова: — Ты. Змея. Которая. Сдохнет. В. Одиночестве.

— Мне нравится! Ну-ка. Твою. Мать. Трахал. Леший. И. В. Результате. Получился. Ты.

— Да ты полиглот! Потрясающе.

Хоть разговоры с Варацем и отгоняли тоску, она, все же, не уходила полностью. Лилит ощущала себя так же, как и всю тамису до встречи с сатори. В глубине души она надеялась, что со временем это пройдет, но в той же самой глубине знала, что нет. Источником ее новоявленной тревоги были не игры сатори, а она сама. Что-то новое внутри нее самой. Что-то, что говорило на незнакомом ей языке, отзывалось в груди тоскливыми стонами и древней, очень древней болью.

Гнездо Сатори оказалось довольно глубокой естественной ямой, частично прикрытой корнями деревьев. Запах там стоял омерзительный — видимо, от полусгнивших голов. Даже Лилит, которой однажды довелось разрывать свежую братскую могилу, поморщилась. Запах

был стойким и плотным — нора почти не проветривалась. Варац сунул голову внутрь и моментально позеленел.

— Ну, понеслась... — Лилит залезла под корень, исчезая в норе. Было темно, но внутрь пробивалась пара лучей солнца, благодаря которым можно было что-то разглядеть. Прижав платок Лыгашмына к носу сломанной рукой, здоровой Лилит принялась копать в сокровищах сатори. Помимо нескольких черепов, липких клочков меха и странной слизи неизвестного происхождения, она обнаружила голову Лыгашмына. На дне гнезда что-то поблескивало, и Лилит принялась черпать рукой липкую слизь, стараясь не думать, откуда она взялась и из чего состоит.

Она довольно долго шарила рукой в гнезде, прежде чем нащупала что-то длинное и прохладное.

— Вот куда ты все железки стащила, зараза, — пробурчала она в платок, погружая руку глубже, по самое плечо. Ей удалось ухватить что-то, по форме напоминавшее рукоять, и она не без усилий вытянула из гнезда короткий меч, покрытый сгустками слизи с налипшей сверху землей. Лилит отбросила его в сторону.

— Надо копать! — крикнула она.

— Можно вытащить человека из трудового лагеря, но нельзя вытащить трудовой лагерь из человека! — расхохотался Варац снаружи. Лилит высунула голову и протянула к нему покрытую слизью руку, что заставило чародея вмиг прекратить издевательства и резво отпрыгнуть назад.

— Будешь копать, дорогуша, — она зловеще подвигала пальцами, на которых растягивалась липкая субстанция, издающая противное чавканье.

— Не-а. Нет, нет и нет, — замотал головой чародей. — Убивай меня здесь, сейчас. Я туда не полезу. Ни в жизни.

— Даже ради искусства? — расстроилась Лилит.

— Даже ради своих причиндалов, — он поудобнее перехватил увесистую голову сатори.

— Ну хотя бы Лыгашмына заberi! — Лилит исчезла в норе, и оттуда выкатилась голова охотника. — Будешь как сатори, бошки собирать, — она вновь показалась наружу. — И что будем делать, я вас спрашиваю? У меня рука сломана, между прочим!

— Эй, мелочь, — Варац повернулся к Сакусэ которая стояла чуть поодаль и рассеянно рассматривала кроны деревьев. — Копать умеешь?

Девочка растерялась. Лилит поманила ее рукой.

— Иди сюда, малая. Поможешь.

Помявшись на месте, Сакусэ нерешительно подошла. Лилит исчезла в норе.

— Воняет! — пожаловалась девочка, входя за ней и зажимая нос.

— А что делать? Давай помогай, — Лилит присела на колени и принялась расчищать нору от слизи и испачканного ею барахла.

Сакусэ неожиданно быстро адаптировалась к запаху и новому занятию, принявшись бодро работать руками. Она забрасывала землю назад, подражая лисице, что, впрочем, было неудивительно. Удивительным было то, с какой проворностью и ловкостью ей это удавалось.

Всего за пять мин работы с двумя небольшими перерывами они докопались до сига Лилит. Еще там обнаружили покрытые ржавчиной старые латы, фонари, мечи, ножи, кинжалы, и еще куча хлама, невесть откуда взявшегося. Сакусэ помогла выволочь железки наружу. Лилит тяжело выдохнула, разминая спину, и девочка повторила за ней.

— Я даже передать не могу, — прогнусавил чародей сквозь зажатый нос. — Как это все смердит.

— Сатори жуткие вонючки, — согласно кивнула Минг, сидевшая рядом.

— Так, лисица, — Лилит связала несколько мечей обрывком джеллабы и взяла их в руку. — Доказывай свою полезность. Выводи нас к воде.

Когда они достигли зацветшего озера, больше напоминавшего болото, уже почти стемнело. Минг и Сакусэ удалились в лес, заявив, что не любят огонь. Чародей принялся собирать растопку, пока Лилит отмывала найденное, скребя железо сорванным стеблем камыша. Костерок занялся, потрескивая, и котелок уже начинал кипеть, когда она вернулась, с лязгом бросив на землю свои сокровища. Она оглядела свой хэй, который хоть и был поцарапан, но вполне сохранил товарный вид. В отличие от далла, в нескольких местах которого виднелись крупные сколы.

— Сука, — вздохнула она, и со скорбным видом выбросила меч себе за спину.

— В Чинджу сносные мастера, — подал голос Варац. — Я даже знаю парочку. Сплавы им на заказ чаровал.

— Сносные. Но это был подарок, — Лилит осмотрела следующий кинжал из кучи.

— Чей?

— Мастера, — Лилит провела кинжалом по лезвию другого, смотря, сыпется ли сталь. — Меня учили в храме рядом с Чинджу.

Варац удивленно вскинул брови. Лилит бросила на него короткий взгляд.

— Чего?

— Удивлен, вот и все. И сколько ты жила с монахами?

— Четыре года. Но я не все время там была. Ездила в командировки в Синепалк, да и в Чинджу подрабатывала. Никогда не могла там долго усидеть. Скука смертная.

Пока Лилит продолжала сортировать оружие, чародей потянулся к голове Лыгашмына. Он взял ее в руки и деловито оглядел. Затем щелкнул его по носу.

— Зачем он тебе? — спросил он, играюще отбрасывая голову обратно на траву.

— Занесу к старому другу. Задам парочку вопросов, — Лилит отложила короткий меч, и взялась за следующий.

Варац задумчиво постучал пальцами по колену. Потом вздохнул, и заговорил:

— Знаешь, я был уверен, что они пришли за мной, а ты и Дарири просто попались под руку. И собирался молчать об этом в тряпочку, чтобы вы не бросили меня на растерзание гидрам.

— Здраво, — хмыкнула Лилит. — И что?

— Ну, во-первых, ты призналась сразу, и теперь я чувствую себя уязвленным, — ответил Варац.

— Не чувствуй. Если бы мне от тебя была хоть какая-то польза в этом странствии, я бы поступила так же. Без обид.

— Без обид, — согласился Варац.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я задумался, почему мне вообще стало не все равно, сожрут ли меня гидры.

— "Только дураки бегают от смерти?" — уточнила Лилит.

— Это мое мироощущение последние черт знает, сколько лет, — чародей пристально смотрел в огонь. — Точно не могу сказать, сколько именно.

Лилит царапнула сталь ногтем, и бросила на Вараца короткий взгляд.

— Сколько тебе вообще лет? У тебя довольно глубокая память.

— Не вижу, почему это важно, — пожал плечом чародей.

Лилит освободила руки, и тоже уставилась в костер, слегка покачивая корпусом.

— Не важно, — согласилась она. — Но я помню твою скуку, и в твоей памяти ее много. Совершенно кошмарное место.

— Вот именно, — усмехнулся Варац. — Еще луну назад я бы и не подумал убежать от гидр. Нашел бы это бессмысленным. И я задумался о том, что изменилось.

— Тебе снова стало интересно, — Лилит улыбнулась уголком рта. — Очевидно же.

Варац слегка закатил глаза в полуулыбке.

— Ты и твои кошмарные манеры. Но да, стало.

— Очень рада, что моя дикая магия и способность открывать червоточины вернули тебе волю к жизни, — насмешливо сказала Лилит, откидываясь назад и опираясь на вытянутые руки. — И к чему ты это?

— К тому, что перед тобой сидит академический чародей с тремя грамотами об окончании. А тебя одолевает неведомая хворь, явно магического происхождения.

— И ты хочешь помочь, значит? — Лилит склонила голову набок.

— Скорее, мне интересно найти ответ, — поправил Варац.

— Какой же ты идиот, — вздохнула Лилит. — На меня открыта охота, я сейчас просто ходячая мишень. Вдобавок, у меня горит заказ для одного из самых знатных людей Севера, и это я уже не говорю обо всей этой... демонической хери, — Лилит округлила глаза. — Беги, придурок!

— Дорогуша, — рассмеялся Варац. — Я бы не был собой, если бы страх или даже благоразумие во мне были сильнее интереса. А за то, что я вновь ощущаю себя собой, мне нужно благодарить всю эту ситуацию, которую ты создала.

Варац и поменял позу, садясь поудобнее.

— Про мишень ты заметила верно. Посвяти меня в свое небольшое расследование. Чтобы я хоть понимал, чего ожидать.

Лилит поморщилась

— Это сложно, Варац. Есть причины, по которым я работаю одна. Я нарушила это правило, и взяла с собой Дарири, и вот результат. Все это, — она повела головой, указывая на пространство вокруг. — Результат всего одной моей ошибки. И я не очень горю желанием тут же ее повторять.

— Разумеется, — кивнул Варац. — Но если ты задумаешься, то у тебя гораздо больше поводов доверять мне, чем Дарири. Во-первых, мы знакомы меньше одной луны, и у нас нет никакой истории. Во-вторых, мне глубоко плевать на тебя и твои бандитские разборки. Без обид.

— В третьих, сатори, — добавила Лилит.

— И это тоже.

Лилит задумчиво пожевала губу.

— Одно условие, — сказала она, поднимая глаза на чародея. — Заключаем пакт о безоговорочном доверии.

Варац недовольно повел плечами.

— Это обязательно? Что, из-за одного факта данного обещания тебе станет проще мне доверять?

— Станет, — кивнула Лилит. — Потому что ты ненавидишь любые обязательства, включая обещания.

Чародей тихонько фыркнул.

— Какая кошмарная манипуляция, — он окинул ее задумчиво-оценивающим взглядом, и вздохнул. — Ладно, твоя взяла. Жмем руки?

— Зачем? Просто встань на одно колено и поклянись в верности.

— После того, как ты поцелуешь перстень.

— Спорим, поцелую?

— Не спорим, — чародей прожег ее взглядом. Лилит расхохоталась. — Обещаю. Довольна?

— До крайности, — кивнула Лилит. — Обещаю.

Варац чуть покачал головой.

— Просто кошмар. Ну? Теперь расскажешь? Что там у тебя за теории, выкладывай.

Лилит устроилась поудобнее.

— Постараюсь быть последовательной. Я была недавно в Синепалке по делам, пересеклась с Дарири. Она напросилась со мной в Аньнянг, якобы в отпуск, а на деле — следить за мной. Погоди, не смейся. Сейчас станет понятнее. В один из вечеров я спокойно работала в городе, никого себе не трогала. Заметила за собой хвост. История не новая, в Синепалке если после попойки меня не пытаются прирезать — это какой-то очень странный день. Но в Чинджу такое впервые. Город маленький, наших там немного...

— наших?

— Бандитов, наемников, контрабандистов, всей этой швали, — пояснила Лилит. — Мне там просто не с кем было конфликтовать, даже если бы я очень захотела. Так что я сразу подумала, что слежка не местная. И оказалась права: прихожу на следующий день в нору...

— В нору?

— Такие места, где наши собираются, — Лилит слегка закатила глаза. — Давай шустрей соображай, дорогуша, по контексту же понятно. Я прихожу в нору, а там двое: Дори, хозяин заведения и мелкий мошенник с бумагами по совместительству. И Льгашмын, который для меня тогда был просто безымянным северным наемником. А, ну и Гиммик, ассасин из шишек...

— Дорогуша, прекрати это словоблудие немедленно. Это какой-то кошмар.

Лилит махнула на него рукой.

— Ладно, постараюсь. Ассасин из высшей лиги. Так понятнее?

— Гораздо! — кивнул Варац. — Продолжай.

— Он эльф, и живет на этой земле уже хренову тучу лет. И убивает, насколько я могу судить, дольше чем на Севере правят ламбианцы. Ну или какой-то сопоставимый срок. Если совершенство в этом мире существует, то оно — в работе Гиммика. И я никогда, ни разу не видела и не слышала, чтобы он от чего-то убегал. Он игрок, и любой степени угроза для него — проверка мастерства и развлечение. Но в то утро, когда мы болтали в кабаке, он сказал мне убегать и прятаться. Сказал, что не возьмется охранять, и ушел. Представь мое удивление.

— Ага. Возможно, конфликт интересов. Не думала?

— Может и так. Гиммик в гильдии, а с гильдиями вечно всякие сложности. Так или

иначе, передо мной встал выбор: поведи себя разумно и последовать его совету, или остаться верной своим правилам. Как ты можешь видеть, я выбрала второе. Это в моей жизни не меняется, по крайней мере. Я под села к Дори, и разыграла с ним небольшой спектакль, который предназначался для Лыгашмына. Я сказала, что утром уезжаю в Хангему. Хангема находится под защитой семьи ниндзя, и там абсолютно невозможно работать, если твоя работа нарушает закон. И когда я говорю невозможно, я имею в виду невозможно.

— Так. Ты вынудила Лыгашмына действовать.

— Вынудила, — кивнула Лилит. — Я не планировала с ними драться, хотела просто посмотреть, с кем имею дело. Сколько их, как одеты, и так далее. Но приперлась Дарири. Которая вообще не должна была знать, где я и чем занимаюсь.

— Она же, вроде, искала тебя?

— И нашла именно в тот момент, когда напали люди Лыгашмына? Очень удобно. Нет, уважаемый чародей, Дарири там оказалась не случайно. Она знала, куда я пойду, как и Лыгашмын.

— А он не должен был? Ты же сама говорила про спектакль.

— В том-то и вся соль, — улыбнулась Лилит. — Спектакль-то был, но знаешь что мне сказал Лыгашмын потом? Что он ни слова не знает по-аньянски.

Варац вскинул брови. Лилит неожиданно рассмеялась.

— Так-то. Что я, думаешь, ржала как полоумная? Такой идиотский прокол, поверить не могу... — она покачала головой. — Неважно. Важно то, что кроме Лыгашмына и Дори там никого не было. И если Лыгашмын не понял нашего диалога, а Дарири не могла знать, где я пасу засаду, остается только один человек. Дори. Который отлично знает без всяких слежек, где я сбрасываю хвосты. И я планирую донести бошку лысого уroda до Чинджу, вывалить ее ему на стойку, и задать парочку вопросов по теме.

— Любопытно... — Варац немного помолчал, осмысляя сказанное. — Допустим. А что это была за чушь, что Дарири работала вместе с ними? Про это давай поподробнее.

— А, это самое вкусное, — Лилит поменяла позу. — Смотри внимательно. Я встречаюсь с Дарири. Упоминаю в разговоре Чинджу. Она уходит домой на пару колоколов, пока я разбираюсь с делами, после чего мы две луны идем на корабле. Два колокола достаточно, чтобы черкануть письмо и отправить его с даймоной, а дорога на лошадях до границы, и оттуда до Чинджу, занимает где-то полторы луны. Поэтому когда мы причалили, они уже были здесь. Дарири уговаривала меня остаться в храме подольше, потому что они, вероятно, были еще не готовы. Но вот, мы в городе. У нее было достаточно времени, чтобы найти Лыгашмына и передать ему все, что она знает, пока я была занята работой. Они встречаются в назначенное время в месте моей засады, якобы случайно. А дальше ты знаешь.

— Так, погоди, — Варац помотал головой. — Пока я слышал только спекуляции. Она могла и не делать всего этого. Где доказательства, дорогуша?

Лилит загнула один палец.

— Скажи мне, академический чародей с тремя грамотами об окончании, ты когда-нибудь читал или слышал о том, чтобы люди освобождались от действия печатей, как это сделала я?

— Не так, чтобы всерьез этому верить. Задokumentированных или доказанных свидетельств нет.

— А теперь вспомни, что ты мне сказал. Она всю тамису тебе твердила, что я очнусь. И вот я здесь. Каковы шансы такого совпадения?

— Не засчитываю. Вера это не аргумент, даже беспричинная. Особенно когда речь о такой тонкой и романтично настроенной особе.

— Допустим, — Лилит загнула второй палец. — Я уже упоминала, что импровизация — не самая сильная ее сторона? Наш побег они не планировали, и она явно растерялась. Поэтому после того, как я ее прижала, попыталась смыться в ночи. И успешно это сделала. С помощью телепортационного амулета.

— Опять этот бред, — фыркнул Варац. — Лилит, амулеты это артефакты из старого мира. Они одноразовые и стоят огромных денег, если ты вообще умудришься его отыскать.

— Все так. Но следы не врут. Она замерла, а потом исчезла, — Лилит подобрала под себя ногу. — Вспомни наших охотников. Я как наемница тебе скажу, что нас похитили не охотники за головами. Они не трепались, не бухали, не разнюхивались. Выговор почти чисто верхнегородский, а шрамы как у обычных бандитов. Оружие, — Лилит кивнула в сторону груди мечей и кинжалов. — Из отборной стали. Дорогушая клеть времен эльфийских облав. Даже кони породистые, холеные, слов нет. Это элитный отряд с огромным опытом, в снарядку которого вбухали кучу денег. И, пока мне лестно, что ради меня кто-то так разбивается, еще я осознаю масштаб угрозы.

Она достала из кармана бордовый платок, и протянула его Варацу.

— Я думаю, что дом Валор — это гильдия. Судя по рогам, относящаяся к церкви. Достаточно властная и влиятельная, чтобы проворачивать операции в чужой стране и запрягать лошадей в провинции, где это строжайше запрещено.

— У них на гербе рога и пламя, — Варац усмехнулся. — Уверена, что церковь? Может, культ?

— Да хоть кто. В этой истории все выглядит плохо. Дарири — главным образом. Не хочу хвастаться, но обычно меня не так-то просто отследить. Только если ты не знаешь кого-то, кому я привыкла доверять. Тогда, конечно, гораздо легче, — Лилит щелкнула пальцами. — Я прижала ее. Она запаниковала, и хотела смыться по тихой, но случайно привлекла внимание гидры.

— Был визг, — вспомнил Варац.

— Испуганный, — подтвердила Лилит. — А после драки наша дорогая чародейка испаряется в воздухе, как не было ее. Если бы ее разорвали гидры, мы бы нашли следы. Если бы она убежала дальше, мы бы нашли следы. Но их не было, руку готова поставить. Те два отпечатка, и все.

Варац прочно задумался, смотря на ситуацию с разных сторон и прикидывая все в голове.

— Вообще... — наконец сказал он. — В ночь накануне нападения ей прям не терпелось остаться одной. Она мне раза три сказала, чтобы я шел спать. А перед тем, как отойти от стоянки, она обронила, что искренне надеется, что тебе хватит ума держаться от меня подальше.

— Чародейка, — закатила глаза Лилит. — Очень в ее духе. Ну, теперь видишь?

— Пожалуй, что вижу, — вздохнул Варац. — А зачем ей это, ты хоть примерно представляешь?

— Ни малейшего понятия. Я знаю Дарири как скучнейшую насадку с инстинктом гиперопеки, которая печет отличный мясной пирог. Если бы мне на словах кто-то сказал, что она вовлечена в заговор, я бы умерла со смеху, — Лилит невесело усмехнулась. — Дура потому что.

— А что многоуважаемым похитителям от тебя могло быть нужно, идеи есть?

— Зависит от того, кто они; версий множество. Если я права и они связаны с церковью, я не удивлюсь. Меня в Исхеросе и Долине Шепотов уже несколько лет ищут. Плакаты висят, пятнадцать тысяч за голову.

— Сколько? — рассмеялся Варац. — Что ты там наворотила, боюсь спрашивать.

— Много чего. Но главным образом сожгла заживо трех человек вместе с поместьем одного архона. Все бы ничего, но он и был моим заказчиком, — Лилит вздохнула. — И поэтому я сбежала в Аньянг, но это история для другого раза. А что до похитителей... Мне очень не нравится, как вежливы и обходительны они были. Исправно кормили, обращались бережно, даже ноги не связывали. Терпели наш треп, ни слова не сказали.

— Я тоже удивился, — хмыкнул Варац. — Да уж, ситуация.

— Есть еще один момент, — Лилит помрачнела. — Символ на платке, я уже видела его прежде. Выкрала кольцо с такой же гравировкой по заказу Гиммика, когда мы только познакомились.

Варац вскинул бровь.

— Интересно. Думаешь, он с ними связан?

— Может да, может просто совпадение. Это скорее говорит о том, что дому Валор далеко не один год, а я про них прежде не слышала. Что само по себе — очень дурной знак, — Лилит поменяла позу. — Допрашивать Гиммика бесполезно, даже если мне удастся его найти. Поэтому я сосредоточусь на Дори и Дарири. Поболтаю с одним, разберусь с заказом. Потом поплыву на Север и найду уже ее.

— Оптимистичный прогноз, — Варац кивнул на ее запястье. — В твоём-то состоянии.

Лилит бросила взгляд на свою правую руку. Ненадолго забытое чувство потерянности, тревоги, и настойчивый звон забытого с готовностью вернулись к ней. Это была не просто гангрена, а внутри нее был не просто страх. Это было что-то гораздо большее, чем крохотная искорка по имени Лилит. И осознание собственной незначительности, собственной ничтожности и крохотности перед лицом этого больше сдавило ей сердце. Лилит сглотнула ком в горле, легла на землю, и закрыла глаза.

— Буду спать, уважаемый чародей, — сказала она.

— Короткой ночи, бесстрашная наемница, — с усмешкой ответил Варац.

Каждая сцена о чем-то повествует. Разбитый конвой, который они оставили позади себя, рассказывал весьма интересную историю даже без всякого контекста. Сцена, лежащая перед ними сейчас была чуть проще в интерпретации. И радовала Лилит чрезвычайно.

Она подошла к пустой поломанной телеге, лежавшей вверх ногами на обочине дороги, и осмотрелась.

— В пыли пятна крови, довольно свежие, — сказала она задумчиво. — Отличные новости, уважаемые!

— Почему? — не поняла непрерывно чесавшаяся Сакусэ. Лилит и Варац настояли, что ее нужно одеть, и подобная перемена дарила девочке множество новых ощущений, по большей части неприятных.

— Потому что тут натоптано. А телега пуста. Значит, шерстили дорожные бандиты. А дорожные бандиты значат, что мы на верном пути. Точнее, — Лилит огляделась. — На одном из больших трактов.

Она повернулась к лисице.

— Минг, скажи-ка мне одну вещь.

Кицунэ посмотрела на нее вопросительно.

— Дикая магия иллюзии подразумевает перевоплощение? Можешь превратиться во что-то менее приметное? В собаку там, в кошку?

Минг лениво лизнула лапу.

— Могу. Но не хочу.

Лилит закатила глаза.

— Добро пожаловать на борт. Правило одно: делай, что я говорю, или катись отсюда. Заигрывать будешь с самцами.

— Грубо и уныло, — фыркнула Минг, взмахивая хвостом. — Никакого уважения.

На месте небольшой лисицы перед ними возникла пленительной красоты аньянгка в белом силку. Волосы ее были забраны в пучок, руки белы и ухожены. Единственное, что выбивалось из общей картины — радужка янтарно-желтого окраса. Лилит не понаслышке знала, что приметные глаза — это отнюдь не мелочь. Но решила, что они помогут отвести любопытные взгляды от ее собственных, и промолчала.

Варац хмыкнул, с любопытством оглядывая Минг в человеческом облике. Лилит указала пальцем на деревянные сандалии на ногах лисицы.

— Такие уже никто не носит.

— Ерунда, — махнул рукой чародей. — Бывает, что и носят. Тебе в вопросах моды вообще право голоса не положено, дорогуша.

— А так хотелось, — съязвила Лилит. — Шагаем, уважаемые. Чем бодрее, тем лучше.

Она пошевелила пальцами сломанной руки, с удовлетворением отметив, что в них возвращается подвижность. Еще немного болело, но по крайней мере срасталось ровно.

— Должен признаться, — чародей откусил неспелое яблоко. По пути на тракт им попало несколько диких плодовых деревьев. — Я замучился шагать. В основном потому, что уже полторы луны мое единственное развлечение — смотреть на твою отвратительную мину.

— Шею только не сломай, смотря на мою отвратительную мину, — сказала Лилит, глядя на чародея сверху вниз. Тот принял оскорбленный вид, прижав руку к груди.

— В самое сердце! Какое кошмарное хамство!

Сакусэ с интересом наблюдала за их коммуникацией, и незаметно пыталась подражать их жестам и мимике. Минг косилась на девочку с неодобрением. Несколько дней назад Лилит обрезала длинные волосы Сакусэ, которые никогда не знали воды и мыльного корня, зато были залеплены грязью и спутаны так, что сделать с ними что-либо было решительно невозможно. Обрезанный край вышел немного неровным, но Сакусэ стала выглядеть гораздо опрятнее. Впрочем, характер движений, взгляд и в целом манера держаться все равно безошибочно выдавали в ней дикарку, выросшую в лесу.

— Много знаешь о кицунэ? — спросила Лилит у Вараца.

— Не очень, как и весь остальной мир, — пожал плечами Варац. — Их изучают в рамках демонологии, хотя демонами они не являются. Пока их относят к демоническим существам, за неимением классификации получше. Кто-то предлагает выделить их в разумные расы, но это слишком... новаторская идея. Сообщество к ней пока не готово.

— Меня не очень заботит классификация чернильных болванов, сидящих в пыльных архивах. Полезное что-нибудь знаешь?

— Прошу прощения, все время забываю, что говорю с бандиткой, — ехидно ответил Варац. — Они используют дикую магию, крайне могущественны. О них существует большое количество народных мифов и легенд, и это тот случай, когда мифы рассказывают больше, чем факты. Впрочем, они разнятся. Где-то верят, что кицунэ едят детей, где-то, что души заблудших. Где-то, что сами заманивают добычу, соблазняя различными иллюзиями. В некоторых местах им принято приносить жертвы и разнообразные подарки. Как они живут, чем живут, чего хотят — неизвестно. Не понимаю, почему ты у меня спрашиваешь. Вон, красавица гарцует, спроси у нее сама.

— Ага. Она же охотно все расскажет и поделится, — хмыкнула Лилит. — Какая от вас польза, уважаемый чародей? Перечисленное и я знаю, все знают. Где ваша хваленая академическая эрудированность?

— Там же, где твое чувство такта, — фыркнул Варац. — Я был уверен, что ты знаешь больше меня.

— С чего?

— По опыту сатори, — Варац кивнул на льняную торбу на своем плече, в которой покоилась голова упоминаемого существа.

— Да что я там знала-то, — фыркнула Лилит. — Про кицунэ и того меньше. Все что ты уже назвал, по сути.

— Тогда ничем не могу помочь, — пожал плечами чародей.

— К счастью, к этому я уже привыкла.

Лес, из которого они вышли, был малонаселен зверьми, но Сакусэ удалось поймать белку и куницу в наскоро сделанный силлок. Последние несколько дней Лилит и Варац питались личинками и жуками-короедами, и были страшно довольны такой переменной в рационе. Сакусэ, часто заглядывавшая Лилит в глаза, рассмеялась и зарделась, когда та похвалила ее за хорошую работу. Минг явно не баловала девочку вниманием и одобрением, и, столкнувшись со слегка более теплым отношением, Сакусэ совершенно растаяла.

Судя по следам от колес, тракт был оживленным, и Лилит ожидала скорых встреч с торговцами, купцами, караванщиками и путешественниками.

— Почему в этой сраной провинции все ходят пешком? — проворчала Лилит. — Так бы напросились в попутную телегу...

— Да кто бы нас взял, — расхохотался Варац. — Ты нас со стороны видела?

— Вообще, да, — согласилась Лилит, оглядываясь на Сакусэ, которая непрерывно чесала то руки, то голову. — Еще и малая. Я, честно говоря, удивлена что она может связать два слова и ходит прямо. Обычно волчьи дети такие же дикие, как их приемные родители.

— Волчьи дети?

— Их так называют в Оренхае. Малых, которых воспитали дикие звери и демонические существа. На Севере лишние рты сплавляют церкви, а в Оренхае — оставляют в лесу. Некоторых подбирают звери из материнского инстинкта, и растят вместе с прочими детенышами.

— Любопытно. Никогда не слышал.

— Еще бы ты слышал. Животные подбирают и воспитывают младенцев, выкинутых людьми. Такая молва ни одному ярлу невыгодна. Я-то об этом знаю только потому что охотилась на них.

— Ты? Охотилась на детей?

— На волчьих детей. Было дело. Если в стае волков бежит ребенок, это лишь вопрос времени, когда его заметят. Охотники, лесники, карлы, запасующие в лесу дрова. Начнут болтать, поползет слухок. То тут, то там всплывает, что по лесам одичалые бегают. Дети, холодные и голодные. Винят ярла, который такое допускает. Их много стало после войны, вот и наняли чистильщиков. Кучу наемников подключили, и меня среди прочих. Разделили на большие группы и отправили чесать леса, разбитые на зоны. Велели зарыться в землю, но выследить и устранить всех до одного.

— Изумительно. Не можешь возглавить — истреби, — захохотал чародей. — К тому же это гораздо дешевле, чем пытаться им помочь, так ведь?

— А им не поможешь, — пожала плечами Лилит. — Ты бы их видел. Воют, лают, бегают на четырех лапах. Боятся огня, человеческого голоса. Натурально волчата.

— И скольких тебе удалось выследить?

— Трех. Было не так уж трудно, у них жутко приметные следы. Но на прочесывание тридцати ику времени ушла куча. Мне с группой повезло, толковые ребята были. И не лезли, куда не просят. У других без жертв не обошлось на почве междоусобиц, а у нас даже не подрался никто за добрый сезон.

— Любопытно. Маленькая Лилит завела себе новых друзей?

— Парочку. Видимся иногда в норах. Но за нашим братом сложно уследить, почти никто не сидит на одном месте. Слухи разносятся, если вдруг кто пропал из виду надолго. Обычно это значит, что он либо вышел, либо укрылся пеплом. Бывают, конечно, триумфальные возвращения, но редко. Чаще о тебе просто забывают. Нет имени, ходящего по устам и рукам, нет и заказов.

— А высшая лига как же? Ты упоминала.

— Шишки в норах редко бывают. У них клиенты в других кругах вращаются. Когда твое имя известно парочке их величеств, какое тебе дело до того, что болтают в каких-то занюханых кабаках?

— Хочешь однажды туда попасть, надо полагать?

— Не люблю официоз. И царственные замашки их величеств. Больше мэтро и несколько архонов я, боюсь, не вынесу. Но это не значит, что у меня нет амбиций. Амбиций отказать

королевской особе без видимых на то причин.

— Изумительно. Они этого не особенно любят, ты в курсе?

— В курсе. Поэтому действовать буду по обстоятельствам. А вообще, если работа будет интересной...

— За оплату, что тебе предложит королевская особа, тебе что угодно должно быть интересно, — усмехнулся Варац. — И даже не вздумай мне лечить, что ты в деле не ради звонкой монеты.

— Уважаемый чародей, — Лилит повернула к нему голову. — Вы за свою долгую жизнь продали хоть одну свою работу?

— Смеешься? Разумеется.

— И что же, вы в деле ради звонкой монеты?

— Что за идиотское сравнение? Есть искусство, а есть ремесло. Первое существует независимо от денег, а второе — только из-за них.

Лилит уставилась в небо задумчиво.

— А где кончается ремесло, а начинается искусство?

— Зависит от определения!

— Так дай определение.

— Прицепилась, а? Ну хорошо. Искусство подразумевает создание чего-то нового, пока ремесло подразумевает повторение существующего.

— Да ну?

— Ну да! — передразнил Варац. — Ремеслу можно обучить. Искусству — нельзя.

— Ага. То есть чары-таки ремесло?

Варац поморщился и неохотно ответил:

— В некотором роде. Но это плохой пример. Область слишком обширная, в ней можно как и повторять существующее, так и создавать новое. Открытия, изобретения... и так далее.

— Ага. А кузнечное дело?

— Да тоже. Есть мастера, которых я бы отнес к творцам, но большинство годами стругает одни и те же типовые латные открывалки. Скажешь нет?

— Скажу да, — согласилась Лилит. — Последнее. Барды.

Варац помотал головой с гримасой непонимания.

— Смеешься? Отвратительный пример!

— Не смеюсь. Seriously спрашиваю. Барды творцы или ремесленники?

Варац взял небольшую паузу.

— Не дело, а делающий? К этому ведешь?

— Ага, — кивнула Лилит. — Создателей всегда меньше, чем исполнителей. Но они есть в любом деле, и не видеть этого как-то даже узколобо с вашей стороны.

Варац выпучил глаза, собираясь было возмущаться, но прекратил свою излюбленную игру на полпути, улыбнувшись и махнув рукой.

— Твое, дарю. Больно смотреть, как такой мозг растрчивает себя на всякую чушь.

— Кто бы говорил, любитель вечеринок, — фыркнула Лилит. — Что за нотации? От тебя вот в последнюю очередь ожидала.

— И правда, дурость, — согласно кивнул Варац. — Будем считать, что голову напекло.

Сакусэ звонко чихнула, видимо, надыхавшись пылью, и принялась облизывать сопли со рта. После того, как Лилит показала ей все достоинства рукавов, девочка пришла в неописуемый восторг и принялась сморкаться в них, на чем свет стоит. Варац хохотал, в

большой степени потешаясь над страданиями Лилит, нежели над дикарством Сакусэ.

Сложно сказать, что утомляло в большей степени — бесконечная ходьба, солнцепек или скудная еда. Никто не жаловался вслух, но даже Лилит, привыкшая к лишениям долгих странствий, нет-нет да вздыхала тяжело, отправляя в рот горстку наспех зажаренных жуков.

Она не считала дни, хотя, вероятно, стоило бы. Лилит подумала об этом, когда прикидывала, сколько у человека должно уйти дней пути, чтобы покрыть расстояние, которое упряжь лошадей прошла за тамису. По всему выходило, что совсем скоро они должны были достигнуть окрестных деревень Чинджу. Однако, тракт все еще пустовал — за дни путешествия они не встретили ни души.

Был еще один фактор, который торопил ее, помимо горящего заказа и постепенно гниющей руки. Макушка неприятно зудела, особенно с утра, и Лилит знала, что это значит. Опасения подтвердились, когда она ощупала голову под волосами и обнаружила два нароста, окруженные слегка воспалившейся кожей.

— Сука, — только и сказала она, затягивая извечный высокий хвост. — Никакого покоя.

Вечерами, когда Минг и Сакусэ уходили, а Лилит и Варац устраивали ритуальные посиделки у костра, их обоих одолевали тяжелые мысли. Как бы они не бодрились, ночь встречи с сатори не прошла для них бесследно, и живые воспоминания то и дело настойчиво стучались в голову, напоминая о тьме, которую они оба почувствовали. В себе, и друг в друге.

Лилит одолевала усталость. Ей надоело, что за ней по пятам ходит тень пережитого, ни на миг не оставляя ее в одиночестве. И тень не только той наполненной агонией ночи; она никак не могла ухватить пустоту в своей памяти. Понять, что она забыла, и где искать это забытое. Неопределенность изводила ее, и в конце концов она бросила всякую рефлексю. Когда ее снова одолевали воспоминания, Лилит встряхивала волосами, подкидывала в костер веток и насильно заставляла себя думать о заказе, работе и охотниках.

Варац ощущал нечто похожее: его тоже насильно тянуло куда-то вглубь своей головы, и он чувствовал, что теряет контроль над собственными мыслями. Они отчаянно бились в черепной коробке, отдаваясь в голове неритмичными ударами, вызывая тремор, тревогу и усталую ненависть. Он смотрел на хмурую Лилит, в аметистовых глазах которой отражалось пламя, и понимал, что она проходит через нечто похожее. Только для нее это, скорее всего, в новинку.

Каждые несколько лет наступал такой период, когда воля чародея истончалась, и контролировать себя становилось трудно, почти невозможно. Обычно он справлялся с этим, изолируясь в студии в компании веществ, алкоголя и скульптур. В последнее время, за счет определенных каждодневных ритуалов, придающих ему уверенности и сил своим постоянством, подобные эпизоды практически перестали случаться. Однако нервная встряска, которую ему довелось пережить, пошатнула хрупкий внутренний баланс, разметав выстроенные поддерживающие леса. В результате Варац оказался в ситуации, когда под рукой не было ни привычных способов справиться с собой, ни ритуалистики, чтобы облегчить свое состояние, ни чего-то, что можно было бы использовать в качестве анестетика. Пока он держал себя в руках, но знал, что его хватит ненадолго.

Им обоим нужно было как можно скорее добраться до города. Эта мысль выражалась в тревожных взглядах, встречающихся друг с другом, и они без слов знали, что думают об одном и том же. Поэтому Лилит постоянно подгоняла Сакусэ, а Варац будил Лилит еще до

рассвета, чтобы двинуться в путь. Каждый день превратился во что-то, что нужно пережить, надеясь, что не случится катастрофы. Но тучи между ними неумолимо сгущались, обещая ураган.

Обе головы, завернутые в льняные торбы, вошли в стадию активного гниения, и источали едкий, тошнотворно-сладкий запах разложения. Лилит плотно обернула их льном в несколько слоев, чтобы защитить плоть от падальных мух. Личинки существенно ускоряли процессы распада, а Лилит нужно было, чтобы Лыгашмын сохранил узнаваемые черты лица, когда они доберутся до города. У нее был богатый опыт длительной транспортировки голов, и такой же богатый опыт объяснения заказчикам, что довести она сможет лишь неопознаваемую черно-зеленую массу, и лучше бы им попросить какое-нибудь другое доказательство выполненного заказа. Жара тоже не способствовала сохранению товарного вида трофеев, и лен был пропитан трупной жидкостью, сочащейся из стремительно гниющего мяса и привлекающей насекомых. И не только их.

В одну ночь к ним пришли гости, привлеченные запахом: стайка плотоядных гаки. Это были небольшие котоподобные создания с вытянутой мордой, напоминавшей козлиную. У них было четыре больших глаза с красной радужкой: два основных и два дополнительных, поменьше, расположенных по бокам морды. Голову их венчали четыре небольших, но крепких рога — два клинообразных козлиных и два загнутых бараньих. Беспхвостые и чрезвычайно пушистые, они застенчиво топтались в прилеске, не решаясь подойти к людям и костру. Варац неуютно ёрзал в их незримом присутствии.

— Они безобидные, — успокоила его Лилит. — Даже вполне милые. Их иногда держат, как питомцев.

— Люди все держат, как питомцев, — фыркнул чародей. — И постоянно за это расплачиваются.

Лилит хмыкнула и медленно встала, чтобы не напугать гаки резкими движениями. Она надрезала двух еще не освежеванных зайцев, и, тихонько присвистнув, кинула тельца в подлесок. Послышалось мягкое, благодарное рокотание и совсем скоро — чавканье, смешанное с довольным урчанием. Лилит вернулась к костру.

— Ты в курсе, что ты только что отдала кускам меха наш ужин?

Лилит пожала плечами.

— Они падальщики. Свежее мясо не очень любят. Хочешь, заберу зайцев и отдам им сатори? — спросила она насмешливо.

— Иди ты! — чародей бросил в нее веточкой. — Хочешь голодать — на здоровье, но меня-то зачем тащить за собой?

— Да брось ты истерить. Ты же не жрешь ничего, думаешь я не вижу?

— Конечно видишь. Ты вездесущая и дотошная.

— А теперь еще и голодная. И потому — нетерпимая. Так что возьми вот сливу, рот занять. И не провоцируй меня, будь любезен.

Даена неловко обняла себя одной рукой, смотря на двух играющих ровесниц. Она переминалась с ноги на ногу в смущении, не решаясь подойти.

Ила и Тира были темноволосыми двойняшками, приехавшими в Кошь недавно, вместе с семьей. Тятя рассказывал, что раньше они жили в шахтерском поселении и добывали руду. Но в последние годы шахта стала истончаться, работа стала тяжелее, а платить стали

меньше. Даена никогда не видела, чтобы девочки ссорились между собой, и никогда не слышала, чтобы родители повышали на них голос.

Даена плохо ладила с другими детьми. Пыталась когда-то сдружиться, но дружба не клеилась. Почти каждая игра заканчивалась дракой и обзывательствами, и у девочки была дурная репутация среди сверстников. Ее считали недалекой и задиристой, и она не предпринимала попыток никого переубедить. Досуг она чаще всего проводила одна, сидя на берегу реки и наблюдая за рыбой, или играя сама с собой. Иногда ловила лягушек и надувала их через соломинку, скорее из интереса чем из жестокости. В жаркие летние дни, когда дети купались на реке, она строила шалаш в подлеске. Это был масштабный и долгий проект, длившийся уже полсезона. Даене хотелось построить такое убежище, чтобы оно могло пережить мокрую осень и холодную зиму. Больше всего она боялась, что шалаш найдут и разобьют, поэтому держала его в строжайшем секрете даже от тяти — вдруг сболтнет ненароком.

Девочки сидели на корточках, и копошились в камнях. В какой-то момент Тира обернулась на Даену, и ткнула сестру в бок. Ила приветливо помахала. Даена сделала несколько неуверенных шагов в их сторону, и, заметив улыбки на их лицах, ответила тем же.

— Долгой жизни! — поприветствовала ее Тира. Ее можно было узнать по родинке на правой щеке. У Илы такая же была на левой.

— Долгой жизни, — ответила Даена. — Чегой делаете?

— Камни отбираем, — ответила Ила, указывая рукой на небольшую кучку. — Для пращи.

Тира гордо показала девочке плетеную пращу из грубого джута. Узлы были чуть косыми, но в целом орудие выглядело достойно. Даена взяла пращу в руки и пощупала.

— Птиц бить пойдем, — пояснила Ила.

— Зачем? — не поняла Даена.

— Так охотиться. Праща почто нужна?

Даена кивнула, соглашаясь.

— Ты чья будешь?

— Пастора.

Тира сощурилась на нее.

— Стучать на нас побежишь?

Даена энергично помотала головой.

— Я не стукачка. Мне скучно просто. А тут все козлы, особенно рыжий Ибра.

— Почему? — заинтересовалась Ила, смотря на девочку с любопытством. Во взгляде Тире все еще было некоторое недоверие.

— Козел и все, — категорично ответила Даена. — Змеей в меня кинул давеча.

— А ты что?

Даена отвела глаза чуть стыдливо, сомневаясь, стоит ли рассказывать.

— В сладкий горшок пауков накидала. А пастилу оттуда козе скормила.

Ила рассмеялась, а Тира ограничилась улыбкой.

— Лихо! — сказала она уважительно. — Как звать?

— Даня, — представилась девочка, чувствуя, что ее пригласили. Она присела на корточки рядом с близняшками. — А какие камни надобно?

— Такие вот острые, — Ила дала ей один из кучи. — Смотри...

Весь день они провели втроем: девочка показала им места, где любила гулять, куст крыжовника, про который знала только она, и особенно старый высохший дуб, на который было легко залезть и на ветвях которого они свободно помещались все вместе.

Ти́ра казалась Даене чуть молчаливее и серьезнее Илы, но они обе ей по-своему нравились. Ила была смешная, но с Тирой было интереснее говорить. Она рассказывала про обвалы в шахтах и про нашествия саранчи, происходившие каждое лето. Они поэтому уехали, пояснила Ти́ра. Дурной это знак, про саранчу.

Даена опомнилась только когда уже стемнело, и, наскоро попрощавшись, побежала домой. Тя́тя не любил, когда она задерживалась после заката, к тому же у нее совершенно вылетело из головы, что сегодня она должна была стряпать.

Когда она ворвалась в хату, тяжело дыша, она застала тя́тю возле печи с ухватом в руках.

— Ты где пропадала? — воскликнул он, стараясь звучать строго, но Даена слышала лишь беспокойство в его голосе.

— Заигралась! Прости, тя́ть, — она отряхнула многократно заплатанную юбку и поправила растрепанные волосы. — Мы с девочками в лес ходили...

— Не в Ярь? — взволнованно спросил отец, с которого мигом слетела вся напускная строгость.

— Не в Ярь, в подлесок возле речки, — Даена вытерла босые ноги о тряпку и вприпрыжку подошла к столу. — Ты состряпал уже? Или давай я?

— Дождешься тебя, — проворчал отец. — Клубни запек, садись давай.

— Спасибо, тя́ть, — улыбнулась Даена. — Завтра каравай спеку. А то мука лежит вон, размокнет скоро.

Отец поставил на стол дымящийся горшочек и вернул ухват на место. Даена погрузила деревянную ложку в разваливающийся картофель и принялась активно дуть на нее.

— С кем играла-то? С Мартовскими чтоль?

— Не, — девочка сунула в рот ложку и задышала, остужая еду прямо во рту. — С новыми, шахтерскими.

Отец нахмурился чуть обеспокоенно.

— Ну, раз ладишь с ними... Ты куда накинулась, а молитву прочесть?

— Ой! — спохватилась Даена, спешно проглатывая картошку. Она сложила ладошки вместе и закрыла глаза, приготовившись слушать.

Лилит проснулась с резким кашлем. Над ней нависала Сакусэ, смотрящая на нее во все глаза. Она тихонько пискнула и поспешно отползла, как только Лилит взглянула на нее.

— Что за шутки, малая? — спросила Лилит недовольно, потирая шею.

— Ничего! — поспешно ответила девочка и смутилась. — Ты говорила во сне.

Варац, сидящий поодаль возле кипящего котелка, тонко улыбался. Лилит раздраженно сплюнула.

— Снится дрянь всякая... Малая, не пялься на людей, когда они спят! В следующий раз по шапке получишь.

— По чему?

— По башке! — Лилит встала, неспешно потягиваясь. — Только сопли научилась не слизывать, теперь это еще.

Чародей тихонько засмеялся. Его страшно веселили попытки Лилит обучить Сакусэ социально приемлемому поведению.

Отправив Сакусэ искать Минг, Лилит занялась дыхательной практикой в надежде успокоиться.

— Что я говорила? — спросила она, прижав грудь к коленям.

— За кого ты меня принимаешь, подслушивать? — спросил чародей насмешливо. — Что человек болтает во сне — его личное дело.

Лилит не стала спорить. Она занималась тем, что сворачивала свой сон в комок, загибая уголок за уголком, пока он не перестанет существовать. Пока изо рта ее не пропадет вкус несоленой крахмалистой картошки.

На душе было гадко, ей хотелось отплеиваться от оживших воспоминаний, которые она в свое время так усердно запихивала как можно дальше, как можно глубже. Сегодня был один из тех дней, когда она жалела о своей цепкой на детали памяти.

Отдать Варацу должное, он не приставал с расспросами. Видимо, все-таки услышал достаточно, чтобы понять, что речь о прошлом. Разного рода воспоминания были тем немногим, к чему чародей относился с пониманием, и никогда не переступал границ. Лилит ценила это и тоже не задавала лишних вопросов, поддерживая негласное соглашение о том, что прошлое — личное дело каждого, и делиться им стоит только если сам того захочешь. А она не хотела. Ни делиться, ни думать, ни вспоминать. Впрочем, от ее желаний тут уже мало что зависело.

Гаки увязались следом. Они старательно прятались и избегали показываться на глаза, но Лилит слышала листья, шуршащие под их мягкими лапками, и то и дело из-за деревьев доносилось вопросительное рокотание, которым вожак подзывал отстающих. Наблюдая, как зверьки прячутся, но держатся рядом, стараясь не отставать, Лилит ощутила внутри странное тепло и легко улыбнулась. Обычно животные ее не любили — кошки шипели, собаки облаивали, лошади беспокойно ерзали в ее присутствии. В ответ Лилит пожимала плечами и не лезла с непрошенными ласками, уважая право хвостатых испытывать к ней неприязнь. Но гаки, похоже, было любопытно. Или совсем голодно. В любом случае, это поднимало Лилит настроение.

— Да они просто за головами увязались, — фыркнул чародей.

— Какой омерзительный прагматизм! Совершенно невыносимая личность! — громко воскликнула Лилит, с апломбом взмахивая руками.

Варац скорчил было высокомерно-неприязненное выражение, но из него вырвался непрошенный смешок.

— Давно хочу напиться, — он покачал головой с улыбкой. — Чтобы забыть, что ты вообще существуешь на этой земле.

— На удивление здоровое желание, уважаемый чародей. Я бы тоже с удовольствием забыла о своем существовании. Есть для этого снадобья, а?

— Снадобий нет. Есть порошки, листья, соцветия и кристаллы.

— Звучит изумительно. Дайте десять.

Она сжала и разжала кулак на левой руке, слушая тупую боль в костях и зуд в макушке, не то чтобы невыносимый, но неприятный и беспокоящий.

— У нас в цеху много кто на разгоняющих сидит, — Лилит провела рукой по волосам. — Трексима полезная вещь, если долго спать нельзя.

— Ага, — кивнул чародей. — Популярнейшая вещь в академиях. Работоспособность повышает. Ты сидела?

— Не-а. Несколько дней максимум. Ты?

— Было дело. Давно, правда. Мне уже много лет нельзя разгоняющие. Эффект... — он покачал рукой в воздухе. — Неприглядный, выражусь так. Орама, полуночники и ирений — другое дело. Но всем пресыщаешься со временем.

Он посмотрел на Лилит, пощелкивая пальцами.

— Когда наших ловили с трексимой, били розгами. А сейчас как?

— Колодки, либо клетка на площади. Особо злостных могут голыми протащить по городу. Это если поймали под кайфом. А если торгуешь — дыба или якорь. Вообще, церковь стала жутко креативной в вопросах наказаний за последние лет десять. Кучу всего изобрели, сволочи. Шипастые стулья, тиски, черт знает что еще... — Лилит презрительно сплюнула.

Варац поежился.

— Узнаю родину. Это что же, король такое допускает? Кто сейчас на Севере правит вообще?

— Натаниэль третий. Не думаю, впрочем, что у него есть выбор. Он мальчишка еще, фактически. На престоле пару лет без малого. Куда ему остановить эту ламбианскую телегу? Помню, встречала одну верующую женщину, которая без слез не могла слушать о том, что архиепископ и его шобла воротят в стране. Молилась ночами за всех, кого они сгубили. Жалкое зрелище.

Варац свел брови у переносицы.

— Жалкое зрелище? — заинтересованно спросил он. — То есть, тебе нет дела? Вот прям совсем?

— Могло бы быть, — пожала плечами Лилит. — С четырьмя клеймами и четыреста сорока двумя шрамами от плетей. Святош не выношу, это правда. Но, будем честны, это не их вина, что я так живу. У них просто наказания специфические.

— Специфические?! — расхохотался Варац. — Кирыи знают толк в извращениях, это все что ты думаешь о повсеместных пытках и самосудах?

— Не все. Еще я думаю, что мне это на руку. Жестокое наказание подразумевают особенно высокий спрос на толковых наемников. Чем выше риск, тем выше награда.

Чародей продолжил истерично хохотать, утирая слезы и даже остановившись, чтобы перевести дыхание. Он попытался выговорить что-то сквозь стоны, но быстро сдался. Сакусэ смотрела на него с любопытством и непониманием, а потом перевела глаза на Лилит.

— Привыкай, малая, — Лилит скovyрнула с руки кусок омертвевшей кожи. — Почти все, с кем ты познакомишься через меня, на голову больные люди. Сопли утри, опять нос течет у тебя. Рукавом, кому говорю!

— Ба! — Ила довольно хлопнула в ладоши, как только подбитая ворона рухнула на землю. — Так-то!

Даена и Тира ударили друг друга по плечам в жесте радости. Это была их первая охота, окончившаяся удачно.

Девочки подбежали к вороне, осматривая трофей. Пернатая шевелила крыльями, пытаясь подняться на лапы. Судя по ее вялым движениям, она была оглушена ударом камня.

— Жива, зараза!

— Так добей.

Ила посмотрела на Даену неуверенно.

— Прям вот так?

— А че? Трусишь?

Ила нерешительно ткнула носком ботинка копошащуюся в траве полумертвую ворону.

— Сама ты трусишь!

Фыркнув, Даена схватила птицу и одним точным движением свернула ей шею. Пернатая обвисла в ее руках, и девочка перехватила ее за лапы.

— Курей, чтоль, никогда не забивали? — спросила она насмешливо. — Сопливые барышни?

Ила несильно толкнула Даену, а Тира только хохотнула в ответ.

— Сука вредная!

— Чего делать с ней теперь?

— Не знаю, — Даена приподняла мертвую птицу и оглядела ее задумчиво. — Псам скормить?

Тира потянулась к птице и взяла ее за крыло. Выдернув большое черное перо, она повертела его в руках и спрятала в карман широких штанов. Близняшки были единственными в Коши, кто не носил юбок.

— Эт зачем ты?

— Трофей, — сказала она гордо. — Ишкур...

Ила сильно ущипнула сестру, и та взвизгнула, осекшись. Ила прожгла ее коротким взглядом и прокашлялась.

— Чего? — не поняла Даена.

— Ничего! — поспешно ответила Тира.

Даена уперла руки в боки.

— Чего за секреты? — спросила она недовольно.

Девочки переглянулись, ничего не ответив.

— Я отсюда не сойду, пока не скажете, — для усиления эффекта Даена кинула мертвую ворону себе под ноги и встала в демонстративную позу.

— Дура! — Ила дала Тире несильный подзатыльник. — Говорила тебе мамка, чтоб ты язык свой в рот закатала!

Тира посмотрела на нее виновато.

— Дань, нам запретили, — она развела руками извинительно. — Три шкуры спустят, ежели расскажем...

— Те напомнить, что я не стукачка? — Даена взмахнула руками сердито, потом добавила чуть спокойнее: — Давай дашь на дашь. Вы мне секрет, я вам секрет.

Ила помотала головой, но Даена увидела, что она теревит подол льняной рубахи. Тира посмотрела на нее почти умоляюще.

— И-и-иль, — протянула она, приседая от нетерпения.

— Давай ты первая! — выпалила Ила.

Даена заговорщицки улыбнулась..

— У меня в лесу, — зашептала она. — Шалаш строится. Большой, крепкий. Мой, прс него даже тятя не знает. Секретное убежище!

Ила округлила глаза с восторгом.

— Покажи-покажи-покажи!

— Покажу, — кивнула Даена. — Токмо колись сначала!

Тира посмотрела на нее строго.

— Никому, Дань, я серьезно! Ни тятке, никому!

— Могила!

— Мы в старых богов верим, — Тира тоже перешла на шепот. — Это тайна.

Даена вдохнула с изумлением.

— О-о-о! — протянула она. — Вы поэтому уехали, да?

Ила кивнула коротко.

— Мы так думаем. Маменька-папенька не говорят, но мы ж не дуры.

— А почему? — спросила Даена с любопытством. — Почему в старых?

— Всегда в старых верили, — ответила Тира. — Они настоящие. А новый это придумка.

Так маменька говорит. Ты не боишься?

— Чего? — не поняла Даена. — Вы мне друзья, плевать мне в кого вы верите. Никому не скажу, пусть пытаются!

Ила выдохнула облегченно.

— Аж полегчало! Ну? Пошли шалаш смотреть! И ворону возьми! — она притопнула ножкой и гордо сказала: — Ишкур велит не трогать добычу. Раз отнял жизнь, используй что получил!

Лилит потрясла головой, отгоняя наваждение. Эта новая, болезненная, почти мазохистическая тяга к переживанию неприятных воспоминаний оперировала в ее голове помимо ее собственной воли. Лилит была уверена, что не хочет об этом думать. Но почему-то думала.

Постепенно темнело. Сегодня с охоты Минг принесла в зубах куницу, чем заслужила одобрительные аплодисменты Вараца. Лисица лишь фыркнула в ответ и привычно увела Сакусэ в лес, подальше от стоянки. Лилит поймала себя на мысли, что ей любопытно, где они спят.

Освежевав животное, Лилит бросила потроха и голову в темноту. Гаки заурчали, накидываясь на мясо.

— Ты их до самого Чинджу подкармливать собралась?

— А ты претендовал на потроха, уважаемый чародей?

— Просто любопытствую, почему не дашь тварям искать падаль где-то еще, — Варац принялся раздувать костерок.

— Не знаю. Они меня успокаивают, — Лилит села рядом.

Пока чародей был занят разведением огня, она быстро ощупала голову. Наросты сильно увеличились со вчерашнего дня. Лилит перехватила куницу за задние ноги, сжимая в зубах кинжал.

— Сядь, — проговорила она нечетко, после чего освободила рот: — Мне нужно тебе рассказать кое-что. Считай это... — она задумчиво покрутила запястьем, формулируя мысль. — Актом безоговорочного доверия.

— Тайны! — ответил чародей весело, явно пребывая в возбуждении. — Ненавижу тайны! Выкладывай!

— Когда мне было девять, — начала Лилит, подрезая шкурку, чтобы отделить ее от мяса. — Однажды у меня на голове появились две шишки. Я поначалу не придавала этому значения, пока в одно утро не ощупала голову, и не осознала, что они увеличиваются и кожа там ороговевшая. Мне хватило ума не бежать ко взрослым, а спросить своих подружек. Когда они мне сказали, что у меня растут... — она вздохнула, предвосхищая хохот Вараца. — Рога...

Она сделала паузу, ожидая реакции чародея. Тот выглядел сосредоточенным, даже

слишком. Лилит махнула на него рукой.

— Специально сделала паузу для смеха. Ни в чем себе не отказывай.

Он сделал глубокий вдох, закрыв глаза.

— Продолжай, — сказал он стоическим тоном.

Лилит кивнула, показывая, что ценит его самоконтроль.

— ...я сразу поняла, что никому нельзя рассказывать. Закидали бы камнями на месте, ты наш народ знаешь, — она сдернула часть шкурки и принялась подрезать дальше. — Девки предложили их спилить. Так, чтоб не торчали из-под волос. И завязать высокий хвост. Мы так и поступили, было жуть как долго и противно. Рога продолжали расти, тем не менее. И каждые несколько дней их приходилось подпиливать. Я уж думала, что до конца жизни так мучиться буду, когда рост остановился. Основание осталось, но на этом и все. Позже я выяснила, что они начинают расти сезонно, раз в несколько лет, — она посмотрела на чародея. — Например, сейчас.

Варац с готовностью поднялся.

— Могу я?..

— Можешь. Только быстро, — Лилит отложила куницу и распустила хвост. Варац жестом попросил ее повернуться так, чтобы на ее голову падал свет от костра. Лилит ощутила, как подвижные пальцы перебирают ее грязные волосы. В какой-то момент они замерли.

— Еб твою мать... — с пораженным восхищением сказал чародей. — Я-то думал, ты опять ёри обожралась!

Он чуть повернул ее голову и рассмотрел макушку внимательнее. Потом отпустил.

— Какой скандал!

— Не то слово, — кивнула Лилит, собирая космы вместе. — Как ты понимаешь, я до сих пор их подпиливаю. И, к сожалению, не могу делать это сама. Обычно мне помогала Дарири, но в свете новых обстоятельств...

— Потрясающе! Что это? Магия диких ведьм? — спросил чародей насмешливо, а потом округлил глаза. — О-о!

— О-о, — кивнула Лилит. — О чем я тебе сказала при нашей первой встрече.

Варац ошарашенно почесал в затылке.

— Нет, если так посмотреть... — пробормотал он. — Выступающая реберная клетка, бледная кожа, аметистовые глаза... Но это же чушь...

— Чушь да не чушь, — она качнула головой в ответ. — Мой мастер — кхин. Могу лично подтвердить, как мы похожи.

— Лилит, — Варац остановил ее жестом. — Прекрати пороть несумятицу. Во-первых, кхин давно вымерли. Во-вторых, даже если какие-то умудрились выжить, они не размножаются. Совсем. Ни почкованием, ни делением — вообще никак. Ты в курсе?

— В курсе, — кивнула Лилит. — Но как еще ты это объяснишь?

— Мутация, — кивнул Варац убежденно. — Можно не сомневаться. Это, плюс дикая магия, плюс червоточины... Любопытная картина!

Упоминание эпизода с червоточиной вызвало в Лилит непрощенную волну раздражения. Она сжала и разжала кулак.

— Плевать мне на твою картину, — отчеканила она. — Как и на то, почему на мне растут эти гребаные рога. Я тебе об этом рассказала, чтобы попросить помощи. У нас с тобой прекрасная гармония, уважаемый чародей — ты не лезешь не в свое дело и не задаешь

идиотских вопросов, а мне не нужно на них отвечать и делать вид, что мне не все равно. Предлагаю оставить все, как есть.

Варац посмотрел на нее, вскинув бровь.

— И да найдут страждущие покой в отрицании. Лилит, будь я проклят, если мне не плевать, кто ты и откуда родом. Про червоточину мне любопытно, но и только. А еще, — он кивком указал на ее омертвевшую руку. — Вот этому вот плевать на твое наплевательство. И чтоб мне провалиться прямо здесь и сейчас, если твоя искаженная внешность, владение дикой магией, тот факт, что ты открыла червоточину и твоя хворь не связаны. И если не понять, как именно, ты, вероятно, умрешь, — он склонился, поравнявшись с ней и сказал с ехидной усмешкой: — А если ты умрешь, ты не сможешь выполнить заказ!

Лилит сделала попытку его пнуть, но чародей шустро отпрыгнул. В его глазах заплясало задорное злорадство. Лилит прожгла его взглядом, и вернулась к свежеванию куницы.

— Тебе явно не несколько тысяч лет, — издевательски хохотнул чародей. — Ведешь себя как ребенок.

— Слушай сюда, сука, — Лилит резким движением отбросила тушку. — Я тебя терплю, потому что мы нужны друг другу. Мы не друзья, не коллеги и не любовники, чтоб ты так со мной разговаривал, это ясно? Поэтому захлопнись и не мешай мне готовить ужин, или следующим, что съедят гаки, будет твой сраный язык.

Варац захихикал, потом с улыбкой взглянул на ночное небо.

— Вот теперь, — сказал он довольно. — Мне не скучно!

Ила, Тира и Даена были повязаны двумя общими тайнами. Близняшки молчали про рога, Даена молчала об их еретичестве. Втроем они строили большой шалаш — связывали вместе отборные ветки, закрепляли папоротник, прикапывали основание землей и вырезали окошки. Еще четыре рабочих руки быстро превратили долгострой Даены в проект, который имел шансы увидеть свое завершение.

— Когда придут разбойники, мы спрячемся в шалаше и будем стрелять камнями из окон, — Ила высунула голову из небольшого отверстия в стене. — Будем держать осаду, как в крепости!

— А Курви в осаду возьмешь? — захихикала Тира.

Ила смутилась и бросила в сестру пучком травы с землей. Тира заулюлюкала, дразнясь. Даена посмотрела на нее вопросительно.

— Че, влюбилась что ли? — спросила она почти с осуждением. — В этого дурачка?

— Сама ты дурочка! — обиделась Ила. — И ничего не влюбилась, отвяньте обе. Суки вредные!

Тира расхохоталась.

— Да ладно тебе, иш обиженная! Дуться брось! Хочешь схожу к нему за тебя?

— Чего-о? — Ила чуть покраснела и затеребила в кулачке штаны.

Даена нахмурилась.

— Кончай трепаться, девки. Ежели крышу не доделаем завтра дождем подмоет все, — она старалась, чтобы голос ее звучал не так недовольно, но выходило плохо.

Тира проигнорировала ее, продолжив говорить с сестрой:

— Ну схожу, скажу гулять его зовешь.

— Не пойду я с ним никуда! — пискнула Ила.

— Ну вместе пошли, трусиха! В речке купаться, втроем.

— А меня бросите? — спросила Даена обиженно. — Ради мальчишки?

Тира развела руками извинительно.

— Денек дай, Дань? Чай не развалится шалаш-то. А потом крышу доделаем все вместе.

Она отвернулась, чувствуя внутри гнев и горечь.

— Ну идите, купайтесь. Раз вам мальчишка дороже меня.

В глубине души она надеялась, что ее тон заставит девочек отступить и перестроить свои планы, но этого не случилось. Они даже не стали ее успокаивать, вместо этого начав планировать между собой, как им половчее захомутать Курви. Даена ушла, а они, казалось, даже не заметили. Остаток дня она провела дома, в слезах горечи и злобы, сердясь на девочек и на себя. За ужином отец заметил ее смурное настроение, и заговорил:

— Чего стряслось? Поссорились?

— Не поссорились, — буркнула Даена угрюмо. — Они меня отшили, чтоб с мальчишкой пашни водить.

Отец улыбнулся снисходительно.

— И ты обиделась?

— Да не обиделась! — ответила она звонко. — Просто... Ну...

— Милая, у всех своя жизнь. Даже у твоих маленьких подружек. И чем раньше ты поймешь, что мир не вращается вокруг тебя, тем лучше.

Она фыркнула в ответ, насупившись.

— Однажды и ты влюбишься, — улыбнулся отец. — И тебе тоже будет не до подружек, помяни мое слово.

— Вот еще... — пробормотала она. — Тять, нельзя друзей бросать из-за мальчишки, ты не понимаешь что ли?!

— Даена, — сказал он уже строже. — Мы все испытываем плохие чувства. Уныние, злость, обида — все это испытания, которые нужно пройти. Когда будешь молиться перед сном, вспомни, почему ты ценишь и любишь своих подруг. Подумай, почему в тебе играет обида, и прости их. Что мы делаем, если случается что-то плохое?

Даена посмотрела на него исподлобья и ответила неохотно:

— Благодарим бога за то, что имеем.

Отец одобрительно потрепал ее по голове.

— Вот и умница.

Поначалу Даена планировала провести день дома, занимаясь делами, как ей посоветовал тять. Но что-то внутри нее протестовало против того, чтобы молча идти на поводу у... она сама не могла сказать, чего именно. Но остро ощущала, что должна что-то сделать, сама принять решение. И она приняла его — она пойдет строить шалаш сама, без девочек, как и много дней до этого. Пусть делают что хотят. А она будет строить.

Твердая в своем решении, Даена взяла из дома кухонный нож, которым обычно резала веревки и обтачивала палки, и направилась в подлесок. Еще на подходе к шалашу она услышала смех: Илы, Тиры и чей-то еще. Она крепче сжала рукоять тупого ножа, чувствуя закипающий в душе гнев.

Детские ссоры похожи одна на другую, потому что образуются вокруг эгоцентризма, свойственного детям. “Вы что, коровы, привели мальчишку в мое секретное убежище?” — слова ревнивого ребенка, которому кажется, что все ополчились против него.

“Оно не твое, а наше! Кому хотим, тому и показываем!” — ответ другого ребенка, столкнувшегося с агрессией и критикой своих действий. “Нож убери, психованная!” — возглас третьего, который хочет казаться храбрее, чем есть.

Пока взрослые, наблюдая за детской ссорой, видят лишь свалку незрелости и мелких обид, дети принимают участие в полноценной войне, проживая эмоции так интенсивно, что они поглощают их целиком, выжигая изнутри. Когда в том, что можно было бы счесть игрой, участвует невероятной силы гнев, вспыльчивость, обида и кухонный нож, не нужно быть ведунгом, чтобы издали увидеть приближающуюся катастрофу. В этот раз, впрочем, обошлось. Относительно — девочки сцепились в драке, и Даену быстро заборол, отобрав нож, который она сжимала скорее для угрозы, чем действительно собираясь его применить. Повыдирав друг другу волосы и извалявшись в траве, они обменялись кричащими репликами: “Вали отсюда, сука рогатая!”, “Чтоб вас клеймами пожгли, предательницы!”. На этом все кончилось. Испачканная в земле, навзрыд плачущая Даена бежала домой, и ей хотелось выть от боли и унижения. Эмоции улеглись не сразу, но в конце концов она успокоилась, выплакавшись и расколов один из глиняных горшков.

Не ощущая больше непосредственно обиды, Даена, тем не менее, почувствовала что-то еще. Что-то, что заставило ее сесть на пол в углу и долго думать, машинально переводя взгляд с одного предмета быта небольшой хаты на другой. Она помнила искаженное злобой лицо Илы и хмурое, высокомерное выражение Тиры. Помнила, как глупо себя почувствовала, когда ее повалили на землю, отобрали нож и вцепились ей в космы. Даена посмотрела на свою правую руку, в которой до сих пор сжимала обрывок льняной рубашки Илы.

От детей можно ожидать сиюминутного гнева и глупостей, с ним связанного. Дети часто ссорятся и дерутся, потому что только учатся тому, что мир не всегда таков, как им хочется. Но бывают дети, которые не могут или не хотят учить этот урок. И если в таких детях достаточно силы и решимости, чтобы менять мир под себя, то страшно представить, сколько вреда может причинить один обиженный ребенок.

Ила и Тира — еретички, которые приносят ворон в жертву старым богам. Вот доказательство — перья, клювы и лапки, висящие на стене шалаша в качестве украшений. Это не просто игра, они убивают животных ради кровавых языческих ритуалов. И сказали Даене, что Бог — это придумка. А потом побили за то, что она нашла их секретное убежище. Никаких преувеличений, вот синяки. А на них точно такие же — сходите и посмотрите.

За еретичество полагались клейма. Но, посоветовавшись, деревня решила, что слова одного ребенка — недостаточное основание для вынесения подобного приговора. Впрочем, история близняшек казалась гораздо менее складной, чем история Даены. Сошлись на том, что семье лучше покинуть Кошь. Они не стали спорить, покорно согласившись уехать.

Ранним утром погрузили телегу. Их провожал Курви, помогая с мешками. Даена стояла поодаль, опираясь плечом на стену хаты, и перебирала пальцами ног холодную землю. Солнце только начало вставать, было прохладно и туманно. Заплаканная Ила утерла рукавом нос. Тира бросила на Даену последний, полный злобы взгляд, прежде чем они уселись в телегу, а отец семейства занял место возницы. Ощущая внутри злорадное торжество, Даена мило улыбнулась и помахала ручкой на прощание. Телега тронулась с места, и ухмылка не сходила с лица Даены, пока та не скрылась из виду. Курви, оставшийся во дворе с ней наедине, посмотрел на нее с растерянным страхом. Чувствуя себя сильной как никогда, Даена зашипела на него, как дикая кошка, и показала обценный жест, который однажды

увидела на дороге в ссоре двух купцов. Мальчик отвел глаза, а девочка, усмехнувшись, вернулась в хату, собираясь готовить завтрак. Настроение у нее было превосходное.

Лилит подскочила во сне, будто чего-то испугавшись. Она гневно оцарапала землю под собой, и из-под ее пальцев вылетело несколько комков темного грунта.

— Что ж такое, твою мать!!! — возопила она почти отчаянно и погрузила лицо в ладони, испачканные землей.

Варац, присутствия которого она даже не заметила, посмотрел на нее с интересом, но ничего не сказал. Лилит долго сидела недвижно, будто стыдясь поднять глаза на чародея. Тот взял в руки деревянную ложку и помешал содержимое котелка.

— Можешь не рассказывать, если не хочешь, — он подул на похлебку, остужая ее.

Лилит вздохнула глубоко, унимая дрожь в губах. Она была один сплошной сжатый комок нервов, до предела натянутая струна, в любой момент готовая лопнуть.

— Не могу выспаться, — сказала она, поддавшись своей слабости. — Снится дрянь всякая, каждую ночь.

Варац смотрел на нее, внимательно слушая.

— Меня будто утягивает, — сказала Лилит тише. — В воспоминания. И я ничерта не могу с этим сделать. Я... — она сжала кулак и несильно ударила себя по колену, поджав губы. — Я теряю почву под ногами. Каждый день все сильнее. Как я могу думать о настоящем, если...

Она махнула рукой, оборвав саму себя. Для того, что она испытывала, не существовало нужных слов. Варац подул на ложку.

— Знаешь, вокруг полно людей, от которых ты услышишь что-то вроде: “все мы совершали ошибки”, “я тоже делал ужасные вещи”, и прочую чушь тех, кто никогда тебя не поймет.

Лилит подняла на него глаза. Варац попробовал похлебку, мелко жуя кусочки мяса.

— Не поймет, что действия в нашем прошлом — вовсе не ошибки. Они те, кто мы есть. Скажи-ка, — он отложил ложку и посмотрел на нее. — Честно, без отговорок про работу и все остальное. Тебя мучает совесть? Хоть иногда?

Лилит надолго задумалась, превозмогая желание сорвать злость на чародея и провести оставшийся в день в молчаливом угрюмии.

— Нет, — наконец ответила она. — Не мучает.

— Вот именно, — кивнул Варац. — Потому что ты живешь в точности так, как хочешь. Каждое твое действие, каждое решение сделало тебя такой. Но это не значит, что ты не меняешься. Можно зарыть голову в землю и попытаться спрятаться от перемен, только вот какой в этом прок?

Тон его был спокойным и размеренным, словно он не обращался к Лилит, а разговаривал сам с собой. И лишь поэтому она нашла в себе силы промолчать.

— Я мог бы еще порассуждать о страхе, желаниях и прочей дребедени, но я и так уже превысил сегодняшний лимит занудства. Завтрак, а? Глазастые уже с колокол на запах урчат, достали сил нет.

Лилит кивнула и подвинулась к котелку. Ей хотелось сказать спасибо, но она чувствовала, что Варац и так все понимает. Он ответил на ее безмолвную благодарность коротким, ни к чему не обязывающим кивком.

Опытным путем Лилит выяснила, что после целого дня, проведенного внутри своей головы, ясности не прибавляется. Зато усталости — очень даже. Она смотрела в пламя последнего для этого странствия костра. Они уже достигли пригорода, усеянного рыбацкими минками. Путники и горожане то и дело встречались им на пути, многие везли ручные тележки. Лилит провожала их безразличным взглядом, не ощущая внутри привычной радости от близости города. То и дело она поглядывала на снежные шапки гор.

Лилит уснула с трудом, но это была ее первая спокойная ночь с червоточины.

Ее не мучали сны или ожившие воспоминания, тьма не смотрела ей в душу, моргая отсутствующими глазами. По пробуждению Лилит не почувствовала сосущей, тоскливой пустоты. Она просто распахнула глаза, и глубоко вдохнула. Справа от нее провезли четыре ручные телеги и носилки. Путники громко переговаривались.

— Не очень умно. Спать рядом с дорогой, — Минг в человеческом облике сидела рядом, аккуратно поджав под себя ноги.

— Рыбой пахнет! — радостно подхватила Сакусэ.

Лилит приподнялась на локтях.

— А Варац где?

— Ушел, — Минг кивнула головой в сторону города.

— Сказал что-нибудь?

Кицунэ пожала плечами. Лилит поднялась на ноги.

— Ну, пошли.

Чинджу казался вдали, потянулись придорожные торговые прилавки со всякой всячиной, которую обычно закупают в дорогу. Лилит слегка улыбнулась, глядя на суету скупых торгашей. Они зазывали покупателей, переругивались друг с другом, выкладывали товар и из кожи вон лезли, чтобы продать его. Жили своей жизнью, полной личных забот. Она видела их, по-настоящему видела: пожилую женщину без зубов, тучного низенького мужчину со старыми шрамами, каких не бывает у простых торговцев, молодую маму с дочкой. У каждого на лице было свое выражение, а в глазах — свой мир, которым они были поглощены полностью. Это был завораживающий момент, словно она увидела знакомый образ в том, что раньше было свалкой абстрактных форм. Это было похоже на откровение, но Лилит даже не успела прочувствовать его: наваждение быстро рассеялось, и она, немного разочарованная, вернула глаза на дорогу.

— Ну, Минг, — обратилась к ней Лилит. — И в чем твой план, поведай? Любопытно, страсть.

— Мой план? — переспросила кицунэ чуть рассеянно, выглядывая что-то вдали. — Я уже сказала. Идти с тобой.

— Куда со мной? В Чинджу? На Север? С какой радости?

Минг промолчала в ответ, продолжая смотреть вперед.

— Делай что хочешь, — махнула рукой Лилит. — Впрочем, вряд ли тебе нужно мое разрешение. Ты явно не из тех, кто принимает отказы.

— Мхм, — промычала в ответ кицунэ и неожиданно улыбнулась. — По крайней мере будет не так одиноко, а?

Лилит не поняла, чье одиночество Минг имплемировала своей репликой, но решила не уточнять. Пошевелив омертвевшими пальцами и кивнув на свою руку, она перевела тему:

— Ты говорила, что можешь помочь.

Кицунэ бросила короткий взгляд на ее пальцы, после чего вернула глаза на очертания города впереди себя.

— У тебя нет подмастерья, потому что ты не хотела находить? Или потому что плохо искала?

Лилит вопросительно вскинула бровь.

— Просто ответь, — Минг посмотрела на нее янтарными глазами.

— Наверное, плохо искала, — пожалала плечами Лилит. — Если ты мне даешь только эти два варианта ответа.

Кицунэ кивнула.

— Времени немного, но оно еще есть.

— Погоди, погоди, — засмеялась Лилит. — Это ты мне так говоришь, что мне нужно передать знания, пока еще есть время? Которого немного, я верно услышала?

Ответа не последовало. Лишь короткий взгляд, говоривший сам за себя.

— Понятно. Помощи от тебя, конечно, — махнула рукой Лилит. — Конченная. Почему я вообще решила, что ты скажешь что-то внятное?

Минг с улыбкой пожалала плечами. Лилит поймала себя на мысли, что даже сердиться на нее не может. Она обратила взгляд к Сакусэ:

— Малая, хватит пялиться на людей. Не пялиться, в городе держаться за меня рукой и не отпускать, сопли вытирать рукавом, а лук вообще дай-ка сюда. Свалились мне на голову, две идиотки. Жить где будете?

— Найдем где.

— Ну, найдите, — усмехнулась Лилит. — Желаю удачи. А я первым делом забегу к старым друзьям, — она похлопала себя по льняной сумке, в которой покоилась голова Лыгашмына.

Чинджу встретил их обыденной суматохой, отдававшей в груди Лилит радостным звоном. Она ощутила облегчение, ступив на привычные улочки. Пережитое за последние несколько лун стало казаться дурным сном. Ощущая, как разжимается хватка на ее горле, Лилит улыбнулась и с наслаждением вдохнула.

— Ну, — отойдя от оживленной улицы, Лилит отпустила растерянно озирающуюся Сакусэ и поправила торбу. — Я по делам.

— Если будем нужны, мы в порту, — Минг положила руку на основание шеи Сакусэ, беря ее под контроль своим объятием.

— Скатертью! — Лилит махнула им рукой и нырнула в сеть узких улочек, направившись напрямиком к норе. Город разбудил ее, окатил ледяными брызгами, заставив поежиться и стряхнуть с себя сомнения и меланхолию прошлых дней. Она чувствовала себя почти так же, как до похищения. В ней играл азарт, задор, глушивший усталость от многодневного странствия, слегка маниакальный восторг и предвкушение. В ней не было вопросов. Было лишь действие.

В этот раз было открыто, и Лилит бесцеремонно ввалилась внутрь, распахнув дверь чуть ли не пинком. Дори повернул голову на резкий звук и лицо его приняло удивленное выражение.

— Опять твоя морда тут?

Лилит подошла.

— Дори-Дори-Дори... — она цокнула языком и уронила льняную сумку на стойку. Послышался стук костяных кружек.

— Че за вонь? Ты че сюда приперла, полоумная? — спросил Дори весело, с любопытством принюхиваясь.

— Подарок. Ты открывай, не бойсь.

— Иди нахер! Сама открывай, раз тебе надо больше всех, — фыркнул Дори, доставая кружку. — Соджу?

Лилит кивнула и вытряхнула из сумки голову. Где-то сбоку, из полумрака послышалось шипение. Дори закашлялся от резкого запаха.

— Твою мать во все дыры, Лилит, у меня тут люди пьют!!!

— Знаю, — она гордо сжала голову в обеих руках. — Хватит белоручку корчить. Глянь кого поймала.

Дори взгляделся в подернутые разложением очертания, не меняясь в лице.

— Че, наместник какой? — спросил он, переводя глаза на нее. — Убери репу, кому говорят! Лучше вообще вынеси ее нахер отсюда!

Лилит плотнее сжала пальцы вокруг головы. Послышался негромкий склизкий хруст.

— Северный наемник, — сказала она, чуть покачивая ногой. — Сидел тут, когда мы с тобой болтали в последний раз. Помнишь?

Дори подал ей кружку соджу.

— Я каждого из ваших помнить должен? Вы северяне на одно лицо все.

Лилит широко улыбнулась, и вернула голову в сумку. На ее руках остались склизковатые, сине-зеленые следы, а запах гниения впитался в кожу. Настороженно следя за ее движениями, Дори подал ей кружку соджу. Лилит неторопливо отпила.

— Мой охотник, — пояснила она. — Вез на Север под конвоем. Сначала миром уговаривал поехать, представь, — Лилит фыркнула. — Какой идиот вообще решит, что я способна задвинуть заказ?

— Фиалочка, заведи друзей, а. Я занят, — Дори грубо почесал обширный ожог на лице.

— М, — Лилит загадочно улыбнулась. — Пыль с кубков стираешь? Ну стирай, стирай.

Попивая соджу, Лилит думала. Дори был одним из самых алчных скотов, которых она знала, и скорее всего он заложил ее Лыгашмыну легко и непринужденно за соответствующую сумму юнов. Этот ответ был гораздо проще, чем предположение, что Дори вовлечен в заговор с северными охотниками или церковью. Из этого вывода следовало следующее: провоцировать Дори на прямой конфликт означало лишиться полезных связей и доступа в нору, и делать этого ради мнимого самоутверждения Лилит не собиралась. Судя его реакции, он отлично понял намек в виде головы, и пока этого было достаточно. Удовлетворенная таким раскладом и закрывшая для себя эту тему, Лилит невзначай огляделась.

Наметанным глазом заметила в углу бело-черное пятно, от которого исходило шипение. Вглядевшись в полумрак, она различила в смутный женский силуэт, с плеча которого что-то свешивалось. Дори незаметно шикнул на Лилит:

— Не пялься, дура!

— Шишка чтоль?

Дори незаметно кивнул.

— Поняла.

Лилит повертела в руках кружку. Она подумала, что чем круглосуточно пасти нору в

поиске новых потенциально опасных лиц, куда проще собрать их здесь вместе разом. Она посмотрела на Дори:

- Что-то я на мели в последнее время. Гудеж закатить не хочешь?
- Всегда за, Фиалочка, — оживился Дори. — Начальный капитал есть?
- Найду. К вечеру город кликнуть успеешь?
- А то. По полной гудим, с порошками?
- А как еще? — усмехнулась Лилит. — Пойду за деньгами. Бывай.

Лилит направилась в комнаты, где они с Дарири квартировались до похищения. В них оставалось около тысячи юнов и несколько вещей, которыми она не особенно дорожила. Лилит шла туда не торопясь, и позволила себе немного постоять на площади возле небольшого фонтана. Погода была хорошей, и она наслаждалась спокойствием и уверенностью, по которым успела соскучиться за время своего странствия.

Добравшись до места, Лилит легко вздохнула, сощурилась на солнце, и открыла дверь.

— Рассвет, аджумма, — улыбнулась она с порога. Хозяйка, подметавшая полы в холле, подняла на нее голову.

— Закат, — сказала она несколько удивленным тоном. — Куда вы пропали так внезапно?

— Дела появились, — Лилит сократила расстояние. Хозяйка слегка поморщилась от резкого запаха грязи и немытого тела. — Я за вещами. Не будете ли так любезны?

Аньянгка, которая была ниже ее на по меньшей мере две головы, разорвала визуальный контакт и вернулась к уборке.

— Комнату я освободила. Вы не платили за простой, — ответила она сухо.

— Ага, — кивнула Лилит. — Виновата.

Она сделала паузу, наблюдая за движениями хозяйки.

— Заплачу сейчас. Из той тысячи, что лежала у меня в комнате.

— Ничего не знаю, никакой тысячи не видела, — фыркнула хозяйка в ответ. — Только два комплекта одежды. Их я выбросила.

Лилит задумчиво постучала пальцами по торбе.

— Разумеется. Они просто отрастили ноги и сбежали. Каждый день такое вижу.

— Удумали меня в воровстве обвинять? — вспыхнула аньянгка. — Я честная домовладелица! Выметайтесь, или позову стражу!

— С удовольствием выметусь, — Лилит сделала еще шаг вперед. — Когда вернешь мои деньги.

Аньянгка возмущенно открыла рот, и сделала шаг в направлении выхода, но Лилит грубо схватила ее за плечо.

— Далеко собралась, сука старая? — сказала Лилит тихо, заглядывая ей в глаза.

Аньянгка дернула плечом, но Лилит лишь сжала его крепче.

— Хочешь посмотреть на последнего, кто удумал у меня воровать? — она ловко развернула голову и сунула ее в лицо хозяйке. Та отшатнулась и взвизгнула. Лилит схватилась за рукоять меча: — Ну? Позовем стражу, а?

На глазах хозяйки, полных растерянной мольбы, выступили слезы.

— Прошу, аджумма, вы же знаете как все работает... Деньги не у меня, давно не у меня! — затараторила она. Лицо ее стремительно зеленело.

— Меня это не волнует, — Лилит подошла ближе, и аньянгка попятилась. — Ты их

взяла, тебе их и возвращать.

Аньянга всхлипнула и утерла слезы.

— Но вообще меняй крышу, хозяйка, — Лилит цокнула языком. — Обнести тебя должно быть гораздо сложнее. Что у них, все ходоки на ювелирных лавках? Идиоты.

Фыркнув, она плотнее обернула голову Лыгашмына льном.

— Ну? Весь день буду ждать? Живее! — прикрикнула она на опешившую женщину. Та резко вздрогнула и выбежала из холла, направившись в свою комнату.

Лилит съела небольшую порцию лапши, попутно поболтав с лавочником о том о сем. День был жарким, и разговор вышел ленивым и непринужденным. Еще немного попоколавившись возле стойки, Лилит направилась на рынок, где присмотрела себе пару легких кожаных перчаток. Торговка сочувственно посмотрела на ее почерневшие пальцы, и предложила сделать скидку, на что Лилит посоветовала ей заткнуться, в противном случае пальцев не досчитается уже она. Заплатив полную цену, Лилит пошла в бани. Потихоньку начинало вечереть, но у нее было еще два-три колокола, прежде чем в норе начнет собираться народ. Как раз достаточно, чтобы отдохнуть и настроиться.

Заплатив за время и чистое полотенце, Лилит направилась к парным. Ей не терпелось смыть с себя многодневные слои грязи, пота и запах гнили. Голова Лыгашмына, сослужившая свою службу, теперь покоилась в канаве, куда сливали грязную воду из бань.

Раздевшись, Лилит кинула грязный костюм в угол, на каменистый пол, и положила чистый на деревянный стул. Она подколола волосы наверх, мельком коснувшись своей макушки. Кончики рогов уже почти пробивались из-под волос. Лилит проследовала в небольшую, задымленную парную, и уселась на одну из подставок, рядом с дымящимися округлыми камнями. Она принялась наклонять голову, разминая шею.

Лилит любила гудеть, в особенности после очередного закрытого заказа. Чувство выполненной работы, изголодавшееся по сну и нормальной еде тело, расслабление, приходящее на пару дней после того, как она получала кошель со звенящими чеканками и обновляла свой послужной список: все это способствовало поистине громкому гедонистическому пиршеству. Она всегда гуляла с размахом; сыпала чеканками, за дни тратя все, что заработала тяжким трудом, без всякой задней мысли. Зная об этой ее склонности, к ней часто примазывались, рассчитывая развлечься за чужой счет. Лилит не возражала, пока это означало, что гулянка будет продолжаться.

Сейчас ей не столько требовалось отдохнуть, сколько разведать. Узнать, кто из своих в городе и по каким делам, и нет ли поблизости кого-то, кто хочет доделать работу за Лыгашмыном. Но и в отдыхе она тоже нуждалась. И это был как раз тот случай, когда полезное и приятное отлично дополняли друг друга.

Лилит парилась около четырех мин, прежде чем почувствовала, что прогрелась достаточно. Она медленно поднялась на ноги и покинула парную.

Купальня была крупной, с несколькими широкими бадьями на магических жаровнях, в каждую из которых могло уместиться до десяти человек. Судя по кристальной чистоте воды, в банях работал стихийный чародей, и, заглянув в нее, Лилит вспомнила о Дарири, что заставило ее со смехом фыркнуть. Она погрузилась в теплую, мягкую воду, и блаженно вздохнула, кладя голову на бортик. Тихий, монотонный шепот огненных языков навевал покой и слегка клонил в сон. Закрыв глаза, Лилит выбросила из головы все посторонние мысли и сосредоточилась на звуке горящего пламени.

Ее умиротворенную полу-медитацию прервал негромкий скрип двери. Послышались шаги босых ног, и Лилит приоткрыла один глаз, привлеченная необычно легкой и пружинистой поступью.

Небольшая нога с миниатюрной стопой перешагнула через край бадьи, опускаясь в воду. Она принадлежала молодой сульянке — миниатюрной и худощавой. Тон кожи цвета миндаля был ровным и блестящим, округлая, выбритая голова изящно держалась на длинной, гибкой шее. Сульянка двигалась медленно и неохотно, и движения ее были наполнены ленивой царственностью. Это были движения человека, которому была чужда концепция времени. Которому никогда, никуда не нужно было спешить.

Следующим, что привлекло внимание Лилит, была небольшая змея, обвитая вокруг шеи девушки. Белая рептилия — кажется, питон? — с неяркими оранжевыми полосами вдоль тела держала голову на ладони девушки. Ее красные глаза были полузакрыты.

Сульянка уселась напротив Лилит, аккуратно погрузив хвост змеи в теплую воду, и любовно почесала питомицу указательным пальцем. Лилит не удержалась от тихого смешка. Она и сама любила заявить о себе миру, идя на поводу у своего тщеславия, но это был явный перебор. Когда ты даже моешься так, будто тебе через мину выходить на подмостки бродячего цирка — возможно, стоит задуматься о смене образа.

Лилит вспомнила характерное шипение, которое донеслось до нее из угла в норе, и очертания черно-белого пятна, сидящего в полумраке. Сульянка смотрела на Лилит двумя тонкими, едва заметными вертикальными зрачками, врезанными в разноцветную радужку цвета опала. У девушки отсутствовали брови и ресницы, что придавало безжизненному взгляду рептилии еще более непривычный, и поэтому пугающий вид.

— От головы уже избавилась? — спросила сульянка. Голос ее был ровным и низким, со скрипящими нотками, как у немолодой курящей женщины.

— Ага, — Лилит закрыла глаза и откинула голову на бортик.

— Хорошо. Есть халтурка, — она медленно моргнула своими странными, змеиными глазами.

— М? — Лилит провела рукой вдоль тела, подгоняя теплую воду. — У меня заказ висит.

— Какой?

— Важный.

Сульянка усмехнулась.

— Какой профессионализм. Умора.

Лилит ощутила себя ребенком, с убийственной серьезностью прячущим от взрослого какую-то мелочь. Она хмыкнула, с любопытством смотря на сульянку.

— Что надо? Может втисну, если быстро.

Сульянка сняла змею с плеч и аккуратно спустила на пол.

— Найти одного человека. Слышала, это твое поле, — она закинула локти на бортики, приняв более расслабленную позу. — Быстро справишься, если твоя репутация не врет. Прячется он не умеет. Чародей. Материализатор. Наводка теплая, должен быть еще здесь.

Лилит качнула головой.

— Не возьмусь. С чародеями никогда быстро не бывает. Но могу подсказать ребят.

— Деликатное дело. Для одних ушей и глаз.

Лилит извинительно пожала плечами.

— Не моих ушей и не моих глаз. Извини, анса.

Сульянка дернула плечом в раздраженном жесте. Она явно не привыкла получать

отказы. Повадками она больше напоминала принцессу, нежели наемницу, но Лилит прекрасно знала, как обманчиво первое впечатление.

— Для заказа? — поинтересовалась Лилит. — Или личное?

— Не для твоих ушей и глаз, — отрезала сульянка.

— Справедливо, — кивнула Лилит, и сползла по бортику чуть ниже. — Ты Афаа, так? Я про тебя слышала. При дворе работаешь?

— Ага, — сульянка окатила Лилит немного недовольным взглядом. Потом сказала разочарованно, будто подытоживая собственную мысль: — Жаль. Гиммик о тебе хорошо отзывался.

— Передам ему за это спасибо.

— Он такой один. Остальные говорят что ты бешеная сука и шлюха.

Лилит удовлетворенно улыбнулась. Афаа дернула бровью и поднялась на ноги, собираясь покидать бадью.

— Будешь позволять кому попало называть тебя, как им хочется — никогда не заслужишь уважения, — сказала она, оборачиваясь полотенцем.

— Приму к сведению. Увидимся, Афаа.

Сульянка издала губами причмокивающий звук, и питон, свернувшийся на влажных камнях в углу, приподнял голову и сонно пополз к выходу, следуя за хозяйкой. Как только дверь за ними закрылась, Лилит окунулась в бадью с головой и забулькала из-под воды залившимся смехом.

Нора действительно гудела. Довольно вяло и буднично, когда Лилит пришла туда, но расшевелить народ почти ничего не стоило. Послав за бардами и вывалив на стойку щедрую горстку юнов, Лилит объявила, что платит за все пойло в следующий час. Те, кто был достаточно жаден, прилично накидались к моменту, когда подоспели барды. Пляски стихийно образовались сами собой; лютнист драл глотку, отрабатывая свой гонорар, соджу плескалось из кружек и лилось на и без того мокрый и липкий пол. Когда слушок про гулянку облетел весь город, в нору набилось множество народу, знакомых и не знакомых Лилит. Дори подсуетился: организовал для народа трексиму и хайан, который продавал со стойки втридорога. Периодически Лилит подходила, и, широко улыбаясь, хлопала какого-то наемника по плечу и угощала порошком за свой счет.

Кругом смеялись, покрикивали, то и дело слышалась ругань и звуки переворачиваемой мебели. Каждый раз, когда доходило до драки, толпа бросала свои дела и разговоры и радостно вопила, стуча кружками по столам.

Лилит сидела в компании пятерых наемников, включая Дори. С одним из них — его звали Киро — она схлестнулась в споре на тему того, как работают рвотные рефлексy. Лилит ловко свела разговор к выпивке, и теперь подбивала его согласиться на спор. Сам спор был прост, как две чеканки: кто сблюет первым, тот платит триста юнов победившему. Три стопки были лишь затравкой, обещавшей легкую победу. Лилит покачивала корпусом, сидя на стуле, и смотрела на Киро вызывающе. Дори с нетерпением наблюдал. Видя, что наемник почти готов согласиться на спор — в нем разыграл нетрезвый азарт, которым Лилит умело дирижировала своей заносчивостью — Дори засуетился:

— Три стопки? Это куда годится, вашу мать? Моя бабка три стопки выпьет и не рыгнет, — он застучал по столу призывно, крича: — Пьют на спор! Доставай кошель!

Пусть и не сразу, но народ заинтересовался происходящим, когда на столе выросла

небольшая горка из наперстков, до краев наполненных желтоватой жидкостью. Кто-то задорно хлопнул Лилит по плечу, и она покачнулась, не оборачиваясь и не сводя глаз с Киро. На лице ее плясала дерзкая усмешка, а в наклоне головы был вызов. Кто-то закричал, подбадривая Киро:

— Ну-ка покажи северной девке, чтоб жопу со своих болот больше не казала!

— Охерел там?! — хрипло крикнула женщина из другого угла кабака. Судя по выговору, тоже северянка.

Дори вскочил на соседний стол и зычно свистнул пальцами, на корню пресекая конфликт на расовой почве:

— Три к одному на Киро! Ставки кончились! Ну-ка херачьте пойло, вашу мать! — весело крикнул он, затопав ногами.

Толпа мигом забыла про распри, как только Лилит и Кори схватились за первые стопки. Пьяные, обкуренные и нанюханые под завязку наемники орали невпопад и топали так, что стулья ходили ходуном. В какой-то момент Лилит облили соджу откуда-то сзади, но это не помешало ей продолжить хватать стопку за стопкой из общей кучи.

Резкий выдох, один глоток, вдох и выдох. Она не сводила глаз с Киро, наблюдая за тем, как увеличиваются паузы между каждой стопкой. Она притормозила, ожидая, когда он сдуется. Это произошло на восьмой стопке: он схватился было за девятую, насильно глотая, но желудок взял свое, и его обильно вырвало на стол, пол, собственную одежду и ботинки других наемников, сгрудившихся вокруг. С торжеством стукнув ладонью по сухой части стола, Лилит допила девятую стопку и издала победный вопль. Торжествующий Дори побежал шерстить по толпе, раздавая выигрыши. Он делал это с охотой и радостью, поскольку остался в огромном плюсе. Лилит сунула руку в карман, и растерла между пальцев грубый грязно белый порошок, после чего незаметным движением втерла его в десны. Она и сама была недалеко от того, чтобы отрубиться в собственной рвоте. К счастью, хайан снимал опьянение, и делал это быстро.

Получив пару поздравлений, тычков в плечо и медвежье объятие, Лилит подошла к Киро, который покачивал головой в разные стороны, явно постепенно покидая сам себя. Она наклонилась к нему и несильно хлопнула по щекам, привлекая к себе внимание.

— Триста юнов, — сказала она.

— Нахуй пошла...

Лилит крепко схватила его за волосы и крепко приложила о стол. Толпа одобрительно заулюлюкала. Видя, что нужный эффект не достигнут, Лилит повторила манипуляцию. Хайан начинал действовать, медленно наливая мышцы силой.

— Яйца отрежу, мразь, — она продолжала держать ослабшего Киро за черные космы.

Киро не отреагировал, и она отпустила хватку. Молча срезав с него кошель и заглянув в него, она фыркнула:

— У него нет трехста! Сучара наврал!

— Раздевай его! — поддакнул Дори откуда-то из глубины.

Дважды бандитов просить было не нужно: играюче они стянули с Киро все, что представляло мало-мальскую ценность. А этим было абсолютно все, кроме его заношенных и вонючих сапог. Киро оказывал слабые попытки сопротивляться, но их было недостаточно, чтобы остановить разошедшуюся толпу бандитов. Кто-то наподдал Киро по носу, и после этого неумолимого коня группового насилия было не остановить. Лилит отступила к стойке, наблюдая за тем, как народ веселится, избивая в стельку пьяного, беззащитного мужчину,

раздетого до портков.

— Шустро, Фиалочка! — довольно шепнул ей Дори, ловко проскакивая мимо нее на свое место за стойкой. Лилит бросила на стойку кошель.

— Четыреста, — сказала она, потирая лоб. От хайана сильно стучало сердце и ныли виски.

Дори довольно оскалился, щупая толстую кожу хорошего кошелька.

— Че бедняга тебе сделал? — спросил он, наблюдая за массовым избиением без капли сочувствия в глазах.

— Ничего, — пожала плечами Лилит. — Жертвенный козлик. Разнюхаемся?

— Разнюхаемся, — Дори с готовностью облокотился на стойку. — Хочешь вон ту дуру облапошить? Ты ее заболтай, а я сниму кошель, а?

Северянка с длинной русой косой затянулась из трубки и протянула ее Лилит. Они дышали свежим воздухом — и орамой — в подворотне недалеко от норы. От духоты и смеси дерьмовых запахов внутри крохотного кабачка со временем становилось дурно.

— Сожгли... — северянка медленно выдохнула дым. — Шестьдесят с чем-то хат? Большинство угорело внутри, кто-то выжил, но с такими ожогами, что лучше б нет, — она потерла румяные щеки. — Но это херня. Вот братишка у меня прикинь че удумал? Поехал в Пиргос, где этот, как его...

Лилит затянулась из трубки.

— Академия?

— Она, ага! Поехал туда и давай шерстить, гасить в подворотнях. Мокрит, потом тащит жмура к колдунам, а они ему за него чеканок. Поднялся нехило, дом купил...

— А нахера колдунам жмуры?

— Чтоб я знала! — фыркнула северянка и жестом попросила вернуть трубку. — Чета делают с ними, извращуги...

Лилит вытряхнула трубку, и встряхнула хвостом.

— Пошли в порту пошерстим? Скучно, — сказала она, потирая слегка красный от порошка нос.

— Погнали, — легко согласилась северянка. — Тя как?

— Лилит.

Северянка издала длинный смешок.

— Не любила ж ты мамка... Я Фийка.

Была глубокая ночь, и улицы почти пустовали. Поймав волну, они обе заливисто хохотали, идя разболтано и то и дело спотыкаясь о неровную брусчатку. Фийка агрессивно топнула ногой в сторону заглядевшегося на них мужчины. Тот вздрогнул, и Лилит расхохоталась.

— Знаешь Афиа? — спросила Лилит, когда они чуть успокоились.

— Эт которая без волос, со змеюкой?

— Ага.

— Слыхала чет. Колдунья какая вроде, из ниоткуда вылезла и сразу в шишках. К ней очереди стоят на ворожбу, взглядом может убить, говорят.

— Ага-ага-ага, — рассмеялась Лилит. — А я по ночам в ворону превращаюсь. Слушай их больше.

— Да ну нахер, с такими связываться. Слухи из ниоткуда не берутся.

— Слухи берутся из тупости и суеверий. Сбрила брови, иллюзию на глаза положила, питона на плечи повесила и все уже ссутся кипятком, даже выдумывать ничего не надо.

Фийка рассмеялась.

— Можт и так. А про тя болтают, что ты подстилка эльфийская.

— Да знаю, что болтают, — фыркнула Лилит. — Это их любимая байка. Я когда в банде ходила, болтали что со старшим трахаюсь. Быстро, типа, поднялась.

— Суки завидливые, — кивнула Фийка. — Девки особенно.

— Девок мало, — Лилит остановилась и окунула пальцы в хайан, после чего протянула щепотку Фийке. — Это мужикам обидно, что мы лучше них справляемся.

Они втерли порошок в десны и неспеша двинулись дальше.

— Про меня не болтают. Нечему завидовать, видать.

— А ты бросай своих дегродов и кончай шерстить по селам. Поработай в большом городе, сразу заболтают, — подмигнула ей Лилит. В глазах ее гулял эйфоричный блеск, а на лице плясала нетрезвая улыбка.

— Да ну... Гемор один в этих городах. Дегроды хоть спину прикрыть могут. К тому же нет-нет да на патруль святош нарвемся, тогда праздник!

Хохоча, они дошли до плавучей части города. В этот час порт был живее всех прочих районов: корабли отчаливали и причаливали круглосуточно, и кругом царила связанная с этим суета. Работа шла напополам с пьянством и весельем: пока одни матросы лапали хохочущих девок и лакали дешевое пойло, другие таскали ящики и сдавали накладные. Остановившись возле пары перевернутых шлюпок, накрытых рыболовными сетями, Фийка и Лилит огляделись.

— Видишь во-он тех уродцев? — Лилит указала на пару дурно одетых, бородатых мужчин. За пояса у них были заправлены боевые топоры. — Оренхайцы. Пираты. Пошли пристанем?

— Ты че, передознулась?

— Ссышь, а? Пошли говорю! — азартно ответила Лилит.

— Ну... — Фийка засомневалась, после чего сделала характерный жест рукой. Ослабившись, Лилит протянула ей щепотку порошка. Она растерла его по слизистой носа, после чего пошмыгала им и смахнула с глаз выступившие слезы. Когда она снова посмотрела на Лилит, взгляд ее был куда решительнее. — Ну давай. Хер с тобой.

По возвращению домой Варац долго отмокал в бадье. Он дважды поменял воду и трижды намылился, прежде чем остался удовлетворен результатом. Надев наскоро состряпанный свободный шелковый халат и подвязав отжатые локи на макушке, он провел руками по лицу и издал облегченный выдох.

Ничего он не желал сильнее, чем радоваться жизни. Впитывать мир, каждый проходящий миг, пропускать через себя все, что он может предложить, и преисполняться тем, что останется внутри. Он не был уверен, существовало ли это чувство, испытывал ли он его, или же оно ему просто приснилось. Когда так долго живешь, сложно все помнить. Иной раз казалось, что безразличие всегда было его близким спутником, просто с годами стало проявляться отчетливее. Он как сейчас помнил слова алхимика, продавшего ему Виталонгу:

— Помимо очевидных побочных эффектов... Имейте в виду, что процессы в вашем

организме останутся. Биологически вы не будете стареть. Эмоционально, впрочем... Многие, на кого зелье подействовало должным образом, не находят такую жизнь счастливой. Предупреждаю заранее.

Чародей усмехнулся сам себе, глядя на свое отражение в зеркале. Он открыл один из горшочков на туалетном столике и удостоверился, что крем еще не окончательно засох.

Многие вечера он провел так, в своей каждодневной рутине, намеренно окружая себя ритуалами и многочисленными будничными якорями, коллективная сила которых могла приземлить его неуемную натуру. Минимум импульсивности. Чем предсказуемее, тем лучше. Предсказуемость не вызывает сильных эмоций.

Сейчас же, впрочем...

Он провел рукой по задней стороне шеи, растирая по ней желтоватый крем.

Сейчас он, почему-то, не боялся того, что может произойти, если вдруг он их испытает. С годами в нем выросла усталость к попыткам себя связать. И теперь, после похищения, встречи с Лилит, сатори усталость превратилась в безразличие. Это едва ли можно было назвать жизнью. Скука, или... А так ли страшно это “или”?..

Внимание пиратов явно льстило Фийке. Оренхайцы не любили хрупкость, считая ее признаком слабости независимо от пола. Так что компания наемницы и бандитки пришлась им по вкусу, даже очень. В крови Лилит было столько веществ и алкоголя, что даже прикосновения уже не смущали ее, и она шла, пошатываясь, в обнимку с бородатым оренхайцем, от бороды которого густо пахло медом. Фийка увлеченно болтала со вторым пиратом, идя следом за ними. Лилит облизала пальцы с остатками белого порошка.

— Трезвею, — пожаловалась она. — И хайан кончился. Надеремся, а?

Дважды оренхайцев просить было не нужно.

— Виш тойм-вот груз? — один из них указал отрубленным куском пальца на груды бочек, ожидавших под присмотром интендант с большим расписным листом. — Сульянцев судно. Они всегда горелку возят.

— Гильдии посудина! — откликнулся второй, оторвавшись от Фийки. — У них всегда лучшее!

— Как понял, что гильдии? — заинтересовалась Лилит.

— У них на всех судах на гальюнах фигуры. И все трехпалубные. Выебываться они любят, сульянцы.

Корабль действительно был роскошный, хоть не сказать что новый, но свежеекрашенный и недавно отремонтированный. Носовая фигура изображала переднюю часть корпуса лошади, вставшей на дыбы. Рот коня был приоткрыт, будто в ржании, а на удивление детально вырезанная грива якобы развевалась на ветру. Вместо глаз у фигуры было два прозрачных красных камня, похожих на рубины, но явно слишком больших, чтобы таковыми являться.

— Кто пойдет? — спросила Лилит, мягко отпуская пирата из объятий. Тот пожал плечами и положил руку на рукоять топора, повернувшись лицом к коменданту. Лилит не стала его останавливать, и, налив в глаза побольше одобрительного восхищения, приняла позу ожидания. Хоть ее и тянуло почаровать и посмотреть, что выйдет, но понаблюдать за тем как работает оренхайский пират тоже было ничего развлечение. Правда, недолгое: лишь взглянув на подошедшего бородача, интендант тут же замахал руками, и Лилит не нужно было слышать, что он говорил. Разнообразных вариаций на тему “берите что хотите, только

не трогайте меня” она слышала предостаточно. Ей было любопытно, как поступит оренхаец, и тот заставил ее вздохнуть разочарованно: подцепив ящик, он пихнул интенданта рукой, и тот, потеряв равновесие, свалился в воду. Фийка расхохоталась.

— Ща разорется, — сказала она через смех. — Давайте-ка ноги сделаем, пока молчит.

Йюр — чернобородый пират, обнимавший ее — возмущенно гаркнул беззубым ртом в небо.

— Пущай орет, — сказал он с кровожадной усмешкой.

Лилит не одарила возвратившегося героя, тащащего ящик с гремящими бутылками, ни улыбкой, ни даже взглядом. Она задумчиво глядела на то, как интендант, кашляя, пытается взобраться на помостки.

— Вы идите, — сказала она, пощелкивая пальцами. — Я догоню.

— Куда ж мы без тебя, золотая? — осклабился рыжебородый с ящиком в руках. Он тряхнул им, призывно позванивая бутылками.

— Ну, можете остаться посмотреть, — усмехнулась Лилит, резко выходя из задумчивого состояния. — Если вам такое нравится.

Не дожидаясь дальнейшей реакции, она направилась к интенданту, который кое-как подтянулся на руках и вывалился-таки на причал, откашливая воду. Лилит подошла к нему и бесцеремонно схватила кипу бумажек, лежавших рядом с ним на бочке, скрутила ее и сунула в карман.

— Это накладные! Просто накладные! — интендант поднялся на дрожащих коленях. Его негустые волосы степенно лысеющего человека облепили округлую голову, а мантия, напоминая жреческую, висла на теле мокрой тряпкой. Лилит посмотрела сквозь него. Она была сосредоточена — хайан еще не до конца отпустил, и мыслила она вполне ясно, хоть и немного сбивчиво. Она тихо, продолжительно свистнула, и прислушалась. Потом перевела взгляд на интенданта.

— Кто капитан корабля? — спросила она холодно, для наглядности берясь за рукоять хэйя.

— Корр, ансан Корр, — выпалил интендант.

— Ты единственный интендант?

Тот часто закивал.

— Копии есть? — она кивком указала на накладные.

Он чуть замешкался, но Лилит уже прочла ответ во взгляде, который интендант стремительно отвел в сторону.

— Непредусмотрительно. Не ожидала от сульянцев, — она разочарованно цокнула языком, сделала быстрый шаг к интенданту, и обняла его одной рукой. Второй она медленно вогнала нож с узким лезвием ему в грудь. Интендант задрожал, смотря на нее с ужасом во взгляде. Его колени медленно подкосились. Лилит аккуратно подхватила его, и уложила на древесный настил.

— Человеку плохо! — крикнула она, быстро отходя назад к пиратам и сливаясь с толпой.

Она тихо свистнула, проходя мимо своих спутников, и они подхватили ее легкий, быстрый шаг. Откуда-то сзади слышались первые крики людей, обнаруживших умирающего интенданта.

— Знакомый чтоль? — заинтересовалась Фийка, равняясь с Лилит.

— Не-а. Впервые вижу.

— И че ты его?

— А что за гулянка без поножовщины? Пошли в нору ныкаться, пока свиньи порт чесать не начали.

Они свернули на узкую улицу, и слегка замедлились. Пираты радостно загорланили что-то на оренхайском, потряхивая трофейным ящиком. Лилит и Фийка, не знавшие слов, просто подтягивали гласные. Нестройно горлая, они месили ногами грязь вдоль узких улочек, направляясь вглубь города.

Хоть дело и клонилось к утру, в норе все еще было приличное количество народу. Одна из компаний стояла у выхода, громко споря о чем-то с Дори.

— Мыши гребаные, вы его закололи вы его и уносите! — увещевал их аньянгец. Посмотрев на пьяные северные морды, Лилит быстро поняла, в чем дело. Обратив к ней взгляд, Дори взмолился: — Фиалочка, твою мать, объясни этим хуепуталам северным, что у нас есть правила!

— Как ты вообще без меня живешь, Дори? — спросила Лилит весело, поворачиваясь к северянам и переходя на всеобщий: — Он говорит трупак забрать.

Услышав знакомый язык, трое северян сначала возрадовались, а затем резко возмутились:

— И че нам с ним делать? Мы за пойло платили!

— Ты че, сука, — процедила Фийка. — Позорить меня удумал?! Быстро забрали жмура, дегроды, ща нахер всыплю так что мать забудете!

— А-а, так это твой? — прыснула Лилит. — Тогда сама разбирайся, мамуль.

— Фий, ты че? Под этого узкоглазого постелишься? — возмутился молодой и носатый юноша с чуть перекошенным лицом. Без разговоров и предупреждения, красная от гнева, Фийка с размаху дала ему кулаком по гортани, и юноша отшатнулся, силясь вдохнуть. Пираты расхохотались, а бандиты Фий подхватили своего друга, помогая ему устоять на ногах.

— Быстро, сучьи дети, забрали жмура, — сплюнула Фийка и посмотрела на них злобно. — Если узнаю что вы всю выручку пропили пиздец всем троим, ясно?

Пока недовольно поглядывающие на свою атаманшу бандиты вытаскивали из норы исколотый труп, из глаза которого торчала палочка для еды, Лилит негромко обратилась к довольному исходом Дори:

— Как там наши юночки?

Бросив быстрый взгляд на прилипшего к ней крупного оренхайца, Дори оскалился:

— Тысяча с небольшим. Скоро барыга придет. Дозаправимся?

— Обязательно. Только сначала скажешь, сколько на самом деле.

— Все те скажи! — передразнил ее Дори, потом махнул рукой. — Добрый я седня. Тринадцать сотен, ровнехонько.

— Хорош, Дори, — Лилит протянула ему кулак, и аньянгец отбил.

— Че балакаете? Заливаться будем? — оренхаец потряхнул ящиком.

— О чем разговор! — Лилит жестом попросила Дори отодвинуться и сделала шаг внутрь. В норе душно пахло полуиспарившимся соджу, рвотой и полусотней пьяных наемников. Бард покачивался на стуле, теребя струны лютни. Судя по отсутствующей радужке глаза, его по самые уши заправили трексимой. Было тише, чем когда Лилит и Фийка ушли.

Они заняли большой круглый стол, водрузив ящик посередине. Лилит потянулась к нему и вынула одну из пузатых бутылок. Не без труда вытащив пробку крепкими белыми зубами, она стукнула доньшком по столу:

— За вас, уроды и душегубы!

— За безбедную старость! — подхватила Фийка.

— За жизнь без цинги! — расхохотался Дори, присаживаясь на край стола и беря в руки другую бутылку. Он нагло пользовался тем, что беззубые оренхайцы явно не говорили по-аньянги.

Лилит повернулась к молодому барду с отсутствующей ступней и перебросила ему бутылку, подкатившуюся к его ногам.

— За свободное искусство! — тот хохотнул и тренькнул лютней в ответ, подбирая под себя напиток здоровой ногой.

— За баб! — подхватил кто-то из глубины таверны. Лилит призывно помахала рукой, указывая на ящик.

— За чистую и гладкую...

— Задницу!

По норе волной прошел гогот. Поймав нарастающую волну оживления среди подуставших от кутежа бандитов, бард заиграл бодрое вступление. Кто-то шумно затопал в ритм. Остальные постепенно подхватили, и отдельные выкрики затянувшегося тоста потонули в стуке ступней по хлипкому деревянному полу. Бутылки покидали ящик одна за одной, и даже пираты делились охотнее обычного, повинувшись общей братской атмосфере.

Были пляски, драки, фекка, трексима, хайан, множество глупых споров, криков, смеха и слез. Слова, люди, прикосновения — все смешивалось в одну длинную, разноцветную вереницу, проносящуюся перед глазами Лилит. Тело потеряло всякую чувствительность к боли и касаниям, и она не чувствовала ничего, когда ее прижимали к себе и целовали, или кружили в танце, или били по щекам. В какой-то момент все замерло, и она увидела каждую деталь, до этого прячущуюся в размытой веренице наркотического кайфа. Каждая пылинка, каждая пора на лицах, плесень на потолке, смотрящая на нее рубцеватыми черными пятнами: она ощутила себя внутри пространства, внутри мира. Она ощутила, как много в себе несет вдыхаемый кислород — всю их беспечность, весь гротеск каждого проходящего момента, весь фаталистичный задор... Все, чем пах воздух, пропитывало ее, проходило насквозь и возвращалось в мир. Она могла взять из него что угодно, что захочется, и брала самое сладкое, самое вкусное, что тот мог предложить.

Мир жил через нее. Он умещался в ней так же, как она умещалась в нем. Она, такая маленькая, незначительная, меняла его каждым своим вздохом. Лилит перебирала пальцами, наслаждаясь чувством, для которого забыла название. Она изогнулась назад, гибко и плавно вставая на руки, и услышала в голове: “принимай и отпускай, каин”.

— Жаль что так вышло, ребят, — Лилит передала пиратам трубку. — Я-то надеялась сама вам члены отрезать.

Пираты загоготали.

— Херня, — убежденно сказал чернобородый. — Пока остальные чуть не сельдь трахают, мы думаем о высоком.

— О денежках, — хмыкнул рыжебородый.

— Разумно! Гудеть умеете, мое уважение. Куда дальше идете?

— Вокруг Островов покругим, — чернобородый затянулся, медленно втягивая дым. — Можт на берег налетим. А можт просто купцов пожмем на воде. Как кэп скажет.

Лилит посмотрела на солнце, клонившееся к закату. Она не была уверена, сколько дней прошло. Голова у нее гудела уже довольно давно.

— В порту долго еще? У меня для вас, может, наводка будет.

— Да хер знает, — пожал плечами рыжебородый. — Найдешь если че.

— Найду, — она сделала большой глоток. — Я пошла. Фий передайте привет, когда проснется.

— Добро!

Лилит послала пиратам поцелуй, помахала, напоследок выкрикнула что-то нецензурное, и покинула переулочек, направившись в сторону трущоб.

Постепенно с тем, как в ее разум прокрадывалась трезвость, она все сильнее чувствовала усталость. Лилит снюхала с ногтя небольшое количество трексимы — ровно столько, чтобы отогнать сонливость.

Подняв глаза на знакомый балкон, Лилит остановилась, слегка покачиваясь. Она не была уверена, как лучше поступить: орать под ним серенаду или сразу залезть через крышу. К счастью, решать не пришлось: пока она думала, Варац сам показался из студии с портсигаром в руках. На лице его было мрачное выражение, но Лилит это не сильно заботило. Она тихонько свистнула и махнула в воздухе бутылкой, привлекая к себе внимание чародея. Варац облокотился на перила.

— Жива, а? — спросил он с угрюмой усмешкой.

— Не уверена, каким образом, — весело кивнула Лилит, прислоняясь к стенке. — У меня вместо крови уже сплошное дешевое бухло. Орамы хочешь?

Варац неторопливо извлек из портсигара крученку. До Лилит донесся запах меда и гвоздики.

— Я не один, — коротко сказал он.

— О-о! — протянула Лилит. — А мне вот не повезло сегодня.

Она приподняла бутылку к небу, произнося молчаливый тост безвременно ушедшим пиратским причиндалам. Варац посмотрел на нее задумчиво.

— Безоговорочное доверие еще в силе?

— А как же.

Он чуть повернул голову в сторону студии, потом коротко кивнул:

— Заходи. Первая дверь налево.

Лилит расхохоталась и направилась ко входу, вертя в искусственно разогнанной голове вереницу заготовленных шуток.

Сакусэ быстро освоилась в городе.

Она покидала пределы крупной плавучей таверны лишь по вечерам, и только в компании Минг. Показывать фокусы за пределами комнаты Минг запрещала, и девочку это расстраивало. Этим вечером они спокойно ели за угловым столиком, и Сакусэ пыхтела и высывала язык от усердия, воюя с куайцзы. Прежде ей не приходилось есть палочками, да и рис был для нее в новинку. Минг настрого запретила есть руками, и пристально следила, чтобы Сакусэ не нарушала запрета.

— Минг, а Лилит сегодня придет?

— Скорее всего нет, — отвечала кицунэ, отправляя в рот кусок рыбы.

— Почему?

— Потому что.

Девочка утерла нос рукавом.

— А мы гулять пойдём?

— Пойдём. Когда доешь.

Сакусэ шумно выдохнула, болтая ногами. Количество риса в её миске уменьшалось удручающе медленно. Она повернула голову, когда услышала тихие всхлипы за соседним столом. Плакал мальчик возрастом чуть старше нее. Рядом с ним сидел взрослый мужчина, и еще один, держащий подмышкой шлем с перьями, стоял возле стола. Очень, очень прямо.

— Ну хоть что-то вы можете сделать?! — воскликнул мужчина.

— Мы делаем все, что в наших силах, аджосси, — ответил человек со шлемом, чуть склоняя голову.

— Недостаточно! — мужчина стукнул кулаком по столу. — Недостаточно! Два дня ни вести!

— Аджосси, — человек стрельнул глазами, указывая на мальчика. Мужчина повернулся к ребенку и заботливо коснулся его плеча.

— Тише, Юнги. Ее найдут, и все будет хорошо. Дай нам поговорить? Иди... — он обвел таверну беспокойным взглядом и остановил его на Сакусэ. — Иди познакомься с девочкой. Расскажешь ей про самураев, а?

Мальчик чуть успокоился и неуверенно посмотрел на Сакусэ. Девочка неловко улыбнулась и помахала ему. Он нерешительно подошел, глядя в пол.

— Ты чего грустный? — девочка подвинула ему стул.

Он утер слезу и шмыгнул носом.

— Мама пропала. За капустой ходила, и... — его губы резко задрожали, а голос сорвался. Сакусэ встрепенулась.

— Ой, как жаль! Но ее же найдут, да? Тот дядя наверняка следы читать умеет! — она кивнула в сторону мужчины со шлемом. — Если бы не умел, ему бы никто не дал такой красивый шлем!

Мальчик посмотрел на нее с надеждой.

— Думаешь?

— Да точно! — закивала Сакусэ энергично. — Это Минг! Она...

— Старшая сестра, — перебила ее кицунэ. — Мы в городе проездом.

— А-а... — протянул мальчик. — А мы тут живем. Мой папа историк!

Сакусэ не знала, что это значит, но кивнула с серьезным выражением лица. Ей очень не хотелось обидеть мальчика.

— Расскажи про город! — она положила локти на стол. — Откуда вы тут еду берете? Я ни одного дерева не видела!

Пока дети болтали, Минг, опустив глаза в тарелку, чутко прислушивалась к разговору мужчины и стражника. Они говорили негромко, но острый лисий слух ловил каждое слово:

— Аджосси, мне тяжело это говорить, но из уважения к вам и вашей семье... Не думаю, что нам удастся найти аджумму. В последние несколько дней в городе были убийства, и...

— Не смейте, — угрожающе начал мужчина. — Не смейте лишать меня надежды! Так вы служите императору и людям? Как у вас наглости хватает...

Стражник склонил голову.

— Простите нижайше, аджосси. Мы делаем все, что в наших силах.

— Что за уроды... — он схватился руками за лицо. Голос его подрагивал от едва сдерживаемых рыданий изможденного человека, два дня не находившего себе места. — Что за нелюди... Я не понимаю, капитан, я не понимаю как подобные мрази могут ходить среди нас, по той же самой земле...

— Я тоже не понимаю, аджосси, — мрачно кивнул капитан стражи. — У них нет души, сердца и чести. Будь моя воля, я бы лично казнил всех до единого. Честным людям бы спалось спокойнее.

Мужчина провел руками по лицу.

— Прошу вас... Не жалейте людей. Я все возьму. Если найдете ее, я все возьму, клянусь первородным пламенем...

— Это наш долг, — капитан почтительно, неглубоко поклонился. — Разрешите я вернусь к работе, аджосси. Отдохните, если сможете. Если мы что-то узнаем, вам тут же отправят гонца.

— Разумеется, разумеется... — мужчина приподнялся и отвесил капитану дежурный церемониальный поклон. Повторно поклонившись в ответ, стражник покинул таверну. Минг посмотрела на детей.

— А еще есть выделенный квартал, там кожевенники работают... — рассказывал Юнги с энтузиазмом кивающей Сакусэ. Он немного отвлекся и повеселел. Обернувшись на сына, мужчина бледно улыбнулся, но в глазах его была нескончаемая, плохо скрываемая боль, лицо было бледно, а под глазами пролегли заметные синие круги. Минг легко помахала ему рукой, и он кивнул ей в ответ, приняв этот жест вежливости за жест сочувствия.

Лилит приоткрыла дверь и заглянула в студию. Первым, что моментально привлекло ее внимание, была крупная скульптура, формой напоминавшая... нечто. Она была сделана из полос темного металла, закручивающихся каждая вокруг своей оси, сходящихся и расходящихся в разных местах. Скульптура была массивной, грузной, и смотрела прямо на Лилит двумя темными рубинами. Ошарашенная, та замерла на месте.

— Если долго на него смотреть, он высосет твою душу, — с усмешкой сказал Варац, появляясь в другом конце комнаты и облакачиваясь на дверной косяк.

— Это так... — Лилит не могла найти нужных слов.

— Жутко, вызываяще, умопомрачительно красиво?

— Это... — она раскинула руки, размашисто взмахнув полупустой бутылкой. — Так!

— Достойная похвала и отличительная критика, — чародей провел рукой по лицу в усталом жесте. — Лилит, у меня в комнате труп.

— Ага, — кивнула она в ответ, осмеливаясь сделать шаг по направлению к скульптуре. Лилит не сводила с нее глаз, замороженная противоречивыми чувствами, которые в ней вызывало произведение. — Чей?

— Чтоб я знал, — пожал плечами Варац, потом покосился на скульптуру. — Ты залезть на нее, что ли, удумала?

Лилит покачала головой, округлив глаза.

— Я... — она напряженно прошла по комнате полукругом, огибая скульптуру. — Пойдем лучше к трупу.

За аркой находилась небольшая спальня с высокой кроватью, заправленной кремовыми простынями. Плотные занавески синего бархата, туалетный столик в углу да грузный платяной шкаф — вот и все убранство. В правой части комнаты была стойка с простеньким

алхимическим оборудованием, а над ней висел прозрачный сервант, в котором виднелись многочисленные мешочки и грязные склянки, наполненные жидкостями. Заинтересовавшись, Лилит подошла к стойке и крутанула ручную центрифугу. Та отозвалась тихим щелканьем, мягко провернувшись вокруг своей оси; ее явно часто использовали.

Стукнув ногтем по перегонному кубу, Лилит сделала большой глоток из бутылки и повернула голову. На стоящей по центру комнаты кровати было раскинуто женское тело. Судя по закатанным глазам и слегка посиневшей коже, мертвое, но крови видно не было. Лилит подошла ближе. Это была аньянгка средних лет, конвенционально красивая и привлекательная. Пучок на затылке растрепался, рот был плотно закрыт. Женщина была одета в расшитое гойгуб на голое тело, запахнутый на манер халата.

— Уважаемый чародей, — Лилит полезла в карман за трексимой. — Кто ж убивает у себя в доме?

— Ответ на твой вопрос содержится в вопросе. Уважаемые люди. Которые ценят комфорт и удобство, — Варац вытянул шею, смотря на цвет порошка на ее пальцах. — Еще что-то есть кроме скорости?

— Орама. Будешь?

Чародей призывно подвигал тонкими пальцами, и Лилит протянула ему небольшой мешочек с травой, после чего вернулась к изучению трупа. Она взяла женщину за кисть, желая проверить гибкость суставов. Те пока исправно гнулись.

— Она тебе нужна зачем-то?

— Была недавно, — Варац раскрыл одну из своих крученок и добавил к табаку щепотку орамы. — Если ты про тело, то нет. Что я, извращенец по-твоему?

— По-моему еще какой, — расхохоталась Лилит. — Мне вот северянка сказала, что в Пиргосе за мертвые тела платят.

— Для уроков по анатомии и на ингредиенты. Если в тебе не проснулась внезапная тяга к знаниям, то мне от ее тела никакого проку.

— Тогда надо выкинуть, пока не окоченело. Потом замучаемся.

— Может хоть темноты дожждаться? — Варац лизнул бумажку.

— Я тебя умоляю, — Лилит вздохнула, глядя на трексиму в собственной руке. — Без хайана тут не справимся, пожалуй.

Стряхнув желтоватый порошок, она полезла в другой карман.

— Ты два дня карманы наркотой набивала?

— Я два дня себя наркотой набивала. В карманах это так, что просыпалось, — она занюхала немалое на вид количество грязно-белого порошка. — Я гуляю редко, уважаемый чародей. Но когда гуляю, то уж с концами.

Варац опустил на пол и подкурил разбавленную орамой крученку.

— Новости есть?

— Полно, дорогуша, — Лилит несильно тряхнула рукой, проверяя степень напряжения мышц. — С удовольствием введу тебя в курс всего, как только с этим разберусь.

Она снова посмотрела на женщину, голова которой свешивалась с края кровати.

— Замужняя, искать будут. Как умерла?

— Яд.

— Как элегантно! — ехидно ответила Лилит. — Раны есть?

— Нет.

— Волшебно. Бросим в переулке, одетую, опрятную, недалеко от рынка, сверху кинем

продуктов...

— План изумителен, только если ее кто-то хватился, это должно было произойти пару дней назад, — зрочки Вараца начали заметно пульсировать.

Лилит расхохоталась в голос.

— Ты с ней тут два дня игрался? Какой скандал! Ну... Тогда каналы. И надеяться, что крысы съедят все, по чему ее можно будет опознать. Звучу, м?

Варац кивнул.

— Веселее, дорогуша! — Лилит бодро подскочила на ноги и стащила тело на пол, взявшись за простыню.

— Сульянский шелк! — возопил чародей возмущенно.

— Был. А теперь — обертка, — Лилит ловко закатала тело в простыню.

Варац тяжело вздохнул, обращая глаза к потолку.

— Три дня работал, а она их как мешок использует. Помилуйте меня грешного!

Он присоединился, помогая плотнее завернуть труп. Лилит связала края простыни и забросила тело на плечи. Варац поправил вылезшую ногу.

— Тут сиди, — сказала она после того, как чародей открыл ей дверь. — Готовь свое красное сульянское. Если еще осталось.

Чародей сменил постельное белье, наскоро ополоснулся в бадье и переоделся. Орама действовала на него успокаивающе, и он даже пришел в приятное расположение духа. Входная дверь чуть скрипнула. Лилит снова замерла на полпути внутрь студии, встретившись взглядом со скульптурой.

— Варац?..

— Бесстрашная наемница? — отозвался он, сдувая пыль с декантера. — Ты же не боишься моей дурацкой поделки?

Лилит прошла внутрь осторожными, мягкими шагами. Когда ее голова просунулась в спальню, Варац не удержался от смеха. У нее был совершенно дикий взгляд, а глаза чуть не вылезали из орбит.

— Обычно не я говорю эти слова, — Варац отставил декантер и взял ступку с пестиком. — Но по-моему тебе не мешает поспать.

Лилит потрясла головой. Ее веки и губы шли мелкой, незаметной для глаза дрожью.

— Вероятно, — согласилась она после паузы. — Есть что-то, что поможет от отходняков?

— Ну, поможет... — Варац приоткрыл сервант и пристально изучил его содержимое. — Немного, разве что.

— Давай, — Лилит присела на кровать. Та промялась под ней, почти не создавая сопротивления, и Лилит подпрыгнула от неожиданности. — Твоя студия хочет моей смерти, — заявила она убежденно.

— Потому что в ней стоит мягкая кровать? — улыбнулся чародей. — И скульптура?

— Именно! — Лилит заползла на кровать, скинув туфли. Чуть поерзав, она немного успокоилась. — А вообще ничего. Уютно.

Варац разжег горелку и застучал каменной ступкой, что-то в ней расталкивая.

— Ну? Давай свои новости, — напомнил он, откусывая от мешочка печать.

— А? А, да, — Лилит откинулась на подушки, на глазах сживаясь с плотоядной кроватью. — Простите меня, пастырь, ибо я согрешила...

— Не обязательно каждый раз с этого начинать. Для того клейма и придумали. Чтоб время экономить.

— Я надралась в хлам, нанюхалась до чертиков и убила ни в чем не повинного интенданта. Еще я... украла веер, пробила бочку в таверне, и бог знает что еще. Но из всех моих шалостей, — она потянулась и широко зевнула. — Убийство хотя бы имело смысл. Наверное.

Лилит перевернулась и свесила голову с края кровати.

— Урожайные деньки, — заметила она. — Целых три тела. И это только те, которые я встретила. Держу пари, были еще. Я всю шваль города наркотой накачала, такие вещи бесследно не проходят...

— Это так, хочешь сказать, гуляют наемники? — спросил Варац, косясь на нее с насмешливым скепсисом.

— Так у нас никто с головой не дружит, — фыркнула Лилит. — А тут мы, благодетели, с бесплатной наркотой и краденой выпивкой. Конечно будет буза, а ты как думал?

Варац хмыкнул, продувая колбу из толстого стекла.

— И в чем был план?

Лилит издала смешок.

— Наши старые с Дори схемы. Подставные споры, договорные барыги... Вложились шестьсот напополам, подняли восемнадцать...

— Какой скандал. Среди вашего брата хоть у кого-то водится пара извилин? Или хотя бы нюх на разводилово?

— О, нюх есть! За кошельки держатся только так, особенно при виде Дори. Жадность их и губит — от халявы не могут отказаться. А когда в тебе несколько оболочек разбавленной трексимы, глазки начинают разбегаться...

— Бесчестное мелкое мошенничество, — покачал головой Варац, расчехляя разочарованный тон. — Я-то надеялся, ты птица высокого полета.

— Уж повыше твоего. Кстати о коротышках. Ко мне сульянка приходила, из наших. Шишка. Тебя разыскивала.

Чародей, не меняясь в лице, залил растолченные травы водой и включил горелку. Почти сразу в комнате душисто запахло сушеными соцветиями и маслянистыми испарениями. Не дождавшись реакции, Лилит продолжила:

— Деликатное дело, сказала.

Варац встретил ее пристальный взгляд.

— У сульянок ко мне особые счета. Никак не связанные с тобой и нашими новыми высокородными друзьями, — спокойно сказал он.

Лилит легко отступила, решив не давить.

— Я устала, — она глубже зарылась в мягкую кровать. — Что там твоя микстура?

Варац снял колбу с огня и перелил отвар в глиняную чашку с толстыми стенками и протянул ее Лилит.

— Выбьет хайан и трексиму. Быстро поклонит в сон. Спать будешь долго и крепко. Если повезет, проснешься уже после отходняков, — он наклонил голову влево и вправо, разминая шею.

Лилит присела, и, зажав нос, разом проглотила маслянистый отвар. Алхимические снадобья нужно было пить быстро, стараясь не чувствовать запаха и вкуса. Не дожидаясь эффекта и не спрашивая разрешения, она заползла под мягкую перину прямо в одежде и

зарылась носом в подушку, закрыв глаза. Ее все еще легонько потряхивало от обилия веществ в организме, но изможденное тело, почувствовавшее нежность одеял, успокаивающий аромат травяных запахов и теплоту выпитого снадобья, почти сразу провалилось в сон. Варац шумно втянул ноздрями воздух и окунул лицо в ладони. Постояв так немного, вскоре он покинул студию, ничего с собой не взяв.

Рука продолжала отмирать. Лилит уже почти не могла шевелить пальцами, и при прикосновении к коже с нее осыпались черные ороговевшие пластинки. Это было первым, что она засвидетельствовала в мире, открыв глаза и попытавшись протереть их правой рукой.

Внутри она не ощущала ничего, кроме полного безразличия к этому факту. И всем прочим. Это была не беспечность, с которой она привыкла смотреть на мир, а совершенно ровное, мертвое ничто, серое и бесконечное. Похожим образом она чувствовала себя, когда проснулась на краю червоточины.

— Не имел шанса поинтересоваться, — Варац просунул голову в спальню. — Уважает ли кирья кофе по утрам.

Посмотрев в сторону балкона и обнаружив за ним непрогляную ночную тьму, Лилит осоловело моргнула.

— Утро, дорогуша, наступает когда ты просыпаешься, — пояснил Варац. — Впрочем, кофе у меня все равно нет. Есть вино. Желаете?

— С утра? — Лилит протерла глаза.

— Какого утра? Полночь на дворе! — фыркнул Варац и исчез в глубине студии. Лилит присела и глубоко вдохнула, втянув ноздрями аромат букета сухих летних трав. Со стороны столика доносился более сочный запах, мягкий и свежий. Еще пахло деревом, смолистым и влажным. С улицы через приоткрытый балкон доносился запах сточных каналов, цветущей вишни и переспелых фруктов.

Пели сверчки. Едва слышно, издалека. Кто-то шумно разговаривал на улице, и их ругань сливалась в одно длинное однотонное бормотание. На нижнем этаже грузно ходили, и под кем-то жалобно поскрипывали доски. Заплакал младенец, кажется, в соседнем доме. Лилит откинула простыню, слушая ее шуршание, и свесила ноги с кровати.

Пол был теплым и нешлифованным. Дешевое дерево, какое стелят в самых замызганных кабаках. Его неровности и сучки гладили пальцы ее ног. Ладони опирались на перину — самую мягкую, к какой Лилит доводилось прикасаться. Это чем-то напоминало объятия, только без необходимости прикасаться к другому человеку. Покидать постель не хотелось.

Свет был мягким и ненавязчивым, теплым, оранжевым. Лилит обвела глазами комнату. Доски возле лаборатории были затерты, будто там часто ходили, рядом со столиком на полу виднелись дугообразные следы от ножек стула, часто отодвигаемого. Зеркало было чистым лишь на первый взгляд: в труднодоступных углах рамы были мелкие засохшие брызги от чего-то косметического. Шкатулка на столике стояла явно только для вида: многочисленные браслеты и перстни переполняли ее и их гора вырастала далеко за скромные пределы резного деревянного ящичка.

Ощущение себя в настоящем моменте постепенно вытеснило беспокойные, тревожные мысли. Лилит издала едва слышимый облегченный вздох.

Варац показался на пороге с кульком. Густо запахло выпечкой, и Лилит сглотнула

слюну. Чародей покачивал свертком, дразнясь, и взгляд его горел злорадным весельем.

— Выглядишь сносно, — сказал он. — Два дня трексимы и хайана, держу пари, ты колоска во рту не держала все это время. Я прав?

— Угу, — Лилит осторожно встала на ноги.

— А с учетом того, — продолжал чародей насмешливо. — Что до этого мы с пару лун были на полевой кухне, ты, поди, убить готова за мясной пирог?

— Я от этого недалеко, к слову, — сказала Лилит, угрюмо поглядывая на него.

— Ну зачем же сразу и про насилие, дорогуша? — ужаснулся Варац. — Давай лучше про доброе и чистое, м? Особенно про чистое, — он кивнул на ее не самую свежую одежду. — Помоешься, и, так уж и быть, можешь поесть. Бадью я нагрел.

— Сволота лохматая, — выругалась Лилит. Варац удовлетворенно рассмеялся, добившись от нее желаемой реакции.

Испытав на себе необходимость говорить, Лилит почувствовала, что на внутренних сторонах ее щек нет живого места. Язык был искусан, ранки на деснах саднили и противно ныли, напоминая о недавних наркотических приключениях.

— Челюсть болит? — заинтересовался Варац, наблюдая за тем, как Лилит закрывает и открывает рот. Та коротко кивнула, направившись к выходу из спальни. Варац пропустил ее, элегантно взмахнув рукой, и замер в предвкушении. Посмотрев на него недоверчиво, Лилит вышла из комнаты, и тут же по студии пронесся ее короткий, хриплый крик. Варац зашелся истерическим хохотом.

— Вот вообще ни разу не смешно, — сказала Лилит недовольно, спешно проходя к умывальне мимо скульптуры, которую Варац заботливо подвинул вплотную ко входу, пока она спала. Чародей всеми силами опровергал ее заявление, продолжив гоготать, пока снизу недовольно не постучали. Пару раз топнув в ответ, он, придерживаясь за живот, поставил пирог на столик и принялся шарить по карманам в поисках портсигара.

Чувствуя себя ослабшей и сонной, Лилит была не в настроении наслаждаться теплой ванной. Она двигалась вяло и уставше, будто не проспала почти полный оборот солнца и луны. Надев шелковый халат через голову, Лилит задержала взгляд на другом предмете гардероба, подготовленном для нее чародеем: паре легких перчаток. Почему-то эта простая деталь заставила ее замереть под гнетом внезапно нависшей неизбежности. Чувство обреченности просунуло длинный ноготь меж полузакрытых створок дверей ее разума и, распахнув их небрежным щелчком, по-хозяйски шагнуло внутрь.

Это все? Все, что она теперь может — носить на себе куски ткани, прикрывая свою заживо гниющую плоть? Улыбаться, смеяться, работать, пока неведомая дрянь пожирает ее заживо?

Работать.

Лилит попробовала пошевелить пальцами. Верхняя фаланга уже не сгибалась, а сами пальцы истончились и сильно похудели. Суставы шумно скрипели друг о друга, а потемневшая кожа натягивалась на выпирающих костях. Лилит медленно натянула перчатку.

Вера всегда казалась ей тростью, помогающей просыпаться каждое утро, проживать нелегкий день и засыпать в некоем подобии покоя. Что-то неизменное, названное вечным и непостижимым, что расширяло твой горизонт, и давало перспективу. Давало способность видеть свою жизнь чуть менее важной и значимой, позволяло ощутить трепет перед чем-то большим. Почувствовать благоговение.

И верить, что ты состоишь не только из мяса. Что когда мясо разложится, от тебя еще

что-то останется.

Лилит никогда не верила по-настоящему. Ей не нужно было опираться на трость, чтобы просто жить. Она не хотела позволять богам решать за себя и навязывать себе моральные компасы. Если чему-то в жизни она и была слепо предана, так это своей работе. Планирование было ее молитвой, исполнение — ее богослужением. Оплата и довольный заказчик были ответом ее божества, которое одаривало ее неземным чувством собственного величия. Она становилась выше нужд быть любимой и принятой. Она возносилась и сама становилась богом, имеющим власть давать и забирать, и не нуждающимся ни в чем.

Она была наемницей. До мозга костей, до самых глубоких недр нутра, наемницей. Все на свете было для нее ресурсом, все, что она находила важным, все, что откликалось внутри, так или иначе было связано с ее работой. Она не хотела быть чем-то еще, не могла быть чем-то еще. Лишь работа заставляла ее просыпаться каждое утро, проживать свой день и засыпать. Лишь работа делала ее самой собой.

Страх настойчиво ломился в двери вслед за обреченностью. И каждый его стук отдавался в голове Лилит вопросом:

Если наемник не сможет держать меч, что от него останется?

Варац закатил глаза, стоило ему взглянуть на выражение лица Лилит.

— Что теперь? — устало спросил он, снимая печать с бутылки.

Лилит медленно подошла к балкону.

— Дай крученку, — попросила она, приобняв себя одной рукой.

Варац элегантно щелкнул легко поддавшимся замком, и протянул ей портсигар. Лилит поднесла крученку к носу и вдохнула запах меда и гвоздики.

— Отвар так пах, — сказала она тоном удивленного узнавания. — Когда болели в детстве, нам его давали.

— М? — Варац отвлекся от откупоривания. — А, да. Наверное. Я не помню.

— Я тоже не помнила, — она задумчиво провела рукой по волосам, наткнувшись на два грубых нароста на голове. — Еще была вишневая настойка... У нас летом всегда много вишни спело. Больше, чем забирала церковь.

Варац поднял глаза к потолку.

— Не-а, не помню, — пробка громко щелкнула, покидая горлышко. — И слава богу. Нет ничего более печального, чем ностальгия.

Лилит внутренне вздрогнула при этих словах.

— Ностальгия — это попытка заполнить пустоту, — сказала она.

— Ага. В голове. Там, где должен быть мозг, — Варац понюхал вино, удовлетворенно кивнул и принялся медленно переливать его в декантер. Поднялся сухой, терпкий запах. — И умение наслаждаться жизнью.

— Наверное, — безразлично ответила Лилит.

Дав вину время подышать, Варац налил им по бокалу. Глядя на рубинового цвета жидкость, покорно принимающую форму сосуда, Лилит остро ощутила то, чего никогда не ощущала раньше. Лучше всего это чувство описывали ее собственные слова, которые она сказала Окри тогда, на корабле: “не по себе”. Она знала это чувство по растерянным глазам и чуть вздернутым бровям собеседника, неуверенности в движениях и ищущих руках, легко могла его определить в других, но никогда не находила внутри себя. Они вели себя так, когда теряли контроль. Когда право принимать решения было забрано у них. Когда они больше не

принадлежали сами себе.

Варац тяжело вздохнул. Сделав крохотный глоток, он отставил бокал, вытащил из портсигара крученку и заговорил:

— Знаешь, дорогуша... — раздался щелчок светильника. — Где-то прямо сейчас нерадивый абитуриент места себе не находит перед завтрашним экзаменом. Абсолютно уверенный, что мир рухнет, если он его не сдаст. Еще где-то торговка хватается за голову, потому что уже которую луну теряет прибыль, и со дня на день придется закрывать семейное дело. На каком-то богом забытом архипелаге от жажды погибает выброшенный туда штормом матрос, и так далее, и так далее...

Он сделал паузу, заполненную долгой затяжкой и неспешным выдохом. Горький дым ударил в лицо Лилит.

— Я к тому, — чародей, стряхнул пепел. — Что твои монахи не зря так любят повторять про солнце и восток. Это хорошая иллюстрация того, что жизни мало что значат и мало что стоят. А повторяют они это, потому что когда видишь мир только через себя, очень легко застрять головой в собственной заднице.

Он усмехнулся, глядя на Лилит.

— Можно, конечно, метаться в истерику до самой старости. Кто я, в чем мое призвание, и прочее занудство. Или признать, что ты неинтересен и неважен, и просто жить. Или не жить, тут уж как получится, — добавил он после небольшой паузы. — Если ты еще не поняла, к чему я клоню, то могу разжевать: ничего не поменяется вне зависимости от того, какой ерундой ты вздумаешь мучить себя сегодня. Может, ты и есть неведомая сущность, создающая червоточины и растящая рога, но это не делает твои терзания интереснее. Или осмысленнее.

Он приподнял бокал.

— Так что вынимай голову из задницы, дорогуша. В мире есть вещи куда интереснее нас с тобой. И сколько-то времени, чтобы их испытать.

Ночью хлынул ливень. Капли разбивались о грязь под окном, чавкая и постукивая. Лилит, которой Варац своими словами подарил ещё один день блаженного забытия, куталась в овчинный плед и с удовольствием вдыхала свежий запах дождя.

— Коса тебе идет больше, — заметил Варац, кивая на ее чисто вымытые волосы. Он вертел в руках монетку с дыркой в центре, которую попросил у Лилит.

— Мне все идет, когда волосы грязью не слеплены, — усмехнулась она, приканчивая остатки вина в бокале.

— Истинно! Без запаха заячьих кишков из тебя собеседник поприятнее, — Варац долил ей из декантера.

Лилит обдало волной уюта, и она поджала под себя ноги, желая приблизиться к форме ватного комочка, насколько позволяло тело. По лицу ее гуляла легкая улыбка, а голова чуть покачивалась, словно в такт отсутствующей музыке. Варац тоже улыбался, явно ощущая всю прелесть момента. Было спокойно.

— А где веер?

Лилит посмотрела на него вопросительно.

— Вчера ты сказала, что украла веер. Желаю засвидетельствовать!

— А, — Лилит махнула рукой в сторону умывальни. — Там, с одеждой. Свистнула в лавке, когда мимо проходили. Пираты, надо сказать, отличные подельники — пока они рядом, на тебя даже никто не посмотрит. Все глаза заняты пересчитыванием их отсутствующих зубов.

Варац хохотнул, поднимаясь на ноги.

— Помню однажды на нас налетели, когда я с Островов в Сульян плыл. Умора была страшная!

— Да? Ну-ка ну-ка, — заинтересовалась Лилит.

Жестом попросив об ожидании, чародей исчез в направлении умывальни, и вернулся, сжимая в руках красный веер с простеньким орнаментом в виде чёрных летящих журавлей. Он ловко раскрыл веер, подбросил его и перехватил на лету. Провертев его в руке, сложив и раскрыв, Варац с апломбом закончил свое короткое выступление, уронив веер на пол и разочарованно взмахнув руками.

— Почти! — сказал он с досадой, оставив его валяться на полу.

— Искусно, — Лилит усмехнулась в бокал. — В кабуки подрабатывал?

— Считай, что так, — чародей залез в шкаф и выудил оттуда пузатую бутылку, сдувая с нее пыль и придиричиво разглядывая. — Жуткая дрянь, должно быть!

— Так что про налет?

Варац не без усилий откупорил засахарившуюся бутылку и понюхал содержимое.

— Древнее, что моя матушка, красное полусладкое. Ну, — он вернулся на свое место на полу. — Если от этого не порем, считай бессмертные! Налет? Старая история. У нас с адельфос была выкуплена каюта на пассажирской посудине, весьма приличной. Нас окружали состоятельные люди, которым вот чуть-чуть не хватило нанять собственный шлюп.

Варац неспеша отхлебнул и поежился, скорчив гримасу. Потом, словно ему наскучило

кривляться, фыркнул неизвестно чему и сделал еще глоток, побольше.

— Судно было большое. Неповоротливое. Пираты нас нагнали быстро, как капитан не гонял матросов, все оказалось без толку. Закинули крюки, прибились к нам. На борту была паника страшная, прям смотреть противно. Мы сидели себе спокойно на бочках с сельдью и ждали. Честное слово, я чуть со смеху не помер, пока они к нам высаживались: первый десяток второй, третий, и так до бесконечности. Когда казалось, что ну вот совсем уже затянулась эта ватага, показывался следующий, и конца и края им не было. Мы хохотали как умалишенные, благо в общей возне пираты не распознали, что являются объектом наших насмешек. Иначе зубы пришлось бы пересчитать, — он хмыкнул. — Народу набилась тьма, наместники с купцами вопят, пираты их колотят, кому-то уже голову сняли... Худо-бедно угомонили народ и устроили шмон. Срывали с воющих кирей кольца с ожерельями, трясли монеты, кого-то раздели даже, — чародей тихо засмеялся. — Подошли к нам. Я им охотно отдал все на себе висящее, блестящее и звенящее.

— Чего было немало, подозреваю?

— Не то слово, — кивнул чародей с лукавой усмешкой. — Все десять колец, можешь представить? Даю одно, а он жадничает. Ладно уж, говорю, бери два.

Лилит отпила. Варац продолжал:

— Хорошие были кольца. Желтое золото, чистое, с резьбой. Увесистые такие перстни. Специально так делал, чтоб хотелось сразу нацепить. Ну, он и нацепил.

— И? — с некоторым нетерпением в голосе спросила Лилит.

— И лишился пальцев, разумеется, — Варац усмехнулся в бокал. — Не сразу, конечно; нам с адельфос еще пожить хотелось. Но где-то через день они начали постепенно сжиматься, наверняка доставили бедняге уйму неудобств. Я не видел, но мне и не нужно: у меня прекрасное воображение.

— Что за чары? — Лилит прежде не слышала о телекинетической магии, способной работать автономно, без прямого участия телекинетика.

— Не чары. Демонология, — пояснил чародей. — Адельфос в своем роде гений. Ты бы видела, какие жуткие вещи он вытворял с моими скульптурами. Вечно бы смотрел!

— Со скульптурами?.. — переспросила Лилит недоверчиво.

— Говорю же, гений. Рассказывать бессмысленно, особенно если можно увидеть. Скоро день первородного пламени, если помнишь. В Аньянг потянутся всевозможные купцы и торговцы, адельфос в том числе.

— День пламени? Уже? — Лилит рассеянно выглянула в окно, будто темная ночь за окном отвечала на вопрос, какая сейчас календарная луна.

— С возвращением в бранный мир, — Варац качнул бокалом. — Может, хоть аномалия его в городе задержит. А то он вечно в делах и проезде, совершенно невыносимый тип.

Лилит недовольно фыркнула. Почему-то слова Вараца уязвили ее самолюбие.

— Я не аномалия. У меня имя есть.

Варац взглянул на нее мельком, и тут же отвел глаза с безразличной легкостью. Лилит, махом допив бокал, бесцеремонно забрала у него из рук бутылку.

В дверь тихонько постучали. Лилит повернула голову на звук.

— Ждешь кого-то?

Варац коротко мотнул головой.

— Надо открыть.

— Открой, раз надо, — пожал плечами чародей. — Если по мою душу, скажи “гранат”.

— Чего?

Он неожиданно рассмеялся.

— Того. Только не лезь драться, бога ради. Я с этого места сегодня не тронусь, пусть убивают если им так хочется, — сжав в руке бокал и покачивая им, чародей расслабленно облокотился спиной о стену и вытянул ноги. Плотнее перевязав халат, Лилит по дороге к выходу подхватила ножны с хэйем. Она ненадолго замерла перед дверью, прислушиваясь. Потом расслабила плечи и открыла без всякой опаски.

Перед ней стояла невысокая аньянгка в амигасе. Она задрала голову, и Лилит увидела ее лицо, показавшееся из-под полы треугольной шляпы. Женщина средних лет со слегка отечным лицом и обеспокоенным взглядом. Она явно не ожидала увидеть Лилит, судя по удивленному тону:

— Аджумма?..

— Аджумма, — кивнула Лилит спокойно. — Что-то продаете? Нам не нужно, спасибо.

Аньянгка растерялась, и повисла небольшая пауза, которую Лилит использовала для изучения своей собеседницы.

— А... — аньянгка приподнялась на цыпочки и вытянула шею, сделав безуспешную попытку заглянуть за плечо Лилит. — Аджосси дома?

Прежде, чем Лилит ответила, Варац спешно показался из спальни, возникнув у нее за спиной.

— Дома, дома. Разреши, дорогая, — он чуть приоткрыл дверь, вынуждая Лилит отодвинуться. При виде Вараца аньянгка едва заметно напряглась и вытянулась, а лицо ее вновь приняло обеспокоенное выражение. Чародей вежливо кивнул Лилит и вышел в общий холл, закрыв за собой дверь. Лилит, не желая подслушивать, спешно направилась обратно в спальню, почти бегом проскакивая мимо темного силуэта скульптуры.

Бросив короткий взгляд на стоящий на полу бокал и небольшое винное пятно под ним, Лилит задумчиво вскинула бровь и неспеша направилась к балкону. Остатки завершившегося дождя орошали землю, накрапывая с крыш. Пахло свежей грязью и цветением.

Лилит посмотрела вниз. Там, где она совсем недавно сражалась с наемниками, теперь обжималась молодая парочка. На том самом месте, где она оставила гнить и разлагаться труп мужчины с коротким мечом, девушка страстно постанывала под ласками юноши, которому явно не терпелось перейти к делу.

Жизнь определенно шла своим чередом, крутясь и не выбирая осью своего вращения никого конкретного. Лилит остро почувствовала, что мир совершенно не знает об ее существовании. И это простое чувство заставило ее забвенно улыбнуться.

Ночь кончалась неумолимо. Вино не кончалось, но поглощалось недостаточно быстро, чтобы ввести в состояние беспамятства. Но эффекты были: Лилит осмелела настолько, что отважилась находиться в одной комнате со скульптурой. Варац, подбивший ее на это, с удовольствием поглядывал на нее и ждал, свыкнется ли Лилит с его творением.

— У твоей странной увлеченностью моей скульптурой будет какое-то развитие? Арка? — спрашивал чародей.

— Откуда я знаю? Я это чувство только через тебя видела, — фыркнула Лилит. — Ты мне скажи, чем кончаются такие заклинания.

— Ничем хорошим, — кивнул Варац убежденно.

Лилит ничего не ответила. Варац перехватил полупустой бокал в другую руку изящным

жестом тонких рук.

— Впрочем, — сказал он, задумчиво склоняя голову. — Иногда помогают слова.

— Слова это чушь.

— Абсолютная чушь. Именно поэтому и помогают.

Лилит взгляделась в скульптуру, подумав, что игра в названия в детстве была не последней в списке ее любимых. Догадавшись, чем она занята, чародей довольно скоро начал проявлять нетерпение, застучав пальцами по колену.

— Древний, — сказала Лилит убежденно, медленно обводя взглядом величественный, почти царственный в своей небрежности силуэт.

Над вторым словом Лилит думала чуть меньше, но интенсивнее: покусывала губу и щелкала ногтем. В какой-то момент она подняла взгляд к потолку, напряженно морщась, а потом выговорила с удовлетворением, четко артикулируя:

— Хтонический.

Третье слово пришло быстро, но Лилит сказала его не сразу, сперва повертев в уме и на языке. Наконец она уверенно завершила:

— Еж.

Посмотрев на ветвистую скульптуру, уставившуюся на них рубиновыми глазами, чародей лишь согласно кивнул:

— Грандиозная чушь. Изумительно.

Они чокнулись.

Варац оглядел шрамированную спину Лилит.

— Отвратительно, — сказал он убежденно. — Одейся немедленно.

Лилит послушно вернула халат на место.

— Твое тело это один сплошной кошмар, дорогуша. Смотреть больно, — Варац протянул ей крученку. Лилит взяла ее между пальцев. Варац дал ей прикурить.

— Мое тело исправно служит мне уже много лет. После всех переломов, вывихов, ран и увечий, — спокойно возразила Лилит. — После всего, через что я его протащила своими дерьмовыми жизненными решениями, оно все еще повинуетя и прекрасно выполняет свою функцию. Мои шрамы — это моя биография.

Лилит чуть дернула ртом, подумав, что сказала чуть больше и звучала чуть откровеннее, чем ей бы того хотелось. Слегка кашлянув, она уставилась в окно. Варац выдохнул дым.

— Биография, которая не вызывает ничего, кроме жалости.

— А ты у нас из жалостливых, да? — усмехнулась Лилит, и перевела на него взгляд. — Только и рад проявить великодушие и помочь тому, кто рядом. Особенно, если с этим побыстрому можно разделаться. Например сделать яд для хорошей подруги, потому что она попросила. Так?

Лилит стряхнула пепел себе под ноги. С улицы донеслось возмущенное пьяное восклицание, направленное куда-то в пространство. Варац долго молчал, смотря на нее в ответ, а потом коротко, уважительно хмыкнул.

— А ты и впрямь недурна, — он неспеша отступил к кровати и присел, поджав под себя ногу. — Как?

— Я имела дело с душегубами, — пожалала плечами Лилит. — Может, ты и способен на убийство ради удовольствия, но эта аньянгка — явно не тот случай.

Варац молчал, слушая ее с интересом, словно она говорила о ком-то другом.

— Голову сатори ты резал со знанием дела, по крайней мере, — продолжала она. — А тут вдруг яд. Да еще и подруга пришла, волновалась. И ты волновался: подскочил вон, вино разлил.

Варац задумчиво покивал, словно делая для себя какие-то молчаливые выводы. Лилит сделала рукой пригласительный жест, предлагая чародею заполнить недостающие части истории.

— Ради уважения к твоему умственному труду, — он подобрал под себя вторую ногу, садясь поудобнее. — Подруга — это знахарка. Громко сказано на самом деле, скорее знакомая. Амэ сильно и долго болела. Мы с Юки пытались помочь. Она, в основном. Я просто доставал... необычные ингредиенты и гнал, что просили.

Он замолчал, задумчиво изучая потолок. Пристально посмотрев на него, Лилит увидела — или скорее вспомнила — усилие, с которым ему давалась любая искренность. Дискомфорт и чувство давления извне, будто кожа сжималась и стягивалась, ярко всплыли в ее памяти.

— На днях пришла. Сказала, что больше не может. Дальше ты сама видела.

— Почему два дня? — спросила Лилит прямо.

— Тактичность не твое, а? — хмыкнул Варац. — Последняя воля умирающей. Хотела хоть немного пожить без боли.

Лилит посмотрела в окно. Уже почти рассвело. Они долго, очень долго молчали, не шевелясь. Варац знал, что не оставил Лилит выбора, кроме как принять решение, и принять его сейчас. И он ждал, что она решит. Наконец, она негромко спросила:

— А мне можно к этой твоей знахарке?

Юки принимала только ранним утром в своем небольшом покосившемся домике в торговом квартале, подпертом с обеих сторон лавками с благовониями и деревянной утварью. Лилит была усажена на стул в холле, в очередь за кашляющим мальчиком лет десяти. Он был один, без родителей.

Из приемной доносился стойкий запах крепкого алкоголя, горечь трав и кислый запах уксуса. Вместе они образовывали легко узнаваемую смесь, которой пахли почти все без исключения приемные знахарей независимо от города и страны. Только в Аньянге травами пахло меньше. На юге ими лечили не так рьяно, как на Севере.

Варац заходить внутрь наотрез отказался, заявив, что уксус отбивает ему обоняние. Оправив вычурную джеллабу, он удалился в сторону певчего квартала, заявив, что ему должно пополнить запасы вина.

Мальчик снова кашлянул, сухо и неглубоко. Лилит вздохнула.

— Тебя матушка не учила не кашлять с незнакомцами? — Лилит окинула его взглядом. — Чего смурной, умираешь?

Мальчик пожал плечами.

— Наверное, — ответил он.

— Сегодня умираешь?

— Наверное нет.

— Ну так и не куксись, малой. Хочешь гадость покажу?

Мальчик посмотрел на нее с вопросительным интересом, развернувшись в пол-оборота, и кивнул. Лилит сдернула с руки перчатку.

— Фуууу! — сказал мальчик, весело задрыв ноггами. — Это что?

Лилит пошевелила пальцами для пущего эффекта, от чего мальчик пришел в неопиcуемый восторг и попросил разрешения дотронуться до руки.

— Это заразно, — она сделала вид, что собирается ткнуть в мальчика пальцем, и тот взвизгнул, чуть не рухнув со стула, а потом жизнерадостно рассмеялся.

Лилит вернула перчатку на место.

— Ты тоже умираешь? — спросил он, чуть поерзав на стуле.

— Все умирают, малой, — Лилит толкнула его локтем. — Просто мы с тобой чуть быстрее.

Когда подошла ее очередь, Лилит успела окончательно протрезветь и уже довольно давно широко зевала. Ей хотелось зарыться в мягкую кровать в недрах студии и смотреть теплые сны, а не крючиться на неудобном стуле, дыша замаринованными листьями.

Солнце вышло в зенит, когда из кабинета показался мальчик с чуть влажным на вид тканевым кульком в руках. Он помахал Лилит на прощание, пока знахарка провожала его до двери:

— Дважды, понял? Утром синее, вечером зеленое. Запомнил?

— Запомнил, — кивнул мальчик. — Через луну приходите?

— Через две приходи. С мамой сразу. Почему вообще она тебя одного отправляет? — спросила Юки недовольно.

— Утром у нее поле, аджумма, — мальчик переминался с ноги на ногу, то и дело покашливая. Ему явно хотелось поскорее улизнуть под солнце, но воспитание не позволяло завершить разговор первым.

— Поле полем, но раз в луну же можно...

Лилит кашлянула, привлекая к себе внимание. Юки прервалась на полуслове.

— Сердечно извиняюсь, аджумма, ужасно себя чувствую, — сказала она, вставая. — Разрешите?

— Да-да-да, — махнула рукой аньянгка и снова обратилась к мальчику: — Дыхательные не забывай делать! Чтоб через две луны задул мне свечку на вытянутой руке!

Мальчик закивал, медленно отступая к выходу. Лилит подмигнула ему, когда Юки отвернулась, и он, оскалившись, выбежал наружу, залиvisto кашляя.

Лилит прошла в приемную вслед за знахаркой. На полу была разложена циновка, возле которой стояла большая пиала с водой. Рядом в скрученное полотенце было воткнуто множество острых игл.

Часть комнаты была уставлена и увешена разнообразными полками настолько плотно, что Лилит тут же поняла, почему дом покосился. Множество склянок и банок были нагромождены друг на друга в беспорядочном хаосе, и тот факт, что все это до сих пор не рухнуло, казался чудом. Где-то за одним из шкафов узнаваемо пискнула крыса. Лилит обратила свой взгляд на несколько полок, которые были отведены под мелкие забальзамированные органы: глаза, языки и еще что-то серое трудноопределимой формы. Жидкость была желтоватой и мутной, а сами банки — грязными и заляпанными.

— Коллекционируете? — Лилит кивнула на банки с органами.

— Изучаю, аджумма. Необычно, знаю. Чародеев за многое можно не любить, но их методы исследования — то, чего не хватает знахарскому делу.

Лилит присела на пол, возле небольшой платформы, аккуратно напротив знахарки. Снимать перчатку она пока медлила.

— Знаю о вашей подруге. Да укроет ее пепел, — Лилит склонила голову, и Юки кивнула в ответ.

— Страшный недуг, — вздохнула знахарка чуть сухо. — Но не такой страшный, как лечение от него.

— Хюгьяль? — Лилит не сразу вспомнила нужное слово.

— Хюгьяльвон.

Лилит сочувственно поморщилась.

— Ну... Хоть перед смертью не страдала, — вздохнула Юки, чуть отряхиваясь. — А вы ко мне с чем, аджумма?

— С моим недугом вы мы вряд ли поможете, — Лилит сняла перчатку и протянула ей руку. Знахарка взяла гниющую заживо ладонь, пристально ее разглядывая. — Но, может, с симптомами что-то можно сделать?

— Как это случилось? — аньянгка потянулась к одной из склянок, стоявших рядом, и смочила тряпку прозрачной жидкостью.

— Долгая история. Замешана дикая магия. Червоточина, сатори...

Юки кивнула. Она осторожно коснулась влажной тряпкой кожи Лилит, плотно прижала и потерла с нажимом. На тряпке остались липкие грязно-черные следы.

— Аджосси мне принес голову. Не поверила, что сатори. Но сохранила. Сушится пока.

Лилит удивленно хмыкнула, но говорить ничего не стала. Юки отпустила ее руку, отложила тряпку и взглянула на Лилит прямо:

— Распространяется?

Лилит коротко кивнула. Юки встала.

— Ну... Тут я могу предложить только одну помощь.

Лилит опустила глаза, зная, что та имеет в виду.

— Еслиотрежем... Зараза не пойдет дальше?

— Не должна, — пожалала плечами знахарка. — Гангрена она и есть гангрена. Даже магическая.

Лилит недолго помолчала, смотря в пол перед собой. А потом подняла голову со вздохом.

— Дальше ведь будет хуже. Смысл тянуть, — сказала она с комом в горле.

Юки кивнула и жестом поманила Лилит за собой.

— Пойдемте, аджумма. После ампутации вам будет нужен отдых. Два или три дня категорически не рекомендую работать, исключить любую физическую нагрузку...

Следуя за ней в заднюю комнату, Лилит кивала, до боли сжимая левую руку в кулаке.

Варац удовлетворенно оглядел сервант, который только что закончил заполнять бутылками. Он закрыл дверцу, и, насвистывая себе под нос, направился к алхимической стойке. Он рассчитывал, что Лилит покажется на пороге, будучи растерянной и расстроенной: едва ли знахарь сообщит ей хорошие вести. Думая так, чародей оглядел свои запасы трав и микстурных основ, размышляя, что из его арсенала будет способно сгладить ее расстройство.

Вечер почему-то пах многообещающе, и Варац сам толком не мог сказать, почему именно. Но его чуткая к жизни натура всегда безошибочно чувала надвигающийся шабаш, поселяя в душе нетерпеливое предвкушение.

С интересом ожидая неведомо чего, он водил взглядом по склянкам, напевая себе под

нос. Входная дверь скрипнула, и в студию вместе с Лилит ворвался наэлектризованный воздух. Ее взгляд искрился хитростью и жизнью, и даже Древний Хтонический Еж не поколебал ее уверенности: она встала рядом с ним прямо и гордо, поглядывая на Вараца заговорщицки. Тот замер в предвкушении, не удержавшись от заинтригованной ухмылки.

— Бесстрашная наемница?

Лилит положила руку на голову Ежа.

— Светисься прямо! Убила кого-то? Хорошие новости?

— Новости, — кивнула она и сделала попытку поправить волосы отрубленной кистью.

Недоверчиво посмотрев на отсутствующую ладонь, она чуть дернула плечом и использовала другую руку. — Сегодня идем гудеть.

Варац рассмеялся.

— Все никак не угомонишься?

— Для дела, идиот, — отмахнулась от него Лилит. — Я была в комнатах, в паре забегаловок, на рынке и в банях. И везде, представь себе, обнаружилась крыша.

— Это для зданий, вроде, естественно? — со смехом вскинул бровь чародей.

— Уморительно, — закатила глаза Лилит. — Я серьезно. Что-то круто изменилось, пока меня не было. В городе есть банда, и я понятия не имею, что они из себя представляют.

— А почему это важно, напомни? — Варац прошел к балкону, и Лилит прошла за ним.

— Банды местные. Они держат руку на пульсе, знают у кого что спросить, кто где сидит, кто какой информацией обладает, с кем договориться можно, а к кому лучше не ходить. При заказах экономит кучу времени. Или наоборот, они могут сделать так, что ты шагу не ступишь, ни по работе, ни вне. Так что надо выяснить, с кем я имею дело. И поэтому, как я уже сказала, сегодня мы идем гудеть.

Варац бросил быстрый взгляд на ампутированную руку Лилит, замотанную в грязно-бежевую повязку. Повязка была покрыта небольшим количеством подсохшей крови. Лилит взяла в руку портсигар, делая попытки открыть его одной рукой. Замок не поддавался. Она тихо выругалась и вернула кейс на туалетный столик, после чего посмотрела на Вараца.

— Пройдемся по всем кварталам и оценим ситуацию. Вернее, я оценю, ты можешь делать что хочешь.

— А я тебе зачем, скажи пожалуйста?

— Даже не знаю, — ехидно ответила Лилит. — Может, потому что тебя ищет профессиональная наемная убийца?

— И поэтому ты хочешь обойти в моей компании весь город? Очень предусмотрительно, — рассмеялся чародей.

— Будешь со мной спорить? — вскинула бровь Лилит. — На тему того, как и где лучше скрываться от ассасинов?

— Всего лишь ставлю под сомнение здравость твоих суждений. И только потому, что у тебя есть все основания сейчас мыслить нерационально, — он кивком указал на ее культю.

Варац взял в руки портсигар. Легко отщелкнув замок, он извлек крученку и закрыл его, смотря на Лилит с озорством. Та закатила глаза.

— Действовать на людях она не будет. Если мы с ней пересечемся, или она потом узнает, что я с тобой околачиваюсь, это нам на руку. Когда твою цель охраняют, ты действуешь осторожнее и планируешь тщательнее. Это даст мне время придумать что-то еще. Достаточно рационально мыслю, уважаемый чародей?

Варац протянул Лилит крученку.

— Не сочти за грубость, дорогуша.

— Еще как сочту, — Лилит приняла крученку и подкурила. — И ты еще меня обвиняешь в бестактности.

— Я тактичен только по необходимости, — улыбнулся Варац. — А ты не из тех, с кем необходимо церемониться. Это одно из твоих приятных качеств, если хочешь знать мое мнение.

— Я тронута, — Лилит затаилась. — Давай собирайся. Впереди длинный вечер.

Лилит получила время поразмышлять, пока Варац умывался перед выходом. Она вышла на балкон, держа в зубах крученку, к которым довольно быстро пристрастилась. Она подкурила и задумалась о том, что ей было известно, в очередной раз рассчитывая приземлить свое блуждающее сознание знакомыми и понятными мыслями о работе.

Рука.

После гулянки в норе она была почти уверена, что в городе не осталось подельников Лыгашмына, и повторной атаки не последует. Скорее всего, теперь они ждут, что следующим ходом Лилит будет прийти к ним самой.

У тебя больше нет руки.

Это было разумное предположение, и Лилит оставила его, как основное, пока ей не станет известно что-то еще. Ходить стоило оглядываясь, но это для нее было привычным. Менять же свой план из-за гипотетического наличия рядом врага, или играть в ожидание было для нее непозволительной роскошью.

Ты изучала искусство боя двумя мечами, а теперь лишилась ебаной руки.

Сроки поджимали; похищение и путь обратно отъели огромный кусок от выделенного на заказ времени. Отчасти поэтому она решила выйти на банду, что всегда означало лишнюю головную боль и риски. Дори наверняка что-то о них знал, но идти к нему напрямую означало вскрыть свою комбинацию, чего Лилит пока делать не хотела. Переменных было много, а чем больше переменных, тем сложнее предсказать результат.

Ты не наемница, и не угроза. Без руки ты просто беспомощная, сраная добыча.

Лилит до боли сжала рукой перила, борясь с учатившимся дыханием. Она резко сжала зубы и скомкала в кулаке зажженную крученку, обжигая себе ладонь. Боль не отрезвила ее.

— Только тебя жду, дорогуша! — донеслось из комнаты. Лилит выдохнула, спешно беря себя в руки. Она стряхнула с ладони пепел, силой втиснула себя в свою прежнюю шкуру, убедилась, что контролирует мышцы лица. И лишь после этого вернулась в комнату, непринужденно улыбаясь чародею.

— Ну? Готов потряхнуть кошельками? — спросила она, поправляя короткую жилетку.

— Твоим кошельком, дорогуша, — ответил Варац, направляясь к выходу. — Я нынче на мели. Надо будет продать какую-нибудь чушь...

Они покинули студию.

— Не люблю чаровать изделия на продажу, но красное сульянское само за себя не заплатит, — Варац закрыл дверь на ключ.

— Какой омерзительный прагматизм, — отметила Лилит.

— Совершенно омерзительный, — согласился Варац. — Но мы живем в материальном мире по материальным законам.

— Наконец-то сказал что-то внятное, — хмыкнула Лилит. — Тебе повезло, что я-то могу заработать где угодно и когда угодно. А потом профукать все за вечер.

— Знакомая история. Деньги жмут карман?

Они медленно спустились вниз, и вышли на улицу. Чинджу встречал их оркестром звонов: звенели ловцы ветра на дверях, звенели плоски с лапшой и рисом, звенели уличные музыканты, разнося по городу радостный клич конца новолуния. Под вечер народ высыпал на улицы и жил, насыщая свое тело кто едой, кто танцами, кто дурманом. Вдохнув, они медленно двинулись к выходу из трущоб, возобновляя прерванный разговор:

— Бедняк никогда не сможет разбогатеть, — сказала Лилит. — Родился нищим, нищим и умрешь.

— Ну и чушь, — фыркнул Варац. — Я это так не оставлю. Чем обоснуешь? Судьба, карма, божий промысел?

— Тем, что люди не меняются. Можно притвориться кем-то еще, походить так какое-то время, даже себе наврать, что теперь ты другой человек. Но нутро останется то же. И рано или поздно ты опять скатишься туда, откуда начал.

— Люди не меняются? — вскинул бровь Варац. — Грешник не может раскаяться, праведник не может нагрешить?

— Я не о поступках, а о человеческом нутре, — Лилит чуть замедлилась, обводя взглядом улицу. — Стержне, который ты держишь в себе всю жизнь. Твоей основе. Что в ней — знаешь только ты. И вот она не меняется никогда.

— Ты намеренно так размыто выражаешься, чтобы я не мог с тобой поспорить? Или, как обычно, ты делаешь выводы обо всех основываясь исключительно на себе? — Варац тоже притормозил. — Человека формирует опыт. И он же меняет, и еще как.

— Опыт может напугать, заставить отказаться от части себя, запереть ее в том замечательном месте, которое так привлекает сатори. Или наоборот, опыт может дать тебе сил открыть эту дверь, и стать собой в большей степени. Но суть не меняется. Я была жестокой манипулятивной сукой до наемной работы, до банды и даже до изгнания, и останусь ей всегда. Может, смягчусь с возрастом в действиях и словах, но стержень останется тем же. Понимаешь?

— Ага. Значит, все-таки по себе, — Варац вздохнул. Они возобновили свой прогулочный шаг. — И что же? Ты рожден таким, все предписано, конец predetermined и неизбежен?

— Если продолжишь говорить за меня, я просто перестану тебе отвечать, — Лилит поздоровалась со знакомой лавочницей, которая проходила мимо. — Да, ты таким рожден. Все предписано, потому что ты можешь принять только те решения, которые ты принимаешь. По поводу конца отвечу лишь, что он действительно неизбежен. И это относится буквально к чему угодно.

— Терпеть не могу детерменистов, — проворчал Варац. — С вами невозможно спорить. У вас любая сила и любое действие — единственно возможный вариант развития событий, — чародей окинул Лилит оценивающим взглядом. — Признавайся, это монашеское воспитание?

— До монастыря я о таких вещах вообще не задумывалась, — пожала плечами Лилит. — Там было время и поразмыслить, и книги почитать. Но я бы не сказала, что воспитание. Просто эти идеи откликнулись, вот и все.

Варац задумчиво посмотрел на усыпанное звездами небо.

— Любопытно, — протянул он. — То есть, ты веришь в predeterminedность исхода, но при этом постоянно прикладываешь усилия, чтобы повлиять на этот исход?

Лилит тонко улыбнулась.

— Я делаю то единственное, что я могу делать. Кто сказал, что мои действия уже не вписаны в то, что приведет к конечному исходу?

— Вот об этом я и говорю! — раздосадованно ответил чародей, энергично взмахивая рукой. — С вами невозможно спорить! Хорошо, и что именно определяет этот исход?

— Люди, каждый из которых идет по собственному пути. Если ты надеялся, что я обоснуюсь религией, то не дожدهшься. Я не верю от слова совсем.

— Ожидал и не ожидал одновременно. С одной стороны, ты неисправимая материалистка, с другой стороны ты постоянно оперируешь материями, где все решает случай.

— Наши — довольно суеверный народ, — согласно кивнула Лилит, и послала Варацу озорную улыбку. — Я бы сказала, что верю в свою работу, просто чтобы лишний раз тебя позлить. Но это не совсем правда, все немного шире. Я верю в свое мастерство.

Лилит ожидала, что Варац фыркнет, или ответит колким комментарием, но он неожиданно надолго замолчал. А потом просто и честно кивнул, и сказал:

— Я когда-то сформулировал похожим образом.

— И во что веришь ты?

— В интерес и свободу воли. Но это скорее ответ на вопрос о том, что на мой взгляд делает жизнь достаточно ценной, чтобы прожить ее. Наверное, это можно назвать верой, вера точно так же абсолютна, но я бы предпочел сказать “убеждения”.

— Завидую, — вздохнула Лилит. — Для меня иметь убеждения это роскошь. Слишком часто пришлось бы против них идти.

— Ну, в известной степени твое убеждение заключается в том, что можно продать и предать все и всех, включая себя, если это позволит тебе выполнить работу, — ехидно рассмеялся Варац. — Это тоже вполне себе убеждение, почему нет.

— А если появится непреодолимая сила, или что-то важнее работы? — улыбнулась Лилит уголком рта.

— Ты что! Как можно! — ужаснулся Варац. — Удивлен, что ты это даже в своей голове допускаешь. Святотатство!

— Не допускаю, — пожала плечами Лилит. — Просто веду беседу. Я же сказала, люди не меняются.

Они остановились возле яркой вывески крупного трехэтажного заведения. Это было приличное место, не чета торговым полуподпольным борделям и трактирам в трущобных районах, или даже тавернам в торговом квартале. Варац изогнул бровь.

— Певчий квартал? Ты правда надеешься тут что-то разузнать о трущобных бандитах?

— Это не твоего ума забота, уважаемый чародей, — Лилит открыла створку двери, жестом приглашая его внутрь. — Твоя — отдыхать и не отвечать.

Внутри действительно было приятно. Шторы хорошей, плотной ткани, свежепокрашенные оконные рамы, пол, пусть исцарапанный и истоптанный, был выложен качественно и на совесть. Крупный зал был двухуровневым: наверху, на балкончике, стояли небольшие круглые столики, открывающие вид на пустующую сцену для бардов.

Лилит окинула помещение неторопливым взглядом, степенно поворачивая голову. Она кивнула на шестиместный круглый стол на небольшой платформе: приметное место, такие как правило отводились постоянным гостям, щедрым и состоятельным.

Они направились к стойке, где бодрый анянгейц средних лет с необычайно светлыми

глазами резво наполнял одну кружку за другой для большой компании работников ратуши. Те смеялись, перебрасываясь новостями и шутками, иногда обращаясь и к трактирщику.

— ...И по новому указу наместника, торговая подать в черте города теперь на два процента выше!

— Зимой! Летом на пять! Что думаешь, Хио?

Трактирщик покачал головой, поглядывая на своих гостей со смешинкой в глазах.

— По моему новому указу, для господ госслужащих объем хмеля на кружку теперь на два процента ниже, — отвечал он, заученным движением снимая лишнюю пену. — В любое время года.

Компания добродушно рассмеялась. Подхватив кружки и продолжив оживленную беседу, они направились к длинному столу в десять стульев. Трактирщик повернул голову в сторону Лилит и Вараца, терпеливо ожидавших, пока он закончит обслуживать других гостей. Лилит отметила, что, хоть он и улыбается, в глазах его нет радости или дружелюбия. Его брови были устало, озабоченно нахмурены.

— Пива не подаем, — сказал аньянзец на ломанном всеобщем.

Лилит и Варац с улыбками переглянулись.

— И не нужно, — ответил Варац на аньянском, небрежно пожимая плечами. — Красное сухое на ваш выбор, два бокала.

Лилит посмеялась, не открывая рта. Трактирщик извинительно склонил голову.

— Извините, не признал. У вас прекрасный аньянжский, аджосси.

— Как и сносный сульянский, и приемлемый островной, — ответил Варац с легкой насмешкой в голосе. — Не извиняйтесь. Я привык.

Лилит мельком оглядела таверну, пока трактирщик доставал бокалы и откупоривал бутылки.

Вокруг пока было тихо, было занято лишь несколько столиков. Клерки, пара зажиточных купцов, супружеская пара преклонных лет, которая не смотрела друг на друга, и двое подвыпивших молодых людей, судя по одежде и манере держаться, золотая молодежь, которая за всю жизнь не держала в руках ничего, кроме серебряной ложки и кубка. Нужно было подождать, пока не набьется побольше народу.

Трактирщик поставил им два бокала.

— Благодарю, — Лилит подвинула ему пять юнов.

— Хорошего вечера, — поклонился трактирщик.

Лилит и Варац прошли к столу. Лилит подвигала плечами, уютнее устраиваясь в мягком кресле. Чародей тоже откинулся на спинку, слегка покачивая бокалом.

Ближе к полуночи таверна если не набилась, то была к этому близка. Все столы оказались заняты, подоспели барды, и полнолуние заиграло своими привычными красками забытия и предвкушения отдыха после двух тамис тяжелого труда. Лилит и Варац отвлеченно болтали, медленно потягивая вино. Лилит не сводила глаз со стойки, меряя взглядом каждого, кто подходил, чтобы сделать заказ. Она довольно долго наблюдала за группой из трех мужчин, носящих танто. Они пили за стойкой и о чем-то смеялись; в общем гуле подслушать их разговор было невозможно, но это и не требовалось. Трактирщик нет-нет да поглядывал на них с некоторым недовольством. Через некоторое время мужчины ушли, не заплатив, и тогда Лилит допила свой бокал и поднялась на ноги.

— Пошли дальше.

— Охотно, — Варац с готовностью отставил полупустой бокал. — Меня эти кошачьи

вопли в могилу сведут, — он кивнул на выступающих бардов.

— Тогда тебе понравится наша следующая остановка. Выделенный квартал, уважаемый чародей, поднялись и пошли.

Покинув таверну, они немного постояли на крыльце, дыша свежим воздухом. Потом неспеша направились в упомянутую часть города. Лилит задумалась, а когда вынырнула из своих размышлений, то обнаружила, что задумчиво трогает еще не заживший край своей культи. Она спешно убрала руку.

Выпитое вино немного дало в голову, и лишь поэтому ее не обуял приступ тревоги, а тяжелые мысли не утянули в уже успевшее стать привычным болото неуверенности. Ее неосознанное внимание к собственной руке не укрылось от Вараца, и чародей протянул Лилит крученку.

— Спасибо, — она остановилась, пока он извлекал из кармана магический светильник.

— На здоровье, дорогуша, — он протянул ей маленький огонек, и Лилит подкурила. Они медленно пошли дальше. — Как смотришь на то, чтобы мы завтра начали исследование?

— Мы? — переспросила Лилит.

— Мне, так или иначе, потребуется твое участие.

Лилит выдохнула носом.

— Я, возможно, недостаточно ясно выразилась раньше, извини если мои слова ввели тебя в заблуждение, — Лилит повернула голову на Вараца. — Мне плевать на эту так называемую аномалию. Исследуй ее, если хочешь, но меня в это не втягивай, идет?

— М-м, — протянул чародей. — Знакомый разговор. Я, видимо, тоже недостаточно ясно выразился. Тебе придется справиться со своим страхом, если ты хочешь выжить. Так понятнее?

— Вопрос моего выживания, вроде как, уже решен, — резко ответила Лилит, демонстрируя культию. — А у меня есть заботы поважнее. Спасти твою несчастную шкуру, например.

Варац тихо рассмеялся.

— Как пожелаешь, кирья.

Они свернули за угол. Возле небольшого приземистого домика курили и болтали несколько молодых людей и девушек. Парочка из них были одеты откровенно, даже слишком откровенно, чтобы не оставить никаких сомнений о том, куда они пришли. Пройдя мимо подвыпившей компании, Лилит открыла дверь, и их проглотил полумрак, запах жженных трав вперемешку со спиртом, и негромкая, ритмичная музыка островных барабанов.

Это был не совсем бордель; здесь оказывался не полный спектр услуг. Но атмосфера была именно такой; полураздетые девушки и женщины обслуживали столы, ворковали и обжимались с клиентами. Одна из них пела, сидя на небольшой барной стойке, а вторая подыгрывала ей на бубне. Лилит и Варац остановились на пороге, оглядывая небольшое помещение.

— Волшебнo, — прокомментировал Варац, и остановил блуждающий взгляд на маленьком незанятом столике в углу. Он указал на него пальцем. — Я вон там буду.

— Развлекайся, дорогуша, — Лилит хлопнула его по плечу, и пошла к стойке.

Хозяин заведения встретил ее дежурной улыбкой.

— Соджу, сакэ? — быстро спросил он, ловко перебрасывая полупустую бутылку из руки

в руку. — Садитесь за столик, к вам девушка подойдет.

— Сакэ, — ответила Лилит, и оглянулась на столик с Варацем. Он о чем-то разговаривал с молодой аньянжкой в пока еще запахнутом халате. Лилит тонко улыбнулась, поворачиваясь обратно к хозяину. — Я тут пока постою. Пусть молодой человек отдохнет.

Хозяин покивал, подвинул резную чашку и размашисто плеснул в нее сакэ.

Девушка мелко зазвенела бубном, пока вокалистка выводила длинную завершающую ноту, вдохновенно закрыв глаза. Таверна разрозненно похлопала, и к вокалистке тут же подошел кто-то из клиентов. Недолго проговорив с ним, вокалистка элегантно слезла со стойки, и увела его наверх. Девушка с бубном разочарованно вздохнула, обвела взглядом таверну и остановила его на Лилит, которая стояла справа от нее.

— Как дела, дорогая? — промурчала девушка, чуть наклоняясь к ней. — Не хочешь меня угостить чем-нибудь?

Лилит усмехнулась в чашку.

— Расслабься, я не по девочкам. Угощу.

Девушка облегченно выдохнула, слегка сгорбив плечи и снимая с лица обворожительную улыбку. Ушел игривый изгиб шеи и искрящийся взгляд. Теперь в нем была лишь усталость.

— Слава пламени. Пью! — она коротко махнула хозяину рукой.

Хозяин подал ей сакэ, и негромко процедил:

— Ну-ка выпрями спину! Я тебе за что плачу?

Девушка скорчила гримасу.

— Отвали. Клиент выпить взял? Взял. Вот и все, — она погремела в воздухе бубном.

Пью раздосадованно махнул на нее рукой, и отошел к другому краю бара. Девушка махом выпила сакэ, встала на цыпочки и протянула руку за стойку, за бутылкой. Она налила себе еще.

— Ну? Чем живешь? — спросила она, подперев голову рукой.

— Болтать со мной тоже не надо, — ответила Лилит, делая глоток. — Можешь просто отдохнуть. Я знаю, что полнолуние все соки выпивает.

— Не то слово, — буркнула девушка. — Два дня вся жопа в мыле. Ну, зато деньги.

— Сколько за полнолуние выходит?

Девушка ответила не сразу, будто сомневаясь, стоит ли говорить. Потом пожала плечами.

— Пара сотен где-то, раз на раз. Если Ханэ не работает, то побольше. Она смазливая. Ее все хотят.

— Ну, неплохо для Чинджу, — кивнула Лилит. — Хватает?

— Да хватает, — вздохнула девушка. — Худо-бедно. У меня дочь дура, ехать учиться не хочет, а я на эту байду три года ей откладывала... Говорю, хочешь как мамка закончить, члены вонючие в рот брать ради денег? Не слушает.

— А в подмастерья отдать?

— Да мест нет нигде, — девушка налила себе еще. — Чтоб моя мамка так расшибалась, пытаюсь мою жизнь устроить... Досадно просто, знаешь? Хочется-то чего: чтоб не в банде, не в бордели и обеспечивать себя могла нормально. Так много, разве?

Она легонько махнула рукой, налила себе и выпила еще.

— Банды мелких любят вербовать, — заметила Лилит. — Уличных в основном, чтоб им в случае чего уйти было некуда. Но бывает что и домашних.

— Пусть попробуют! — гневно ответила девушка. — Лично каждого за космы отгаскаю, если подойдут к ней только!

— А ты их знаешь? Лично?

Девушка хотела было ответить, но вовремя опомнилась и закрыла рот.

— Никого не знаю, — сказала она. — И вообще ничего не слышала. Про банду это я это... образно, вот.

— Разумеется, — кивнула Лилит, и допила сакэ. — Я тебе проблем не хочу, аджумма. Разумеется образно.

Девушка едва заметно покивала, и издала еще один усталый вздох.

— Я пойду, — Лилит положила на стойку пятнадцать юнов. — Дочке удачи.

— Рассвет, — попрощалась аньянгка, и глотнула в этот раз уже напрямую из бутылки.

Лилит помахала Варацу, который был занят тем, что играл с проституткой в кости. Чародей поднялся на ноги, легко поклонился девушке и пошел к выходу. Лилит поймала его возле двери.

— Не везет мне сегодня, — пожаловался Варац вслух. — Две пары три раза подряд, можешь вообразить?

— Просто я утянула на себя всю удачу, — хмыкнула Лилит, открывая дверь. — Опережаем график.

— Что выяснила?

— Что певчий и кожевенный квартал — их. Остался порт, и на сегодня культурную программу можно закончить.

— Порт? Дорогуша, — поморщился чародей. — Совершенно кошмарное место. Ты не могла выбрать для своей экспертизы районы попримичней?

— Не могла, — коротко ответила Лилит.

Варац задержал на ней взгляд.

— Есть гипотеза, что твоя хворь может вызывать состояние, граничащее с унынием. Не замечаешь за собой?

— Замечаю, что ты все никак не отвяжешься со своей хворью. Я думаю о работе. Можно, уважаемый чародей? — Лилит хлопнула глазами. — Пожалуйста?

— Ради бога, — разрешил Варац.

— Сердечно благодарю, — раздраженно ответила Лилит, поправляя съехавший на культу рукав.

Она врала, думала она совсем не о работе. За этот вечер Лилит бесчисленное множество раз заново обнаруживала, что у нее нет правой руки. Незнакомый страх, неясное, тревожное чувство угрозы становились немного глубже каждый раз, когда она по привычке тянулась ведущей рукой к кружке и сжимала вокруг нее несуществующие пальцы. Лилит злилась на себя чем дальше, тем больше; на то, что позволяет себе существовать в этом страхе, что дает ему командовать собой и мешать себе. Злость душила изнутри, и ей было некуда деться. Лилит чувствовала, что грань, за которой она перестанет действовать себе во благо и начнет действовать себе во вред, совсем рядом. И понятия не имела, хватит ли у нее сил не переступить через эту грань.

В тишине они дошли до порта. Медленно прошли вдоль улиц, покрытых деревянным настилом, и остановились на одном из причалов, возле которого на волнах плескалась пустая лодка. Лилит замерла, смотря в темную воду, в которой отражался и гулял свет городских фонариков.

— Подышим немного. Я перебрала, — сказала она, скрещивая руки на груди.

— Да? — Варац оглядел ее. — Вроде ходишь прямо, говоришь связно.

— У меня хороший самоконтроль, — Лилит посмотрела на него с усмешкой. — Меч держать смогу, но лучше не рисковать.

— Интересно. Ты произвела впечатление кого-то, кто жить не может без неоправданного риска, — ухмыльнулся Варац.

Лилит фыркнула.

— Хватит лезть мне в голову. Это я, а не ты, ментальный чародей.

— Тем это интереснее. К тому же ты, дорогуша, что угодно, но не чародей. И из моих уст это комплимент, поверь на слово. Подавляющее большинство чародеев крайне тяжелы характером.

— Я заметила, — Лилит качнулась взад-вперед на стопах. — А почему, как думаешь?

— Теорий множество, — пожал плечами Варац. — Церковь приписывает это демоническому происхождению чар, у них все воспитание вокруг этого строится. Лично я считаю, что это следы тяжелого обучения и нарциссизм, который неизбежно приходит с осознанием собственного могущества.

— Обучение и правда настолько тяжелое?

— Настолько, — кивнул Варац. — Многие не выносят давления, и кончают с собой. Кто-то пристращается к веществам. Кто-то просто переходит черту, за которой его можно считать здоровым членом общества. По-разному.

— Тогда почему кругом так мало ренегатов?

— Уйти — это крайне тяжелый шаг. Что на Севере, что где-либо еще. Это, по сути, добровольное изгнание. Чародеи — тяжелое окружение, но оно дает чувство сплоченности. Тебя окружают люди с теми же проблемами, и во многом твой рассудок сохраняет принадлежность к группе. К тому же, и это уже чисто на уровне ощущений, — Варац сделал небольшую паузу, и продолжил чуть тише: — Когда ты верно завершаешь свое первое начертание... Материализуешь что-то, или зажигаешь свечу, или двигаешь перышко... После этого уже невозможно заняться чем-то другим, если ты меня понимаешь.

— Понимаю, — негромко ответила Лилит. — В целом, после определенных вещей уже невозможно вернуться к нормальной жизни. Потому что ты сам уже не нормален.

— Немного топорно, но да. Пожалуй, что так, — согласился чародей.

Они немного помолчали, слушая негромкий плеск воды.

— Что это было для тебя? — спросил Варац, поворачивая к ней голову. — Мне интересно.

— Когда я поняла, что уже не смогу жить, как раньше? После второго клейма, наверное, — Лилит слегка наморщила лоб. — Я тогда поняла, что теперь всегда буду козлом отпущения для тех, в чьем обществе выросла. Для крестьян, ремесленников, и прихожан. И начала искать тех, кто меня примет. Для кого я не буду убогой и ущербной.

— И ими оказались бандиты, надо понимать?

— Да.

Варац кивнул.

— И прежде чем ты опомнилась, тебя засосало слишком глубоко.

— Ну, во-первых, я не опомнилась до сих пор, — тихо рассмеялась Лилит. — А во-вторых, нет. Там не было спирали, скорее прямое падение, раз уж тебе нравятся такие аналогии. Но чем дальше, тем больше я вращалась, и тем больше мне нравилось. Тем больше я

становилась собой.

— В этом есть... — Варац задумчиво склонил голову набок. — Почти мистическая аутентика. Знаешь, очень малое количество людей в этом мире подлинно находятся на своем месте. Большинству приходится идти на компромиссы, или становиться кем-то еще, чтобы жить свою жизнь и не сойти с ума. А ты, оказавшись на социальном дне, неожиданно нашла там свое место. Это крайне редко происходит, по моему скромному опыту.

— Знаю. Именно поэтому я так дорожу своей работой. В ней я могу расправить крылья, и быть собой. Будто только она... принимает меня полностью, если в этом есть смысл.

Лилит досадливо поморщилась, вновь обжегшись о свое непрошенное красноречие и откровенность.

— Может, ты и правда перебрала, — тихо рассмеялся чародей. — Шучу. Я понимаю. Пошли, пока ты на еще один сонет не наговорила?

— Угу, — охотно согласилась Лилит.

Они ушли с причала, и направились к дверям большой плавучей таверны. Немного не дойдя до входа, Лилит замерла на месте, услышав тихий, отдаленный шепот откуда-то сбоку. Она повернула голову, шурясь в темный переулок.

Лилит медленно пошла на шепот, приближаясь к тени. Она напряженно вглядывалась во мглу, постепенно сближаясь с ней и держа руку на рукояти меча. Она сделала еще один шаг, и каменные стены переулка растворились в чем-то другом. В густом воздухе, который приобретал незнакомые формы, и пах совершенно иначе.

Ее окружала небольшая изба, пахнувшая сосновой смолой и шишками. На небольшом столе стоял горячий чайник, было зябко. Лилит выдохнула негустой пар.

За столом сидел мужчина, и девушка. Они о чем-то забвенно болтали, явно не заметив присутствия Лилит. Она прикоснулась к стене, и провела рукой по теплому, сучковатому дереву. Оборвав свою речь на полуслове, девушка за столом повернула на нее голову.

— Обязательно нам мешать во время охоты? — спросила она недовольно.

— Какой охоты? — заинтересовался мужчина. — Миле, с кем ты говоришь?

Лилит почувствовала легкое головокружение. Она проморгалась.

— Завязывай, лисица, — сказала она с ноткой напряжения в голосе. Почему-то в этот раз иллюзия Минг ощущалась враждебной, словно нахождение здесь забирало у Лилит контроль.

Кицунэ негромко фыркнула, и лениво взмахнула головой. Иллюзия постепенно рассеялась, и Лилит с облегчением вдохнула привычный запах водорослей.

Сакусэ весело болтала ногами на бочке, пока Минг держала в объятиях мужчину, который фигурировал в ее иллюзии. Мужчина смотрел вперед расфокусированным взглядом, и вяло шевелился, тоже постепенно приходя в себя.

— Какого хера вы тут устроили? — Лилит энергично провела рукой по лицу.

— Охоту, — коротко ответила Минг, и неохотно отпустила мужчину из объятий. Тот упал на подогнувшихся коленях, и очутился на четвереньках.

— Минг меня учила фокусам, — подала голос Сакусэ, и жизнерадостно помахала ручкой. — Рассвет, Лилит!

— Закат, твою мать, — Лилит посмотрела на мужчину, который поднимался на ноги на дрожащих коленях. — Вы его сожрать, что ли, собирались? Прямо посреди порта?

Минг не ответила. Подошедший Варац тихо рассмеялся.

— Любопытно.

Мужчина оглядел их с нарастающей паникой во взгляде. Он что-то забормотал. Лилит недовольно посмотрела на Минг.

— И что делать с ним теперь?

Кицунэ безразлично пожала плечами.

— Пусть забудет. Ты так умеешь.

— Я не подписывалась твой бардак подчищать.

— Если бы ты меня не прервала, подчищать было бы нечего.

Лилит гневно перехватила рукоять меча, и извлекла его из ножен. Мужчина испуганно вжался в стену. Лилит надавила на его шею правым предплечьем, и пронзила его грудь.

Мужчина медленно сполз вниз по стене. Проводив его взглядом и вернув хэй за пояс, Лилит развернулась к кицунэ:

— Довольна?

— Так тоже пойдет, — Минг с любопытством посмотрела на тело. Сакусэ, ничуть не обеспокоенная совершившимся перед ней убийством, спрыгнула с бочки.

— Есть хочу! — требовательно сказала она.

— Пошли в таверну, — согласилась Минг. — Мы тут живем неподалеку.

— Потрясающе, — расхохотался Варац. — Так и оставим беднягу тут валяться?

— Нас не увидят, — негромко ответила Минг. — Не переживай.

Лилит выпила стопку. Потом, почти без паузы, еще одну.

— Я не специалист, но по-моему, трезвеют не так, — насмешливо заметил Варац. Лилит выдохнула и утерла рот.

— Перемена плана, — ответила она, угрюмо смотря на Минг. — И давно вы бегаєте по городу, оставляя след из трупов?

Кицунэ с ленцой закатила глаза.

— Мы осторожны.

— Мне сейчас меньше всего, твою мать, нужно еще больше непредсказуемой херни, — Лилит надолго замолчала, а потом резко ударила ладонью по столу. — Мне работать в порту! А ты сюда всех свиней города стянуть решила?

Минг поперебирала пальцами в воздухе.

— Ты странная, — заметила она, склоняя голову набок.

— Я странная, — Лилит посмотрела на Вараца. — Я странная, уважаемый чародей.

Она выпила еще одну стопку.

— По мне так ты драматизируешь, — пожал плечами Варац. — Но я, как видишь, молчу из соображений тактичности.

Лилит подперла голову руками.

— Охереть, — только и сказала она. — Просто охереть.

— У городского историка пропала жена, — вздохнула Минг, слегка морщась. — И ее ищут в другой части города. Она для них важнее.

Лилит подняла голову на кицунэ, вцепляясь в нее взглядом.

— Откуда знаешь?

— Слышала, — пожала плечами Минг. — Капитан с ним тут разговаривал.

— У него шлем с пером! — подтвердила Сакусэ через набитый рот.

Лилит побегала взглядом по грязной поверхности стола.

— Понятно, — она выпила еще одну стопку и поднялась на ноги, покачнувшись. Лилит

подошла к стойке, и уселась за нее. Она посмотрела на тучную трактирщицу.

— Обнови, — попросила она, протирая лицо рукой.

Трактирщица посмотрела на нее с неодобрением.

— Хватит тебе уже. Такая молодая, а пьешь как матросня.

Лилит молча потянулась в карман, и зачерпнула пригоршню юнов. Не отрывая взгляда от трактирщицы, она подняла кулак в воздух, и начала бросать на стойку монетки, одну за одной. Они покатались по поверхности и посыпались на пол, громко звеня. Трактирщица гордо вздернула подбородок, не трогаясь с места, и глядя на Лилит с неприязнью.

— Пошла ты, — сказала Лилит коротко. — Обнови, кому говорят.

Трактирщица отвела взгляд от Лилит и коротко махнула рукой громиле, сидящем за одним из столов. Лилит оглянулась на него, и со смехом фыркнула. Он медленно подошел.

— На выход, — он мотнул головой, требовательно и с угрозой глядя на Лилит. Та окинула его взглядом.

— На кого работаешь, дружок? — спросила она. — Ты не вышибала.

— На выход, — уже громче повторил громила.

Лилит сощурилась на него.

— Куда ж я пойду? У меня в порту работа. Я тут живу, считай.

Потерявший терпение громила схватил ее за предплечье, и чужеродное прикосновение прошло импульсом по нервным окончаниям и взорвалось в мозгу Лилит вспышкой неконтролируемого гнева. Она резко оттолкнула его, вскакивая со стула и роняя его на пол. Громила занес руку для прямого удара, от которого Лилит ушла бы, не будь она так кошмарно пьяна. Тупая, резкая боль в лице немного привела ее в чувство. Громила схватил ее за шиворот и выволок из таверны. Споткнувшись на выходе, Лилит с трудом устояла на ногах, распрямилась и утерла кровь с лица.

— Потрясающий концерт, — Варац вышел следом за ней. — Живая?

— Как посмотреть, — Лилит ощупала переносицу, убеждаясь, что она не сломана.

— Самоконтроль у тебя действительно отменный, — Варац подошел и жестом попросил Лилит поднять голову к свету. Он придирчиво оглядел ее лицо, потом потянулся в карман и протянул ей платок. — Ну, синяк останется. Домой, или хочешь еще побарагозить?

Лилит покорно кивнула. Они медленно направились к сульянским трущобам по почти опустевшему ночному Чинджу.

По возвращению в студию Лилит уселась на пол возле кровати, и прислонила к глазу наскоро материализованную Варацем металлическую пластину. Чародей открыл бутылку вина, забрался на кровать и скрестил босые ноги.

— Я не собирался тебя слушать, — сказал Варац, постукивая подушечками пальцев по горлышку бутылки. — Насчет того, чтобы не втягивать тебя в свое исследование. Но теперь, пожалуй, послушаю.

— Как прекрасно, что я смогла достаточно тебя разжалобить, — угрюмо хмыкнула Лилит. Она убрала пластину от лица и ощупала постепенно опухающий глаз. Потом протянула руку за бутылкой.

— К сожалению или к счастью, дело не в этом, — Варац подал ей вино. — А в том, что если мой интерес затрагивает кого-то еще, это быстро может выйти из-под контроля. Я привык иметь с этим дело. И это было легко, пока вокруг не было ничего, что было способно меня заинтересовать.

Лилит сделала несколько глотков и устало махнула рукой, упираясь затылком в стену.

— И? — спросила она.

— И ничего, — пожал плечами чародей. — Ты заслуживаешь того, чтобы с твоими желаниями считались.

— Да чего ты со мной носишься, — тихо фыркнула Лилит. — Ты же видишь, что я просто до усрачки напугана.

Она подвинулась и повела головой, уставившись в пол перед собой.

— Впервые я встретила смерть в двенадцать. И уже тогда мне не было до нее никакого дела, — негромко сказала она, и выпила вина. — С тех пор не проходило и луны, чтобы я не встречалась с ней снова. Сломанные ноги, колотые раны, голод... — она махнула рукой, будто сама устала от собственных слов. — Каждый раз я была уверена, что не выберусь.

— Ты об этом говорила во время сатори?

Лилит кивнула.

— Пыталась себя подбодрить, наверное. Дескать, и сейчас выживу, раз всегда выживала.

Варац улыбнулся.

— Ты на моих глазах пережила минимум три вещи, из которых ни один нормальный человек не выходит живым.

— Я это много раз слышала. Знаешь, я всю жизнь живу с ощущением, что смерть пытается меня догнать, но я каждый раз ускользаю. Это такая же игра, какую наши иногда затевают во время междоусобиц. Азартная, смертоносная. Веселая даже, — Лилит глотнула. — Я привыкла к мысли, что умру от ножа в затылке. От топора палача, хвоста гидры, яда, неудачной раны... Когда идешь в наемники, ты должен быть к этому готов, иначе страх не даст тебе работать. Но неясная... дрянь, гноящая заживо, — Лилит сделала паузу, заполненную несколькими глотками. — Когда ты понятия не имеешь, что с тобой происходит... К этому я готова не была, — она грустно усмехнулась, поднимая глаза на чародея. — Как видишь.

Варац молчал, ожидая, скажет ли она что-то еще.

— Я не умею справляться со страхом. Мне очень, очень давно не было страшно, — сказала Лилит совсем тихо. — А еще я в говно, поэтому скажу это один раз, и не напоминай мне об этом больше, ради всего святого. Я не думаю, что хворь ушла. Чувствую, что не ушла. И это сжимает мне горло так, что я не могу дышать, — Лилит выдохнула, и протерла глаза. — Я слишком боюсь верить. Но мне придется поверить в то, что тебе удастся найти решение, другого выбора у меня нет. Поэтому я сделаю все, что нужно. Все, что скажешь.

Варац сполз с кровати на пол, усевшись напротив Лилит. Он забрал у нее бутылку.

— Начнем с того, что попытаемся тебя отвлечь. Самокопание вредно для нервов, а плохие нервы подрывают здоровье. Это общее правило, применимое к любой хвори, магической или нет. Выпьем?

— Выпьем, — согласно кивнула Лилит, чувствуя, как удавка на горле едва ощутимо ослабла.

Лилит проснулась, не открывая глаз. Один удар сердца ей казалось, что все в порядке, пока она чуть-чуть не повернула голову, и давящая боль вместе с тошнотой не обрушились на нее сразу, залпом, не дав толком проморгаться.

Чародей насмешливо посмотрел на нее из угла комнаты. На лице его не было и тени сострадания, зато на губах плясала довольная усмешка. Между пальцев он сжимал крученку.

— Слева вода, если дотянешься.

Не без усилия Лилит приподнялась на локте и дотянулась до прикроватной тумбочки. Жадно проглотив стакан, она рухнула лицом в подушку.

— Есть люди, с которыми исключительно весело проводить время. В особенности пить. Таких, как ни удивительно, не так уж и много. Но ты определенноходишь в их число.

Лилит невнятно что-то пробурчала из недр подушки, борясь с тошнотой. Когда ей удалось немного прийти в себя и перевернуться, Варац уже зажег огонь на алхимической стойке, и перебирал склянки, шумно ими звеня.

— Поттише, а... Что ты... — Лилит махнула рукой, бросив попытки издавать звуки, и глубже зарылась в одеяло.

— Соседям наша гулянка тоже понравилась. Приходили с утра уже трижды, все скопом — снизу, слева и справа. Были уверены, что я тут свиней режу. Я дал им на тебя посмотреть и убедиться, что хоть до человека тебе и далеко, до свиньи, вероятно, еще дальше.

Лилит слышала, как он крошит травы, шуршит лепестками, раскатывает стебли... Мешает, стучит. Что-то зашипело. Что-то закипело. Она задремала под его размеренное бормотание и нежные звуки алхимической лаборатории.

Варац встал рядом. С трудом разомкнув глаза, Лилит обнаружила у себя перед носом глиняную кружку со смолянистым, вонючим отваром.

— Зажми нос и глотай.

— Я не могу...

— Хочешь валяться весь день в постели с головной болью и тошнотой — будь моим гостем.

Лилит издала красноречивый стон, глубоко вдохнула, зажмурилась и разом проглотила содержимое чашки. Ее пронял рвотный позыв, и она закашлялась.

— Ну как тебе моя стряпня?

— Навевает воспоминания о доме, — буркнула Лилит.

— Раз можешь шутить, значит в пропорциях не ошибся. Впрочем, если бы ошибся, мы бы это уже поняли.

Тошнота немного отступила. Лилит накрылась одеялом с головой.

Голова прояснялась медленно, но верно. Вчерашний вечер постепенно проступал к ней из недр памяти: они много говорили, кричали что-то с балкона, смеялись.

С похмельем снадобье боролось эффективно. Лилит доводилось пробовать эту дрянь прежде — в Синепалке ею торговали алхимики.

Откинув одеяло и осторожно присев, она обнаружила, что уснула в своей монашеской одежде.

— Это мы уже видели, — пробормотала она, и окинула взглядом свою левую руку, которая немного саднила. На ней красовались свежие, отчетливые следы зубов. — А вот это что-то новенькое.

Следующим, что она обнаружила, были ее под корень спиленные рога. В памяти всплыла расплывчатая картина того, как она сидела на полу, поджав под себя ноги, а Варац орудовал напильником, напевая что-то на сульянском.

— Уважаемый чародей, — ей удалось пройти по прямой до выхода из спальни. Варац, перебиравший содержимое крупного шкафа в углу, посмотрел на нее вопросительно. — Я,

может, и вправду бываю свиньей, но кусаться-то зачем...

— А, это... — он вернулся к своему занятию. — Идиотский был спор. Но ты выиграла, если хочешь знать. Мне даже пришлось припарку наложить.

— Ага... На что спорили хоть?

— На Ежа, как водится, — хмыкнул Варац. — Приз ваш, кирья. Делайте с ним, что возжелаете.

Лилит перевела взгляд на скульптуру.

— Знаешь, это отдельный вид развлечения — выяснять, что ты делал вчера. Изумительные вещи иногда открываешь.

— Кому ты это говоришь? — Варац закрыл скрипучую дверцу шкафа. — Я однажды человека для этой работы нанял.

— Держу пари, он был в восторге. Работа легкая, в одном городе, к тому же щедрая доплата за деликатность сведений...

Варац улыбнулся, подняв глаза к потолку.

— Разумеется. Именно так все и было, — сказал он, сдерживая смех. — Легкая работа в одном городе.

Лилит вскинула бровь, усмехаясь.

— У меня, в отличие от него, сегодня нелегкая работа. Вечером вернусь. Что-нибудь взять?

— Брать ничего не надо. Терять тоже. Ты достигла лимита на потерю конечностей без ущерба для внешнего вида, — чародей забросил на плечо шелковую ткань, которую чуть ранее выудил из шкафа, и оглянулся рассеянно. — Куда я манекен дел?

— И вы работать возжелали-с?

— Не мы возжелали, а хозяин дома. Сделаю ерунду какую-нибудь на продажу, — он небрежно крутанул в воздухе запястьем, а потом взглянул на Лилит с озорством. — Может, для Ежа одежду начаровать, м? Ты только скажи, возьму недорого.

— Одежда нужна, чтобы скрывать изъяны тела. А Еж прекрасен, как он есть, — Лилит скрылась в умывальной, почесывая зудящую макушку.

— Кошмарная глупость! — фыркнул чародей. — Но об этом мы поспорим, когда вернешься. Так! — он энергично хлопнул в ладоши. — Манекен!

Лилит направилась в порт, чтобы проверить сразу несколько вещей. Во-первых, сработала ли ее вчерашняя приманка. Во-вторых, подробнее поговорить с Минг о ее встрече с капитаном стражи. На Севере была поговорка, гласившая “городская стража хороша настолько, насколько хорош ее капитан”, и она была абсолютно правдива. Подготовка, облачение, склонность к коррупции — все сводилось к капитану и упиралось в него. И Лилит хотела понять, кто перед ней. И насколько сильно она рискует, если решит пойти к нему.

Она получила ответ на свой первый вопрос гораздо быстрее, чем рассчитывала. Лилит только вошла в порт, и едва успела сделать с десяток шагов, когда ей загородила ей дорогу группа из трех громил. В ходе короткого диалога Лилит доступно объяснили, что в порту ей не рады. Покорно кивнув и не раздувая конфликт, она покинула их территорию, и направилась к центру города, чтобы перекусить и подумать.

Вчера, сказав ходоку, что в порту у нее работа, она не просто бредила спяну. Она проверяла простую теорию, которая пришла в ее затуманенный разум. Теория заключалась в

том, что банда Чинджу целенаправленно теснит разъездных наемников. Чинджу был мелким городом, и работы в нем всегда было немного. Те, кто работал так же, как Лилит — катался из города в город, из страны в страну — поедал и эти жалкие крохи. Зарабатывал здесь деньги, увозил их прочь, и лишал работы местных бандитов. Видимо, теперь нашелся кто-то, кто был способен объединить их, и установить в городе новый порядок. Порядок, при котором тебе нечего ловить, если только ты не член банды.

Они были влиятельны. Трактирщик в певчем, который поил их бесплатно, проститутка, которая побоялась даже упоминать их вслух, и, наконец, ходок в плавучей таверне, который вчера поставил Лилит приметный фингал. Они явно не церемонились, и их явно боялись. Лилит знала лишь два способа быстро подмять под себя весь город — куча денег, или куча информации. Слушков, грязного белья, копромата, да и просто сведений, которые можно выгодно продать в нужные руки.

И внезапно она поняла, почему Дори не рассказал ей о новом положении в городе. Поняла, почему он сдал ее Лыгашмыну. Дори был тем, через кого проходили все сведения. Тем, кто еще совсем недавно сказал Лилит, что из-за нее местные лунами сидят без работы. Пазл, наконец-то, сошелся. Лилит замерла посреди улицы, подняв голову к небу.

У нее было не так много времени прежде чем Дори перейдет в активное наступление и попытается выдворить ее из города раз и навсегда. Пока он ограничивался предупреждениями, и Лилит нужно было успеть сделать свой ход. Кровь в жилах разогрелась и побежала быстрее. Кто-то врезался в нее и недовольно выругался. Постояв на месте, Лилит решительно развернулась, и направилась в противоположную сторону, к гарнизону городской стражи.

Лилит прошла в большое, приземистое здание, где ее несколько колоколов подряд мурыжили ожиданием и попытками заставить ее изложить свою просьбу письменно. Капитан стражи — занятой человек, и у него нет времени болтать со всяким, кому взбрет в голову войти в главные двери. Лилит набралась терпения и брала измором, повторяя одно и то же одному клерку за другим, затем одному стражнику за другим, каждый последующий из которых был немного выше званием. Наконец, она утомила всех в гарнизоне достаточно, чтобы ей пообещали передать ее просьбу капитану, и сказали ждать в приемной. Лилит поклонилась, уселась на скамью, и сидела там, пока капеул не вернулся и не поманил ее рукой.

— Капитан согласился уделить вам внимание из уважения к вашему потраченному времени, — сказал капеул несколько недовольным тоном. — Не отвлекайте его от дел дольше необходимого, аджумма.

— Я быстро, — пообещала Лилит. Капеул кивнул и прошел с ней к задней двери, ко внутреннему двору гарнизона, где на песке тренировались новобранцы. Капитан молча наблюдал за их тренировкой. Капеул указал на него рукой, и откланялся. Лилит подошла.

— Рассвет, капитан, — поздоровалась она, склоняя голову. — Спасибо, что нашли время.

Капитан обвел ее взглядом.

— Когда мне сказали, что наемница просит аудиенции, я сначала не поверил, — он покачал головой.

— Отчаянные времена, — улынулась Лилит. — У меня для вас есть информация.

Капитан коротко кивнул.

— Слушаю.

— Жена историка, которую вы ищете. Амэ. Она мертва. И мне известно, кто убил ее.

Капитан не переменялся в лице.

— Едва ли северная бандитка расследует тщательнее, чем вся городская стража. С чего мне тебе верить?

— С того, что я слишком умна, чтобы тебе врать. Я в Чинджу не первый день, и знаю, что ты хорошо делаешь свою работу. Именно поэтому в городе на моей памяти никогда не было настоящих банд. Тем сильнее я удивилась, когда узнала, что такая все-таки завелась.

Капитан отстраненно прокашлялся.

— Ты же понимаешь, что мне не нужен повод, чтобы арестовать тебе и бросить в казематы? — спросил он, чуть хмуря брови.

Лилит легко повела ртом.

— Может, я и не аньянгка, но я хорошо знаю аньянские законы. Тебе нужны доказательства, либо чистосердечное признание. А у тебя нет ни того, ни другого, — Лилит склонила голову набок, глядя на то, как молодые новобранцы отрабатывают удары на чучелах. — Конечно, ты можешь приказать запытать меня, пока я не сознаюсь в чем угодно. И это будет твое право, разумеется. Нарушающее закон, но разве закон применим к собственной исполнительной руке?

Капитан скрестил руки на груди.

— Ты знаешь, какие в нижнем мире правила. И понимаешь, чем я рискую, просто приходя сюда, — сказала Лилит. — Я пришла не ради лжи и траты твоего времени. Я пришла заключить сделку.

— И что заставило тебя думать, что я соглашусь? — со вздохом спросил капитан.

— Даже не знаю. Может, пиратское судно в порту, полное награбленного в вашей провинции добра? Или сульянский корабль с кучей контабандных гидр на борту?

Капитан повернул на нее голову. Лилит улыбнулась.

— Это лишь говорит о том, что ты рассудительный человек. Который не хочет устраивать резню с кровожадными оренхайцами, или ставить палки в колеса влиятельной Купеческой Гильдии. Я это уважаю. Компромиссы неизбежны, капитан, если бы я в это не верила, я бы не стояла сейчас перед тобой.

— Твое мнение меня мало волнует, — ответил капитан, возвращая взгляд на новобранцев. — Что ты можешь предложить?

— Для начала, тело Амэ. Чтобы ты мог убедиться, что я не вру. Она была отравлена безболезненным ядом, по собственной просьбе. Она болела. Хьюгальвон. Посещала местную знахарку, которая может подтвердить мои слова. Яд сделал мой друг. Что формально нарушает закон, но я надеюсь на твое понимание. Сам знаешь, как больные этой дрянью мучаются.

Капитан кивнул с неслышным вздохом.

— Допустим. Если вскрытие действительно подтвердит твои слова. Что дальше?

— Дальше я займусь тем, чтобы принести тебе голову главаря. Я бы убрала всю банду, будь у меня побольше времени, но мои руки связаны. Они пожмутся, вы их покошмарите, устройте показательную порку, — Лилит помотала запястьем в воздухе. — Я со своей стороны тоже помогу им одуматься. Они пойдут на сотрудничество.

— Верю с трудом.

— Поверил бы, будь у меня с собой список, — вздохнула Лилит. — В любом случае,

если я лягу в процессе, ты ничего не потеряешь. Денег я не попрошу.

— Но что-то попросишь. Вы как паразиты, вечно норовите к чему-то присосаться.

— Самую малость. Я знаю одну наемную убийцу, и знаю, где она обычно отдыхает. Подергайте ее для меня, чтоб занервничала. Поймать вряд ли получится, но можете попробовать, конечно.

Капитан неожиданно рассмеялся.

— И как у тебя, мразоты, наглости хватает? — спросил он с интересом, будто искренне желал услышать ответ.

Лилит слегка улыбнулась, и пожалала плечами.

— Банда, может, и небольшая, но влиятельная. Что у них есть на тебя, на твоих капеулов? Признайся, они держат тебя за яйца. И будут выкручивать их чем дальше, тем сильнее. Я предлагаю тебе решение: не нужно марать руки о мразь, не нужно раскошелиться, надо просто сидеть ровно на своей свинской жопе и ждать, пока я не принесу все твои проблемы завернутыми в лен. Ты заберешь себе все лавры, сохранишь кресло, покой горожан и жизни своих подчиненных. Все, что я прошу взамен — погонять по городу девку. Даже слепец увидит, какая это выгодная сделка, капитан. Вообще-то теперь, когда я ее озвучила, она мне кажется даже слишком щедрой, — Лилит скрестила руки на груди. — Поэтому я дополнительно попрошу о неприкосновенности до конца сезона. Для меня, и моего друга.

Капитан долго смотрел на нее, потом вернул взгляд на новобранцев. Наконец он вздохнул, и поморщился.

— Приноси тело. Вернемся к этому, если вскрытие подтвердит твои слова.

Лилит протянула капитану руку, и он с неохотой пожал ее. На этом они расстались, и Лилит направилась к каналам, чтобы потратить следующие полдня на выживание и транспортировку поеденного крысами и начавшего разлагаться тела Амэ.

Когда она вернулась домой, измотанная и желающая лишь лечь спать, она застала студию пустой, с выключенным светом. И замерла на пороге, словно зверь, учуявший на своей территории чужой, враждебный запах.

Без присутствия Вараца студия казалась совсем иной. Свет падал иначе, воздух пах по-другому. Углы выглядели чужеродно, словно пространство исказили. Будто в комнате, которую ты видел множество раз, кто-то без твоего ведома передвинул мелкую вещицу, и неуловимая перемена ввинчивалась в мозг и пыталась его неуютным ощущением вторжения.

Из манящего, почти живого в обещании мягкости лежбища кровать превратилась в холодный предмет интерьера, полный молчаливого безразличия. Занавески были пыльны, лабораторная стойка грязна, колбы покрыты копотью. Пространство было мертво, и ощущение этой мертвости пропитывало, почти пронзало.

Лилит стоило определенных усилий вступить в это мертвое пространство, и закрыть за собой дверь. Она зажгла свет, и подогрела воду. Открыла балкон, выкурила одну из двух оставленных ей чародеем крученок. Понимая, что у нее едва ли получится уснуть, Лилит заварила себе чай и пробежалась взглядом по бумагам, разбросанным на столе. Бумаги были исписаны незнакомыми ей начертаниями, и Лилит быстро бросила попытки в них разобраться. Вместо этого она подошла к книжной полке и оглядела корешки книг с полустершимися названиями. Они тоже мало о чем говорили; большинство упомянутых в них слов Лилит видела впервые. Тихо выругавшись, Лилит ушла в другую комнату и села

возле Ежа, облокотившись о него спиной. И довольно долго сидела так, пока не ощутила, что не сможет сжиться с этим неудобным чувством, которое отказывалось покидать ее. Она переделалась, и покинула студию, надеясь вернуться к себе через прогулку по ночному городу.

Чародей направлялся к утесу. В нем разыгрались драматичные чувства, и душа его жаждала одиночества и красивого вида на бескрайний океан. Подобные настроения для него были привычными, стихийными и ни от чего не зависящими. Они просто иногда случались, и Варац позволял им жить внутри себя, пока им самим не наскучит, и они не пойдут донимать кого-нибудь еще.

Пригородная часть Чинджу уже почти спала. Из редких минок еще доносились голоса и пробивался свет, но окна неумолимо гасли один за одним. Чародей держал взгляд на горизонте, на той его части, где еще виднелся едва различимый бледный след закатившегося солнца.

От полного безветрия ночь была душной. Утомленная дневным зноем земля отдавала накопленный жар в воздух, напитанный морской влагой. Чародея это не смущало; после суровых пустынь Сульяна Аньян с его умеренно-жарким климатом был раем на земле. На Островах от тропических проливных дождей и буйных лесов, полных болот и рек, дышать и вовсе было невозможно. Но хуже всего был Север, потому что там мешал дышать вовсе не климат. К погодным условиям можно привыкнуть. Можно отстроить города посреди пустыни и превратить страну в центр мировой торговли. Можно не просто выжить, но процвести, живя в непроходимых лесах, разбросанных по сети архипелагов. А что можно сделать, если однажды великую цивилизацию разнесли по камням, предав огню прогресс многих столетий? Север был единственным государством, в котором не было собственного языка. Больше не было, по крайней мере. Варац не был традиционалистом, даже совсем наоборот, имел привычку пренебрежительно относиться к тем, кто сопротивлялся прогрессу. Однако, существовала разница между прогрессом и переменами. И в нынешнем своем состоянии Север был не в авангарде, но в опале; стагнирующий и невежественный, без культуры, идеи и идентичности за пределами ламбианской религии. Бравирующий своей армией и званием избранной богом державы, ведомый королем-марионеткой и существующий ради существования, а не ради развития.

Рассуждать об этом можно было бесконечно. Рассуждения и спекуляции успокаивают; когда находишь в чем-то смысл, пусть и кажущийся, мириться с реальностью становится легче. Варац знал, что это иллюзия. Знал также, что Лилит непременно поспорила бы с ним, окажись она рядом. Но прелесть была именно в том, что рядом никого не было. Только океан, спокойный и молчаливый, который отказывался разжигать диспут. Варац благодарно кивнул ему за это.

Он остановился, достигнув искомого каменного утеса поодаль от минок и барачков. Варац выглянул вниз, на пляж, различив в воде расставленные на ночь рыболовные сети.

Мысли его текли в привычных направлениях, омывая давно известные ментальные камни. Варац искренне восхищался теми, кто мог комфортно существовать в собственной шкуре. Теми, кто научался этому за ту короткую жизнь, что была им отведена, не нуждаясь в искусственном ее продлении с помощью достижений алхимии. Но и о своей судьбе он не горевал. Он вообще ни о чем не горевал уже много лет.

Чародей присел, подобрав под себя ноги, и закурил, слушая тихий шум прибоя.

Остаток ночи Лилит провела на городской площади, просидев на деревянном помосте до рассвета. Время текло тягуче, медленно и неохотно, ближе к утру город окончательно затих и опустел, и Лилит слышала, как в подворотнях просыпаются бродячие псы. Слышалось далекое пение птиц, доносившееся из окрестных лесов. Лилит машинально проводила взглядом пошатывающегося прохожего, последнего из гостей трущобных наливаек. Прохожий остановился и долгое время смотрел то ли на нее, то ли сквозь нее расфокусированным взглядом, после чего вернулся на свой пролегающий к высокому маршруту.

Медленно вздохнув, она поднялась с помоста. Нужно было возвращаться в студию, и встречаться с реальностью. Если Варац до сих пор не объявился, то уже и не объявится. Лилит оттягивала этот момент как могла, но дольше ждать было нельзя. Слух о том, что она ходила к капитану, уже должен был проползти по городу. И оттого хода Дори следовало ожидать в любой момент.

Лилит двинулась в сторону трущоб. Она проходила мимо ватаги сонных пекарей, которые традиционно открывались первыми в городе. Звенели ключи и колокольчики на дверях, кто-то намывал витрины и окна, откуда-то уже доносился запах зарумянившегося теста. Солнце потихоньку всходило, сопровождаемое вялой утренней болтовней ранних горожан. Едва-едва уснув, Чинджу просыпался вновь.

Лилит бегала глазами по улице, по давно выработанной привычке выискивая потенциального врага. Заметив аньянку крепкого телосложения с даллом на поясе, Лилит резко затормозила и нырнула в один из переулков. По пути до студии ей встретилась еще парочка ребят, не вызывавших сомнения в принадлежности к банде. Лилит задержалась возле них достаточно, чтобы увидеть, как они беседуют с уличным торговцем.

Добрашись до трущоб, какое-то время Лилит просидела под наружной лестницей, прислушиваясь и оглядывая окрестности. Женщина из дома напротив вешала белье в небольшом общем дворике, зычно распевая народные аньянские песни. Чуть поодаль на забор карабкались дети, создавая своей игрой немало шума. Услышать что-то еще было невозможно, и Лилит, выглянув из укрытия, незаметно шмыгнула за угол дома. Вместо главного входа она вскарабкалась на пристенок, оттуда — на кусочек крыши, и перепрыгнула на балкон.

К ее облегчению, Варац был дома. Он встретил ее насмешливой улыбкой, орудуя за алхимической стойкой.

— Как эффектно! — прокомментировал он, и Лилит не удержалась от поклона в пояс. Ей было радостно застать чародея живым и в добром здравии.

— Что варим? — она прошла в комнату.

— А. Чушь какую-то, — отмахнулся Варац. — Юки попросила.

— Снадобье от твоего идиотизма? — Лилит плюхнулась на кровать. — Ты о чем думал, когда ушел вчера один?

— О том, что мне нужно подумать, и отдохнуть от твоего невыносимого общества, — Варац приблизился к кипящей жидкости, высматривая в ней что-то одному ему ведомое. — Ты что, спала в подворотне? Выглядишь ужасно.

— Подозреваю, — Лилит скинула легкую жилетку и направилась в сторону умывальни. — Не спала. Гуляла по городу.

— Опять достопримечательности?

— Нет. Думала и отдыхала от твоего невыносимого общества.

— Удивительно здравая затея. Не ожидал от тебя, признаюсь честно, — он растер между пальцев соцветие, кроша в отвар желтую пыльцу.

Лилит умылась, и громко сказала:

— В городе бардак. Если решишь выйти из студии, я хороню тебя спустя один удар сердца.

— По причине?

— По причине я подхлестнула Афаа. И если мы ей попадемся теперь, раздумывать дважды она не будет. Ставки поднялись.

— То есть, твой изумительный план был в том, чтобы запереть нас в студии бог знает на сколько? Дорогуша, я начинаю всерьез ставить под сомнение твою компетентность.

— Тогда хорошо, что ты не знаешь всего моего плана. Тогда бы ты поставил под сомнение еще и мой рассудок.

— А это уже давно закрытый вопрос, что ты его напрочь лишена, — Варац подбросил в руке деревянную палочку, которой мешал отвар. — Ну, будет повод углубиться в исследование. Это-то не запрещено пока?

— Ой, да прекращай жаловаться, — фыркнула Лилит, набирая купальню. — Кто еще тут ребенок. Игрушку тебе купить на ярмарке, может?

— Смотря какого рода игрушку, — ответил чародей со смехом, и Лилит красноречиво закрыла дверь в умывальню, не желая продолжать этот разговор.

— Будь она здесь одна, я бы заманила ее сюда, — Лилит подвязала мокрые волосы. — Но у нас еще целая переменная, которая рыщет по городу в поисках меня. И что-то подсказывает мне, что они работают вместе.

— Афаа и этот твой, как его там?

— Дори. Ему нужно от меня избавиться, и он уже сотрудничал с Лыгашмыном. Вряд ли теперь он отказался от возможности спрятаться за спину кого-то посильнее.

— Будем сидеть и ждать? Я не против, — Варац подкурил. — В затворничестве есть свой шарм. Может, еще хоть одну скульптуру успею сделать. Уродскую какую-нибудь. На аукционах после смерти художника даже самый невообразимый кошмар уходит за невероятные деньги, хоть повеселюсь напоследок.

Лилит тихо фыркнула.

— Твое неверие ранит меня, дорогуша. На ожидание у нас нету времени. Придется рискнуть.

Варац с улыбкой выдохнул дым.

— Разумеется.

— Оставь самолюбование на потом, идет? Я пойду к Дори на разговор. В это время ты остаешься здесь, и будешь ждать Афаа. Я могу ошибаться, и она может не прийти. Но если придет, уходи по крыше. До другого козырька, вниз по лестнице, и в порт, к Минг и Сакусэ. И не надо мне тут про “только дураки бегают от смерти”. Ты дурак, уважаемый чародей, притом еще какой. Тебе от нее положено бегать, ясно?

— Побереги дыхание, кирья, — Варац стряхнул пепел. — Я согласен на твои нелепые игрища. Я только-только начал, — он кивнул на кипу бумаг с рунами. — И начало очень многообещающее. Будет обидно не дожить до самого интересного.

— Рада слышать. Жди, и не вздумай открывать дверь. Если будут стучать, уходи через

балкон.

— Какая драма, — Варац игриво округлил глаза. — В жизни не доводилось сбегать через балкон, веришь? Будет любопытно попробовать что-то новое.

— Что, не удирал от мужей любовниц? — со смехом спросила Лилит, исчезая в арке. — Не верю.

— Какая пошлость, — фыркнул Варац. — Ты совершенно кошмарна.

— Каюсь! — крикнула Лилит из другой части студии.

Вплоть до ее ухода этим вечером они больше не обмолвились ни словом. Лилит была погружена в свои мысли, Варацу неведомые, и размеренно собиралась. Она переделалась, подвязала волосы, размялась, надела оружие, и долго сидела на полу с прямой спиной и чуть опущенной головой. Чародей то и дело поглядывал на нее, но не прерывал.

— Если не вернусь к рассвету, советую уйти из города, — сказала она, стоя в дверях. — Хотя ты вряд ли меня слушаешь.

— Истинно так! — Варац ободряюще подмигнул ей на прощание. — Постарайся выжить, дорогуша.

— Ничего не могу обещать, — Лилит вышла за порог.

Дверь за ней закрылась. Варац отвернулся, снуя взглядом по комнате.

Заново заведя начавшую терять скорость ручную центрифугу, в которой крутились четыре склянки заказанного отвара, Варац вздохнул. Еж застенчиво, но пристально наблюдал за ним из дверного проема, посверкивая алыми глазами. Варац склонил голову, разглядывая свое творение.

— А по мне так ты отвратителен. Понятия не имею, что она в тебе нашла.

Еж ответил сердитым молчанием. Чародей улыбнулся и махнул рукой. Он обратил свой взгляд на книжную полку, на темно-синий переплет довольно толстого тома, одна лишь мысль о котором скручивала желудок тоскливой скукой. Это был рукописный труд теории о дикой магии, который Варац так и не смог одолеть в силу невероятного занудства автора и его патологического неумения складывать слова в предложения. Чародей прокрастинировал его чтение, как мог, но необходимость загнала его в тупик. Ворча, Варац взял книгу в руки, сдул с нее пыль, и уселся возле балкона. Он распахнул фолиант на первых страницах. Глаза его упали на полустершиеся чернильные завитки:

“В чем дикость так называемой “дикой” магии? Не в том ли, что человеку свойственно отчуждать от себя все ему неподвластное, как кочевые племена непризнанной земли или леса, густящиеся в закоулках неизведанных островов...”

Варац шумно выдохнул, из груди его вырвался непрошенный стон.

— Ненавижу словоблудов... — недовольно проворчал он и снова уткнулся в книгу, надеясь найти в труде автора хоть что-то полезное. Или, по крайней мере, удобоваримое.

“Как неизвестны нам истинные источники дикой магии, так и подлинные пределы ее могущества. Существа, наделенные способностью управлять потоками дикой магии, дики в той же степени, и даже обнаружить их задача почти невозможная, не говоря уже о том, чтобы изучить их. Дикая магия не изучена, а потому не поддается никакой классификации. Подобно...”

— Бла-бла-бла, — пробурчал Варац, пробегая глазами по диагонали очередную порцию безвкусных с его точки зрения метафор и неуместных сравнений.

“...лишь несколько известных нам существ. Северная крень, южная кицунэ, островная торва — все это разумные существа, скрывающиеся от людей, позволяющие себя обнаружить

лишь если сами того захотят. Показания тех, кому удалось пережить встречу с ними, больше напоминают художественный стих или бред сумасшедшего. Часть из них после таких встреч совершенно утратили рассудок. Или приоткрыли для себя двери к пониманию того, за пределами чего познаваемое человеком более не может существовать.

Ясно одно — дикая магия чудовищно опасна, и жестоко наказывает за любые попытки себя познать. Как и в каких формах она существует, не поддается привычным способам академического изучения. Все, кто контактирует с ней, либо тщательно скрывают ее секреты — как дикие ведьмы коленов, о которых сообществу, так же, известно чудовищно мало — либо погибают, либо теряют способность изъясняться в понятных человечеству терминах. Предполагается, что чары связаны с дикой магией в той же мере, в какой с ней связаны бесплотные демоны, они же духи, они же ионхон, они же вайруба... То есть в неизвестной мере. Существуют обширные споры на тему того, что было первым, что подчинено чему, и подчинено ли в принципе. За неверифицируемостью большинства теорий следует мистификация и уход рассуждений от академических в философские и религиозные. Таким образом, бесплотные сущности, их силы и мотивы нашли себе пристанище в различных верованиях мира, и объясняются через призму религиозных воззрений каждого конкретного из этих верований. Чем дальше, тем труднее сообществу смотреть на эту область, как на поле для исследований и экспериментов, и тем сильнее укореняется в народе мистификация, и, как следствие, сакральность и неоспоримость того, что однажды было предметом споров, дебатов и полем для поиска истины. Последний значимый эксперимент, давший результаты, был проведен известным всем нам демонологом Двольфиусом Аретинским. Свойства и схемы работы демонических печатей, его творения, до сих пор малоизучены — демонолог сам не представлял, что ему удалось создать, как и все человечество вот уже много сотен лет”.

Варац ненадолго оторвался от книги, чтобы протереть глаза. Потом усилием воли вернулся к чтиву, полный решимости сидеть за ним, пока его не осенит, или пока в дверь не постучат. Впереди у него была очень длинная ночь.

Стоило Лилит выйти на улицу, как вся ее решимость испарилась в воздухе. Неуверенность и сосущее чувство пустоты там, где раньше была правая кисть, вновь взяли ее за горло. Но отступать было слишком поздно. Лилит сглотнула ком и прибавила шаг.

Она прошла от силы пару улиц, прежде чем напоролась на громил Дори. Она остановилась, смотря на то, как они кивают на нее и переговариваются между собой. Подождала, пока они подойдут. Лилит понятия не имела, какой именно приказ они собирались исполнить, и решила перестраховаться:

— Рассвет, ребята, — поздоровалась она. — К главному отведете? Поговорить бы с ним. Они переглянулись.

— Те из города было сказано валить, — сказал один из них.

— Так шпиль уже третий день.

— Ножками, значит, — сплюнул второй. — Тупая чтоль?

— Да ей помочь надо просто, — третий с угрозой шагнул к Лилит. — Виш не понимает языком.

— Все понимаю, ребят, — Лилит миролюбиво подняла руки в воздух. — Дайте поболтать с Дори. Вы ж меня знаете, я своя.

— Свинская подстилка ты, а не своя, — с пренебрежением сплюнул первый. — Шваль разъездная. Ща пинками тя за ворота...

— Ты, сука, пятки нам целовать должна, что мы тя просто так отпускаем, а не заживо хороним, — поддакнул второй.

— Про свинскую подстилку это верно, — Лилит слегка расправила плечи, принимая более расслабленную позу. — Не верю, что Дори не хочет знать, о чем я договорилась с капитаном. Хочешь мне врезать прям на улице — валяй, — она повернула голову, подставляя скулу. — Проверим, кто тут окажется раньше — ваши или стража, а?

— Слышь, сука, — третий схватил ее за заднюю часть шеи, и опасно приблизился, гневно буравя ее взглядом. — Я тя прямо тут зарюю, поняла?

— Руки убрал, — процедила Лилит, кладя руку на меч. — Мне за тебя, мразоту, нихера не будет. А тебя в казематах сгноят.

Второй бандит положил руку на плечо третьего.

— Харош. Падла того не стоит.

Третий резко убрал руку, с отвращением косясь на Лилит.

— К главному захотела? — первый подбросил в руке танто, и убрал его в ножны на поясе. — Пошли. Послушаем, на каком языке ты, сука, умолять будешь.

Лилит молча шла за ними, пока они не достигли до норы. Та была почти пустой: был занят лишь один стол. Дори хмуро посмотрел на вошедшую ватагу.

— Додумались-таки? — спросил он, маня их рукой.

— Хер там они додумались, — вклинилась Лилит. — Я сама попросила.

— Поболтать хочешь, Фиалочка? — вздохнул Дори, опираясь руками о стойку. — Все не уймешься?

— Все не уймусь, — кивнула Лилит. — По последней кружке, Дори. За старые времена.

— Сентиментальные девки, — Дори коротко кивнул. — Оружие возьмите у нее, и валите. Мы поболтаем.

Громилы исполнили приказ. Лилит протянула им хэй и позволила себя обыскать, неуютно ежась от грубых прикосновений чужих рук. Забрав меч и кивнув Дори, громилы вышли из норы вместе со столом, который взял недопитые кружки с собой на улицу. Нора опустела. Лилит прошла вперед, и села за стойку. Дори достал две кружки, и неспешно наполнил их соджу.

— Ну, рассказывай, — он протянул ей одну. — О чем свиньям настучала?

— Тебя даже не упоминала, — Лилит глотнула. — Один труп закрыть надо было. Его сдала, и все.

— И все, ага, — фыркнул Дори. — Думаешь, я совсем кретин? Ты полдня в гарнизоне торчала.

— Потому что двадцать раз по кругу объясняла каждой свинье, зачем пришла. Ты ж по бумажкам, должен знать какая у вас бюрократия конченная.

Дори неохотно кивнул.

— Есть такое. Ну и че приперлась тогда?

— Поздравить. Отличная работа, Дори, — Лилит приподняла кружку. — Горжусь тобой, без всяких. Всегда уважала тех, кто понимает ценность правильных сведений. Так постоишь за стойкой несколько лет, уши погреешь, и все, готов. У наших же у всех язык как помело.

— А так и не скажешь, да? — хмыкнул Дори. — Вроде умнее народ должен быть, а хер

там. Но ты тоже ничего, Фиалочка, под тебя хер подкопаешься. Язык за зубами, и ничем не развяжешь.

Они чокнулись.

— Че грохнуть меня не приказал? — поинтересовалась Лилит. — Я однорукая, сейчас сам бог велел.

— Ну я ж не совсем мразота, Фиалочка, — Дори отпил. — Из уважения. Че тебе Чинджу этот, а? Городов куча, выбирай любой, будто тебе дело есть где зарабатывать. А у моих только дела в гору пошли. Бабки, к тому же, в городе остаются, это всегда плюс.

— Из уважения, да? — усмехнулась Лилит. — Херня, Дори. Ты самый скользкий червь, которого я знаю, тебе понятие уважения не знакомо в принципе. Ты со свиньями-то работать не хочешь только потому что тебя свои же заколят. А меня не трогаешь, потому что Гиммика боишься.

— Фиалочка, я тя умоляю, — фыркнул Дори. — Слух про то, что вы трахаетесь, я же и пустил, чтоб те нервы попортить.

— Думаешь, я не знаю? — спросила Лилит в кружку. — Только слухи на пустом месте не цветут. Нет, ты знаешь, что у нас с ним есть история. И нихера не уверен, что он не придет за твоей горелой мордой, если ты меня грохнешь.

Дори сделал глоток.

— Из-за спины папочки-то безопасно твякать? Че, запугивать меня будешь, Фиалочка? Последний раз говорю, по слогам: вали из моего города. Еще раз ты тут увижу, переломая нахер все кости, и брошу парням заебать до смерти то, что осталось.

Лилит глотнула, и облизнула губы.

— Какое же ты ссыбливое чмо, Дори, — сказала она. — На Афаа-то боязно залупаться, да? Ты, может, и сообразительный, но нихера не умный. Иначе давно понял бы, что мне никогда не нужна была защита Гиммика.

Повисла недолгая тишина. Дори неотрывно смотрел на Лилит, а она — на него. В его глазах было напряжение, в ее — азарт и легкое нетерпение. Лилит видела его. Видела все, что ей было нужно. В конце концов, именно она несколько лет неустанно трудилась, изучая искусство айдзу кагэ-рю.

Движение всегда следует за взглядом. Дори стоило лишь дернуть зрачками в направлении лежащего на стойке кинжала, когда Лилит ураганом ворвалась в его разум. Это далось ей на удивление легко, легче, чем когда-либо в жизни: в мгновение ока она была не просто внутри, она командовала происходящим в сознании Дори, царствовала там и подчиняла себе все, к чему пожелала прикоснуться. Он все еще был там: он молча, с непониманием наблюдал, как она деловито прохаживалась по его воспоминаниям, мыслям и образам.

Пьянящее чувство собственного всемогущества медленно овладевало ею по мере того, как она вертела в руках самое сокровенное, что только может принадлежать другому человеку. Она чувствовала, как мечется его испуганное, разозленное сознание, как разум открывается в беззвучном вопле беспомощного ужаса. Она медленно сдавливала пальцы вокруг шейки мечущегося в ее хватке хорька.

Лилит плавно направила от мыслей к действиям. Она пошевелила пальцами его правой руки, сжала кулак со всей силы, чувствуя напряжение мышц и боль от нестриженных ногтей, впившихся в кожу. Она слегка ослабила хватку. Дори получил достаточно контроля над собственным телом, чтобы на лице его выступили следы нечеловеческого напряжения.

Вены вздулись, обширный шрам налился кровью. Прерывисто выдыхая, Дори выругался сквозь зубы.

— И тебе не хворать. Бабки где хранишь?

— ...

Разного рода и вида монеты занимали в голове Дори особое место, они были эдаким центром паутины, причиной, ответом и обоснованием всего прочего. Важные воспоминания всегда самые яркие.

Молодой мужчина с обожженным лицом протянул сильно дрожащую руку к кинжалу. Ногтями другой руки он впивался в барную стойку, оставляя на дереве борозды. Все его тело тряслось, на шее вздулись вены, слюна вырывалась изо рта и стекала по подбородку. Глаза его были стеклянными, расфокусированными, полузакрытыми. В момент, когда рукоять кинжала легла в руку мужчины, дрожь в его теле прекратилась, уступая место размеренным, расслабленным движениям. Ловко, даже будто играючи, он подбросил в руке кинжал, совершивший в воздухе полный оборот. Затем перехватил его обратным хватом и одним резким ударом пронзил свое собственное сердце.

Сидящая напротив него высокая девушка, до этого неподвижная, резко выдохнула, задышала часто, шумно и напряженно. Она стерла следы пота с собственного лба и задней части шеи, и устала в пространство перед собой. Когда ее дыхание выровнялась, она встала и медленно направилась к выходу. Ненадолго оглянувшись, она окинула взглядом затхлый кабачок: несколько небольших столов, шаткие выцветшие стулья, потрескавшиеся потолочные балки, потертую барную стойку.

— Бывай, Дори, — сказала девушка безинтонационно и сделала шаг на улицу, толкнув горько скрипнувшую деревянную дверь.

Раздался щелчок замка. Варац поднял голову на звук и встал, прислушиваясь.

Это была Лилит. Измотанная, извалянная в грязи, и, кажется, раненная. Под глазами ее были синие круги, на лице была усталая, вымученная улыбка.

— Дорогуша, если ты хотела переночевать на псарне, могла бы так и сказать, — Варац подошел к ней и заглянул ей в глаза, ища в них следы лихорадки или бреда. — Отравлена?

— Нет.

— Сколько крови потеряла?

— Немного.

Лилит попыталась поставить хэй к стене, но выронила его на полпути. Вдетый в ножны меч громко стукнулся о паркетную доску. Лилит зашипела от боли в боку.

— Проходи и дай тебя осмотреть, — скомандовал Варац, подбирая упавший меч. Лилит слабо усмехнулась, видимо желая пошутить, но из груди ее вырвался лишь усталый, дрожащий вздох.

Варац помог ей снять куртку. Крови под ней оказалось столько, что сразу обнаружить ее источник оказалось проблематичным. Наконец Варац нащупал края нескольких рваных ран. Лилит сжала зубы и задышала чаще, пока чародей их осматривал.

— Еще что-то есть?

— Не знаю, — она прерывисто вдохнула.

Заметив бордовое пятно на штанине, Варац надрезал ее. Рана на бедре была хуже — глубокой, к тому же в довольно опасном месте. Кровь постепенно сворачивалась; похоже, вены задеты не были. Убедившись, что все остальное цело, Варац выпрямился. Движения его

стали чуть более расслабленными — прямо сейчас Лилит ничего не угрожало. Чародей включил горелку на лабораторной стойке и принялся шарить по шкафам.

— Иголka и нитки — последнее, что я надеюсь у себя найти, — услышала она его голос из другой части студии. — К тому же я совершенно не умею шить, ну какова напасть!

— Я умею, — Лилит подняла голову, оглядывая раны на боку. Голова немного кружилась, в теле была знакомая слабость. Пальцы левой руки покалывало. — Материализуй, гений. Это же металл и... — она сжала зубы. — Хлопок, сука...

— Отдать тебе должное, мыслишь здраво, — вскинул брови Варац, уже выводя в воздухе первые начертания. — Не отвлекай.

Материализовав толстую иглу и нить, Варац принес воды и флягу с настойкой. Лилит смыла кровь, полила на рану крепкого, и взяла в дрожащие руки нить с иглой.

Пока она штопала раны, периодически шипя от боли и вытирая кровь с рук о ткань, Варац приступил к приготовлению несложных припарок, которые должны были облегчить боль и предвосхитить заражение ран.

— Как прошло?

— Лучше, чем я ожидала, — ответила Лилит уже более ровным голосом, не отрываясь от своего занятия. — Подай воды.

Варац исполнил ее просьбу, и задержался возле нее.

— Кто тебя так?

— Ребята Дори. Я его грохнула, и вышла прямо к ним. Крепкие, сука, повозиться пришлось... — она смыла кровь, поджимая губы, и наложила еще один стежок. — Давно меня так не трепали. Сдаю.

— Ты ведущей руки лишилась меньше луны назад, — ответил Варац насмешливо. — Радуйся, что вообще жива.

— Не получается. Но работа сделана. И этому я пока еще могу радоваться.

Чародей махнул на нее рукой. Он помешивал отвар, чтобы не дать ему выкипеть, другой рукой готовя повязки.

Затянув последний шов и перевязав нитку, Лилит отрезала ее и отложила иглу с усталым вздохом. Кровь еще слегка сочилась из-под сшитых краев ран, но обещала скоро перестать. Варац неодобрительно посмотрел на размазанные пятна крови на паркете, накладывая мазь на повязки.

— Оклемаешься — будешь отмывать, — проворчал он.

— Вот еще, — фыркнула Лилит. — Я с двенадцати швабру в руках не держала. И начинать не собираюсь.

— А еще говорят, что все наемники беспринципные, — хмыкнул Варац. Он подошел к кровати, держа в руках сильно пахнущие повязки. — Вставай. Перевяжу и будешь отдыхать.

Он подал Лилит руку, помогая ей подняться с пола.

— Афаа не приходила?

Варац приложил припарку к ране, и принялся бинтовать.

— Нет. Было тихо. Ты чаровала?

— Ну и время ты выбрал... — Лилит поморщилась от боли. — Аккуратнее там. Прощась по воспоминаниям Дори, выудила что мне было нужно. Потом заставила его пырнуть себя в сердце.

— После двух бессонных ночей и прочего стресса последних дней? — Варац прекратил манипуляции и поднял на нее глаза. — Контроль над чужим телом? Не заливаешь?

Лилит мотнула головой.

— Поразительно, — чародей затянул повязки, и поднялся на ноги, задумчиво смотря куда-то в сторону. — Воистину, неизвестны.

— Что? — не поняла Лилит.

— Пределы дикой магии, — ответил Варац машинально, явно о чем-то задумавшись. — Чертовски любопытно.

Лилит осторожно улеглась на кровать поверх покрывала. Стоило ее голове коснуться подушки, как она тут же отключилась.

Лишь под вечер Варац успокоился достаточно, чтобы вернуться к чтению. Весь день мысли его лихорадочно бились в голове, не давая сосредоточиться ни на чем конкретном. Обычно в такие дни он делался дерганным и раздражительным до такой степени, что становился неприятен сам себе, но сегодня самоконтроль, почему-то, давался легче.

Стоило ему усесться на пол и прочесть название раздела: “Теории о существовании бесплотного во плоти”, как в дверь раздался стук. Варац посмотрел на спящую Лилит, и замер. Он быстро понял, что нет сценария, в котором они оба уйдут из студии живыми, если сейчас он разбудит ее. Более того, она выдворит его на крышу, а сама останется здесь, наедине с Афаа. Вараца передернуло от этой мысли, и он тихо, но решительно направился к входной двери с намерением открыть ее. Вероятно, это было идиотское решение. Но оно давало им какой-никакой шанс. Чародей щелкнул дверным замком.

Прошлое, нагоняющее тебя в настоящем, имеет свойство оглушать и выбивать из привычной колеи. Оно игнорирует прошедшее время, изменения, события, оставившие на тебе след за время вашей с ним разлуки; оно заявляется, самонадеянно полагая, что все в точности так, как прежде. И неважно, когда было это прежде, год, два, или целую жизнь назад.

Впрочем, Вараца уже давно непросто было застать врасплох. Удивить тоже: побочный эффект жизненного опыта, и, вероятно, самая удручающая сторона старения. Варац смутно узнавал черты стоявшей перед ним сульянки, но не мог вспомнить ни ее имени, ни где он прежде ее видел. Впрочем, его это волновало мало.

Оперевшись о дверной косяк с усмешкой на лице, Варац окинул девушку со змеиными глазами нарочито небрежным взглядом.

— А говорят, товар не портится с годами. Ужасно выглядишь, анса.

Сульянка со змеиными глазами брезгливо поморщилась.

— Huthala, — процедила она, почему-то отворачивая голову.

Варац степенно кивнул.

— Воистину, ничто не ново под луной, — он со вздохом оглянулся. — Ну? С чем пожаловала?

Ноздри сульянки гневно раздулись, и она сделала быстрый шаг по направлению к чародею, вынуждая того отступить назад. Дверь за ней с треском захлопнулась.

— Какая изумительная наглость. Если мне не изменяет память, в чужой дом в Гордой Нации без даров не приходят, анса.

Девушка ударила его под колено, явно не в силах больше сдерживать гнев. Чародей упал на пол, больно ударившись выставленным локтем.

— Будешь шуметь, прибегут соседи, — сказал он насмешливо, и в следующий миг голова его мотнулась в сторону от размашистого удара сапогом по лицу. Афаа сделала

несколько медленных шагов вокруг.

Варац машинально провел языком по ряду зубов, проверяя, все ли на месте. Облизнув разбитую в кровь губу, он стрельнул глазами в сторону кровати, краем глаза замечая, что Лилит там уже нет.

Он быстро оглядел нападавшую, ища, за что зацепиться. Вскоре он это нашел: наколка на запястье, полустершаяся, старая и едва заметная.

— С каких пор рабам разрешают покидать Сульян, интересно? — он сделал попытку встать. — Или султан вас, нелюдей, стал наделять правами свободного сословия? Большая ошибка. Собака в белом воротничке — все еще собака.

Следующий удар пришелся точно в ребра, и в этот раз не прошел так же бесследно, как удар по лицу. Варац ясно услышал хруст костей и почувствовал, как от резкой боли сперло дыхание.

В воздухе что-то просвистело, и в дверь с характерным звуком вонзился метательный нож. Сульянка резко повернула голову, но ей не пришлось даже уходить от следующего броска — второй нож был пущен еще кривее первого.

— Сука, — услышал Варац голос Лилит. — Уважаемый чародей, я так понимаю, ситуация гранат?

Варац зашелся кашляющим смехом, корчась от боли.

— Афаа, — Лилит склонила голову, стоя в дверном проеме. — Приятно тебя видеть.

Сульянка окинула ее цепким, оценивающим взглядом..

— С работой ты не справилась. Драку не переживешь. Не путайся под ногами.

Лилит устало качнула головой.

— Давай поговорим, что скажешь? Тут вино есть приличное, с твоей родины. А он пусть пока полежит. Можешь ноги ему сломать, если хочешь. Чтоб точно не убежал.

Афаа с ненавистью посмотрела на Вараца, из глаз которого лились слезы боли. Он улыбался чуть ехидно, и дышал прерывисто.

— О чем?

— О разном, — уклончиво ответила Лилит.

Афаа смотрела на нее прямо, будто решая, как поступить.

— Рана открылась, — она кивнула на повязку Лилит, по которой медленно расплывалось кровавое пятно.

Лилит оперлась о стену, борясь с головокружением.

— Тратишь время. Уходи, пока даю.

— Не могу уйти. Он мне должен, — Лилит кивнула в сторону чародея. — Три луны тут с ним сижу, все завтраками кормит.

— Очень в его духе, — Афаа вновь пнула чародея, поджав губы. Тот не издал ни звука. — Возьми вещь. В его вшивом особнячке каждая склянка стоила дороже полусотни рабов, — она присела возле Вараца, цедя сквозь зубы: — Так ведь, дорогуша?

Она схватила его за волосы и ударила лицом об пол. Если до этого Варац еще и был в сознании, то теперь совершенно точно его потерял.

— Видимо, больше нет, — хмыкнула Лилит, окидывая рукой пространство вокруг. — Живет как крот. Скульптура, может, чего-то стоит, но куда я ее упру? — она шмыгнула носом. — Дышит еще?

Афаа с видимой неприязнью приложила пальцы к его шее.

— Дышит. Lays tawil.

— Афаа, будь другом. Пусть оклемается. Я из него быстренько вытяну, где он бабки прячет, и свалю по-тихому. Делай с ним что хочешь. А меня тут и не было.

Еще раз посмотрев на Вараца, Афаа ответила после паузы:

— Тебя тут не было. Меня тут не было. Тебе — деньги, мне — месть, — она подняла глаза на Лилит, все еще сидя на корточках. — Идет?

— Еще как, — охотно кивнула Лилит и присела на пол, придерживаясь за бок. — Так что, будешь вино?

Афаа покачала головой.

— Подобрею. Кайф испорчу.

— Долго гонялась за ним? — с пониманием спросила Лилит.

— Долго.

— Хотела тебе его выдать, когда ты пришла, — призналась Лилит. — Даже жаль, что так получилось. Оказала бы тебе услугу.

— Это работа. Я не в обиде.

— Расскажи хоть, кого я от тебя защищала, — вздохнула Лилит. — Я про него не знаю ничего.

— Лучше продолжай не знать. Крепче спать будешь.

— И все-таки.

Афаа усмехнулась. Потом заговорила, и Лилит слышала, сколько в ее словах было старой боли и ненависти, которая росла и крепла внутри годами, пуская корни в самые отдаленные уголки ее сердца. Эта ненависть была огромной частью ее самой.

— Урод жил в своем особнячке. Клепал свои скульптуры и тряпки. Имел рабов. Рабынь.

Она поморщилась, поигрывая челюстью.

— Насиловал. Избивал. Издевался. Убивал. В своем специальном подвальнике. Потом одни собаки выносили трупы других собак. Зная, что дальше будут выносить их.

Она сплюнула презрительно.

— Нас зовут душегубами. Убийцами. Бандитами. Мразями. Вот — настоящая мразь. Знак видишь? — она приподняла запястье Вараца, указывая на полувывцветшую наколку между большим и указательным пальцами. — Значит shakhson. Человек. А вот это — она указала на свою, в том же месте. — Kalb. Собака. Шавка.

— Знаю, о чем ты, — Лилит кивнула на свои клейма.

— Ага, — протянула Афаа.

— Месть это дело чести, — вздохнула Лилит. — Жаль, мне мстить некому.

Афаа посмотрела на нее вопросительно. Злость постепенно уходила из ее взгляда, хоть она все еще хмурилась и смотрела исподлобья.

— На Севере клейма — дело коллективное, — пояснила Лилит, меняя позу и морщась от боли в боку. — Их ставят хорошие люди. А добрых людей очень, очень много.

— Может стать меньше.

— Пожалуй.

Они немного помолчали. Напряжение улетучивалось, оставляя наедине двух людей, закрытых от мира и обнаженных лишь друг другу. Среди наемников не бывает друзей. Но бывают те, чьи судьбы так похожи, что они понимают друг друга без слов. Иной раз лучше, чем супружеские пары.

— Извини, что так вышло.

— Сказала же, не в обиде.

— Ага.

Аметист, полный силы и решимости, встретился с опалом, отважным и настороженным. Густые черные брови хмурились от напряжения, безволосое лицо исказила гримаса ненависти. Змея вилась вокруг огня и не могла дотронуться до него, лишь шипя, а пламя не могло обжечь влажную змеиную кожу.

На бледном лице проступил пот, рука стиснула собственную ногу. Боль осталась в сознании размашистым следом, как пролетевшая в ночи зажженная стрела.

Было все меньше комнаты. Было все больше живой темноты. Все шептало и все говорило, стучало и билось, и болело, болело, болело... Больше не было ненависти. Была лишь тоска. Бесконечная, воющая, густая, такая же, как окружавшая их темнота. Которая расступалась перед ее светом, обнажая наполненные тоской глаза цвета опала.

— Eso... eso, — слышала она дрожащую мольбу. Мольба отозвалась в груди волной гнева, и пламя разрослось и заполнило черноту. Послышался невыносимо громкий звон, утонувший в хоре голосов. Лопнула струна. Все стихло. Раздался последний, преисполненный облегчения выдох бесконечного.

— Grande...

Темнота сомкнулась. Пламя остыло. Лилит открыла глаза.

Был краткий миг, пока она помнила. Она бы записала, будь под рукой угольный карандаш. Все, что ей удалось — обмакнуть палец в кровь открытой раны и вывести на полу одно-единственное слово: eso. Ее голова бессильно упала на пол.

Лилит очнулась в постели. Она тут же скользнула рукой под одеяло: проверить состояние раны. На нее был наложен свежий, ровный шов. Крови на пальцах не было.

— Долгой жизни, — поздоровался Варац, не отрываясь от книги.

Лилит присела, стараясь двигаться осторожно. Она посмотрела на чародея. У того была разбита губа и рассечена переносица. Все его внимание было устремлено в толстый фолиант.

— Тебя подлатала Юки. Тело тоже забрала она.

Значит, не показалось. Лилит не помнила их контакта, но помнила рот, разинутый в беззвучном крике. Помнила опал, безжизненно уставившийся в потолок. Афаа не боялась смерти. Она слишком часто видела ее в чужих глазах. В ней было лишь сожаление о том, что она не успела закончить начатое.

Варац отложил книгу с неслышным вздохом и посмотрел на Лилит.

— Я догадываюсь, о чем вы говорили. И я пойму, если ты захочешь... прервать наше соглашение.

Повисла густая тишина. Лилит перевела глаза на чародея. Он ожидал увидеть в них разочарование, боль или гнев, но они не выражали ничего. И это ощущалось — было — гораздо хуже.

— Сейчас, — заговорила Лилит тихо, но Варацу казалось, что нет ничего громче и пронзительнее звука ее голоса. — Я решаю, выйдешь ли ты отсюда живым.

Она повернула голову обратно, смотря в пустоту перед собой. Пальцами она поглаживала выступающую кость на культе, корпус ее слегка раскачивался. С улицы доносились голоса. В комнате было светло от выглянувшего солнца.

Через какое-то время Лилит встала. Она подошла к чародею и присела напротив, придерживаясь за бок. Она привычным жестом попросила у него крученку. Варац щелкнул портсигаром.

— Кажется, я понимаю того, кто придумал клейма.

Она закурила.

— Жаль, что система не работает.

Крученки прогорели до конца в полной тишине. Варац не сводил глаз с Лилит, ожидая ее решения. Наконец и она посмотрела на него в ответ.

— Благодарю сатори. Если бы не он, я бы не раздумывала.

— Знаю, — ответил Варац негромко.

Лилит сделала очень медленный вдох и такой же медленный выдох. Она закрыла глаза.

— Я никогда по-настоящему не прощала, — сказала она негромко, отвечая на незаданный вопрос. — И не жди, что у меня получится. Но я попробую.

Еще какое-то время они сидели в тишине. Потом Лилит вернулась в постель, а Варац снова уткнулся в книгу.

Шли дни, проводимые в зализывании ран. Вечерами Лилит подолгу сидела на балконе, слушая город. Каждый раз, выходя из студии за едой или вином, Варац был готов к тому, что по возвращению застанет ее пустой. Но каждый раз он видел худощавую фигуру, сгорбившуюся на полу возле арочного прохода. Она много времени проводила там, смотря

на непонятный кровавый развод на полу — единственный, который она запретила смывать.

Иногда Варац ощущал на себе ее продолжительный, изучающий взгляд, когда занимался чем-то посторонним. Он был готов к тому, что однажды этот взгляд завершится звуком меча, доставаемым из ножен, и научился существовать в этом состоянии постоянной готовности встретить свою смерть. Он давал ей возможность принять решение самостоятельно, и, пусть он об этом и не знал, именно это сыграло ключевую роль в вердикте, который вынесла Лилит. В одно утро она вышла из умывальной, и на лице ее была легкая улыбка, которую чародей не видел, казалось, целую вечность. Она посмотрела на него, подбрасывая в руке монетку, и сказала:

— Что-то мы засиделись, уважаемый чародей. Выберемся в город, что скажешь?

Смотря на ее непринужденную позу, Варац ясно почувствовал: ему был дан еще один шанс. Он хмыкнул, отвечая:

— Охотно, кирья. Охотно.

Пели птицы, и было удивительно тепло и погоже. Душный штиль сменился легким ветерком, приятно овевающим лицо. Былолюдно: народ высыпал на прогулки и за покупками, празднично шатаясь по городу и наслаждаясь поздним осенним солнцем.

Лилит и Варац сидели на деревянном балкончике одного из заведений певчего квартала, поглядывая вниз, на кипящую жизнь..

— Я хочу кое-что понять, — начала Лилит, делая маленький глоток из стоявшей перед ней кружки.

— Слушаю.

— Растя на Севере, — она говорила медленно и будто задумчиво. — Когда тебя самого растили церковники. Били, ставили на колени и бесконечно принуждали. Как так вышло?

Чародей сделал глубокий, неслышный вдох.

— Самому интересно, — ответил он, постукивая длинными пальцами по столу. — В разные периоды своей жизни я давал себе разные ответы на этот вопрос. Но разреши сначала спросить. Как ты думаешь, человек рождается с жестокостью или становится жестоким?

— Рождается. Мы уже вели этот разговор.

— Хорошо. Я так не считаю, но тут с какого угла ни посмотри, суть не меняется. Ты хочешь знать, как так вышло? Когда-то я считал, что это травмы. Когда-то, что страх. Все люди животные, просто у кого-то хватает смелости себе в этом признаться, был и такой ответ, — он усмехнулся немного болезненно. Его тон казался безразличным, но Лилит ясно чувствовала, сколько бессонных ночей он провел в попытках примириться со своим прошлым. И, кажется, так и не смог сделать этого до конца. — Это ответы. Оправдания я даже перечислять не буду, иначе до ночи тут будем сидеть.

— И какой из них ты считаешь верным сейчас?

— Я человек. А человек слаб. Власть, деньги и безнаказанность делают его еще слабее. Я ненавижу себя всю свою жизнь, по самым разным причинам. И это тоже сыграло свою роль. Очевидно.

Лилит ничего не ответила. Она понимала.

— Ты сказал, — Лилит облокотилась на стол. — что ты понимаешь, если я захочу разорвать наше соглашение. Почему?

Варац хмыкнул и слегка закатил глаза.

— Разумеется. Понимает ли любитель вечеринок, почему бандитка и наемная убийца вдруг захотела поступить по совести. Это тебя интересует?

Он посмотрел на нее, склонив голову набок.

— Преступники были единственными, кто принял тебя. Жить с чувством, что в любой момент тебе могут вонзить в спину нож, стало не просто данностью, но почти необходимостью. Их не волнуют твои клейма, твоё прошлое, твои взгляды. Их вообще ничего не волнует. Иногда от них приходится избавляться, конечно, но это всегда неприятно, верно? Но хотя бы понятно, зачем и чего ради. А тут, — он усмехнулся. — Большой вопрос. В конце концов, кто тебе ближе — бывшая рабыня, пробившая себе дорогу в люди, или тот, кто так напоминает тебе о твоих собственных мучителях? У меня к тебе ещё один вопрос, Лилит, — он глотнул вино. — Если человек рождается, а не становится жестоким, то может ли он изменить свою природу?

Деревянная вывеска внизу захлопала на внезапно усилившемся ветру.

— Нет.

Чародей кивнул.

— Так и думал.

— Я скорблю о таких, как Афаа. Насколько мне вообще доступна скорбь. Но я не ищу оправданий. Ни для нее, ни для тебя, ни для себя. Ты выбрал убивать. Она выбрала мстить. Я выбрала защищать то, что мне дорого. Каждый из нас следовал своему пути и оказался там, где оказался. Она сказала, что такие как ты хуже, чем я и она. Но никто не лучше и не хуже. Я могла бы снести тебе голову, вернуть меч в ножны и продолжить идти своей дорогой. Но выбрала этого не делать. Почему?

Варац молчал. На этот вопрос не существовало верного ответа, кроме того, что даст сама Лилит. И он ждал, что она ответит.

— Потому что мой путь не в том, чтобы мстить. Мечь это... слишком человечно.

Мимо прошла официантка, и Лилит сразу почувствовала, что она греет уши. Захотелось невзначай напугать ее, но Лилит махнула рукой, подумав, что она, вероятно, уже достаточно напугана их необычным разговором.

— И в чем же он, в таком случае? Твой путь.

— Чтоб я знала, — хмыкнула Лилит. — Ты ошибся в одном. Это не убийцы, налетчики и бандиты приняли меня. Это я приняла — и могу принимать — только их. Так уж сложилось.

— Семью не выбирают?

— То-то и оно, что выбирают. И я выбрала эту. И, хочешь ты того или нет, ты — её часть.

— Я тронут, — усмехнулся чародей.

— Ерничай-ерничай, — улыбнулась Лилит, делая глоток. — Лучше тебе все равно ничего не светит.

— У меня в жизни было достаточно лучшего, — кивнул Варац, задумчиво покачивая бокалом. — Лучшее — это скучно.

Задыхалось легче. Лилит прикрыла глаза, чувствуя, как солнце греет шею.

— Что изменилось? — спросила она, приоткрывая один глаз. — Почему ты покинул Сульян?

— Ответ “раскаялся и уверовал” тебя не устроит, я полагаю? — хмыкнул он. — Сложно сказать. Моя память, в отличие от твоей, склонна к подменам и забывчивости. Сейчас мне кажется, что я хотел быть чем-то ещё. Кем-то ещё. Но тогда, скорее всего, мною двигало нечто более прозаичное. Допускаю, что я пресытился и мне стало... скучно.

— М-м, — протянула Лилит. — Скучно, да?

— Относись к этому как хочешь, — пожал плечами Варац. — Тебя ведь интересует истина. У меня ее нет. Есть только версии.

— Всегда есть та версия, которую ты сам считаешь истинной.

— Есть версия, которая тебе нравится больше других. Это не делает ее истинной. Но ты ведь можешь увидеть, разве нет? Зачем спрашивать?

— Знаешь, люди ошибочно полагают, что прочтя чужие воспоминания можно узнать, как все было на самом деле. А я отвечу: это худший способ искать истину. Иной раз там такое творится, что хочется себе глотку расцарапать от чужой обиды и ненависти. Есть только эмоции и игры восприятия, а истиной там и не пахнет. И, — она подвинулась, меняя позу. — Я не хочу чувствовать то, что чувствовал ты, когда вспарывал глотки рабьям ради удовольствия. Есть места, из которых не возвращаются.

— Резонно, — промычал Варац в ответ. — И что же? Ты правда оставляешь в себе немного тех, в чьем разуме тебе довелось побывать?

— Да. К моему величайшему сожалению. Но плюс в том, что когда видишь тысячу истин, понимаешь, что ничто не истинно. А значит твоя истина — единственная верная.

— Потрясающе, — усмехнулся Варац. — Мне даже любопытно, что было бы, схлестнись мы в дебатах на академической трибуне. Тогда, когда мне еще было дело до чужих взглядов.

— Это до сотворения мира-то? — Лилит забарабанила пальцами по столу. — Судя по возрасту Афаа, Сульян был не так давно. Или я ошибаюсь?

— Грязно играешь, — Варац подпер висок пальцами, вальяжно развалившись в кресле. — Почему тебя так волнует, в каком году моя скромная персона нарушила покой своей семьи, появившись на свет?

— Меня не это волнует. Я хочу знать, сколько ты прожил в Сульяне.

— Надо было сразу установить лимит на количество вопросов, которые ты можешь задавать из позиции силы, — проворчал Варац. — Долго я там прожил. Учился, пытался приобщиться к академическому сообществу. У них любопытная школа, мне было что наверстать после консервативного Севера. Потом я увлекся искусством, после чего пропал. Что творилось в моей голове, описывать не буду; не к столу будет сказано. Какое-то время я прыгал по пустыням Сульяна с очень вдохновенным выражением лица, изображая странствующего голодного художника. Потом мне повезло завести парочку знакомств в свете — через старые академические связи — и мой скромный гений пригрел сульянский принц, которого забавляли мои безумные замашки. Дальше следует невообразимо скучная история о том, как молодой бездарь, опьяненный всеми благами, которые приходят вместе с протекторатом его высочества, катится под откос. Все начиналось довольно невинно — оргии, приемы, порошки и прочая чушь. Правда вот в чем: ненависть жила во мне давно. Она долго решала, куда же ей, несчастной, податься, вовнутрь или же вовне. Церковь, вырастившая вашего покорного слугу, учила направлять ее вовнутрь, и долгие годы я так и поступал. Пока не попал в общество, где в качестве жеста доброй воли считалось нормальным подарить соседу пяток человеческих существ. В Сульяне kalb не считаются — и не называются — людьми. На них не смотрят, с ними не говорят. Один шейх, чью семью я одевал на высшие приемы, любил заживо скармливать рабов своим собакам, и подобное отношение было не редкостью. Сначала я этого не понимал — сквозь прутья клеток я видел живых людей, пусть затасканных, диких и неграмотных, но людей. Но ты не представляешь,

как быстро это изменилось. Пугающе быстро, я бы сказал. Слухи о том, что творится в моем доме, поползли по двору и окрестностям. Но единственное, на что это повлияло — на цены моих кошмарных произведений. Как ты можешь догадаться, они взлетели до небес, и стали стоить гораздо больше, чем в действительности того заслуживали. Продавались уже не скульптуры, продавались слухи об изуверствах их создателя. Я еще и пользовался этим, как мог — спустил с поводка свое безумие, стер границы дозволенного, уничтожил любой контроль. Делал что первое в голову придет, просто чтобы посмотреть, как отреагирует общество.

— И как оно реагировало?

— Обожаю это, ясное дело. Такое развлечение, просто куда деваться, — Варац жестом подозвал трактирщицу, указывая на пустой бокал. — Классическая история трагического клоуна. Думаю, часть меня хотела посмотреть, как далеко я могу зайти. Другая часть, вероятно, хотела быть наказанной согласно деяниям моим. Я перешел все возможные и доступные грани. А сама история кончилась ничем. Однажды я просто ушел. Может, у этого и были какие-то предпосылки, но я не помню, что тогда было у меня в голове. Я был безумен, без преувеличений. Страдал провалами в памяти и целым ворохом самых разнообразных приступов. И у меня ушло чрезвычайно много времени, чтобы вернуть себе некое подобие контроля.

— Ты не ответил на вопрос. Когда ты покинул Сульян?

— Около сорока лет назад, — ответил чародей чуть неохотно.

Лилит задумчиво забарабанила пальцами по кружке. Потом она улыбнулась.

— Интересно. А ты знаешь, что Афаа среди наших была известна, как личная убийца султана?

Варац удивленно вскинул брови.

— Действительно, интересно.

— Сдается мне, взявший тебя под крылышко принц не случайно возвысил именно твою бывшую рабыню. Или случайно?

— Кто знает. Шехзадэ всегда был жутким интриганом. Кормил с руки худших представителей рода человеческого, чтобы просто наблюдать за их выходками и грызней. Есть ли разница? — он поморщился. — Это скучно.

— Может статья, что и нет. Но это, как минимум, забавно, — Лилит склонила голову набок. — Как думаешь, насколько султан ценит свои кадры?

— Почему мне знать? Но не думаю, что он когда-либо всерьез относился к бывшей kalb. Думаю, она его просто забавляла.

Лилит кивнула.

— Я удовлетворил твоё любопытство?

— Вполне. Не так уж и сложно было, правда?

— Оставлю за тобой право так считать, — хмыкнул чародей и встряхнул головой. — Ну-с? Что будем делать?

— Зализывать раны, — Лилит сделала крупный глоток. — Отдыхать пока рано. С крючка стражи я тебя сняла, и не думаю, что банде ты интересен, так что можешь снова ходить, куда вздумается. Мне с ними еще надо перетереть, но думаю мы договоримся. И к капитану зайти, отчитаться за Дори, тоже надо.

— Это все, конечно, интересно, — Варац помотал в воздухе запястьем. — Но я не о том. Со дня на день, если помнишь, в городе будет адельфос.

— Буду рада познакомиться, — кивнула Лилит. — Но сначала дела.

Варац поднял бокал в воздух, и они чокнулись. Лилит слегка переусердствовала, и по бокалу пошла трещина. Она усмехнулась, предвкушая перепалку с трактирщиком. Стекло в Чинджу было импортным, и стоило невероятно дорого.

На следующий день Лилит направилась в гарнизон, выбирая широкие и людные улицы. Лишившаяся головы банда сейчас была занята тем, как удержать свое влияние, и грамотно перераспределить обязанности, и им наверняка было не до нее. Но нельзя недооценивать мстительность и гнев тех, кто был обведен вокруг пальца, тем более когда их щека еще была красной от ее пощечины. Слух о том, что она работала со свиньями, несомненно поползет дальше, дойдет до Севера, и под корень разрушит ее репутацию, если Лилит срочно что-то не предпримет. И первым делом она направилась к капитану, который в этот раз принял ее без длительного ожидания в приемной.

— Лилит, — поздоровался он, как только она зашла к нему в кабинет. — Ранена, я слышал? Что говорит знахарь?

— Какая забота в вас проснулась, капитан, — усмехнулась Лилит, осторожно опускаясь в кресло напротив. — Жить буду. Повезло.

— Я уважаю тех, кто держит слово, — кивнул капитан. — В этом есть честь. К тому же, тебя приняли монахи, а это очень о многом говорит.

— Копнули под меня, я вижу? Если вам спится спокойнее с мыслью, что вы работаете с достойным человеком, флаг в руки. А я на днях договорилась сотрудничать со свиньями и убила для них своего друга. Так что, как говорит один уважаемый чародей, не разделяю сантимент, — Лилит подвинула ногу, чтобы рана не касалась кресла. — К делу давайте.

Капитан обратил взгляд в бумаги.

— Написали, как самоубийство. Муж знал о болезни, но его такой исход не устроил. Сказал она не попросилась ни с ним, ни с сыном.

— Боль ломает людей, — пожал плечами Лилит.

— К сожалению, — кивнул капитан. — Так или иначе, дело закрыто. Что еще... Кабак мы накрыли, со смертью владельца и в отсутствии завещания он отходит городу.

— Верните им, — сказала Лилит. — Они все равно его выкупят. Или, еще хуже, найдут другой, о котором вы не будете знать. Протяните руку для сотрудничества, они это оценят.

Капитан посмотрел на нее с недовольством и скепсисом. Лилит слегка закатила глаза.

— Слушай, я понимаю, что твой брат стояки ловит на идею о городе без организованной преступности. Но чудес не бывает, капитан, и ты их никогда отсюда не выживешь. Ты сам сказал, мы как паразиты. С этим я согласна, более чем. Твой лучший шанс — договориться с ними о взаимовыгодных условиях. Поверь мне на слово.

— Я подумаю об этом, — капитан слегка поморщился. — Думаешь, они на это пойдут?

— Их мало, они потеряны и разобщены. Пойдут. Но ты должен сам пойти на контакт. И не хвататься за меч каждый раз, когда они тебя назовут свиньей. Если выдержишь их провокации, выслушают. А если предложение будет выгодным, примут.

Капитан стукнул пальцами по столу.

— Тебе и Варацу положен иммунитет до конца сезона. Но не во все последующие визиты, это ясно?

— Да уж ясно, — хмыкнула Лилит. — Мне чтоб вас дурить по городу иммунитет не нужен. Вот видишь, о чем говорю? Будешь так хмуриться на любой их комментарий — выпрут тебя из норы и даже слушать не станут. Учись контролировать мимику, или отправь

переговорщика.

— Прекрати зарываться. Что-то еще нужно?

— Вообще-то, да. Относительно корабля с контрабандными гидрами. Капитана зовут ансан Корр, верно? Знаешь, кто это?

— Глава Сульянской Купеческой Гильдии, если я верно помню.

— А когда их корабль отходит, не в курсе?

— У них была какая-то неразбериха с накладными, — капитан прошерстил бумаги на столе, что-то в них выискивая. — А, вот. Должен был выйти позавчера, но пока задерживаются. Дату отправления еще не сообщили.

— Славно, — Лилит оперлась о стол, и поднялась на ноги. — Было приятно. У тебя сносные ребята, даже свиньями их называть не хочется. Удачи во всех начинаниях, капитан.

— Буду рад не видеть тебя в своем городе, — махнул рукой капитан, возвращаясь к бумажной работе.

— Хоть это у тебя с северными общее, — хмыкнула Лилит себе под нос, покидая его кабинет.

Лилит остановилась напротив норы, наметанным взглядом определив, что входная дверь была недавно снесена с петель, после чего повешена на место. Она открылась не сразу, и, зайдя внутрь, Лилит обнаружила пустое помещение без единого предмета мебели, кроме прочно прибитой к полу барной стойки.

Лилит прошлась по скрипучим, липким доскам, и зашла за стойку. Она присела, осматривая ее нижнюю часть. Наскоро простучав дерево в нескольких местах, она ощупала одну из секций с разных сторон, ища потайную заслонку. Она знала про тайник давно, не знала правда, что Дори там хранил.

Ручки не было, и фальшпанель пришлось зацепить ногтями, чтобы та согласилась отъехать в сторону. Внутри, среди паутины, Лилит нащупала что-то круглое и металлическое, и обхватила его худыми пальцами.

Сдув пыль с небольшой серебряной фляги, потемневшей от времени, Лилит потрясла ей в воздухе, услышав тихий плеск. Не без труда открыла засахарившуюся крышку и понюхала.

Посуды под рукой не было, и, пожав плечами, Лилит отхлебнула из горлышка. Это был добротный ром с пряностями, старый, но не потерявший в качестве. Интересно, из каких соображений Дори его хранил; при жизни он не отличался сентиментальностью.

Лилит успела сделать еще пару глотков прежде, чем дверь распахнулась.

— За подмогой бегали? — весело спросила она. — Долго вы что-то.

Перед ней стояла низкая, крепкая девушка с ярко-рыжими, явно крашенными порошком волосами, забранными в пучок. Ее сопровождали двое аньянгцев и молодая северянка.

— Фий, — Лилит подняла флягу в воздух, здороваясь.

— Лилит, ты че тут? — Фийка непонимающе посмотрела на нее. — Это ты, что ли, угрохала нору?

— Виновна.

— Зачем? — Фий звучала растерянно. Рука, в которой она сжимала короткий меч, опустилась.

Один из громил подался было вперед, но рыжая девушка шикнула на него. Лилит взглядела в ее лицо.

— Анэкуа, верно? — спросила она. Дори помнил ее как смышленную и амбициозную, и всегда доверял ей задачи посложнее, те, где требовалось думать. Лилит надеялась, что он не

ошибался на ее счет. — Присаживайтесь, поговорим.

— Да я тебе, сука... — начал было громила, и потянулся за пояс — то ли за ножом, то ли за острой звездой, но Фий цепко схватила его за запястье. Аньянгец собрался было переключить агрессию на нее, но Анэкуа, все это время неотрывно смотревшая на Лилит, повернулась к нему:

— Выйди отсюда. На стреме стой.

Тот резко выдернул руку из хватки северянки. Фий проводила его высокомерным взглядом.

Анэкуа, внимательно смотря под ноги, медленно подошла к стойке, остановившись в шаге от нее.

— Оружие убери, — потребовала она. Лилит кивнула, развязала оби и отложила хэй в сторону, так, чтобы его невозможно было быстро вытащить из ножен. Показав, что больше она ничего не носит, Лилит вновь облокотилась на стойку и глотнула ром. Анэкуа приблизилась; она выглядела напряженной и сильно хмурилась.

— Я не позлорадствовать пришла, — начала Лилит. — И не на костях плясать. И я думаю мы все будем рады, если обойдется без еще одной бойни.

— Чего тебе еще надо? — сжав губы в ленточку, спросила Анэкуа.

— Самую малость. Гарантию, что ты и твои люди — они же теперь твои, как я понимаю? — не будут ставить мне палки в колеса. Ни сейчас, ни потом. Я не хочу даже думать, что “мешаю кому-то из местных”, если вдруг у меня в городе заказ.

— Ты больная? Да от нас нихера не осталось! — сказала Анэкуа злобно. — Кто тебе мешать-то будет?!

— Сейчас — может быть. Но знаешь как говорят на Севере? Свято место пусто не бывает. Ты сообразительная, верю что вы и без Дори справитесь прекрасно. Отстроитесь, возьмете город. Может, со стражей подружитесь в этот раз — дольше протянете тогда. Бесплатный совет.

Лилит не удержалась от усмешки, глядя, как ее собеседницу крючит от злости.

— Не серчай, Анэкуа. Дори знал на что шел. И сгореть мне прям здесь, если я всего этого хотела, — у нее было совсем немного времени, чтобы перейти к сути: может, Анэкуа и была сообразительной, но кротким нравом явно не отличалась. — Мое предложение: я вам выплачу компенсацию. Этого хватит, чтобы выкупить нору, заново ее обставить, еще и останется на первое время, пока снова не отобьете лавки.

Она сделала паузу на глоток, оценивая эффект от своих слов. Анэкуа все еще играла челюстью, но гнев в ее глазах подостыл; вместо него туда просочился расчетливый холодок.

— Зачем? — спросила она коротко.

— Потому что мне здесь еще работать, так или иначе. И лучше нам сохранить нейтралитет, не думаешь? Все просто: я вам жертвую крупную сумму, благодаря которой вы сможете продолжить существовать. А вы придерживаете слушок, что я ходила к свиньям. И даете мне спокойно работать. Сейчас, через год, через пять, неважно. С остальными наемниками обращайтесь, как решите сами. Хоть раздевайте догола и пускайте восвосяи верхом на ослах. Ну?

— Сколько?

Лилит подняла глаза к потолку.

— Двадцать, плюс-минус.

— Откуда?

— Наследство богатого дядюшки. Не бойся, искать не будут. Это мое личное. Считаю, я в вас инвестирую.

Она посмотрела на Лилит недоверчиво.

— Ни процента не хочешь, ничего?

— Хочу, чтоб ты поднаторела в переговорах, если собираешься банду возглавлять. Но пожалуй что и все.

Анэкуа выпрямилась и, немного подумав, коротко кивнула.

— Чудно. Где я живу, вы наверняка знаете. Присылай народ в удобное время. Пытаться меня обнести не советую — если хорошо следили, то знаете, что Афаа из моего дома так и не вышла. Не на своих двоих, по крайней мере.

— Я не дура, — кивнула Анэкуа. — Лезть к шишке в пасть. Пришлю пацанов.

Лилит символично поклонилась и посмотрела на Фий.

— У тебя с ними еще дела? Или прогуляемся?

Северянка тряхнула русой косой и посмотрела на Анэкуа вопросительно. Та коротко кивнула, показывая, что у нее к наемнице дел больше нет. Они покинули нору, и Фий озадаченно почесала лоб.

— Вы о чем говорили? — спросила она, убирая меч в ножны, когда они вышли из подвала и ступили на ровную землю. — Я ж не балакаю по ихнему.

— О возможностях. Ты-то с ними каким боком? — Лилит кивнула в сторону улицы, и они направились к выходу из переулка.

— Дак не уплыть было, в штить... После погромов в городе они ко всем оставшимся наемникам пришли, расспрашивали.

— Разумеется, — кивнула Лилит. — Умная девка. Если толковых ребят себе в качестве рук возьмет, отобьет город как нечего делать.

— Лилит, я нихера не понимаю, — пожаловалась Фий. — Ты их главного зарезала, а они тебе в пасть смотрят!

— Людей заботит выгода, Фий, — вздохнула Лилит, потягиваясь. — А от моей дохлой тушки им никакой выгоды больше нет, зато проблем целый ворох. Ты-то что думаешь делать? Домой мародерить поедешь? Я слышала там беспокойно на северной границе опять, самое оно гон по деревням устроить.

— Да я чет думала... Может, и правда в городе окопаться. Денег, кажись, больше будет и так и так. Все рядом, опять же. Да и че я, до старости чтоль буду по болотам прыгать?..

— И куда думаешь?

— Ну... В Синепалк, походу, куда еще-то?

— Если в Синепалк, иди сразу к атаманше Крыс. Скажи что от меня.

— У тебя и там подвязки? Тьфу ты, — Фий сплюнула с досадой. — Че я делала всю жизнь, а? Пахарей и земель гоняла за колоски, твою мать, а могла бы...

— Не кручинься, душа, — подмигнула ей Лилит. — Времени еще полно. Успеешь себе имя сделать. Пропустим кружку, как в городе буду?

— Спрашиваешь. Только полегче с хайаном в этот раз, — Фий утерла нос, веселея на глазах. — Ну, пойду тогда! Соберусь и корабль найду.

— Бывай, Фий. Чистой и гладкой.

Они крепко пожали руки на прощание.

Лилит сидела на одном из пустых ящиков, молча созидая вяло движущийся порт. Был спокойный полдень, пообедавшие матросы отсыпались в каютах либо шатались по городу,

кто-то играл в кости, кто-то рыбачил. Народу под палящим дневным солнцем было немного, и эти немногие стремились укрыться в тени козырьков крыш и корпусов кораблей. Стоял полный штиль, и ни один корабль не входил в порт и не покидал его.

Сульянские корабли в порту выделялись среди прочих: все они были если не новыми, то со свежим ремонтом, краской, и, как на подбор, крепкой и выносливой командой. Сульянцы крайне ревностно относились к имиджу, и Лилит подозревала, что аналогичную черту Варац перенял именно у них. Определенное общее высокомерие между ним и сульянцами тоже прослеживалось; только у них оно было основано на национальной принадлежности, а у Вараца — на профессиональной. Если чародейский дар можно было так назвать.

Лилит задумалась о своем, смотря на воду, чуть шурясь от солнца и ярких бликов. В левой руке она крутила монетку, то и дело роняя ее себе под ноги. За годы она выучила множество трюков: это позволяло убить время в засадах, развивало реакцию и мелкую моторику, помогало думать. Теперь она могла разве что прогнать ее от большого пальца к мизинцу, и то не всякий раз. Лилит размышляла и прикидывала, сколько у нее уйдет времени на то, чтобы восстановить навык. По всему выходило, что много.

Профессиональные наемники редко получали серьезные увечья. Потеря конечности в бою, как правило, означала немедленную смерть. Бывало, разумеется, всякое, и если наемник терял руку, ногу или зрение, то оставлял свое ремесло. Большинство из них могли позволить себе безбедную старость на накопления и сбережения. Чуть менее востребованным и удачливым светило купеческое дело, в котором могли пригодиться старые подвздки. Иногда уходили в контрабандисты, иногда шли в разведку. Лилит не могла вспомнить иных случаев. Может, они и существовали. Но она о них никогда не слышала.

Лилит устало провела рукой по глазам. Она решительно встала с места с мыслью о том, что имеет право и желание насладиться своей победой и провести остаток дня, не мучая себя вопросами и сомнениями. Она встряхнула хвостом, отгоняя страх и тоску, и решительно направилась в трущобы с твердым намерением вытащить Вараца в город.

Пусть и не сразу, но Лилит смогла получить удовольствие от своей новообретенной власти. Власти идти по ночному Чинджу и не всматриваться в лица случайных прохожих, не прислушиваться к шагам за спиной, не стрелять глазами по переулкам в поисках слежки. Она позволила себе купаться в лучах своего триумфа, и загадочно улыбалась чувству безоговорочной победы. Варац рядом ней тоже пребывал в беспечном настроении, но без всякой на то причины, просто потому что ему того хотелось.

В какой-то момент их вечерней прогулке стал сильно мешать ни на шутку разбушевавшийся ветер, обещавший сильный шторм. Домой возвращаться не хотелось, но и задержаться на улице означало вымокнуть до нитки, в лучшем случае. Ветер был неоднородным, и дул, казалось, со всех сторон, завихряясь в переулках и вздымая клубы дорожной пыли, опавшие листья и прочий мелкий мусор.

— Есть же деньги, — заметила Лилит, вытряхивая из хвоста мелкую веточку. — Пошли в таверну.

— Меня уже тошнит от ваших забегаловок, кирья, — фыркнул Варац и отплюнулся от прилетевшего ему в рот песка. — Какое хамство. Ладно уж, покажу одно место. Коль уж наружа столь неприветлива.

Чародей, зябко кутаясь в джеллабу, довольно быстрым шагом повел Лилит вперед по улочкам. Прямо над ними под порывом ветра порвалась бумажная гирлянда, моментально завившаяся вокруг столба.

— Хорошо хоть потушить их додумались, — буркнул Варац, ежась.

Вскоре в отдалении засверкали молнии. Ветер такой силы должен был принести грозу меньше, чем за мину, и осознание этого факта погнало их по улице вдвое быстрее.

— Водички боитесь, уважаемый чародей? — насмешливо спрашивала Лилит, перекивая завывающий в переулках ветер.

— Можно подумать, ты любишь хлопнуть водой в сапогах! — ворчливо отвечал Варац, с тревогой поглядывая на приближающиеся грозовые тучи.

— Южные грозы приятные.

— Если ты никогда не мерзнешь, то и северные, вероятно, тоже. Но не всем так повезло, знаешь ли.

Они нырнули в один из переулков и остановились перед неприметной дверью, ведущей в одноэтажный жилой дом, маленький, но крепкий. Над дверью неярко светом горел магический огонек, окрашенный порошком в красный цвет.

Варац коснулся ручки двери. Та легко распахнулась под порывом ветра, и Лилит с любопытством взглядела в непроглядную темноту внутреннего интерьера. Выглядела темнота неуютно, и ступать туда совершенно не хотелось.

— Ну? Вас за ручку подержать, кирья? — чародей кивнул в сторону дверного проема, зиявшего пустотой.

Лилит фыркнула, переступая с ноги на ногу.

— Дорогуша, бога ради. Это просто пустая комната. Явно не страшнее, чем твои путешествия в разумы демонических созданий, — чародей с трудом удерживался от смеха.

— Опыт научил меня не ходить туда, где ничерта не видишь, — буркнула Лилит.

— Потому что всюду клятые супостаты, тенёты и засады?

— Потому что можно споткнуться и расшибить бошку, — ответила Лилит почти с досадой. — Что за спектакль, уважаемый?

— Да так, — ответил Варац, унимая тихий смех. — Развлекаюсь за чужой счет. Не серьезно, пошли. Вот-вот хлынет.

Он сделал решительный шаг вперед и исчез в темноте. Тихо ругаясь, Лилит последовала за ним, преодолевая некоторый страх перед неизвестным. Она доверяла Варацу, но все ее звериные инстинкты замирали при виде неестественной черноты, наотрез отказываясь повиноваться рациональному зерну. И все же, человек на то и человек, а не животное, что может принимать осознанные решения совершать глупости.

Опасаться, впрочем, было нечего: стоило Лилит переступить порог, как из темноты проступили искусно украшенные интерьеры: множество мягких ковров, низкие стулья, крохотная круглая сцена из красного дерева. Освещение было мягким и приглушенным, играла ненавязчивая музыка. Лилит огляделась, и, увидев несколько неприлично красивых сульянок, одетых в цельные, абсолютно прозрачные воздушные платья, тихонько рассмеялась сама себе.

— Сульянский бордель? Ты серьезно? — спросила она.

— Вполне, — с улыбкой ответил Варац. — Здесь самая приличная сульянская кухня в городе. Шоу тоже ничего, интересные.

К ним подошла девушка с учтивой улыбкой на лице. По одной этой улыбке Лилит оценила класс заведения; чем дешевле бордель, тем откровеннее на тебя вешаются, это было простое и зарекомендовавшее себя временем правило. Судя по целомудренной вежливости в глазах и позе девушки, они были в очень, очень дорогом заведении. Лилит бросила быстрый

взгляд на ее пальцы и шею, и не удержалась от уважительной усмешки, не обнаружив там магических аксессуаров.

— Давайте без прелюдий, анса, — устало вздохнул Варац еще до того, как она открыла рот. — Мы поесть, дополнительных услуг не надо. Низкий столик, если можно.

Девушка кивнула, продолжая улыбаться, и поманила их рукой.

Пол оказался настоящим минным полем: Лилит дважды споткнулась о бархатные подушки, валявшиеся где ни попадя, пока они добирались до круглого столика. Он стоял в искусственном углублении в стене, и был украшен тяжелыми бархатными шторами, которые при желании можно было задернуть, обеспечив себе приватность.

— Ты не смотри, что здесь пусто. Начнется шоу и подтянется народ, — сказал Варац, усаживаясь за стол, и заговорил с девушкой по-сульянски.

— Затосковал по пустыням? Почему сюда? — спросила Лилит, когда девушка, приняв заказ, покинула их столик.

— Потому что это Чинджу, дорогуша. Тут не то чтобы огромный выбор действительно хороших заведений. Есть еще одно недурное, но мне там лучше не показываться еще некоторое время.

Лилит посмотрела на огромных размеров абажур, висящий прямо над сценой.

— Как недальновидно, — заметила она, цокая языком.

Проследив направление ее взгляда, Варац не согласился:

— Напротив. Хорошо освещает сцену.

— И упадет на голову одной из девочек. Рано или поздно.

— Знаменитый северный оптимизм, — кивнул чародей. — Смысл жать рожь, если амбар все равно сторит.

— Элементарная безопасность. И практичность. Если твои вложения — это люди и их наемный труд, в твоих интересах, чтобы они хорошо ели, высыпались и не работали в опасных условиях.

— Дорогая моя, не обижайся, но бордель — одно большое опасное условие. И страшно неблагодарная работа.

Лилит покачала головой с хитрой ухмылкой.

— Как посмотреть, как посмотреть.

— А как еще на это можно смотреть? Уж не хочешь ли ты сказать, — Варац рассмеялся. — Что в твоей многостраничной биографии есть и такая глава?

Лилит уклончиво пожала плечами с загадочной улыбкой на лице.

— Изумительно, — Варац заинтригованно подался вперед. — Я требую подробностей!

— А, — Лилит махнула рукой. — Недлинная была глава. Seriously, хочешь послушать?

— Еду здесь готовят неприлично долго, а обнаженные сульянки — развлечение для молодых, — он устроился поудобнее, приготовившись слушать. — Так что да, разумеется. Я весь внимание.

— Ай, сука! — пискнула Лилит, потирая ушибленную поясницу.

— Еще раз сюда сунешься, одними пинками не отделаешься, — прогремел детина, только что вышвырнувший ее на улицу. Он хлопнул входной дверью так, что зазвенели занавешенные изнутри окна.

Тихо ругаясь, Лилит принялась в сотый раз обходить дом. В последний раз она пробралась через узкое окно, ведущее в уборную. Настолько узкое, что даже ее худощавая задница умудрилась там застрять. Так ее и поймали: свесившуюся головой вниз над ночным

горшком, брыкающуюся в своей унижительной ловушке.

В очередной раз убедившись, что задняя дверь заперта, а не заклинена, Лилит раздраженно пнула ее ногой и громко выругалась.

Последние три дня она провела, трясь вокруг Огненной плети — так называлось заведение, славящееся своими непомерно узкими окнами. И еще огромным количеством вещей, которые Лилит заботили куда меньше.

Ей позарез нужно было внутрь. Недавно она услышала про работницу Плети с заячьей губой, и была обязана выяснить, не Тати ли это. Не то что бы Лилит специально искала ее, но такую наводку проверить была обязана. Что-то подсказывало Лилит, что если Тати жива, то она в Синепалке. Слишком уж вольный у нее был нрав.

Она приходила сюда каждое утро и ждала до ночи, пока не начинала засыпать на ходу. За три дня она не видела ни одной работницы, покидавшей заведение: ни через заднюю, ни через переднюю дверь. Лилит была понятна такая конспирация: у владельцев подпольных заведений в рукаве много трюков, чтобы гарантировать своим гостям безопасность. Кто-то держал при себе телепортационных магов, кто-то иллюзионистов, кто-то еще на этапе планирования включал гигантских размеров взятки в ежелунные расходы заведения.

Лилит была близка к тому, чтобы признать поражение. Насколько заячья губа вообще редкое явление? Вероятно, это не она. Вероятно, это того не стоит.

В пораженческих настроениях Лилит уселась возле двери. Внутренний зуд попасть внутрь не унимался, несмотря на долгое, не принесшее плодов ожидание. Он не позволял ей махнуть рукой и пойти домой. Лилит понимала, что сидеть возле двери и ждать неизвестно чего, слепо идя на поводу у загадочного предчувствия, глупо. Но она не могла поступить иначе.

В подворотню зашла женщина средних лет. Лицо ее было слегка опухшим и морщинистым, под глазами были крупные мешки — всем известные следы нелегкой жизни. Женщина выглядела уставшей, почти изможденной; так выглядят лица тех, кто с малолетства тяжело работал, плохо питался и недосыпал. У многих на севере были такие лица. Они носили особое выражение, особый отпечаток смирения с тяжелой судьбой. Чаще всего в их глазах была злоба, а взгляд был полон враждебности человека, которому никогда ничего не принадлежало, даже его собственная жизнь. Однако же, взгляд этой женщины был другим — прямолинейным, гордым. Так смотрели те, кто отважился взять судьбу в свои руки и смог не только выжить, но и преуспеть.

Женщина зашагала к двери, возле которой сидела Лилит. Та вскочила и затараторила, едва справляясь с волнением:

— Вы здесь работаете?

Женщина, до этого не достаившая девочку вниманием, остановилась в шаге от двери и нехорошо посмотрела на нее. Потом усмехнулась с тоской и горечью.

— Совсем капитан нюх потерял. Шлет малолеток за себя работу делать, — как будто разочарованно сказала она самой себе.

Покачав головой, она потянулась к наплечной сумке, выудила оттуда огромную связку ключей и начала их планомерно перебирать.

— Какой капитан? — непонимающе отозвалась Лилит. — Нет никакого капитана! Я подругу свою ищу!

Женщина поморщилась, продолжая выискивать нужный ключ.

— Можешь ему сказать, что старая Эдне дала тебе поджопника и обещала прирезать

следующую замарашку, которую он пошлет. Сильно бить не будет, особенно если поплачешь.

— Да не работаю я на свиней! — с досадой ответила Лилит. — Вот! — она задрала рукав рубашки, демонстрируя два из четырех клейм.

Женщина взглянула на шрамы и только пожала плечами.

— Украла кошелек и прогуливала в церковной школе? Тоже мне, нашла чем гордиться. Капитан и не таких под крыло берет — вон, полные улицы его подкормышей, все в шрамах да ожогах. Сидят, слушают, запоминают, бедные дети, — в ее бесстрастный голос просочились досада и грусть.

Лилит молча закатала второй рукав. Женщина увидела их, и впервые за все время разговора посмотрела прямо на Лилит. Та увидела ее глаза; светло-зеленые, пронзительно яркие, пристально изучающие девочку.

— Правда или ложь? — спросила женщина, следя за движением каждого мускула на ее лице.

Лилит затаила дыхание.

— Правда, — твердым голосом, со сталью во взгляде соврала она.

Женщина не двигалась с места. Лилит чувствовала, как на нее складывают булыжники, которые сейчас придавят ее к земле. Ей стоило огромных усилий не отвести взгляда, но она выдержала. Женщина, наконец, отвела глаза и снова уставилась на связку ключей. Лилит ощутила огромное облегчение и неслышно выдохнула подрагивающим ртом.

Женщина вставила ключ и повернула его несколько раз, прижимая дверь ногой. Она выругалась на заедающий замок, дернула еще раз, и, наконец, открыла.

— Ну пошли, талантливая ты моя.

Лилит воссияла и проскользнула в дверь вслед за женщиной. Внутри было влажно, воздух был спертым и густо пах мускусом. Задняя дверь, через которую они вошли, вела в коридор и не соединялась с основной залой, которую Лилит успела рассмотреть с плеча вышибалы, пока ее выносили прочь.

Коридор вел в другое помещение, где пахло парфюмом, стояли туалетные столики и были расставлены кресла, казавшиеся удобными. Женщина присела в одно из них и устало провела по лицу руками. Посмотрела на Лилит задумчиво, слегка склонив голову набок. Рука ее потянулась в карман и выудила оттуда медный портсигар. Женщина неспешно открыла его и пробежалась пальцами по крученкам, будто выбирая. По небрежному щелчку ее пальцев на столе вспыхнул крохотный магический светильник с ручкой. Подкурив, женщина сделала глубокую затяжку, откинулась на спинку кресла и шумно выдохнула, подняв голову к потолку. Еще раз взглянув на Лилит оценивающим взглядом, жестом предложила присесть напротив себя. Девочка послушно села в кресло и закинула ногу на ногу, желая казаться более расслабленной, чем чувствовала себя на самом деле.

— Как зовут тебя, талантище?

— Лилит.

Женщина рассмеялась тихим, грудным смехом.

— Уже и псевдоним придумала, иш пряткая.

— Это имя.

— Пóлно врать. Самая ублюдочная на свете мать не назовет ребенка Лилит. Не на Севере.

Лилит не ответила.

— Впрочем, — женщина стряхнула пепел. — Неважно, как тебя зовут на самом деле. Настоящими именами мы здесь не пользуемся. Хочешь — будешь Лилит, хоть самым сатаной назовись — мне без разницы. Учти, я кого попало к себе не беру. Но ты ничего, симпатичная. Мелкая, правда, но пару лет мой чародей тебе накинёт без проблем. А может и так все оставим. У гостей бывают свои причуды.

До Лилит наконец дошло, в чем дело.

— Вы не поняли... Эдне, да? Я не работать к вам. Я подругу ищу. Слушок ползал, что она тут у вас работает.

Женщина удивленно округлила глаза. Потом расхохоталась громче прежнего.

— А я, дура старая, думала ты шифруешься, — она утерла слезы. — Не пойми меня неправильно, многие хотят в Плети работать, да только не знают кого спрашивать. Большинство даже не знает, где. А ты не только отыскала место, еще и терлась тут без малого четыре дня.

— Так вы знали, что я тут?

— Девочка, я знаю обо всем, что происходит в моем заведении и вокруг него. Иначе не удержала бы дело и тамисы. Поделись, если не секрет, как ты нас нашла.

Лилит настороженно посмотрела на свою собеседницу. Она не была уверена, какие сейчас отношения между Плетью и ее старой бандой. Вернее всего было перестраховаться.

— Слухи, — уклончиво ответила она.

Женщина прищурилась, немного злобно, как показалось Лилит. Но лицо ее быстро расслабилось и приняло прежнее безучастное выражение.

— Своих сдавать не хочешь? Твое право. Не самое плохое качество, вызывает уважение. Поэтому я им тоже обладаю. Работа у меня такая — вызывать уважение.

Женщина замолчала, продолжая смотреть на Лилит. Та поняла, что Эдне ей ничего не скажет и поникла, зная, что ничего не может ни предложить, ни противопоставить этой женщине.

— Твоя подруга, которую ты ищешь... Кто она тебе? И пожалуйста, без вранья. Лжешь ты неплохо, но со мной не пройдет, даже не пытайся.

Лилит поддых ударило осознание того, что Эдне раскусила ее ложь. Она слегка стушеввалась, но постепенно справилась с охватившей ее досадой и смущением.

— Мы приютские... — начала она.

Лилит рассказала ей историю о приюте, Тати и побеге, аккуратно избегая имен. Она старалась передать суть и не углубляться в детали, и внимательно следила за реакцией женщины. Та с интересом слушала, изредко задавая уточняющие вопросы. Лилит ожидала перемены в ее лице, когда рассказывала о нападении на настоятельницу монастыря, но Эдне оставалась бесстрашной. Впрочем, она едва заметно, но тепло улыбнулась, когда Лилит упомянула об освобождении сироток.

— Словом, — подытожила Энге. — Ты напала на спящую пожилую женщину, после чего вверила другой бездомной соплячке двадцать детей, половина из которых едва научилась ходить. И ты считаешь, что поступила правильно?

Лилит задумалась. Потом подняла глаза.

— Лучше чет сделать, чем вообще ничего. Так у них хоть был шанс.

Энге медленно кивнула. Немного помолчала.

— Хорошо. Теперь давай о тебе, — светильник снова загорелся. — Расскажи как тебя занесло в Синепалк, что с тобой было до приюта. И об этом вот, — она указала на

клейма. — тоже расскажи.

Лилит немного растерялась. Прежде ей не приходилось суммировать свою биографию. Большую часть ее она активно пыталась забыть, и возвращаться в эти воспоминания совсем не хотелось. Рассказать о банде тоже, вероятно, придется. Но надо быть аккуратной в выражениях.

Она рассказала все, как есть, опуская лишь незначительные детали и компрометирующие подробности. Воспоминания из деревни, где она получила второе клеймо, были для нее особенно болезненными. Лилит почувствовала, что не сможет контролировать дрожь в голосе, и пропустила эту сцену, посмотрев на Эдне со смесью непережитой до конца боли и вины, словно прося разрешения не говорить об этом. Эдне почти незаметно улыбнулась уголками губ, но Лилит заметила этот простой жест и впервые за все эти годы почувствовала себя не наедине со своим прошлым, которое вечно нависало над ней угрожающей тенью.

— И сейчас ты живешь с чародеями?

Лилит кивнула.

— И как тебе с ними?

Она пожала плечами.

— Нормально. Я в банду пыталась вернуться, но старший попер. Чародеи учат и кормят. Я взамен слежу за зверьем и за домом.

Эдне пристально посмотрела на нее.

— И что ты планируешь делать дальше?

— Не знаю, — немного подумав, ответила Лилит.

— Подытожим. Тебя приютили на неопределенный срок, будем честны, из жалости. Как думаешь, как скоро эта жалость пройдет и им станет неуютно жить с почти взрослой козой, которая ни чеканки не зарабатывает?

Лилит отвела взгляд.

— Ты талантливая, я это вижу. Много понимаешь. Три года в банде совсем соплячкой, а обе руки на месте, и голова еще на плечах. Вот что, Лилит. Мое предложение в силе. Поработаешь у меня луну-другую, глядишь и про подружку свою что узнаешь. Если для тебя это, конечно, важно. Заработаешь на свое жилье, встанешь на ноги. Работай исправно, а деньгами я не обижу. Подумай. Только не слишком долго. Вакантные места у меня закрываются быстро.

— Я подумаю.

— Вот и славно. Приходи через пару дней. Туда же, к задней двери. В этот раз три дня ждать не придется.

Подали вино. Варац кивнул, не глядя на официантку.

— Любопытно, — он принялся, глядя на Лилит поверх бокала. — Из банды и башни чародеев в бордель... Интересная карьерная лестница, вынужден признать.

— Куда уж интереснее, — Лилит сделала глоток, и лицо ее невольно приняло выражение приятного удивления. Вино было отличным, возможно лучшим, что она когда-либо пробовала. Варац улыбнулся. — А вы знаток, кирье. Да... Я Плети многим обязана. Именно там я научилась работать с информацией. И находить тех, кто готов за нее заплатить.

— А-а, — он щелкнул пальцами. — Имеет смысл! Сама додумалась?

— Случайно вышло. Когда вертишь в руках чье-то сознание, бывает тяжело справиться с

искушением залезть, куда не просят.

Варац поморщился.

— Борьба с искушениями это что-то из церковной академии. Давай вот без этого, пожалуйста. И как же ты чаровала в бордели, позволь поинтересоваться? У меня множество догадок, одна лучше другой!

— Так, как ты, вероятно, себе представляешь. Рассказываю дальше?

Варац с готовностью кивнул.

Огненная плеть была закрытым клубом, работающим исключительно по спискам. Войти туда могли только те, за кого готовы были поручиться уже доверенные гости, более того, единовременно один член клуба мог привести с собой только кого-то одного. Плеть брала дорого, но гарантировала строжайшую конфиденциальность, безопасность и самый широкий спектр услуг. Судя по всему, модель работала; к моменту прихода Лилит Плеть под началом Эдне стояла в Синепалке вот уже двадцать лет.

Совсем скоро Лилит была знакома с каждым из постоянников, знала их вкусы, места работы, расписание и привычки. В Плеть часто приезжали издалека; нередкими гостями были высшие церковные чины, из тех, кого никто никогда не видел в лицо. При общении они казались нормальными, почти приятными людьми, вопреки расхожему среди безбожников мнению, что высокопоставленные церквуши обязательно должны обладать рогами, копытами, и питаться исключительно детьми. Гости обсуждали интересные вещи, не всегда Лилит понятные. Они сыпали незнакомыми именами и невообразимыми суммами в своих речах, говоря о наследствах, претензиях архонов на земли и знатных родовых домах... А Лилит слушала. И запоминала. Запоминала то, из чего могла вынести толк, и зазубривала то, из чего не могла. Пробелы в знаниях приходилось закрывать, невзначай задавая вопросы Идри и Дарири, и Лилит делала все это, повинувшись неясному звенящему чувству, что она невольно оказалась в самом центре чего-то важного. Что через ее руки текли невероятной ценности сведения, и все, что нужно было сделать — вовремя сжать ладони. Этим она и занималась, грея уши в рабочие часы, и неслышно перебирая губами в гримерке, стараясь не забыть очередное заковыристое имя. Благодаря этому и учеба в башне пошла легче: Лилит, которой все еще сложно было складывать слова в предложения, начала практиковаться усерднее, надеясь найти полезное применение навыку чтения. Наверняка в городских архивах немало информации, которая отлично дополнит ту, что она получала в Плети. Цепкий ум молодой бандитки увидел возможность и ухватился за нее, как за обещание чего-то интересного и как за перспективу лучшей жизни. Лилит впервые подумала, что однажды хотела бы не иметь старшего. Работать для себя, так, как сама того захочет. И она двигалась к этой неясной, полуоформившейся мечте, как то было ей доступно: болтая с девочками в гримерной, слушая гостей, читая и стараясь быть везде и быть невидимой.

Бумаге свои наблюдения она не доверяла. У мадам Эдне было всего три неукоснительных правила: хранить чужие тайны, не использовать имен и никогда не появляться в Плети, не нося морока. Прочие правила, более мелкие, носили более гибкий характер, за нарушение же этих трех... Никто не говорил этого вслух, но все понимали, что случалось с теми, кто их нарушал. Лилит понимала этот порядок: мадам охраняла огромное количество тайн, защищала их, себя и своих работниц. И, конечно же, свое дело. Лилит понимала и то, что стоит ей по неосторожности обронить кривую заметку, или дать мадам повод для подозрений, что она собирается как-то воспользоваться полученной информацией, и следующей исчезнет уже она. Доверять Лилит могла лишь своей памяти, не

самой лучшей на свете, но молодой, гибкой и способной обучаться.

Работа была устроена так: когда Лилит только вышла, ее отвели в небольшую комнатку к чародею-иллюзионисту. Чародей был пожилым, почти дряхлым, запросы слушал неохотно, и в разговоре смотрел в пространство сквозь собеседника. Для каждой из работниц он создавал уникальный образ с описания мадам, который был привязан к кольцу. Таким образом чародею не нужно было поддерживать иллюзии постоянным усилием воли — эту функцию за него выполнял зачарованный предмет.

Лилит оставили ее волосы и рост, поменяли цвет глаз на менее приметный карий, сделали кожу не такой бледной, и изменили лицо — форму челюсти, нос, лоб и надбровную дугу.

— Легкий случай, — сказала ей мадам. — Была симпатичная, стала красивая, привыкнешь быстро.

— А бывает иначе? — Лилит пялилась на себя в зеркало и ощупывала новое лицо, пытаясь понять, ощущается ли оно иначе. Она выглядела старше, более зрелой. И действительно, иллюзия была пленительно красива.

— Конечно бывает. Если всю жизнь живешь с дефектами, и смотрят на тебя, как на дефектную, вжиться в образ статной красотки довольно трудно. Мне ли не знать, — усмехнулась мадам. — И все-таки рекомендую поносить морок в свободное время. Выйти на улицу, познакомиться с кем-то. Обыкнись в новой шкуре, почувствуй власть своего образа. С девочками поговори, они посоветуют чего полезного.

Поначалу Лилит работала в зале, обслуживая столики. При этом ей полагалось выглядеть безупречно, улыбаться и всячески очаровывать обаянием. Это давалось труднее всего; Лилит не понимала той власти, которую над другими имела красота. Она никогда не чувствовала ее в себе и не умела с ней обращаться. Присущая ей отстраненность тоже этому не способствовала, ровно как и неумение спрятать свою неприязнь к некоторым клиентам. Это было нередкостью: Лилит с детства ненавидела церковников, и, как она ни старалась это скрыть, отвращение все равно просачивалась наружу, и гости это чувствовали.

Однажды она поделилась этой проблемой с танцовщицей, которая казалась ей чуть добрее и мудрее остальных: ее морок представлял собой крупную даму в теле, она носила мягкий корсет, подчеркивающий складки. Ее звали Диззи.

Выслушав проблему Лилит, Диззи посмотрела на нее через отражение в зеркале, прервав нанесение пудры.

— Наша мадам — бесконечно мудрая женщина. Она понимает, что эта работа ломает. Как ни крути не верти, ломает. Ты думаешь, все эти иллюзии и псевдонимы — для безопасности? Брехня. Это чтобы мы не свихнулись и не снюхались, — кисточка бодро плясала по румяным щекам Диззи. — Не понимаешь, нет? Новое имя, новая внешность. Мой совет: оставляй себя за стенами Плети. Тебе противны эти боровы? Так придумай ту, кому не противны. И будь ею. Играй роль, пока сама не поверишь в нее.

После этого разговора Лилит взглянула на вещи иначе. Ее персонаж ожил, обзавелся своим именем, повадками, привычками и характерными жестами. Лилит почувствовала уверенность, и это стало проявляться в работе: гости здоровались сней по имени, звали пообщаться, угощали. Она даже начала получать удовольствие — образ притягивал жадные взгляды, приковывал внимание, вызывал интерес. Лилит посещали новые чувства, прежде ей почти незнакомые: власть, контроль, обладание. Она ощущала себя центром внимания, объектом вожделения, чувствовала, что ей дана власть управлять и манипулировать. Это

пьянило.

В какой-то момент мадам вызвала ее к себе.

— Итак, — Эдне закурила. — Я вижу, ты вполне освоилась. Хватит тебе вино в бокалы подливать. Пора повышаться.

По спине Лилит пробежал холодок. Она моментально вышла из образа и поспешила снять с себя кольцо.

Эдне откинулась на спинке стула и долго, неотрывно смотрела на Лилит.

— Каждая из моих девочек, — продолжала мадам. — предоставляет определенный спектр услуг. Помимо шоу и работы в зале. Как ты понимаешь, именно это — мой основной источник дохода, и я не могу держать у себя кадры, которые не приносят прибыли.

Она стряхнула пепел и снова сделала паузу, изучая реакцию Лилит.

— Однако же, — голос ее немного потеплел. — Не в моих правилах принуждать девочек делать то, чего они делать не хотят. Пока твоя работа окупает занимаемое тобой место, мне все равно, как именно ты этого добьешься. Секс — самый простой путь. Но ты, как умная и талантливая, вполне можешь пойти путем посложнее.

— Каким? — Лилит сдержала вздох облегчения.

— Ментальные чары — очень мощный инструмент. Я бы посоветовала им воспользоваться. Мне насчет тебя поступали запросы весьма специфического характера. Можно с этого и начать. Я оповещу гостей, что ты выходишь на повышение и свободна для брони, — Эдне сделала глубокую затяжку и добавила чуть тише: — Оповещу и о том, что ты оказываешь нестандартные услуги. А какие это будут услуги — решать тебе.

— Спасибо, — едва слышно прошептала Лилит.

Заведение постепенно наполнялось гостями. Обведя их рассеянным взглядом, Лилит подумала, что этот бордель по сравнению с Плетью — просто проходной двор. Хотя, казалось бы, пространственная магия.

— Грандиозно! — с энтузиазмом прокомментировал Варац. — Чую катастрофу. Не верю в непродажное искусство, честных госслужащих и человеческих владельцев борделей. Душки, какой ты описываешь эту мадам, в этом деле не выживают.

Лилит хмыкнула.

— Эдне очень далеко до душки. Сложно сказать, что она защищает — своих девочек или свои вложения. Так или иначе, она понимает что одно связано с другим, и это большой плюс для всех, кто на нее работает.

Варац кивнул.

— Полагаю, это лучшее, на что может рассчитывать проститутка. Или жиголо.

— Тебя печалит участь обделенных? — усмехнулась Лилит.

— Ничуть, — улыбнулся Варац. — Местные девушки — он кивнул в сторону обладательниц прозрачных платьев, занимавшихся гостями в зале. — Обращаются с ножами лучше нас с тобой вместе взятых. Защищать себя или нет — личный выбор каждого, абсолютно всегда.

— Любопытно, — Лилит засмотрелась на девушку, которая обслуживала их столик до этого, а ныне о чем-то шепталась с хостес у стойки.

— А мне вот любопытно, ввели ли они морение голодом в качестве одной из садистских практик. Если да, то решение интересное, но в таких случаях полагается спрашивать согласия, — проворчал чародей.

Он недовольно махнул рукой, привлекая к себе внимание. Лилит откинулась на

подушки с улыбкой: наблюдать за тем, как Варац праведно скандалит в заведениях, стало одним из ее любимых развлечений.

Еда была неплохой, но Лилит сомневалась, что она стоила такого длительного ожидания. Блюда сульянской кухни вызывали у нее недоверие: вот этот волосатый мох, кажется, только что пошевелился. На вопросы о том, что она собирается поглощать, чародей лишь загадочно усмехался, пожимал плечами и озвучивал сульянские названия, Лилит незнакомые. Отставив от себя все волосатое и склизкое, Лилит сосредоточилась на сыре, который, хоть и имел странный земельный привкус, был очень даже вкусен.

Варац ел медленно, то и дело прерываясь на беседу или на раздумья. Лилит уничтожила весь сырный поднос и вернулась к вину, а он и наполовину не справился со своим волосатым мхом.

— Шоу будем смотреть?

Лилит пожала плечами.

— Оно интересное?

— Ничего принципиально нового, для тебя в особенности. Музыка поприятнее северной и антураж другой, разве что.

Вспомнив о чем-то, Лилит принялась задумчиво вглядываться в лица гостей, выискивая среди них сульянцев.

— Как думаешь... — она понизила голос до заговорщицкого шепота: — Каков шанс встретить здесь главу сульянской купеческой гильдии?

— Такой же, как и любого другого сульянца, — Варац заинтересовался. — А что? Опять работа?

Лилит кивнула.

— В гильдию тебя не примут, только если ты не отпетый жмот. Из растратчиков редко выходят достойные купцы, а гильдия — представительство лучших из лучших.

— Жаль, жаль... — Лилит постучала пальцами по столу, потом перевела взгляд на чародея. — Прогуляться не хочешь?

— Жажду, — он с готовностью отодвинул от себя недоеденный мох и встал из-за стола.

На улице пахло мокрым камнем и землей. Ливень успокоился, и даже ветер почти прошел, поддувая едва заметно, почти нежно. Небо посветлело, показались звезды и спутники. Кругом шумела вода, обильно стекая с козырьков крыш. Они дошли до крутой лестницы, узкой, длинной, врезанной в отлогий холм. Камень был избит и покрыт множеством разноразмерных трещин. Из некоторых пробивалась трава. Лилит невольно подумала о том, сколько несчастных посворачивали себе здесь шеи; если оступиться или поскользнуться на многочисленных неровностях, почти наверняка катиться будешь до самого низа.

Вокруг лестницы на крутом склоне буйно рос дикий орешник и бурьян. Молодые голубоватые листочки покоили свои ветви на перилах лестницы. Лилит и Варац медленно начали нисхождение; чародей придерживался за перила, Лилит же свела руки за спиной, сжав предплечье одной руки пальцами другой.

— Тебе когда-нибудь приходилось извиняться? — спросила она почти что светским тоном.

— Разумеется. При полном параде. В Академии, чтобы извиниться подобающим образом, полагалось встать на одно колено, нося при этом несуразный колпак, и сжимать петуха подмышкой. Непросто было, скажу я тебе: мой петух брыкался, клевался и всячески

отказывался сотрудничать.

Лилит закатила было глаза, но потом на ее лице медленно проступила улыбка, когда она поняла, что чародей и не думал шутить.

— Только не говори мне, что это островной обычай.

— У островитян бывают странные традиции, но это не тот случай. Этот ритуал, как и многие другие шалости — наше с адельфос изобретение. И, как это часто бывает, мы в числе первых пострадали от собственного гения.

Лилит махнула на него рукой.

— А неплохо. Когда знаешь, что придется так унижаться, дважды подумаешь прежде чем сделать глупость.

— Не смей! — Варац гневно зазвенел браслетами. — Привносить праведность в глупые студенческие забавы! Нами двигало исключительно желание надорвать животы, а наказание публичным унижением — дело рук церквуш, радость моя.

— Пожалуй, — согласилась Лилит, вспоминая, как однажды два дня провела в колодках в центре города. Иногда кто-то сжаливался и незаметно давал воды. Но плевали или швыряли гнилой овощ куда чаще. — Ты, судя по твоим рассказам, давно не был на Севере. Не скучаешь по родине?

— Ты открыла в себе страсть к светским беседам? — спросил чародей с долей ехидства в голосе. — Что за болтология?

— Просто интересно, — пожалала плечами Лилит. — Я ненавижу Север. Всей душой всеми фибрами ненавижу. Святош, тупорогих свиней, земель... Но почему-то всегда туда возвращаюсь, — она сдержанно вздохнула. — И чем дальше, тем больше мне кажется, что дело вовсе не в работе.

— Подожди-подожди, — Варац помотал головой. — “Дело вовсе не в работе”? Лилит, ты умираешь?

— Смейся-смейся. Только на вопрос сначала ответь.

— Вот мы и перешли от светской беседы к допросу с пристрастием, — хмыкнул Варац. — Начинаю привыкать к твоей манере вести разговоры. Скучаю ли я? А по чему, по твоему, мне следовало бы скучать?

— Не знаю, Варац. Ты везде успел пожить. Где твой дом?

— Дом это что угодно, но не место. Люди, чувство покоя, ощущение себя... — он помотал запястьем в воздухе. — За чем бы ты ни гнался, дом там, где ты это нашел.

— Не знаю, — Лилит покачала головой. — Я возвращаюсь не потому, что скучаю. Думаю, что я... — она ненадолго замолчала, а потом сказала вопросительно, почти удивленно: — Надеюсь?

Варац вскинул бровь.

— Надеюсь однажды вернуться на другой Север, — неохотно пояснила она, а затем обреченно усмехнулась. — Словно это возможно. Словно надежда — не худшая вещь на свете.

— Все может быть, — пожал плечами чародей. — Правители умирают, идолы горят. Вопрос только во времени. А надежда это не преступление.

— Преступление против здравого смысла. Надежда лишает тебя свободы.

Лилит легко махнула запястьем, закрывая тему. С определенного момента даже самые немислимые зверства — всего лишь необходимое зло. Наверняка так рассуждали и те, кто придумал изгонять и клеймить. И Лилит глубоко задумалась о том, так ли они неправы, как

ей казалось всю жизнь.

— Гедонизм, — увещевал чародей, орудуя у лаборатории. — Это признание, что отсутствие ответа и есть ответ. Ты признаешь, что духовные вопросы это чушь собачья, и единственное верное решение — это набить брюхо.

— Я, может, всего пару раз видела, как ты ешь, — ответила Лилит насмешливо. Она сняла повязку, и, удостоверившись, что края раны все еще не зарубцевались, подготавливала новую. В мази больше не было нужды, но и снимать швы было еще рано.

— А отсутствие гедонизма, — захохотал чародей, с самого утра пребывающий в возбужденном настроении. — Это признание нерелевантности вопроса как такового. Духовные вопросы это чушь, а тело — еще большая чушь. Все на свете чушь, и когда понимаешь это, аппетит как-то сразу пропадает.

— Держу пари, студенты бы обожали твои лекции, — хмыкнула Лилит.

— Неплохо кручу, а? — подмигнул ей Варац. — Молодняк обожает подобное интеллектуальное рукоблудство. Из тебя, кстати, вышла бы сносная студентка. Скорее всего из тех, кто горячо спорит с лектором, а потом гордо проваливает предмет, не поступившись своими принципами.

— Смеешься? Я продам родную мать, отца и фамильную овцу за полчеканки, — фыркнула Лилит насмешливо. — Я неисправимая материалистка, забыл?

— Это та версия тебя, что не нюхала школьных стен и пыльных учебников, — заметил чародей. — А я не о ней говорю, заметь.

— Можно я остановлю тебя до того, как мы опять за это зацепимся? — спросила Лилит с усталой улыбкой в глазах. — Я не в настроении.

— Какая скучища, — фыркнул Варац, бросая на нее слегка подернутый беспокойством взгляд. — Ты опять удумала портить праздник своими терзаниями?

— Ни в коем случае. Просто настроена на тишину, — Лилит обрезала бинт и вернула на место плотный шелковый халат темно-фиолетового цвета, на днях сделанный ей чародеем. Варац коротко кивнул, показывая, что все понимает, но игривые искорки в его глазах говорили о том, что прекращать издеваться он, тем не менее, не намерен.

— Не морочь мне голову, дорогуша. У тебя на лице написано, что ты собралась идти топиться. Я, кстати, знаю отличный утес неподалеку от города — если не считать рыбаков, там довольно спокойно.

— Да-а? И сколько раз ты сам смотрел вниз с этого утеса, раздумывая, чего стоит сделать всего один шаг?

— Больше, чем ты раздумывала в этой жизни в принципе, — беззаботно парировал Варац.

— Туше.

Солнце светило ярко, бросая на пол студии отчетливую тень приоткрытого окна. Чародей приостановил ручную центрифугу и принялся сосредоточенно изучать один из образцов. Лилит наблюдала за ним с интересом.

— А тебе идет разбитая губа, уважаемый чародей, — заметила она. — Выглядишь почти мужественно.

— До тебя мне в этом смысле, как до небес, — Варац окунул металлическую соломинку в небольшую склянку и, достав ее, всматривался в сгустки отвара, разглядывая их на свету. Наконец, он удовлетворенно кивнул и принялся поочередно снимать сосуды, освобождая центрифугу. — Отфильтровались, слава богу, можно наконец закончить с этой чушью.

Одевайся, пошли к Юки.

Лилит послушно спрыгнула с подоконника, на ходу отметив, что тело, несмотря на отсутствие постоянных тренировок, все еще ощущается гибким и контролируемым. Это ее обрадовало; ороговеть было легко, а вот восстановить былую подвижность — нет.

Лилит и Варац, пребывая в легких настроениях, не спеша направились в сторону приемной. Было жарко, даже знойно; на юге перемена сезонов ощущалась не так разительно, как на Севере, но даже для поздней осени Аньянга погода была аномально теплой. Варац удовлетворенно щурился на солнце и шел медленно, прогулочным шагом, явно наслаждаясь зноем.

— Интересно, откопала ли Юки что-то полезное, — Лилит оторвала листок от придорожного куста и принялась разглядывать светло-голубые прожилки.

— Увидим, но я бы на это не рассчитывал. Она хоть и стремится к академическому подходу, но все еще остается травницей в занюханной провинции. Которой приходится просить чародея о помощи, как только нужно сварить что-то сложнее харчей, — он легонько потряс сумкой, звеня склянками.

— То есть ты бы понял больше, доверь я вскрытие тебе? — спросила Лилит с сомнением.

— Никогда не любил анатомию. У меня вообще другая специализация, — фыркнул Варац. — Алхимию, кстати, тоже. Но тут уж пришлось поднатореть, иначе не выжить мне в моих кутежах... А что ты, собственно, надеешься выяснить, дорогуша?

Лилит чуть нахмурилась.

— Не знаю. У меня о контакте с ней никакой памяти. Но когда я очнулась, я что-то помнила. Там не просто что-то происходило, там происходило что-то, что показалось мне важным. Иначе не написала бы на полу эти каракули, черт знает что это значит. После сатори было похожее чувство, — она сморщилась. — Не знаю. Откуда у нее эта... сила, как думаешь?

— В Аньянге есть легенда о нурэ-онна, женщинах-змеях, питающихся людской плотью. Считается, что девушка становится нурэ-онна, если ей удастся пережить взгляд василиска, и часть его сил переходит ей. Мир дикой магии — совершенно безумное место, где возможно абсолютно все. И, как я уже говорил, зачастую в народных сказках больше правды, чем в академических фактах.

Лилит покивала.

— И нет, — сказал Варац чуть мягче. — Легенд о рогатых мастерицах меча, способных убивать ребрами, я не слышал. Но я и не бард, кто знает...

— Не корми меня надеждами, будь добр, — фыркнула Лилит. — Если мы вдруг и разберемся в этой чуши, то не благодаря сказочкам и попрошайкам с лютнями.

— Барды — страшная сила, — улыбнулся чародей. — Никогда не недооценивай власть слова.

Лилит отмахнулась от него. Они остановились перед дверью с облупившейся краской с крохотным каменным крылечком.

Шел прием, это было понятно по голосам, доносящимся из-за закрытой двери. Лилит и Варац встали у узкого окошка, заставленного горшками с комнатными растениями.

Из приемной периодически доносился знакомый прерывистый кашель, принадлежавший мальчику, которого Лилит встречала здесь ранее. Кашель звучал резче и жестче, чем до этого.

Вскоре из двери показалась Юки в компании тучной аньянки с явно большими коленями и мальчишкой, который, узнав Лилит, помахал ей рукой. Лилит помахала ему в ответ.

Лицо аньянки — видимо, мамы мальчика — было усталым и печальным. Она избегала смотреть на своего отпрыска, это Лилит заметила сразу. Было ясно, что новости неутешительные; мальчишка схуднул и в целом выглядел более болезненно, чем до этого. Юки держалась прямо и собранно, давая женщине знахарские указания. Лилит в них не вслушивалась: она догадывалась, чем болен мальчик, и что бы Юки не назначила, это не поможет. Назначения были нужны лишь для успокоения и давались во имя веры в чудо. Подобные чудеса случались, но очень, очень редко.

Проводив пациентов, Юки тяжело вздохнула и обратила свой взор к Лилит и Варацу.

— Рассвет, дорогие мои, — она проморгалась уставшими, чуть расфокусированными глазами. — Прощу.

Лилит заметила, что банок с раствором стало больше, однако не могла указать, каких из них на полке не было в прошлый раз. Пока она разглядывала растворы, Варац протянул Юки одну из склянок, чтобы та изучила ее поподробнее.

— Как ваша рука, аджумма? — спросила Юки, зубами вынимая тугую пробку.

— Рука? В порядке. Отсутствие руки тоже ничего, — ответила Лилит, вода взглядом по банкам. — Раны на боку тоже заживают. Не сегодня-завтра можно снимать швы.

— Отрадно слышать, — она обмакнула соломинку в раствор, так же, как это делал чародей накануне. — А ваше ребро как, аджосси?

— Понятия не имею, — пожал плечами Варац. — Я его не щупаю.

Юки посмотрела на него с укоризной, ненадолго оторвавшись от разглядывания субстанции.

— Ну хоть у кого-то тело функционирует, как надо, — пробормотала она то ли недовольно, то ли облегченно. Она вновь закупила склянку и оперлась руками о стол. — Относительно тела.

Лилит перевела на нее взгляд.

— Да?

— Наверное, будет лучше если вы сами взглянете, — сказала Юки после некоторой паузы. — Если желаете, конечно.

Они последовали за Юки в дверку, ведущую под лестницу. Спустившись в подвал, Лилит мельком бросила взгляд на изрубленное полено с бордовыми следами засохшей крови и парой инструментов, хранившихся отдельно, рядом с крепким алкоголем.

На столе, собранном именно под эти специфические цели, лежало тело с раскрытой грудной клеткой. Руки и ноги были закреплены ремнями, а голова — накрыта платком. Лилит остановилась возле стола, ожидая, пока Юки зажжет свет. Варац нетерпеливо пощелкивал ногтем.

Вспыхнул светильник, и Юки аккуратно сняла с тела мешковину. Лилит, ожидавшая увидеть алые внутренности — возможно, уже чуть посеревшие от времени — удивленно вскинула брови, застыв на месте. Она подалась вперед, вглядываясь в почерневшие, ссохшиеся комки, когда-то, похоже, бывшие внутренними органами. Запаха гниения не было, пахло скорее пылью, стариной и лежалой бумагой. Лилит дотронулась рукой до черного сплетения узелков, и ощутила, как те крошатся в ее пальцах.

Варац тоже склонился вперед

— Так было сразу после вскрытия? — спросил он напряженно.

Юки кивнула. Чародей отошел на пару шагов, явно усиленно о чем-то размышляя.

— Я знаю, что обещала не лезть, но вы сами все видите. Я обязана знать, что произошло, — сказала она с легким нажимом.

Уловив в ее голосе знакомые нотки, Лилит мигом потеряла интерес к черной паутине капилляров в груди Афаа и выпрямилась.

— Это ведь и вас касается, аджумма.

Глядя на Юки, Лилит вспомнила самую крайнюю банку на полке, и смутные очертания почерневшей конечности со скрюченными пальцами.

— Почему?

— Поражение тканей имеет схожий характер.

— Вы же говорили, гангрена.

— Я так и думала, — закивала знахарка. — Но, похоже, ошибалась. Это не гниение, это, скорее, иссушение. Полное. Остаются, — она демонстративно коснулась сыпучей паутины в пустой грудной клетке. — лишь минимальные остатки.

— А остальное?

— Я не наблюдала процесс, — покачала головой Юки. — Но, судя по вашей руке, плоть просто испаряется, за неимением лучшего термина.

— Рука, — энергично сказал Варац. — Ампутированная рука еще у тебя?

Юки кивнула.

— Давай ее сюда, — безапелляционно потребовал чародей. Его голос слегка подрагивал от возбуждения.

Юки замялась.

— Она мне нужна для дальнейшего исследования...

— Для какого, к черту, исследования?! — повысил голос Варац. — Что ты там можешь исследовать, прости господи? Юки, — Варац выдохнул, насильно беря себя в руки. — Играйся с головой сатори, идет? А руку отдай тем, кто хоть что-то понимает в дикой магии.

Юки горделиво расправила плечи, обиженно поджав губы. Варац снова уставился в пол, поглощенный собственными размышлениями.

— Не держите зла, аджумма, — мягко сказала Лилит, делая шаг по направлению к выходу. — И отдайте мою руку, будьте добры.

Аньянгка прошла к выходу. Наверху она вручила Варацу банку с рукой, которую чародей тут же разбил об пол, разлив по паркету раствор и рассыпав осколки. Юки заругалась, но он, совершенно глухой к ее увещаниям, схватил почерневшее запястье и подошел к окну, разглядывая его под светом. Его ноздри гневно раздулись.

— Раствор повредил ткани. Юки, кто тебя просил класть руку в гребаный раствор?! — крикнул он.

Не дождавшись ее ответа, Варац вихрем покинул приемную, вертя в руках экспонат. Лилит кашлянула, и извинительно улыбнулась.

— Прошу прощения за неудобства. Пятьсот юнов за зелья, будьте добры, — вежливо сказала она.

Лилит нашла Вараца в студии уже подуспокоившимся. Он курил возле балконной двери.

— Вряд ли это поможет, но я положил ее сушиться на солнце, — он затянулся.

— Потрясающе, — Лилит вскинула бровь. — Чего тебя так перекутило, расскажи?

— Я изучил свою догадку, — вздохнул Варац. — И вполне уверен, что Афаа, как и тебя,

поразила одна и та же дрянь.

— Ты о чем?

— Это болезнь, описанная в Экспериментах. Некромикаре.

Лилит нахмурилась, вспоминая.

— Это которая была на отпечатанных? — спросила она.

Варац кивнул.

— Каждого, на чью кожу было нанесено начертание, поражала некромикаре. По срокам — от тамисы до одной луны. Она прогрессировала с разной скоростью, но исход всегда был один, — Варац стряхнул пепел. — Впрочем, ни один из них так и не очнулся после наложения печати. В отличие от тебя. Так что сомневаюсь, что здесь все так просто.

— Про нее еще что-то известно?

— Почти ничего. Считается, что ее вызывает непосредственно контакт с печатями. Но я поищу, может, в последние годы были какие-то исследования.

— Весело, — хмыкнула Лилит, садясь на край кровати. — А что Афаа? Думаешь, и у нее был контакт с печатью?

— Есть теория посмелее, — Варац затянулся, и выбросил окурок в окно. — Но ее надо доработать. Я прогуляюсь, поищу в лавках камень источника. Пойдешь?

— Вообще, я бы вздремнула, — Лилит устало хлопнула глазами. — Сегодня вечером же встречать корабль?

— И верно, — Варац цокнул языком. — Вылетело из головы.

Рассеянно потеряв виски, он направился к шкафу с явным намерением что-то в нем отыскать.

— У меня припасена очень особая бутылка на чрезвычайно особый случай. Я планировал приберечь до конца света, но это куда лучше, честно признаюсь, — сказал он, присаживаясь на корточки и шарясь в вещах. Наконец он извлек оттуда сверток, по форме напоминавший бутылку, и отставил его в сторону.

— Это на вечер.

Лилит улеглась, и мягко погрузилась в сон. Стук входной двери настиг ее уже на полупути в знакомые сновидения о спиралевидных деревьях, которые она всегда запоминала ярче прочих.

Корабля пришлось подождать какое-то время: они никогда не прибывали по расписанию. Лилит и Варац вдоволь нагулялись по порту, надышались морским воздухом, наговорились, успели заскучать и вновь разговориться, когда из-за скалы показался обильно освещенный фонарями фрегат с гордо реющим над ним флагом Островов.

— Любопытный факт: судостроительство на Островах появилось только после вступления в международные отношения. Которые, в свою очередь, начались с захватнических амбиций Сульяна... — начал Варац, но Лилит перебила его:

— А как они между островами перемещались до этого?

— На каноэ, лодках из массива. Видела бы ты, какую они там красоту наладили: ходят по расписанию, возят желающих... Раньше было сложнее: нет каноэ, вот и сиди себе на родной пальме. Через знакомых передавай, что нужно. Впрочем, нужды часто посещать другие острова раньше и не было, разве что на другое племя войной пойти. Давай отложим урок истории. Смотреть на то, как швартуют фрегат, нужно молча и с наслаждением.

Лилит наблюдала за крупными островитянами, залихватски управляющимися с веслами и корабельными канатами. Она заметила, как небольшая группа сульянских моряков

поглядывает на их работу свысока, мол, мы бы справились лучше. В ней появилось задиристое желание обжулить их в кости, но она с ним справилась: вряд ли Варацу захочется проводить сегодняшний вечер в портовой таверне.

Протянули мостик, и пассажиры начали сходить на причал. В основном купцы, прибывшие к дню первородного пламени — одному из самых крупных праздников года в Аньянге. Лилит всегда радовалась, если вдруг оказывалась в Чинджу в этот сезон: праздник напоминал ей о летнем солнцестоянии, которое раз в год отмечали в Коши. В детстве она обожала эту ночь, и это было одним из немногих воспоминаний о старой жизни, которые ей хотелось сохранить.

Корабль постепенно пустел. Пассажиры толпились на причале, нагруженные мешками, тюками, рюкзаками, сумками и ящиками. Лилит наблюдала, как они медленно разбредались по порту: кто-то искал встречающих, кто-то сразу направлялся в таверны или другие кварталы, кто-то разминал спину, затекшую от корабельных гамаков. Толпа всегда оказывалась интереснее, чем виделась поначалу. И в ней жило множество любопытных историй.

— Вон того детину видишь? — шепнул Варац, кивая на рослого лысого островитянина. — Смотри, как озирается.

— Тебя ищет?

— Посмотрим, как скоро найдет, — Варац извлек из складок мантии портсигар.

— Ты бы еще в ящике спрятался.

— Чтоб ты его забила гвоздями? Нет уж, дорогуша. Дважды в такую ловушку попадается только законченный оптимист.

Островитянин долго шурился в их сторону, а потом жизнерадостно помахал рукой. На соседний причал ему пришлось проталкиваться чуть ли не лбом вперед: народу там набилась тьма. Его темнокожая голова возвышалась над толпой, и Лилит стало любопытно, действительно ли он выше нее или так только кажется издалека.

— Племя авва, — пояснил чародей, глядя на спящую в толпе лысину своего друга. — Они все гиганты.

— Не наврал. И правда выше.

— Ну так, — кивнул чародей. — Будет, что обсудить.

— Рост? — вскинула бровь Лилит.

— Нет. Мою кошмарную закомплексованность и посредственные шутки, — со смехом ответил чародей.

Островитянин подошел, широко улыбаясь ровным рядом белых зубов. Варац повернул к нему голову, не вставая.

— Дорогуша, тебя заждешься. От сирен статуэтками отбрасывался, или что?

Островитянин кашлянул в кулак и скрестил руки на груди. Варац оставаясь недвижим и не прерывал визуального контакта. И поэтому оказался недостаточно расторопен, когда островитянин набросился на него, как лев на мелкую дичь: всем телом сразу. Подхватив голосящего Вараца, потонувшего в его огромных руках, островитянин скатился с причала в воду, издав шумный всплеск. Лилит окатило прохладной водой. Варац бурно матерился, а островитянин зычно, радостно хохотал. Пассажиры только что прибывшего корабля со смехом поглядывали на них.

Лилит подала Варацу руку, чтобы вернуть нерадивых пловцов на бrenную землю. Не прекращая ругаться одной заковыристой скороговоркой, чародей вытянул из воды Кьола,

снял с волос длинную водоросль и отжал полы джеллабы, после чего вздохнул, воздев лицо к небу:

— Забери у меня это наказание! Зовут Къол, питается детьми и моими страданиями.

Къол посмотрел на Лилит сверху вниз, и ей стало некомфортно от непривычного ощущения собственной миниатюрности. Глаза у него были ореховыми, светлыми, прищур — добродушным и немного лукавым. На лице были мимические морщины от частых улыбок.

— Я Лилит, — она не знала, как принято здороваться на Островах, поэтому предпочла поклониться на Аньянгский манер. — Тоже питаюсь страданиями Вараца. С недавних пор.

— Их на всех хватит, — голос его, как и ожидалось, был басовитым и бархатным. Лилит тут же стало любопытно, как он звучит в пении.

Обильно капая на причал водой, Варац поморщился:

— Обменялись любезностями? Все! Пошли сохнуть, немедленно!

— Варац, а где вино?

Чародей обежал взглядом кусочек причала, где они сидели, и лицо его вытянулось в устрашающую гримасу.

— Нет, каков подлец! — снова заругался он, экспрессивно размахивая руками. Къол расхохотался. — Ныряй теперь! Какая наглость, какое свинство...

Посмотрев на своих обтекающих спутников, Лилит подумала, что если вымокнет еще и она, это будет только честно. Воспользовавшись тем, что они были заняты перепалкой, она без раздумий шагнула с края причала и тихо вошла в воду почти без брызг. Не без труда проморгавшись в соленой воде, она сделала пару размашистых гребков вниз, и принялась шарить по дну в поисках бутылки. Грести одной рукой было неудобно, благо было неглубоко, да и полная вина бутылка не могла уплыть далеко. Ухватив трофей за горлышко, Лилит устремилась к поверхности, и резко вдохнула, выныривая.

— Какая жертвенность, — со смехом умилился Варац, принимая бутылку из ее рук. — Родина тебе этого не забудет.

Къол протянул ей крупную ладонь, и Лилит замешкалась, но преодолела себя и подала ему руку. Островитянин влет вытянул ее на причал.

— Ну теперь-то, — взмахнул бутылкой Варац. — Можем пойти?

— Бумажки заполнить надо...

— Не хочу ничего слышать ни о каких бумажках! Мы идем в крайний квартал, точка!

— Зачем в крайний? — не поняла Лилит.

— Потому что там стоит дом, за который я заплатил своими кровными! Полный еды, выпивки и сухой одежды, знал же что так будет...

— Он так каждый раз делает, — кивнул Къол, подхватывая с причала холщовый мешок. — И каждый раз кичится, как курица.

— Я бы сказал, кто тут курица, но мы с твоей матушкой для этого слишком близки, — фыркнул Варац, встряхивая мокрыми рукавами. Неожиданно он обрубил свой ворчливый тон и рассмеялся тепло и искренне: — Как же я рад тебя видеть, твою мать!

Крайний квартал был самым свежим на вид районом Чинджу. Насколько Лилит было известно, он целиком принадлежал одному человеку, который застроил его однотипными гостевыми коттеджами для денежных туристов и зажиточных купцов.

Они шли мимо вереницы одинаковых домиков: Варац и Къол оживленно болтали, а Лилит слегка отставала и оглядывалась по сторонам. Квартал ей не нравился, от него веяло бездушностью, которая слишком разительно отличалась от остального, такого живого и

выразительного Чинджу, где каждая трещина в стене имела свою богатую историю.

Чародей остановился перед одним из крайних домов в конце улицы, вертя в руке латунный ключ.

— Наше пристанище, — он поежился и поторопил Лилит, рассеянно оглядывающуюся по сторонам: — Дорогуша, поверь мне, ты не хочешь видеть меня простуженным.

Они поднялись на небольшое крылечко.

— Если ты думаешь, — продолжал Варац, вставляя ключ в замок. — Что у меня трудный характер, то подожди когда у меня разыграется насморк.

— Я его однажды запер на двое суток, — кивнул Кьол. — В компании ящика вина.

— В качестве наказания или поощрения? — не поняла Лилит.

— Чтобы я его с ума не свел, — замок мягко щелкнул и чародей распахнул дверь. — И это не преувеличение.

Лилит учуяла съестное еще до того, как бросила взгляд на круглый накрытый стол: он был уставлен многочисленной едой, которую можно было купить в центре города, на открытых прилавках. Лилит равнодушно посмотрела на крупные порции лапши со свиной, хоть она и давно ничего не ела, аппетита у нее почему-то не было.

Варац водрузил на стол многострадальную бутылку вина и направился к лестнице на второй этаж, заявив, что ему нужно переодеться. Лилит сняла мокрую тканевую куртку и бросила сапоги к двери. Кьол тоже решил не терять времени даром и выудил комплект сменных вещей из принесенного с собой мешка.

Лилит уселась за стол и потянулась к одной из порций лапши, выискивая взглядом хаси.

— Чем ты торгуешь? — спросила она, раздвигая руками блюда.

— Статуэтками, — натянув хлопковую белую рубашку, Кьол широко зевнул и огляделся. — Про кофе он не подумал, конечно?

Лилит пожалала плечами. Наконец-то нашарив хаси, подкатившиеся под одно из блюд, она не без труда отправила в рот первую порцию лапши; орудовать палочками, держа их левой рукой, было довольно затруднительно.

— Хорошая, — кивнула она одобрительно. — Весь день ничерта не ела...

— Это не я ее голодом морю! — крикнул Варац, показываясь на лестнице в свежей, сухой джеллабе. — А ребра у нее сами по себе такие.

Кьол посмотрел на него неодобрительно.

— Хамить-то зачем!

Варац рассмеялся, подвязывая волосы на макушке.

— Такая у него функция, — усмехнулась Лилит, жуя. — Развлекаться за мой счет.

— Хоть бы раз развлекся за свой собственный, — Кьол щелкнул подошедшего Вараца по лбу массивным пальцем.

— Без рукоприкладства пожалуйста! — возмутился Варац, плюхаясь на стул. — Можем культурно провести время хоть раз в жизни?

— Кончай кривляться, — Кьол уселся рядом, потирая ладони. Он шарил голодным взглядом по столу. — Расскажи лучше, как там твое искусство.

— А что ему будет? — поморщился чародей, небрежно взмахивая запястьем.

Кьол придвинул к себе говядину в соусе и закатал рукава, явно приготовившись есть руками. Варац хотел было возмутиться, но бросил эту затею на полпути, и лишь махнул рукой.

— Выставляешься?

— Вот еще, — фыркнул Варац, закуривая. — Слишком утомительно.

— Обидно! Я бы посмотрел, что там у тебя из последнего, — ответил Кьол, вымазываясь в соусе и поглядывая на Лилит с интересом. Та ощущала себя незащищенной под его прямым взглядом; словно островитянин видел ее насквозь.

— Из последнего? — усмехнулся чародей. — В последний раз я съел столько грибов, что честно не помню, что делал два дня кряду. А когда отошел, там уже стоял он, — Варац покосился на Лилит со смешинкой в глазах. — Древний Хтонический Еж. Кошмарное создание, я бы его расплавил не задумываясь, но Лилит почему-то питает к нему родственные чувства.

— Я бы глянул, — Кьол широко утер рот салфеткой.

— Уверю тебя, оно того не стоит. Все мало-мальски достойное я распродал еще в Сульяне.

— Ага, — рассмеялся Кьол. — Я поэтому твоё имя в разных концах света слышу. Знаешь, какие про тебя слухи ходят? Что ты питаешься солнцем и сидишь в пещере, ища утраченную музу.

Варац прыснул.

— Изумительно! Твоих губ дело?

— А то, — усмехнулся островитянин. — Подумал, тебе понравится такая слава. Твоя работа, эта, как ее... Солнцеликая? Которая самая известная, недавно ушла с молотка за какие-то безумные деньжищи, я даже цифру не запомнил, в островной системе таких больших чисел-то нет...

— А, — чародей отмахнулся. — Ее вечно перекупают, понятия не имею почему. Переоцененная вещь.

— Нормальная вещь, — не согласился Кьол. — Может, не на такую сумму, согласен...

— Я недавно, — рассмеялся Варац. — Провел аукцион века. Покупатель был один, а вместо денег было вот это, — он задрал рукав, показывая подзаживший след от укуса на плече. — По мне так куда более дельная сделка. И цена в кои-то веки соответствующая.

— Ты скульптуру, что ли, проспорил? — расхохотался Кьол. — Дурында! Да ее бы с руками оторвали просто потому что твоя.

— Уже не моя. А деньги это чушь. Кстати об этом, как там твои истуканчики?

— А, — пожал плечами Кьол. — Истуканятся. Лучше всего в Сульяне идут, сам знаешь какая там публика, любит всякие безделушки с претензией.

— А лавка как? Ты же осесть собирался в прошлый раз.

— Дорого, — пожаловался Кьол. — Да и не хочу я пыль с них сдувать целыми днями... Особенно вдали от дома. Фестиваль вот дело другое, я ездить люблю.

— А потом ты куда?

— Обрато, к археологам. Они к тому моменту еще партию раскопают как раз. Ну, может, перезимовать успею, а потом обратно.

Лилит с интересом слушала их болтовню.

— А верховная шаманка как? Еще в песок не рассыпалась?

— Рассыпалась, — подтвердил Кьол. — Уже пару лет как, ты под землей что ли живешь? У нас новая теперь, Минайя. Мудрая земля.

— Какая изумительная чушь! И как она? Мудрая или все-таки земля?

— Не хаами! — Кьол несильно пихнул ногой ножку стула, на котором покачивался чародей. — Пока кажется разумной, совет слушает, а не только духов...

— Хоть так, — кивнул Варац. — А то видели мы, что там эти ваши духи нашептывать могут...

Къол прикончил свинину и утер рот тканевой салфеткой, после чего посмотрел на Вараца исподлобья.

— Богохульствовать кончай, а то снова купаться пойдем, — пригрозил он.

— Вот всегда они так! — возмущенно взмахнул руками Варац, обращаясь к Лилит. — В дискуссию не могут, зато кулаками махать первые!

— Ты кривляться будешь или вино открывать? — спросил островитянин, откидываясь на спинку стула. Тот жалобно скрипнул под его немалым весом.

— Одно другому не мешает, — подмигнул ему Варац и ловко подхватил бутылку со стола, помахивая ей в воздухе. В его тоне появились торжественные нотки, когда он заговорил нараспев: — Шел тысяча семьсот девятый год, в провинции Калирон стоял тяжелый летний зной... На лозах спел виноград, и каждая виноградина была размером с голову певчей птицы, тяжелые гроздья так и клонились к земле, стремясь оторваться от веток, но каким-то чудом держались, с каждым днем становясь все слаще...

Лилит усмехнулась, глядя на то, как Варац воодушевленно жестикулирует и округляет глаза, демонстрируя всю свою артистичность. Ей было интересно, договорит ли он, или не выдержит и расхохочется. Он продолжал чуть более тревожным тоном:

— Пока в один день на винограднике не вспыхнул страшный пожар! Накаленная солнцем сухая трава вмиг возгорелась, подобно щепке. Говорят, что виной тому мальчишка-посыльный, неосторожно воткнувший факел в землю возле хозяйского дома... Или же здесь причастен злой умысел конкурентов, возжелавших поиметь всю прибыль с годового урожая?

Он резво ввинтил невесть откуда взявшийся штопор в бутылку и откупорил вино с громким хлопком.

— Так или иначе, сгинула отнюдь не вся винница, — он пододвинул пустой бокал и плеснул. Вино имело красивый рубиновый оттенок, и поигрывало на свету. — Удалось спасти винограда ровно на десять бутылей, что делает этот год самым редким и желанным для разнообразных коллекционеров, — Варац понюхал бокал и приподнял его в торжественном жесте: — Ну а нам, дорогие кирьи, выпала честь утереть им нос, варварски его выпив!

— Коллекционное вино не пьют, дурьнда, — широко улыбнулся Къол, подпирая рукой голову. Чародей сделал небольшой глоток и замер на несколько мгновений, после чего красноречиво скривился.

— И я понимаю, почему! Ну и дрянь, клянусь богиней, да пацан герой что решил спалить этот кошмар!

Лилит и Къол рассмеялись, пока Варац плевался и утирал рот рукавом. Потом, когда ему наскучило паясничать, он тоже присоединился к общему веселью и снова уселся на стул, довольно улыбаясь.

— Попробовать-то дай, — попросила Лилит, двигая бокал.

Чародей фыркнул.

— Ни в жизни. Ты же умрешь.

— Я за ней, сука, нырjala, — Лилит привстала и забрала бутылку у него из-под носа. — Я имею право знать, ради чего сижу в мокрых штанах!

— Твои похороны, — Варац подался вперед, с любопытством наблюдая, как Лилит наливает вино и осторожно принюхивается. Она сделала небольшой глоток, прислушиваясь

к ощущениям, потом пожала плечами и отхлебнула посмелее.

— Деревенщина, — сокрушенно покачал головой Варац.

— Возьми себе что-нибудь менее претенциозное, королева драмы, — фыркнула Лилит.

Варац удовлетворенно рассмеялся.

— Я так ей горжусь иногда, — проникновенно сказал он, обращаясь к Кьолу. Лилит протянула островитянину бутыль.

Какое-то время они посидели, болтая и травя байки, пока Кьол не поднялся со стула с широким зевком.

— Мне завтра к распорядителю очередь стоять с утра. А потом место арендовать на ярмарке.

— Rere, — махнул рукой чародей.

— Короткой ночи, — ответил Кьол на северный манер, направляясь к лестнице. Напоследок он бросил на Лилит странный, немного задумчивый взгляд, от которого та вновь ощутила себя не в своей тарелке.

— Ну-с, кирья? — Варац ощупал волосы, и, убедившись, что они высохли, перевязал их сзади.

— У меня сегодня еще дело, — Лилит потянулась. — Не поверишь, какое.

— Та-ак, ну давай подумаем... Ограбить императора? Убить старушку? Отравить рисовые поля?

— Почти. Выкопать клад.

— Чего? — расхохотался чародей. — Только не говори мне, что ты купила карту у какого-то жулья.

— Это не совсем клад... И не совсем выкопать. Но суть та же. Составишь компанию?

— Глупейший вопрос! Охотно, — Варац с готовностью поднялся на ноги.

Они направлялись в выделенный квартал. Он располагался довольно далеко от крайнего, но они не торопились. Сегодня ночь была тихой, безветренной и вполне располагающей к прогулке.

— Никогда не устану удивляться, как он носится с этими статуэтками. Все нормальные купцы на ярмарке будут сувенирами торговать, масками там, посохами и прочей чущью. А этот — антиквариатом с раскопок.

— Это странно, — кивнула Лилит. — Не видела прежде странствующих старьевщиков. А на Островах раскапывают много статуэток?

— Ты удивишься, — хмыкнул чародей. — Но там не только статуэтки, разумеется. Просто это самый ходовой товар.

— Почему?

— Красивые. Легкие. Вписываются в интерьер. Окутаны мистикой. Считалось, что их использовали для ритуалов — спекуляции, как по мне — всякие легенды о дикой магии и старом мире. Публике нравится, одним словом, а на Островах этого добра навалом, приезжай и греби лопатой. Адельфос так, собственно, и делает.

— Интересно будет взглянуть. Спорим окажется, что в них заперты демоны?

— Спорим, что проклятые люди старого мира?

— Идет.

Посмеиваясь, они достигли узкого спуска, ведущего из певчего квартала в порт. Лилит сощурилась на пришвартованные корабли.

— Никак не придумаю, как к ним подобраться. С командой, что ли, в кости

раскинуться...

— Это же Гильдия, — фыркнул Варац. — У них секут за азартные игры. Портит имидж Гордой Нации.

— Разумеется, — закатила глаза Лилит. — И проституток они тоже не снимают. Понятия не имею, как ты столько лет прожил с такими кошмарными занудами.

— Потому что я и сам подходил под это описание. Не смейся, в юности я был просто отвратительно серьезен, даже меланхоличен. И сульянский официоз и горделивость мне очень импонировали.

Лилит невольно улыбнулась этому факту, и еще раз взглянула в сторону портовых огней.

— Не может же быть, что капитан с корабля носу не кажет. Он где-то спит, где-то ест. Понять бы только, где.

— В Сульяне социальный статус — это все. Если важная птица, то в портовых тавернах его можно не искать.

— Это глава Гильдии, — кивнула Лилит.

Варац присвистнул.

— Тогда может быть, что и не кажет. Вряд ли в Чинджу есть заведения его пошиба, — чародей рассмеялся. — И что, ты планируешь бегать по городу и искать одного несчастного сульянца?

— Необязательно, — пожала плечами Лилит. — Можно выманить. Как, только.

Варац замедлился, смотря куда-то в сторону, затем замер на месте. Лилит тоже остановилась, и вопросительно вскинула бровь. Внезапно Варац резко и громко хлопнул в ладоши, и эхо, отразившись от плотно застроенных домиков разнеслось по неширокой улице. Где-то в отдалении залаяла собака. Чародей посмотрел на Лилит полубезумным взглядом.

— Ну? — Лилит давно привыкла к его маниакальным повадкам. Если поначалу ей казалось, что в такие моменты он становится непредсказуемым и опасным, то позже она усвоила, что даже если это и так, то Варац прекрасно себя контролирует.

— Рассказываю! — с готовностью затараторил он, возобновляя широкий шаг. — Кратко. Наместница каждый год собирает у себя празднество из местной знати на день первородного пламени. Жуткая скучища, терпеть не могу приемы...

— Празднество, — привычно напомнила Лилит, пока чародея не унесло в другую степь на буйной лошадке его нелинейного мышления.

— Да-да... А коль уж адельфос в городе, я подумал, не тряхнуть ли нам стариной?

— Какой стариной ты собрался трясти, старина? — ужаснулась Лилит. — Ты с кем говоришь, со мной? Потому что я понятия не имею, о чем ты.

Он впустую хлопнул ртом и лукаво улыбнулся.

— Пожалуй, все подробности тебе знать не обязательно. Любишь сюрпризы?

— Ненавижу.

— Вот и прекрасно! — он воодушевленно зазвенел браслетами. Лилит вздохнула.

— Это как-то связано с моим заказом? Или ты просто вдохновился моими словами? Потому что в таком разе я хочу процент с выручки, если она будет.

— Какой кошмарный паразитизм, — весело усмехнулся Варац. — Связано, связано. И это огромная жертва, между прочим — опошлять наши с адельфос шалости, наделяя их целью и смыслом, идет вразрез со всеми моими убеждениями. Так что только ради тебя, дорогуша.

— Я тронута. Ты пояснишь уже, в чем, собственно, затея?

— А, — Варац махнул рукой. — Напишу наместнице. Передам ей какие-нибудь кошмарные свои скульптуры, устроим выставку на празднике.

— Варац, ближайший духовный дом аж в Хангеме, но еще немного, и я отнесу тебя туда на горбу. Ты можешь связно говорить?

— Да все же понятно! — отмахнулся от нее чародей. — Выставка моих отродий будет значить, что туда стянется больше высокородного народа. Других наместников, иностранных гостей... Такие мероприятия устраиваются с одной-единственной целью: завести знакомства, наладить дипломатические связи и удовлетворить свои шкурные интересы. Твой сульянский купец тоже наверняка там окажется: возможностей пристроить свою продажную жопу там будет уйма, они такое обожают.

— Погоди, — Лилит мотнула головой. — Ты хочешь сказать, что твоя выставка способна собрать знать со всего Чинджу? И ты в этом уверен?

— Ага, — безинтонационно ответил Варац, но потом о чем-то вспомнил и в глазах его снова вспыхнул огонек: — И это, в кои-то веки, замечательно!

— Хоть в общих чертах? — безо всякой надежды спросила Лилит.

Варац посмотрел на нее игриво:

— Крайне глупая, чрезвычайно неуместная, возмутительная шутка, после которой никто в здравом уме не захочет выставлять у себя мои работы.

— Что, настолько?

— И даже чуть больше.

— Какой скандал.

Варац забвенно рассмеялся.

Они долго петляли в выделенном квартале, пока Лилит искала нужный дом. Она выглядела задумчивой и рассеянной, и Варац заметил это. В какой-то момент она остановилась между двух домов на небольших сваях, краска на которых облупилась и слезла из-за частых южных дождей. Она задумчиво подняла голову к небу. Варац немного постоял рядом, а потом сел на землю.

— Привал, — объявил он, потянувшись в карман за портсигаром. Лилит что-то промычала в ответ, и тоже села, поджав под себя ноги. Варац подал ей крученку.

— Знаешь... — Лилит неторопливо выдохнула дым. — Когда-то я стыдилась клейм. Пока не поняла, что церковь именно этого и добивается. Чтобы ты сам наказывал себя стыдом до конца жизни. Тогда я заставила себя гордиться ими. Обрезала рукава на всех рубашках, — она усмехнулась. — Но ненадолго. Меня не пускали в кучу мест, плюс лишнее внимание стражи. Мешало работе, — она прижала колено к груди. — Но гордость осталась. Шлюха, убийца, воровка, безбожница... Я так часто слышала эти слова, что со временем они перестали иметь смысл. Частью меня стали даже не они, а то осуждение, которое шло вместе с ними. И гордость той, кто решил поставить себя “выше общественного осуждения”, — Лилит тихо рассмеялась, глядя на звезды. — Жуткая глупость. Но сейчас я понимаю, что только так могла выжить и не сохранить рассудок, — она вздохнула, и сделала паузу. — К чему я это все... Кьол — хороший человек. И мне в его обществе неуютно. Я все пыталась понять, что я чувствую, когда он на меня смотрит. А теперь вспомнила. Это стыд.

Варац вытянул ноги, садясь поудобнее.

— И чего ты стыдишься?

— Себя, — пожалала плечами Лилит. — Всего, что делает меня мной. Знаешь, я лишь раз

в жизни замешкалась перед осознанным убийством. Самым первым. Все последующие разы даже не моргала. Я пыталась, убивала и сжигала людей заживо, — она длинно затянулась. — Это все отлично выглядит в моем послужном списке, кстати.

— Что, там прямо так и написано? — улыбнулся Варац.

— Нет, — со смехом ответила Лилит. — Но это подразумевается. Каждый заказ — труп. Куча трупов, если заказ крупный. И когда я дописываю новую строчку — это ни с чем не сравнимый кайф. Я закрыла заказ, выполнила работу. Я чего-то стою, что-то умею. Пусть это и убивать, пытать и сжигать заживо, — Лилит выдохнула дым и затушила крученку о землю. — И я привыкла к этому. К тому, что я такая, и к тому, что у нормальных людей это вызывает осуждение и ужас.

— Среди ваших это наверняка обычное дело, — Варац тоже поднял голову к небу, медленно водя взглядом между звездами. — Человек ко всему привыкает.

— Так, — согласилась Лилит. — Когда гудели, болтали с одной северянкой. Она налетчица. Рассказала о том, как они деревни на границе жгли. Обе посмеялись, и все.

— Но сейчас ты почему-то вышла из этой парадигмы. Раз вообще об этом задумалась.

— Ага. Я вела к тому, что привыкла к осуждению, плевкам, страху и неприязни. И я уже даже не помнила, каково это, когда чье-то мнение тебя волнует. Но по какой-то причине мне не все равно, что подумает Кьол.

Варац щелкнул портсигаром, закрывая его.

— Когда я только прибыл на Острова, — начал он негромко. — Мне уже давно ничего не хотелось. Я шлялся по миру, ища то ли голодной смерти, то ли надеясь наказать себя достаточно, чтобы вновь оказаться в праве чувствовать себя живым. Это жутко банальная история о том, как прямой, настоящий человек изо дня в день спасает того, кто отказывается быть спасенным, — он тихо фыркнул. — К сожалению, банальности на то и банальности, что они работают. Я Кьолу многим обязан, в особенности пониманием того, что внутренний судья всегда предвзят. А суд это и вовсе подставной цирк с конями, да простит меня наместница за упоминание их всеу. Поверь, адельфос не так прост, как кажется. И судить, а тем более осуждать — это против его природы.

Лилит лениво размяла шею.

— Я думаю, дело не в нем, а в моей восприимчивости. Меня сейчас легко выбить из колеи. Знаешь, такое уродское чувство с самой червоточины, будто меня разбили на осколки и раскидали по комнате. И я все это время пытаюсь себя склеить, но выходит криво. Будто чего-то не хватает, и куски не на своих местах, — Лилит фыркнула. — Видишь, даже в метафорах изъясняться начала. Кошмар.

Варац тихо посмеялся.

— Действительно, ужасный побочный эффект. Напомни обязательно внести в твой анамнез, — чародей поправил браслеты на руках. — Если серьезно, дорогуша, то у тебя самый банальный кризис. Ты пережила что-то, что заставило тебя сменить перспективу, взглянуть на вещи иначе. И теперь ты сживаешься с этим новым взглядом, вот и все.

— Как у тебя на словах все просто, — ответила Лилит с издевкой. — А твои кризисы как, уважаемый чародей? Сколько тебе там лет, а тебя до сих пор трясет?

— Меня по жизни трясет, дорогуша, так уж я устроен, — пожал плечами Варац. — Раз уж мы тут откровенничаем, то с годами я нашел на себя управу, худо-бедно. В последнее время сомневаюсь, правда, столь ли успешно, как мне казалось.

— Почему?

— Ты помнишь мою скуку. Я намеренно загнал себя в рутину, чтобы не потерять контроль. Это работало, но сейчас я перестаю видеть ценность в таких методах. Это утомительно.

— И что будет, если ты потеряешь контроль?

— Черт его знает. Ничего хорошего.

Лилит положила подбородок на колени, поворачивая голову к чародею.

— Это связано с рабами?

Варац слегка нахмурился, и взял долгую паузу.

— Сложно сказать, с чем это связано. С годами оно все как-то смазывается в одно большое пятно, и уже сложно вычленишь, что было первоначально, а что появилось позже. Я, вероятно, сейчас тоже переживаю своеобразный кризис.

— И на что ты взглянул иначе?

Варац размял запястье.

— Помнишь, я рассказывал, как сульянцы относятся к рабам? Не все над ними издевались, но это было не редкостью. Убийства тоже. Но, — чародей едва слышно, грустно усмехнулся. — Между мной и другими рабовладельцами была принципиальная разница. На самом деле я никогда не переставал видеть в рабах людей. И мучил их именно поэтому.

Лилит почти кожей ощутила знакомое прикосновение тьмы, которое уже чувствовала раньше. Она помнила ее запах, и он странным образом пробился к ней через запах водорослей, йода и соли. Она ясно вспомнила чувство присутствия этой тьмы, и звук, с которым она резонировала с ее собственной. Она вспомнила пламя и распахнутый рот, наполненный острыми зубами-лезвиями.

— Как думаешь, это сатори? — спросила она негромко.

Варац пожал плечами.

— А какая разница? Ты сама говорила, что это дверь внутри разума. Так ли важно, почему она открылась?

— Ушам своим не верю, — усмехнулась Лилит. — Где твой исследовательский интерес?

— Заканчивается там, где начинаюсь я сам, — Варац глубоко вдохнул, закрывая глаза. — Я кошмарно скучный объект для исследования, дорогуша.

— Это ты так считаешь. У меня для тебя много неприятных эпитетов, но скучный — не один из них.

Они выкурили еще по крученке, молча слушая пение сверчков.

— Знаешь, зачем мы здесь? — Лилит снова уставилась в небо. — За стену во-он того домишки забито примерно двадцать тысяч юнов. Это кризисный фонд банды Дори. О котором не знал никто, кроме Дори. Я их пообещала новой атаманше, в качестве жеста доброй воли от себя. Что ты об этом думаешь?

— Думаю, что ты ужасный человек, — улыбнулся Варац. — И заслужила все свои клейма. Я бы еще оставшиеся три добавил, просто для полноты картины.

— Знала, что ты оценишь. Говорю же, это обычное дело — ты делаешь то, что выгодно, неважно какой ценой. И сейчас я думаю... Может, я все поняла неправильно? Может, клейма — не такая уж человеконенавистническая идея? Ты помечаешь тех, кто представляет угрозу, чтобы люди были осведомлены. Кто знает, сколько жизней это спасло?

Варац пристально покосился на нее. Лилит повернула к нему голову.

— Чего?

— Это очень рациональное и отстраненное суждение, — заметил чародей. — Обычно тебе это несвойственно.

— Обычно закончилось, — вздохнула Лилит, и прикрыла глаза. Она погладила шрамы, оставленные на коже раскаленным гвоздем. — Не обращай внимания. Я всегда буду ненавидеть церковь, от этого нет лекарства.

Варац неожиданно рассмеялся.

— Только сейчас подумал, как это восхитительно. Рогатое существо ненавидит церковь Агнца, — он засмеялся громче, и рухнул на траву.

Лилит покосилась на него с насмешливой улыбкой.

— Существо это ты, уважаемый чародей.

Варац выдохнул со стоном, и полез в карман мантии. Он сел и протянул Лилит открытую ладонь, на которой лежал маленький белый камень с острыми краями.

— Я существо в фигуральном смысле. А ты, вполне вероятно, в буквальном, — он начертил простенькую руну, и камень засветился и издал неприятный звон. Варац и Лилит синхронно поморщились.

— Ты о чем?

— Теория, о которой я тебе говорил, заключается в том, что ты, как и Афаа — демоническое существо. Некромикаре вызвана не печатью, а присутствием внутри тебя демонической природы. Это не так странно, если об этом подумать; болезнь поражала отпечатанных, потому что печать вселяла демонов в их разум.

Лилит медленно моргнула.

— То есть, твоя теория в том, что я одержима демоном? — переспросила она, сдерживая смех.

— Не перевирай мои слова! Я сказал “демоническое существо”.

— Варац, в этом ноль смысла, — покачала головой Лилит. — Я не бессмертна, я родилась обычным человеческим способом, и росла среди людей.

— Как и Афаа, — заметил Варац. — Ты владеешь дикой магией, и у тебя рога. Сообщество точно не знает, как именно демонические существа появляются, и откуда. Предположение, что они рождаются при контакте бестелесного демона с плотью ничуть не хуже других. Печать — лишь один из способов осуществить этот контакт. К счастью, эту часть теории сравнительно легко проверить, — Варац подбросил камень в ладони, и убрал его обратно в карман. — Но мы это отложим на завтра.

Тревога, объявляя ее при виде камня, немного отпустила. Лилит взглядела в полосу горизонта над океаном, которая едва заметно начала светлеть.

— Посидим еще немного? — попросила она.

— Почему нет.

Повинуясь странному, совершенно новому для нее чувству — желанию чужого прикосновения, она осторожно взяла Вараца за руку. Тот покосился на нее удивленно, но пригласительно распустил пальцы, вернув взгляд в постепенно бледневший небосвод. Его ладонь была теплой, гладкой и ее прикосновение не вызывало страха, боли и чувства зуда под кожей. Лилит этого не понимала, но это ее не пугало. Ненадолго время замерло.

Лилит подперла дверь ногой, жестом приглашая внутрь двоих ребят из громил Анэкуа. Она кивнула им на бочку в центре комнаты.

— Прошу. Ваши юны.

— Че, в бочке? — недоуменно спросил один из них.

— В бочке, — кивнула Лилит, проходя к Ежу.

Озадаченно почесав затылок, громила попытался было приподнять ее, но, попыхтев и повышучивав глаза, сдался.

Сдерживая смех, Лилит чуть подпрыгнула, усаживаясь верхом на скульптуру, и подперла подбородок кулаком, загадочно улыбаясь.

— Че встал? Помогай давай, — недовольно пробасил громила своему напарнику.

Вдвоем им удалось приподнять бочку и даже сделать пару небольших шажков к выходу, прежде чем она начала заваливаться. Переругиваясь между собой, громилы как раз были в процессе следующего захода, когда по лестнице поднялся Варац, державший в руке распечатанное письмо.

— Уважаемые бандиты, — поздоровался он, протискиваясь мимо них внутрь студии. Найдя взглядом Лилит, сидящую на Еже с одной из самых ехидных своих ухмылок на лице, Варац вскинул бровь: — Злорадуем, кирья?

— Как можно! — возмутилась Лилит. — Просто люблю смотреть, как мужчины работают. Аж дух захватывает, — она кивком указала на громил, как раз готовившихся поднять бочку в третий раз. Варац сообразил, в чем причина ее веселья, и тоже принялся наблюдать с интересом.

— Я вот тут на днях, — сообщил он, ковырнув носком дощатый пол. — Читал любопытнейший труд. Называется “О природе цилиндрических предметов”.

— Да ты что? И что же ты там вычитал?

— Не знаю! — сказал чародей плаксиво. — Слова сложные. Ничего не понял.

Лилит закивала с сочувствием.

— Понимаю. Я вот даже слова “цилиндрический” не знаю. Вроде круглое что-то.

— Круглое такое, объемное, — подтвердил чародей. — Главное свойство знаешь какое?

— Катится?

— Ага.

Они синхронно уставились на громил, которые ненадолго застыли на месте. А потом взорвались дружным хохотом. Громилы — один сконфуженный, второй рассерженный — наконец положили многострадальную бочку на бок и покатали ее к лестнице, всеми силами игнорируя заливающихся Лилит и Вараца. Они торопились смыться от унижения, даже слишком: бочка сорвалась вниз по лестнице, едва не раздавив одного из них. Крышка слетела, и послышался густой звон монет. Постанывая, Лилит широко взмахнула рукой, захлопывая за ними дверь.

— Грандиозно, — Варац утер слезы. — Дай им бог здоровья. Смотри что птичка в клюве принесла.

Он протянул Лилит письмо, и она, шмыгая носом, раскрыла его и забегала глазами по строчкам. Перед ней был трудночитаемый каллиграфический почерк, мелькнули слова

“прием” и “выставка”, после чего Лилит не стала читать дальше: поэтические изыскания влюбленной наместницы ей были малоинтересны.

— Согласилась?

— Как миленькая, — кивнул Варац. — Даже уговаривать не пришлось.

— Славно, — Лилит приподняла рубашку, и ощупала рану. — Швы пора снимать.

— Мне не хочется называть тебя собакой, но иногда прям так и просится, — пожаловался Варац, исчезая в арочном проеме.

— Уже не хо-очется? — язвительно протянула Лилит. — Что-то раньше ты не особенно раскланивался.

— Я прошу тебе твое кошмарное невежество, — донесся до Лилит его голос вперемешку с шуршанием пергаментов. — И ужасную бестактность.

— Спасибо. Можешь меня сухой называть, если сильно хочется.

— Перебьюсь. Хамить тоже нужно уметь, иначе превратишься вон в тех двух.

Лилит хмыкнула, прислушиваясь к переругиваниям бандитов, собиравших монетки внизу.

— Какой план сегодня?

— У меня или у тебя? — Варац показался в проеме, неся в руке кипу свернутых разноразмерных пергаментов. — У меня — готовить наше шоу. У тебя — не знаю. Но есть предложение.

— Ну?

— Почитай теорию о дикой магии. Любопытная вещь. Сдается мне, ты из нее больше толка вынесешь, чем я.

— Это ты с чего решил?

— Прочти и поймешь. Ну? Там, на полу валяется, синий переплет. И пошли уже, дорогуша, бога ради, сколько можно копать? Сил моих нет вечно тебя ждать!

Кьол и Варац определенно делили какую-то полумистическую связь, Лилит малопонятную. Зачастую они смотрели друг на друга и кивали неизвестно чему, будто общались телепатически. Порой, наоборот, вступали в жаркий спор, в котором бросались терминами вперемешку с ругательствами. Кьол был сдержанней Вараца в выражениях эмоций, но и его гулкий бас, докладывающий чародею, что он думает о всей его родне вплоть до седьмого колена, звучал очень даже живо. Наблюдать за динамикой их работы Лилит было куда интереснее, чем вчитываться в занудства Теории, и она охотно отрывалась от фолианта, стоило ей слышать очередное заковыристое оскорбление. Впрочем, за полдня грения ушей она так и не поняла, что, собственно, задумали чародеи.

После очередной пылкой перепалки, которая затихла столь же внезапно, сколь и возникла, Варац спустился по лестнице, весело насвистывая.

— Ты его все-таки убил? — сочувственно спросила Лилит, перелистывая страницу.

— У нас перемирие, — пояснил Варац, щелкая портсигаром.

— На улице кури! — Кьол спустился почти сразу за ним. — А то перемирие долго не продлится.

— Какое мешанство, — поморщился чародей, но в дальнейший спор вступать не стал, покорно проследовав к входной двери. Кьол окинул взглядом пустой стол.

— И еды захвати!

— “Захвати”? — возмутился Варац. — “Метнись в центр города”, ты хотел сказать?

— Я заплачу.

Варац наставил на него палец.

— Это вопрос не финансов, а принципа! Я не нанимался тебе еду таскать!

— Ну, не ходи, — легко согласился Къол, опускаясь на стул и закидывая руки за голову. — Без вина останемся, значит.

— Вопиющая наглость! — взмахнул руками Варац, выходя за дверь под добродушный смех островитянина.

— Как успехи? — поинтересовался Къол, кивая на Теорию в руках Лилит.

— Кошмарное занудство! — воскликнула она, передразнивая Вараца. — Как вы это вывозите столько лет, никогда не пойму.

— Этот еще ничего, — закивал Къол. — Ты самого Двольфиуса попробуй почитать, вот там действительно беда.

— Я осилила только вольный пересказ для идиотов, — Лилит протерла уставшие глаза, не привыкшие к длительному чтению. — Может, поэтому ничерта не знаю про печати.

— Могу рассказать, если тебе интересно что-то конкретное.

Лилит охотно отложила раскрытую книгу и подобрала под себя ноги.

— Пожалуйста. С радостью послушаю живую человеческую речь, а не этот схоластический бред.

Къол со смехом поднялся со скрипнувшего стула, и перебрался на диван. Лилит подперла голову рукой.

— Расскажи, чем занимаются островные демонологи. Северные по большей части изучают религиозные тексты и теоретизируют.

— Северная демонология прочно связана с ламбианской религией, — кивнул Къол. — Островная — в чуть меньшей степени. В нашей вере мы зовем демонов *waiguba*, и считаем их душами умерших, которые не могут переродиться, пока не отслужат свое кармическое наказание. Ты знакома с концепцией кармы?

— Знакома, — кивнула Лилит.

— Я на всякий случай, — слегка смутился Къол. — На Островах довольно много приверженцев других школ, которые определяют демонов иначе. Теорий о их происхождении и природе очень много, подтвержденных фактов — ровно наоборот.

— Как и почти со всем, что касается дикой магии и демонов в целом. И ваших любимых аномалий, заодно.

Къол охотно покивал.

— Именно так. Это слишком хаотичная материя для систематизированных исследований. Но кое-что нам известно доподлинно. Демоны бесплотны, — он загнул один палец. — И могут быть помещены в материальный, неодушевленный предмет. Считается, что раньше для этого пользовались ритуалами, секреты которых до сих пор хранят разве что ведьмы Диких Земель. Но до нас дошел лишь один способ: печати. Смотри, — Къол потянулся к своей сумке, и извлек из нее небольшой металлический термос. Он протянул его Лилит, и она увидела печать, аккуратно выгравированную на дне. — Это — основное начертание, — Къол указал пальцем на широкий темный круг с несколькими вписанными в него сложного вида рунами. — Именно с его помощью демон и помещается в предмет. Все прочие носят вспомогательный характер, и придают предмету свойства.

— Например?

— Например, долго сохранять чай горячим, — улыбнулся Къол, и качнул термосом. — Потрогай.

Лилит аккуратно коснулась металла, и удивленно вскинула брови. Он был горячим на ощупь, словно его только что вынули из дровяной печи.

— Не всех печатей можно касаться, — Кьол поставил термос на столик. — Они способны влиять на разум, если были составлены неосторожно или со злым умыслом.

— И демонологи изучают эти начертания?

Кьол кивнул.

— Составление печати — дело долгое и кропотливое. Кучу всего нужно учесть, не хочу утомлять тебя подробностями.

— Взорвать что-нибудь можно? — заинтересовалась Лилит. — Заставить исчезнуть?

— Можно, — рассмеялся Кьол. — Возможности печатей ограничиваются лишь нашими знаниями. Открытия в этой области делаются очень медленно. Отчасти из-за опасности практических экспериментов. Нельзя просто составить формулу на бумаге, перенести на предмет и посмотреть, что выйдет. Потому что почти наверняка выйдет катастрофа.

— Интересно, — Лилит побарабанила пальцами по подлокотнику. — Обычно от чар крайне мало пользы. Но это звучит иначе.

— Технически демонологи — не чародеи. У нас нет способностей, хоть мы и учимся в академиях. Мы зануды и теоретики, которые лишены самой веселой части обучения чародейскому ремеслу.

— Чародеи высокомерны и заносчивы, — махнула рукой Лилит. — А их невероятный дар страшно переоценен, как по мне. Я видела падающих с неба телепортаторов, которые ошиблись в расчетах, видела, как телекнетики разбивают дорогуций хрусталь, и так далее. По мне так надежнее доплыть на корабле, отнести руками и убедить словами, чем прибегать к ментальным чарам. Иногда приходится, конечно, но я никогда от этого не в восторге.

— Ты ментальная чародейка?

— Своего рода, — улыбнулась Лилит. — Скажи мне, как специалист. Тебе известны способы разрушить печать? Снять с предмета ее свойства?

— Ни мне, ни сообществу, — покачал головой Кьол. — Если ошибся в начертании, то выбрасываешь предмет и переделываешь, по-другому никак.

Лилит задумалась. У нее на языке вертелся вопрос, который она почему-то не решалась задать вслух.

— А что насчет этики? — наконец спросила она. — Демоны ведь тоже существа, пусть и бесплотные. Подчинять их волю и запирасть в предмете для сообщества считается нормальным?

— Это интересная тема, — кивнул Кьол. — Есть гуманисты, утверждающие, что печати порабащают осознанную сущность, но это довольно маргинальная теория. У нас нет никаких оснований полагать, что демоны обладают каким-то подобием разума. Они считаются просто сгустками магической энергии, не более того.

— И тем не менее, они фигурируют в религии, притом не в одной, — возразила Лилит. — Ты сам сказал про души умерших.

— А еще в куче мифов и сказок, в самых разных формах, — кивнул Кьол. — Но это тот случай, когда веру, суеверия и науку лучше разделять.

Лилит покивала.

— А что бывает с людьми, которые входят в контакт с демонами?

— Смотря в какого рода контакт, — пожал плечами Кьол. — Если ты о печатях на людях, то тут как раз можно вспомнить печально известные эксперименты Двольфиуса. Что

стало с испытываемыми ты, я думаю, знаешь. Если ты об описанных контактах с демоническими существами, то там черт ногу сломит... Свидетельства очень разные, зачастую бессмысленные и бредовые. И их слишком мало, чтобы вычленишь что-то общее.

— А почему, кстати, демонические существа вообще называются демоническими? Причем тут демоны?

— Думаю, из-за классификации чар, — Кьол медленно потирал ладонями, чуть покачивая корпусом. — У нас есть телепортация, телекинез, иллюзия, стихии, материя, ментальные чары и альтер-чары. Дикая магия же, которой владеют демонические существа, не классифицируется вообще никак. Мы понятия не имеем, на что она способна. Как и в случае с печатями. Но силой предмет наделяет не начертание, а демон внутри него. Это уже было доказано в прошлом.

Лилит поменяла позу, расправив слегка затекшую ногу.

— То есть, теоретически, я могу скопировать начертание, нанести его на предмет, и оно будет работать?

— Теоретически, — уклончиво ответил Кьол. — Там много нюансов в весе предмета, в его функции, материале, и так далее... Но если взять две одинаковые кружки, к примеру, то да.

— Интересно. Что ж, спасибо. Было познавательно, — Лилит со вздохом посмотрела на раскрытую Теорию. Кьол понимающе улыбнулся.

— А тебе дикая магия зачем? — спросил он. — Ты учишься?

Лилит не удержалась от громкого фырканья, не сразу вспомнив, что Кьол не в курсе подробностей.

— Это очень, очень, — пояснила она. — Просто умопомрачительно долгая история. Которую не расскажешь вкратце. Хотя нет, расскажешь: мне — ни за чем. Но Варац считает, что зачем-то. Впрочем, я начинаю подозревать, что ему просто стало лень и он решил спихнуть на меня скучную часть работы.

— Это он может, — кивнул Кьол. — Это тоже как-то связано с печатями? Ты скажи, если я чем-то могу помочь.

— Думаю, Варац все равно собирался тебе рассказать, — радуясь, что появился повод отложить чтение Теории, ответила Лилит.

— Собирался, — подтвердил чародей, возвращаясь с улицы с бумажным кульком и бутылкой вина в руке. Он качнул ею в воздухе. — Дай только открою.

— А времени хватит? — улыбнулся Кьол.

— Чтобы пьяница не нашел время выпить? — ужаснулся Варац. — Твое неверие ранит меня в самое сердце, адельфос. Будешь?

— Полбокала. Я не ты, я либо пить, либо работать.

— Кошмарный прагматизм. Лилит?

— Полбокала плюс полбокала, — вздохнула она. — А то я эту чушь никогда не осилю.

— Похвальная дальновидность!

— Ужасная предвзятость! — возмутился Кьол.

— Виновен, — чародей неглубоко поклонился. — Ну, кирья? Вы сразу все расскажете, или опять частями?

— Вина плесните, кирье. Тогда, может быть, сразу все.

Варац и Кьол устроились на софе, а Лилит осталась сидеть в кресле напротив них.

— Я сразу хочу предупредить, что она не сумасшедшая, — Варац сделал плоток и

закинул ноги на кофейный столик, предварительно скинув туфли. — Разве что мы оба лишились рассудка, но эту теорию я отмечаю за невозможностью ее подтвердить.

Кьол вскинул бровь и посмотрел на Лилит взглядом, полным любопытства.

— Отличная прелюдия. Спасибо, — Лилит взяла в руку бокал. Вздохнув, она отпила и заговорила: — С чего начать... Помнишь, я сказала, что я своего рода ментальная чародейка? Это не так, я не знаю ни одной руны. Но владею ментальной дикой магией.

— Чрезвычайно мощной, притом, — кивнул Варац. — Лично наблюдал.

Кьол слегка осоловело моргнул. Лилит продолжила:

— Я, как и демонические существа, обладаю искаженной внешностью.

— У нее рога.

— У меня рога, — подтвердила Лилит.

— Где? — не понял Кьол, вытягивая шею.

— Я их спилил.

Островитянин озадаченно поскреб лоб. Лилит дала ему время переварить услышанное, после чего продолжила:

— Еще это, — она подняла в воздух культю. — Некромикаре, как утверждает уважаемый чародей.

— Открыла червоточину, — Варац отхлебнул, смакуя. — Потом началось отмирание тканей, с кончиков пальцев. Как добрались до города, была поражена уже вся кисть.

— Примерно так, — кивнула Лилит. — Я что-то упустила?

— Убила сатори, — Варац принялся загибать пальцы. — Приручила кицунэ. Мы считаем гаки за аномалию? Нет? Тогда вроде все.

Кьол задумчиво посмотрел на своего друга. Тот закатил глаза.

— Адельфос, если бы я удумал тебя разыграть, я бы придумал что-то поизящнее. Ты меня оскорбляешь.

— А откуда я знаю, что вы долбили?

— Дорогуша, я в этой жизни долбил все, — хмыкнул чародей. — Это такая чушь, что ее ни под какими веществами нарочно не выдумать.

— Резонно... И тем не менее.

— Публика требует демонстрации, — Варац извлек уже знакомый Лилит камень источника и перебросил его Кьолу. — Не будешь ли так любезна?

— Это обязательно? — Лилит скривилась. — У меня после тебя каждый раз нервные тики.

— Не драматизируй, — Варац отмахнулся от нее и поставил бокал на стол. — Мы это уже проходили.

— То-то и оно, что проходили... — проворчала Лилит и аккуратно ступила в сознание чародея, которое было для нее уже почти привычным. У нее ушло какое-то время, чтобы подстроиться под его обрывочное мышление, и она двигалась в такт его ритмично пульсирующему разуму, полному ярких вспышек и хлопков. Лилит старалась быть аккуратной, и это тоже было в новинку: обычно ее не заботило, какой вред она нанесет чаруемому своими манипуляциями. Было важно не касаться воспоминаний и не трогать чутко отлаженные мыслительные процессы, у каждого работающие по-своему. Это были тончайшие механизмы, повредить которые ничего не стоило, особенно теперь, когда она едва осознавала границы своих возможностей.

Варац сжал и разжал правую ладонь, и камень в руке Кьола задрожал и зазвенел,

подрагивая от бьющей через край магической энергии. Поморщившись от резкого звука, Лилит отступила так же мягко, как и вошла. Чародей потряс головой, в его слегка осоловелый взгляд вернулась осмысленность и он буднично зевнул, снова потянувшись к бокалу. Камень утих.

— Поразительно, — только и сказал Кьол. — И часто ты это делаешь?

— Когда приходится. И когда Варац хочет что-то проверить в очередной раз, — фыркнула Лилит. — Камнем вон обзавелся.

— Где бессильна теория, всеильна практика! — заметил чародей. — Что подтверждается тем, что у меня в этот раз даже глаз не дергается. Прогресс налицо, кирья, снимаю шляпу.

— Погодите-ка, — Кьол оторвал взгляд от камня. — И больше вы ничего не выяснили? Почему вы вообще тут до сих пор? Почему не на Островах, не в Академии?

— Хороший вопрос, — чародей перевел взгляд на Лилит. — Я бы и рад продать ее школярам, но никак не могу. Я зарекся, если помнишь.

— У меня в Чинджу работа, — Лилит глотнула. — А потом на Севере работа.

Кьол непонимающе замотал головой.

— Если то, что вы мне тут наплели — правда...

— До последнего слова.

— ...то какая работа может быть важнее этого? — в его голосе звучало искреннее непонимание.

— Моя, — пожала плечами Лилит.

Островитянин повернулся к Варацу.

— И мы там, наверху, страдаем херней...

— Не выражайся при даме! — ужаснулся чародей.

— Прошу прощения! — спохватился Кьол. Варац рассмеялся, а Лилит хмыкнула.

— Ничего. Вы занимаетесь херней, которой занимались бы, не будь тут меня. Я занимаюсь херней, — она вздохнула и потрясла в воздухе отложенной на время Теорией. — Которой в жизни бы не занялась, не будь тут вас. И то и другое в перспективе полезно, так что не вижу смысла ничего менять.

— Я в толк не возьму, неужели тебе не любопытно? — допытывался Кьол, глядя на Вараца.

— Любопытно, — кивнул Варац. — За кого ты меня принимаешь? Разумеется у меня есть теории и наработки.

Чародей прикончил бокал, после чего потянулся за бутылкой.

— Дела! — заключил Кьол, откидываясь на спинку софы. — Ну так познакомь меня со своими наработками, а то совсем не дело! Аномалия прямо в руки прибежала, да у нас бы весь курс удавился от зависти...

— Я, пожалуй, вернусь к этому незабываемому чтиву и сделаю вид, что ничего не слышала, — Лилит перевернула Теорию и вновь уткнулась в текст. Кьол собрался было извиняться, но Варац махнул рукой.

— Не обращай внимания. Это социально приемлемое поведение в ее исполнении. Она не в обиде.

— Я не то имел в виду...

— Она знает. Просто мысли выражать не умеет.

— Книжка тяжелая, — напомнила Лилит, не отрывая глаз от текста. — Далеко полетит.

Варац издал издевательское “ха”, вскинув голову к потолку.

— Зная, как ты метаеть ножи, я чувствую себя в полнейшей безопасности.

— Меч тоже при мне.

— Только держать его нечем.

— Хамло.

— Пустозвонка.

Лилит зевнула, перелистнув страницу. Варац глотнул вино, после чего обратился к Кьолу, выражение лица которого было почти поэтически задумчивым.

— Возвращаясь к твоему вопросу. Познакомить-то я познакомлю, не вопрос. Только мы ограничены во времени, притом существенно.

— Пораскинем, — кивнул Кьол уверенно. — Слишком уж интересно. А проект до завтра потерпит, там осталось-то...

Для внешнего наблюдателя мало что изменилось: Варац и Кьол все так же переругивались, сидя на кухне, в окружении пергаментов. Кьол явно стеснялся крепко выражаться при Лилит, чем очень забавлял Вараца, который позволял себе все доступные риторические вольности и даже чуть сверх этого, пользуясь беззащитностью оппонента. Лилит, впрочем, не вслушивалась в их обсуждения. Она наконец-то добралась до той части Теории, которая показалась ей не совсем бесполезной.

“Не существует единой теории или однозначного мнения о том, что является источником дикой магии. Что было до демонических существ, ей владеющих, и доступна ли она людям. Подобных свидетельств не зафиксировано, но аномалии показывают свою полную хаотичность и заставляют предполагать, что любая вероятность не является нулевой. Хаотичность связана еще и с тем, что пока чары вполне четко разграничиваются на семь доступных школ, дикая магия не поддается никакой классификации, и почти каждый случай в ней — уникален. Исследования Двольфиуса Аренийского, хоть и слабо верифицируемые, ясно дают понять, что дикая магия, как минимум, имеет отношение к демонам. И, пока это кажется умозрительным и логичным, это так же позволяет нам взглянуть на самую демоническую природу с другой стороны. Долгое время демоны, как невидимые глазу сущности, с которыми исключен любой контакт, даже не полагались, как существующие. После, когда их присутствие научились фиксировать, используя камни источника, стало принято считать, что эти существа не обладают сложным сознанием и существуют автономно, притягиваемые лишь печатями подобно тому, как мотыльки бездумно летят в огонь.”

Лилит откинула голову на спинку кресла, задумчиво вода взглядом по потолку. Чем дольше она размышляла, тем меньше в ее размышлениях было смысла. Было слишком много неизвестных, слишком много переменных. Стройные теории были невозможны при такой критической нехватке информации. А Лилит и без того никогда не была сильным теоретиком. Зато в практике кое-что понимала.

— Я до студии. Скоро вернусь.

Варац, не отрываясь от бумаг, махнул ей рукой. Кьол оторвался от своих начертаний, устало протирая лицо.

— Закончил? — заинтересовался Варац.

— Пробовать надо.

— Куда деваться.

— А что с формулой?

— Так была готова еще накануне нашей встречи.

— А сейчас ты тогда что делаешь?

Чародей подвинул чертеж Къолу, и тот взгляделся в него, с любопытством изучая. Потом, поняв, на что он смотрит, со смехом фыркнул.

— Как-то подозрительно практично для тебя, — островитянин встал со стула, чтобы немного размяться. — Даже почти разумно.

— Кирья уважает практичный подход, — пожал плечами чародей. — Почему нет.

— Это я уже понял. Но я обязан спросить, почему тебя это волнует? Насколько мне известно — прости уж мою прямооту — ты способен ценить ровно одну дружбу. На большее тебя не хватает.

— Какая у вас оскорбительная прямоота, — хмыкнул Варац. — Ну что я тебе отвечу, адельфос? Не знаю я. Обстоятельства были экстраординарные. Вначале мне просто было любопытно, хотелось скрасить вечер беседой, пусть и с бандиткой... Альтернатива была еще хуже. Рыжая такая альтернатива, жутко неприятная. Потом был сатори, и уж тут... — он вздохнул. — Скажу так: невозможно оставаться глухим к тому, что ты пропустил через себя. Ты так умеешь на человеческом уровне, а мне, видишь, потребовался сатори.

— Мне прямо душу греет, как тебе не все равно! — Къол потрепал его за щеку. Чародей вяло отмахнулся от него, посмеиваясь.

— Иди ты.

— И что будешь делать?

— А что я сделаю? — развел руками Варац. — Что и всегда, вестимо. Буду следовать за своим интересом.

— Ну хоть веру не сменил, слава Минайе, — Къол широко потянулся. — Но эти клейма жуткие... — его передернуло. — Смотреть страшно. Бедняга.

— Бедняга кусается. Жалеть не советую. Не вслух, по крайней мере.

— Это не жалость, а сочувствие. Уж ты-то должен знать разницу.

— Адельфос, ну ты как дитя малое. Жалость, сочувствие — для таких как она это пустой звук. Протянешь руку — откусит и проглотит, не жуя. И еще компенсацию попросит, потому что мясо жесткое.

— Ой, да прям! Что ты наговариваешь на человека? Ну бывают недоверчивые люди, но зачем так выражаться-то...

— Ничерта ты в людях не понимаешь, добрая твоя душа из полной семьи, — отмахнулся от него Варац. — Сирота без роду без племени, всю жизнь выживает, в криминале по уши. Ну попробуй ей проповедь прочесть, попробуй, я посмотрю, посмеюсь.

— Причем тут проповеди, дурында? Раны нанести легко, лечить — трудно. Для травмированных весь мир колюч и опасен, и нужно много лун, заботы и любви чтобы они однажды смогли спокойно засыпать.

— А вот и проповедь, — кивнул Варац. — Как по расписанию.

— Да ну тебя, — пробасил островитянин. — Кто тут еще не может в дискуссию.

— Я слишком утомлен для дискуссий, — чародей принялся раскачиваться на стуле. — Могу только языком чесать, как говорит кирья. В речах, не обремененных смыслом.

— Тоже мне, новость, — островитянин огляделся. — Выпить что ли, пока ждем... Расскажи мне пока, как вас угораздило в лесах оказаться. Не по грибы же вы ходили?..

Когда Лилит вернулась, вместо бумаг на круглом столе стоял ужин и вино, которое Варац умудрялся находить, где бы он ни оказался. Чародеи увлеченно о чем-то болтали, и

синхронно замолчали, когда дверь скрипнула.

— Голодны, кирья? Мы взяли на себя смелость, — Варац обвел рукой многочисленную еду на столе.

— Зачем столько? — не поняла Лилит, немного ошарашенная разнообразием и количеством блюд, представленных на столе.

— Никогда не знаю, сколько адельфос съест, — пожал плечами чародей, усмехаясь в бокал. — Но голодным его оставлять отказываюсь. Лучше больше, чем меньше.

— Прекрасно, — довольно кивнула Лилит. — Обожаю выбрасывать еду.

Она уселась за стол и жестом попросила налить ей бокал.

— Серьезно? Или шутишь? — спросил Къол заинтересованно.

— Абсолютно серьезно, — кивнула Лилит. — Всегда беру больше чем в итоге съем.

— Зачем? — рассмеялся островитянин.

— Потому что могу, — игриво округлила глаза Лилит, отправляя в рот рисовый шарик.

— Гиперкомпенсация, — пояснил Варац. — Она с деньгами так же делает.

— Сам-то.

— А я еще хуже, — охотно кивнул чародей. — Притом гораздо.

Лилит выудила из торбы что-то блестящее.

— Я принесла печать, — пояснила она. — В Теории я вычитала, что присутствие демона можно зафиксировать камнями источника. Это так?

— Камни реагируют на дикую магию, чары и присутствие демонов, — кивнул Варац. — Это ты к месту. Я думал примерно в ту же сторону.

— Къол, можешь что-то сказать? — Лилит протянула ему печать. Островитянин осторожно взял ее в руки, используя подол рубашки как прихватку. Он сощурился, пристально разглядывая начертания.

— Сходу — почти ничего. Могу сказать, что она имеет отношение к воздействию на разум, и работает при прямом контакте с кожей, — Къол коснулся печати белым камнем источника. Тот тихо, неприятно зазвенел. — Работает. Дурно пахнет, откуда она у вас?

Он аккуратно вернул печать на стол.

— Друг с красивым именем в наследство оставил, — Лилит взяла печать в левую руку и задумчиво подбросила ее. Къол изумленно округлил глаза, а Варац с любопытством склонил голову набок.

— Это мы видели, — кивнул он.

— Этого, — задохнулся Къол. — Мы никогда не видели!!!

Он вновь схватил печать, и принялся тщательно изучать начертания.

— Печать цельная, — заговорил Варац. — Про это-то мы и забыли рассказать, незадача какая. Лилит отпечатали. Валялась с пол луны, как болваны Двольфиуса. Только они все так и остались, а кирья однажды открыла глаза, и все. Печати как не было, и заново не ложится.

— Как это можно было забыть упомянуть?! — Къол взмахнул свободной рукой.

— Как-то затерялось, — пожал плечами Варац. — На фоне всего. Насыщенный был сезон, адельфос, хватит меня жечь очами.

Лилит задумчиво щелкнула ногтем.

— Я тамису лежала под этой печатью, — сказала она, поднимая глаза к потолку. — Там что-то происходило, но я не помню, что. Ко мне обрывочно приходят воспоминания о сознании сатори. Контакта с Афаа я тоже не помню, но я пыталась что-то написать на полу, когда очнулась, — она перевела взгляд с Къола на Вараца. — Судя по всему, воспоминание

уходит постепенно. Может, сразу после контакта получится меня расспросить.

Они переглянулись.

— Интересно мыслишь, — Варац подался вперед.

— И опасно, — добавил Кьол. — Но даже если, как ты планируешь войти в контакт, если печать на тебя не действует?

— А это-то как раз крайне просто, адельфос, — Варац отпил. — Через мой разум.

— Ты спятил? — фыркнул Кьол. — Ты себя отпечатать удумал, идиотина?

— Я спятил, но не настолько, — улыбнулся Варац. — Я просто возьму печать в руки.

Это прерываемый контакт. Если ничего не получится, просто заберешь ее у меня, и все.

— “И все”? Варь, я понятия не имею, что это за печать, — Кьол скрестил руки на груди. — Там может быть что угодно. Ты можешь сойти с ума, разорваться на части, сгореть заживо, да что я тебе рассказываю-то, сам не маленький!

— Лилит же в порядке, — пожал плечами Варац. — Брось драматизировать.

— Я тебе дам драматизировать, — Кьол дал Варацу несильный подзатыльник. Чародей возмущенно дернул ногой.

— Что за хамство! Адельфос, прекрати истерику.

— Не знаю, Варац, — подала голос Лилит. — Сатори и Афаа этого не пережили. И я понятия не имею, что происходит во время контакта.

— Именно это я и надеюсь выяснить, — Варац закинул ногу на ногу, и приложил указательный палец к своему виску. — Ты там хорошо ориентируешься. Я тебе доверяю. А других предложений, как я понимаю, нет.

— Есть предложение этого не делать, — буркнул Кьол, и махнул рукой. — Все равно не послушаешь...

— Наконец-то здравые слова из твоих уст, какое чудо, — обрадовался Варац и протянул руку за печатью. Лилит подняла на него глаза.

— Уверен?

— Не тяни, дорогуша, — Варац подвигал пальцами раскрытой ладони. Лилит глубоко вдохнула и вложила металлическую печать в руку чародея. Его веки медленно закрылись, тело расслабилось, голова тут же рухнула на стол. Лилит куснула губу.

— Будь аккуратна, — мягко сказал Кьол, и нервно поскреб подбородок. — Какой идиотизм затеяли...

Панический страх быстро разрастался внутри. Лилит с силой сжала собственное колено, стараясь дышать глубоко и размеренно.

В этот раз сознание Вараца ощущалось совсем иным. Медленным и тягучим, будто спящим. Там не было мыслей, вспышек и образов, которыми обычно думал чародей, был только густой воздух и темнота, которая расступалась перед Лилит. Все ее существо сжималось, молчаливо кричало где-то внутри, просило ее покинуть чужой разум и закончить эксперимент. Но Лилит упрямо дышала, и упрямо оставалась стоять на месте.

Она чувствовала присутствие. Присутствие откликалось у нее в груди, отзывалось под кожей, резонировало в мозгу. Она искала объект этого присутствия, но он нигде не обнаруживался. Воздух становился все гуще, и дышать в нем было все сложнее. Лилит расслабила тело, и мысленно уплыла в пустоту, куда-то вглубь себя, куда так боялась заглядывать. Сначала она услышала треск. Потом — ощутила тепло. Потом почувствовала боль в груди, но не отпрянула, а поддалась ей, покорно склонив голову.

Она видела расплывающиеся во тьме разноцветные пятна, и узнала их. Она вспомнила

тоску, которая придавила ее к земле, вспомнила ужас потерявшей себя искорки по имени Лилит. Темноту, которая шептала ее имя. Воспоминания сдавили виски, и Лилит стоило огромных усилий продолжать смотреть и продолжать слушать. Она чувствовала, что в этот раз что-то было по-другому. Она услышала звук собственного шумного выдоха, и позволила боли заполнить себя изнутри, разрешая ей превратиться в агонию.

Это было очень знакомое, старое чувство. Это была не физическая боль, но будто ее оборотная сторона. Бестелесное страдание, пространство, заполненное воем, скрученное, искаженное, и вопящее. Уши забил собственный крик, панический страх спер дыхание. Лилит подняла глаза на акварельные пятна, и из ее груди вырвалось дрожащее:

— Minstro... de... ei...

Агония достигла пика, память перестала быть понятным для осмысления концептом, перед глазами мелькали хаотичные образы спиралевидных деревьев, рогов, живого воздуха и говорящего ветра... Лилит не сразу поняла, что больше не находится в сознании Вараца. Она сидела на стуле, вцепившись в подлокотник, и жадно хватала ртом воздух. Ее колотило, по лбу бежал холодный пот. Желудок скрутила тошнота, и она согнулась пополам в порыве рвоты.

— ...одна идея охерительней другой, потому что! — туманно донеслось до нее откуда-то издалека. Звон в ушах постепенно утихал. Она почувствовала, что кто-то стоит рядом, но пока не находила в себе сил разогнуться.

— Все же живы, — услышала она голос Вараца. — Лилит, ты жива? Что-то помнишь?

— Ты совсем кретин?! — возопил Кьол. Лилит увидела перед собой протянутый ей стакан воды, и протянула к нему дрожащую руку. Она с трудом села прямо. Вода пролилась ей на колени, и Лилит поставила стакан на стол. Она закрыла глаза, и дышала. Это все, что она сейчас могла — держать глаза закрытыми, и дышать.

— Даже не думай, твою мать, — шикнул Кьол.

— Чтобы это все было напрасно, видимо? — недовольно спросил Варац. — Лилит!

Дрожь постепенно утихала. Лилит открыла глаза, и протянула руку к печати, которая лежала на столе. Она взяла ее в ладонь, и долго смотрела на нее. Металл заскрипел, и задвигался под ее взглядом, слегка изменив форму. Лилит выронила печать. Варац и Кьол изумленно переглянулись.

— Что ты сделала?!

Лилит провела рукой по лицу, чувствуя внутри себя холодную, выжженную пустыню.

— Приказала себе служить, — тихо ответила она, чувствуя, как силы покидают ее. Она медленно потеряла сознание.

Пока Лилит отсыпалась наверху, Варац и Кьол сидели возле камина, пораженные бессонницей.

— Дай сюда, — островитянин отнял у чародея бутылку. — Мне теперь тоже надо.

— Всегда вы так, — фыркнул Варац, закуривая. — Осуждаете, пока самим не припрет.

— Я только один раз скажу, что это, вероятно, самое удивительное открытие всей моей жизни. Но почему-то хочется не отмечать, а совсем наоборот, — хмуро отвечал Кьол, наливая себе до краев. — Это же кошмар, Варь. Ужас, каких мало.

— Можно горевать, — кивнул Варац. — А можно попытаться что-то сделать.

— А что ты сделаешь? — пораженно спросил Кьол. — Экзорцизм проведешь? Ни одна другая школа, кроме северной, не описывает захват демонами людских тел.

— А вот тут я с тобой поспорю, — Варац задумчиво затянулся, покачивая ногой. — О

демонических существах известно чудовищно мало. Так?

— Ну, — кивнул Кьол.

— Они избегают людей, и пересечься даже с одним за всю жизнь считается огромной удачей. При условии, что ты переживаешь эту встречу. Так?

— Ну. К чему ты?

— К тому, что за последний сезон я повстречал трех, — Варац качнул бокалом. — Если не считать саму Лилит. Она их не просто притягивает, она имеет над ними какую-то власть. Она убила сатори. Кицунэ, которая пришла с явным намерением нами пообедать, при взгляде на нее замерла и прижала уши, а потом увязалась следом. А теперь еще это, — он кивнул в сторону круглого стола, на котором валялась печать.

— Судя по рассказам кирьи, впервые рога у нее прорезались в девять. Поэтому я подозреваю, что она не просто сосуд для демона, что было бы логично предположить с самого начала. Я думаю, что она — демоническое существо ментальной природы, которое случайно попало к людям.

Кьол шумно выдохнул, отпил из горла и покачал головой.

— Демонические существа не выносят друг друга. И! — он ткнул Вараца в плечо пальцем. — Они бессмертны, дурында. Она не могла вырасти, как человеческий ребенок.

— Бессмертие, если помнишь, так и не было доказано, — Варац вернул Кьолу тычок. — Эта теория основана на искусстве старого мира. Поверь мне, как человеку этого самого искусства — оно ни в какой из вселенных не может считаться научным доказательством. Я, собственно, к чему веду. Кицунэ-то здесь, в городе. В порту сидит.

— Серьезно? — Кьол удивленно вскинул брови. — Зачем?..

— Нравится ей так, не знаю, — пожал плечами Варац. — Говорю же, увязалась. Я с ней дай бог парой слов обмолвился за все это время, но с Лилит она разговаривает. Вот я и предлагаю — пусть они поговорят.

— Варь, оставь человека в покое. Что с ней было после твоего эксперимента замечательного, видел?

— Видел, адельфос, видел, — вздохнул чародей. — Но сейчас не время для гуманизма. Она сама считает, что некромикаре не ушла с ампутацией руки. И дальше, вероятно, будет только хуже.

— Ты этим руководишься? — сощурился Кьол. — Потому что мне кажется, что тобой движет вовсе не забота.

— Господи боже мой, какая разница, что мной движет! — раздраженно ответил Варац. — Если я предлагаю идеи, которые работают?

— Варь, — серьезно пробасил Кьол. — Ты это уже проходил, и не один раз.

Варац сжал переносицу пальцами.

— Речь не обо мне. Ты понимаешь, с чем мы столкнулись, адельфос? Как нам повезло, понимаешь? Чародеи всю жизнь тратят на поиски даже самых банальных аномалий...

— Варац! — Кьол громко щелкнул пальцами. — В тебе говорит одержимость. Возьми себя в руки.

Чародей глубоко вздохнул, и откинул голову назад.

— Вероятно, — неохотно согласился он, приканчивая бокал. — Большое видится на расстоянии.

— Вот именно, — кивнул Кьол, и уселся поудобнее. — Помнишь, как мы раньше делали?

— Субъективация, как борьба с объективацией? — Варац усмехнулся. — Ладно. Но за это пойдешь за вином.

— Договорились, — Кьол подлил ему, и глотнул сам. — Я слушаю.

— С ней приятно говорить, по большей части. Несмотря на полное отсутствие образования, у нее мышление эрудированного человека, — Варац сделал маленький глоток. — Помешана на своей работе, и это даже как-то завораживает. Поразительная целеустремленность при полном отсутствии задних мыслей, как лошадь в шорах. Она абсолютно равнодушна к музыке и искусству, зато, как показала практика, может тамисами питаться листьями и жуками без вреда для физической формы, — Варац тихо рассмеялся в бокал. — Вспыльчивая, эмоциональная, закрытая. Кошмарная, невыносимая детерменистка. Любит тишину. Когда надолго задумывается, всегда что-то делает руками. Трюки с монеткой, в основном. Не выносит чужих прикосновений. Незнакомцев особенно.

— М-м, — улыбнулся Кьол. — И как вы познакомились, говоришь?

— Я вышел покурить на балкон, а она сидела на моей крыше, — усмехнулся Варац. — Я ее даже не увидел, а учуял. Она пила соджу незадолго до.

Кьол рассмеялся.

— Она там готовила засаду. Потом пришли многоуважаемые похитители, про которых я тебе уже рассказывал. Бесцеремонно ворвались ко мне, скрутили, и стащили вниз. А там кирья с мечом в руках, и труп с ножом в шее. Она убивает второго, на нее наставляют два арбалета, и говорят пойти с ними. А она пожимает плечами и отказывается. Говорит, что у нее в городе заказ, и своими ногами она его покидать отказывается. Можешь вообразить наглость?

— Сильно, — согласился Кьол. — А дальше печать?

— Печать, — кивнул Варац. — И целая тамиса в компании совершенно невыносимой стихийщицы.

— И когда ты понял, что она тебе интересна?

— После того, как она освободилась из-под печати, — Варац глотнул. — Я сразу почувствовал, что здесь что-то очень глубокое.

— Съезжаешь с темы! — Кьол стукнул ладонью по обивке дивана. — Как человек!

— Как человек... — Варац задумался. — Сложно сказать. Но еще до сатори, наверное, — он взял небольшую паузу. — Знаешь, когда? Вообрази сцену. За нами ночью по лесу несется гидра. Огромная разъяренная туша, кругом темно, черт ногу сломит. Тварь вылетает из-за деревьев, а кирья стоит и смотрит на нее с палкой в руке. И говорит: “сука, клялась же себе, что не сдохну в лесу”. И пошла на гидру. С палкой, адельфос.

Кьол потряс головой.

— Кошмарное безрассудство, — Варац провел пальцем по краешку бокала. — Я тогда сразу понял, что у нее течет крыша. И мне сразу стало интересно, почему.

— И что, выяснил?

— Нет, — улыбнулся Варац, и отпил. — Я сначала подозревал, что у нее страх вообще напрочь атрофирован. Но нет, она ему подвержена, более чем. Она боится того, что мы между собой называем демонической херью. Своей дикой магии, собственной силы. Когда она теряет контроль над собственными мыслями, то приходит в ужас. Ее отвлекают разговоры и работа, но она все равно постепенно в это скатывается, это видно невооруженным глазом.

— Ты бы сказал, что она хороший человек?

— Я в таких категориях не мыслю, адельфос. Она интересный человек, и это все, что меня волнует.

— Да пожалуйста, — махнул рукой Кьол. — И ты этого интересного человека, которого только что так детально описал, правда хочешь бросить в яму с этой... демонической херью? От которой она в ужасе?

— Я бы хотел ответить, что не хочу, — вздохнул чародей. — Но это будет лукавством. Хочу, адельфос, даже очень. Так уж я устроен. Хочу, — он приподнял и опустил бокал. — Но не буду. Слишком уж долго я отвоевывал власть самому принимать решения.

— Другой разговор, — добродушно пробасил Кьол, и слегка ударил горлышком бутылки о бокал Вараца.

— Но, — Варац наставил на друга палец. — Я отказываюсь совершенно ничего не делать. Во-первых, выслушай мою идею относительно чертежа. Во-вторых, мы и сами можем сходить к Минг. Говорить она с нами, положим, не станет, но проверить, как на ней работает камень и печать мы можем. Верно?

Сакусэ сидела в комнате, развлекая себя трюками. Она сосредоточенно морщила лоб, разглядывая свой миниатюрный лес. У елей размером с пару детских ладоней было видно каждую иголочку, а если приглядеться, под ними можно было обнаружить грибочки. Девочка попыталась дотронуться до верхушки одного из деревьев, и ее палец прошел насквозь. Она разочарованно вздохнула. Чтобы подбодрить себя за успехи — Минг говорит, так иногда надо делать — Сакусэ закрыла глаза и представила крохотного кролика, который пасся на лугу. Она укрепила образ и наделила его деталями, а потом внесла в свою поделку. Тут же маленькое белое пятнышко показалось из-под ели, перепрыгивая с места на место и пугливо озираясь. Девочка восторженно вдохнула и не удержалась от хлопка в ладоши.

В дверь постучали. Напугавшись, Сакусэ подпрыгнула и неловкими движениями рассеяла иллюзию. Она недоверчиво подошла к двери, прислушиваясь. Снаружи доносился знакомый голос, говорящий на всеобщем что-то ей непонятное, и девочка, не задумываясь, повернула ручку и распахнула дверь.

Рядом с Варацем стоял очень — очень! — большой человек с очень темной кожей, и Сакусэ не удержалась от крика испуга и неожиданности. Минг рядом не было, а Варац был далеко, поэтому она спряталась за дверь. Черный человек что-то сказал голосом будто из котелка, и девочка тихонько пискнула от страха.

— Мелочь, — сказал Варац, проходя в комнату. — Это невежливо.

— Он чего такой черный? Это кто? — немного приходя в себя и выглядывая из-за двери, спросила Сакусэ.

Варац вздохнул со смешком.

— Это страшный дух с неведомых островов. Ест детей, но сейчас он сыт, не трясись.

Сакусэ встряхнула головой.

— Духи не едят детей. Ты какой-то глупый.

— Докатились, — фыркнул чародей.

— Извини, малютка, — Кьол улыбнулся девочке широко и протянул ей большую ладонь. Она дотронулась до нее немного пугливо, а потом схватила один из пальцев и принялась пристально его разглядывать.

— Она не говорит на всеобщем, — пояснил Варац. — Бегала в лесах в компании кицунэ, пока к нам не попала. Знал бы ты, как ревностно кирья отучивала ее жевать сопли, всю жизнь бы смотрел!

Кьол присел напротив девочки, выставил вторую ладонь, и хлопнул. Она повторила за ним и ударила в его развернутые ладоши. Прodelав это несколько раз, она громко рассмеялась и что-то сказала на аньянгском.

— Что говорит?

— Я это отказываюсь переводить, — покачал с улыбкой покачал головой. — Так не говорят в приличном обществе. Надо будет Минг сказать, что времена немного изменились.

— Что ты мне там собрался сказать? — спросила кицунэ недовольно, появляясь на пороге. — Что за праздник? Это кто?

Сакусэ радостно подбежала к ней, и Минг привычно подгрeбла ее рукой, по-матерински пряча за себя.

— Познакомься, Минг, это Кьол. Мой верный друг и ближайший соратник во всех начинаниях.

Кьол смотрел на Минг с любопытством, но манеры не растерял: он поклонился и представился, соблюдая аньянгский этикет. Кицунэ лишь громко фыркнула в ответ.

— Да уж. Золотой мальчик, ты удумал ко мне туристов водить? Проваливайте, сожру обоих.

— Вообще-то мы пришли попросить об услуге, о грозная и могучая кицунэ, — отвечал Варац насмешливо.

— Да-а? — заинтересовалась Минг. Она прошла в комнату и взглянула на тумбочку, где Сакусэ творила иллюзию до прихода гостей. Сейчас там ничего не было, но кицунэ все равно цокнула языком и покачала головой, поглядывая на свою воспитанницу. — И что мне с вашей услуги?

— А что нужно? Рыба? Зайцы? Человеческие дети? Двести черепков ворон?

— Живой мозг колдуна, — Минг окинула Вараца взглядом. — Твой не подойдет. За отсутствием.

— Она серьезно? — спросил Кьол вполголоса. Кицунэ не удержалась от ехидного смешка.

— Проваливайте, говорю. Тут не ярмарка, и я не в настроении.

— Когда ты будешь в настроении, небеса разверзнутся и наступит судный день, — Варац сделал шаг вперед и неуловимым движением приложил печать к предплечью Минг. Та оцетинилась и отскочила:

— Пшли вон, колдунье, — сказала она с рычащими нотками в голосе.

Варац посмотрел на Кьола и поманил его к выходу.

Когда дверь за ними закрылась, кицунэ встряхнула головой, унимая вздыбившуюся на загривке шерсть. В человеческой иллюзии ее было не видно, но это не значит, что она не существовала.

— Не открывай дверь кому попало, — бросила она Сакусэ.

— Это же Варац, он не кто попало!

— Все, кроме меня — это кто попало! — отрезала Минг. — Это что? — она указала рукой на пустую тумбочку. — Почему я след чую аж снизу? Забыла, как рассеивать?

Варац и Кьол ступили на крыльцо, щурясь на яркое солнце. Варац глубоко вдохнул и извлек из кармана портсигар. Кьол подпер плечом деревянную колонну, от чего козырек крыши слегка качнулся. Чаек сегодня было особенно много; видимо, одно из китобойных суден зашло в порт.

— Ну и что? — спросил Кьол, смотря на то, как Варац пытается раскурить крученку на

ветру.

— Я крайне доволен, — сообщил Варац нечетко.

— Почему?

— Потому что я прав, — хмыкнул чародей. — Она не среагировала на печать.

— А камень?

— Сработал при прикосновении, — кивнул Варац.

— Интересно, — Кьол провел рукой по бритой голове. — Значит, камень звенит при контакте с демоническими существами. А печать на них, как и ожидалось, не действует.

— Именно.

— Но почему, интересно? Может, какие-то особенности человеческого мозга?

— Почему, можно предполагать до утра, — Варац выдохнул дым. — Факт в том, что не работает. Ни на ней, ни на Лилит. Видишь, куда клоню?

— Вижу, — Кьол выпустил изо рта воздух через плотно сжатые губы. — Но сначала же сработала. Как полагается, притом. Как ты это объяснишь?

— Пока никак. Ты видел печать, уважаемый демонолог. Сколько, как думаешь, нужно времени, чтобы ее разобрать?

— От двух тамис до трех лун, я бы сказал, — задумчиво промычал Кьол. — Она пятиступенчатая, с перекрытиями. Эти самые противные в интерпретации.

— Кошмар, — ужаснулся Варац. — Тогда, боюсь, не получится.

— Не получится, — согласился Кьол. — Что будем делать?

— Ничего, — пожал плечами чародей. — Вернемся к проекту, отпразднуем день первородного пламени. Я начну изучать некромикаре, как только представится возможность. Всю эту чушь давно запретили, но мы оба знаем, что запрещенные эксперименты просто сложнее отыскать.

— Печать я все-таки скопирую, — Кьол сощурился на солнце. — Письмо пришлю, если что, — он вытянул шею, что-то высматривая вдали, и близоруко сощурился. — А это не Лилит там?

Варац затоптал окурок.

— Она, — он вздохнул, и рассмеялся: — Для нее порт как для меня хорошее вино. Место вечного интереса, надежд и разочарований.

Лилит о чем-то болтала с двумя оренхайцами возле доков. Кьол поморщился при одном взгляде на них, безошибочно распознав пиратов. Как странствующий купец он чаще прочих имел неудовольствие сталкиваться с ними, и один их вид вызывал у него стойкое желание поквитаться за все варварства, что ему довелось наблюдать в своих путешествиях.

— Kaitora, — процедил он недовольно и глубоко вдохнул, борясь с гневом. — Не пойду ближе.

— Я тоже, пожалуй, воздержусь, — Варац остановился, не без любопытства глядя на то, как Лилит что-то говорит, а оба пирата внимают, кивая как болванчики. Лилит стояла спиной к чародеям, и не видела их, пока ее рыжебородый собеседник не кивнул их сторону, что-то при этом произнося. Лилит повернулась и помахала рукой, после чего вернулась к разговору.

— Друзья ее, что ли? — спросил Кьол с некоторой неприязнью.

— Зная кирью, — Варац расправил плечи. — Скорее, инструменты.

— Нехорошо так говорить, — пробурчал островитянин. — Но я буду рад, если она их использует как-нибудь... неподобающе.

Варац тихо рассмеялся.

— Ну ты и животное, адельфос, я возмущен! Как можно говорить такие ужасные вещи, прямо уши вянут!

— Не паясничай.

— На закате мира прекращу, — кивнул Варац, следя взглядом за Лилит. Она попрощалась с пиратами, ловко избежав любых прикосновений, и энергично застреляла глазами, стоило ей повернуться к Кьолу и Варацу. Посмотрев на оренхайцев, взгляды которых были преисполнены животной готовности к действию, Варац развернулся и зашагал прочь.

— Ну вам жить не хочется, уважаемые, честное слово, — сказала Лилит, нагоняя их. — Кто ж так пялится?

— Они еще и возмущаются?! — вспыхнул Кьол, оборачиваясь.

— Тихо, здоровяк, — Лилит легонько похлопала его по плечу в успокаивающем жесте. — Придет твой час возмездия за все утопленные статуэтки, или чем тебе эти ребята насолили. Островная религия же мирная, или как?

— Это адельфос мирный, а не религия, — заметил Варац. — А им жить не надоело, среди бела дня в порту ошиваться? От них же за стадий налетами разит!

— Думаешь, стража будет с ними связываться? — усмехнулась Лилит. — У них корабль набит злыми оренхайцами, которые мечтают умереть в сражении и забрать с собой как можно больше народа, им только повод дай. Они стражу не провоцируют, а те старательно делают вид, что награбленное добро на их посудине это описанный товар. И уговаривают их выйти из порта поскорее.

— Низость какая, — Кьол сокрушенно покачал головой. — Я был уверен, что хоть в Чинджу стража достойная.

— Достойная, — кивнула Лилит. — Но переть на сотню гневливых варваров — не достоинство, а глупость. Капитан бережет своих людей, раз уж на то пошло. Попытка ареста-то сам понимаешь, чем кончится.

— Все равно неправильно, — упрямо мотнул головой Кьол. — Это принципиальный вопрос.

— Как угодно. Ну? Куда мы?

— В коттедж. Обсудим наши наблюдения. И поедем, — ответил Варац.

Захватив по дороге еды, они с комфортом устроились на кресле и диване, поедая лапшу. Лилит не ела, только мелко потягивала вино и ждала, пока Кьол и Варац утолят свой голод. Она мелко барабанила пальцами по подлокотнику; по какой-то причине ей было тяжело усидеть неподвижно.

Варац, лишь слегка поклевавший лапшу, отставил ее в сторону примерно тогда же, когда Кьол прикончил всю порцию. Вооружившись бокалами с вином, они устроились поудобнее и обратились к Лилит:

— Как ты себя чувствуешь после вчерашнего?

— Нормально, — Лилит дернула плечом. — Я ничего не помню, если вас это интересует.

— Просто беспокоимся о твоём самочувствии, — мягко сказал Кьол, запивая лапшу вином. — Ты выпалась?

— Выспалась, выпалась, — Лилит подобрала под себя одну ногу. — К делу давайте?

— К делу, — Варац протянул ей камень источника. — Возьми в ладонь.

Лилит медленно протянула руку, и взяла мелкий камень двумя пальцами. При соприкосновении с ее кожей он тут же засветился, и зазвенел, и Лилит поспешила положить его на низкий журнальный столик. Варац покивал.

— Пока все указывает на то, что ты — демоническое существо, — сказал он. — Мы на этом худо-бедно сошлись.

— С трудом, — добавил Кьол.

— Верно. Но ничего лучше у нас пока нет.

Лилит перевела глаза на металлическую печать, которая лежала на столе. Она с неприязнью кивнула на нее.

— А с этой херью что?

— Понятия не имеем, дорогуша, — вздохнул Варац. — Все на уровне предположений. Ты демоническое существо ментальной природы, как сатори. Как и демоническое существо, ты реагируешь на их близость. Ты почуяла сатори раньше меня, и отозвалась на дикую магию Минг.

Лилит раздраженно нахмурилась, и прижала палец к виску.

— Допустим, — сдержанно сказала она. — Что дальше?

— Пока — ничего, — Варац повел запястьем в воздухе. — Мы надеемся понять больше, когда Кьол расшифрует печать. Это займет какое-то время.

— Много времени, — мягко добавил островитянин.

Лилит провела руками по лицу.

— Кьол, — сказала она, отнимая ладони. — Ты же демонолог, твою мать. У твоей специализации один корень слова с тем, чем Варац меня считает. А ты, уважаемый чародей с тремя грамотами, сколько тебе там, говоришь, лет? Как вам двоим, таким одаренным, может быть нихера не понятно?!

— Мне жаль, кирья, — пожал плечами Варац. — Открытия не делаются за пару дней с бокалом вина в руке. Теперь я лучше понимаю, в чем корень, и в каком направлении копать, а это уже немало. Наберись терпения.

— Терпения? — тихий голос Лилит слегка задрожал. — Когда неизвестность вцепится в твое блядское горло своими сраными пальцами, и будет медленно сжимать их, когда день за днем ты будешь задыхаться все сильнее, когда ты будешь рыдать во сне от страха, потому что даже сны причиняют боль — вот тогда ты получишь право раздавать мне советы, уважаемый чародей.

Она поднялась с кресла в широком, решительном шаге.

— Терпения, блять! — крикнула она, и звонко хлопнула дверью. Варац шумно выдохнул.

— А надо было меня слушать, — он отпил вино. — Кто знает, что нам мог бы дать всего один разговор?

Вместо ответа Кьол с грустью покачал головой.

— Она отойдет. Подумай лучше знаешь о чем? О том, что наше небольшое открытие сводит на нет труды всей жизни нашего дражайшего ректора. Он целый труд написал об опровержении теории демонического дуализма, если помнишь.

— Думаешь, это тут применимо? Теория дуализма никогда не подразумевала две... нематериальные сущности, как два разума. Только материю и нематериальное.

— Так ты смотри шире, — посоветовал Варац. — Идея, что бессмертное нематериальное существует в смертном материальном сама по себе абсурдна на бумаге. Но

мы это наблюдаем, тем не менее. А в случае кирьи явно есть и человеческое, и демоническое.

— Потому что люди не владеют дикой магией и не растят рога?

— Именно поэтому, адельфос. Вопрос в том, как получить доступ к этому демоническому. И не будет ли это означать, что некромикаре снова начнет прогрессировать. Так или иначе, — Варац отставил бокал, и поднялся на ноги. — У нас еще куча работы, поэтому я пойду начну. А ты присоединяйся, когда тебе надоест печалиться.

Кьол лишь тяжело вздохнул в ответ.

С наступлением ночи Лилит долго бродила по порту взад-вперед. Она ходила и ходила, надеясь, что спокойствие и ощущение себя рано или поздно вернется к ней. Но они не возвращались. Вместо этого ее охватило всепожирающее отчаяние, и Лилит ненавидела себя за то, что опять позволила себе на что-то надеяться. Раз за разом, год за годом она снова и снова наступала в уютную и доверительную ловушку надежды. И каждый раз она захлопывалась, пронзая тело острыми колючками. И каждый раз Лилит клялась и божилась сама себе, что убьет в себе всякую надежду. Но она не могла этого сделать. Надежда была ее стержнем и ее опорой, такой же прочной и необходимой, как и ненависть. Что-то, от чего она очень хотела, но никогда не могла избавиться.

Лилит протерла заплаканные глаза. Она развернулась и оглядела массивное здание трехэтажной плавучей таверны. Она понятия не имела, как у нее еще осталась хоть какая-то воля принимать решения. Ей казалось, что еще чуть-чуть, и она растворится сама в себе, передаст вожжи кому-то еще, и будет лишь молчаливым наблюдателем, полным безразличия к зрелищу того, как горит и полыхает ее прежняя жизнь.

Лилит прошла мимо трактирщицы, которая закричала на нее с самого порога. Игнорируя вопли за своей спиной, она поднялась по лестнице и направилась прямо к комнате Минг. Лилит широко распахнула дверь и замерла на пороге, увидев в полоске света спящее личико Сакусэ. Она повернула голову на вторую кровать, на которой калачиком свернулась Минг в облики белого лиса. Кицунэ приоткрыла глаза и вопросительно повела ухом, глядя на Лилит. Потом широко зевнула, лениво потянулась и спрыгнула с кровати. Она покинула комнату уже в человеческой иллюзии, тихо закрыла за собой дверь и повернулась к Лилит. Сначала лицо ее приобрело насмешливое и немного недовольное выражение, но, взглядевшись в глаза своей собеседницы, кицунэ вздернула брови с волнением, почти с беспокойством. Лилит куснула губу, и оглядела коридор, в котором они стояли.

— Пошли прогуляемся, — тихо сказала она. — Надо поговорить.

Лилит и Минг спустились вниз, где трактирщица раздраженно гремела стаканами, пока уже знакомый Лилит громила неподвижно сидел за стойкой. Он коротко кивнул Лилит, и та рассеянно махнула ему рукой.

— Гребаные банды... — пробормотала трактирщица.

Они вышли на пустой причал, прошли до его конца и встали под фонарем. Лилит долго молчала, шмыгая носом и подергивая ногой. Минг стояла рядом.

— Ты знаешь про печати? — тихо подала голос Лилит. Минг недовольно дернула бровью, и кивнула. — Вчера я с ней контактировала.

Она царапнула свое предплечье.

— Варац спросил меня, помню ли я контакт, — ее голос сорвался и задрожал. Лилит закрыла глаза. — Я соврала, что нет. Потому что я не знаю слов, которые могли бы передать то, что я там почувствовала.

Она резко утерла слезы и отвернулась.

— Я пыталась сбежать от этого чувства. Но оно не уходит. Я будто расщепляюсь в пыль,

Минг, — Лилит пронзительно посмотрела на кицунэ покрасневшими глазами, и шепнула: — Мне страшно. Мне еще никогда не было так, сука, страшно.

Минг посмотрела на тонкую полосу света на горизонте.

— Я тоже ее боюсь, — сказала она негромким, ровным голосом. — Но рано или поздно она заберет всех нас.

— Это неизбежно? — тихо спросила Лилит.

Минг едва заметно кивнула, опуская глаза.

— Я буду... — Лилит зажмурилась, сдерживая всхлип, и прерывисто выдохнула. — Я буду помнить себя, когда все закончится?

Она до боли сжала собственный локоть подрагивающей рукой.

— Не знаю, — едва слышно ответила Минг. — Когда пришло время, моя мастер помнила лишь три слова.

Лилит глубоко вдохнула, унимая плач.

— Я не знаю, о чем ты.

— Тебя вырастили люди. В тебе слишком много человека, чтобы ты знала, — ответила Минг. — Но я могу показать.

Лилит свело живот от одной мысли о том, что она снова ощутит вчерашнюю боль, испытает, как собственная память ускользает из ее рук, как агонизирующее пламя выжигает внутри все, оставляя лишь ее собственное имя. Она помотала головой. Минг мягко положила руку ей на плечо, и Лилит резко дернула им, стряхивая ее ладонь.

— Решай сама, — сказала кицунэ.

Лилит провела руками по лицу, и тяжело села на причал. Минг мягко опустилась рядом.

— Постарайся расслабиться, — тихо сказала Лилит. — Так нам обоим будет проще.

Минг ничего не ответила. Лилит посмотрела на нее, и замерла, скованная ужасом предстоящего. Но действие было неизбежно. Все было неизбежно.

Сознание Минг было мягким, гибким, едва заметным для любого чувства и ощущения. Оно переливалось и танцевало, ускользая из хватки, словно тончайший неосязаемый вилюр. В его движениях Лилит чувствовала ловкость и силу, и эти ощущения передались и ей, немного ослабив удавку ужаса. Боли не было; была грация, уверенность, и едва слышимый, теплый смех.

Вуаль вилюра расступилась перед ней, и Лилит поразило пространство ее памяти, оно было замысловатым, сложным, но при этом почти пустым.словно библиотека, которой однажды пришлось хранить в себе все книги мира, и где теперь пылилось лишь несколько старых томов. Пустота на полках не казалась сосущей или пугающей, она чувствовалась естественной, словно и задумывалась там кем-то очень знающим и мудрым. В этом была гармония, продуманность, от которой у Лилит по коже бежали мурашки. Она направилась вдоль полок, изучая пустоту и то немногое, что все же хранила память кицунэ.

Минг жила в разных частях Аньянга, в городах и деревнях, встречала множество людей, любила, дружила, даже имела человеческую семью. Когда-то очень давно, настолько давно, что их лица давно стерлись из ее памяти. После Лилит видела лишь леса; дождливые, древние, пасмурные, наполненные солнцем и утренним туманом, молодые, нетронутые, где в предрассветных сумерках звонко пели птицы. В какой-то момент в них появилась Сакусэ, а в Минг поселилась тревога; они много путешествовали и почти всегда искали новые места

для жизни. Минг часто просыпалась от знакомого треска в воздухе, и ощущала внутри боль, словно ее раздирали на части. Тогда она будила Сакусэ и они бежали от этой боли. Это были червоточины. Они словно преследовали ее, и неизменно появлялись там, где оказывалась кицунэ. Минг свыклась с мыслью, что они вечно будут странствовать, но эта мысль вызывала у нее тоску. Кицунэ скучала по чувству дома, и хотела лишь обрести его еще раз, всего один раз. Она много лет искала это чувство, и ощутила его отголоски, когда ее полный ненависти хищника взгляд встретился с холодными глазами цвета аметиста. Злость вмиг ушла, а сердце сжалось чувством тепла и узнавания. Минг понятия не имела, откуда оно взялось, но жадно ухватилась за него и боялась лишь, что оно исчезнет, как одна из ее иллюзий. Но это была не иллюзия, и чувство никуда не ушло; оно и сейчас было с ней, где-то глубоко внутри, постепенно пуская корни и прорастая в ее сердце. Минг берегла его, как молодой росток, и любовно гладила его лепестки. Лилит ощутила всю глубину этой заботы, этой самоотверженной готовности защищать то, по чему кицунэ так изголодалась и чего так долго искала. И Лилит уже знала, что это будет частица, которую она заберет с собой в мир, когда покинет сознание Минг. Слишком легко и быстро она впитала его каждой своей порой, слишком сильно оно напоминало ей о чем-то важном, о чем-то давно забытом. Она пошла в другую сторону, возвращаясь в начало. Так рано, как ей позволяла собственная сила.

Минг жила долго, и ее память была не лучше или цепче человеческой. Чем дальше Лилит забиралась, тем более размытыми и трудночитаемыми становились воспоминания. Кицунэ помнила в основном эмоции, и в основном неприятные; они густились вокруг разноцветными клочками порванного воздуха, уже давно не привязанные к конкретным воспоминаниям. Но кое-что кицунэ помнила ярко и детально, и Лилит направилась туда, чувствуя в воздухе смесь тревоги, предвкушения и грусти.

Она увидела молодую девушку с длинными, светлыми волосами, одетую в гётэ и свободный халат. Лицо и руки ее были испачканы грязью, она сидела на полу крохотной минки, склонившись над одноухой рыжей лисой. Лис дышал хрипло и прерывисто, его когда-то густая и пушистая шерсть теперь была сальной, истончившейся и побледневшей. На теле лиса Лилит увидела следы некромикаре в виде крупных, черных пятен, которые постепенно съедали его плоть. Девушка осторожно гладила лиса по небольшому участку спины, который пока что не был поражен болезнью. Лис закатил глаза и затрясся в конвульсиях, и девушка прижала его к полу обеими руками, пока приступ не прошел.

— Пора, Хэй, — тихо сказала она, и Лилит с трудом разобрала ее слова через густой западный акцент, который явно относился к другому периоду времени.

Лис ненадолго перестал дышать, а потом снова вывалил язык.

— *Ei... de... toi...* — хрипло сказал он, едва выговаривая согласные.

Девушка закрыла глаза, и в последний раз коснулась его морды.

— *Toi de ei,* — тихо сказала она, и Лилит ощутила, как воздух вокруг них сгустился и задрожал. Она не могла ухватить перемены в нем, но эта перемена коснулась девушки неуловимым прикосновением тончайшего вилюра. Вилюр стал ее частью, и Лилит увидела молодую белую лисицу, которая замерла над бездыханным телом обнаженной женщины с медными волосами, чье тело было покрыто крупными черными язвами. Минг коснулась носом уха женщины, и медленно пошла к выходу. Она вышла в распахнутую дверь, ни разу не оглянувшись, и Лилит вышла вместе с ней, вместе с тем покидая разум кицунэ.

Минг проморгалась. Лилит ощупала свою руку. Чувство тепла, которое жило в Минг, осталось с ней, и немного оживило ее полумертвое сердце. Они молча обменялись

взглядами.

— Можешь поехать со мной на Север, — негромко сказала Лилит.

Минг молча улыбнулась, и едва заметно кивнула. Еще немного посидев в тишине, они разошлись; Лилит направилась к студии, а Минг вернулась в таверну.

Лилит ощупала рану на боку. Она больше не зудела, но прикосновения все еще доставляли неприятные ощущения. Она погладила неровный шов, водя по нему пальцем. Напоследок царапнув рану ногтями, Лилит оставила ее в покое.

Она уселась за туалетный столик Вараца и долго смотрела на себя в зеркало. Она определенно узнавала себя в отражении. Лилит принялась искать в себе что-то чужеродное — новое выражение в глазах, манеру сводить брови, может быть прищур. Руки двигались так же. Так же щелкал ноготь. Так же ощущалась кожа.

Лилит впиалась ногтями в заднюю часть своей шеи, будто желая продрать ее и нащупать хребет. Оставив там неглубокие царапины, она отняла руку, не меняясь в лице.

Постепенно темнело, а она так и сидела на одном месте, смотря в стол перед собой. И сидела так еще долго, даже когда взгляд перестал различать крема и тубики.

Сложно сказать, думала ли она о чем-то конкретном. Позже ей так не казалось, казалось лишь, что она всеми силами удерживала себя от того, чтобы выйти на улицу без оружия, найти компанию пьяных здоровяков и обматерить всю их семью. Или напиться вусмерть и пойти плавать. Ничего из этого она не сделала. Но той ночью ей очень, очень хотелось.

Из забытия ее выдернул скрип входной двери. Варац зажег свет, замер на пороге в комнату и оперся плечом о дверную арку, смотря на Лилит через зеркало.

— Знаешь, страдать в одиночестве в полной темноте — это для тебя слишком поэтично, — сказал он с легкой полуулыбкой на лице. — Я был уверен, что ты напьешься и подерешься с кем-нибудь на улице.

— Я хотела, — Лилит подняла на него глаза. — Но не стала.

— Значит, все не так уж и плохо, — заключил чародей, медленно проходя в комнату. Он уселся на кровать. Лилит повернулась к нему боком. — Я пришел к тебе с предложением, кирья.

Лилит послала ему вопросительный, выжидающий взгляд. Варац щелкнул порсигаром, достал крученку, и перебросил его Лилит. Она поймала его левой рукой, открыла одним нажатием на замок, извлекла крученку зубами и захлопнула кейс.

— Эксперименты с печатями запрещены везде, кроме Севера, — Варац закурил. — И я хочу попытать счастья в Пиргосе. Для начала.

Лилит невесело усмехнулась.

— Не-чародеев в Пиргос отправляют за преступления, — она подкурила, затянулась и выдохнула дым. — Особо тяжкие.

— Увы. Но нам, в кое-то веки, зверства церкви могут оказаться на руку. В прочих частях света отпечатывать людей запрещено, что значит что отыскать хоть скольнибудь верифицируемые исследования будет крайне трудно.

Лилит устало вздохнула.

— Чародеи и польза понятия несоместимые, — она стряхнула пепел. — Я всегда это знала. И понадеялась на вас только из-за отчаяния. Но вы не поможете. Ни ты, ни Кьол, ни весь Пиргос вместе взятый.

— Знаменитый северный оптимизм, — Варац взгляделся в ее лицо. — Что-то еще

случилось?

— Я говорила с Минг. Была в ее сознании, — Лилит отвернулась, делая затяжку. — Поразительное место, должна сказать.

Варац чуть подался вперед, подперев подбородок рукой.

— Демонические существа не бессмертны. Они перерождаются. Обучают детей дикой магии, чтобы те могли вместить в себя их... — она покрутила запястьем в воздухе. — Душу. Сущность. Демоническую сущность. Они живут долго, очень долго, пока неизбежно не заболевают некромикаре. И, когда приходит время умирать, перемещаются в новое тело.

Варац воспринял эту новость спокойнее, чем ожидала Лилит. В его взгляде не вспыхнуло лихорадочное любопытство, которое она уже наблюдала там прежде, по его лицу не загуляло радостное возбуждение. Он лишь задумчиво хмыкнул, глядя в потолок.

— Интересно, — сказал он.

— Интересно не это, — Лилит стряхнула пепел, упавший ей на штанину. — А то, что каждая последующая инкарнация не помнит своих прошлых жизней. Могущество кицунэ происходит из демонической памяти, которая несет опыт всех предыдущих инкарнаций. Там... — она зажмурилась и нахмурила лоб, вспоминая. — В них есть частица старого мира. Что-то... древнее, чем сама память. И оно проходит белой нитью через все жизни, и связывает их. Но другие воспоминания — нет. Память самой Минг заканчивается там же, где и у людей, в детстве, в беднейшей деревушке на западе Аньянга, когда она была обычным человеческим ребенком. Пока ее не принесли в жертву местной кицунэ, которая взяла ее в подмастерья.

Варац вскинул брови, и удивленно проморгался.

— Любопытно, — сказал он.

— Крайне, — Лилит посмотрела на него насмешливо. — Признай, что чародеи чудовищно, патологически бесполезны. Я за день узнала о кицунэ больше, чем куча чародеев за много тысяч лет. И это не потому, что я такая одаренная.

Варац с улыбкой повел бровью.

— Знаешь, сколько открытий так и не стали открытиями по самым разным причинам? — спросил он после небольшой паузы. — Какие-то звучали настолько безумно, что канули в лету времен, потому что никто не воспринял их всерьез. Какие-то просто не были увековечены, потому что были сделаны безграмотными крестьянами. Такие иногда заканчивают в фольклоре, и это одна из причин, по которой я продолжаю утверждать, что народные сказки и мифы так же валидны, как труды крайне уважаемых чародеев, — он посмотрел на Лилит с легким озорством. — И я тоже принял важное решение оставить при себе все, что узнал от тебя. По двум причинам: во-первых, научный труд — дело крайне утомительное, а я уже выбрал искусство над академической жизнью. Во-вторых, не хочу тратить время, увековечивая опыт, если могу потратить его, получая новый.

— Очень в твоём духе, — улыбнулась Лилит и добавила негромко и искренне: — Спасибо.

Варац кивнул.

— Инкарнации... Они все еще там, где-то очень глубоко. Спрятанные. Но я их почувствовала. Думаю, они за дверью по типу той, в которую ломился сатори, — она затынулась. — И меня пугает мысль о том, что будет, если ее открыть.

Варац постучал пальцами по колену.

— Думаешь, они есть и в тебе?

— Не знаю, — тихо ответила Лилит. — Но во мне есть что-то. Что-то, чего я по глупости коснулась, когда помнила лишь свое имя. И это что-то сжирает меня изнутри.

Она проморгалась, и отвернулась.

— Как зловеще, — улыбнулся Варац.

— Зловещая демоническая херь, — кивнула Лилит. — Знаешь, почему ты мне сразу не понравился? Ты желал умереть, тогда как мне приходилось идти на невысказанное, лишь бы избежать смерти. Я сразу поняла, что ты выпил Виталонгу не чтобы продлить жизнь. Ты надеялся, что она тебя прикончит, верно же?

— Так, или же я надеялся наказать себя жизнью столь долгой, что она непременно меня утомит, — улыбнулся чародей. — И не прогадал.

— Ты кошмарен, — покачала головой Лилит. — Но ты пережил ее прием, не покрылся коркой и не отрастил вторую голову, или какие там еще бывают побочные эффекты.

— Они индивидуальны, — Варац встал с кровати. — Чай или вино?

— Глупейший вопрос, — фыркнула Лилит. — Что у тебя?

— Бессонница, гипервозбудимость, проблемы с вниманием, — пожал плечами Варац. — Все остальное уже было раньше. Может, стало чуть хуже, но не факт что это связано с зельем.

— Вот о чем я и говорю, — ответила Лилит почти с досадой. — Кому так везет?

— Так это и не везение, как раз, — насмешливо ответил Варац, открывая шкаф и доставая бутылку. — Ровно наоборот. Шанс умереть на месте был крайне высок, как и шанс выжить с дефектом. Шанс же выжить без дефекта был очень низок, и именно такого исхода я боялся больше всего. Понимаешь, дорогуша, как ужасно мне не повезло?

Лилит шумно выдохнула, и несильно ударила ладонью по подлокотнику.

— Ты! Кошмарен! — повторила она, и чародей рассмеялся. Он достал два бокала, и вернулся на кровать. Один он протянул Лилит. — Вздыхаешь, закатываешь глаза и жалуешься на скуку, пока такие как я выгрызают свое выживание зубами.

— И весьма успешно, насколько я могу судить, — хлопнула пробка. Варац наполнил бокалы.

— Вот именно. И я планирую так это и оставить, — Лилит сделала небольшой глоток. — Поэтому слушай мой план. Я закончу работу, и сдам заказ. А потом буду искать решение, пока не отыщу его, или пока демоническая херь меня не прикончит. Минг говорит, что это неизбежно. Но она покорна перед судьбой, в отличие от меня. Я этой суке уже начищала рожу прежде. Не вижу, почему теперь должно быть иначе.

Варац легко улыбнулся, проникновенно глядя на Лилит.

— Ты в себе, — заметил он. — Это радует.

— Не полностью, — не согласилась Лилит. — Будь я в себе, я бы не спросила тебя, поедешь ли ты со мной на Север. Но, как видишь, спрашиваю.

Она отвернулась, и глотнула, постукивая по бокалу ногтем указательного пальца.

— Ни в коем случае. Я предпочту и дальше оставаться в занюханном Чинджу, бездельничать, жрать грибы и творить кошмарные скульптуры, — тонко улыбнулся Варац. — Это же куда интереснее, дорогуша, о чем ты вообще думаешь?

— Скотина, — тихо рассмеялась Лилит. Варац поклонился головой.

— Безусловно. И заметь, ни разу этого не отрицал.

Лилит задумалась, потом кивнула.

— Пожалуй. Если хочешь знать, это одно из твоих лучших качеств.

Они легонько чокнулись, тихо звеня тонким стеклом бокалов.

День первородного пламени.

Это был праздник зарождения мира, света и тепла. За несколько дней город обильно украшали, чтобы в назначенную ночь ни один уголок, ни один переулок не остался неосвященным. С самого утра город будет гудеть: приезжие торговцы и купцы будут разворачивать открытые лавки, пекари будут месить заготовки, по улицам будут носиться взмыленные подмастерья, расплачивающиеся за забывчивость своих мастеров. Дети будут бегать по городу с кусками ткани в руках, собирая костюмы в последний момент. Кто-то более подготовленный будет отсыпаться днем накануне праздника, который не утихнет до самого утра. Лилит принадлежала бы к этому привилегированному меньшинству, не поддайся Варац и Къол охватившей город подготовительной лихорадке, и не локализуй ее внутри их арендованного коттеджа.

Все утро, вплоть до полудня, они что-то тестировали с громкими скрежащими звуками. Что-то постоянно стучало и падало, слышались вопли и ругань, иногда прерываемые радостными возгласами и смехом.

— Нога, кретин!!! — послышался отчетливый крик, после вновь перетекший в неразборчивое карканье.

— Взрослые вроде люди, — заметила Лилит сама себе, глядя в потолок. Она откровенно бездельничала, апроприировав для этого дела диван.

Сегодня в ней бушевали игривые настроения. Было любопытно и даже нетерпеливо увидеть, что с таким рвением разрабатывали Варац и Къол все это время. До этого Лилит доводилось бывать лишь на приемах в Синепалке, которые примерно раз в год закатывал Варгул. Местная знать относилась к ней пренебрежительно, как и к любому, кто к этой самой знати не принадлежал. Кто-то из злопыхателей Варгула однажды пустил слух, что она любовница мэтра, чтобы попортить ему кровь и принизить его статус. Лилит это не уязвляло; знать смотрела сквозь нее ровно до того момента, пока у них не возникала нужда в ее услугах, и это все, что ее волновало. Деньги аристократов Севера она ценила стократ больше, чем их уважение.

— Это будет катастрофа! — радостно сообщил Варац, спускаясь с лестницы. — Мне конец!

Насвистывая, он упал в кресло и выдохнул. Къол спустился следом за ним.

— Вставай, пошли! Где ты там их держишь, своих страшилищ? — он поправил кучу свернутых пергаментов, которые держал подмышкой.

— В надежном месте! Лилит, прими решение! — размахивая рукой, прокричал Варац. — Что делать с Ежом?

— Оставь Ежа быть, дорогуша, — отмахнулась Лилит. — Не знаю, что вы там задумали, но явно ничего хорошего.

— Явно, — Къол расплылся в белозубой улыбке, потом вновь обратился к чародею, растекшемуся по креслу: — Пошли! Время!

— Все торопитесь, — простонал Варац, скорее скатываясь, чем вставая с кресла. — Никакого покоя старику!

— Кончай кривляться, — Къол решительно подтолкнул его между лопаток.

— А вы куда, собственно?

— За скульптурами, — пробасил островитянин. — Их надо доставить к наместнице.

— Приходи в студию, дорогуша, — обратился Варац к Лилит. — У нас с тобой сегодня

работы непечатый край.

— Какой, к черту, работы?

— Важной! Не спорь!

— Пошли-пошли, — поторопил Къол. — До вечера, Лилит!

— Да и вам не хворать, — она упала назад на подушки, слушая как закрывается входная дверь, и широко зевнула, прикидывая, сколько у нее есть времени на дрему.

В студии Лилит ожидала молодая аньянгка с испещренными оспинами щеками. Варац рылся в шкафах, энергично выбрасывая из них вещи, а девушка сидела на стуле, покачивая ногой с безразличием и скукой.

— Я не вовремя? — спросила Лилит слегка насмешливо, глядя на то, как Варац отправляет в полет бархатную темно-зеленую тряпку.

— Крайне! — возмущенно ответил чародей. — Ты поздно!

Он решительно захлопнул шкаф, после чего повернулся к девушке.

— Заклинаю, аджумма, приступайте к работе! — взмолился он, складывая ладони вместе. — У нас времени до заката!

— У всех времени до заката, — сухо ответила аньянгка, поднимаясь и окидывая Лилит оценивающим взглядом. — Прошу.

— Как такой огромный манекен, — Варац широким шагом прошел в другую часть студии. — Умудряется постоянно исчезать в этой дыре? Я теряю самообладание! Решительно невозможно!

Он звонко хлопнул в ладоши. Лилит подошла к туалетному столику, и присела.

— За шкафом смотрел? — крикнула она. — Я его там видела какое-то время назад. Плечо торчало.

Варац ненадолго притих, а после до Лилит донесся торжествующий вопль, за которым тут же посыпались ругательства. Аньянгка слегка поморщилась, и принялась доставать из большой сумки закупоренные баночки.

— ...который не додумался его покрасить! — закончил свою тираду Варац, внося в комнату деревянный манекен на длинной ножке и ставя его посередине комнаты. Он остановился на месте, медленно вдохнул, выдохнул и сказал уже гораздо спокойнее: — Безумие, чистой воды безумие.

Он посмотрел на аньянгку, которая как раз ракончила разгружать свой арсенал. Лилит уже поняла, что ей предстоит долго сидеть под пляшущей кисточкой в попытках не расчихаться от пудры. Она тоскливо вздохнула.

— Это обязательно? — она посмотрела на Вараца через зеркало перед собой.

— Разумеется, обязательно. Думаешь, я тебя пущу в высший свет в таком виде?

— Это непрофессионально. Я наемница, а не эскорт, — буркнула Лилит. Аньянгка взяла в руки ее лицо и сделала попытку повернуть его к свету, и Лилит непроизвольно дернулась от ее прикосновения. — Без рук, пожалуйста.

— Как я работать буду, без рук? — спросила аньянгка, сердито упирая руки в бока.

— Не знаю. Вы тут профессионал, вот и разберитесь, — махнул рукой Варац. — А вот ты, дорогуша, недооцениваешь силу верно подобранного образа. Нет такой профессии, в которой изящно выглядеть — хуже, чем ходить пугалом.

Бормоча что-то нелестное вполголоса, аньянгка принялась раскладывать кисти. Она протянула Лилит небольшую баночку с белым, жирным кремом.

— Намажьте на все лицо. Тонко.

— Тонко это сколько? — Лилит зачерпнула из баночки пальцем. — Так хватит?

Варац задумчиво взгляделся в лицо Лилит. Потом обратился к девушке:

— Акцентируйте на глазах. Белый, черный и лиловый. Что у нас сейчас в моде? Я слегка отстал от общественной жизни.

— Природные цвета: зеленый, голубой, желтый. Симметрия, высокая обувь. Для молодых людей — темные шляпы с большими полями, — вздохнула аньянгка.

Варац поморщился как от зубной боли.

— Мог бы и не спрашивать. Нет, так не пойдет. Придется черпать вдохновение откуда-то еще, — он деловито оглядел манекен, покорно ожидавший воли своего хозяина. — Лилит! Расскажи, что было дальше, будь любезна.

— Уверен, что истории о борделе — подходящий источник вдохновения? — с усмешкой спросила Лилит, неумелыми движениями втирая крем в веки.

— Более чем. Прощу, кирья. Ради искусства.

— Ладно, — хмыкнула Лилит. — Разве что ради искусства.

Лилит не спешила рассказывать Идри и Дарири о том, где она работает и почему не появляется в башне сутками. Однако, чародеи не были дураками: они знали, что Лилит во что-то впуталась. Разговоры о перспективе отправить ее учиться в Пиргос зачастили и приобретали все более настойчивый характер. Лилит яростно отстаивала свое право и дальше оставаться необразованной; одна мысль о том, чтобы жить под гнетом церкви, изучая совершенно не интересующие ее руны, вызывала в ней острое желание разбежаться в стену. С каждым днем башня все больше напоминала ей тюрьму, а Идри и Дарири — тюремщиков, и Лилит возвращалась туда все неохотнее.

Работа же, напротив, вызывала в ней все больший интерес. Информация, которую Лилит так скрупулезно собирала и запоминала, наконец-то начала приносить какие-то плоды. Лилит удалось наладить вполне стабильный канал сбыта сведений через старого друга в своей бывшей банде. Торговать конфиденциальной информацией было рискованно, но это был необходимый риск, в котором Лилит видела возможности. И она легко шла на него, стараясь быть внимательной и держать ухо востро.

После разговора с мадам Лилит все свое время посвятила раздумьям на тему того, что она может предложить Плети. Ответ не находился — ей казалось, что она ни в чем не хороша. Она попробовала сунуться в бесконтактное доминирование, но эта игра была ей чужда и непонятна. Лилит то и дело чувствовала на себе требовательный взгляд мадам, в котором с каждым днем было все меньше терпения.

Она долго наблюдала за тем, как работают другие девочки. Как они общаются, как ведут себя в процессе. И, конечно же, наблюдала за клиентами. Она искала ответа на вопрос: что отличает двух одинаковых в своей красоте девушек? Почему к одной возвращаются, а к другой — нет? Ответов на этот вопрос было много, но Лилит свела их к одному простому тезису: понимание нужд клиента. Проблема была в том, что она, Лилит, не понимала. Не понимала фундаментально: когда речь заходила о близости и ласках, ее мозг тут же опустошался, превращаясь в белое полотно. Даже мысль о чужом прикосновении вызывала в ней парализующий ужас.

Лилит тогда долго смеялась над тем, что при всем этом она добровольно работает в бордели. Она смеялась над собой, над ситуацией, и от нервного напряжения из-за возложенных на нее ожиданий. Происходящее стало казаться сюрреалистичной, жестокой шуткой. Она бросила серьезный подход и попытки что-либо понять, и подошла к одной из

коллег, с которой они были в приятельских отношениях. "Сегодня, когда ты будешь работать, я хочу смотреть. Не возражаешь?". На комментарий о том, что на работе надо работать, а не себя развлекать, Лилит только игриво подмигнула.

На предложение о безучастном наблюдателе клиент заявил, что согласен только в том случае, если Лилит облачится в монашескую одежду. С трудом сдерживая внутренний хохот, она легко на это согласилась.

Пока она наблюдала за ними, она чувствовала себя декорацией. Декорацией, служащей для доставления удовольствия.

Тогда ее осенило. Костюмы, переодевания, притворство, иллюзии: все это — дешевые фокусы, призванные имитировать реальность. У нее же в руках был мощнейший инструмент, способный эту реальность создать. Самые дикие фантазии, самые невероятные сценарии, воплощенные в чужом сознании кончиками ее пальцев. Мадам говорила об этом с самого начала, но тогда Лилит не поняла, что она имеет в виду. Зато понимала теперь.

Лилит приступила к работе. Она начала усиленно практиковаться — Идри и Дарири удивленно хвалили ее новообретенную тягу к знаниям. Ментальная магия давалась ей непросто; прошло немало времени прежде чем она научилась работать с барьерами и волей, с чужим сопротивлением, подстраиваться под мышление, которое у всех работало по-разному. Но она трудилась, и труд приносил плоды. Лилит спала все меньше; работы в Плети тоже был непочатый край.

Она разбила процесс на три пункта: выяснить желания, изобрести сценарий сообразно им, и воплотить его. На каждом этапе возникали свои сложности. Иногда образы были совсем неочевидными, и Лилит плохо чувствовала эмоции, которые они вызывают. Это могло кончиться тем, что вместо чьей-то мечты она могла воплотить в жизнь худший возможный кошмар.

Разработка сценария страдала от полного отсутствия опыта. Этот пробел Лилит старалась восполнить разговорами с девочками, которые посвящали ее в тонкости того, что именно стоит за желаниями клиента. Просто теории, разумеется, было недостаточно, поэтому Лилит продолжала наблюдать за процессом, стараясь понять, что происходит между его участниками на чувственном уровне.

Совсем скоро секс и связанные с ним игрища перестали вызывать у нее смущение и наталкивать на дурные воспоминания. Это превратилось в механику, в процесс, который можно было разобрать на составляющие и проанализировать. В этом не было никакой мистификации, тайны, чего-то притягательного или соблазнительного. Но именно эту иллюзию нужно было создать для того, кто платил деньги.

Потому что платили они не за то, чтобы кончить. Они платили за чувство вожделения, за интригу, за неземной опыт. Они платили за иллюзию.

И именно этим она и занялась в воплощении своих сценариев. Процесс выглядел так: сначала она отвлеченно беседовала с клиентом, с целью немного расположить к себе и понять, что перед ней за человек. Чтобы снять напряжение, создать доверие и немного приоткрыть разум, во время беседы Лилит поила клиента успокаивающими травами. Это была подготовка, целью которой было смягчить и взрыхлить почву, прежде чем погружать в нее руки.

Далеко не все клиенты знали, чего хотят, и совсем небольшое их количество было в состоянии сообщить о своих желаниях четко и вслух. Но Лилит все равно всегда спрашивала, даже если уже знала ответ. В основном для того, чтобы они почувствовали уверенность от

контроля над происходящим. Жестами, взглядами, языком тела она давала понять, что они во главе процесса, что он начинается и заканчивается по их слову, и происходит в комфортном для них темпе. Это было не совсем так, но в Плети ничего не было важнее иллюзии, и кольца были лишь ее частью. Совсем небольшой, как вскоре поняла Лилит.

После установления контакта с клиентом Лилит приступала к основному действию: проводила некоторое время в его мыслях, давая ему освоиться с новыми ощущениями. Когда она привыкала и адаптировалась к его мышлению, она воплощала сценарий в жизнь. Интенсивность происходящего во многом зависела от его ожиданий и настроения, и Лилит выбирала фантазии в соответствии с ними.

Чужой разум — очень странное и крайне запутанное место, где легко спутать пол с потолком, и ошибиться в интерпретации, особенно когда речь о чем-то столь неоднозначном и спорном, как сексуальные предпочтения. Хоть Лилит и владела дикой магией, она все еще оставалась самоучкой, которая практиковалась на опыте и училась на ошибках. И ей пришлось много раз оступиться прежде чем она набралась опыта и отшлифовала процесс. По большей части ей удавалось сгладить углы самостоятельно, но несколько крупных скандалов были неизбежны. Мадам прикрывала Лилит и заступалась за нее, но в ее взгляде читалось ясное "надеюсь, ты этого стоишь".

И она изо дня в день доказывала, что стоит, работая все глаже и постепенно обрастая собственными постоянными клиентами. Работать с ними было приятнее всего; она знала их, а они знали ее, и на уже установленном взаимном доверии попасть в цель и чувствовать процесс ей было гораздо легче.

Однажды мадам пришла к ней в рабочую комнату во время перерыва.

— На тебя растет спрос, — сказала она с едва слышимой ноткой одобрения в голосе. — А повышение спроса означает, что и цена должна расти. Одна проблема — твой сеанс длится в два, а то и в три раза дольше сеанса любой другой девочки. Думаю не нужно пояснять, что для меня это означает убытки.

— Быстрее не получится, — пожалала плечами Лилит. — Это очень деликатный процесс.

Это прозвучало заносчиво, и мадам это почувствовала. Она сощурилась на Лилит. Та ступевалась под ее взглядом.

— Извините, я не то имела в виду.

Мадам склонила голову на бок.

— Я рада, что ты нашла себя в этой работе и можешь хорошо ее выполнять, — сухо сказала она. — Ты вправе собой гордиться. Но как только мне покажется, что с тобой слишком тяжело иметь дело, ты отсюда вылетишь. Потому что ты провела здесь больше времени, чем любая другая, не зарабатывая для меня ни гроша. И теперь тебе нужно очень, очень стараться, чтобы окупить вложенное в тебя время. Я ясно выражаюсь?

— Да, Эдне, — Лилит изо всех сил старалась не отводить взгляд от буравящих ее ярко-зеленых глаз.

— Вот и славно. За твои услуги я начну брать оплату по времени, и можешь сидеть с ними хоть сутками.

Лилит согласно кивнула.

Постепенно к ней пришло чувство глубокого понимания процессов в собственной работе, а вместе с ним и уверенность. Лилит успела истосковаться по ощущению, что она хороша в том, что делает; оно не посещало ее со времен банды. Она наслаждалась этим чувством, и всеми силами укореняла его в себе. Оно стало ее хребтом, ее основой, на

которой держалось все прочее. С каждым днем Лилит понимала себя все лучше.

Появились деньги. Они открыли для нее новый, доселе невиданный мир: раньше Лилит даже не смотрела на витрины магазинов и лавок, зная, что у нее ни гроша за душой. Ей казалось, что вещи ее не интересуют. Она ошибалась.

В ее взгляде вновь появилась гордость и заносчивость, походка стала тверже, даже в осанке появилась какая-то сила. Теперь лавочники заискивали перед ней, и стремились впихнуть побольше барахла, а она его скупала, просто потому что ей нравились вещи, нравилось чем-то обладать, даже если это что-то было ей не нужно. Особенно она тяготела к украшениям. Ей нравилось золото.

— Золото? — Варац недоверчиво посмотрел на нее. — Какая кошмарная безвкусица. Совершенно не твой металл.

— Это единственное, в чем я раскаиваюсь, — Лилит сокрушенно покачала головой и звонко чихнула от летавшей в воздухе пудры. — Прошу прощения, аджумма.

Аньянгка, слегка поджав губы, продолжила резво работать кисточкой.

— Что же, хочешь сказать, у тебя никогда не было соблазна нарушить границы? Залезть куда не просят, перетряхнуть ящики с грязным бельем? — Варац что-то делал, но Лилит не видела, что именно: он полностью закрывал манекен своей спиной.

— Разумеется, был. Но это трудно сделать незаметно, особенно если опыта нет. Я однажды облизнулась на подпольное дело одного каменщика, и залезла туда. Он почувствовал, и переполошился. Выпихнул меня из головы, заверещал, пришлось его силой усаживать и волю ломать, после чего стирать воспоминание. Грубо отработала, испугалась, руки потом до конца дня тряслись. Но пронесло. И заплатили потом хорошо.

— Кто-то из банды? Верил тебе на слово, хочешь сказать?

— Ну, во-первых, я за три года в банде хорошо себя зарекомендовала. А во-вторых у нас с моим контактом были особые отношения. Скажем так, мы оба слишком хорошо понимали выгоду этого сотрудничества, чтобы нарушать его.

— Первая любовь?

Лилит брезгливо поморщилась, и снова чихнула.

— Фу, уважаемый чародей. Нет. Скорее старая дружба, основанная на глубокой неприязни и ненависти.

— Одно и то же, — махнул рукой Варац. — Продолжайте, кирья.

Дарири с подозрением смотрела на ее новые вещи, которых становилось все больше. Формально у Лилит не было своей комнаты — в башне вообще не было комнат в традиционном смысле этого слова. Были частично огороженные стенами закутки, в которых хранилось всякое. Тот закуток, где стояла кровать Лилит, был загроможден разного размера сундуками, абсолютно неспособными вместить весь ее хлам. Вокруг царил страшный бардак; гора вещей захватила кровать и полки, камни и украшения валялись вперемешку с одеждой и нижним бельем, и отыскать во всей этой горе что-то конкретное было решительно невозможно. Выглядело это тоже не лучшим образом, и Дарири со вздохом покачала головой.

— Я тут подумала, — сказала она, опираясь плечом о каменную арку с чашкой горячего кофе в руках. — Что не хочу знать, откуда ты берешь деньги. Что-то мне подсказывает, что ответ мне все равно не понравится. Только прошу: будь осторожна. Если ты в банде, это лишь вопрос времени, когда это станет проблемой.

Лилит слегка закатила глаза, сидя на корточках спиной к чародейке. Она как раз

перерывала один из сундуков, выискивая свою новую теплую шаль, которую на днях купила у оренхайского торговца.

— Да... — Дарири прокашлялась. — Если что, я помогу. Раз ты уже впуталась, выпутаться будет непросто, но...

— Все в порядке, мам, — перебила ее Лилит. — У меня все под контролем.

— Ага. Пока что. Бог с ним, давай не будем из-за этого ссориться, — Дарири махнула рукой. — Просто... ты говори, если нужна будет помощь.

— Угу.

— Я вообще не за этим пришла. Вот это, — она указала рукой на гору вещей. — Неприемлемо. Раз уж ты собралась забивать дом барахлом, хотя бы храни его нормально. Купи шкаф, я не знаю. Смотреть неприятно.

Лилит решительно захлопнула сундук, выпрямилась, и развернулась.

— Не знаю, Дарири, — она скрестила руки на груди. — Может, мне пора от вас съехать. Не хочу вас стеснять своим барахлом.

— Лилит, я не то имела в виду, бога ради, не будь ребенком.

— Я тоже не то имела в виду. Я имела в виду, что я могу себя обеспечивать. Вы приютили меня, когда мне некуда было идти. А теперь есть куда.

Дарири растерялась.

— Ты хотя бы подумай сначала... А уроки? А Идри? Он же места себе не найдет...

— Переживет. И чтобы ты знала — я не в банде.

— Это хорошо, но...

— Мне пора. До вечера.

Бесцеремонно оборвав разговор, Лилит взяла с собой сумку с вещами и вышла на улицу, оставив Дарири в печальной растерянности. Она гордо шагала по верхнему городу, чувствуя, как собственные амбиции бегут впереди нее по его неровной брусчатке. Она принимала решения легко и переворачивала страницы решительно. И поводов быть в себе неуверенной у нее тоже не было.

Обычно днем в Плети было тихо, и Лилит надеялась побездельничать перед занятым вечером. Она валялась на диване и насвистывала прилипчивую мелодию, которую на днях распевал бард на площади. Песня была красивая, какая-то баллада о зарождении мира. Слов она не запомнила, но мотив засел в голове наглухо.

К ней постучалась хостес и сообщила, что у нее клиент. Лилит удивилась, но не слишком; скрываться от вездесущих жен и мужей, прикрываясь работой днем было проще, чем выскальзывать из дома в ночи.

Лилит привычно поправила волосы и удостоверилась, что халат чистый. Она очень гордилась идеей принимать клиентов в домашнем халате — это дарило им чувство комфорта и располагало к себе. А Лилит не нужно было корячиться в тугом корсете и поправлять чулки, что тоже было огромным плюсом.

На выходе она включила магическую жаровню, на которой стоял чугунный чайник. Она приглушила свет, и спустилась вниз.

Клиентка стояла за стойкой к ней спиной. Это была короткостриженная женщина в кожаной куртке и высоких сапогах. Она сняла с пояса кинжал, вытащила из сапога нож, и протянула их хостес. Лилит заранее улыбнулась вежливо и учтиво, и легонько тронула клиентку за плечо. Та повернулась, и Лилит обмерла, безошибочно узнав в ней Тати. Ее кожа сильно загорела, а через лицо тянулся длинный, глубокий шрам, но ошибиться было

невозможно. Это была она.

— Чего, не красавица, да? — хмыкнула Тати, неверно истолковав реакцию Лилит. Та поспешила взять себя в руки.

— Шрамы пижут историю. И ваша кажется мне интересной, — она слегка поклонилась. Тати расхохоталась.

— Иш как заливаает! Ты, говорят, в голове рыться умеешь. Про тебя аж в самом Голлене слухи ходят.

Лилит коротко кивнула хостес, мягко взяла Тати под руку и повела ее к лестнице.

— Значит, вы приехали из Голлена?

— Из него.

— Надолго к нам?

— Смотрю пока, думаю перебраться. Посвободнее у вас тут, говорят. Святоши не так душат.

Они поднялись наверх. Лилит открыла дверь и жестом пригласила гостью внутрь. Как только замок на ней щелкнул, она торопливо сорвала с пальца кольцо, и игриво округлила глаза.

— Бу! — сказала она, широко улыбаясь.

Сначала Тати опешила, но узнавание медленно прокрадывалось в ее взгляд. Наконец, она радостно воскликнула:

— Еб твою, Ося! — Тати заключила ее в объятия. Лилит справилась с порывом оттолкнуть ее. — Я думала тебя убили эти старухи повернутые!

— Отправили в лагерь. Я сбежала, — Лилит мягко высвободилась из ее медвежьей хватки, и заглянула ей в лицо. — Я тебя искала потом...

— Погоди, — Тати отпрянула, с подозрением щурясь. — А это точно взаправду? Не внушение твое, не иллюзия?

— Сама ты иллюзия! Но кольцо я надену, мало ли. Мадам настрого запрещает их снимать, — морок послушно занял свое место, как только кольцо село на палец.

— Ловко они тебя! А так и не скажешь, — Тати с любопытством ущипнула ее за щеку. — Иш, как настоящая!

— Иллюзия хорошая, да. Ты тут вообще как, какими судьбами?

— Да по делам... — отмахнулась Тати. — Ты свалить можешь? Пойдем в таверну!

Лилит оглянулась на дверь.

— Не сразу. Когда выйдем, веди себя так, будто я подняла тебя на небеса, а на землю спустить забыла. Иди вниз по улице, справа будет трактир — большая вывеска деревянная, не пропустишь. Жди там. Я скоро подойду.

— А-а, вот и она, — кивнул Варац. — Какая драма.

— А то. Теперь, небось, рад что я начала издалека?

— Счастлив, дорогуша, — Варац оторвался от своего занятия и повернулся, после чего глаза его возмущенно округлились: — С ума сошла? Румянить такую аристократическую бледность! Чему вас там учат вообще?!

Аньянгка посмотрела на него недоброжелательно, а потом перевела взгляд на Лилит, словно надеясь, что та избавит ее от необходимости делать работу заново. Та пожала плечами.

— Что поделать, аджумма. Клиент очень нравная сволочь. Но всегда прав.

Тихонько фыркнув, аньянгка потянулась за смывкой. Варац тяжело вздохнул в потолок.

— Ну почему стало так сложно находить компетентные кадры? В какой момент люди прекратили разбираться в том, что делают? — проворчал он, возвращаясь к рунам. Послышался тихий, мелодичный звон чар.

— Зато знаешь как люди радуются, когда находят кого-то толкового? — Лилит приняла смоченный платок из рук аньянгки и принялась смывать румяна с щек. — Только на этом четверть моего ценника и держится. Так что? Заканчивать историю?

— Давай пока повременим. Иногда удачно отложенный финал гораздо лучше цельного повествования. Сколько, говоришь, ты там проработала?

— Несколько сезонов. Потом надо было уехать, заказ отвести, а там дали еще один, и пошло-поехало... С тех пор осесть нигде так и не получилось, но я еще долго ошивалась в Синепалке, хоть и Плеть бросила, и под бандой уже не ходила, — Лилит посмотрела на аньянгку, показывая очищенные щеки. Та, удовлетворенно кивнув, приготовилась пудрить заново. — На побегушках в основном. Потом упал первый крупный заказ, за ним и второй. И пошло-поехало.

Звон прекратился и Варац придирчиво оглядел свою работу, после чего поправил что-то руками.

— Ну я, положим, закончил.

Он развернулся, все еще загораживая собой манекен, и скрестил руки на груди.

— Так уже лучше, — одобрительно сказал он, оценивая работу аньянгки. — Полосы не забудьте.

— Нет бы своими делами заняться... — едва слышно проворчала женщина. Она потянулась к покрасочному порошку. Варац неспешно закурил.

— Признаться, — хмыкнул он. — Я даже несколько удивлен. То, что для бандитки ты грамотна и говоришь сносно, я отметил сразу, но отнес это к какому-никакому чародейскому воспитанию. Не подумал бы, что это у тебя из борделя.

— Это много откуда. Говорить меня Идри переучивал, грамота тоже его рук дело. А вот словарный запас я расширяла по большей части в Плети, этикету тоже училась там. Пришлось. Архоны публика чувствительная.

— Бестактный вопрос. Сколько из твоих знаний было действительно получено так, как ты сказала?

Лилит посмотрела на него вопросительно.

— Когда мы удирали от гидр, ты выдала целую главу из энциклопедии об их поведении. Очень точные сведения, и все к месту. Ты тогда сказала, я процитирую: “читаю книжки и с умными людьми общаюсь”. Я спрашиваю: это действительно так?

— Ты спрашиваешь, сколько моих знаний было получено из голов моей многострадальной клиентуры? — усмехнулась Лилит. — Мало. Я там не сведения о поведении гидр искала, а что-то конкретное, по зацепкам. Иногда бывает что-то налипнет, но это редко происходит, и чаще это идеи, чем знания, — она сделала паузу, продолжая смотреть на чародея. — У тебя хорошая интуиция, ты в курсе? У меня действительно странная память. Иной раз я не знаю, откуда взяла ту или иную информацию. О ёри, например, мне рассказала не следопыт. Я не помню, откуда мне было о нем известно.

— Вот как?.. Любопытно. И давно ты это заметила?

— Никогда не придавала этому большого значения.

— А сейчас?

— А сейчас... — Лилит прервалась, чтобы отстраниться от аньянгки. Она закончила с

макияжем и потянулась было к волосам. — Прическу не нужно, аджумма.

— С волосами мы как-нибудь сами, — кивнул Варац. — Благодарю сердечно, позвольте вас проводить.

Пока Варац рассчитывался, Лилит оглядела себя в зеркало. Темно-фиолетовые полосы, нанесенные тонкой кистью по контуру ее худого лица, перемежались с белой краской. Это была традиционная часть костюма на праздник первородного огня: полосы обозначали очертания драконьей морды, но заметить сходство можно было только если смотреть со знанием. На уличный праздник раскраются куда более смело, для высшего же света требовалась более изящная работа.

— Слава богине, думал она никогда не закончит... — Варац подошел, чуть шурясь. — Сносно. С волосами справишься?

— Что-нибудь придумаю, — Лилит взялась за гребень. — Заканчиваю фразу: сейчас всему стоит придавать значение.

— И тебя не утомляет эта мысль? — Варац оперся руками о спинку стула.

— Меня все утомляет. В особенности твои абстрактные вопросы. Какая разница, что я чувствую? Реальность от этого не меняется.

— М-м, — протянул чародей задумчиво. — Очень мудрые слова. Жаль, что всего лишь слова.

Лилит посмотрела на него исподлобья.

— Не беси, уважаемый чародей. У меня в последнее время трудности с контролем гнева.

— Я заметил, — с улыбкой ответил Варац, отходя назад. — Но это не моя проблема, кирья.

— Станет твоей, если не заткнешься, — проворчала Лилит, закалывая волосы наверх.

— Как угодно, — Варац поманил ее рукой. — Взгляни.

Он отступил на полшага, открывая ее глазу манекен, на котором покоилось довольно открытое белое платье, силуэт которого был стянут шелковыми полосами. Полосы меняли цвет по мере того, как сходились к груди, переходя из белого в темно-фиолетовый. Подол был длинным, но не сильно пышным, и выглядел сравнительно удобно. Лилит вскинула брови чуть удивленно. Почему-то ей не приходило на ум, что Варац тоже может быть компетентен.

Она осторожно дотронулась до ткани, поглаживая полосы шелка.

— Без рукавов?

— Могу доработать, если хочешь.

— Нет, не надо, — она распрямилась. — А...

Она красноречиво продемонстрировала чародею культу. Хоть она и не была частой гостьей на светских приемах, наитие подсказывало что демонстрировать увечья не стоит. Не только из эстетических соображений, но и из соображений здравого смысла. Чародей почему-то улыбнулся.

— Меня вечно преследует иллюзия, — сказал он, уходя в другую часть студии. — Что всегда существует более подходящий момент. Может, поэтому я ничерта в этой жизни не сделал за почти полный век.

Лилит моргнула. Варац возник на пороге с льняным свертком в одной руке и портсигаром в другой. На ходу открывая кейс и выуживая крученку губами, он протянул Лилит сверток, и она нащупала внутри что-то твердое и тяжелое. Чародей уселся на кровать

и закурил.

Лилит развернула ткань и ее желудок предательски сжался. И продолжал сжиматься все сильнее с каждым ударом сердца.

— Я использовал печать в качестве основы. Добавил кое-какой сплав для большей пластичности, а Кьол доработал начертания.

В ладони Лилит лежала металлическая рука цвета темного серебра, с выпуклой резьбой, которая обрамляла многочисленные начертания рун. Лилит посмотрела на Вараца почти гневно и сказала с дрожью в голосе:

— Это же не сработает.

— Пока все указывает на то, что сработает.

— Варац, если не сработает... — она замолчала, делая тщетные попытки взять под контроль свое прерывистое дыхание. Вид руки вызывал в ней надежду, надежда же вызывала лишь боль. Как Лилит ни отрешивалась от нее, как ни отказывалась верить, как ни старалась оставаться покорной своей судьбе и не надеяться, упрямое желание жить уже поселилось в ее груди и поднималось там предательской, бунтарской волной.

— Я тебя ненавижу.

Чародей медленно кивнул.

— Разумеется.

Почувствовав головокружение, Лилит осела на пол. Она смотрела на железку, которая так изящно повторяла форму ее запястья, длину и толщину ее пальцев. Этого не может быть. Это не сработает. Даже не смей надеяться. Лучше не пробовать. Выкинь ее и забудь. Судьба таких подарков не делает.

Варац молча наблюдал за ней. Забывшись, Лилит провела рукой по лицу, размазывая по нему фиолетовую краску. Она коснулась железной руки, сглатывая ком в горле. Чародей прислушивался к ее рваному, тихому дыханию.

— Ты ведь уже ее потеряла.

Лилит закивала, вдыхая и силой впуская в себя смысл этих слов. Слезы катились по ее щекам, но она не обращала на них внимания. Она обхватила руку и сосредоточилась, превозмогая внутреннюю бурю. Казалось все, что она выбрала не ощущать, загнать внутрь, закрыть и запереть, вдруг вырвалось и схлестнулось друг с другом, слившись в один ураганный шторм. Не отдавая себе в том отчета, Лилит сжала металлическую руку так, что побелели костяшки. Губы дрожали от напряжения, в голове бились неоформленные мысли. С каждым ударом сердца, в котором рука оставалась недвижимой, в ней было все больше отчаяния, боли и ненависти. И, парадоксально, все больше и больше надежды.

— Оставь, — мягко сказал Варац. — Покажу Кьолу начертания, подумаем еще раз...

Лилит сжала руку сильнее. В какой-то момент звон в ее ушах заглушил собственные мысли, и в голове остался лишь один образ, который был там давно, из детства, с праздника равноденствия. Она многое забыла, но всегда ясно помнила, как с треском взмывали в воздух искры, улетаая к ночному небу. Она помнила танцы языков пламени в ночи и чувство, что она может дотронуться до них, и не обжечься. Она видела это пламя прежде. Это его частицу она носила в себе в виде воспоминаний о той ночи. Она искала в себе чужеродное, но оно никогда не было чужеродным. Оно всегда жило в ней.

Скрипнув, мизинец металлической руки согнулся на пол-фаланги одновременно с тем, как из груди Лилит вырвались сдавленные рыдания облегчения и боли. Подавляемые лунами, годами, они охватили ее полностью, заставив скукожиться в собственных руках, и

не утихали, становясь лишь громче и пронзительней. Варац сел рядом, и она, забыв о всякой осторожности, о том, что прикосновения причиняют боль, прижалась к нему, как ребенок. Чародей обнимал ее в ответ, и они долго сидели так, хороня все свои шансы показаться на празднике вовремя.

Лилит потушила бессчетную крученку и оправила платье. Остатки размазанного макияжа пришлось смыть, сведя на нет все усилия несчастной аньянки. Металлическая рука, державшаяся на небольшом ремешке, сидела плотно, но пока выполняла исключительно декоративную функцию. Чтобы не привлекать к ней лишнего внимания, поверх Лилит надела длинную белую перчатку.

Варац, совсем недавно удалившийся для переодевания, вернулся, одетый в свободное платье светло-серых тонов. Лилит удивленно вскинула бровь: иные повседневные наряды чародея были приметнее, чем этот, вроде как праздничный.

— Я думал о парных нарядах, — сказал он со смехом. — Такая жуткая вульгарщина, как раз в моем духе. Но что белый, что фиолетовый — совершенно не мои цвета, представь мое сожаление.

— Представляю, — ответила Лилит с усталой улыбкой. Она еще не до конца пришла в себя; взгляд ее был рассеянным, а в движениях сквозила легкая растерянность.

Чародей протянул ей открытую бутылку вина. Она глотнула. Легче не стало. Но это придало ей достаточно решимости, чтобы взять Вараца под выставленный локоть. Внизу их уже ждал ручной экипаж, и Лилит попыталась собрать себя в кучу, пока они покидали студию и спускались вниз по лестнице.

На улице уже стемнело, и праздник, гудевший из каждого горшка, набирал обороты. Отовсюду слышалось пение свирелей и народных струнных инструментов. Мимо пробежали двое детей в шляпах причудливой формы, сделанных из дешевого пергамента. Их лица были густо раскрашены, а в руках они сжимали большую, разноцветную бумажную поделку. Даже до трущоб доносился запах еды из центра города. Лилит остановилась, ненадолго растворяясь в этом ощущении. Она смотрела на покачивающиеся на ветру разноцветные фонарики. Варац, на руке которого висела накидка, тоже остановился.

— Помнишь Мегалимеру? — спросила Лилит негромко, глядя то ли на гирлянды фонарей, то ли в небо.

Чародей посмотрел на нее удивленно.

— Ты о том подобии Мегалимеры, что еще отмечают на Севере? Нет, — он тоже поднял голову вверх. — И как оно было?

— Красиво. Тепло. Таинственно.

Лилит со вздохом опустила голову, а потом обратила взор на чародея.

— Не хочу проводить весь праздник в аристократической душильне.

— Безусловно, — кивнул Варац. — Тоже не горю таким желанием. И напоминаю, что адельфос еще до конца ночи торговать истуканчиками. А нам — хорошо проводить время.

Они продолжили движение вдоль улицы, ища свой экипаж. Вскоре таковой обнаружился: шесть аньянцев-извозчиков сгрудились вокруг небольшой коробки на невысоких колесах, выкрашенной в черный цвет. Варац сморщился с неприязнью.

— Какое варварство.

— Зато лошади целы, — ответила Лилит насмешливо и поздоровалась с извозчиками. Те жестами попросили возможности докурить, и она кивнула, после чего обратилась к Варацу. — Ты знаешь наместницу? Что у нее за бзик на лошадей?

— Понятия не имею. Наверняка что-то связанное с налогами. Когда речь о глупых запретах, это, как правило, имеет отношение к налогам.

— Какое мудрое замечание. То, что все в деньги упирается, тебе и ребенок скажет.

— Если этого ребенка растили бандиты, то возможно. Это легко мог бы быть вопрос веры. Или просто придурь. Знаешь, сколько среди архонов, наместников и шейхов просто кошмарных самодуров?

— А их везде полно. Просто у этих еще и власть в руках. Так что, не знаешь?

— Могу спросить. Но не обещаю, что она ответит.

— Вообще, я тоже лошадой ненавижу. Долгая история.

— Так вот сама и спроси, — видя, что извозчики докурили и постепенно принялись занимать свои места в упряжи, чародей приоткрыл дверцу, обнажая обтянутый красным бархатом интерьер экипажа. — Обсудите, какие лошади кошмарные создания, и как запрягать людей, каким-то образом, гуманнее.

— Обсужу, обсужу, — Лилит согнулась в три погибели, и залезла внутрь. — И какая ты скотина, тоже обсужу.

— Ты даже не представляешь, сколько прекрасных союзов выросло из разговоров о том, какая я скотина, — заметил Варац весело, залезая следом за ней и захлопывая дверцу.

— Ах, да. Ты же у нас высокого полета птица, все время забываю, — умилилась Лилит, ощущая, как экипаж трогается. — Гений всех родов и мастей, властитель судеб человеческих. Разбиватель сердец и объект вожделения разнообразных дорогуш.

— Поручу тебе прочесть представительный тост, — кивнул Варац. — Что-нибудь там еще вбрось про непонятую творческую душу, они такое обожают.

— Непризнанный гений всех родов, мастей, чародейских сил, железяк и тряпок. Обладатель ордена за самый выдающийся клюв Севера и окрестных земель. В прошлом рабовладелец, а ныне просто шут и баламут.

— Прекрасно, прекрасно. Ты не думала в глашатаи податься? Сдается мне, там твоя карьера сложится сама собой, без дополнительных усилий, — Варац откинул голову на мягкое сидение. — Как себя чувствуешь?

— А, — Лилит махнула рукой. — Какая разница. Мы же празднуем, верно? Как там было... “Зародится мир с утра и сгинет вечером, прогорев без остатка за светлый день”.

— За полный день, — поправил Варац. — Что за кошмарный перевод. Что любопытно, кстати — день первородного пламени отмечает как начало мира, так и его конец. Как-то болезненно, не думаешь?

— У них вся культура этой обреченностью пропитана. И ничего болезненного в этом нет. Это трудно принять, монахи жизни на это тратят. Но если примешь, то ты полноправный young-wonhan. Не умрешь, потому что не рождался. Тебя нет и ты не существуешь, и поэтому мир проходит сквозь тебя, не замечая твоего присутствия.

— И что ты об этом думаешь?

— Я думаю что это чушь собачья. Как и любая религиозная дребедень. Не хочешь существовать — разбегись и прыгни со скалы.

— Такого ответа я ожидал. Не ожидал, что тебе хватит духа произнести его вслух, — он посмотрел на нее внимательно. — Это нам, земным созданиям, позволено подобное невежество. Но тебя-то как раз учил такой вот young-wonhan. Последний живой кхин, к тому же.

Лилит посмотрела в небольшое окошко, за которым мелькал водоворот красок и цветов.

Они проезжали центр города, где в разгар праздника начнется карнавал.

— Если путь к их пресловутому просветлению лежит через то, через что я прошла в последние несколько лун, то нахер такое просветление. Даром не сдалось.

— А твое вот это вот... — он слегка закатил глаза. — Боевое искусство, оно разве не на этом основано?

— Отчасти. Но, во-первых, на айдзу кагэ-рю свет клином не сошелся. А во-вторых, им все равно невозможно овладеть в совершенстве. В этом сама суть. Если ты овладел айдзу кагэ-рю, подлинно овладел, то тебя уже нет, ты воздух. А воздух, представь себе, не может держать оружие.

— Любопытно. И что же, монахи идиоты, храм выстроен на иллюзиях, а настоящее счастье в земных удовольствиях?

— Не знаю, в чем счастье, — Лилит поправила перчатку. — Но не в том, чтобы сидеть на горе несколько тысяч лет. Не для меня. Это такая же тюрьма, как церковные казематы, лагерь или приют. Только добровольная, а это гораздо хуже.

— И вот мы совершили полный круг, и вернулись в начало, где бесстрашная наемница знает свое место в этом мире, а все, кто задают вопросы, просто тратят ее драгоценное время, — Варац звучал несколько насмешливо. — Какой накал страстей.

— Есть разница, — Лилит повернула к нему голову. — Раньше на этом этапе диалога я бы тебе уже врезала.

Чародей забвенно рассмеялся.

— Рад, что ты выработала толерантность к моей нестерпимой персоне. Это позитивный сдвиг, или нам ждать ужасающего урока об опасности подобных привязанностей?

— Понятия не имею, — Лилит подняла на него глаза. — Но однажды надеюсь это выяснить.

Особняк наместницы располагался на нескольких ику фамильной земли, въезд на которую был обнесен крутым забором. Лилит мало видела через мутное окошко экипажа, но время, которое они провели в дороге от ворот до входа, было немалым.

— С тем же успехом могли пешком дойти, — недовольно проворчал Варац, спрыгивая на подъездную дорожку и подавая Лилит руку. Извозчики посмотрели на него недобрыми взглядами.

— Чрезвычайно ценим ваш труд, аджосси, — улыбнулась им Лилит. — И сердечно благодарим за прекрасную работу.

Подкрепив благодарность довольно щедрыми чаевыми, она обратилась к Варацу:

— И это я мысли выражать не умею? Стыдитесь, уважаемый чародей.

— Согласен, неудачно сформулировал, — он степенно поклонился извозчикам, которые забыли обиду, стоило им услышать звон монет. Они подхватили облегченный экипаж и повезли его в сторону, к прочим.

Лилит окинула взглядом массивный, плоский особняк в один этаж. Архитектура была не аньянжская, и скорее напоминала руины старого мира. Белый мрамор, массивные колонны, изощренные барельефы... Лилит видела немного руин — их в целом сохранилось довольно мало — но узнала этот стиль безошибочно. Окна особняка горели, изнутри доносилась ненавязчивая струнная музыка. Лилит подошла и задумчиво коснулась резной колонны. Оглядывая окружающее ее великолепие — резные статуи, высокий свод крыльца и подсвечивающие его магические фонари — Лилит издала вздох.

— Я в юности мечтала однажды ворваться на прием в ратушу, вопя что-нибудь

нецензурное, — она погладила холодный мрамор колонны. — Я была уверена, что все тут же переполошатся, начнут падать в обморок и хвататься за сердце. А когда я действительно попала на свой первый прием, то лишь вежливо улыбалась и старалась почаще произносить свое имя вслух, чтобы его запомнило как можно больше верхнегородских и архонов, — Лилит сделала небольшую паузу. — Взрослея, человек неизбежно предаёт прежнего себя.

Варац издал смешок.

— Ты о том, что ты не стремишься воплотить свои детские наивности?

— Я о том, что они вообще кажутся наивностями. Ничто не останавливает меня от того, чтобы воплотить свою мечту хоть сейчас, — Лилит коротко кивнула на большую двустворчатую дверь, за которой тихо шуршали звуки светского приема. — Но мы оба понимаем, что никто и глазом не моргнет. Каждый второй прием заканчивается тем, что кто-то перебарщивает с вином и устраивает истерику. Это раз. А во-вторых, зачем мне портить себе имя ради какой-то взбалмошной чуши малолетней бандитки, которая была так бездарна, что хвост не могла стряхнуть без вывихнутого плеча?

Варац оперся о колонну. В отдалении тихо пели птицы.

— Мое предательство разумно, но это все еще предательство, — Лилит жестом попросила у Вараца крученку. — Я не стала той, кем хотела стать эта малолетняя бандитка. Кем-то, кто может войти в поместье и с порога обматерить наместницу.

— Во-первых, ты можешь, — Варац протянул ей открытый портсигар. — А во-вторых, я бы не назвал это предательством. Позволь себе расти и меняться, дорогуша. Ты слишком сильно цепляешься за прошлое.

— Сколько еще раз мы будем вести этот разговор? — вздохнула Лилит, делая затяжку. — Мое прошлое это и есть я.

— Но тебя определяет не оно. Будешь с этим спорить?

— Смысл с тобой спорить, — фыркнула Лилит. — Ты никак не возьмешь в толк, что мы с тобой фундаментально разные. Тебя сформировали твои прихоти, желание расти, развиваться, выбирать собственный путь. Куда поехать, куда пойти учиться, что лучше подойдет твоей сложной натуре и твоим нуждам. Тогда как единственное, что сформировало меня — это необходимость выживать и не свихнуться. У меня не было роскоши выбирать свои взгляды. Я придерживаюсь тех, которые делают мою жизнь приемлемой и позволяют мне не ненавидеть собственное отражение. Ты вроде бы достаточно умен, чтобы это понимать. Но почему-то ты продолжаешь со мной спорить. Объясни мне, почему тебе так важно доказать мою неправоту. Почему тебе так нравится выбивать почву у меня из-под ног.

Чародей медленно выдохнул дым, и стряхнул пепел.

— Я спорю, потому что ты способна поддерживать спор, дорогуша. Если тот факт, что я задаю уточняющие вопросы и излагаю другую точку зрения, выбивает почву у тебя из-под ног, значит ты изначально не крепко на ней стояла.

Лилит раздраженно стряхнула пепел.

— Ты и твои отговорки. Просто признай, что тебе нравится чужая боль, пусть и не физическая.

Варац опустил голову, разглядывая неровные черные пятна на шлифованном мраморе под своими ногами.

— Нравится, — согласился он. — Но не твоя, дорогуша. Ты не думала, что я просто желал тебя отвлечь от демонической хери? Или что мне приятно с тобой говорить? Это куда более простой и логичный ответ, но ты почему-то опять решила, что все вокруг тебя

подсигивают.

Лилит коротко втянула носом воздух, и потушила крученку о белые перила, оставив на них темный пепельный след.

— Думала, — ответила она негромко, не глядя на чародея.

Варац послал ей красноречивый взгляд.

— Но решила не спрашивать.

— Почему же. Я спросила.

— В обвинительной форме!

Лилит легко улыбнулась, и пожала плечами.

— Зато получила ответ. Не смотри на меня так, уважаемый чародей. Это не моя вина, что ты способен на искренность только под манипуляцией.

Варац долго смотрел на нее ничего не выражающим взглядом, сжимая дымящуюся крученку между пальцев. Потом рассмеялся.

— Ты совершенно кошмарна, — он качнул головой, и сощурился с хитрой улыбкой. — Я за это отыграюсь.

— Жду не дождусь, — Лилит развернулась лицом к двери.

Варац протянул ей выставленный локоть, и взялся за увесистое дверное кольцо. Он открыл дверь и жестом пригласил ее внутрь.

Ступив в поместье, Лилит почувствовала, словно провалилась в дыру в центре вселенной. Дыру, которая засасывала в себя всю роскошь, все богатство, всю изысканность. Будто вся существующая в мире статусность, от изукрашенного мозаикой огромного потолка до тканевых салфеток с инициалами каждого гостя, была собрана, сконцентрирована здесь какой-то высшей силой, неподвластной простым смертным.

Их проглотило существо из другого мира. Внутренности существа были цветасты, повсюду мелькали платья, слышался синтетический смех. По мере того, как они удалялись от глотки существа и проходили глубже в пищевой тракт, глаза Лилит привыкали к происходящему и она заметила скульптуры, расставленные то тут то там по огромному, бездонному желудку. Они были чуждыми этому пространству, они были не отсюда. И желудочный сок существа облеплял их вниманием гостей, грозясь переварить и растворить в себе. Уничтожить всю их самобытность, уничтожить то, что они говорили о своем создателе. И она была там, такая же, как эти скульптуры. Иностранная, чужая. Ее уже проглотили. Ее неизбежно переварят. Она станет частью этого существа.

Лилит втянула воздух подрагивающими ноздрями. Он густо пах разнообразным парфюмом и легкими ароматическими травами. Это была старая следопытская привычка: оказавшись в новой местности, принимайся, чтобы опознать среду. Среда была опознана Лилит как куда более серьезное мероприятие, чем она предполагала изначально. Варац не шутил: здесь была не только знать с доброй половины Чинджу, но и иностранные дипломаты, кажется, несколько архонов и шаманов островных племен. Глаза Лилит забегали по цветастому калейдоскопеу ярко освещенного зала, выискивая знакомые лица. Ее инстинкты решительно вступили в свою вотчину, выбив из головы недавние сомнения, и цепкое внимание наемницы принялось искать потенциальную выгоду.

Поворачивались головы. Они смотрели на Вараца, который легко улыбался и неспешно шел вперед. Кто-то степенно кивал ему, и тогда чародей кивал в ответ. Они остановились в некотором в отдалении от основной части гостей, и к ним тут же подошел гладко причесанный безликий слуга с подносом в руках, услужливо предлагая напитки.

— Сакэ? — сморщился Варац. — Отвратительно. Вы подаете вино?

— Сий момент, аджосси, — поклонился слуга и растворился в воздухе, спеша удовлетворить запрос нравного гостя.

Лилит сделала небольшой глоток, продолжая осматривать зал поверх стакана. Ее рыскающий взгляд остановился на высоком молодом человеке с широкой улыбкой и сухой кожей лица. В особенности ее внимание привлек крупный перстень на его среднем пальце.

— Неужто архон Гиллбе? — сказала она вполголоса.

Варац улыбнулся.

— Что за архон?

— Гиллбе, — Лилит аккуратно указала пальцем на юношу. — Самый молодой наследник на Севере. Недавно вступил во владения. Перстень видишь? На него все ворь Синепалка уже который год слюни пускают. Самая узнаваемая побрякушка.

— Антиквариат?

— Реликвия. Из старого мира.

Их разговор прервала подошедшая сзади немолодая сульянка в тугом корсете, от одного вида которого Лилит спирало дыхание. Женщина степенно кивнула вначале ей, а затем обратила свое внимание на чародея.

— Маэстро. Счастлива видеть вас в добром здравии. Вы ничуть не изменились с нашей последней встречи.

— Анса Аюн? — Варац прозвучал несколько удивленно. — Отнюдь, зато вас годы не пощадили.

Сульянка тепло улыбнулась, ломая выражение аристократической небрежности на своем густо напудренном лице.

— Рада, что ты не утратил чувство юмора. Издалека мне показалось, что ты совершенно опростолоудинился. Что это за кошмарное тряпье? — она кивком указала на простое платье чародея.

— Дорогуша, у меня аналогичный вопрос. Немедленно вздерните своего личного портного, это же просто никуда не годится! — он окинул ее наряд колким, критичным взглядом.

— Будет уже шестой. Тебя заменить не смог никто, — снова улыбнулась сульянка. — Достаточно расшаркиваний. Признавайся, что ты задумал? С чего вдруг выставка, да еще в этой дыре?

Даже любопытство в ее голосе было какое-то бледное, будто дежурное. Сульянка была рада видеть Вараца, но в глазах ее так прочно засела вековая скука, что Лилит казалась, будто она отравляет воздух вокруг себя тоской и усталостью.

— Я вывожу свою избранницу в свет, не более того.

Сульянка какое-то время смотрела на Лилит молча.

— Не верю, — сказала она наконец. — Ладно, не рассказывай. Но сделай одолжение, по старой дружбе. Если это одно из этих твоих представлений, можешь заодно моего муженька невзначай прикончить?

— Анса, ну что за глупости. С этим ты и сама прекрасно справишься. Я всегда в тебя верил.

— Однажды, Варац, однажды... — вздохнула она и оглянулась, выпрямляя спину и возвращая себе маску светской вежливости. — До встречи. Приятного вечера.

— Мое удовольствие, анса, — Варац слегка поклонился, провожая ее взглядом. Потом

обратился к Лилит. — Ну все, вечер можно завершать. Больше достойных людей мы здесь не встретим.

— Любопытно, — Лилит проследила взглядом направление, в котором удалилась Аюн. — Давай пройдемся.

Едва они двинулись в центр зала, перед ними вновь возник знакомый слуга с бутылкой вина в руке.

— Наместница велела подать вам из своих личных запасов, аджосси, — поклонился он, ловко откупоривая бутылку.

— Помнит, негодница, — покачал головой чародей, понюхав пробку. — Передайте наместнице мой глубочайший поклон. Я непременно найду ее чуть позже.

Заметив заинтересованные взгляды двух молодых аньянгок, прикованные к Варацу, Лилит усмехнулась:

— По-моему, тебя тут заживо съедят.

— Они могут, — кивнул Варац. — Мы пришли на сборище людоедов.

— Да я не о том. Там вон девушки шепчутся.

— А, — он слегка поморщился. — Я упоминал, какая у меня репутация в этих кругах, нет? Неважно, ты и сама, вероятно, догадываешься.

— Догадываюсь. И что слухов там больше чем правды, тоже.

— Все так, — кивнул Варац. — Но слухи не совсем беспочвенны. Сказалась репутация, как ты любишь выражаться.

Лилит кивнула. Нестареющий художник, скрывающийся от публики, с громким, кровавым прошлым. Который вытворял бог знает что, а с тех пор почти не появлялся в свете. Понятно, почему их провожают взглядами полными интриги, желания, кокетства и даже ревности. Здесь репутация значила столько же, сколько и в любой из нор подземного мира, то есть чуть больше, чем все.

Лилит ободряюще коснулась мизинца Вараца своим. Это был простой жест из детства, которым мирились крестьянские дети. Не смотря на нее, чародей легонько сжал ее руку, и тут же отпустил ее.

Архон Гиллбе Гилленхол, сдержанно улыбнувшись своему собеседнику, повел взглядом вдоль зала и остановил его на Лилит. Глаза его были серыми и необычайно светлыми. Стоило ему сделать пару шагов в их направлении, как его лицо озарила широкая улыбка большого рта. Он подошел, и учтиво поклонился.

— Кирья, — заговорил он. — Что за отрада.

— Киринье, — Лилит склонила голову на аньянгский манер. Настроений для северных полу-реверансов у нее не было.

Архон мягко поцеловал ее левое запястье, не сводя глаз с ее лица. Плечо Лилит слегка дернулось, и ей стоило определенных усилий не вырвать руку. Варац прислонил руку ко рту, явно сдерживая смех.

— Прелестно, — улыбка его была вежливой, в отличие от взгляда. Архон даже не отвел, а скорее оторвал его от Лилит и обратился уже к Варацу: — Маэстро, полагаю? Архон Гиллбе, по роду Гилленхол. Почтен.

— А я-то как почтен, уважаемый архон, — ответил Варац со смешком. — Как вам мои уродцы?

— Что? А, вы о скульптурах, — голос Гиллбе приобрел скучающий тон. — Интересны, интересны...

Он снова повернулся к Лилит.

— А вы протезе Варгула, если мне не изменяет память? — он чуть склонил голову, бегая по ней жадным взглядом. Лилит встретила его твердым, но вежливым тоном:

— Не протезе, не любовница и не тайная дочь. Я наемница, кириные. А мэтро — мой постоянный клиент.

Гиллбе вскинул брови. Мимика у него была яркая, гротескная и выразительная. Наблюдать за тем, как его лицо меняло выражение, было довольно завораживающе.

— Надо же. А по вам и не скажешь. А что же вы забыли здесь, в этом рыбацком городишке?

— Работаю, кириные. А сегодня вечером — отдыхаю в дружеской компании.

— Прелестно, — Гиллбе обаятельно улыбнулся, продолжая раздевать Лилит глазами. — Что за чудо. Что ж, не буду мешать. Долгой жизни, маэстро. Кирья.

Коротко поклонившись, он ушел, и Лилит буквально спиной ощутила, как он обернулся на нее. Она сделала большой глоток сакэ.

— Кого еще съедят заживо, — посмеиваясь, сказал Варац.

— Твою мать... — Лилит слегка передернуло. — Мне надо подышать.

— Извини, никак не могу, — мотнул головой чародей. — График плотный. Нужно найти наместницу, поблагодарить за организацию этого балагана. У стола с мидиями пусто, можешь там подождать.

— Ищи меня возле бухла.

— Не бухла, а бевереджей. Веди себя прилично, — подмигнул ей Варац и спешно направился куда-то решительным шагом.

На ходу отряхиваясь от неприятного ощущения, к которому у нее попросту не было возможности привыкнуть, Лилит подошла к столу с мидиями. Она вернула взгляд в гущу публики; выискивая среди нее смуглые сульянские лица. Их там было существенно больше, чем ей бы того хотелось, и все носили похожие белоснежные одежды. Лилит раскрыла раковину с громким щелчком, размышляя, как ей поступить. Жуя жесткую мидию, она торопливо стряпала в голове легенду, с которой планировала пойти по гостям.

— Я думала, никого без этой идиотской раскраски не встречу сегодня, — услышала Лилит гулкой женский голос рядом с собой. Повернув голову, она увидела невысокую девушку лет пятнадцати с длинными, собранными сзади темно-русыми волосами. Лицо девушки пересекал крупный шрам с рваными краями, проходивший через глаз-бельмо. Девушка носила традиционное оренхайское меховое платье. Лилит сразу же узнала ее.

— Такая традиция, ваше высочество.

Железная Дева посмотрела на нее ничего не выражающим взглядом.

— Можно просто Ръеталина.

— Лилит.

— Северянка, значит, — дочь конунга скрестила руки на груди, возвращая взгляд в толпу. — Смелое имечко. Пришла с Варацем, но не эскортница. Подруга, значит. Забавно. Хорошо смотрите вместе. Интригующе.

Она говорила бесстрастным тоном, странно расставляя акценты в предложении. Видимо, Железная Дева была из тех, кто выносит смертный приговор и произносит поздравления на свадьбе одним и тем же тоном. Глубоко безразличным и будто усталым. “А ведь она даже еще не на троне”, — невольно подумала Лилит.

— Вараца всегда привлекали северянки, — продолжала Ръеталина, не дожидаясь ее

ответа. — Вся эта чушь про притягивающиеся противоположности была написана дураками для дурных баллад. Ты находишь кого-то, от кого тебя не тошнит и это лучшее долго и счастливо, на которое ты можешь рассчитывать, — она устало вздохнула. — Жаль только, что не всем из нас дано выбирать. Так что же ты, Лилит? Какая у тебя история? Простолюдинка, проложившая себе путь по головам? Или по постелям?

— Наемница, ваше высочество.

— Значит и так, и так, — кивнула Ръеталина. — Сложная работа, неблагодарная. Мало кто ее делает хорошо. Наши придворные идиоты жутко некомпетентны, лично бы всех заколола. У отца совершенно нет нюха на кадры, подбирает всех кто сделает жалобные глазки.

Ръеталина, снова сделав глоток, взглянула на открытые руки Лилит.

— Интригующе. Судя по маркам, у тебя много интересных историй. Ты мне нравишься, Лилит. Приезжай как-нибудь в Йеггерберг. Гостьей.

Лилит медленно кивнула нравной принцессе с вежливой улыбкой на лице.

— Что ж, — Ръеталина поставила пустой кубок на стол и энергично повела плечами. — Было приятно, Лилит. До встречи.

— Долгой жизни, Ръеталина.

Девушка с седой прядью решительным шагом удалилась в сторону оренхайских воинов — видимо, ее сегодняшнего эскорта. Лилит почему-то не испытывала большой радости от столь многообещающего знакомства. Ей было почти жаль молодую наследницу престола.

— Докатилась, — фыркнула она сама себе. — Нашла кого жалеть.

Подумав, что весь вечер только и делает, что пытается отряхнуться от неприятных ощущений, Лилит решила воспользоваться возможностью обогатиться духовно. Она направилась к ближайшей из скульптур, на ходу взяв с подноса еще один стакан сакэ. Ей не столько хотелось пить, сколько чем-то занять пустующую руку.

Скульптура представляла собой нечто абстрактное, напоминавшее несколько разбивающихся друг о друга волн. В отличие от гладких, обтекаемых форм Ежа, она была рваной и хаотичной: полосы металла имели неровные, нешлифованные края, и вихрились в разные стороны. Лилит понятия не имела, сколько в приличном обществе положено смотреть на скульптуру. Но была уверена, что и на этот счет существует свой особый регламент, негласный, но всем хорошо известный.

Если Варац желал, чтобы Лилит приковывала к себе ненужное внимание, то с платьем он определенно не прогадал. Ее пространные размышления прервало ощущение чьего-то присутствия справа от себя. Запахло можжевельником и солью.

— Странная вещь, — заметил тихий женский голос. — Вы знакомы с художником?

— Довелось, — ответила Лилит, не смотря на свою собеседницу. — А вы?

— Нет, что вы. Я далека от искусства.

— Уверю вас, я от него еще дальше, — Лилит плавно скользила взглядом по волнам скульптуры. — Вы издалека? У вас центральный акцент.

— Так заметно? — улыбнулась женщина. — Да, я из окрестностей Хангемы. Провинция Чонь. У вас хороший аньянгский.

— Спасибо. У вас тоже.

Девушка — или женщина, сказать по голосу было трудно — тихо рассмеялась шутке.

— Интересно, что сейчас творится в городе. Я бы посмотрела карнавал.

— Не говорите, — кивнула Лилит. — Жутко обидно, что приходится тут торчать. Но до

карнавала еще полно времени, успеете.

— Так ведь прием продлится до утра.

Лилит тонко улыбнулась:

— Я бы на это не рассчитывала. Но это только вам, по секрету.

— Хорошо, — ее собеседница рассмеялась тихо и искренне. — Было приятно с вами поговорить, аджумма. Хотела бы я чаще произносить эту фразу, но увы. Что есть, то есть. Хорошего вам вечера.

Аньянгка отошла, а Лилит медленно направилась к следующей скульптуре, которая формой напоминала асимметричную, вытянутую башню. Она простояла так какое-то время, прежде чем услышала сзади приближающийся голос Вараца, который с кем-то беседовал.

— ...не оставил мне совершенно никакого выбора, — донесся до нее обрывок фразы. — О чем с ними вообще говорить? Пьют все, что горит, никакого класса в них нет.

Повернувшись, Лилит увидела чародея в компании аньянжки средних лет, одетой в темно-зеленое классическое платье. Лицо ее украшали изящные полосы в цвет, образывавшие сложный узор.

— Лилит, познакомься с седой Ки из династии Геум, — заговорил Варац, когда они приблизились. — Седа, это Лилит, моя близкая подруга и исключительного мастерства наемница.

Лилит глубоко поклонилась:

— Это честь, аджумма.

— Вы привели преступницу в мой дом? — спросила наместница у чародея почти обиженно.

— Помилуйте, седа, какая же она преступница? Она совершает преступления исключительно во имя власть имущих. Уж не хотите ли вы сказать, что каким-то образом люди вдруг стали равны перед законом? — насмешливо ответил Варац.

— Перед законом равны все, аджосси.

— В таком случае, — заговорила Лилит. — Было бы уместно меня арестовать, разве нет?

— Было бы, — сухо ответила Ки. — Но я не желаю портить вечер. Гости прибыли издалека, а день первородного пламени это священный праздник.

— Разумеется, — улыбнулся Варац.

— Можете объявить меня в розыск, — предложила Лилит. — Я даже могу попозировать для розыскных плакатов, чтобы художник не рисовал по памяти.

— Не нахожу эту шутку смешной, а вас — хоть сколь-нибудь приятной или стоящей собеседницей, — ответила Ки холодно. — Мне нужно уделить время другим гостям. Приятного вечера, маэстро.

— А я нахожу, — заметил Варац, когда наместница отошла достаточно далеко. — Неплохо, кирья, неплохо. Оцени лицемерие. Ненавижу высший свет.

Лилит фыркнула с легкой улыбкой. Она склонилась к Варацу и указала на двух похожих по виду гостей в одинаковых силку, которые общались о чем-то в углу залы.

— Вон тех двоих видишь? Ее личная охрана. И мои коллеги по цеху, по совместительству.

— А ты своих везде опознать можешь? — заинтересовался Варац, глядя на двух молодых людей.

— Обычно на наместников работают семьи, — пояснила Лилит. — Но они подлинно

элитные. И стоят соответствующе. А это — такие же наемники, как ваша покорная слуга. Просто другого сорта. Но головы отрезают с такой же готовностью, поверь мне на слово. Эх, жаль про лошадей не спросила...

— Зато я нашел твоего купца, — Варац ткнул пальцем в толпу. — Ансан Корр, ты говорила? Слышал, как он представлялся кому-то.

— Волшебнo, — хмыкнула Лилит. — Надо подойти, поздороваться.

— Охотно. А что это за фрукт, расскажешь?

— Контрабандист высшего эшелона, — они медленно двинулись к центру залы. — Возит рабов на Север. Их корабль, набитый людьми и боевыми гидрами, стоит в порту уже битую луну.

Варац изумленно вскинул брови.

— Чрезвычайно любопытно. Ты как это выяснила?

— Погрела уши в нужный момент и поговорила с кем надо, — отмахнулась Лилит. — Гидры отозвались на свист. Рабов я не видела и не слышала, но бьюсь об заклад, что они там.

— А если ты ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

— И все-таки.

— В таком случае, — Лилит допила сакэ и вернула пустой стакан одному из ближайших слуг. — Я со спокойной душой сложу оружие и отправлюсь работать на мельнице до старости. С настолько отбитым нюхом в наемниках делать нечего.

— Любопытно, — хмыкнул чародей. — Ну что ж, с удовольствием оценю представление. Ведите, кирья.

Нужным им человеком оказался мужчина с офицерской выправкой, одетый в белоснежный дублет с высоким воротом. Его виски и борода поблескивали сединой, он держался строго и с достоинством. В нем напрочь отсутствовало приторное притворство, которым был буквально пропитан сегодняшний вечер. Взгляд его был прямым и оценивающим; он смотрел на своих собеседников, но видел не людей, а ассеты. Вложения, возможности, выгоду. Он видел перед собой товар. Лилит медленно подошла, держа Вараца под руку.

— Ансан Корр? — окликнула она, и улыбнулась мимолетно, когда он повернул к ней голову.

— С кем имею честь? — Корр обежал быстрым взглядом их обоих.

— Маэстро Варац, — Лилит указала рукой на своего спутника. — Скульптор и автор множества прекрасных произведений.

— Как же, наслышан, — Корр протянул ему руку для рукопожатия. — Мой шурин имеет небольшую коллекцию ваших работ. Хорошее вложение средств.

— Разумеется, — усмехнулся чародей, пожимая его ладонь. — Затем и творю, ансан. Чтобы шейхам было в чем хранить дхахабы. Познакомьтесь с Лилит, моей сегодняшней спутницей.

— Ahlan, — Лилит протянула ему руку. По сультанскому этикету здороваться с женщинами за руку было не принято, но Лилит меньше всего было нужно, чтобы в ней сейчас видели женщину.

— Ahlan, ansa, — Корр пожал ей руку после совсем недолгого замешательства. Ладонь его была теплой и шершавой, как наждак, а рукопожатие коротким и решительным. —

Ансан Корр, бессменный глава сульянской купеческой гильдии.

— Позвольте сразу к делу, ансан, — Лилит отпустила Вараца и сложила обе руки за спиной, желая продемонстрировать свою собранность. Она смотрела на своего собеседника прямо, решительно и холодно. — Вы, вероятно, слышали о сульянских годах маэстро. От некоторых привычек тяжело отказаться, даже спустя столько лет.

Она невзначай повернула запястье Вараца, демонстрируя наколку. Корр коротко кивнул, показывая, что понимает о чем речь.

— Маэстро поручил мне деликатную задачу, думаю вы догадываетесь какую именно. Как вы понимаете, у меня свои информационные источники. И они привели меня к вам, ансан.

Корр какое-то время смотрел на нее изучающим взглядом. Потом безразлично отпил из своего стакана.

— Не знаю, что у вас за источники, уважаемая Лилит, но я бы на вашем месте инвестировал в более надежных информаторов. Я бы не посмел оскорбить гостеприимство седы, нарушая закон на ее земле.

— Разумеется, — кивнула Лилит. — К тому же, этого несложно добиться. Нужно всего-то зайти в порт, имея на борту пару лошадей, — она слегка повела ртом. — Или гидр.

Улыбка медленно сошла с лица Корра, и он вперился в Лилит взглядом темно-карих глаз. Он пытался понять, как много ей известно и каковы ее намерения. Она смотрела на него твердо, и ее взгляд отвечал: мне известно все.

— Даже если весь груз уже имеет покупателя, — продолжала Лилит легким тоном. — Было бы неплохо убедиться в качестве товара, пока есть такая возможность. У Сульянского экспорта прекрасная репутация, но столь крупные вложения — дело такое, сами понимаете.

Корр слегка разжал тиски своего взгляда.

— Понимаю. Скажу так, анса: у меня есть для вас небольшой контракт, после чего мы могли бы обсудить дела. Если вас это устроит.

— Безусловно.

— Хочу добавить от себя, ансан, — легко улыбнулся Варац. — Что кирья исключительно хороша в своей работе. И посвящает меня во все ее детали. Без исключений.

Корр едва заметно, недовольно дернул бровью.

— Я это учту. Что ж, буду ждать вас завтра в порту до полудня. Приятного вечера.

Он попросился одним быстрым, четким кивком и быстро покинул сцену, оставив Лилит и Вараца наедине.

— Я же верно понял его кошмарные намеки? — негромко спросил чародей, провожая его наполненным неприязнью взглядом.

— Верно. Не убивать меня ты его не убедил, но попытка была хорошая, — Лилит слегка сощурилась вслед Корру. — За это не волнуйся. Я знаю, чем его пронять.

— Пока я не в восторге, что ты использовала меня для своей легенды, вынужден признать, что вышло изящно.

— Посмотрим, вышло ли. С ними никогда наверняка не скажешь, — Лилит тихо фыркнула. — Гребаные ящерицы, нигде от них спасу нет.

— Скажи же, да? — Варац задумчиво посмотрел в свой бокал. — Только меня в этой истории не гидры беспокоят.

Он сделал глоток и встряхнул головой.

— Пошли отыщем Кьола. Пора готовиться к большому финалу.

Кьола они встретили недалеко от лестницы. В полумраке плохоосвещенного угла островитянин, одетый в цветастую накидку, полусидел возле водруженных на постамент полос металла.

— Как оно, адельфос? — Варац оглянулся, оценивая состояние приема. — Гости начинают скучать. Самое время.

— Последняя проверка, — Кьол подковырнул краску на одной из полос. Приглядевшись, Лилит увидела, что краска маскирует уже знакомые ей начертания демонических печатей.

— Вы оба спятили, да? — спросила она со смехом. — Нет, я догадывалась к чему все идет, но почему-то до последнего верила, что мне это чудится.

Варац лукаво сверкнул глазами.

— Риторический вопрос, дорогуша. Ради меньшего я бы ни за что не согласился на весь этот фарс, — он кивнул в сторону банкета за своей спиной.

— Потрясающе, — Лилит усмехнулась. — А, какая разница. Любопытно будет взглянуть.

— Прекрасный настрой, — подмигнул ей чародей. — Адельфос, мы готовы?

— Похоже на то, — островитянин распрямылся. — Ну, тряхнем стариной...

Варац выдохнул, и они проделали несложное секретное рукопожатие. Повернувшись к Лилит, чародей указал рукой в сторону толпы:

— Прошу, кирья. Вам полагается место в первом ряду.

Под условную сцену определился центр залы, свободный от столов и прочей мебели. Слуги подтащили постамент, на котором красовалось нечто, напоминавшее основание металлического каркаса. Лилит ждала вместе с остальными гостями, и, как и все, повернула голову на стук деревянных палочек о серебряный кубок, которым Варац привлек внимание публики. Чародей легко улыбался, стоя рядом с постаментом. Толпа постепенно утихла и встала вокруг ровным полукругом, приготовившись внимать словам маэстро.

— Дорогие, ослепительные мои гости, — заговорил он хорошо поставленным голосом, обводя взглядом присутствующих. — Безмерно благодарю каждого из вас за присутствие. День первородного пламени — совершенно особенный праздник, наполненный красками и впечатлениями.

Музыканты ненавязчиво заиграли на струнных, аккомпанируя его речи. Свет в зале стал постепенно приглушаться. Лилит не смогла сдержать улыбки, глядя на то, как сгущаются тучи.

— Мне же сегодня выпала честь дать вам эти самые впечатления и развлечь прекрасную публику, — он элегантно поклонился и бросил на Лилит быстрый взгляд. — И речами я этого явно не добьюсь, верно? Поэтому прошу, отойдите на несколько шагов, и мы начнем.

Толпа послушно попятилась, пока Варац занимал позицию за каркасом. Музыка заиграла громче. Свет потух почти полностью, едва позволяя различить силуэт чародея в центре залы.

Лилит увидела характерное свечение рун, и услышала тонкий звон, с которым творятся чары. Движения Вараца были легкими, игривыми и небрежными, а на лице плясала ухмылка, которую, кажется, видела только Лилит. Она завороченно наблюдала за тем, как из каркаса, дрожа и позванивая, материализуется нечто. В полумраке можно было различить ползущие вверх и причудливо переплетающиеся полосы металла, но угадать форму будущего произведения было невозможно. Изделие формировалось вместе с музыкой: послышалось

тревожное крещендо и темп увеличился. Воздух накалился и дрожал, и Лилит оценила, с каким знанием и какой точностью работает чародей. Каждое движение его пальцев, ладоней и рук мягко перетекало в другое и завершалось незаметно для глаза. Толпа за спиной Лилит восторженно перешептывалась.

Заиграла виолончель, и зала окрасилась синим светом, ярко вспыхнувшем под потолком. Огромная абстрактная скульптура, которая все продолжала появляться из-под чар Вараца, выглядела чрезвычайно сложной и детальной. Полос было много, и они органично переплетались друг с другом в каком-то своем, неведомом танце. Послышались аплодисменты. Глаза Вараца были закрыты, а руки продолжали творить чары. Лилит смотрела, не отрываясь.

Огромное волнообразное создание из металла цвета олова вновь замкнулось у своего основания, и Варац встряхнул руками, рассеивая следы от рун. Зал заплодировал, и чародей скромно поклонился, делая несколько шагов назад. Послышался громкий скрежет, воздух завибрировал. Скульптура медленно пришла в движение. Лилит видела, как металл, поначалу отказывающийся гнуться, постепенно обретает гибкость. Кто-то тихо ахнул.

Скрежет сменился характерным звуком, с которым оглаживается шелковая лента. Скульптура пошла волнами, полосы расправились и взвились к потолку спиралями. Лилит увидела, как отошедший назад Варац коротко взмахнул запястьем. Свет тут же потух, и музыка оборвалась. По толпе прошел взволнованный ропот, кто-то подался назад, инстинктивно отдаляясь от живого металла. Шорох, с которым скульптура обретала в темноте новую форму, был громок, и заглушал реплики толпы, которая волновалась все больше. Лилит, стоявшая в первом ряду, почувствовала, что осталась одна — гости вокруг нее отползли вглубь залы. Она вглядывалась в темноту, ожидая откровения.

И оно наступило. И что это было за откровение.

В резко вспыхнувшем красном свете перед ней возник колосс, сотканный из рваных полос металла. Колосс имел рога, копыта и узнаваемую козлиную морду. На его копытах светились начертания, он двигался так же естественно и плавно, как живая плоть. Колосс топнул ногой, ломая один из столов, и с громким скрежетом принялся громить зал. Аристократы запаниковали в полную силу: слышались множественные крики ужаса и топот. Обезумевшие от страха гости ломались в заранее запертые двери, слышался звон стекла, с которым выбивались окна. Лилит восхищенно водила взглядом по плавным переплетениям полос металла, которые деформировались в движении вместе с тем, как скульптура била руками колонны, пинала столы или вертела головой. Он казался настоящим, живым.

Она услышала залиvistый смех чародея где-то справа от себя. Варац что-то выкрикивал, но его голос тонул в хоре воплей аристократов, скрежете металла и грохоте ломаемой мебели. Колосс с размаху врезался в одну из колонн, и пол дрогнул под ногами Лилит. Опомившись, она громко свистнула двумя пальцами, привлекая внимание чародея, и побежала к нему.

— Нас тут заживо похоронит, идиот! — крикнула она, цепко хватая его за запястье. — Валим!

Они побежали к широкой лестнице. Лилит наступила на собственный подол и тот с треском оторвался. Они прыжками преодолели около полусотни ступеней, и пролетели пару комнат, после чего очутились на одном из балконов. Лилит перемахнула через перила и совершила приземление в куст, и почти сразу же Варац свалился прямо на нее, едва не

свернув шею и себе, и ей.

— Скотина! — Лилит спихнула с себя хохочущего чародея. Тот перекатился на земле и вскочил на ноги с ликующим хлопком в ладоши. — Что за кретин!

Лилит поднялась на ноги, и пихнула Вараца в грудь.

— О таком предупреждать, сука, надо!

— И лишиться вот этого? — Варац указал на нее, поведя в воздухе ладонью. — Как можно!

Лилит замахнулась для прямого удара прямо по носу, но чья-то большая рука поймала ее запястье.

— Спокойно! — пробасил Къол.

Лилит задохнулась, и резко вырвала руку. Грохот в поместье стих; видимо, скульптура отжила свое. Гнев схлынул, и Лилит взяла себя в руки. Она провела по лицу ладонями.

— Какие же вы конченные!

Варац и Къол переглянулись в повисшей тишине. А потом взорвались дружным хохотом. Лилит прожгла их негодующим взглядом, но, глядя на их искреннее веселье, тоже прониклась чувством гротескного идиотизма произошедшего. Ее медленно разобрал смех.

— Как пошел! — вскрикнул Варац, возбужденно ударяя себя по коленям.

— Нам бы тоже пойти, — Къол кивнул в сторону голосов с той стороны дома, которые становились все громче по мере приближения.

Они спешно нырнули в плотные кустарники, и продрались через задний двор к спуску с холма. Сбежав вниз, они нырнули в молодой подлесок, и пошли шагом, взяв курс на Чинджу. Переведя дух, Лилит обернулась, проверяя, не следуют ли за ними.

— Какой вечер! — со смехом выдохнул чародей, и полез в карман за портсигаром.

— Я с балкона смотрел, так улепетывали, красота! — рассмеялся Къол.

— Вечно тебе лучшие места на шоу достаются, — Варац закурил на ходу. — Тоже не жалуясь, впрочем: лицо наместницы, когда наше чудо принялось ломать колонну, я запомню надолго. Долгой жизни, святая женщина!

Лилит, которую окончательно отпустили злость и возмущение, посмотрела на Къола.

— Это поразительно. Как он шел, как двигался, — она перебрала в воздухе пальцами. — Что ты в него вселил?

— Демона, — широко улыбнулся Къол.

— Каждое движение, — Варац развернулся и пошел спиной вперед, чтобы сохранять визуальный контакт со своими собеседниками. — Каждый поворот головы — в его начертаниях. Понимаешь теперь, почему гений?

— В начертаниях? — вскинула брови Лилит. — Он серьезно?

Къол кивнул.

— Это несколько сотен формул, которые четко и слаженно сработали вместе, координируя его движения, — увлекшийся Варац запнулся о корень, и Лилит поймала его за руку, спасая от падения на спину. Чародей продолжил свою тираду, не обратив на инцидент никакого внимания: — Моей работы там почти не было; я создал сплав с определенными свойствами, но на этом и все.

— Смеешься? — не согласился Къол. — Твой сплав это огромная работа!

Варац отмахнулся от него.

— Ерунда.

— И эти несколько сотен формул, все вот это, — Лилит помахала рукой в воздухе,

указывая на оставшееся позади них поместье. — За несколько дней?

— У нас были старые наработки, — улыбнулся Кьол. — В больших количествах. Я просто адаптировал начертания к его габаритам, формам и размеру залы.

— Просто! — возмущенно гаркнул Варац. — Ты когда-нибудь начнешь при...

Он снова споткнулся. Лилит решительно положила ладони на плечи чародея, и развернула его.

— Иди лицом вперед!

Варац повернул голову, смотря на свое правое плечо.

— Дорогуша...

Лилит уставилась на свою правую руку опешившим взглядом. Она и сама только что заметила.

Они остановились. Лилит медленно стянула с протеза перчатку, обнажая его металлическую поверхность, исписанную мелким орнаментом. С замиранием сердца она плавно повела пальцами, которые издали едва слышимый, почти мелодичный скрежет. Она ошарашенно смотрела на собственную руку, которая ощущалась совершенно родной. Словно она и не лишалась ее.

Варац и Кьол моментально пришли в неопишуемый восторг. Они вступили в разгоряченный диалог.

— А я тебе что говорил! — затараторил Варац. — Что я тебе говорил, твою мать?!

— Был неправ, — легко признался Кьол. — Вот что поразительно!

Лилит медленно сжала и разжала кулак. Из ее уст вырвалось тихое:

— Поверить не могу...

— А ты йеру в четвертую ступень вписать хотел, а теперь где она, твоя йера? — продолжал Варац.

— Да все все поняли уже, успокойся! Работает, и прекрасно!

— Хер там я успокоюсь! — Варац наставил на него палец. — Ты мне всю кровь этой йерой выпил, я тебе до конца жизни припоминать буду!

Лилит осела на землю, и обхватила пальцами собственную голову. Кьол первым обратил на нее внимание:

— Ты в порядке? — негромко спросил он, опускаясь на корточки. Лилит посмотрела на него несколько осоловело.

— Поверить не могу, — повторила она. — Это...

Она вновь оглядела собственную руку. Потом залезла рукой под белье, и достала монетку с дыркой в середине. Она немного подержала ее на ладони, потом подбросила, и щелкнула ею. Монетка послушно закрутилась в воздухе, и приземлилась ребром на подушечку указательного пальца. Лилит неуловимым движением прогнала ее от большого пальца к мизинцу, и обратно. Щелкнув ей еще раз, она поймала ее в кулак, и застыла.

Она не потеряла в мелкой моторике ни на пехий. Это был металл, такой же подвижный, как ее собственная плоть. Столь же податливый и послушный, как мышечная ткань. Лилит подняла глаза на Кьола.

— Объясни.

— Я почти ничего не менял. Печать перестала работать после вашего контакта, — для демонстрации он коснулся протеза пальцем. — По крайней мере так, как работала раньше. Я не знаю, по какой причине.

— Рука будет работать у тебя? — быстро спросила Лилит, поднимаясь на ноги. Кьол

тоже распрямился, одновременно качая головой.

— Составляя печати, я могу лишь задать характер движения. Проложить маршрут, упаковать нужные действия в формулы и вписать их в начертания, — негромко ответил он. — Мне не под силу контролировать предмет разумом.

— Не предмет, а демона внутри предмета, — вклинился Варац. — Это твоя дикая магия, дорогуша. Просто какая-то новая ее грань. Демоническая.

Лилит медленно моргнула.

— Но это же невозможно, — сказала она почти с досадой, и продемонстрировала им открытую ладонь. — Это не должно быть возможно!

— Добро пожаловать в мир дикой магии и аномалий, — Варац приподнял невидимый бокал. — С почином.

Лилит сделала несколько шагов назад, и провела по лицу руками. Она коснулась протеза, и погладила выпуклую вязь его узоров. Потом посмотрела на Кьола и Вараца.

— Знаете что? Идите-ка вы оба в жопу с вашими аномалиями, — она раздраженно встряхнула рукой. — Я из-за ваших розыгрышей уморительных вынуждена по подлескам без штанов прыгать, а вы все о своих аномалиях сраных!

— А это, — Варац повернулся к Кьолю и кивком головы указал в сторону Лилит. — Благодарность в ее исполнении. Привыкай, адельфос.

— Варь, — сказал Кьол неодобрительно.

— Нет, разумеется, — пожал плечами чародей. — Зачем говорить спасибо, если можно обложить чужую заботу и чужой труд? Это, во-первых, куда проще, а во-вторых оберегает от уязвимости. Ты удивлен? Я — совершенно нет.

Лилит коснулась своей щеки, чувствуя на ней приятный холод металла.

— Я все еще не верю, — сказала она, смотря на чародея. — Ты можешь меня винить?

Варац медленно выдохнул, и качнул головой, успокаивая собственное раздражение.

— Пожалуй, что не могу, — неохотно ответил он. Они возобновили неспешный шаг.

— Это тот же сплав? — спросила Лилит, идя плечом к плечу с чародеем.

Варац кивнул.

— Я не могу сказать, как долго он прослужит, прежде чем придет в негодность. При постоянном движении, трении, перепадах температур это просто невозможно рассчитать.

— Начертания придают ему пластичность и гибкость, — добавил Кьол. — Это должно продлить ему жизнь.

Лилит продолжала щупать протез и шевелить им, обвыкаясь с новыми ощущениями.

— Я соврала, — негромко призналась она, не глядя на Кьола и Вараца. — Я помню, что произошло во время контакта. Не буду описывать ощущения, но я была... не в себе, скажем так. Я сказала кое-что, вслух, не знаю откуда в голове взялась эта фраза. Сначала решила, что просто набор звуков. Но потом я побывала в воспоминаниях Минг, и услышала похожую фразу. Она использовала ее при перемещении из тела в тело, — Лилит нервно сжала свое запястье, глубоко вздохнула, и повернула голову на Вараца. — Я думаю, что ваше сообщество ошибается. Демоны разумны. И у них есть свой язык.

Они переглянулись.

— Это... — мягко начал Кьол.

— Бред? — перебил его Варац. — Абсолютный, адельфос. Но мы будем идиотами, если не признаемся, что ее наитие работает. Это ровно тот момент, когда нужно выкинуть в помойку все свои знания, потому что они делают нас предвзятыми.

— Возможно... — задумчиво протянул Кьол, и посмотрел на Лилит. — Ты знаешь, что значила эта фраза?

Лилит покачала головой.

— А как она звучала?

— *Socurto de ei*.

— Не древнесеверный и не древнеоренхайский, — убежденно сказал Варац. — Корни мне тоже незнакомы. А что говорила Минг в воспоминании?

— Мастер сказала “*ei de toi*”, Минг ответила “*toi de ei*”. После чего сущность кицунэ перешла ей.

Варац поднял глаза к небу.

— Три фразы, два повторяющихся слова, когда ты очнулась, ты сказала “приказала себе служить”. Из чего логично предположить, что “*ei*” переводится, как “я” или “мне”, — протараторил он вполголоса.

— Не беги впереди повозки. Ты не лингвист, — заметил Кьол.

— И впервые в жизни жалею об этом, — со вздохом кивнул Варац. — А у Минг ты спрашивала?

— Она не знает, — качнула головой Лилит. — Только эту фразу и только ее звучание, даже не ее смысл.

Варац ничего не ответил. Лилит знала, что он тут же подумал о памяти прошлых инкарнаций кицунэ. Она тоже об этом подумала. Но лишь одно воспоминание о чувстве множества разных сознаний, множества прожитых жизней, спрятанных где-то в разуме Минг, вызвало у нее невольную дрожь. В них была тяжесть, которой не вынесут ее плечи, и которая, вероятно, сведет Минг с ума, или вовсе прикончит ее. Интуиция, которой Лилит вверяла свое выживание чаще, чем могла сосчитать, кричала не переступать эту черту. И Лилит могла послушаться только если ее заставит что-то, чего она испугается сильнее. Только если она обнаружит на теле новые черные пятна.

— Что ж, — весело сказал чародей, выныривая из пучины своих размышлений. — Будет что изучить помимо дикой магии. Чрезвычайно любопытно. Дорогуша, — он остановился, и окинул Лилит насмешливым взглядом. — Ты всерьез планируешь войти в город без штанов?

— Ты правда хочешь, чтобы я просила вслух? — недовольно буркнула Лилит.

— Особенно после твоих выступлений, — кивнул чародей, и скрестил руки на груди. — Я жду.

Лилит слегка поджала губы.

— Только потому что я действительно была неправа, — сказала она после длинной паузы. — Я прошу прощения у вас обоих. И забираю назад свои слова о бесполезности чароделов в целом и твоей, Варац, в частности, — Лилит ненадолго замолчала, и добавила чуть тише: — Мне трудно принимать чужую заботу. Но это моя проблема, а не ваша. Спасибо за протез. Варац, можно попросить тебя начаровать мне штаны?

— Что, разве было сложно? И нет, нельзя, — Варац ехидно улыбнулся. — Я же упоминал, что отыграюсь?

Он рассмеялся. Лилит сощурилась на него.

— Я тебе это припомню, — процедила она.

Чародей звонко хлопнул в ладоши.

— Нескончаемый цикл издевательств и бессмысленного насилия! — радостно крикнул он.

— Кончай голосить, дурында, — Кьол шутливо пихнул его по голове. — И не заставляй человека идти через весь город в нижнем белье. Не хочешь чаровать, дай ей хоть накидку.

— Что убьет весь смысл этого важного урока! — возмутился Варац, и тут же замахал руками. — Ладно, уговорил!

Он снял с себя длинную накидку, и перебросил ее Лилит.

— Но имей в виду, что ты не заслужила такой доброты, — назидательно сказал он.

Лилит недовольно дернула бровью. Посмеиваясь, Варац возобновил шаг, направляясь к видневшимся вдали пригородным минкам. Лилит шепотом поблагодарила Кьола, и улыбнулась уголком рта, подумав, что ощущает некую интригу от игры, о правилах которой они с Варацем не договаривались и о начале которой не объявляли вслух. И ей было интересно, куда эта игра их заведет, и кому из них наскучит первой.

Когда они добрались до Чинджу, праздник был в самом разгаре. Поющая толпа в разноцветных костюмах, сшитых из лоскутов ткани, пронесла мимо огромного бумажного дракона, растянутого на палках. Лилит проводила их радостной улыбкой, ощущая внутри прилив сил от внезапно охватившего ее авантюризма праздника.

Первым делом они направились к труппам, чтобы забрать из студии статуэтки Кьола. Варац пребывал в возбужденном настроении, то и дело что-то выкрикивая прохожим. Те тоже были настроены дружелюбно — яркий свет фонариков и праздничный настрой охватил город и объединил незнакомцев под игидой одной-единственной, самой праздничной ночи в году. В высушенном фонтане на площади горел магический огонь, в который дети то и дело подкидывали красящий порошок, и пламя меняло цвет, смешивалось и плясало на мраморных постаментах. Лилит ненадолго остановилась, слушая стук бамбуковых палочек, сопровождаемый чьим-то пением. Проходившая мимо девочка протянула ей цветок из корзинки.

— Рассвет! — она помахала ручкой.

— Закат, — улыбнулась в ответ Лилит, вертя в руках оранжевый бутон. Девочка пошла дальше, на ходу разбрасывая лепестки.

Они задержались возле труппы иллюзионистов, от чар которых звенел и дрожал воздух. Они воплощали легенду о зарождении мира, и Лилит видела дымчатый силуэт белого дракона, выдыхающего пламя прямо на зрителей. Представление сопровождалось повествованием, которое живо вела одна из артисток. Лилит ненадолго остановилась, наблюдая за тем, как чешуйчатая иллюзия вышагивает по новорожденной земле, и из ее следов образуются озера, горы и реки.

В студии Лилит с порога направилась к шкафу, где уже давно висело несколько сделанных для нее Варацем нарядов. С пару лун назад в одно утро чародей молча снял с нее мерки и удалился для работы, а вернулся уже с костюмом в руках. Позже он осыпал нелестными эпитетами ее и тот факт, что она владеет всего двумя комплектами одинаковой одежды. С тех пор периодически он раздражался чем-то еще, и всегда критично оглядывал свою работу, когда Лилит примеряла его поделки. Ей было странно и неудобно от этого факта, но она не возражала. У нее никогда не было вкуса на вещи, а идеи Вараца смотрелись на ней хорошо.

Когда Лилит переделалась, они подхватили каждый по довольно увесистому ящику, и направились вниз, а после — к центру города. Карнавал они слышали издалека; на главной, самой широкой улице, которая тянулась от центрального рынка до площади, музыка всегда играла громче всего. По ней вышагивали группы людей в тематических костюмах, снова

мимо пронесли длинного бумажного дракона, прошли фокусники, дышащие огнем. Где-то взорвали хлопушку, обильно осыпав публику разноцветными кусками пергамента. Кто-то шел по публике, раздавая еду в крохотных мисках — так лавочники рекламировали свои заведения. Глядя на всеобщее веселье, Лилит забвенно улыбалась, охваченная обреченным чувством отсутствующего завтра.

В общей колонне прошла женщина, переодетая под наместницу. Она гнала впереди себя еще кого-то в сплошном тканевом костюме лошади, потешно прикрикивая, семеня вокруг и лупя по костюму розгами. Народ был в восторге от этого действия и потешался во весь голос.

— Какая проникновенная точность, — заметил Варац, с любопытством глядя на то, как кобыла взбрыкивает и протяжно ржет на человеческий манер. — Потрясающе!

Посмеиваясь, они дошли до рынка. Слева и справа торговцы срывали глотки, стремясь перекричать друг друга, звенели юны, на пол сыпались порванные в толпе бусы... Лилит шла первой, пробивая путь Варацу и Кьолю и следя, чтобы их не обобрали карманники.

— Дружище, — услышала она голос Кьола сзади. — Это мое место.

Она остановилась, и развернулась. Аньянгец, на выставленном прилавке которого лежали простенькие украшения, начал возмущаться. Поняв, что нужно спасти ситуацию с языковым барьером, Варац вклинился в его тираду, с трудом пробившись к лавочнику:

— Аджосси, что за наглость?

Лавочник отвернулся, игнорируя его, и начал диалог с оглядывающими его ассортимент покупателями.

— Какое хамство! — возмутился чародей. — Я к кому обращаюсь?

Лилит обошла прилавок, попутно оттолкнув плечом мужчину, с которым лавочник вел беседу.

— Эй, — она шумно уронила увесистый ящик на поверхность прилавка. — С тобой говорят!

— Пихаться-то зачем? — возмутился покупатель.

Лилит хлопнула в ладоши перед самым лицом лавочника, заставив того вздрогнуть от неожиданности.

— Оглох, торгош? Место наше, пошел вон кому сказано!

— Стража! — завопил он.

— Я тебе щас устрою стражу, — Лилит впиалась обеими руками в прилавок, буравя лавочника взглядом. В глазах того появилась осоловелость и смятение, после чего он вжал голову в плечи, тупо уставившись перед собой. Варац толкнул Кьола локтем, и они оба с интересом наблюдали за развитием событий.

Лавочник резко пришел в движение, издав петушиный вопль, и, хлопая локтями и высоко подбрасывая колени, побежал через толпу, которая спокойно проглотила еще одного лунатика, каких сегодня на улице было множество. Лилит встряхнула хвостом и прокашлялась, после чего перемахнула через прилавок и обратилась к опешившим покупателям:

— Все! Лавочка закрыта. Или я могу заинтересовать вас островными статуэтками, а, аджосси?

Она с улыбкой смотрела на то, как они стремительно ретируются под аккомпанемент хохота Вараца.

— Как-то чересчур, нет? — спросил островитянин неуверенно, водружая свой ящик на прилавок.

— Не мой стиль, но раз уж праздник... — Лилит принялась сгребать то, что не распродал бедолага лавочник. — Тут либо бить, либо так. Торгаши иначе не понимают.

— Не принимай на свой счет, адельфос, — Варац подцепил одно из колец с прилавка и внимательно осмотрел его, после чего фыркнул и небрежно выбросил в толпу за своим плечом. — Дешевка.

Кьол не без труда открыл забитый ящик, и Лилит с любопытством заглянула внутрь. Статуэтки действительно были искусными, сделанными по большей части из разноцветного камня. Они изображали людей в статике и движении, в самых разных позах, были выточены детально и со знанием дела. Глядя на их многообразие, Лилит невольно вспомнила слова Вараца о проклятых людях старого мира. У статуэток не было лиц, но в остальном действительно казалось, будто они окаменели прямо в движении.

Разгрузив ящики на освобожденный от побрякушек прилавок, Кьол огляделся:

— Гирлянду бы сюда. Подсветить.

— О чем разговор, адельфос? — оживился Варац. — Сейчас вернемся.

Отведя Лилит к центру площади, Варац осмотрелся.

— Тебе в банде доводилось воровать?

— Было дело, — кивнула Лилит. — Но это не мой конек, скажу честно.

— Это потому что у тебя подельника не было, — чародей рассмеялся. — Ты на меня кошмарно влияешь, кирья.

— Я на тебя кошмарно влияю? — возмутилась Лилит. — Я только и делаю, что закатываю глаза и дорогушами всех называю теперь, это у меня по-твоему от кого, от матушки?

— Не самое дурное, что ты могла от меня подцепить, — хмыкнул чародей, а потом сощурился в толпу. — Вон, видишь аджумму?

— Вижу. Чем она торгует?

— Игрушками. Пошли-пошли, будем тестировать проворность твоего протеза, — он решительным шагом направился к худощавой лавочнице, и Лилит ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Чем ближе они подходили, тем отчетливее она видела, какими именно игрушками уставлен прилавок. Все эти аксессуары были знакомы Лилит по работе в Плети, и она на каком-то уровне даже восхитилась разнообразием товара. Прилавок, за непристойным содержанием, был прикрыт панелями, и рассмотреть изделия можно было только подойдя вплотную.

— Рассвет, аджумма, — поздоровался Варац. — Скучаете?

— Не самый продуктивный день, — кивнула торговка, улыбаясь клиентам. — Что вас интересует?

Варац принялся забалтывать ее и спрашивать о товарах, постепенно обходя прилавок так, чтобы торговка оказалась спиной к Лилит. Он говорил оживленно и задавал вопросы, вынуждая ту направить на диалог все свое внимание. Лилит же сделала вид, что заинтересовалась шипастой ручной плеткой, и вертела ее в одной руке, второй же потихоньку отвязывала конец гирлянды.

— Вам в столицу надо, аджумма, здесь же даже борделей приличных нет! Вот эту веревку покажите, будьте любезны.

— Да кому я там нужна, аджосси? У всех борделей свои поставщики давным-давно, не мой это рынок. Эта довольно грубая, вам может помягче найти?

— Как это, не ваш? Если изделия качественные, то ваш! Стремитесь к звездам,

аджумма, и окажетесь дальше чем любой реалист. Эта подойдет. А относительно имитаторов что? Какой материал?

— Обожженная глина.

Промучившись с узлом какое-то время, Лилит потеряла терпение и просто порвала кусок веревки. Она аккуратно сгребла небольшую гирлянду в руку и начала медленное отсупление в толпу. Быстро посмотрев на нее, Варац принялся рассчитывать. Он нагнал Лилит уже на другой стороне площади, смеясь и подбрасывая в руке глиняный фалоимитатор.

— Какая чудная женщина! Я ей заплатил за неудобства, и теперь я беднее церковной мыши. Так что ужин — или завтрак?.. — с тебя.

— Как благородно, — Лилит скрутила в руках веревку, сняв ее с шеи чародея. — Хорошая.

— А я тебе о чем? Обидно видеть, как талант пропадает. Гирлянда цела?

— Вроде как.

— Так и чего мы ждем, кирья? Празднуем! — весело выкрикнул он. Кто-то из толпы откликнулся одобрительным свистом.

Развесив гирлянду над стендом, Лилит помогла Кьолю выложить статуэтки на прилавок, и оперлась о него рукой.

— Что дальше?

— Ничего, — пожал плечами Кьол, занимая место за прилавком. — Ждем, продаем.

Лилит со скепсисом обвела взглядом толпу.

— Ждем, да? — спросила она чуть насмешливо. — Ну ладно.

Она уселась на прилавок, праздно оглядывая кипевший вокруг праздник.

Варац окинул взглядом гирлянду и поправил один из огоньков, закрутившийся вокруг веревки.

— Лилит, у тебя юнов не завалилось? Меня голод пробрал, — пожаловался он.

Лилит демонстративно вывернула пустые карманы.

— Деньги дома.

Варац перевел взгляд на Кьола.

— Адельфос, поделишься выручкой?

— Еще чего! — фыркнул островитянин. — Даже не проси!

— Какое кошмарное жлобство!

— Последние деньги на глиняный причиндал потратил, теперь страдай, — рассмеялся Кьол.

— Вот страдать я буду в последнюю очередь! — Варац несильно стукнул его по лбу упомянутым предметом.

Лилит тем временем оглядывала площадь, наблюдая за другими лавочниками. У каждого были свои способы привлечь внимание покупателей, и в таких делах требовалось мыслить открыто и нестандартно. По лицу Лилит медленно поползла улыбка. Она энергично прыгнула со стойки, и развернулась к препирающимся Кьолю и Варацу.

— Кончай кривляться! Ты мне всю клиентуру распугал!

— Их не я распугал, а твоя островная морда! Ты же выглядишь так, будто череп мне сейчас проломишь!

— Ты недалек от истины!

Лилит громко хлопнула в ладоши у них над ушами.

— Тихо! Дети малые! Кто так дела делает?

— Я предлагал ему глашатаев нанять, да разве ж он послушает! — продолжал тараторить Варац.

— Знаю я кого бы ты там нанял! И откуда! Да убери ты фаллос этот, что ты с ним носишься...

— Дай сюда, — Лилит отняла у Вараца игрушку и поочередно наставила ее на Кьола и Вараца. — Отвечать четко и по делу! Заработать хотим?

— Да уж хотелось бы! — взмахнул руками Кьол.

— Тогда слушать меня и работать в команде! — разошедшаяся Лилит стукнула имитатором по прилавку. — Продавайте, пока не вернусь! Варац — ори! Кьол — прекрати так жутко улыбаться!

— Даже протестовать не буду, — смеясь, Варац занял место подле Кьола. — А ты куда?

— Шерстить и договариваться, — подмигнула ему Лилит. — Вот это — мой конек, дорогуша.

— Восхищен твоим безосновательным оптимизмом! — Варац хлопнул в ладоши и обратил свое внимание на проходящую мимо пару: — Аджосси, аджумма! Вы когда-нибудь задумывались, что произойдет, если людей заточить в камень?

Лилит вернулась к труппе иллюзионистов, и довольно быстро нашла с ними общий язык. Все деятели вольного искусства, будь то барды, чтецы или бродячие цирковые чародеи, прекрасно понимали язык авторитета и денег. Большинство из них работало на городские банды; именно их защита и влияние обеспечивало артистам самые проходные и денежные места, а также гарантию, что они не потеряют всю выручку за день в какой-нибудь темной подворотне. Лилит в банде не состояла, зато знала нужные имена, и умела красиво подсветить плюсы выгодной сделки.

Она хотела найти пару лавок со схожим или перекликающимся ассортиментом, и договориться с лавочниками о взаимовыгодных рекомендациях, но ее внимание привлек тонкий запах можжевельника и соли, который она уже чувствовала этим вечером. Лилит повернула голову, ища его источник.

Им оказалась низкая, взрослая аньянгка. При одном взгляде на ее руки Лилит определила, что она бывалый, тренированный воин; об этом говорил не только характер движений и множество шрамов, старых и новых, но и крепкие мышцы, видневшиеся под грубоватой смуглой кожей. Она тоже узнала Лилит, и улыбнулась ей:

— И вы здесь. А вы были правы. Прием действительно не продлился до утра.

Лилит окинула ее быстрым взглядом. Аньянгка была одета в свободный черный костюм, на ее лице не было макияжа.

— Все остались живы, надеюсь? — вежливо спросила Лилит.

— Обошлось, — кивнула женщина. — Отделались потрясением. Но в ремонт бедной седе придется вложиться изрядно, пол залы совершенно уничтожен.

— Не испытываю по этому поводу горечи, признаюсь честно, — Лилит подумала, что в данной ситуации лучшее, что она может сделать — это быть честной и посмотреть, что выйдет. Что-то подсказывало ей, что играть с этой женщиной — лишь попусту тратить время. — Не сочтите за грубость, аджумма, но вы одеты неподобающе светскому приему. Что вас туда привело?

Аньянгка почему-то улыбнулась.

— Семья всегда посылает свое представительство на подобные мероприятия, — она

мягко качнулась на стопах. — Нам важно сохранить видимость.

Лилит слегка удивленно вскинула брови.

— Простите, не признала, — она поклонилась. — Питаю огромное уважение к вашей работе.

— Благодарю, — аньянгка степенно склонила голову набок. — Вы сами одиночка?

Лилит кивнула.

— Как вы поняли?

— Походка, взгляд, — пожала плечами женщина. — Шрамы, — она бегло оглядела открытые руки Лилит. — Уличные драки, шрамы от открытых переломов, следы как тупых бандитских кинжалов, так и острых дуэльных мечей. Я бы сказала, что вы разъездная наемница широкого профиля с бандитским или разбойничьим прошлым. И привыкли много работать с людьми, это видно по вашей манере держаться.

Лилит стало даже немного досадно, что ее так легко прочесть, пусть и опытному глазу. Аньянгка послала ей теплую улыбку с добродушным прищуром.

— Ниндзюцу учит таким вещам, — сказала она. — Не принимайте на свой счет.

— И не думала. Была очень рада поговорить, аджумма, но меня ждут дела. Хорошего вам праздника.

— И вам, — женщина вежливо поклонилась ей. Лилит вернула любезность и заторопилась назад на площадь.

Она медленно продвигалась по набитой улице, когда ее окликнул знакомый детский голос. Повернув голову, Лилит увидела Сакусэ, которая радостно махала ей с другой стороны улицы. Лилит сменила маршрут и пошла перпендикулярно движению толпы, толкаясь локтями.

— Лилит! — девочка набросилась на нее с радостными объятиями. С руганью оторвав от себя ее цепкие детские ручки, Лилит склонилась к ней:

— Ты одна? Где Минг?

— Смотри, что мне мальчик дал!

Сакусэ протянула Лилит бумажную поделку, изображавшую лебедя.

— Изумительно, — вздохнула Лилит. — На вопрос ответь?

— Минг отошла, чтобы взять себе и ребенку по паровой булочке, — насмешливо раздалось у нее за спиной. — А что?

Лилит выпрямилась, и оглянулась. Минг протянула Сакусэ свежую булочку, и девочка с восторгом впилась в нее зубами. Кицунэ посмотрела на Лилит.

— Искала меня?

Лилит задумалась.

— Нет, — сказала она, глядя куда-то в небо. — Но хорошо, что ты мне попалась. Прогуляемся до площади?

Минг кивнула. Они медленно двинулись вдоль улицы, держась ее края, где было не таклюдно.

— Не ожидала тебя найти в самой гуще, — Лилит кивнула на толпу, из которой то и дело слышались инструменты, запевания и звон колокольчиков и бубенцов. — Думала, ты терпеть людей не можешь.

— Это другое, — пожала плечами Минг, и аккуратно откусила от белой булочки. — К тому же Сакусэ бы мне не простила.

Лилит оглядела праздник, который проглотил всех участвующих в нем отдельных людей

со своими мыслями, чувствами и жизнями, и сделал частью одного большого, цельного воплощения радости и единодушия.

— Да, — согласилась Лилит. — И правда другое. Ты же раньше жила в городах. Не скучаешь по этому?

Минг уклончиво качнула головой.

— Скучаю по музыке, — призналась она. — Иногда.

Лилит улыбнулась уголком рта.

— И по хлебу, — добавила кицунэ совсем тихо, и укусила булочку еще раз.

— Ну, этого добра на Севере полно. Риса там нет, но пшеницы хоть обделайся. Ты там бывала?

Кицунэ качнула головой.

— Как там?

Лилит задумалась.

— Холодно, ветрено. Много деревень и сел, куча скотины. Народ хороший, но запуганный, и поэтому сволочной.

Минг легко улыбнулась.

— Что там пьют?

— Сливовую настойку, самая ходовая вещь. Кислое и дрянное пойло, которое отшибает мозги. Чем-то похоже на соджу. Еще пиво, мед и эль. И самогон из чего ни попадя.

— А едят?

— Где как, — пожала плечами Лилит. — Берут чего много и запекают в пироги, как правило. Яблоки, вишня, слива, дикие ягоды. Говорю же, куча пшеницы. По хлебу точно скучать не будешь, его со всем подряд едят.

Они вышли на площадь. Лилит нашла взглядом иллюзионистов, которые уже развернули представление рядом с лавочкой Кьола. Варац за прилавком активно размахивал руками, что-то возбужденно объясняя покупателям. Лилит и Минг остановились поодаль, глядя на них. Сакусэ восторженно взвизгнула, и куда-то унеслась. Кицунэ не обратила на это никакого внимания. Она посмотрела на туманные иллюзии бродячих артистов, и тихо фыркнула.

— Люди, — сказала она негромко.

Лилит повернулась к ней.

— На тебя ведь охотились, верно? — догадалась она.

Минг ничего не ответила, и не кивнула головой. Но короткий взгляд, который она послала Лилит, говорил сам за себя. Та выдохнула несколько раздраженно.

— Даже сказать нечего. Идиоты.

Минг легко и загадочно улыбнулась. Лилит наблюдала за Варацем, которому-таки удалось всучить статуэтку покупателю, пока Кьол говорил с кем-то на другой стороне прилавка.

— С другой стороны... Разве они виноваты, что их мучает любознательность? — Лилит склонила голову набок. — Может, удовлетворили бы уже их любопытство, чтобы они вас оставили в покое?

Минг посмеялась ее словам.

— Что? Я серьезно.

— Чем больше они о нас знают, тем лучше будут на нас охотиться, — веско ответила Минг. — Эльфы пытались с ними жить, и чем это закончилось? Им пришлось уйти до того,

как они полностью разделяют судьбу кхин, вот чем.

Лилит не нашлась, что ответить. Они немного постояли в тишине.

— Думаешь, в старом мире было иначе? — негромко спросила Лилит.

Минг кивнула после недолгой паузы. Она обвела взглядом площадь.

— Раз уж ты хочешь продавать с помощью иллюзий, — она кивком указала на труп чародеев. — То хоть делай это качественно.

Кицунэ отступила назад, в тень одного из домов. Лилит отошла следом за ней, затаив дыхание от предвкушения надвигающейся катастрофы. Она встала рядом с Минг, легонько касаясь ее плеча своим. Кицунэ едва заметно сощурила желтые глаза.

— Как думаешь, адельфос, — Варац облокотился на прилавок, явно скучая. — Будет в нашей жизни что-то веселее, чем это?

— Ты то же самое в прошлый раз спрашивал, — усмехнулся Къол, заворачивая статуэтку в хрустящий пергамент и протягивая ее покупательнице. — Наedoji. Долгая жизнь дурно на тебя влияет.

— Думаешь, я не знаю? — огрызнулся чародей. — Боже мой, какая скучища.

Он повернул голову направо, где иллюзионисты отрабатывали обещанный им гонорар, и вздохнул с тоской.

Послышались отдельные обеспокоенные восклицания. Чародей тут же выпрямился и вытянул шею, выглядывая, что в толпе вызвало переполох. Вскоре он увидел.

По земле медленно ползли живые лианы. Постепенно они обвили настил площади, фонтан в ее центре, поползли к домам, и устремились вверх по их стенам.

— Что за твою мать?.. — пораженно вымолвил Къол.

Варац рассмеялся.

— Расслабься, адельфос, — он с улыбкой оперся о стойку. — Расслабься и получай удовольствие. Кирья, может, и нестабильная магическая аномалия, но свое дело знает. Доверься процессу.

Площадь окрасилась в рыжие цвета; вокруг возникли неведомые кусты и деревья, из земли выростали камни, даже небо преобразилось и переливалось красками, как водянистая акварель. Толпа восхищенно озиралась и трогала руками деревья и траву, которые ощущались почти настоящими. Птицы пели в кронах и то и дело слетали вниз, кружа над горожанами и садясь им на руки.

Потянулся народ с карнавала, привлеченный видимыми с любого края Чинджу верхушками деревьев. В воздухе пахло чем-то свежим и горьковатым, подул легкий ветерок. По площади прошел голос, доносившийся сразу отовсюду. Он был женским, теплым, с приятной для слуха хрипотцой.

— Когда-то мир был совсем другим. Юным, диким и переменчивым, — сказал голос тоном сказочницы. Народ заозирался, ища его источник, но источника не существовало. Голос был такой же иллюзией, как и окружающие их пейзажи старого мира. — Воздух в нем был живым.

Лилит увидела, как пространство сгущается и обретает цвета. Перемигивается, летает и кружится, будто в нем играют множество живых существ. Дети принялись восторженно гоняться за огоньками, пока родители молча, замороженно смотрели.

— Мы называем его “старый мир”. В нем жили люди, эльфы и кхин.

Следуя за повествованием, из воздуха соткались несколько высоких, рогатых существ с пепельной кожей, одетых в белые одежды. На другой стороне площади появились эльфы;

рослые, худые и изящные, с глубочайшего цвета синими глазами, длинными ушами и движениями, исполненными воздушного изящества. Народ, который уже немного пообвыкся с идеей этого спектакля, облепил их, держась на расстоянии и не трогая их руками, лишь разглядывая и продолжая слушать голос.

Толпа все плотнела и начинала вылезать за пределы площади. Дальние ряды не видели эльфов и кхин, и забирались повыше, на козырьки прилавков и уступы крыш, чтобы получше рассмотреть их.

— Дикая магия была повсюду. Она была в воздухе, в каждом жесте, в каждом взгляде, и все вокруг менялось и подчинялось ей. Пока...

Лилит прекратила дышать. Красочное небо потемнело, исчез иллюзорный солнечный свет, ветер задул сильнее. Зрители отступили от центра площади, попятившись назад. Голос продолжал:

— Пока в мир не пришла смерть. Мертвые ветра вихрем пронесли по землям и водам, уничтожая живой воздух.

Деревья нагужно, тревожно заскрипели. Их разноцветные листья выцвели, приобретя знакомый синий цвет.

— Катаклизм заставил мир измениться. Он сделал его жестоким, гиблым и запустелым. Разрастались пустыни, голодали все живые существа.

— Минг, — тихо шепнула Лилит на ухо кицунэ. — Не увлекайся.

Кицунэ послала ей быстрый взгляд, и едва слышно вздохнула.

— Но люди смогли выжить, — продолжал голос. Воздух вновь осветился, и теперь площадь усеивала уже не неведомая глазу фауна старого мира, а привычные дубы, клены и ели. — Отстроиться, приспособиться. Они заселили новый мир, постепенно покорив непроходимые джунгли, бескрайние пустыни и вечную мерзлоту. Постепенно природа восполнила то, что потеряла, и леса и моря вновь наполнились жизнью. Наступил и расцвел новый мир, который мы знаем сегодня. Мир людей.

Толпа зааплодировала. Лилит одобрительно подмигнула Минг.

— А теперь... — она склонилась к ее уху, и что-то зашептала.

— Старый мир оставил нам мало напоминаний о себе, — вновь зазвучал голос. — Но его частица сохранилась глубоко под землей, в руинах, куда спускаются отважные археологи, чтобы отыскать в них крупницы прошлого.

Варац толкнул Кьола локтем. Заслушавшийся островитянин опомнился и замахал руками, подзывая народ. Голос утих, а иллюзии медленно растаяли в воздухе. Толпа начала медленно рассасываться по площади. К прилавку Кьола подошло несколько заинтересованных покупателей с детьми, которые с восхищением касались статуэток под впечатлением от увиденного представления. Варац, верно поймав настроение, живо и детально описывал островные археологические экспедиции, в которых и были получены эти статуэтки, и указывал на сколы и шероховатости, продавая старину.

Видя, что работы у Кьола и Вараца теперь непочатый край, Лилит удовлетворенно улыбнулась и кивком указала на площадь, приглашая Минг пройтись. Они в молчании дошли до неработающего фонтана, и уселись на его край. Лилит показалось, что глаза кицунэ приняли несколько печальное выражение. Она догадывалась, что чувство утраченного дома, которое преследовало Минг, скорее всего принадлежало ее демонической части, той, которая хранила в себе память о старом мире. И, вероятно, до сих пор, даже спустя много тысяч лет, тосковала по нему.

— Как бы ты закончила историю, если бы я не вмешалась? — спросила Лилит, вода взглядом по людной площади.

Минг подняла опущенную было голову, и запрокинула ее к небу.

— Разрастались пустыни, — повторила она. — Голодали все живые существа. В мир пришла смертность, и мир напитался страхом. Страх побудил людей истребить и подчинить себе все, что слишком сильно отличалось от них. За счет этого они выжили, и расплодились на мертвой земле как падальщики, которые доели останки старого мира. Они не убивали новый мир. Он уже был мертворожденным.

Кицунэ опустила глаза. Лилит усмехнулась.

— Что ж. Хорошо, что вмешалась, — сказала она. — Шучу, лисица. Один очень уважаемый чародей посоветовал мне не цепляться за прошлое, и я передам его совет тебе. Я могла бы понять твою тоску, — Лилит посмотрела на нее. — По-настоящему понять. Но не буду. Потому что хочу еще пожить в этом мертворожденном мире.

Минг едва заметно кивнула, и спрыгнула с края фонтана. Она скрестила руки на груди, рассеянно обводя взглядом площадь.

— Я пойду. Найду Сакусэ.

— Увидимся, — кивнула ей Лилит, и подобрала под себя ногу, уставившись на прилавок Кьола. Она долго смотрела на Вараца, который забвенно тараторил с покупателями. Смотрела, и улыбалась чему-то своему.

Когда почти все статуэтки были распроданы, Кьол сложил оставшиеся в ящик, и очистил прилавок. Варац закурил, а Лилит подошла к ним.

— А, вот и она, — весело сказал чародей, и отвесил ей легкий поклон. — Мое почтение, кирья, вышло просто прекрасно.

— Учитесь, пока жива, — Лилит оперлась руками о прилавок, смотря на Кьола. — Еще знаешь что можно? Заплатить пяти-шести придуркам, чтоб толпились возле прилавка, разглядывали и спрашивали. Людей привлекает чужой интерес.

— Я запомню, — рассмеялся довольный Кьол.

— Как ты Минг уболтала?

— Я не убалтывала, — пожалала плечами Лилит. — Она сама. Я только проследила, чтоб она не утопила площадь в детских слезах своей трагичностью.

— Надо ее поблагодарить, — убежденно сказал Кьол. — Знаешь, что она любит?

Лилит и Варац переглянулись.

— Человечину и рисовый хлеб, — со смехом ответила Лилит. — Не беспокойся. Я передам ей твою признательность.

Откуда-то сбоку к ним подошла глава труппы иллюзионистов. Лилит повернула к ней голову.

— Аджумма, — кивнула она. — Кьол, отсчитай ей сто, будь добр.

Глава труппы посмотрела на нее с возмущением.

— Э-э, нет! — протянула она, упирая руку в бок. — Вы вообще видели, что мои ребята сделали? Последние соки из себя выжали! Осязаемые иллюзии, где вы такое видели!

Лилит медленно расплылась в довольной улыбке, и блаженно зажмурилась.

— Твою мать! — радостно сказала она, резко хлопая рукой по стойке. — Как же я надеялась, что ты это скажешь!

Она выпрямилась, и медленно подошла к женщине, смотря ей в темные глаза. При приближении Лилит та ощутимо занервничала, но не попятилась. Она задрала голову,

стойко сохраняя визуальный контакт. Лилит встала к ней вплотную, и вкрадчиво улыбнулась.

— У меня сегодня трудная ночь, аджумма, — тихо сказала она. — Поэтому если не хочешь узнать, во что превратится твое лицо после прямого удара вот этим, — она подняла протез на уровень своей головы и помахала пальцами. — Советую прикусить язык и пойти по своим делам.

Женщина возмущенно поджала губы, явно приготовившись закатить скандал. Лилит тихо свистнула, и быстрым, неуловимым движением положила протез ей на челюсть, взяв ее за лицо.

— Знаешь, что бывает, когда голову сжимают тисками? — Лилит слегка сдавила протез. Женщина дернулась назад, но Лилит держала крепко. — Кости дробятся на осколки, впиваются в мышцы и режут капилляры. Боль невыносимая, ее мало кто переживает, — Лилит перехватила женщину за заднюю часть шеи, и приблизила ее лицо к своему. — Хочешь проверим, переживешь ли ты?

Женщина молча прикусила дрожащую губу, и едва заметно помотала головой. Лилит удовлетворенно улыбнулась, убрала руку и хлопнула ее по щеке.

— Так и думала, — она отстранилась, сделала шаг назад и уселась на прилавок. — А теперь вали. Сотню не получишь. В следующий раз подумаешь, кого развести пытаешься.

Женщина тут же последовала ее совету, спешно ретировавшись к замершим в отдалении иллюзионистам, которые встретили ее взволнованными и растерянными взглядами. Смотря на Лилит с задумчивой интригой, Варац протянул ей свою крученку. Кьол кашлянул.

— Я мог бы и заплатить, — сказал он вполголоса. — Зачем ты ее так?..

— Захотелось, — ответила Лилит, делая затяжку. — Иначе она бы тут такую сцену закатила, что до утра бы со стражей разбирались.

Кьол слегка неодобрительно покачал головой, и отсчитал из ящика с выручкой сто юнов. Он покинул прилавок, и направился к иллюзионистам, сжимая в руке небольшой мешочек. Лилит стряхнула пепел.

— Ну и дурак, — сказала она, возвращая дымящуюся крученку Варацу. — Всепрощение доводит до того, что на тебе все подряд до старости будут ездить.

— А он и не против, — Варац затянулся, и затушил окурок. — И ему совершенно не в тягость. Что, наверное, никогда не перестанет быть для меня удивительным.

Женщина торопливо приняла юны из рук Кьола, и погнала трупку, пока он не передумал. Подхватив деньги и свои нехитрые пожитки, они мгновенно растворились в толпе, а островитянин вернулся к прилавку с довольной улыбкой на лице.

— Отмечать? — предложил Варац, и посмотрел на темное небо. — До утра время еще есть.

Лилит с досадой цокнула языком, и рассмеялась.

— Знаешь, что было бы здорово? — она достала из кармана монетку, и принялась резво вертеть ее в металлических пальцах. — Провести по карнавалу Ежа. Вообрази, — она развернулась в пол-оборота, и указала рукой на кипевший вдали карнавал. — Он проходит в колонне вниз по улице, а потом замирает в центре площади. Вот это было бы легендарное завершение ночи.

Варац со смехом покачал головой.

— К сожалению, за пару колоколов мы такое не организуем.

— Может, в следующий раз, — улыбнулся Кьол.

— Брось, — махнула рукой Лилит. — Не будет никакого следующего раза.

Повисла недолгая тишина, в которой каждый из них по-своему осознавал смысл этих слов. Къол и Варац делили понимание, что что-то привычное заканчивается, и начинается нечто совсем иное. Это было немного грустное и зловещее чувство, но в нем было и предвкушение, и интерес, и готовность к чему-то новому. В целом, оно идеально подходило дню первородного пламени, который отмечал зарождение и окончание мира.

— Зато все еще есть этот, — Лилит спрыгнула с прилавка. — Пожрем и погуляем, уважаемые? Тоже ничего развлечение.

— Истинно так, — согласился Варац.

— Чур я выбираю место, — Къол наставил на Вараца палец. — И даже не спорь! Хватит с меня твоих приличных заведений!

Чародей покорно вскинул руки в воздух.

— Сдаюсь. Выбирай. Только не в порту, ради всего святого!

— Посмотрим на твое поведение, — Къол подхватил в руки ящик с заработанными юнами и несколькими нераспроданными статуэтками. — Пошли. У меня с вечера еще в животе урчит...

Они поели и прошились по городу, в котором постепенно утихал праздник, болтая обо всем на свете. Ночь выдалась насыщенной на события, и им всем нужно было немного выдохнуть. Поэтому их разговор был отвлеченным и наполненным приятной, расслабляющей бессмыслицей. Варац и Къол поделились с Лилит несколькими историями из своих студенческих лет, с хохотом припоминая их подробности. Они обсудили политику и международные торговые соглашения, которые Север обновил совсем недавно на более выгодных для себя условиях. Лилит рассказала о беспокойной внутривластной ситуации Севера, приправив свой рассказ последними слухами о хитросплетениях сложных взаимоотношений высокородных домов. Попутно поболтав о еде и напитках разных народов, рассвет они встретили уже в коттедже, где Къол быстро собрал свои вещи. Затем они отправились в порт, где уже шла посадка на корабль до Островов.

— Все, поехал, — Къол поправил наплечную сумку, и обнял Вараца с теплой улыбкой на лице. — Давай, дорогуша. Напиши, где в итоге осядешь.

— Как только, так сразу, — Варац похлопал его по спине, и отстранился. — До встречи, адельфос.

Къол потрепал его по голове, и Варац возмущенно выругался. Островитянин посмеялся и повернулся к Лилит.

— Было приятно познакомиться, — она склонила голову. — Хорошо добраться до дома.

— Спасибо, — Къол поклонился в ответ. — Береги себя, Лилит.

Къол взошел на помост, и в последний раз помахал им с борта корабля, после чего скрылся из виду, отправившись располагаться в каюте.

— Будем провожать корабль взглядом, пока он не скроется за горизонтом? — со смешком спросил Варац. — Можем платком помахать. У меня есть.

— Мне работать надо, — Лилит несильно толкнула чародея локтем. — Меня ждет многоуважаемый глава купеческой гильдии.

— И верно. Тогда пойду воевать с бессонницей, — Варац глубоко вдохнул морской воздух.

— Там увидимся, — Лилит развернулась и зашагала прочь с пирса, направившись вдоль порта к трехпалубному кораблю с носовой фигурой в форме лошади.

На помосте ее уже ждали. Плечистый сульянский юноша с военной выправкой представился помощником капитана Корра, и любезно открыл перед Лилит дверь, ведущую на нижние палубы. В нос ударил крепкий запах жженной лаванды, которой контрабандисты маскировали смрад гидр. Коротко улыбнувшись, Лилит прошла вперед и начала спуск вниз по лестнице.

— Как по вашему, ансан, — спросила она, чуть повернув голову. — Капитан сегодня в хорошем настроении?

— Капитан всегда в прекрасном расположении духа, — отвечал ей юноша холодным и вежливым тоном.

— Разумеется, — тихо усмехнулась Лилит. — Разумеется.

Они прошли по узкому коридору и остановились у неприметной двери. Юноша вновь поклонился, кивнув на нее:

— Прошу. Капитан ждет вас внутри.

Лилит улыбнулась, и поцокала языком. Одной рукой она ухватила за ручку и рванула дверь на себя, а другой втащила юношу внутрь, держа его за шкуру. Он не ожидал подобной резкости: Лилит умела нападать внезапно, ни взглядом, ни полу-движением не выдавая своих намерений. Она ударила его под колени, одновременно подгребая ворот металлической рукой. Падая, юноша потянулся к сабле на поясе, но Лилит поймала его руку каблуком и придавила к полу. Она с неудовольствием отметила, что слегка запыхалась даже от этой небольшой, в целом детской потасовки. Нужно было как можно скорее возвращаться к регулярным тренировкам.

— Спокойно, ансан, — она подтянула ворот, показывая, что контролирует все его телодвижения. Юноша мог кричать, но не кричал. Вместо этого он тяжело дышал, одной рукой оттягивая воротник своей мантии. — Давай обойдемся без драмы.

В полумраке она различила деревянный стеллаж и несколько швабр. Юноша молчал, и Лилит пыталась понять, почему. Довольно быстро она догадалась, что едва ли на сульянском судне легко прощают подобные ошибки, какую допустил помощник капитана.

— Жить хочешь? — наклонилась к нему Лилит.

Помощник не ответил голосом, но чуть погодя едва заметно кивнул.

— Хорошо. Тогда слушай внимательно. Иди к Корру. Наплети что-нибудь. Что что-то украли, что в корабле течь, мне все равно. Главное, выведи его из кабинета.

Юноша задышал реже, спокойнее. Тело его расслабилось. Лилит увидела, как он перебирает пальцами правой руки, надеясь усыпить ее бдительность и выхватить саблю.

— Или я могу просто убить тебя, и бросить голову на стол капитану. Думаю, его и такой исход устроит. Не считаешь?

Юноша сжал кулак.

— Умный. Все понимаешь, — Лилит отпустила его, и он торопливо поднялся на ноги, оглаживая смятую мантию. Одарив Лилит взглядом, полным высокомерия и злобы, он торопливо покинул кладовку и она услышала, как он стучит сапогами вниз по лестнице. Она тихо вышла вслед за ним, оглядываясь.

Прямо за ней располагался люк, который, насколько могла судить Лилит, вел на вторую палубу. Она распахнула его, и запах, резко ударивший ей в ноздри, подтвердил это предположение. Лилит прыгнула в темноту, часто моргая, чтобы глаза быстрее привыкли к ней. Она осторожно пошла вперед, вытянув перед собой руку. Послышалась легкая, недовольная возня и резкое дыхание побеспокоенных гидр.

Обогнув ближайшую к ней клеть, Лилит взобралась на нее, и уселась сверху. Гидры спокойно спали, лишь слегка потревоженные ее вторжением. Для них явно было привычным хождение людей вверх и вниз по палубам, к тому же Лилит предполагала, что их подпаивают, чтобы те вели себя тише и не так дурели от замкнутого пространства и общества друг друга.

Наверху застучали сапоги.

— Ну и что же ты решил, дружок? — сказала Лилит вполголоса, напрягая слух. Говорили на несколько голосов, отрывисто и громко. Что именно, было не разобрать, но это было и не нужно. — Неправильно решил, значит.

Ведущий на верхнюю палубу люк распахнулся, резко впуская в трюм дневной свет, и внутрь спустился сам капитан, сжимающий в руках факел. Прямо за ним на шел помощник, взмыленный и беспокойный. Корр, чьи глаза еще привыкали к полумраку трюма, принялся медленно обводить его взглядом, и Лилит тихонько свистнула, привлекая к себе внимание. Гидры недовольно зарокотали во сне.

— Доброе утро, ансан, — поздоровалась она, слегка покачивая ногой.

При звуке ее голоса помощник слегка вздрогнул. Член команды, показавшийся вслед за ними, принялся накладывать стрелу на тетиву. Лилит снова свистнула, в этот раз чуть громче и продолжительней, и гидры немедленно отозвались, беспокойно заворочавшись. Одна из них издала недовольный рык. Корр, не оборачиваясь, сделал властный жест рукой, приказывая прекратить любые действия. Матрос послушно замер. Капитан посмотрел в сторону Лилит, слегка шурясь в темноту.

— Давайте поговорим, ансан. Я ведь за этим и пришла. Зачем нам все эти спектакли и шантаж? Мне про ваших гидр — и рабов — было известно еще несколько лун назад. Как и про ваш договор с капитаном местной стражи. Доверять мне было бы только разумно, не считаете?

Корр зафиксировал взгляд на ее лице и подозвал ее к себе лаконичным и сухим жестом. Лилит тихо спрыгнула со своего наместа и медленно вышла из-за клеток, держа руки сцепленными сзади. Лицо капитана было строгим и хмурым, он был до крайности недоволен и разочарован, но вовсе не ее появлением или словами. Лилит посмотрела на помощника.

— Надо было меня слушать, — тихо сказала она.

Корр едва заметно кивнул матросу. Тот резко толкнул помощника капитана в спину, и юноша, не успевший даже потянуться к сабле, напоролся грудью на далл Лилит, который она извлекла из ножен в резком выпаде вперед. Его глаза медленно угасли, но Лилит не смотрела в них. Она смотрела на Корра. Отерев далл, она медленно убрала его в ножны.

— Прибрать мусор?

Корр педантично поправил воротник капитанского камзола, стряхнул с рукава пылинку, и коротко кивнул.

— Как разберетесь, буду ждать вас у себя в каюте, — он развернулся и скупой походкой направился вверх по широкой лестнице.

Тело было расчленено и скормлено гидрам, которым явно не впервой было лакомиться человечинной. Лилит, отмытая от крови и порядком утомленная, хотя полдень еще даже не наступил, сидела напротив Корра в мягком кресле изысканных интерьеров большой капитанской каюты. Сульянец налил ей выпить.

— Итак? — спросил он, кладя локти на стол. Он ждал пояснений.

— У меня не безупречная репутация, ансан, — Лилит глотнула прозрачный сладкий напиток, который обжег ей горло. — Но один пункт в ней постоянен и безукоризнен: я всегда выполняю данный мне заказ. Мой нынешний требовал моего присутствия на вашем корабле, невзирая на ваши угрозы. И вот я здесь.

— Похвально, — кивнул Корр. — И крайне мудро с вашей стороны, протягивать руку для сотрудничества. Даже в такой щекотливой ситуации.

Он медленно встал и продолжил уже более холодным и деловым тоном:

— Хоть ваше присутствие и стоило мне моего помощника, я предвидел подобный исход. Пока вы не давали повода себе не доверять, но я совершенно не верю, что на приеме вы говорили правду. Ваша порода не отличается честностью.

— Вы о том, что маэстро желает приобрести рабов? — улыбнулась Лилит. — Извольте, ансан. Вы же прекрасно знали kalb со змеиными глазами, которая шла с вами на этом самом корабле.

Корр впился в нее взглядом.

— И ехала наверху, в каюте, — Лилит снова глотнула, сохраняя расслабленную позу. — Хотя ей было самое место на нижней палубе, — Корр молчал и не двигался, и Лилит продолжала: — Что ж, вероятно, вам любопытно будет узнать, что kalb — которой она была рождена, и которой осталась до самой смерти — теперь кормит крыс в сточных каналах, поскольку имела наглость покуситься на жизнь маэстро. Он был ее бывшим хозяином, и она, видимо, затаила на него обиду.

Корр распрямился.

— Маэстро за этим вас нанял? Защищать его от вшивой kalb? — спросил он, не скрывая своего презрения.

— Маэстро нанял меня ровно за тем, с чем я подошла к вам на приеме. Сразу после покушения. Вид крови kalb разбудил в нем... — Лилит задумчиво распустила пальцы веером. — Ностальгию, если позволите.

Корр степенно кивнул.

— Вот что бывает, если снимать с шавок ошейники, — он качнул головой. — Кто-то считает, что их можно перевоспитать, но жизнь раз за разом доказывает обратное. Что ж, в ваших словах есть смысл. Вы доказали свою сообразительность и способность подчиняться приказам.

— Мое удовольствие, ансан.

— Таким образом, я предлагаю вам контракт. Я убежден, что на моем корабле есть слабое звено, которое саботирует работу судна. Пока мы не завершим текущий маршрут, эта проблема остается открытой, а ввиду деликатности груза, несет невероятную угрозу репутации не только купеческой гильдии, но и всей Гордой Нации.

— В чем заключается саботаж?

— Был убит наш интендант, и выкрадены накладные, что существенно задержало наше отправление из порта. Мы должны были покинуть Чинджу около луны назад. Я убежден, что саботаж идет изнутри, поскольку нарушена стабильность работы внутренних чар. Груз шевелится и периодически просыпается.

— На корабле есть чародеи?

Корр покачал головой.

— Мы используем печати. Я мог бы прибегнуть к прямым допросам, но мне не нужен бунт на корабле. Капитан должен быть заодно с командой, надеюсь вы это понимаете.

— Прекрасно понимаю, — кивнула Лилит. — Задача мне ясна, ансан. Выявить зачинщика, выяснить его намерения, при этом не вызвав переполох среди команды. И о сроках доставки груза забывать не стоит, верно? К сожалению, работать аккуратно и работать быстро в данном случае вещи взаимоисключающие. Поэтому мое предложение таково: продолжайте движение по маршруту со мной на борту. Команде мы можем сказать, что я была нанята в охрану вместо мертвой kalb. Ручаюсь, что к следующему входу в порт смутьян будет у вас в руках.

Корр задумался. В его глазах и позе прослеживалось сомнение.

— А что маэстро?

— А у маэстро появится прекрасная возможность оценить будущий товар. А затем сделать заказ напрямую, без посредников.

Капитан скрестил руки на груди. Лилит долго ждала, пока он задаст следующий вопрос. Но не ожидала, что он будет звучать так:

— Скажите мне как та, кто хорошо разбирается в людях. И будьте честны. Наличие маэстро на борту угрожает сохранности груза?

— Маэстро обладает тонким вкусом, ансан. Он не животное, чтобы убивать не принадлежащих ему kalb. Превыше всего он ценит право собственности.

— Я о его вчерашней выходке на приеме. Подобное ребячество вызывает истинное недоверие. Маэстро нестабилен, и брать его на борт видится мне, как потенциальная угроза дисциплине на моем корабле.

Лилит улыбнулась:

— Вы преувеличиваете. Да, маэстро позволяет себе некоторые вольности, но он вполне может держать себя в руках, если того требует случай. Зачем ему портить отношения с тем, с кем ему предстоит вести дела в будущем? — Лилит сделала паузу, после чего добавила: — К тому же, уверена, он будет рад подарить вам одну из своих скульптур в качестве жеста доброй воли.

Корр перевел на нее задумчивый взгляд. Затем распрямился, сведя руки за спиной и демонстрируя свою безупречную осанку.

— Договорились, анса, — он протянул ей ладонь. — Раз причин задерживаться в этой дыре у нас более нет, выйдем из порта завтра же утром. Команда будет ожидать вашего с маэстро прибытия на рассвете.

Лилит встала и крепко пожала ему руку.

Варац задумчиво повернул голову, разглядывая след на полу. Дверь коротко скрипнула, и на пороге возникла до крайности довольная Лилит.

— Кирия, — кивнул ей Варац. — Как прошло?

— Есть что-то лучше, чем “изумительно”? Вот примерно так, — она крепко ударила ладонью по двери, выражая восторг. — Ты чего на пятно пялишься?

— Это не пятно, — качнул головой Варац. — Я нашел паттерн. Вот здесь незаконченная геба, — чародей поднял на нее задумчивый взгляд. — И круговое начертание напоминает часть печати.

— Или это просто закорючка, — пожала плечами Лилит. — Я к такому выводу в итоге и пришла.

Варац ничего не ответил, продолжив разглядывать кровавый след. Лилит бросила взгляд на Ежа.

— Может, хоть на улицу его вынесем перед отъездом?

— Он не пройдет в дверь, — Варац склонил голову набок.

— Ну что за сволочь, — разочарованно вздохнула Лилит. — И это — судьба чего-то древнего и хтонического? Пылиться внутри мертвой студии?

— Скорее, пугать нового съемщика, — Варац посмотрел на Лилит со смешинкой во взгляде. — Держу пари, у него впереди свое путешествие. Может, даже поинтереснее нашего.

— Хорошо, если так, — Лилит прошла в студию. — Он достоин лучшей жизни, уважаемой чародей.

— Что ж, — хмыкнул Варац. — Рад, что мои наркотические изыскания хоть кому-то принесли пользу, — он протер лицо ладонями и скрестил руки на груди: — Ну? Ты говорила, у тебя новости?

— И какие! — оживилась Лилит. — Завтра выходим из Чинджу. На корабле гильдии.

— Чего? — расхохотался Варац. — Ты же говорила, он тебя убить хочет?

— Хотел да перехотел, — Лилит рухнула на кровать. — Я ему в уши столько меда залила, чуть не подавился, бедняга. Поручил мне расследовать мои же преступления, вообрази. Возьмет нас на корабль до Синепалка.

— Где и сидит заказчик, надо полагать?

— Мэтро, — кивнула Лилит. — Не знаю, правда, что он с ним будет делать. Это Гильдия, их арестовывать все равно что Сульяну войну объявить. Ну да не мое дело, договорятся, чай не дети...

— А ты получишь оплату и гордо отправишься дальше в путь?

— Истинно так, — кивнула Лилит, и добавила с озорством: — Если все пойдет по плану, конечно.

— А что может пойти не по плану?

— Все! — весело ответила она, и с наслаждением потянулась. — Подозреваю, что с ансаном все не так просто. Он не из тех, кто чуть что сразу бежит за сторонней помощью. Он душнее запертого подвала, но даже послужной список не попросил. Крайне подозрительно!

— Но ты все равно сядешь к нему на корабль?

— Глупейший вопрос, дорогуша, — фыркнула Лилит. — Игра требует рисков.

— Какая изумительная чушь, — рассмеялся чародей. — Получается, возвращаемся на родной Север...

— Похоже на то. Ты счастлив?

— Чрезвычайно, — ехидно ответил Варац. — Мечтаю снова услышать звон колоколов и посмотреть полсотни публичных казней еще до завтрака.

— Тогда останешься доволен. Уважаемый чародей, — она подняла голову. — А рука моя где?

Варац задумался, а потом округлил глаза.

— Твою мать, — коротко сказал он, и выскочил на балкон, после чего оттуда донесся его возмущенный вопль. Он просунул голову назад в комнату, и на лице его было написано неподдельное негодование. — Ее нет!

Лилит издала короткий смешок, а потом расхохоталась в голос.

— Чайки, что ли, утащили? — недовольно хмурясь, Варац выругался. — Что за идиот...

Лилит перевернулась на бок, продолжая заливаться смехом.

— Вот он! — простонала Лилит. — Вот он, ваш хваленый научный подход!

Ее скрутило еще одним спазмом. Чародей с улыбкой закатил глаза, и махнул рукой.

— Вот из-за таких вещей я и был отвратительным студентом, — он вздохнул. — Прекрати потешаться над моими страданиями. Где теперь образец для исследования тканей брать, скажи пожалуйста?

— В смысле, где? — Лилит шмыгнула носом, и длинно выдохнула. — У Юки. Тело Афаа все еще у нее, если помнишь.

— И верно, — буркнул Варац. — Лучше ты сходи. Вряд ли она меня будет рада видеть после последнего визита.

— Та-та-та! — Лилит вскинула в воздух руку. — Я после твоих истерик у нее еще оплату за зелья выбивала, между прочим, ты мне и так за глаза должен. Вместе пойдем. Опустись глазки, извинишься, попросишь вежливо. Тоже мне, большая драма.

Варац фыркнул.

— Только потому что мне нужно закупиться в дорогу, — проворчал он.

Лилит ненадолго закрыла глаза, вдыхая, впуская в себя пространство. Удивительно, сколько всего успело впитать в себя это место за несколько коротких лун. Ее боль, ее сомнения, ее обреченность. Гордыню, уверенность, решительность. Отчаяние и смелость. Потерянность, запутанность, слабость, уязвимость. Интерес. Понимание. Принятие. Тьму.

— Варац?

— Кирья?

Лилит открыла глаза одновременно с длинным выдохом.

— Пошли к Юки.

Из приемной вышла уже знакомая Лилит тучная аньянгка. Лицо ее было опухшим и заплаканным. Глаза были опущены. Юки ободряюще приобнимала ее за плечо. Мальчика с ними не было. Лилит вернула взгляд в окно.

Проводив свою пациентку, Юки обратилась к ним с недовольством и раздражением:

— Пришли еще мне нахамить? Или одной банки мало было, все расколотить хотите?

— Юки, я прошу прощения за свое поведение, — сказал Варац, не отрывая взгляда от окна. — Это было грубо и неуместно.

— Да, было, — с нажимом сказала Юки. — Может, я всего лишь знахарка, но я не позволю выгнать ноги о свой труд. Особенно северянину, особенно в таком тоне.

— “Особенно северянину”? — вскинул бровь Варац. — Да что ты...

— Мы очень извиняемся за все неудобства, — перебила его Лилит. — И я лично хочу поблагодарить вас за помощь. За ампутацию, за шов и за ваше время. Юки, — Лилит отстегнула протез, и протянула ей культю. — Я не выздоровела. Это магическая хворь, которая, как ты и сказала, рано или поздно вновь даст о себе знать. Завтра утром мы покидаем Чинджу с надеждой найти решение в кругах чародеев, — она вернула протез на место, сжала и разжала пальцы. — Позволь нам взять с собой небольшой образец из тела Афаа. Это может спасти жизнь, даже несколько. Кто знает.

Юки недовольно нахмурила брови, но почти сразу же вскинула их с растерянным сочувствием, словно забыла, из-за чего сердилась.

— У вас были еще симптомы? — спросила она.

— Я после всей этой истории один большой симптом, Юки, — Лилит улыбнулась несколько грустно. — Не спрашивай, откуда я знаю. Просто знаю.

Знахарка озабоченно кивнула.

— Хорошо, — согласилась она, и бросила на Вараца хмурый взгляд. — Тебя я в свою

приемную больше не пушу. Ждите здесь.

Юки ушла, и Варац пробормотал что-то нелестное вполголоса. Лилит негромко шикнула на него, и несильно толкнула ногой. Чародей шикнул на нее в ответ, явно недовольный тем, что ему не дали высказаться, после чего они оба уставились в окно. Юки принесла баночку с черной пылью, напоминавшей стертый древесный уголь. Варац принял ее, и недоверчиво заглянул внутрь.

— Это все, что осталось? — спросил он.

Юки утвердительно кивнула. Чародей разочарованно поджал губы, и закрыл банку.

— Спасибо за все, — он неглубоко поклонился, и направился к выходу. Лилит задержалась, чтобы еще раз поблагодарить Юки.

— Надеюсь, вам повезет, аджумма, — негромко сказала ей знахарка. — Не теряйте веру. Только она одна иной раз показывает чудеса исцеления.

Лилит хотела вежливо улыбнуться, но вместо этого издала невеселый смешок, а ее рот исказился в скептической усмешке.

— Да? Мальчишке, которого я тут видела, помогла ваша вера? — вырвалось у нее. На душе стало гадко, и она махнула рукой. — Неважно. Спасибо за добрые слова, аджумма. Удачи вам во всем.

Лилит покинула приемную. Варац курил снаружи, сжимая банку одной рукой. Лилит встала рядом.

— Едва ли от этого будет толк, — чародей потряс банкой в воздухе. — Но лучше у нас ничего нет.

— Могло и этого не быть, — Лилит усилием воли выдавила из себя заунывную тоску, и встряхнула головой. — Последняя ночь в самом обаятельном городишке Аньянга. Чем хочешь заняться, уважаемый чародей?

— Любой чушью, которая придет тебе в голову, — Варац охотно подхватил смену тона на более беспечный. — Честно, я порядком устал от Чинджу, и едва ли буду по нему скучать. Но тебе ведь наверняка захочется в последний раз пройтись по знакомым местам, подышать предвкушением ностальгии? — спросил он с лукавой полуулыбкой.

— Знаешь, если Минг однажды решит тебя сожрать, я ей мешать не буду. Просто к сведению.

— Изрядный способ умереть, — кивнул Варац. — Даже почти заманчивый. Только пусть печень не ест, она безнадежно отравлена долгими годами моего вопиющего гедонизма.

— Я передам, — хмуро пообещала Лилит, пряча улыбку под показным недовольством.

Ночь перед отплытием прошла спокойно. Лилит и Варац прогулялись по Чинджу, который проводил их воплями пьяных бродяг, не трезвевших со дня первородного пламени. Духом ушедшего праздника по городу были разбросаны обрывки разноцветной бумаги, риса и полуувядших цветов. Они ненадолго заглянули в нору, которая еще не открылась, но уже перешла к новой владелице, и сейчас была под нехитрыми работами. Анэкуа, руководившая ремонтом лично, выглядела крайне довольной и даже почти приветливой. Оказывается, при перекладке пола она обнаружила еще несколько записок Дори, и теперь пересчитывала денежки и думала, как бы их поудачнее инвестировать.

— Главный в одном ошибался, — сказала она Лилит, сгребая со стойки очередную грудку юн. — Пока деньги лежат в подполе, они не работают.

Лилит согласно кивнула. Она тоже считала патологическую тягу Дори к запискам

скорее вредной, чем полезной. В качестве последнего жеста доброй воли она протянула Анэкуа серебряную флягу, которую нашла ранее за фальшпанелью.

— Гладко отстроиться, — пожелала она. — Надеюсь, в следующий раз тут будет что-то, кроме соджу.

Анэкуа приняла флягу, обежала ее опытным взглядом оценщика и коротко кивнула, убирая подальше.

— Бухло это дрянь, — сказала она убежденно. — И заезжих обслуживать не будем.

— А что будете?

— Работать, — аньянгка кивнула Лилит и улыбнулась уголками губ, всего на мгновение. Лилит не нужно было намекать дважды. Уважительно попрощавшись с новой главой подземного мира Чинджу, она покинула нору. Ей было бы любопытно взглянуть, чего добьется Анэкуа через несколько сезонов, какие наладит связи и какие отношения выстроит. Управление бандой было единственным, что Лилит, вероятно, не потянула бы, так ей казалось. Она встречала самых разнообразных главарей, и мало кто из них преуспел в этом нелегком деле. А те, кто преуспел, всю жизнь жили с мишенью на спине, привязанные к одному месту. Невозможность сбежать — главная причина, по которой Лилит никогда не взялась бы руководить бандой.

Вернувшись домой, они с Варацем болтали до рассвета. В основном о политике. Варац убеждал Лилит, что наследование титулов, земель и статуса это чушь. Лилит не соглашалась, утверждая, что только благодаря высокородным домам Север пока не превратился в бесправные болота. Они спорили о территориальных притязаниях архонов и том, насколько ограничена должна быть власть наместника. Диспут был долгим и жарким, и прогорел до самого рассвета, рассыпавшись пеплом с первыми лучами солнца. Когда повеяло утренним холодом и влагой, говорить уже не хотелось. И они просто сидели на полу, размышляя каждый о своем, пока громко не пробил портовый колокол.

Сборы не отняли много времени. Варац взял с собой несколько книг из своей коллекции, и минимум одежды, оставив платяной шкафу набитым нарядами и тканями. Лилит поправила лямку рюкзака, и замерла на пути к выходу, задержавшись возле скульпуры. Она присела напротив Ежа и погладила рукой очертания его морды, ощущая кожей прохладу листьев металла.

— Дай нам немного времени, — попросила она. — Я сейчас спущусь.

Варац с ухмылкой дернул бровью, но ничего не сказал. Он вышел, не до конца закрыв дверь, и Лилит услышала, как он спускается по лестнице. Она неглубоко вздохнула, поглаживая Ежа, прикрыла глаза и коснулась его лбом.

— Однажды мудрый кхин сказал мне, что ничто никогда не кончается по-настоящему. Хочешь знать, что я думаю?

Еж красноречиво молчал в ответ.

— Я думаю, что это утешение для детей. Все рано или поздно кончается.

Лилит дотронулась до холки скульптуры.

— “Жизненный путь имеет свойство совершать полный круг...” — она подняла голову к потолку. — Конечно, мастер. Только сверху спираль выглядит иначе, чем снизу. И ничто никогда не бывает, как раньше.

Она распрямилась и еще раз окинула взглядом Ежа, стараясь запомнить его таким, каким увидела впервые, когда зашла в студию, под завязку накачанная веществами.

— Прежним ты уже не будешь. Но будешь чем-то еще, — она вздохнула и шепнула: —

Долгой жизни.

Лилит развернулась, и покинула студию, ни разу не оглянувшись. Еж так и остался стоять на месте, смотря ей вслед своими безжизненными, рубиновыми глазами.

Лилит и Варац добрались до порта по полупустому, еще не проснувшемуся городу, и ступили на причал. Лилит кивнула на корабль, на палубе которого перекрикивалась готовившаяся к отплытию команда. По волнам простилался кроваво-красный след водяных бликов, отбрасываемый показавшимся из-за горизонта солнцем.

— Ahlan, ansa, — крикнул с борта один из матросов, подтягивающий катушки вантов. — Прошу на борт.

— Благодарю, — Лилит поднялась по мостику. — Капитан не просил зайти?

— Сказал, чтобы вы заняли гостевую каюту, — плечистый матрос резко потянул веревку на себя. — И не шастали по палубе, пока в море не выйдем.

— Так и сказал? — Лилит вскинула бровь чуть насмешливо. — Или это ваш экспромт, ансам?

— А, — пожал плечами матрос. — Будто есть разница?

Он покосился на Лилит со сдерживаемым смехом. Лилит и Варац прошли дальше, к двери на среднюю палубу. Они спустились вниз, поскрипывая досками и преодолевая полумрак плохо освещенных коридоров. Стойкий запах лаванды щекотал ноздри, и Варац недовольно чихнул.

Гостевая каюта была маленькой, меньше чем на пассажирских судах. Здесь едва можно было развернуться. Вещей Афаа видно не было — видимо, Корр велел здесь прибраться. Лилит аккуратно прислонила рюкзак к стене, и уселась на койку.

— Ну, все, — она окинула взглядом тесное пространство каюты. — Наш дом на ближайšie две луны. Кажется, скоро я возненавижу корабли сильнее лошадей.

— Не могу тебя винить, — Варац провел пальцем по пыльной поверхности пустого сундука. Он сделал пару шагов вдоль каюты, и замер, скрестив руки на груди. — Какой план, кирья?

— Для начала осмотрюсь. Пойму, где они держат рабов и бумаги. Там посмотрим, — Лилит подобрала под себя ногу. — А от тебя я прошу не вызывать у ансамна Корра поводов в чем-то нас подозревать. Веди себя спокойно и вежливо, если сможешь. А, еще я пообещала ему твою скульптуру. Ничего?

Варац непонимающе нахмурил брови, и помотал головой.

— То есть, ты хочешь, чтобы я не только расшаркивался с работоторговцами, но и осыпал их дарами, я верно услышал?

Лилит сдержанно выдохнула ноздрями.

— Варац, он вообще не хотел брать тебя на корабль. Мне пришлось чем-то его подмазать, а ты как думал?

— Думал, что ты проявишь достаточно уважения, чтобы не обещать что-то от моего имени, — взмахнул рукой Варац. — Я разочарован.

— Боже ты мой, — Лилит провела руками по лицу. — Он будет рад любой херне, которая выйдет из-под твоих рук, просто кинь в него чем-нибудь на откуп, и все. Это так трудно сделать?

— Ты правда не понимаешь? — Варац слегка склонил голову на бок. — Правда не понимаешь, почему я не хочу смотреть на Корра, говорить с ним, тем более вежливо, почему не хочу и пальцем шевелить, чтобы оказать ему какую угодно услугу? Или делаешь вид, что

не понимаешь, потому что тогда тебе придется признать, как вопиюще ты на меня наступила?

Лилит резко поднялась на ноги.

— Хочу напомнить тебе, что не брала на себя заботу о твоём хрупком внутреннем мире, — отчеканила она. — Я заключила сделку, чтобы ты мог оказаться здесь. Если эта сделка тебя не устраивает — корабль все еще стоит у причала.

На палубе дважды ударил колокол. Варац красноречиво посмотрел на Лилит.

— Уже нет, — коротко сказал он. — Спасибо, что не оставила мне выбора.

— Всегда пожалуйста, — Лилит вернула ему рассерженный взгляд.

Корабль медленно пришел в движение. Фонарь над дверью качнулся с едва слышимым скрипом. Варац отвел от Лилит взгляд, подвинул ее тыльной стороной ладони, и молча покинул каюту. Простояв в тишине несколько ударов сердца, Лилит злобно пнула койку, и выругалась.

— Вот поэтому, твою мать, я и работаю одна, — она принялась расстилать постель раздраженными, резкими движениями.

Немного успокоившись и приведя мысли в порядок, Лилит силой заглушила эмоции и переживания, которые мешали ей мыслить ясно. Она направилась в каюту Корра, которая располагалась здесь же, на средней палубе.

Капитан кивнул ей, стоило Лилит показаться на пороге, словно он уже ждал ее.

— Давайте к делу, — поторопил он, кладя локти на стол. — Расскажите, что вы планируете делать.

— Я действую по обстоятельствам, ансан, — Лилит степенно опустилась в кресло напротив. — Пока просто осмотрюсь. Познакомлюсь с командой.

Корр слегка вскинул бровь — как показалось Лилит, недовольно.

— Что ж, вы здесь профессионал. По крайней мере, я на это надеюсь.

— Я буду сообщать вам обо всем, что мне удастся узнать. На время действия контракта я ваши уши, глаза и прочие органы чувств, — Лилит поклонилась одной головой. — Но мне нужен доступ на все палубы, капитан.

— Исключено, — твердо ответил Корр.

— При всем уважении, — настойчиво продолжала Лилит. — Если мне удастся понять, как именно нарушена работа печати, это может дать мне информацию о саботере. И помочь понять его мотивацию.

— При всем уважении, — в тон ей ответил Корр. — Вы не академический чародей. Над чарами работали лучшие сульянские демонологи, и что бы ни нарушало их работу, это не в ваших силах и не в ваших компетенциях. Ваша задача — найти зачинщика. А для этого доступ на нижнюю палубу вам не нужен.

Лилит слегка дернула краешком брови.

— Как будет угодно, ансан, — покорно согласилась она. — Мне говорили, что сульянская Купеческая Гильдия — представительство лучших из лучших. Это так?

— Разумеется, — нахмурился Корр. — На наших кораблях работают только отборные, опытнейшие матросы.

— И вы наверняка проводите какую-то разведывательную работу, прежде чем допустить их на работорговое судно, верно? — Лилит слегка погладила кожаную обивку подлокотника. — У вас наверняка есть какие-то досье, или хотя бы список примечательных фактов. Этим вы согласны со мной поделиться?

Корр какое-то время молчал. Потом кивнул.

— Почему нет. Можете изучить их, если считаете это необходимым. Мой помощник передаст вам бумаги.

Лилит вежливо улыбнулась, слегка стискивая зубы.

— Благодарю. У вас будут какие-то прямые поручения?

— Пока нет. Но сделайте так, чтобы мне не приходилось вас разыскивать.

— Постараюсь быть на виду. Разрешите приступить к работе.

Корр кивнул, возвращая на нос пенсне и вновь беря бумаги в руки. Лилит поднялась с места, поклонилась, и вышла. Она успела заметить по меньшей мере четыре места, где могли храниться интересующие ее документы. И не сомневалась, что на деле их гораздо больше. А тот факт, что Корр отказался давать ей досье на месте, лишь подтверждал ее предположение о том, что она имеет дело с параноиком и перестраховщиком. Это слегка раззадорило ее, кровь побежала быстрее. Улыбаясь своему азарту и предвкушению, Лилит вышла на палубу подышать и понаблюдать за командой.

Она уселась на борт возле капитанского мостика, откуда хорошо просматривалась вся палуба. Команда непрерывно корректировала паруса, подстраиваясь под переменчивый ветер. Наблюдая за тем, как они координируются и перекрикиваются, совсем скоро Лилит поняла, что Корр и близко не исполняет функции капитана корабля. Выход из порта и взятие курса были интенсивным и важным моментом, в котором капитан попросту не мог отсиживаться в каюте, зарытый в бумаги. Нет, Корр был таким же пассажиром, как и сама Лилит. А держать курс, стоять у руля и командовать огромным экипажем он доверил другому человеку. Тому матросу, который встретил ее и Вараца на мостике ранее этим утром. Он не был одет иначе, и не носил никаких опознавательных знаков, указывающих на его звание, но команда безропотно выполняла все его приказы, отданные громким и властным голосом. Лилит наблюдала за ними до самой темноты, не двигаясь с места. Спустя некоторое время после заката, когда постепенно наступившую на палубе тьму освещали лишь соляные фонари, дважды ударил колокол. Послышались негромкие, дружные хлопки. Паруса были подтянуты и скорректированы, руль прочно закреплен замком. Они вышли в открытое море, и взяли курс на Синепалк.

Началась неспешная пересменка; часть команды отправилась ужинать, часть — отсыпаться. Лилит слезла со своего насеста, разминая затекшие ноги. Она пошла к двери наперерез помощнику капитана, с которого не сводила глаз весь день. Они неловко столкнулись у входа. Лилит отступила назад с вежливой улыбкой, жестом пропуская его вперед. Он посмотрел на нее почти оскорбленно, открыл для нее дверь, и придержал ее.

— Замерзли-таки, анса? — спросил он светлым голосом, проходя за ней внутрь. — Весь день сидите, простудитесь же.

— Проголодалась, ансан, — ответила Лилит, чуть поворачивая голову, чтобы он лучше слышал ее. — Сами-то не замерзли? Вы тоже весь день под ветром.

— Такая служба, анса, — весело ответил матрос. — Рыбу любите, надеюсь? Море ничем особо больше не балует.

— Я не привередлива, — кивнула Лилит. — Команда не будет возражать, если я присоединюсь к ужину?

— Ребятам нет дела, анса, до северянки особенно. На всеобщем у нас почти никто не говорит, и не потому что в Сульяне плохое образование, — с улыбкой сказал помощник. Хоть его слова и звучали грубо, он их таковыми явно не считал. Лилит с пониманием

улыбнулась.

— И хорошо. Потому что я по-сульянски тоже ни слова не знаю, — сказала она, останавливаясь у своей каюты. — И вовсе не потому что мне трудно даются иностранные языки.

Она испытала легкий укол удовольствия от того, как рот ее собеседника исказился в едва заметной, слегка презрительной гримасе. Галантно поклонившись, она зашла к своей каюте, и закрыла дверь.

Варац был внутри. Он лежал на койке, закинув руку за голову. В воздухе густо пахло ромом, на столе стояла початая бутылка. Соляной фонарик тускло освещал его задумчивое лицо и подсвечивал слегка затуманенный взгляд. Лилит сдержала усталый вздох.

— Ты где был весь день? — спросила она, облачиваясь на дверной косяк.

— Проводил инвентаризацию, — Варац перевел на нее взгляд, не поворачивая головы. — Так мы в академии называли нажиралово в кладовке.

Он поднес бутылку к губам, и отпил. Лилит подумала, что среди множества раз, когда она видела Вараца с алкоголем в руках, этот был первым когда он показывал очевидные признаки опьянения. Вероятно, дело было в роме. Лилит постучала носком ботинка по полу.

— Ты все еще дуешься? — спросила она.

Варац тихо фыркнул.

— Обиды это скучно. Я сам виноват. Мне стоило лучше отдавать себе отчет в том, что я связался с бандиткой, чья социализация ограничивается социопатическими манипуляциями и рабочими отношениями без намека на эмпатию, — он медленно присел, приняв вертикальное положение. — Не уверен даже, что тебе знакомо это слово.

— Куда мне, действительно, — Лилит посмотрела на него насмешливо. — Хочешь помочь, или будешь и дальше упиваться жалостью к себе?

Глаза Вараца сверкнули попранной гордостью. Он резко опустил ноги на пол.

— Ну-ка не смей! Я тебе и так многое позволяю, дорогуша!

— Я тронута, — ехидно улыбнулась Лилит. — Пошли поужинаем. И заодно погреем уши. Мне нужен переводчик.

Варац поднялся на ноги, слегка покачнувшись в процессе.

— Какая честь, что твой выбор пал на меня, — сказал он въедливым тоном. — На твое счастье, это кошмарное пойло разбудило во мне голод.

— Спасибо, — Лилит открыла перед ним дверь. — Я ценю.

Чародей негромко фыркнул, выходя наружу. Они направились к корабельной кухне, где ужин уже был в самом разгаре. Густо пахло соленой рыбой, зажаренной на дровяной печи. К ней подавали водоросли и немного хлеба — роскошь, которую моряки могли себе позволить только в первые несколько дней после выхода из порта. На сравнительно небольшой кухне стоял лишь один длинный стол, вмещавший за собой около десяти человек. Видимо, матросы принимали пищу по очереди.

Они шумно переговаривались и смеялись. Лилит и Варац взяли по глиняной тарелке и положили себе по куску жареной скумбрии и немного водорослей из большого общего котла. За столом стоял лишь один свободный стул, и один из матросов услужливо поднялся, уступая Лилит свое место. Она благодарно улыбнулась. Матрос подхватил свою тарелку и отошел, продолжая участвовать в разговоре. Лилит не спеша принялась за еду, прислушиваясь к тону их голосов. Пока было похоже, что они просто болтают о чем-то отвлеченном.

— Что-то интересное? — тихо спросила она, смотря в свою тарелку.

— Жалуются на жен, — ответил Варац, жуя водоросли. — Это интересно в твоей системе ценностей?

— Не особо.

В разговоре участвовал весь стол. Сульянцы, соседствующие с Лилит и Варацем, не обращали на них никакого внимания, смотря исключительно на говорящего. Лилит медленно ела, украдкой поглядывая на матросов. Варац слушал их, глядя в потолок со скучающим выражением лица.

— Последние местные слухи, — сказал он. — Что-то о терках шейхов, я потерял нить.

Лилит медленно прожевала и проглотила рыбу. Варац лениво качнул рукой, запрокинутой за спинку стула.

— Жалованье, — он сдержал зевок. — Капитан.

— Давай, — тихо сказала Лилит.

Варац немного помолчал, слушая разговор, который слегка убавил в тоне, когда речь зашла о Корре.

— Говорят, что он с захода в Чинджу сам не свой. И совсем ополоумел, раз нанял в охрану северянку. Радуются, что хоть рабыня больше не шастает по кораблю, будто ей все дозволено. Говорят... — Варац вернул запрокинутую голову в исходное положение. Лилит увидела, как его глаза блеснули любопытством.

— Что?

Чародей едва заметно улыбнулся, и вернулся к водорослям. Лилит увидела, как некоторые из матросов украдкой косятся на нее.

— Ничего. Обсуждают твои внешние данные, — Варац положил в рот ворох водорослей, и посмотрел на Лилит с насмешкой. — Переводить?

— Перебьюсь, — она укусила рыбу.

— Какая халатность, — возмутился чародей с набитым ртом. — А вдруг это важно для дела? Вот молодой человек например заметил, что у тебя костлявая задница. Второй возразил, что пока спина исправно гнется, это совершеннейшая мелочь.

Лилит продолжила сосредоточенно жевать рыбу. Стол засмеялся.

— Какая жуткая похабщина, — умилился Варац, на глазах приобретая интерес к диалогу сульянских моряков. — Они обсуждают предполагаемую глубину твоего горла, можешь вообразить? Не думал, что у моряков есть такой живой интерес к человеческой анатомии.

— Оборжаться, уважаемый чародей, — Лилит запила рыбу водой из деревянной кружки.

— Очень серьезный вопрос, кирья, — ответил Варац. — Животрепещущий, я бы сказал. Вот прямо сейчас было вынесено предположение, что ты из тех, кто любит, чтобы их хватили за волосы. А с другой стороны возразили, что северянки в постели никакущие. Было спрошено, откуда уважаемому моряку это известно, на что тот ответил, что лучшая проститутка в северном борделе и рядом не стоит с обычной сульянской давалкой. Я постарался сохранить исходную терминологию.

Заговорил помощник капитана. В его голосе чувствовалась властность, которая привлекла внимание Лилит. Он говорил с паузами, а стол притих, и слушал. Лилит не могла этого знать, но он говорил примерно следующее:

— Ты с северными трахаешься как с людьми, потому они тебе и кажутся никакущими.

Их надо брать как берешь рабынь, вот от этого они текут. И неудивительно, раз тоже на коленях выросли, — помощник капитана незаметно стрельнул глазами в сторону Лилит. — Эта? Гордая и деловая, пока не придушишь, потом еще умолять будет ей вставить. Все северянки такие.

— Странно, — сказал Варац по-сульянски, отпивая воды из кружки. Стол разом замолчал. — Все северянки, которых знал я, уже начистили бы тебе рожу за подобные риторические вольности. И были бы правы.

Моряки переглянулись несколько смущенно, поняв, что все это время их подслушивали. Лишь помощник капитана и бровью не повел:

— Это не наша вина, ансан, что северяне девок своих удовлетворить не могут.

Варац улыбнулся, и слегка сощурился.

— Сульянцы живут в какой-то поразительной иллюзии, что весь мир пускает на них слюни, тогда как в действительности все считают вас дутыми пустышками. В вашей нации нет ничего гордого, ансан. Горделивое, максимум. А девушки, о которых вы так пренебрежительно отзываетесь, потешаются над вами в примерных, потому что в процессе вы не в состоянии оторвать глаз от зеркала, — Варац поднялся из-за стола, сопровождаемый дюжиной недовольных взглядов. Он подошел к помощнику капитана, и сочувственно хлопнул его по плечу. — Не отчаивайтесь, ансан. Размер в этом деле не главное.

Послышался одиночный смешок, но остальному столу шутка не пришлась по душе. Чародей вышел из кухни. Лилит, которая поняла лишь, что Варац и здесь умудрился оказаться в своем репертуаре и вывести из себя второго человека на корабле, спешно последовала за ним.

Она нашла чародея на палубе, где тот курил на капитанском мостике. Лилит молча подошла к нему. Она скрестила на груди руки и уставилась в темную воду, рассекаемую килем корабля.

— Валяй, — вздохнул Варац. — Отчитай меня за недалёковидность и скажи, что я мог бы еще полторы луны подслушивать их кошмарные сплетни, что было бы гораздо полезнее.

Лилит протянула вперед руку, и забрала крученку из его пальцев.

— Что бы ты ему ни сказал, наверняка было приятно, — она затянулась. — Так?

— Не то слово, — усмехнулся чародей. — Крайне противный тип.

Лилит улыбнулась, и вернула ему крученку.

— Тогда хер с ним. Жить стоит ради удовольствий, в том числе удовольствий ставить на место разнообразных сволочей. А я придумаю что-нибудь другое, не впервой.

Варац вскинул бровь.

— Какое неожиданно здравое суждение. Ты не простыла?

— Хуже, — пожаловалась Лилит. — Мне не все равно, и пока что это мой худший недуг, включая некромикаре, — она сдержанно вздохнула, и снова уставилась в воду. — Мне не стоило обещать от твоего имени. И да, я понимаю, почему ты презираешь работорговцев. По крайней мере думаю, что понимаю.

Она провела рукой по борту корабля, чувствуя кожей мелкие сколы и неровности лакированного дерева.

— Я не привыкла принимать в расчет даже свой комфорт, Варац. Для меня нет слишком высокой цены за достижение цели. И я все еще привыкаю к тому, что для тебя это не так.

Повисла недолгая пауза.

— Ничего, кирья, — сказал чародей, выдыхая дым. — Обычно мы оба бы уже сбежали.

Лилит согласно кивнула, покусывая внутреннюю сторону щеки. Что бы она отдала, чтобы сбежать от всего, что ей пришлось пережить и взять на себя за последний сезон. Но обстоятельства все глубже хоронили ее под собственным весом, мешая пошевелиться. И она не была уверена, как бы чувствовала себя, столкнись она с ними в одиночку. Может лучше, может хуже, может настолько иначе, что сравнение вообще было бы неуместно. Она знала одно: спекулировать и рассуждать на эту тему ей совершенно не хотелось. Ей хотелось стоять на палубе рядом с Варацем и слушать, как парус хлопает на холодном морском ветру. К счастью, присутствие чародея всегда неплохо отвлекало ее от непрошенных самокопаний. И за одно это Лилит была ему невероятно благодарна.

Первая тамиса плавания прошла в относительном спокойствии.

Ветер был попутным, море не бушевало. Команда работала слаженно, в привычном для себя темпе.

Большую часть дня Варац проводил на палубе, закутанный в меховую накидку, и распивал купленный в Чинджу связанный чай. Внимательный глаз мог заметить, что чародей угрюмее и смурнее обычного, и часто подолгу разглядывает белый камень источника, задумчиво вертя его в длинных пальцах. Лилит не заметила; всю тамису она ползала по кораблю, изучая его строение, и наблюдала за Корром и командой. Она выяснила немного; только то, что рабов на корабле не меньше полусотни, и они содержатся в закрытом помещении на нижней палубе, которое непрерывно охраняется членами команды, сменяющими друг друга на круглосуточном посту. Сложно сказать, что было недоступнее; это помещение или капитанская каюта.

Досье, на которые Лилит убила добрую ночь, не принесли ей никакой ощутимой пользы. Они не были детальными, и содержали в основном информацию о предыдущих местах работы, семейном положении и поручителях членов команды. Ничего, что можно было бы использовать. Отложив в голове парочку любопытных фактов, Лилит вернула досье Корру и вернулась к наблюдениям и поиску.

Помощника капитана, которого Варац унизил за ужином, звали Каср. Лилит поболтала с ним еще несколько раз, проверяя, окончательно ли чародей сжег мосты, или их все еще возможно восстановить. На нее Каср обиды не держал, и при разговоре один-на-один был вежлив, даже дружелюбен. Лилит не приставала к нему, но старалась быть у него на виду. Иногда он подходил поболтать, и каждый раз спрашивался о том, не мерзнет ли она. Каждый раз Лилит отмахивалась привычными отмазками о северной закалке, и поддерживала пустую болтовню ни о чем.

Сегодня была мисофингара — конец первой тамисы прибывающей луны. Лилит ненадолго вынырнула из размышлений, и отправилась найти Вараца чтобы поговорить с ним. Она ощущала себя в мыслительном тупике, и в такие моменты было полезно сойти с протоптанных умственных дорожек, отвлечься и сменить перспективу. Она обнаружила чародея на палубе; он сидел на досках, просунув одну ногу между перил капитанского мостика. Лилит уселась рядом. Варац недовольно шмыгнул слегка покрасневшим носом.

— Кошмарный ветер, — пожаловался он. — Я продрог.

— Ты сам тут сидишь целый день, — заметила Лилит.

— В каюте качка, — Варац глубже укутался в меховую накидку. — Пойди мы до Синепалка пешком, я был бы счастливее.

— Соскучился по личинкам и корнеплодам?

— Дорогуша, для нормальных людей существуют тракты, стоянки и постоянные дворы. И лошади, просто к сведению.

— Какая скучища, — со смехом фыркнула Лилит. — Ладно, в следующий раз поедем в экипаже. С условием, что ты платишь.

— Наглость и хамство! — возмутился Варац. — Если я плачу, то ты едешь верхом на муле.

— Продано, — охотно согласилась Лилит. — Мулы куда спокойнее лошадей.

Варац заинтересованно посмотрел на нее.

— Что? Лошадь может убить копытом, да будет тебе известно. Огромная, непредсказуемая гора мяса, — Лилит слегка передернуло.

— Дорогуша, ты дралась с гидрой с палкой в руке, — ответил Варац с насмешкой. — И боишься несчастной лошади?

— Это не я боюсь, — отмахнулась от него Лилит. — Ты знаешь историю.

— Знаю, — кивнул Варац. — Но это не делает твой страх менее забавным.

Лилит скорчила ему гримасу. Чародей негромко посмеялся.

— Как твои успехи? — поинтересовался он.

— Плохо, — Лилит пожалла одним плечом. — Корр безвылазно в каюте. Спит, ест, даже по нужде ходит внутри, судя по всему. За тамису вышел оттуда трижды, и каждый раз возвращался меньше чем через колокол, — Лилит побарабанила пальцами по доскам. — Ума не приложу, как его выманить.

— Устрой пожар, — со смехом посоветовал Варац. — Это твой любимый прием, я слышал.

— Среди наших есть такое понятие, как “чисто и гладко”, — Лилит качнула ногой. — Допустим, нужно обнести лавку. Ворваться внутрь, разгромить все и вынести необходимое сможет каждый идиот. А вот войти тихо, не потревожив хозяев, да еще и обокрасть так, чтобы они это не сразу поняли — это искусство, уважаемый чародей. По моему опыту, второй тип наемников живет гораздо дольше и карьеру делает успешнее.

— И ты к нему относишься?

— Раз на раз, — Лилит дернула уголками губ. — Сейчас, видишь, думаю как обойтись малой кровью. Пока безуспешно, впрочем.

— М, — кивнул Варац. — На корабле есть печать. Ты в курсе?

— Корр упоминал, что они используют ее для усыпления рабов, — кивнула Лилит. — Еще упоминал, что она сбоят. Он уверен, что ее стабильность нарушает кто-то из команды, но я думаю что дело в... — она помотала запястьем в воздухе, оборвав мысль на полуслове.

— Твоей дикой магии, — закончил за нее Варац. — Очевидно же.

— Вероятно, — сдержанно вздохнула Лилит, и посмотрела на чародея. — А ты про нее знаешь от...?

Варац молча продемонстрировал ей камень источника.

— Понятно, — кивнула Лилит, подбирая под себя ногу. — Ну и? Нашел ее?

— Думаю она там же, где и рабы. И, вероятно, работает через касание или на небольшом расстоянии, — Варац повертел камень в руках. — Еще я думаю, что тебе нужно ее сломать.

Лилит бы непременно поперхнулась, будь у нее во рту жидкость.

— Спятил? — только и спросила она.

— Давно и надолго, — кивнул Варац, подбрасывая камень в ладони. — Но подумай сама, какой это вызовет переполох. Наверняка Корр убежит лично разгильячивать подобный беспорядок. И вряд ли уложится в один колокол.

— Варац, их там не меньше полусотни, — Лилит слегка понизила голос. — И они спят с самого Сульяна. Ты представляешь, что тут начнется? Если они не найдут способ усыпить их обратно, скорее всего они просто развернут корабль.

— Не развернут, — пожал плечами Варац. — Работоторговые суда и без печатей

прекрасно ходят. Это Гильдия, дорогуша. Они выше любого закона, поверь мне на слово.

Лилит сощурилась на него.

— Ты правда считаешь, что это хороший ход? Или ты просто хочешь освободить рабов? — резко спросила она. — И в чем твой грандиозный план? Материализуешь для них оружие, мы вырежем всю команду, потом я обучу их моряцкому делу с помощью дикой магии и мы гордо войдем в порт Синепалка, распевая песни о свободе и равенстве? Так?

— Пока я думал лишь о том, что не хотел бы провести добрый сезон в демоническом сне. В собственных нечистотах, вплотную обложенный телами таких же несчастных. Дверь не открывают, Лилит. Они там без воды и еды по меньшей мере с начала осени. Тебя это вот прямо совершенно не трогает?

— Варац, сколько раз мне повторять, что непредсказуемость это плохо? — Лилит уперлась лбом в перила. — Считай меня бездушной сволочью, если хочешь, но пока они спят, а корабль исправно следует маршруту, я контролирую ситуацию. В момент, когда это изменится и мне придется импровизировать, все покатится к черту.

Чародей взял небольшую паузу.

— Знаешь, что поразительно? — спросил он с легкой неприязнью в голосе. — То, как много тебе подвластно, и как сильно ты этой власти боишься. У тебя есть сила по-настоящему менять реальность — ты понимаешь, какой это редкий дар? А ты растрачиваешь его, заискивая перед работорговцами.

— Думаешь, много решит моя сила, если нас выбросят за борт? — раздраженно спросила Лилит. — Поразительно не это, Варац, а то с каким упорством ты пытаешься меня использовать, чтобы искупить свои грехи.

Варац положил руку на перила. Лилит отвернулась.

— Грех — это нарушение обещания, данного твоему божеству. Обещания следовать его пути и исполнять его волю, — чародей накинул на голову капюшон. — Я подобных обещаний не давал никогда. Теперь, — он повернулся к ней. — Ты хочешь услышать, что я думаю на самом деле?

Лилит ответила не сразу. Она сжимала и разжимала пальцы вокруг парапета перил, неуверенная, что хочет знать ответ.

— Говори уже, — негромко ответила она. — Ты и твои драматичные паузы.

Варац негромко усмехнулся.

— Я думаю, что ты тяжелый и неприятный человек, кирья. С тобой объективно трудно говорить, к тебе почти невозможно пробиться. И я бы и не подумал этого делать, если бы не необходимость и не аномалия. Именно она задержала меня возле тебя достаточно надолго, чтобы я смог увидеть чуть больше. Например то, что твоя дикая магия — далеко не самая интересная в тебе вещь. Еще когда ты проснулась на краю червоточины, тебе следовало понять, что с этого момента тебе не стоит доверять никому. Потому что людей тянет к силе, и они всегда ищут способы использовать ее для достижения своих целей, так уж устроен человек. И ты, которая во всем видит в первую очередь личную выгоду, должна это понимать лучше прочих. И я думаю, что ты поняла. Иначе не предложила бы мне этот идиотский пакт под совершенно надуманным предлогом.

Варац подул на замерзшие ладони.

— Обещание, которое ты с меня взяла, вовсе не про заговор и прочую наемничью чушь. Оно про обычное человеческое доверие, про необходимость быть увиденным и понятым. Мне это тоже не чуждо, к слову. И я согласился и по этой причине тоже, — Варац повернул

голову к морю. — Отсюда вопрос, кирья. Ты мне доверишь?

— Тебе обязательно вечно звучать так снисходительно? — недовольно фыркнула Лилит. — Безоговорочное доверие — это красивая чушь, Варац. Мы оба это знаем. Ни ты, ни я никогда поставим нужды другого выше собственных. Мы оба привыкли только брать. Уходить, и не думать о том, что оставляем за своими спинами. Мы привыкли использовать, не беспокоясь о чужом благополучии. Мы — две ублюдочные пиявки, которые играют на дне банки. Мы можем продолжить играть, чтобы посмотреть, кто уничтожит другого первым. А можем признать, что в эту игру невозможно выиграть. И сдаться.

Варац тонко улыбнулся.

— Можем ли? — спросил он с озорной ноткой в голосе.

— Твою мать, — Лилит несильно ударила ладонью по перилам. — Как же я тебя ненавижу иной раз.

— И именно поэтому я здесь, кирья, — чародей положил щеку на собственную ладонь. — Чтобы посмотреть, как ты неизбежно сдашься первой.

— Пошел ты, — фыркнула Лилит. — Это именно то, о чем я говорила. Доверие — это что-то между нормальными людьми. Вот это вот, — она поводила пальцем в воздухе, проводя между собой и чародеем невидимую нить. — Его не подразумевает.

— Не знаю, — пожал плечами Варац. — Довольно категоричное суждение, кирья.

Он поднялся на ноги.

— Продолжим в каюте, не возражаешь? Я же упоминал, что ненавижу болеть? — он шмыгнул носом.

— Продолжим что? — Лилит встала и направилась за ним. — Ты же вроде сказал, что хотел.

— Ошибаешься. Я задал вопрос, на который не получил ответа. И теперь я полон решимости попытаться тебя, пока не вытяну его, — Варац бросил на нее веселый взгляд. — Потому что я тоже крайне тяжелый и неприятный человек.

— Наконец-то сказал что-то дельное, — фыркнула Лилит. — Ты не тяжелый, ты наоборот. Но это ощущается куда хуже, почему-то.

— Любопытная формулировка, — Варац придержал ей дверь. — Раскроешь? Обожаю, когда меня судят другие люди, прямо жить без этого не могу, веришь?

— А тебе можно, значит? — Лилит резко остановилась на лестнице, чтобы одарить Вараца возмущенным взглядом.

— А я сначала спросил, — невозмутимо ответил чародей.

Лилит отвернулась и зашагала дальше.

— Пожалуй, что раскрою. Ты въедливый и пронизательный, а это кошмарное сочетание. Ты не просто знаешь, где поковыряться, но еще и кайфуешь от этого. Поэтому выносить тебя сможет только тот, кому по душе такие извращения.

— Тебе по душе, получается? — со смешинкой спросил Варац.

Лилит открыла дверь их каюты, и зашла внутрь.

— Я этого не говорила, — с неохотой ответила она.

— Но и обратного не утверждала, — заметил чародей, снимая накидку и потирая замерзшие ладони.

— Вот об этом, — Лилит несильно ткнула его пальцем в грудь. — Я и говорю. Вцепишься и не отпустишь, пока не напьешься.

Варац рассмеялся, усаживаясь на свою койку и подбирая под себя ноги.

— Что есть, то есть, — согласился он. — И, оставаясь верным себе, я обязан напиться. И я сейчас не про этот кошмарный ром говорю.

Лилит устало отмахнулась от него, и включила магическую горелку, на которой стоял чайник с дождевой водой.

— Валяй. Все равно не отстанешь ведь.

Варац кивнул.

— Сатори, — сказал он. — Ты сама назвала его одной из причин, по которой можешь мне доверять. Ты ведь говорила не о том, что увидела через него кристальную чистоту моих намерений, верно?

Лилит отвела глаза. Она вспомнила глубокий резонирующий звук в полной темноте, наполненной агонизирующей болью.

— Так и думал, — чародей подался вперед. — Это был совершенно кошмарный опыт, который я ни за что не хотел бы повторять. Но этот звук, или ощущение, — он легко помотал запястьем в воздухе. — Это ведь был не сатори.

Лилит зарыла лицо в ладони, силясь подобрать слова для этого чувства. Они упорно не находились.

— Ну и?

— И, — Варац прислонился спиной к стене. — Я хочу напомнить тебе об этом звуке. Звуке, который и побудил тебя предложить мне пакт.

— Ты напомнил, — Лилит сняла чайник с горелки, и наполнила глиняную кружку. — Дальше что?

— Пока еще не напомил, — с улыбкой качнул головой Варац. — Тебе страшно, кирья, и я тебя не виню. Но ты позволяешь страху слишком многое, и делаешь это слишком долго.

Лилит развернула бумажный пакетик со связанным чаем, и бросила соцветие в кипяток.

— Не знаю, — ответила она. — Страх помогает сохранить жизнь.

— Страх помогает выжить, — поправил Варац. — Жизнью там и не пахнет. Или скажешь, что последний сезон был для тебя счастливым и приятным?

Лилит недовольно поморщилась.

— Нет. Не был.

— Вот именно. Поэтому вспомни ту ночь, в которой не было ничего, кроме ужаса. И вспомни чувство, которое выбивалось из него.

Лилит помнила. Очень хотела бы не помнить, потому что глубина всегда пугала ее. Но помнила ясно, так же, как всегда помнила собственное имя даже в непроглядной тьме, где не существовало памяти.

— И почувствуй его снова, — Варац подался вперед. — Ты, как и сатори, имеешь доступ к этой двери. Только в этот раз я впущу тебя по своей воле.

Лилит медленно взяла кружку обеими руками, неспешно отпила горячий чай, и вернула ее на стол. Сухость во рту не прошла. Она посмотрела на чародея прямым взглядом.

— И чего ты надеешься этим добиться?

— Я надеюсь, что ты, наконец, почувствуешь мое присутствие. Раз моих слов и действий недостаточно.

Лилит многое могла на это возразить. Но она остро ощутила, как мало скажут все ее возражения. Они были риторическими, логичными, умозрительными и понятными. Но они лишь подтвердят правоту Вараца, потому что будут служить одному единственному господину — ее собственному страху. Чародей был прав. Он был прав изначально, и был

прав во всем. Лилит молчала, одна за одной сдирая собственные отговорки и рационализации, как старые слои краски. Она сдирала их, пока не увидела гольное дерево, полное сколов, царапин и темных, спиленных сучьев.

— Ладно, — наконец сказала она, и подняла на него аметистовые глаза. — Но если я окончательно спячу, это будет на твоей совести.

— Договорились, — Варац согнул ногу, и расслабленно положил руку на колено. — По твоей готовности, кирья.

В ушах гулко зашумело. Лилит слышала лишь собственное дыхание, и постепенно ускоряющийся пульс. Она крепко стиснула ладонь, закрыла глаза и нахмурилась. На ее щеке выступила легкая испарина. Она выдохнула, и мир вокруг погас и потух, сменившись яркими вспышками и хаотичным мерцанием света разума чародея.

Даже сейчас он игрался с ней. Вполне осознанно, Лилит хорошо это чувствовала. Дразнящие, изворотливые движения его сознания, похожие на быстрые взмахи творящих чары рук, дышали беззлобной насмешкой. Она с улыбкой поддавалась этой игре, сделав вид, что не может за ним угнаться. Посмеявшись, Варац впустил ее, широко и безропотно отступая в сторону.

На поверхности были совсем недавние, еще не выцветшие воспоминания. Лилит не заглядывала них, лишь медленно проходила мимо. До нее доносился их запах, щекотавший ноздри любопытством, недовольством, скепсисом, насмешкой... Там был и другой, гораздо более густой и плотный, гораздо более тяжелый, несший в себе множество отдельных ароматов. Он пронизывал весь последний сезон, прошивая его острой, блестящей иглой. Варац обожал этот запах и боялся его, он следовал за ним и повиновался ему безоговорочно, почти слепо. Так пах его интерес. Там, где он отсутствовал, была лишь отвратительная, сосущая, тошнотворная пустота. Скука пахла мертвой гнилью, заразной и растущей. Длинный, очень длинный период жизни Вараца был полностью отравлен ее сладкогнилостным запахом. Несколько лет, проведенных в Чинджу в одиночестве, с редкими, почти незаметными просветлениями. Интерес всегда возвращался ненадолго; Варац решительно обрубал его, передавливал ему кислород, запрещал себе вспоминать его запах. Лилит остановилась, чувствуя, что где-то здесь лежит начало нити, за которую ей было необходимо взяться. Нити, которая отведет ее к нужной двери.

Она искала ответ на вопрос, чем был так опасен этот интерес. Поиски вели ее все дальше, в более бледные и рваные воспоминания. В этой части сознания было гораздо темнее. Холоднее. Эта часть была проще, но одновременно непредсказуемее, опаснее, и Лилит кожей чувствовала исходящую от нее угрозу.

Это был Сульян. Мрачные, тянущиеся годы, в которые Варац часто обращался мыслями. Здесь было много сожаления, тревоги, обреченности и растерянности, витающих в воздухе следами многолетней рефлексии. И мрачное принятие, чуть более свежее, чем все прочие эмоции. Варац принял, что интерес всегда будет губителен для него. И задушил его с огромным сожалением и тоской, но решительно и безжалостно.

Интерес заставлял его терять контроль. Он настойчиво звенел в ушах, с каждым днем все громче, все невыносимее. Он заглушал весь прочий мир, он мешал спать, он порождал одержимость, которой не было дела ни до чего, кроме поиска ответов на вопросы. Самих же вопросов было множество, и каждый из них будоражил, насыщал воздух кислородом, поселял в груди истому, заставлял сердце биться сильнее. Варац разглядывал изуродованные тела, запоминая каждую неровность, чтобы превратить отвратительное в прекрасное. Он

впитывал муки, чтобы потом преобразить их в красоту. Каждая скульптура рождалась мучением, смертью, мольбами и кровью. И каждая из них несла в себе немного желанного покоя, пока нервы не натягивались вновь. Пока найденные ответы не переставали удовлетворять, а интерес не разжигался вновь.

Лилит остановилась перед приоткрытой дверью, за которой звенела и дышала уже знакомая ей тьма. Определенная часть ее не хотела переступить порог, из-за которого она уже не сможет вернуться. Но еще ей стало скучно от собственной метаний, и ей надоел собственный страх. Всю жизнь она успешно жила с последствиями своих дерзких решений. Разница была лишь в том, что это она принимала чуть более осознанно.

Лилит взялась за ручку, и распахнула дверь. В груди тихо зазвенел знакомый, почти родной звук. Влекомая им, она шагнула внутрь, чувствуя, как тьма мягко обволакивает ее оголенную кожу.

Уголь не ложился ровно. Струны, звучащие в голове, дребезжали мимо нот. Этот шум невозможно было выносить. В попытках его заглушить билось стекло. Его звон немного отрезвлял, приносил странное удовольствие. Пока струны не начинали петь снова.

— Дрянь.

Стекло снова зазвенело, разбитое острым металлом. Оно просыпалось на пол, в комнату ворвался жар и ветер. Варац выставил ладонь, желая почувствовать удары песчинок по коже.

Развернувшись от разбитого окна, он быстрым шагом покинул спальню. Его пальцы щелкали в такт собственным мыслям, хлеставшим обрывками слов.

Под вечер всегда было хуже. Он вгрызался пальцем в звенящий воздух, но руны не складывались, сыпались. Он не помнил нужное начертание, но упрямо продолжал чертить, снова и снова пытаюсь.

Ничтожество. Ничтожество. Ничтожество.

— Маэстро, вы как-то совсем дурно выглядите. Вас мучает бессонница?

— Собаки воют по ночам.

— Дурные! Погостите у нас, отдохните. Гению нужна тишина, я это всегда говорила.

Они выли. Не утихая, своим синхронным звоном вырезали из памяти целые куски. Вчера было где? В чем?

Дрожащие пальцы чертили руны. Вспомнить. Вспомнить. Вспомнить.

Свет был хуже звука, он выедал глаза, сжигал, а уголь по-прежнему не ложился ровно. Варац чувствовал его прикосновения на своих веках.

— У тебя дрожит рука.

— Извините, маэстро.

— Пусть не дрожит. Или лишишься ее вместе с головой.

Иногда боль приносила облегчение. Мысли замедлялись. Тогда он мог читать. Совсем недолго, но мог.

Холодный пол, звенящий воздух. Частое дыхание и чьи-то всхлипы. Пальцы в крови. Крик, исполненный отчаяния и облегчения. Чей-то чужой? Или его собственный?

— Вешайте.

— Прямо здесь?

— Прямо здесь.

Металлическое колесо поднялось под потолок, звеня цепью. Острые крюки призывно блестели, страдая от собственной пустоты.

Варац глубоко затянулся.

— Приведи четверых.

Он сидел в кресле, не отрывая взгляда от танцующего водоворота алых брызг. Белесые кисти крутились юлой, а краска все не заканчивалась. Варац провел пальцем по воздуху, творя начертания, и кожа обрастала полосами металла, повторяющими каждый изгиб несовершенных тел. На лице его плясала блаженная усмешка. Он помнил. Струны, наконец, играли чистые ноты. Сливаясь в прекрасную, унитарную симфонию.

— Одна из лучших твоих работ.

— Благодарю, шехзаде. Она ваша.

— Нонсенс, мой друг. Лучшее всегда нужно оставлять себе. Впрочем, у меня к вам все же будет просьба. Мне нужно новое платье.

— Всегда рад помочь.

— Прогуляемся, мой друг, обсудим детали. Я вас так редко вижу в последнее время.

— Бессонница.

— Ах, гений! Сколь требователен он! Пришлю вам своего алхимика, он вполне сносен.

— Благодарю.

— Разумеется, мой друг. В любое время. В любое время.

Это было воспоминание, рваное и фрагментарное, одно из множества воспоминаний о собственных зверствах. Но оно неуловимо отличалось; оно было одним из поздних, из тех, где в чародее все глубже пускало корни понимание, что вовсе не болезнь или расстройство были причиной его одержимости. Причину он нашел уже сильно позже, после наполненных смехом и светом годах на Островах, после скучного Чинджу, после осторожного соприкосновения с давно знакомым интересом в последний сезон.

Интерес был, но он не сводил с ума. Лилит видела собственные аметистовые глаза, и не чувствовала желаний вырвать их, и заглянуть в череп. И тогда Варац понял, что вовсе не интерес был виной тому, что он долгие годы заливал свое поместье чужой кровью.

Лилит почувствовала на себе весь вес этого понимания. Воспоминаний, с которыми он смог примириться лишь потому что смог оправдать себя в собственных глазах. Больше оправданий не было. Звук, с которым свистел кнут, поток воздуха в горле под сжатой ладонью, звездная карта кровоподтеков на чужой коже — ни для чего из этого не было оправданий.

Две тьмы зазвенели громче, и их звон набирал глубину по мере того, как они сходились и расходились в смертоносном, захватывающем танце. И этот звон и этот танец позволил Варацу увидеть то, чего он прежде не видел никогда. Чужое сознание, и чужие воспоминания.

Разум Лилит был похож на сложный механизм, в котором невозможно было разобраться с первого взгляда. Все, что окружало Вараца, непрерывно крутилось и щелкало размеренно, равномерно и детерминированно. Все здесь дышало функциональностью, необходимостью, нуждой. Все имело смысл, все занимало свои места. Это было огромной ее частью. Огромной, но не всей.

Варац потерялся почти сразу. У него не было никакого опыта навигации по чужому сознанию, и если бы не мягкое прикосновение ее теплой тьмы, он бы, вероятно, спятил. Тьма почувствовала это, и мягко повлекла его к себе, помогая отыскать путь. Сознание Лилит оставалось недовольным этим вторжением, но не спешило выгонять его. В нем было ворчливое смирение, понимание, что у всего есть своя цена. “Ну смотри, если хочешь”, — будто говорило оно.

Ее воспоминания были яркими, детализированными, живыми. Она обращала внимание на повороты головы, направления взгляда, движения рук и пальцев. Она часто считала про себя, собирая признаки лжи, лукавства и недосказанности. Эмоций в этих воспоминаниях почти не было. Их она запоминала гораздо хуже.

Чем глубже заходил Варац, тем острее пространство вокруг наполнилось отчуждением. Он чувствовал жгучую боль от кнута на собственной спине, которая отзывалась в груди всепоглощающей ненавистью. Он слышал обвинительные крики крестьян, и чувствовал, как что-то в груди каменеет, становясь глухим к чужим словам. Он рыл могилы голыми руками, он едва стоял на ногах от голода, он продолжал ползти вперед, когда ноги больше не могли идти. Весь мир стремился вырвать жизнь из его рук, но он не отпускал, продолжая дышать с четырьмя ножевыми ранениями в животе. Он смотрел в мрачное северное небо, раз за разом повторяя про себя “Не умру. Не умру. Не умру”.

Работа и все, что ее окружало. Там жило столько чувств, столь сильных и ярких, что в них можно было потерять себя. Насмешливые взгляды коллег, их перешептывания за спиной, кислотоватый вкус сливовой, решительный азарт, перемигивания, улыбки и драки. Яркое, забвенное чувство хождения по лезвию бритвы, стегающий спину задор смертоносных игр. Она дышала этим, жила этим, и в этом попросту не было места никакому страху. Потому что страх испортил бы все веселье.

Но чем глубже, тем становилось темнее от чувств, которые лежали в основе всего прочего. Злость, от которой она впивалась ногтями в собственную кожу. Ненависть, которая скрипела так требовательно, так застарело, и которой она никогда по-настоящему не поддавалась. Она боялась, на что эта ненависть окажется способна, если Лилит даст ей волю. Боялась очень давно, и очень сильно. Тьма, которая лежала перед Варацем, дышала этой ненавистью. И он коснулся ее, не раздумывая дважды.

Она ненавидела слезы. Они свидетельствовали о бессилии, а хуже бессилия не было ничего. Ее касались, и все внутри перекручивалось и захлебывалось от этих прикосновений. Сдавленные рыдания, сопровождаемые тихим шипением раскаленного гвоздя, который тушился о кожу ее предплечья, причиняя невыносимую боль. Крики, мольбы, слезы, вереница льняных платьев и дорожная пыль. Она звала отца, все это время она звала его, не помня себя от страха, она искала его в толпе, она умоляла о встрече с ним, не прекращая мольбы ни на миг. Она надеялась только на это, она верила, что когда он придет, этот кошмар закончится.

Но он не пришел, и уже не придет. Она поняла это, стоя в дорожной пыли, с силой сжимая в руках маленький узелок. Что-то внутри нее треснуло, треснуло навсегда, и в эту трещину упало крохотное семечко ненависти. С каждым шагом вперед по дороге она все лучше понимала, что теперь кошмар не кончится никогда.

Слышались голоса. На душе было спокойно, и Варац ощутил облегчение. В голове был хмель от дешевой сливовой, настроение было игривым, почти дружелюбным. Она вертела в руке монетку, чуть менее ловко, чем делала это теперь. Напротив нее сидел рыжий, кучерявый подросток, игравшийся с точно такой же.

— Слышь, малая, — сказал он, отпивая что-то из деревянной кружки. — Давай договоримся нормально. Ты мне доступ на виллу, я те твою побрякушку сраную.

— Работа днем, Мека, — ответила она, разминая шею. — Забивались же.

— Вот потому что забивались я тя не с ножом в руке прошу, — настойчиво повторил подросток.

— Попроси с ножом, — охотно кивнула она. — Тя по стойке давно не мазали?

— А ты с окна давно не летала? — в тон ей ответил подросток. Она резко дернулась вперед, и Варац ощутил ее напряжение, ее гнев, раздражение, азарт... и что-то очень мягкое, очень теплое. И оно было больше всего прочего. Именно оно заставило ее расслабленно откинуться назад, и спокойно сделать еще один глоток.

— Типа это было не случайно, — сказала она с насмешкой. — Типа ты сможешь это повторить, придурок сраный.

Подросток рассмеялся в предплечье.

— Конченная.

— У тя учусь. Нас завтра ходячить вместе поставили, в курсе?

— Ну, — кивнул он. — Висяки есть? А то чет чешется, — он ненавязчиво размял кулаки.

— Есть, — она подбросила в руке монетку. — Слышь че, Мека?

— А?

— Ты батю помнишь своего?

— Бляха, опять ты про это, — простонал он, проводя рукой по кудрявым волосам. — Мозг кончишь делать когда-нить?

— Когда-нить кончу. Помнишь, нет?

Он вздохнул, пожимая плечом.

— Ваще ноль. Слышь, а какая разница? Вот ты пнули под жопу на дорогу без нихера, и где ты теперь?

Она оглядела небольшую, раздолбанную таверну.

— Хер знает. В дыре какой-то с каким-то придурком, — она отпила.

— Нахер пошла. Если б ты не пнули, щас бы ты в поле горбатилась и пироги стряпала, — он неожиданно расхохотался. — Замуж бы вышла, бляха!

Он согнулся пополам, и уронил голову на руки. Она несильно, но энергично пнула его по колену под столом.

— Че, — он немного успокоился, и утер слезы смеха. — Ты по этому тоскуешь? Жалеешь, какой охеренной жизни лишилась?

— Ниче ты не понимаешь, Мека, — она плотнула. — Забей. Че про Лёни говорили недавно, слышал?..

Она говорила, надеясь заглушить голосом странное, темное чувство, которое жило в ней уже давно, но лишь недавно показалось на свет. Лишь недавно оно проросло достаточно, чтобы она ощутила его незримое присутствие. Оно было совсем молодым, пока неокрепшим, но от него веяло старой, необъятной силой и древностью. Древностью чего-то очень пугающего, того, что было за гранью ее понимания. Это пугало. Но пока что она могла убегать от этого страха.

Две тьмы вновь сошлись, сливаясь друг с другом в экстатическом единении, в совершенно невозможном акте абсолютного принятия, по которому они обе голодали всю свою жизнь. Не было ничего чище звука, с которым они пели, и не было ничего радостнее их облегчения от ушедшего одиночества. Они не желали отпускать друг друга, но послушно разъединились, повинувшись своим носителям. Их песня постепенно стихла.

Лилит все еще видела перед собой кровавые разводы и слышала звук разбитого стекла. Варац все еще чувствовал во рту кислый привкус сливовой, а его спина все еще ныла от ударов кнута. Лилит рухнула на кушетку. Чародей сжал виски руками.

Они молчали долго, даже слишком долго. Много чего было в этой молчании. Эйфория, страх, сожаление, боль, страдания и опасения. Но они оба не тронулись с места, молча пережив все эмоции и чувства, связанные повисшей в воздухе тишиной. Спустя бесчисленное количество ударов сердца Лилит медленно села прямо.

— Чай будешь? — спросила она, включая горелку.

Варац поднял на нее глаза, и улыбнулся.

— Ужасное ты создание, Лилит, — он облокотился спиной на стену. — Давай. И ром добавь туда, будь любезна.

— Разумеется, — тихо фыркнула она.

Каждый из них чувствовал, что оставил в чужой тьме небольшую частицу своей. Двери были открыты, разнося по их внутреннему миру тихое, забвенное пение.

Следующие несколько дней прошли в привычном для Лилит режиме работы. К середине второй тамисы плавания она пришла к Корру на разговор сразу с несколькими целями.

— Капитан, есть все основания предполагать, что за саботажем стоит второй помощник, — сказала она, принимая из рук Корра стакан воды.

— Каср? — Корр качнул головой. — Невозможно. Это мой вернейший человек.

— Верность покупается, капитан, — возразила Лилит, покачивая ногой. — Взгляните на то, чего желал добиться саботер. Убить интенданта, уничтожить накладные — все это было нужно для задержки вашего отплытия из Чинджу. Города, в котором за содержание гидр в неволе полагается пожизненное заключение. А за работорговлю — смертная казнь. Не считите за грубость, ансан, но не вы исполняете обязанности капитана судна. Это делает Каср.

— Вздор. Я все еще несу ответственность за груз и команду, в полной мере, — ответил Корр несколько резко.

— Разумеется, — кивнула Лилит. — Но жалование Каср получает, как второй помощник. А трудится, как полноценный капитан. Допускаю, что и поздравления после удачного рейса тоже получает не он. Так?

Корр красноречиво промолчал. Лилит удовлетворенно качнула головой.

— Мотивация очевидна. Остается одна небольшая проблема. После моего допроса Каср уже не сможет довести судно до Синепалка. В команде есть кто-то, кто сможет занять место у руля?

— Вы говорите о пытках? Моего помощника капитана, на моем судне, я не ослышался?

— Мы же взрослые люди, ансан. Я, конечно, могу спросить вежливо, но сомневаюсь, что он ответит честно.

— Вы, северяне, дикие и безжалостные животные, — сказал Корр с некоторой неприязнью в голосе. — В нормальных странах существует расследование, суд, и справедливое наказание, если преступление будет доказано.

— Как угодно, — пожала плечом Лилит. — Но в таком случае вы открываете себя угрозе быть арестованными церковной стражей Синепалка. И я бы не надеялась, что уладить с ними дела будет так же легко, как в Чинджу. Церковь беспощадна, ансан. И им абсолютно плевать, кто вы: глава гильдии, султан, или сам сатана. А их способы выбивать признания и казнить достойны своей отдельной книги, поверьте моему опыту.

— Вы пытаетесь меня запугать, анса? — в голосе Корра проступили угрожающие нотки.

— Я информирую вас о возможной угрозе, — вздохнула Лилит. — И даю

настоятельный совет разобраться с предателем, пока мы в нейтральных водах.

Послышался легкий, совсем тихий звон. Лилит разочарованно поморщилась, и звон тут же стих. Она покашляла, маскируя его.

— Продуло на палубе, — она подперла рукой висок. — Его можно допросить безболезненно, с помощью ментальных чар.

Корр нахмурился еще сильнее.

— В Сульяне применение ментальных чар для допросов приравнивается к пыткам. Я не позволю измываться над своими людьми, пока вы руководствуетесь одними лишь подозрениями. Принесите мне доказательства, и я подумаю еще раз.

Лилит поднялась с кресла, и поклонилась с неохотой и ленцой.

— Как угодно, капитан.

Она покинула его каюту, и направилась к себе, чтобы попить чай и подумать. Варац был внутри; он полусидел на койке, что-то чертя углем на листах бумаги. Лилит поставила чайник, и со вздохом уселась на пол. Чародей бросил на нее быстрый взгляд, и тут же вернулся к наброскам.

— Длинный день?

— Ага. Что чертишь?

— Костюмы. Когда окажемся на Севере, уже выпадет снег.

— Примерно через луну после этого. В последние годы сезоны сдвинулись вперед, — Лилит медленно размяла шею. — Его каюта утыкана камнями источника. Ты удивлен? Я — совершенно нет.

— Ожидаемо, — задумчиво протянул Варац, разглядывая набросок. — Идеи есть?

— Была одна, пробросила на месте. Предложила допросить Касра с помощью ментальных чар. А на самом деле — нырнуть в Корра, лишь бы амулетов рядом не было. Не повелся, скотина.

— Дай угадаю, — сказал Варац с насмешкой. — Ментальные чары это дико и бесчеловечно?

— Угу, — Лилит согнулась, вытягивая спину. — А северяне — неотесанные животные.

— Разумеется. Северяне неотесанные животные, аньянгцы тупорогие традиционалисты, оренхайцы кровожадные варвары, а вот островитяне... — Варац щелкнул языком, и улыбнулся, бегая углем по бумаге. — Островитяне представляют для них реальную угрозу, поэтому они образованные и уважаемые люди.

Лилит посмеялась.

— Тебе замки вскрывать доводилось, кирья? — спросил Варац, откладывая пергамент с углем и садясь прямо. Он потянулся в карман за портсигаром и кивнул на дверь, приглашая Лилит выйти на перекур.

— Было дело, — Лилит поднялась на ноги, и открыла дверь. — Но получалось плохо.

— Воровала она плохо, — рассмеялся Варац. — Замки взламывала плохо. За что тебя, бездарщину, в банде держали?

— За красивые глаза.

Они ступили на лестницу.

— И я их не виню, — пожал плечами Варац.

— Мне всегда было к кому обратиться при необходимости, — она толкнула дверь на палубу, и в лицо им ударил холодный ветер. — Воровство меня никогда не интересовало, ровно как и дверные замки. Зачем учиться их взламывать, когда можно попросить ключ?

— Так попроси, — расхохотался Варац, протягивая ей крученку.

— Могу, — кивнула Лилит. — Но после этого мы отправимся кормить акул. Только если не попросим Минг зачаровать тебя, чтобы ты прикинулся Корром до конца плавания. Как тебе такое, а?

Варац с восторгом хлопнул в ладоши.

— Каково бы было! — мечтательно сказал он, и закурил. — Но Минг же в Чинджу. Или нет?

— Бегает по кораблю крысой, — насмешливо ответила Лилит. — Не навестила тебя ни разу, серьезно? Она ко мне через день приходит поболтать.

Варац недоверчиво вскинул брови, и проморгался.

— Как слеп человек, — вздохнул он. — А ее замечательные способности ты использовать не думала? Раз уж у тебя есть ручная кицунэ, грех этим не воспользоваться.

— Если при ней так скажешь, я тебя спасать не буду, — Лилит забрала у него зажженную крученку, и подкурила от нее. — Думала. Но не придумала. Ты к чему спросил про взлом замков?

— К тому, что у меня есть идея, как выманить Корра. Вряд ли надолго, зато гарантированно. И совершенно безобидно, представь себе.

Они замолчали, пока мимо них проходила парочка матросов. Когда они отошли достаточно далеко, Лилит спросила:

— Как?

— Закачу небольшой концерт, — пожал плечами чародей. — Ничего криминального. В целом, даже ключ тебе могу принести на блюдечке. Веришь?

— А это каким образом? — заинтересовалась Лилит. — Я чего-то о тебе не знаю?

— Вероятно, — усмехнулся Варац. — Но эта история хоть немного интересная, в отличие от большинства, — он прокашлялся, приготовившись рассказывать. — Место действия: Чародейская Академия Объединенных Племен. Действующие лица: неисправимый и добродушный весельчак по имени Къол, и ваш покорный слуга. Действие: хаос, вакханалия и безумие, не утихавшие шесть лет кряду.

— Ага, — Лилит уселась на борт, и взялась одной рукой за веревку вант. — Про это я уже догадалась.

— Мы сеяли ужас среди всего преподавательского состава и наших собственных сокурсников, — продолжал Варац. — Наше дуо ненавидела вся голова академии. Оживающие статуи это еще полбеды; вообрази взрывающееся прямо перед лабораторными оборудованием, пол, который внезапно накалялся и прожигал обувь преподавателя, и прочую чушь, безобидную и не очень. Все знали, что это наших рук дело, но никогда не могли поймать за руку. Безумие эскалировало, и наши шутки зашли настолько далеко, что мы... случайно основали тайное общество.

— Чего? — рассмеялась Лилит. Варац широко улыбнулся, и тоже уселся на борт.

— Того. Написали правила, обряд посвящения, все как полагается. Чуть не умерли от смеха, пока придумывали всю эту чушь. Но к нам действительно приходили студенты, можешь вообразить? И желали вступить в общество, и соглашались на все наши идиотические испытания. Мы с адельфос лишились рассудка окончательно. Издевались над несчастными как могли, и испытания становились все более идиотскими и непроходимыми. Но, — Варац цокнул языком. — Студенты были находчивы, и проходили их. Их становилось все больше, и все они чего-то ждали. Тогда мы переглянулись, пожали плечами и подумали:

а почему нет? И принялись устраивать тайные собрания под покровом ночи, планировать куда более масштабные розыгрыши, и в целом кошмарить всю академию уже коллективными силами. Весь этот снежный ком набирал обороты так быстро, что никто ничего не успел понять, как мы представляли собой огромную подпольную силу, состоящую из безумцев и клоунов, готовых отыгрываться на всех и вся. Чары и их нестандартное применение были нашим основным оружием. И однажды я додумался, что можно материализовать копию ключа по восковому слепку замка, — Варац энергично дернул бровью. — Сколько крови было попорчено с помощью этого трюка, ты бы знала...

— Могу только догадываться, — с ужасом пролепетала Лилит. — Вообще, это совершенно бессмысленно, кошмарно глупо и жутко весело. Как раз в вашем с Кьолом духе.

— Наконец-то ты уловила идею, — радостно воскликнул чародей.

— А что с ним стало, как вы выпустились? — заинтересовалась Лилит. — С обществом?

— Понятия не имею, — пожал плечами Варац. — Но держу пари, оно существует до сих пор. Мы с адельфос, сами того не подозревая, вскрыли банку с червями. Когда тебе с пеленок втирают про ответственность, про огромную силу и умение ею распоряжаться, про то что в твоих руках будущее всех поколений чародеев, про соблазны, силу воли и контроль, — Варац широко зевнул. — Понятное дело, что юным бестолочам захочется выпустить пар, пустив за противным школяром иллюзию огнедышащего дракона. Даже на Островах это правда, к большому сожалению. Занудство и академическое образование — ближайšie синонимы.

— Юные бестолочи это одно, — лукаво улыбнулась Лилит. — Но ты-то уже тогда был в преклонном возрасте, уважаемый чародей.

— А в моем случае, кирья, необходимо было родиться заново.

— Ага. Помогло?

— Не особо. Но было весело, и этого вполне достаточно, — Варац повернул к ней голову. — Кончай допрос с пристрастием. План будешь слушать?

— Давай, — согласилась Лилит. — Но я требую, чтобы он веселым и идиотским. Скучный и функциональный я и сама могу придумать.

— Можешь ли? — рассмеялся Варац. — Ты далеко не такая серьезная, какой хочешь казаться. Ума не приложу, зачем пытаешься.

— Потому что я слежу за имиджем, — Лилит с улыбкой скрестила руки на груди. — К тому же ты дурно на меня влияешь своей взбалмошностью.

Варац громко фыркнул.

— Скажи еще, что тебе не нравится, — он ловко спрыгнул с борта. — Пошли пройдемся.

Лилит коротко постучала в дверь капитанской каюты, сжимая в руках измятый ворох желтоватых бумаг.

— Входите, — послышался приглушенный голос Корра.

Лилит приоткрыла дверь, оставшись стоять на пороге.

— Давайте пройдемся, ансан, — она взмахнула в воздухе бумагами. — Сдается мне, вы найдете это интересным. К тому же погода просто прекрасная.

Корр недоверчиво вскинул бровь, но спорить не стал. Он поднялся из-за стола, и отправился за Лилит на верхнюю палубу. Дул ветер, была небольшая качка. Небо было пасмурным.

Они дошли до пустующего капитанского мостика, и Лилит протянула бумаги Корру.

— Ваши накладные. Те, которые липовые.

Корр торопливо перелистнул бумаги, бегая по ним глазами, мрачней все сильнее с каждым ударом сердца.

— Откуда? — спросил он, поднимая на Лилит взгляд из-под нахмуренных бровей.

— А вы не догадываетесь? — Лилит оперлась спиной о перила. — На гамаке Касра, под шкурой.

Корр перевел взгляд на помощника капитана, который громко руководил матросами, корректирующими паруса под переменившийся ветер.

— Все еще ничего не значит, анса, — Корр вернул ей бумаги. — Их могли подбросить.

— И мне нужно меньше колокола, чтобы доказать или опровергнуть это предположение, — Лилит погладила перила живой ладонью. — Если вам, конечно, нужны ответы. В противном случае я не совсем понимаю, зачем вы меня наняли, ансан.

Корр окинул ее задумчивым взглядом.

— Действительно, зачем? Будь вы хоть сколько-нибудь компетентны, вам бы пришло на ум, что саботер мог сохранить бумаги только с одной целью — подставить кого-то, — сказал он жестким тоном.

— Или по неопытности и неосторожности, — пожалла плечами Лилит. — Гадать можно бесконечно, ансан. Даже очень умные люди иной раз совершают глупейшие ошибки. И скажу вам из опыта: очень часто самый очевидный ответ в итоге и оказывается верным.

— Ваши спекуляции меня мало интересуют, — Корр оправил камзол коротким и сухим движением. — Я вижу, что ошибся на ваш счет. Вы освобождены от контракта, и по прибытии в Синепалк я выставлю вам счет за каюту и еду.

— Как будет угодно, ансан, — Лилит склонила голову, а потом посмотрела на небо. — Шторм будет, похоже. Я крайне плохо переношу качку.

— С вашего позволения, я вернусь к работе, — Корр коротко кивнул ей, и откланялся. Лилит проводила его насмешливым взглядом с хитрой полуулыбкой на лице.

— Даже очень, очень умные люди, — сказала она вполголоса, и уселась на борт.

Примерно через мину на палубе показался Варац. Он отыскал Лилит взглядом, и направился к ней.

— Когда у тебя день рождения, кирья? — он с улыбкой подбросил в руке новенький ключ.

— На Миттвинтур, — Лилит протянула руку.

— Самая длинная ночь в году, — задумчиво сказал он, придиричиво оглядывая свою поделку. — Один из четырех сезонных языческих праздников. Ты нарочно такое клише, или тебе действительно так повезло?

Варац неаккуратно перебросил ей ключ, и Лилит едва успела поймать его до того, как он вылетел за борт. Она зашипела на рассмеявшегося чародея.

— В гроб меня вгонишь, — проворчала она, разглядывая ключ. — Проверил хоть?

— Не успел, — пожал плечами Варац. — Восковой слепок — дело небыстрое. Придется тебе мне довериться, кирья, — он откинул подол накидки взмахом руки, подпрыгнул, и уселся рядом. — Что Корр? Занудствует?

— Уволил меня, — Лилит ковырнула коронку ключа ногтем, и убрала его во внутренний карман жилета.

— Какой кошмар, — сокрушился чародей. — Какое пятно на репутации!

— Никакое, — ответила Лилит, и протянула руку за крученкой. — Заказ был горелым изначально. Я подозревала, но теперь совершенно уверена.

Варац извлек портсигар и щелкнул им.

— Он не попросил список, но это бог с ним. Можно списать на спешку, — Лилит взяла крученку в зубы, и подкурила. — Но ты правда считаешь, что глава Сульмянской Купеческой Гильдии, представительства лучших из лучших, самых отпетых жлобов и счетоводов на всем белом свете, даже не подумал спросить, сколько я возьму за заказ?

Варац охнул. Лилит взяла паузу на затылку.

— Я умная девочка, уважаемый чародей, — она выдохнула дым. — И не стала называть цену сама. А он про нее даже не вспомнил. Потому что знал, что платить ему не придется.

— Как любопытно, — Варац оживленно поерзал на месте. — И что ты думаешь?

— Ничего хорошего, если коротко, — пожала плечом Лилит. — Так или иначе, если мы хотим что-то понять, мне нужны его бумаги.

— Идет, кирья, — чародей с предвкушением потер ладони. — Чую катастрофу!

— А это у меня уже давно, — махнула рукой Лилит. — Я смирилась.

Они немного посидели на палубе, слушая команду, которая затянула сульмянскую моряцкую песню. Варац вольно перевел Лилит ее текст, попутно рассказав о сульмянской богине Хафиф, чей лик был солнцем, затылок — луной, а вся земля — ее оторванным от головы телом. Насмешливо поспекулировав о том, какой именно частью этого тела является покрытый песками Сульян, они отправились в каюту дорабатывать предложенный Варацем план, и обсуждали его до самого вечера.

Следующие несколько дней качка только усиливалась. С началом полнолуния Лилит выползла наружу еще до рассвета, добралась до борта, и тут же перегнулась через него, тошняя вперемешку с грубым кашлем. Издав усталый стон, она утерла рот и уселась на палубу, опершись о борт спиной.

Парус громко хлопал на ветру, со скрипом качались фонари, команда перекрикивалась и сновала по палубе, поддерживая курс. Лилит медленно моргнула отяжелевшими веками, и закрыла глаза. Ей требовалось просидеть на общем виду хотя бы пару мин, прежде чем она сможет спуститься в каюту. Она не надеялась, что к ней кто-то подойдет, но, видимо, она выглядела совсем плохо. Лилит открыла глаза, привлеченная звуком приближающихся шагов, и подняла их на Касра.

— Морская болезнь? — сочувственно спросил помощник капитана. — Давайте провожу вас до каюты, анса.

— Буду крайне признательна, — Лилит поднялась на ватные ноги, после чего снова перегнулась через борт. Каср придержал ее за плечо.

— Я попрошу повара заварить вам имбирь, — Каср перекинул ее руку через свое плечо, давая ей опору.

Лилит покивала. Они медленно дошли до лестницы, спустились вниз и остановились у двери ее каюты. Поблагодарив Касра заплетающимся языком, Лилит сообщила, что попытается отоспаться.

Она выпила некрепкий чай, и ее стошнило еще раз, пока на палубе громко не прозвонил двойной колокол, означавший, что Варац начал свое небольшое шоу. Лилит медленно поднялась с койки.

Она дождалась, пока многочисленные шаги на лестницах стихнут, и неспешно двинулась к каюте Корра. Для верности она постучала, выждала с десятков ударов сердца, и

лишь после этого вставила ключ в замок.

Копия была неидеальной; видимо, топленный свечной воск был не лучшим материалом для слепка с замка. Ключ сделал пол-оборота, после чего его намертво заело. Лилит нажала на дверь плечом, слегка подергивая ключ настойчивыми, мелкими движениями. Где-то через пол-мины замок наконец щелкнул, и поддался. Лилит с трудом вытащила ключ из скважины, и уже приготовилась зайти в каюту, когда из другой части второй палубы до нее донесся тонкий детский визг.

Лилит замешкалась на несколько ударов сердца. Она поморщилась, как от зубной боли, захлопнула перед собой дверь каюты и закрыла ее на ключ. Затем побежала на голос, который звучал откуда-то из кухни.

Лилит влетела в арку, и увидела Сакусэ, которая испуганно жалась к печи, и матроса, который что-то говорил ей, осторожно сокращая расстояние.

— Да вашу ж мать! — не выдержала Лилит. Матрос, чьи глаза были полны вопросительного изумления, повернулся на нее.

— Лилит! — пискнула перепуганная Сакусэ.

— Лилит, Лилит, — передразнила она, и ужом скользнула в сознание матроса. Пользуясь его ошеломлением, она аккуратно обогнула все защитные барьеры, и решительно ухватила за воспоминание о том, как он обнаружил на корабле маленькую черноволосую девочку. Стереть его целиком Лилит было бы не под силу, но ей удалось немного размазать его, сделать мутным, странным, похожим на сон. Проделав эту несложную манипуляцию, она сделала пару шагов к матросу, развернула его к себе и вырубил одним ударом металлического кулака по виску, надеясь, что удар окончательно отшибет ему память. Убедившись, что матрос без сознания, но все еще дышит, Лилит подняла глаза на девочку.

— Что “Лилит”? — раздраженно спросила она. — Где Минг, твою мать? Почему ты без иллюзии по кораблю ходишь?

Сакусэ виновато изогнула брови, и скрутила в руках подол платья.

— Там Минг, она, ей... — залепетала девочка. — Я тебя искала!

— Вашу ж мать, — вздохнула Лилит, поднимаясь на ноги. — Чего встала? Веди!

Сакусэ пошла следом за Лилит, держась за ее спиной.

— Там где ящерки, — шепнула она, когда они вышли в коридор.

Лилит быстро провела девочку мимо капитанской каюты и до люка, который вел на среднюю палубу, в помещение с гидрами. Нырнув в темноту трюма, она подхватила Сакусэ и помогла ей спуститься вниз. Гидры все так же мирно спали, лишь ворочаясь и недовольно ворча во сне. Двигаясь наощупь, Сакусэ отвела Лилит за ряд клеток, где та смутно различила белесый силуэт Минг.

— Живая, лисица? — Лилит присела на колени рядом с ней.

— Пока да, — кашлянула кицунэ.

— Идти сможешь?

Минг попыталась подняться на дрожащие лапы, но почти сразу рухнула обратно на пол. С верхней палубы донесся смех, одобрительные выкрики и аплодисменты. Судя по всему, выступление Вараца подходило к концу. Лилит мягко обняла обмякшее тело кицунэ, и осторожно подняла ее на руки.

— Это унижительно, — промямлила Минг, свешивая голову вниз.

— Потом пожалуешься, — Лилит быстро прошла обратно к люку и шикнула на Сакусэ, чтобы та не отставала.

Им удалось добраться до каюты, больше никого не повстречав. И как раз вовремя; едва Лилит положила Минг на койку, как в дверях появился Варац, от неожиданности замеревший на пороге. Лилит бесцеремонно схватила его за накидку, и втащила внутрь.

— Как интересно! — оживился чародей. — Начинаю верить твоему утверждению, что ничто никогда не идет по плану.

Он уселся на койку, с любопытством глядя на то, как Лилит осматривает Минг. Кицунэ вывалила язык, и дышала часто и поверхностно. Лилит мягко прощупала ее живот, ища уплотнения, и Минг тут же стошнило на подушку.

— Морская болезнь, — выдохнула Лилит с долей облегчения в голосе, и потянулась к чайнику. — Твою ж мать.

Она дала кицунэ немного воды из глиняной кружки, и вытерла желчь с подушки куском тряпки. Лилит аккуратно подвинула кицунэ, уселась рядом, и провела по лицу руками.

— Успела? — поинтересовался Варац. Лилит отрицательно качнула головой.

— Увы. Буду думать дальше.

Задумчиво постучав металлическими пальцами о костяшки, она поднялась на ноги.

— Малая, оставайся тут. Дверь никому не открывай.

Сакусэ покивала. Она постепенно успокоилась, и с ногами взобралась на освобожденную койку.

— Скоро придем, — пообещала Лилит, и выскользнула в коридор. Варац вышел следом за ней.

Они поднялись на палубу. Лилит замерла у выхода, увидев довольно большую, массивную скульптуру, состоявшую из тонких полос металла. Сгрудившаяся вокруг команда постепенно рассасывалась, возвращаясь к своим обязанностям. Варац перевел взгляд на Лилит.

— Какая, а? — спросил он, облачиваясь плечом о поддерживающий столб.

— Варац... — Лилит длинно, шумно выдохнула, и скрестила руки на груди. — Глиняного тебе мало было? Что за фиксация на причиндалах?

— По моему скромному мнению, — ответил чародей. — Интерьер человека должен отражать его внутренний мир. Ты обещала Корру скульптуру. Я ее сделал.

— Боже ты мой, — простонала Лилит. — И как бедняга отреагировал?

— Остался доволен, вообще-то, — пожал плечами Варац. — Сказал что приметно, узнаваемо, и чувствуется рука автора.

Лилит кашлянула, сдерживая смех.

— Так, — стоически кивнула она.

— На что я пожелал ему хорошего пользования, — продолжил чародей, мягко поведя в воздухе рукой. — А он ответил, что воздержится и сбавит ее на первом крупном аукционе. В другой формулировке, но смысл был таким.

Чародей меланхолично вздохнул.

— Не хочешь ей тоже имя дать? — спросил он, косясь на Лилит. — Чтоб хоть не просто так из рук в руки кочевала.

Лилит окинула новоявленное произведение задумчивым, оценивающим взглядом.

— А назови в честь хозяина? — предложила она. — “Ансан Корр, бессменный глава Сульянской Купеческой Гильдии”.

— Какая потрясающая идея, — вдохновенно ответил Варац. — С таким именем он ее точно не продаст.

Чародей встряхнул запястьем, и принялся выводить руны. Лилит увидела, как на пустом металлическом постаменте медленно проступает выпуклая надпись упомянутого содержания, выполненная в более темном металле. Варац завершил начертания и подул на руны, рассеивая их в воздухе, после чего они с Лилит обменялись заговорщицкими взглядами, и расхохотались в голос.

Этой ночью Варац вызвался переночевать на гамаках, заявив, что не горит желанием спать в обнимку с больной лисицей. Лилит слегка удивилась этому заявлению, зная, что чародей спит, самое большее, пять колоколов в сутки, но спорить не стала.

За ночь Минг стало лучше. Утром кицунэ уже могла сидеть, и даже съела немного свежей сырой рыбы. Она была все еще слишком слаба, чтобы поддерживать стабильную иллюзию, поэтому пока осталась отдыхать в каюте вместе с Сакусэ. Девочка непрерывно дергалась, вертелась и вставала ногами на койку, скача по небольшой каюте и явно страдая от переизбытка энергии. Лилит тщетно попыталась занять ее загадками и словесными играми, но Сакусэ ни в какую не соглашалась сидеть на одном месте. Промучившись с ней около колокола, Лилит взмолилась:

— Лисица, твою мать, мне работать надо! Хоть чем-то ее займи!

Минг слабо улыбнулась, медленно принимая сидячее положение.

— Уже пять лет пытаюсь, — вздохнула она, и перевела взгляд на девочку. — Сакэ?

— Я! — крикнула Сакусэ, плюхаясь на койку.

— Не ори! — шикнула на нее Лилит.

— Сакэ, — повторила Минг. — Фокус покажешь?

Девочка задумалась, а потом энергично закивала.

— Давай, — кицунэ улеглась на живот. — И без тумана в этот раз.

Сакусэ крепко зажмурилась. От напряжения она смешно высунула кончик языка, и сильно качала одной ногой. Лилит видела, как она сжала ручкой покрывало, и с каждым ударом сердца ей становилось все любопытнее, что произойдет дальше. Она первой ощутила дрожь в воздухе, ощутила, как душная каюта наполнилась свежим воздухом, таким легким, что дышать почти не требовалось; он сам проникал в грудь и покидал ее. Голова слегка закружилась, и Лилит увидела, как стены раздвигаются и исчезают, сменяясь подернутым дымкой серым пейзажем большого каньона. Ее глаз касался бескрайнего горизонта, под ногами была сухая, сыпучая земля, а над головой — разноцветное небо, такое же, какое Минг сотворила на площади в Чинджу. Лилит поражено огляделась. Что-то внутри нее дрогнуло, она чувствовала, как плотный воздух касается кожи и ласкает ее в приветственном объятии.

— Какие же люди идиоты, — шепнула Лилит, чувствуя ветер в собственных волосах. — Не способны к дикой магии, как же.

Сакусэ резко открыла глаза, обвела ими свое творение и издала тихий, восторженный писк. Минг придирчиво понюхала землю, и встала на лапы. Ее белая шерсть шла волнами на порывистом ветру. Кицунэ царапнула землю когтем и строго посмотрела на девочку.

— Сакусэ, — она требовательно кивнула на гладкую землю.

Девочка тут же ступевалась, и снова закрыла глаза. Минг вновь провела лапой по земле.

— Уже лучше, — сухо кивнула она.

— Охереть... — Лилит подняла голову к разноцветному небу. — Это что?..

— Это — то, чему я успела ее научить, — Минг села на землю, медленно вертя головой. — И наставник из меня не очень, судя по всему. Я в ее возрасте уже освоила

осязание.

Сакусэ расстроено изогнула брови.

— Я стараюсь, — тихо сказала она, скручивая в руках подол платья.

— Плохо стараешься, — отрезала Минг. — Рассеивай.

Девочка шмыгнула носом, и снова закрыла глаза. Иллюзия медленно растаяла, и из ее туманной дымки вновь соткались интерьеры маленькой каюты, которая казалась клеткой после бескрайних серых горизонтов. Лилит закашлялась от резко спершей дыхание духоты, и поднялась на ноги, чувствуя легкое головокружение.

— Пойду подышу, — она взялась за ручку двери. — Тихо справитесь посидеть?

Сакусэ широко зевнула, и захлопала слипающимися глазами.

— Фокусы ее выматывают, — Минг вновь улеглась на койку. — До ночи проспит как убитая. Иди занимайся чем там тебе надо.

— Ага, — Лилит толкнула дверь одновременно с резким выдохом. — Твою ж...

На палубе ей немного полегчало, но Лилит еще долго думала о серых просторах каньона, не в силах сосредоточиться на чем-то еще. Ругаясь вполголоса на демоническую херь, она отправилась искать Вараца, надеясь отвлечь себя разговором и обсуждением нового плана, работу над которым нужно было начинать как можно скорее.

Лилит обыскала всю среднюю и нижнюю палубу, дважды заглянув в кладовку и трюм с гидрами. Она возвращалась в свою каюту и снова поднималась наверх, но Вараца нигде не было. Корабль был большим, и они легко могли разминуться, но это было слабым утешением на фоне сосущего чувства диссонанса. Что-то определенно было не так. Лилит ощутила, что начинает нервничать.

Остаток дня она провела на палубе, блуждая мыслями то в воспоминания, то в догадки о том, куда спрятался чародей, и не остался ли он за бортом. И не может ли быть такого, что кто-то помог ему там оказаться. Тревога нарастала. Пока Лилит справлялась с ней, но ощущала, что та будет лишь эскалировать, если она срочно что-то не предпримет.

Она нашла взглядом Касра, который корректировал курс у руля, и подошла к нему.

— Вараца не видели, ансан? — спросила она, внимательно смотря за выражением его сосредоточенного лица.

Каср выкрикнул что-то на сультанском, обращаясь к команде, потом бросил на Лилит короткий взгляд.

— Не сейчас, анса, надо риф обогнуть пока шторм не начался, — он резко крутанул руль.

— Такой талантливый помощник наверняка может совмещать два дела сразу, — Лилит скрестила руки на груди. — Я задала простой вопрос. Да или нет?

Каср выругался вполголоса.

— Нет, не видел, — ответил он с долей раздражения в голосе.

— Точно? Потому что на корабле я его найти не могу, — Лилит глубже впиалась взглядом в его лицо. — А вы не так давно повздорили.

— Анса, я понятия не имею, в какой угол забился ваш языкастый чародей. Может напился и за борт выпал, мне и так и так все равно, — Каср прервался на энергичный жест рукой и выкрик, обращенный к матросам в гнезде. — Ничем не могу вам помочь.

Лилит сжала кулак, из последних сил борясь с желанием прижать лезвие к горлу помощника и выжать из него правду. Или выломать защитные двери его сознания и расковырять его разум в поисках ответов. Но она сдержалась. Лилит отказала себе в

принятии решений под влиянием страха, и силой заставила себя вернуться в каюту и спокойно и планомерно подготовиться ко сну, борясь с собственными саморазрушительными импульсами. Общество Минг немного успокоило ее. Они коротко поговорили вполголоса, чтобы не разбудить Сакусэ.

За ночь Лилит не сомкнула глаз. Тревога быстро переросла в страх, который душил ее в ночи бесконечными вопросами и предположениями, одним хуже другого. Страх разрастался как гангрена, становясь все обширнее и неумолимее. Он выматывал, он путал мысли, и к утру Лилит уже ни в чем не была уверена. Действительно ли корабль принадлежит Гильдии? Действительно ли везет рабов? Действительно ли они направляются в Синепалк?

Качка усиливалась, постепенно превращаясь в шторм. Лилит сидела в каюте, слушая неутрачивающий звук корабельного колокола и крики команды, сражавшейся со стихией. Минг, уже вполне бодрая, наложила на Сакусэ иллюзию, и девочка, радостно пискнув в облиии небольшой, неприметной крысы, отправилась носиться по кораблю. Сама же кицунэ осталась с Лилит, и они вместе сидели в молчании, изредка подогревая быстро остывающий чайник. В какой-то момент Минг вздохнула, и нарушила тишину:

— Может, все-таки прыгнул за борт? У него с жизнью были странные отношения.

Лилит прожгла кицунэ взглядом, но справилась с раздражением и покачала головой.

— Нет. Поверь мне, нет.

— А что тогда? — Минг лизнула лапу.

— Не знаю, — Лилит поскрипела протезом, сжимая и разжимая кулак. — Не знаю, Минг.

Ее парализовало. Она не могла пошевелиться. Если вчера ей приходилось удерживать себя от необдуманных действий, то теперь, сколько бы она их ни обдумывала, никакое решение не казалось ей верным и правильным.

— Давай я поищу, — предложила Минг, спрыгивая на пол и на глазах покрываясь туманной дымкой, приобретая облик небольшого серого паука.

— Как хочешь, — ответила Лилит, отворачиваясь.

Оставшись одна, она наконец поняла, что так терзает ее. Неизвестность, непредсказуемость, чувство полнейшей растерянности и бессилия перед обстоятельствами. Чувство, что она отчаянно пытается нашарить опору, ухватиться за что-то в абсолютной пустоте. И она не имела никакого контроля над тем, куда несет ее обмякшее тело, не могла даже увидеть, что лежит впереди. Она могла лишь беспомощно размахивать конечностями в невесомости и темноте, отданная им на растерзание.

К ночи загремели молнии. Гром, в котором была неукротимость и сила, вселил в Лилит отвращение перед собственной слабостью и бессилием. Он побудил ее сжать кулаки, встать сквозь собственную тревогу, он побудил ее разозлиться достаточно, чтобы понять: любое, даже самое безрассудное действие лучше полного бездействия. Она дернула дверь каюты, и в борт корабля врезалась крупная волна, покачнувшая судно. Лилит влетела в дверной косяк, и едва не прибила дверью Минг, которая стояла снаружи. Обретя равновесие, Лилит хмуро посмотрела на кицунэ:

— Ну?

Минг молча покачала головой.

— Так и думала, — Лилит вышла в коридор. — Будь в каюте.

С каждым шагом в ней крепла злость, которая становилась все больше, все решительнее и мрачнее. Когда Лилит достигла кабинета Корра, в ней почти не осталось здравого смысла;

злость бесцеременно вытеснила его и заняла всю ее душу. И это, почему-то, ощущалось понятным и правильным. Лилит распахнула дверь, входя в каюту без стука.

Корр, отдыхавший в кресле, поднял на нее голову и открыл было рот, чтобы возмутиться ее вторжением, но не успел. Лилит в два шага оказалась у его стола, и резко ударила по нему руками.

— Сам скажешь, или достать меч? — спросила она с тихой угрозой, бегая по его лицу взбешенным взглядом.

Корр повернулся в кресле, сохраняя расслабленную позу.

— Как это понимать? — в его голосе звучал ледяной гнев.

Лилит широко взмахнула рукой, сметая со стола ворох бумаг и опрокидывая чернильницу. Корр резко поднялся на ноги. Лилит в одно движение извлекла хэй и очутилась возле капитана, держа лезвие у его уха. Он остался стоять недвижно, смотря на нее с высокомерным презрением.

— Бешеное животное.

— Еще какое, — Лилит резко толкнула его в грудь, и прижала к стене. — Кто твои заказчики? Где Варац?

Корр не повел и бровью. Лилит глубже вжала лезвие ему в шею, но даже когда по его коже побежала тонкая струйка крови, капитан не переменялся в лице, и ничего не сказал.

— Так хочешь, да? — Лилит не слышала собственных мыслей из-за клокочущего внутри гнева. — Ну, давай так.

Она ворвалась в его сознание одним мощным ударом топора, но даже этого оказалось недостаточно, чтобы влет сломать его волю. Послышался звон камней источника. Он сжимал уши, давил на мозг, он раскалял внутренности, от него закипала кровь, а лоб наливался невыносимой тяжестью. Корр сопротивлялся, но Лилит ввинчивалась все глубже, давила все сильнее, игнорируя боль и чувство, что ее нутро вот-вот разорвется от всепожирающего звона. Из нее вырвался дикий крик, расколовший собой звон, боль и все, что мешало ей и стояло у нее на пути. Все звуки разом стихли. Тяжело дышавшая Лилит сжимала в руке сознание Корра, беззащитное перед ее силой, перед ее пламенем, перед ее злостью и ее решимостью. Она была внутри.

Она ожидала, что на поверхности окажутся дела. Бумаги, договоры, положение, деньги. Но она ошиблась; на поверхности была его семья: жена и сын, которых Корр без памяти любил и по которым тосковал. Не позволяя себе впитать эти эмоции, чтобы они не потушили ее гнев, Лилит зарылась глубже, не в воспоминания, но в гораздо более тонкую и неуловимую материю: знания, мысли и соображения. Они стучали и бились вокруг нее сгустками воздуха, и она касалась их, отыскивая нужные.

Она и Варац раздражали Корра. Он считал ее непредсказуемой и опасной, его — нестабильным и безумным. Он презирал их обоих, и не питал к ним ни намека на симпатию. Ему не терпелось избавиться от них, потому что тогда его наконец отпустит тревожное чувство надвигающейся катастрофы, которое преследовало его с тех самых пор, как он пожал Лилит руку. Он сделал это с неохотой, с покорным повиновением перед высшей силой, собственном долге и обязательствами.

Лилит резко толкнула его в грудь. Корр безвольно упал в кресло и схватился за голову, сиюсь вернуть себе контроль над собственными мыслями. Лилит дернула на себя ящик стола, и схватила кипу бумаг. Она перебрала их быстрыми движениями, бегая по строчкам цепким взглядом. Там были документы на гидр, сертификаты об их боевой подготовке и

дрессуре, знахарские печати о здоровье... Один из последних листов был договором, подписанным рукой Корра. Лилит впилась в него глазами.

В дверь вломился Каср и еще пара матросов, привлеченных ее криком и звоном амулетов. Увидев Корра в кресле, и Лилит, стоявшую рядом, они не стали мешкать и раздумывать дважды. Каср скрутил ее, и впечатал в стену. Лилит молчала и не сопротивлялась.

Корр потряс головой и проморгался. В его взгляд вернулась осмысленность. Он коротко ответил что-то спрашивающим его матросам, поднимаясь на ноги. Он подошел к Лилит, и Каср развернул ее лицом к капитану, держа ее руки заломанными за спиной. Лилит посмотрела на Корра сверху вниз.

— Остаток пути доедете в обществе kalb, — Корр перевел взгляд на Касра, и отдал ему короткий приказ. Лилит разоружили, и потащили прочь.

— Ты хоть знаешь, на кого ты работаешь? — обратилась Лилит к Касру, пока он стаскивал ее вниз по лестнице.

— На Гильдию, анса, — коротко ответил Каср. — Зря вы так. Врагам Гильдии жизни не будет нигде.

Лилит не выдержала и истерично расхохоталась. Она заливисто смеялась, пока ее вели к помещению с рабами, не замолкала пока часовой отпирал дверь, не утихомирилась она и тогда, когда ее грубо втокнули в темный трюм, захлопнули дверь и провернули в замке ключ. Постанывая от смеха, Лилит сползла по вниз стене.

В трюме стоял жуткий смрад. Воздух был спертым и отравленным запахом нечистот и немых тел. Вонь едва позволяла дышать, резко впиваясь в нос и оседая в горле мерзким привкусом. Когда глаза Лилит немного привыкли к темноте, она различила ровные ряды тел, сложенных на полу мозаикой. Рабы тихо посапывали, погруженные в глубокий, демонический сон.

— В своем репертуаре, кирья, — донесся до Лилит знакомый голос. Она сощурилась в полумрак, и различила силуэт Вараца, который сидел в противоположной части трюма, прислонившись к стене. — Расскажешь хоть, что там было такого смешного?

Лилит медленно поднялась на ноги и прошла вдоль рабов, осторожно переступая через тела. Она дошла до Вараца и присела на корточки напротив него. Потом схватила его за мантию и притянула к себе в крепком объятии, чувствуя, как разжимаются тиски нервов, как отпускает тревога, и как по груди волной разливается облегчение.

— Я тебя убью, — тихо сказала она. — Клянусь, я тебя убью.

— Угрозы! — с вялой радостью в голосе ответил чародей, обнимая ее в ответ. — Сразу видно, что ты соскучилась.

Лилит резко отстранилась. Варац тихо рассмеялся.

— Ты вовремя, — он откинулся обратно к стене. — Меня вот-вот усыпит печатью. Она работает не сразу, как выяснилось...

Только сейчас Лилит обратила внимание, что Варац едва ворочает заплетающимся языком.

— Где она? — Лилит мягко взяла чародея за подбородок. — На меня смотри, не вздумай вырубаться!

— Дорогуша... — сонно улыбнулся Варац. — Я понятия не имею.

Он медленно моргнул, и веки его сомкнулись, а шея расслабилась. Лилит немного побила его по щекам, но безрезультатно. Она села рядом, приложив руки ко рту, и тихо

выругалась.

Она была заперта на корабле в бушующем шторме. Корабле, полном обученных бою сульянских моряков, которые считали ее своей пленницей. Рядом спал Варац, а наверху сновали Минг и Сакусэ, которые нуждались в ее защите. Чем дольше Лилит думала, тем лучше понимала, что выбора у нее нет. Человек в ней не мог справиться с этой ситуацией. Надежда была лишь на то, что справится демон.

Будь Лилит сама по себе, она, вероятно, предпочла бы ничего не делать. Выпросить у тюремщиков воду и еду, ждать прибытия и действовать по обстоятельствам. Она жутко ненавидела себя за то, что позволила кому-то зависеть от себя, а себе — опекать кого-то, пусть и столь опосредованно. Но еще она чувствовала, что ей необходимо действовать, а отчитать себя за непрофессионализм она могла и после.

Лилит заковыристо материлась сама на себя, чтобы не позволять тишине наполнить себя страхом. В ней все еще жила память об агонии от контакта с печатью, агонии которая была тем страшнее, чем сильнее отличалась от любой физической боли, с которой Лилит была хорошо знакома и которую понимала гораздо лучше. Та агония была безгранична, она стирала ее, стирала все, что делало Лилит собой, и утягивала ее в пучину беспомысленности, пустоты, не-существования. Лилит понятия не имела, чем агония была вызвана, и повторится ли она в этот раз. Но она была обязана попытаться.

— Какой же тебе пиздец, если мы это переживем... — тихо сказала она, обращаясь к спящему Варацу. Она легко коснулась его руки, и аккуратно протиснулась в его разум, совершая шаги по уже привычному для нее пространству его сознания.

Сон Вараца был тяжелым, и Лилит не стала долго отираться в его размытых сновидениях. Она принялась искать их источник, с трудом ориентируясь в густом и тяжелом фиолетовом тумане, который путал мысли и сбивал ее концентрацию. Лилит заговорила вслух, чтобы оставаться в себе.

— Золото, золото, золото, медь, крышная худая, холодный поветь, выйдет из Яри бирюк на помост, следом отправишься ты на погост... — забормотала она первое, что пришло на ум.

Пространство вокруг вопросительно заурчало, кажется, отзываясь на считалочку. Оно оживилось и задвигалось, и Лилит задышалось легче. Она повторила стишок, чувствуя, как рассредоточенный туман собирается вместе, формируется в собственное сознание внутри сознания Вараца, обращает на нее свой взгляд. И залиvisto смеется хрипловатым, звонким смехом.

— Кто-кто выйдет? Откуда? — спросил туман.

— Бирюк, — ответила Лилит, оставаясь настороже. — Из Яри.

Туман захохотал гуще.

— Ну и бред.

Лилит потянулась к сгусткам тумана.

— Демоны, вроде, не говорят на всеобщем?

— Демоны, — фыркнул туман в ответ. — Приперлась тут, записала меня сразу в демоны. Хорошо себя чувствуешь, дамочка?

— Неплохо, — кивнула Лилит. — Ты легкая.

— Еще и хамит! — возмутился туман. — Такое легко тебе устрою сейчас...

Туман угрожающе сгустился, но Лилит не ощутила никакой перемены ни в себе, ни в пространстве вокруг. Туман издал кряхтящий звук усилия, потом крякнул, и выдохнул.

— Ладно, хаами, — согласился он. — Но руки не распускай!

Лилит покорно отстранилась от него подальше.

— Дамочка, — заинтригованно хмыкнул туман. — Ну иди сюда, поболтаем.

Он повлек ее в пространство сновидения, которое на ходу обрастало детальными подробностями. Лилит оказалась окруженной дощатым полом, выцветшими картинами на стенах и старой, хорошей антикварной мебелью с заметными следами времени. Запахло гвоздикой и книжной пылью. Звуки шторма снаружи корабля стихли, и вместо них Лилит слышала пение цикад.

По своей сути сон был куда более странным и непостоянным, чем иллюзия Минг. Иллюзия стремилась повторить реальность, а сон был своей собственной, отдельной от реальности материей. Варац тоже был здесь — он сидел в кресле, запрокинув голову, и расслабленно перебирал пальцами одной руки. Лилит огляделась.

— А, кирья, — поздоровался Варац, не открывая глаз. — Добро пожаловать.

Лилит задрала голову и удивленно вскинула брови, обнаружив на потолке несколько стульев и огромный книжный шкаф.

— Потрясающий вкус, уважаемый чародей, — похвалила она.

— Всегда любил сюрреализм, — улыбнулся Варац.

— Самое безобидное, что нашла. У него сны все ужасные, — раздался голос откуда-то сбоку. Лилит повернула голову к картинам, одна из которых разговаривала голосом тумана. Из нее показались очертания большой кошачьей морды, а затем существо выползло из картины целиком. Размером оно было с горного льва, и по строению его тело напоминало кошачье. Его кожа была покрыта мелкой чешуей, передние лапы отсутствовали, замененные на два кожистых крыла, на которые существо и опиралось при ходьбе. Оно чем-то напоминало дракона, но это определенно был не дракон. Покинув картину, существо уселось на задние лапы, трижды обогнув вокруг себя свой неправдоподобно длинный и тонкий хвост, и уставилось на Лилит небольшими черными глазами.

— Альрами? — Варац слегка удивленно вскинул бровь. — Приснится же чушь...

— И этот хамит, — фыркнуло существо, и вытянуло морду к Варацу. — Сейчас полетишь на своей поехавшей кукушке сны про Пиргос смотреть, хочешь?

— Воздержусь, — чародея передернуло.

— Тогда повежливей, — существо манерно повело головой. — Меня Хутала зовут.

— Как-как? — прыснул Варац.

— А что смешного? — вклинилась Лилит.

— Nuthala с сульянского это что-то среднее между “мразь” и чем-то куда более нецензурным, — с улыбкой ответил Варац. — А сон-то все любопытнее становится.

— Он всегда такой тугой или это от влюбленности? — спросило существо у Лилит.

— Всегда, — убежденно кивнула она, и посмотрела на Вараца. — Еще слово и я тебя придушу.

— Ну, хоть это не меняется, — Варац подпер висок пальцами. — Только не на глазах вот у этого чуда. Я по натуре застенчив.

Он рассмеялся. Лилит повернула голову к существу с твердым намерением игнорировать чародея.

— Я Лилит, — представилась она. — Давай по существу, не против? Обычно я контактирую с демонами через разум вот этого озабоченного придурка в кресле. И обычно демоны не столь приветливы.

— Тебе же сказали “альрами”, дамочка, — качнуло головой существо.

Лилит со вздохом посмотрела на Вараца.

— Можно говорить, да? — спросил он через смех. — Альрами это драконовидные создания из сульянских сказок, демонические существа, как предполагают многие. Живут в песках неподалеку от небольших деревень, и едят людей.

— Едим-едим. И много спим еще, — добавила Хутала.

— Так, погоди, — Лилит помотала головой. — Раз ты демоническое существо, что ты забыла в печати?

— Скучно стало, развлечься решила, — огрызнулась Хутала. — Я почему знаю, дамочка?

Лилит прошлась по комнате, задумчиво поглядывая на потолок с книжным шкафом.

— Ты застряла в корабле, значит?

— Мгм, — протянула Хутала.

— И давно ты так?..

— Считаю, что ли? — фыркнула она с недовольством, и Лилит ощутила ее грусть и тоску, которые отдались в груди знакомой ноющей болью. — Давно.

Она повела хвостом.

— Да нормально. Я-то хоть в снах могу спрятаться, — она широко оглядела небольшую комнату. — Слежу, чтоб рабам дрянь всякая не снилась. А то жаль их.

Лилит посмотрела на Вараца.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, что это либо очень странный сон, либо не сон вовсе, — чародей закинул руки за голову. — Теория демонического дуализма предполагает, что есть материальная часть — предмет, в котором заточен демон — а есть бесплотная, то есть сам демон. Видимо, демоническая часть Хуталы покинула ее родное тело, и оказалась в печати. И если это так, то это косвенно доказывает, что демонические существа — результат слияния демонической сущности с другими осознанными формами жизни. Что поразительно само по себе.

— Чародеи, — Хутала брезгливо высунула раздвоенный язык. — Эти самые противные. Приходят, расспрашивают, поймать пытаются, еще и чертят закорючки свои когда съест их пытаешься. Бе.

— Ага. А потом мозг тебе полощат своими теориями, гипотезами и экспериментами, — Лилит скрестила руки на груди. — И как рот откроют, ничем не заткнуть.

— Мгм, — согласно протянула Хутала, и посмотрела на Вараца. — Понял, чародей? Тихо сиди, а то покажу дамочке что там тебе про нее снится.

— Шантаж! — восхитился Варац, и подался вперед. — Я заинтригован. Ты помнишь, что именно с тобой случилось?

Хутала недовольно заворчала, и заерзала на месте. Она слегка опустила крылья и повела головой на изящной шее.

— Щель, кажется. Не знаю.

Лилит протерла пальцами глаза, борясь с усталостью от ментальных чар, которые поддерживала все это время.

— Какая разница? — спросила она. — Понять бы, что делать. Ты можешь его отпустить?

— Я ничего не могу, дамочка, — повела головой Хутала. — Пока я в этой гребаной печати.

Лилит энергично провела руками по лицу. Она закрыла глаза, слушая дрожь в

собственной груди. До ее чуткого уха донеслось потрескивание пламени, по телу вибрацией пробежало воспоминание.

— Самый первый раз, — сказала она, открывая глаза и быстро подходя к Варацу. — Ты же все видел? Тогда, в лесу? Перед червоточиной?

Чародей кивнул, изгибая брови слегка озабоченно.

— Это случилось не просто так, — тихо сказала Лилит. — Что-то разбудило демоническую херь.

— Может, угроза жизни? — предположил Варац. — Или страх?

Лилит помотала головой.

— Что-то еще, — она снова отошла, и какое-то время молчала, меряя шагами комнату. Потом она остановилась, смотря в пол перед собой. — Я скажу это только один раз. Судя по всему демон знает, что делать. Поэтому мне нужно в то воспоминание.

Варац задумчиво провел пальцами по лицу, и постучал ими по подбородку.

— Думаешь, если пережить воспоминание, это разбудит его снова?

Лилит едва заметно, угрюмо кивнула.

— Человек во мне не знает, как сломать печать, освободить ее, — она кивнула на Хуталу, которая с интересом слушала их разговор. — Сейчас человек во мне бесполезен. Поэтому мне нужен не он.

— Это разумно, — согласился Варац, и улыбнулся. — И одновременно крайне глупо, опасно и безрассудно. Я восхищен.

Лилит отмахнулась от него, совершенно глухая к его словам. Она была занята тем, что обвивала собственный страх и душила его в зародыше, не давая ему разрастись. Не прощаясь, она покинула пространство сновидения и вернулась туда, где жили воспоминания. Она слышала собственное дыхание там, где не нужно было дышать, и треск внутреннего пламени вел ее по воспоминаниям почти без ее участия. Звук толкал ее к свету, желая воссоединиться с ним, желая вновь стать чем-то целым. И Лилит повиновалась, чувствуя внутри обречение приговоренного висельника.

С каждым шагом свет становился все ярче, все отчетливей. Вокруг проступила знакомая темнота леса, в нос ударил запах задора, смешанного с испугом, предвкушением и растерянностью. Лилит увидела себя, стоящую напротив огромной гидры, и ощутила принадлежавшие Варацу интерес и восхищение.

— Сука, — донесся до нее собственный голос, гулкий и нечеткий. — Клялась же себе, что не сдохну в лесу...

Послышался рев, от которого завибрировали барабанные перепонки. Лилит видела, как прыгает вокруг маленьким кузнечиком, уворачиваясь от смертоносных атак гидры. Ломались деревья и трещали ветки. Но было что-то еще. Откуда-то сбоку. Далеко, едва различимо. Кто-то прерывисто дышал. Варац не обратил на это внимания, не мог обратить: он был поглощен наблюдением за схваткой. Лилит напрягла слух и услышала тихое, прерывистое пение, которое ввинчивалось в уши и мозг, выжигая в нем раскаленным гвоздем:

— А ведьма горела, горела, горела,
Ярче, чем солнце в закат.

А люди глядели, глядели, глядели,
Как та орет, горя.

Вспыхнуло пламя, и при одном взгляде на него Лилит ощутила невыносимое давление в

груди. Тело объяла агония. В этот раз Лилит была готова, и встретила ее, стоя на обеих ногах. В этой агонии было что-то знакомое, что-то что порождало ее, питало ее, было ее причиной, ее следствием, ее неотъемлемой частью. Лилит не сразу узнала это что-то. А когда узнала, это узнавание волной пробежало по ее телу, облегчая боль и раскрывая легкие, чтобы она вновь смогла вдохнуть.

Она узнала собственную ненависть.

И эта ненависть разрасталась далеко за пределы ее тела, она удлиняла ее руки, она позволяла брать, скручивать и швырять чужие сознания, как Лилит самой было угодно. Чувствуя ее силу, ее неподконтрольность, Лилит спешно покинула сознание Вараца, опасаясь повредить его неминуемым взрывом.

Агония не покинула ее, когда она очутилась в темноте корабельного трюма. Они все так же жгли грудь, и Лилит издала натужный стон напряжения, который вырвался из ее груди эхом сотни голосов. В ушах звенело, что-то рвалось наружу из реберной клетки. Контроль над собственным телом то уходил, то снова возвращался, боль мерцала, накатывая волнами, накрывая с головой, поглощая и отпуская, вновь и вновь.

Четырнадцать лет назад ненависть повела ее по пыльной дороге. Ненависть вырастила ее, ненависть научила ее выживать. И теперь ненависть заставила ее встать на ватные ноги, и шатко пойти к выходу, борясь с болью, сживаясь с ней, вращая в нее и становясь ее частью.

Осознание происходящего пробивалось к ней смутно и туманно. Кто-то открыл дверь, и она видела перед собой чье-то лицо, жалкое и бесполезное. Просто мусор под ногами, об который брезгливо было даже спотыкаться. И она избавилась от него одним движением рук, породившим приятный для слуха хруст сломанного позвоночника.

Кто-то поддерживал ее, помогая подняться вверх по лестнице. Кто-то еще встречался ей на пути, кричал и хватался за сабли. Она убила их всех — это ничего не стоило, это было неважно, это не стоило даже упоминания. Она шла к своей цели, ведомая неугасающей ненавистью, болью и треском жадного пламени.

Ей пришлось навалиться на дверь всем телом, чтобы открыть ее против уже даже не ветра, а урагана. В лицо хлестнул ветер, а ливень вперемешку с брызгами от волн шторма вымочил ее волосы и одежду за считанные удары сердца. Лилит видела палубу в частых вспышках молний, которые выхватывали из темноты спины и лица матросов; на досках, на вантах, на мачте, повсюду вокруг нее.

Слышались крики, в свете молний сверкали лезвия сабель. Лилит схватилась рукой за крышку металлической решетки, ведущей в трюм, рванула ее на себя и исчезла внутри. Она увидела тьму, услышала яростные вопли гидр, которые бились в клетках, грызли прутья и молотили по ним хвостами. Она развернулась, чувствуя позади себя источник своей ненависти.

Варац придержал Лилит за плечи, пока ее скручивал очередной спазм. В них ее глаза зажигались белым огнем, кожа раскалялась, и он мог лишь догадываться, какую чудовищную боль ей причиняет этот огонь. Все это время она не говорила: лишь шла вперед, и остановилась лишь сейчас, достигнув трюма. Часть команды во главе с Корром ворвалась следом за ними. Стоны и крики боли Лилит звучали в ушах эхом ужасающих потусторонних воплей, и команда замерла в нерешительности, опасаясь приближаться к ней. Лилит болезненно согнулась пополам, и вскинула голову в тяжелом выдохе, прерываемым натужным смехом. Корр повел рукой, и команда рассредоточилась по трюму, обходя Лилит

и Вараца и медленно сжимая их в кольцо.

— Ты только делаешь хуже! — громко сказал Корр, перекрикивая шторм и вопли взбесившихся гидр.

— Так в этом вся суть, капитан! — с хохотом выкрикнула Лилит, изгибая спину от боли. Она посмотрела на Корра исподлобья, дыша тяжело и прерывисто. Команда неумолимо смыкала кольцо, Варац насчитал около двух десятков сульянцев, которые подходили все ближе. — Гори ярко, уебище!

Лилит вскинула голову, и заговорила на незнакомом Варацу языке. Она выкрикивала слова, ее пламя разгоралось все ярче, гидры вокруг завопили, бросаясь на решетки, и послышался звук выламываемого металла и вылетающих замков. Трюм захлестнул их рев и вопли команды, раздираемой на части взбешенными ящерицами. Варац не отходил от Лилит, сидя на полу рядом с ней и во все глаза смотря на развернувшуюся перед ним бойню. В хороводе голов, хвостов, и сабель, в хоре криков, свиста, и воплей Лилит он видел цельную, сложную симфонию, которая поражала своей гармонией и чистотой. Она была многоступенчата, глубока, и она была одной из самых прекрасных вещей, которые ему доводилось видеть в уродливом, неидеальном мире. Он соприкоснулся с красотой, и это прикосновение наполнило его тихим восторгом, экстатическим счастьем и редким чувством полной гармонии и абсолютного баланса.

Гидры разрывали команду на части, и по их телам медленно ползла постепенно расплзающаяся некромикаре. Это была длинная, наполненная страданиями и смертью ночь, в которой бушевало темное море, сверкали молнии, ломались двери, а все три палубы окроплялись алым цветом человеческой крови. К утру море успокоилось, и все шумы на корабле стихли незадолго до рассвета. Опустевший корабль, усеянный частями тел, внутренностями и почерневшими трупами гидр, стоял на якоре в открытом море. Холодное северное солнце коснулось его белых парусов, покрытых мелкими алыми брызгами.

Лилит, которая потеряла сознание еще ночью, очнулась в трюме, лишенная одежды, закутанная в покрывало. Она медленно поднялась на ноги, и закашлялась. Из ее рта вырвался едва заметный клуб черной пыли, которая мелко скрипела на зубах.

Она пошла к выходу из трюма, ступая бледными ступнями по кровавому месиву. Она наступила на чей-то размотанный кишечник, обошла несколько выпотрошенных и изуродованных тел, и поднялась на верхнюю палубу по невысокой лестнице.

В молочном утреннем тумане она различила два негромких голоса, и два силуэта: Вараца, который что-то говорил, опираясь рукой о борт, и гидры, которая кивала головами и угукала в ответ. Лилит подошла ближе, и чародей повернул голову на звук ее шагов.

— Как себя чувствуешь? — он поманил ее рукой. — Дай на тебя посмотреть.

Лилит покорно подошла к нему. Варац взял ее за подбородок, и придирчиво оглядел ее глаза, уши и лицо.

— Я в порядке, — она мягко убрала его руку, и обратила внимание на гидру. — Хутала?

— Мгм, — она синхронно качнула семью головами.

Назвать ее гидрой можно было разве что с очень большой натяжкой. Она была меньше в размерах, ее чешуя пошла синим отливом, на головах проступили костяные наросты. Ну и кожистые крылья, разумеется, тоже были на месте. Хутала сидела на задних лапах, и поджимала к груди передние — видимо, по привычке.

— Представляешь чудо? — улыбнулся Варац. — Она покинула печать и слилась с телом гидры, вообрази себе.

— Туша та еще, — Хутала поерзала на месте. — И голов многогато. Но все лучше чем корабль.

Она сощурилась на солнце, и втянула ноздрями воздух. Лилит оперлась локтями о борт, и уставилась на воду.

— Минг и Сакусэ? — спросила она.

— Живы и чувствуют себя прекрасно. Гидры вырезали только команду, — Варац украдкой поглядывал на лицо Лилит.

— Не гидры. Демоны.

Посмотрев на валявшийся неподалеку семиголовый труп, почерневший и иссушенный некромикаре, Варац задумчиво кивнул.

— Вероятно.

— Слушай, дамочка... — заговорила Хутала. — Лилит. Что ты сделала я не знаю и знать не хочу. Я тут околачивалась, чтобы сказать спасибо. А теперь, когда сказала, полечу.

— Куда?

Хутала кивнула головами в сторону едва видневшейся на горизонте береговой линии.

— Туша здоровая, но летает как положено. Плавает тоже. За день-полтора доберусь до берега, — она вытянула свое крыло и придирчиво оглядела его. — Без обид, но мне твоя кицунэ все нервы вытрепать успела. Так что завтракать не останусь.

— Долгой жизни, — попрощалась Лилит, не отрывая взгляда от воды.

Хутала недоверчиво мотнула головами, и посмотрела на Вараца. Тот коротко кивнул. Тогда бывшая альраами, а теперь уже что-то совершенно иное, развернулась и взяла короткий разбег. Она оттолкнулась от борта и тяжело взмахнула крыльями, и до Лилит донеслось несколько кричащих ругательств. Ее полет быстро выровнялся, и Хутала исчезла в тумане, постепенно набирая высоту и скорость.

— Любопытнейшее существо, — заметил Варац, щурясь ей вслед. — Тост, чтобы у нее все было хорошо.

Он задумчиво хмыкнул и развернулся, вставая плечом к плечу с Лилит.

— Рабы проснулись, когда ты разрушила печать. К счастью, еды на корабле оказалось валом, ровно как и места на гамаках.

— Как они?

— Напуганы, — вздохнул Варац. — С трудом понимают что к чему. Я их не виню — я и сам уже ничерта не понимаю.

Варац повернул голову к Лилит, и долго смотрел на нее.

— Хворь вернулась? — тихо спросил он. Лилит едва заметно кивнула после небольшой паузы. Она стянула покрывало, демонстрируя чародею почерневшее плечо. Повисло протяжное молчание.

— Мы всего в паре дней от Синепалка, — заговорил Варац. — Есть шляпка...

Лилит остановила его жестом почерневшей левой руки. Чародей замолчал, и сам отлично осознавая, что несет чушь. В тишине он ощущал бессилие — свое и Лилит, но дело было не только в этом. Чародей чувствовал в ней какую-то надломленность, безразличие, которого там не было раньше. Словно больше ее ничего не заботило. Словно она сдалась окончательно.

— Ну? — она посмотрела ему в глаза. — Стоило оно того?

Варац опустил голову, качнув корпусом.

— Не знаю, — вздохнул он. — Вероятно, нет. Когда ты поняла?

Лилит грустно усмехнулась.

— После того, как прошерстила сознание Корра и увидела, что он тебя не запирает. Дай крученку.

Варац потянулся в карман мантии.

— И все?

— Не все. Крученку дай, говорю.

Чародей извлек портсигар и протянул его Лилит.

— А что еще?

— Расскажу, как обсохнешь.

Варац недоверчиво вскинул бровь, потом его лицо исказила гримаса удивления, и почти сразу — молчаливой покорностью перед своей участью. Лилит схватила чародея за шиворот и одним резким движением отправила его за борт. Послышался короткий всплеск, и спустя пару ударов сердца он вынырнул, тяжело дыша и ругаясь, на чем свет стоит. Лилит подкурила, с улыбкой глядя на его страдания.

Варац доплыл до лестницы и взобрался по ней, дрожа и обтекая ледяной водой.

— Ладно, — выговорил он сквозь стук в зубах. — Это заслуженно.

Лилит стряхнула пепел, и развернулась к нему.

— Еще как, — кивнула она. — Я решила, что тебя скормили акулам. И пришла к Корру в полной уверенности, что это его рук дело.

Варац скинул насквозь мокрую мантию.

— А тебе, идиоту, просто не терпелось посмотреть, что я сделаю с печатью, если меня достаточно подтолкнуть, — Лилит затянулась. — Ну, ты выиграл, что я могу сказать.

— Не ощущаю вкуса победы, — буркнул чародей, губы которого стремительно синели. — Я не предполагал, что все так обернется. И это, вероятно, было не самое разумное с моей стороны решение.

— Это было твое решение, — пожала плечами Лилит. — И ты бы принял его снова, не обманывайся. Я не в обиде. Во-первых, это скучно, во-вторых, ты просто приблизил неизбежное, — она кивнула на почерневшую ладонь, в которой дымилась крученка. — В-третьих, я все равно не жилец. Смысл мне дуться.

— Мы же договаривались, что отыщем решение, — Варац шумно выдохнул. — Время еще есть.

— Я не о хвори, — Лилит щелчком отправила окурочек в море. — Пошли в каюту. А то заболеешь.

Когда Варац переоделся, Лилит отвела его к каюте Корра, дверь в которую была вынесена с петель и валялась в коридоре. По пути им встретилось несколько рабов, которые потерянно шастали по кораблю и пугливо озирались. При виде Вараца и его наколки они спешно кланялись в пояс, а чародей не жалел сил и времени, чтобы поднять их из поклона, успокоить и что-то объяснить. От его речей понимания в их глазах не прибавлялось, они кивали его словам, как болванчики, и уходили дальше, перешептываясь и цепляясь друг за друга руками.

Лилит медленно прошла в разгромленную каюту, в которую, судя по повреждениям, вломилась одержимая демоном гидра. Книжный шкаф был разбит, и пол был усеян книгами, но стол и кресла уцелели. К ним и направилась Лилит; она опустилась в кресло Корра и потянула на себя ящик стола. Варац сел напротив, и с любопытством подался вперед. Перебрав кипу бумаг, Лилит достала нужную, и протянула ее чародею. Варац принял лист и

забегал взглядом по строчкам.

Он держал в руках договор. С одной стороны на нем была выцветшая чернильная печать Сульянской Купеческой Гильдии, и подпись: ансан Корр, бессменный глава. с другой — символ с пламенем и спиральнозакрученными рогами, и подпись размашистым, угловатым почерком: Родерик. Без фамильного дома, титулов и регалий.

Варац поднял глаза на Лилит. Та кивнула на лист, прося чародея прочесть содержимое договора. Он опустил глаза в текст.

“Данный документ заключает соглашение между Сульянской Купеческой Гильдией и Домом Валор, и оговаривает контракт на регулярные поставки, сроком раз в два сезона, по договоренности сторон. Содержимое каждой отдельной поставки: сто рабов, мужчин и женщин, возрастом от семнадцати до двадцати пяти, осмотренных знахарем, без хронических заболеваний и врожденных дефектов, с подтверждающими то документами. Стоимость каждой отдельной поставки: двести тысяч серебряных чеканок, переданных в руки главе гильдии или его представителю при получении поставки”, — прочел чародей.

Лилит потерла пальцами почерневшей руки, задумчиво смотря на то, как с с них крошится черная пыль.

— Я теперь хорошо понимаю твое нежелание бегать от смерти, — сказала она, отряхивая колени. Она кашлянула, и сплюнула на пол сгусток черной слизи.

Варац вернул пергамент на стол, и слегка сполз на кресле вниз.

— Это серьезно, кирья, — сказал он. — Нам, вероятно, стоит вдохновиться примером Хуталы, и мотать отсюда на всех порах.

Лилит посмотрела на него с усталой насмешкой, и откинула голову на кресло.

— Дарири спела песню, которая разбудила демона, открыла червоточину, и заразила меня некромикаре, — она закрыла глаза. — Может, я бы и сбежала, если бы хотела. Но не хочу.

— Сейчас? — вскинул бровь Варац. — Ты решила сдать сейчас?

Лилит ничего не ответила. Чародей шумно выдохнул, и задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Я понимаю, — сказал он. — На каком-то уровне.

— Я устала, Варац. Я уже давно ничего не контролирую. Я провела последний сезон в принесении жертв, — она пошевелила металлическими пальцами. — И хочу хотя бы знать, чего ради. Пусть приходят. Они, или береговая стража — мне без разницы. Меня устроит любой исход.

Варац неторопливо закурил, и подвинул портсигар Лилит.

— Что ж, — он повел в воздухе рукой с дымящейся крученкой. — Тогда нам стоит сообразить развлечение, пока ждем. Костей на корабле мы не найдем, зато книг здесь валом. Хочешь, почитаю тебе какую-нибудь чушь? Держу пари, Корр из тех, кто любит сульянскую поэзию...

— Я не знаю сульянского, — вяло рассмеялась Лилит.

— И хорошо, потому что она звучит куда лучше, если не знать, о чем она, — Варац оглянулся на пол, усеянный книгами.

— Идет, — кивнула Лилит.

Перебрав несколько томов, чародей нашел остановил свой выбор на небольшой, довольно толстой книге в темно-коричневом переплете. Он уселся на кресло, раскрыл том на первой странице, и начал читать, спокойно и размеренно. Лилит же закрыла глаза,

слушала приятный на слух сульянский язык, и сама не заметила, как погрузилась в темный, спокойный сон.

Дарири медленно открыла глаза и обвела взглядом красный балдахин, раскинутый над ее лежбищем. Зевая, чародейка села в постели, приминая руками растрепанные рыжие кудри. В дверь тихонько постучали. Она накинула халат.

— Войдите.

В дверь проснулась голова одного из слуг.

— К Родерику, киринья, — сказал он коротко и бесстрастно, после чего исчез, мягко закрыв за собой дверь.

Дарири торопливо поднялась. Вызов в такую рань не мог означать ничего хорошего. Она покинула свою комнату и заспешила к кабинету Родерика, шаркая туфлями по ковру.

— Долгой жизни, мэтро, — поздоровалась она с зевающим Варгулом, который уже ждал ее у кабинета.

— Что стряслось так рано с утра?

— Сейчас узнаем.

— Как волнительно! — воскликнул мэтро, открывая дверь.

Родерик выглядел обеспокоенным и задумчивым. Он поднял глаза на гостей и торопливо поманил их внутрь.

— Мэтро, Дарири, — он поприветствовал их скупым кивком. — Тревожные известия.

— Насколько тревожные? — Варгул решительным шагом прошел к столу и опустился в одно из кресел. Дарири последовала его примеру.

— В двух днях пути от Синепалка на якоре стоит корабль, — отвечал Родерик. Он звучал спокойно, но Дарири видела, как по его лицу блуждало волнение. — Корабль Гильдии. Люди Лииды утверждают, что на палубе кровь и трупы, людей и гидр...

Дарири встрепенулась.

— Лилит шла с Корром? С рабами?! С гидрами?! Родерик!

— Киринья, что вы так волнуетесь! — почти возмущенно сказал мэтро. — Уверен, Родерик действовал в наших общих интересах.

— Или я не говорила вам, при каких ужасающих обстоятельствах мне пришлось телепортироваться оттуда! — Дарири вскочила со стула и нервно зашагала. — Неудивительно, что этим все кончилось!

— Вы считаете, дело в гидрах?

— Нет! — Дарири заломала руку. — Или да...

— Дарири, при всем уважении, — мягко, но твердо сказал Родерик. — Дело явно не в этом. Прошу, присядь.

Дарири закивала, успокаиваясь.

— Да, конечно. Ты прав. Извини. Просто я... Лилит...

— Она жива. За этим я вас и позвал. Мне нужно, чтобы вы снарядили отряд и выслали корабль. Сегодня. Как можно раньше. Пока церковная стража нас не опередила.

— Я закрою порт, — Варгул торопливо поднялся с места, оглаживая халат. — Скажу что эпидемия грибной чахотки. Карантин. Никто не входит и не выходит.

— Прекрасная идея, мэтро, — склонил голову Родерик. — Выдайте Дарири команду. От Черной бухты на веслах всего пара дней ходу.

— Безусловно! Немедленно! — Варгул засуетился. — Будите телепортаторов!

Он спешно покинул кабинет, а Дарири так и осталась стоять на месте, поглядывая на Родерика в нерешительности.

— Думаешь, она в порядке?

— Скоро узнаем, — мягко ответил Родерик. — Сосредоточься на работе, Дарири. Помедитируй, если это поможет. Сейчас ты нужна мне в своем уме.

— Да, конечно, — Дарири медленно вдохнула и выдохнула. — Я себе. Просто волнуюсь.

— Прекрасно, — Родерик нацепил на нос пенсне. — Лиида уже собралась. Постарайся не задерживать группу, хорошо?

Дарири кивнула, и покинула его кабинет. Она быстрым шагом пошла к своей комнате, чувствуя, как быстро и взволнованно бьется ее сердце.

Больше книг на сайте - Knigoed.net